Подвижники благочестия XX века

Схиархимандрит Зосима (Сокур)

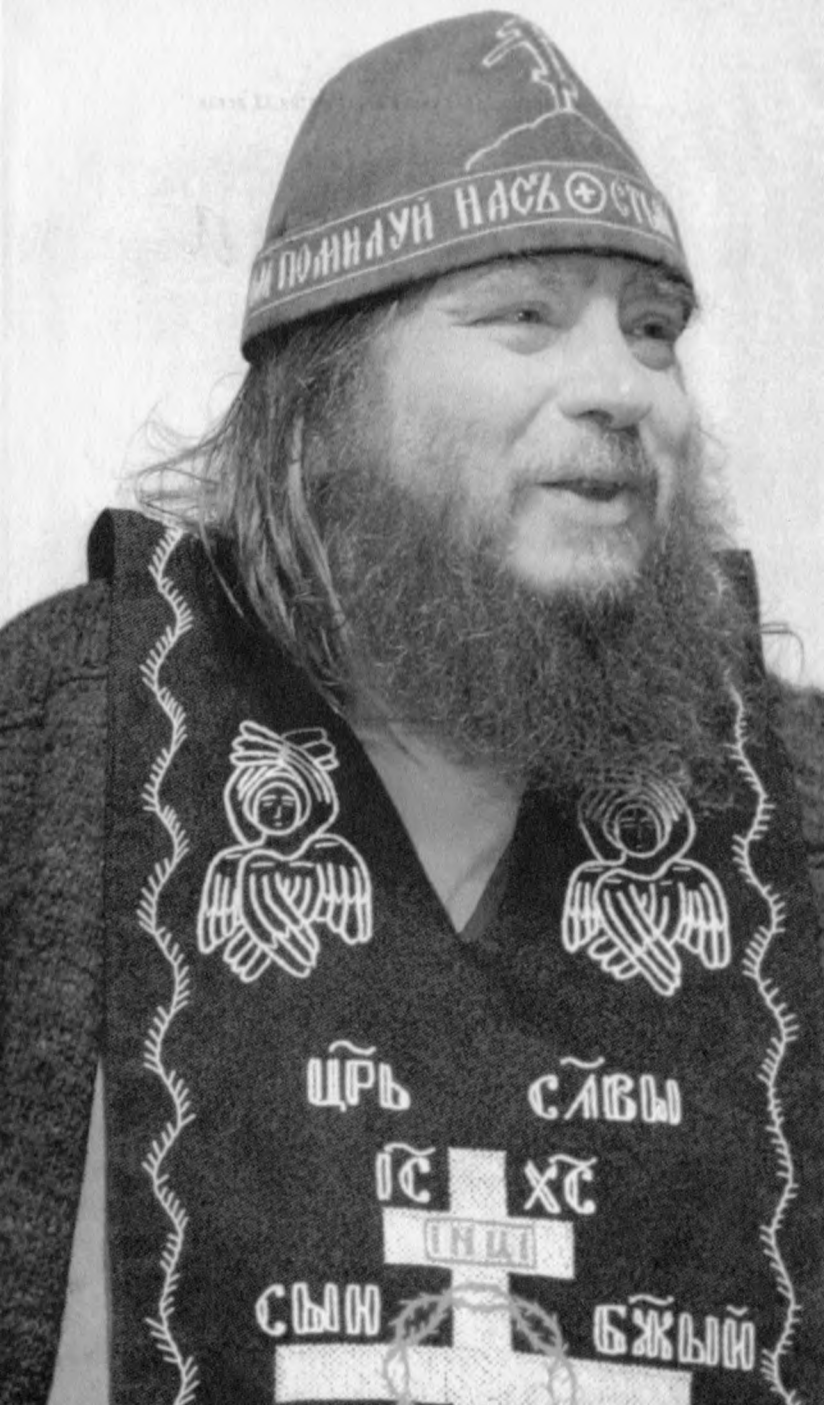
О чем душа скорбит

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Московский
Сретенский
монастырь
2013

Воинами будьте, но не рабами греха
и страстей...

Схиархимандрит
Зосима (Сокур)


ЦРЬ СЛВЫ
ІС ХС
СЫЮ БЖЫЙ

О чем душа скорбит

СХИАРХИМАНДРИТ

ЗОСИМА (СОКУР)

Жизнеописание, пастырские труды, воспоминания духовных чад

Иеромонах Тихон (Васильев), иеромонах Зосима (Мельник), схимонахиня Евфросиния (Бондаренко)

Москва, 2013

2-е издание

УДК 271.22(470+571)-475.5+9293осима
ББК 86.372
3-87

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 12-207-0584

3-87 О чем душа скорбит : Жизнеописание, пастырские труды, воспоминания духовных чад схиархимандрита Зосимы (Сокура) / Авт.-сост. иеромонах Тихон (Васильев), иеромонах Зосима (Мельник), схимонахиня Евфросиния (Бондаренко). — 2-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 672 с. : ил., [16] с. цв. ил. — (Серия «Подвижники благочестия XX века»).

ISBN 978-5-7533-0834-4

Реалии современности ставят перед верующими много вопросов. И Господь воздвигает пастырей, которые, как маяки, указывают правильный путь в духовной жизни. Одним из таких пастырей явился замечательный человек, уникальное явление в церковной жизни конца XX – начала XXI века — схиархирмандрит Зосима (Сокур; 1944–2002). Данный сборник материалов о нем приурочен к десятой годовщине его кончины.

УДК 271.22(470+571)-475.5+9293осима
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0834-4

© Сретенский монастырь, 2012

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СХИАРХИМАНДРИТА ЗОСИМЫ

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

3 сентября 1944 года в тюремной больнице появился на свет Божий человек. Это был худенький, очень болезненный мальчик. После всего того, что пришлось испытать его матери перед самым его рождением, никто почти не надеялся, что он выживет. И уж конечно, никто не предполагал, что он будет великим подвижником веры Христовой, духовником и старцем, основателем храмов и монастырей. Мальчика назвали простым русским именем — Иван.

О его родителях нам известно не очень много. Вот что говорил о них сам батюшка: «... Мать моя была глубоко верующей простой крестьянкой из Винницкой губернии, отец был из донских казаков... Господь сподобил меня воспитываться в сиротском детстве без отца. И в благочестивой семье».

О его отце, которого звали Алексей, мы можем добавить лишь то, что он погиб на Западной Украине во время войны. Память убиенного воина Алексия батюшка Зосима всегда особо чтил, совершая торжественную службу в день его Ангела — Алексия, человека Божия.

Мать же его, Мария Ивановна Сокур, родилась в 1904 году в большой крестьянской семье. Дед батюшки Иван Игнатович Сокур был человеком трудолюбивым и очень набожным. Он был высокого роста, сутуловатый, имел светлые курчавые волосы и голубые глаза. Летом он занимался крестьянским трудом, а зимой изготовлял сапоги и шил кожухи. Чтобы прокормить большую семью, приходилось много трудиться. А детей в семье Сокур было семь человек. Старшего сына звали Григорий, потом

родились Александра, Ирина, Мария (мать батюшки Зосимы), Иван, Василий и Ольга. В доме было много икон, а перед трапезой всегда читали молитву «Отче наш». И сам дед Иван очень любил петь молитвы, знал много колядок, разных церковных песнопений, которые любил напевать, когда чинил сапоги. Умер он в 1915 году.

Конец 1920-х, 1930-е годы — голодные, страшные для крестьян годы раскулачивания и коллективизации, годы уничтожения русского крестьянства. Старший сын в семье, Григорий, женившись, уехал с голодной Украины в Россию. В 1929 году Александра тоже покинула Винницу и поселилась в промышленном Донбассе, где в те годы нужны были рабочие руки и с продовольствием было гораздо лучше. Позже к ней приехала и Мария. Так две сестры Сокур оказались в Авдеевке, небольшом городке Донецкого края.

По неисповедимому Промыслу Божию именно в Авдеевке в это же время нашли приют некоторые насельницы закрытого большевиками в Петрограде Иоанновского монастыря — чада святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Это были три матушки высокой духовной жизни — монахини Паисия, Августа и София. Храня в сердце образ своего великого кронштадтского наставника, матушки прошли сквозь горнило безбожных гонений: претерпели преследования, аресты, лагеря и ссылки.

В марте 1940 года Мария Ивановна Сокур была арестована и помещена в Винницкую городскую тюрьму[1]. По приговору Уголовной коллегии Винницкого областного суда от 30 июля 1940 года

[1] Дело № 28125 пф, хранится в архиве СБУ Винницкой области.

Мария Ивановна Сокур. 1940 г.

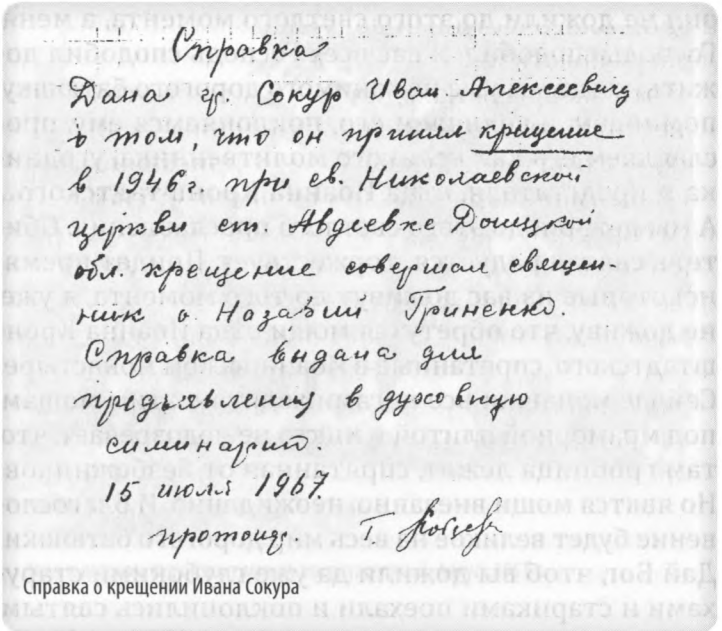
Мария Ивановна была осуждена по ст. 54–10, ч. 2, 54–11 Уголовного кодекса УССР на 5 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере в отдаленных местах СССР, с конфискацией имущества и, в соответствии со ст. 29 пп. «а, б, в» — поражением в правах на два года. Ее обвинили в участии в контрреволюционной монархической организации — «Истинно Православной Церкви» и в антисоветской деятельности. После пребывания в Винницкой тюрьме Марию отправили в ссылку в далекий Верхотурский край. Обстоятельства встречи Марии и Алексея, родителей будущего старца, нам неизвестны. Однако именно там, в глухом поселке Касалманка, в тюремной больнице и родился в сентябре 1944 года Ваня Сокур. Родился он очень болезненным, так что решили сразу же и окрестить его мирским чином. Крестила бабка, которая принимала роды. Мальчик выжил, и потом его окрестили еще раз. Но крестил опять не священник,

а один благочестивый дедушка: мол, не бабье это дело — крестить.

В это же время находился в ссылке в этих краях известный старец, ныне прославленный в лике святых, — схиигумен Кукша. К нему приехали и жители Касалманки, рассказали о родившемся мальчике и спросили совета, с каким именем его крестить. «Иоанном назовите — благодать Божия будет», — ответил преподобный старец.

Наконец, третий раз, уже полным чином Ваня был крещен в 2 года, когда Марии разрешили вернуться из ссылки в Авдеевку. Крестной матерью Вани была Анна Васильевна Колосова, в постриге монахиня Елевферия. Родилась она в 1930 году в Авдеевке. Всю жизнь прожила в Авдеевке при храме. Была псаломщицей при протоиерее Димитрии Пескове, духовном отце Ивана. Службу знала отлично, хотя и была неграмотной. Отец Димитрий говорил, что она была «псаломщицей незаменимой». Пенсии не получала и даже от жалования как псаломщицы отказалась. Замуж никогда не выходила, была девственницей. Всегда строго соблюдала посты. Псалтирь из рук не выпускала, молилась в основном за усопших. В 1994 году ее немощной старицей привезли в Никольское, где она и приняла постриг в монашество с именем Елевферия. Пока были силы, ходила в храм. Ходила очень медленно с палочкой, а последние 2 года лежала.

Хотя и в голодные и холодные годы, но в очень благочестивой молитвенной атмосфере прошло детство Ванюши, как его ласково называли тогда близкие. А жили они тогда втроем: Мария Ивановна с Ваней и ее сестра, Ванина тетя — монахиня Антонина. Через общение с ней и другими близкими чадами отца Иоанна Кронштадтского батюшка



Справка

Дана гр. Сокур Иван Алексеевич в том, что он принял крещение в 1946 г. при св. Николаевской церкви ст. Авдеевке Донецкой обл. крещение совершил священник о. Назарий Гриненко. Справка выдана для предъявления в духовную семинарию.

15 июля 1967.

протоиер. Т. Гриненко

Справка о крещении Ивана Сокура

Зосима воспринял духовное наследие всероссийского чудотворца и молитвенника. Сам он так говорил об этом: «Особенно на меня большое влияние оказала покойная тетя, монашка Антонина, близкая очень к Иоаннову монастырю и к дорогому батюшке, отцу Иоанну Кронштадтскому, которая неоднократно видела его при жизни, причащалась у него, исповедовалась, брала благословение у него и свято чтила дорогого батюшку, отца Иоанна Кронштадтского как великого святого. И все матушки жили верой, что неминуемо придет время всемирного прославления отца Иоанна Кронштадтского. Говорили: «Мы не доживем до этого, а ты должен дожить и петь величание отцу Иоанну Кронштадтскому». Такие были разговоры у нас в семье. Действительно,

они не дожили до этого светлого момента, а меня Господь сподобил, и вас всех Господь сподобил дожить, когда мы уже не гонимого дорогого батюшку поминаем, а величаем его, поклоняемся ему, прославляем его как великого молитвенника, угодника и предстателя, отца Иоанна Кронштадтского... А мы дожили до этого светлого прославления. Обитель святая радуется, торжествует. Придет время, некоторые из вас доживут до того момента, я уже не доживу, что обретутся мощи отца Иоанна Кронштадтского, спрятанные в Иоанновском монастыре. Сейчас монашки все ногами ходят по этим мощам под мраморной плитой и никто не подозревает, что там гробница лежит, спрятанная от безбожников. Но явятся мощи внезапно, неожиданно. И благословение будет великое на весь мир дорогого батюшки. Дай Бог, чтоб вы дожили да уже глубокими старухами и стариками поехали и поклонились святым мощам, нетленным совершенно, отца Иоанна Кронштадтского».

О своем детстве отец Зосима рассказывал следующее: «С детства меня приучали к храму Божию. Часто вспоминаю, вначале маменька покойная носила меня на руках маленького, беспомощного. Потом меня в детский садик определили, как сироту. В садике разные сироты были тогда от войны, воспитывались там. Приезжали ко мне как-то на встречу в Никольское и генералы уже, и врачи, и профессора, — вместе росли мы в садике... И воспитателей всех позабывали, а тетю Нюру никто не забыл. А за что ее, простую уборщицу, помним? Она научила нас всех тайно Богу молиться. "Отче наш" научила. Заведет за угол всех по одному... Тогда же гонения какие были от коммуняк этих, сатанистов: лоб перекрести — сразу в тюрьму посадят! Так за угол

Иван в детском саду (стоит между воспитателями). Август 1951 г.

заведет: "Давайте, детки, Бозеньке молиться... Вот так креститься: три пальчика вместе, два пригинать, пошли *Отче наш*, *Богородице Дево*... И она нас всех научила Богу молиться. И мы ей благодарны, все ее поминаем. Я ее каждый день поминаю: "И рабу Божию Анну, или тетю Нюру мою, — научила меня *Отче наш*... читать". Все до единого мы до сих пор помним ее. Взрослые уже дядьки и тетки стали, старики, старухи стали, а тетю Нюру никто не забыл. Всех позабывали, заведующих и поваров как звать, а только ее не забыли. Вот что значит светлому, доброму научить в детстве...

Меня с детства покойная маменька учила бережно относиться к хлебу, бережно относиться к пище. И вот эта бережливость моя осталась с самого детства босоногого даже до сего дня. Чтоб корочка хлеба после меня где-нибудь осталась на столе?! Боже

мой, это — преступление! Маменька всегда покойная кушала хлеб: останутся крошечки хлеба — сметет, скушает. И меня учила, чтоб посуда всегда была чистая: хлебушком вымазать ее, и чистота была бы. Вот так с детства приучили меня, и на всю жизнь осталось. Некоторые говорят: "Ой, какой он жадный, и не оставляет ничего в миске!" А чего же оставлять? Вот моя миска, монашеская и схимническая...

Крестьянская, простая семья у нас была. Свои огороды были, и в поле брали огороды. Помню, копаем огород, картошку убираем. Первое ведерко накопали: "Отнеси батюшке ведерко в церковь, нашего труда картошечки". Второе ведерко накопали: "Там матушки у нас больные, уже старенькие, беспомощные — отнеси". А я в торбу возьму, ведро ж тяжелое для меня. Еле тащу, аж глаза выпирают у меня из орбит! Понес к батюшке, благословение беру: "Маменька Вам прислала картошечки с огорода нашего, сами вырастили". "Спаси, Господи, маменьку твою, буду молиться за вас всех", — батюшка благословит. Матушкам понесу, матушки меня чаем угостят. Матушка София, покойница, была знаменитая чаевница, никто лучше нее чая не заваривал. Скорей чай заварит, пьем чай, за картошку поблагодарит, встанет, помолится в святом углу за всех. Такая добрая была! Там уже третье ведро накопали. "Там же Харитиночка бедная, скрученная, болящая лежит уже двадцать лет неподвижно, понеси им, чтоб было кушать чего". Так меня и приучали к делам милосердия с детства. Вот это и десятая доля наша от убогой хаты нашей... Помню, мама с тетей копают картошку и "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий..." читают или поют тихонько: "Богородице Дево, радуйся...", "Хвалите имя Господне...", — все с молитвой творилось.

А меня самое "чистое" дело делать заставляли, когда огород копали: ведерко мне, из туалета... Они копают, а я под лопату — раскладываю, чтобы удобрение было для огорода. И не брезговал... Вот так было в детстве моем.

У нас было очень много книг, и я уже в семь лет умел читать свободно на славянском языке. Уже я читал в церкви Апостол в семь лет, хоть и еле тащил эту книгу. У нас была очень старинная в церкви книга, в деревянных корках таких огромных, что я еле ее тащил.

Первый раз общественное мое служение было в семь лет — читал я у покойника Псалтирь. Умер дед Захарий по соседству. Обычай всегда — чтоб Псалтирь читали у покойника. Кинулись бабы: кто читалки — всех разобрали, никого нет. Кто ж будет читать? Бегали, бегали. Вспомнили: Ваня умеет у нас читать. Давай, Ваню позвали читать. Семь лет. Шкетик такой маленький. Одеваться мне не во что было. Мать покойная из своей старой юбки пошьет мне штаны. И это только лишь в церковь ходить, а больше никуда. Ну, ладно, завернули мне Псалтирь — у нас большая книжка была — в белую холстину. Одели мне тапочки, из тряпочек сшитые. После войны не было кожи и резины. Одели эти штаны из юбки, и я пошел читать. Пришел — покойник лежит во гробе, дед Захария. Достать от пола я не могу никак. Тогда поставили мне скамеечку. И я начал "Блажени непорочнии..." — читать семнадцатую кафизму. Прочитал, бабам всем понравилось. Все стали плакать. "Ой, а Ванечка читать уже как научился. Ой, мы ж будем слушать, Богу молиться сидеть". Охали, вздыхали — я читал. И мне тогда дали — заработал я — 100 рублей. Была сталинская большая бумажка такая. Ленин и Сталин были нарисованы

с двух сторон. Боже мой, я как эту бумажку принес, а у нас в доме никогда таких денег не было — то мы и не знали с матерью, куда их деть, эти деньги. Вот такая была ситуация жизненная у нас. Это был мой первый заработок — поповский уже, молитвенный. Вымолил я его Псалтирью своей. Потом в церкви все время я читал, на клиросе. Не так, как сейчас боятся этого клироса, как бесноватые: "Ой, тяжело, ой уморились, ой голос сорву!" Наоборот! Вот почему у меня и голос крепкий, невзирая на тяжкие мои болезни, что с детства постоянно он в действии, даже до сего дня. Все время в действии, не умолкает, к сожалению, конечно. И служить, и читать, и петь... Когда поступил в семинарию, у меня самый звонкий голос был. Говорю на четвертом этаже, на первом все слышно было, что я говорю. "Это Иван разговаривает с кем-то там".

Все время в церкви находился я на клиросе: пел, читал с матушками вместе. Псальмы очень любил петь. Особенно про дорогого батюшку, отца Иоанна Кронштадтского мы любили петь псальмы. Любили из сборника стихотворений духовные стихи петь. Все время в таком душеполезном чтении.

С детства я как-то очень любил книги. Меня заставляли, правда, в детстве читать. У нас было очень много книг. Часть чекисты у нас забрали, а часть остались попрятанные. И вот эти все знания мои, жития святых и устав — все это идет с детства. Сейчас голова дурная, пустая — в одно ухо влетает, в другое вылетает, а тут — мякина, пустота... Знания — с детства. Всегда иду — как фотография, все запоминаю. Еще меня заставляли коз пасти и книжку читать, особенно Жития святых. Заставляют меня прочитать: "Столько-то прочитаешь". Придут еще и спросят: "Ну, что ты, Ванюша, читал,

сынок?" А я, хоть бы и не читал, но надо ж читать, сказать же, что я читал. Поневоле — сажусь и читаю. А детишки бегают, в латки играют, в жмурки играют. Так охота побегать с ними, а тут надо читать, рассказать еще ж надо. Вот так знания мои ковались.

Так что всегда люблю, когда дети всему учатся. Детская память — святая. На всю жизнь запоминает, ибо она чистая еще, девственная, эта память. И меня заставляли читать, мало — читать. Пересказать еще, что я читал. И так постепенно знания все — и жития святых, и исторические знания накапливались в моей жизни, в моей голове. Они сохранились даже до сего дня. Я никогда не обдумываю, что я буду вам говорить, какую проповедь, о чем буду говорить... То, что у меня на сердце, то, что у меня на душе, то и на устах моих во славу Божию. Вот почему дорого в юности все запоминать, все читать. На всю жизнь оно остается тогда в памяти человеческой. И дай Господи, чтоб вы хоть немножко упражнялись, чтоб не пересказывали просто так прочитанное слово в слово из книжки, а именно доброе слово говорили... Чтоб народ понимал и с любовью впитывал эти слова. А не какие-то отвлеченные фразы там говорить про любовь, про надежду, про мир. Это все пустота получается...»

В 1952 году Мария Ивановна первый раз повезла восьмилетнего Ваню к себе на родину. Семья родного брата встретила их с большой радостью. Всем понравился высокий, худенький мальчик со светлыми вьющимися волосами.

«Ванечка, кушай сметанку с хлебушком», — просит дядя. «Я не могу ее кушать, потому что сегодня постный день, — отвечает мальчик заботливому дяде. — Я никогда не нарушаю постные дни».

В гостях Ваня подружился со своим двоюродным братом, который был на год младше его. Пошли играть с другими мальчиками. Поиграв немного со сверстниками, Ваня спрашивает братика: «Где здесь церковь, я так хочу пойти на службу в храм».

В это время в небольшом городке еще сохранились три храма, которые были открыты во время войны. Один из храмов очень понравился Ване, и он любил ходить на богослужение в этот храм во время своих редких поездок в гости к дяде. Когда до него дошла печальная весть, что храм взорван богоборцами, он очень скорбел.

«Всегда основная радость жизни моей была церковь. Помню, появились тогда первые телевизоры уже. Покойная маменька и крестная матушка Елевферия говорят: "Боже, дытынко, в каждой хате бес рогатый сядет, повыкидают иконы все, в святом углу поставят беса, и будут все кланяться, слушать его и подчиняться этому бесу". Я думаю: "Ну, как это могут беса там посадить?" А первый раз у нас председатель колхоза привез телевизор. Помню как сейчас, идет, на горбу этот ящик здоровенный, а сзади была еще дуля какая-то прилеплена к нему. Экран маленький такой был. Ну и позвали меня образовывать. Мол, я заблудший — Богу молюсь. "Ты ж посмотри, до чего мы дошли, кино уже в хате показывают". Боже! Я как посмотрел: бегают, прыгают, скачут там. Они вышли, а я скорее за телевизор: где ж они там находятся, эти артисты. А там дуля какая-то. Глянул, ничего мне интересно не стало. Больше не ходил. Маменьке сказал: "Я ж телевизор смотрел". "Боже! Сынку, ты бесу пошел, поклонился. Иди, покайся батюшке, и больше никогда в жизни в доме чтоб в твоем беса этого не было". Слава Богу, с чистой совестью — близкие люди знают — исполнил я завет матери:

ни разу в доме моем не было этого беса. Сколько я прожил, ни разу не включал этот телевизор, даже не знаю, какую кнопку там нажимать...

Как я плакал, не хотел идти в школу! Какая трагедия была в той школе, как там скучно было сидеть, особенно на уроках чистописания. Как учительница нас учила палочки писать, линии — одна толще, одна тоньше, крючочки, нолики, крестики. Сейчас-то они, наверное, этого уже ничего не пишут. В общем, в "веселое" время школы надо мной издевались очень сильно. За то, что я в церковь ходил. Перевоспитывали директора, перевоспитывали школяры. Поручали им: "Вы там того попа отлупите, чтоб он забыл дорогу в церковь". А у меня чего-то так было — чем больше меня обижали, тем я, назло им, иду, крещусь, молюсь. Ух, не берет ваша! Вот так беса побеждать надо! А вы боитесь: "Крест надеть боюсь, перекреститься боюсь, смеяться будут". Иди, и все».

Один раз на уроке мальчишка, сидящий за Ваней, нарисовал ему на спине мелом крест и говорит: «Батюшка, благослови». Ваня поворачивается, перекрестил шалуна и говорит: «Бог благословит!»

В послевоенное время все дети играли «в войну», а один только маленький Ваня делал себе детскими ручонками одеяние, которое напоминало одежду священников, надевал его, брал в руки кадильницу, сделанную из консервной баночки, и изображал священника.

С детства он любил животных. У него некоторое время был маленький воробышек, которого он спас от кошки. Когда воробышек умер, Ваня его хоронил, одевшись в изготовленные им самим священнические одежды, обходя его могилку с самодельной кадильницей. Уже в детские годы он любил долго молиться перед иконами, которые были в их бедном доме.

Семья жила очень бедно. В те трудные послевоенные годы всему народу было трудно, особенно семьям, в которых не было кормильца. Помощницами в пропитании семьи были козы. Семья нежно заботилась о них, а они кормили молоком всех троих.

С какой теплотой и благодарностью вспоминал батюшка козочек своего детства: «Козочки мои, козочки, кормилицы наши», — не раз произносил он с чувством сердечной благодарности.

Когда настало время учебы в школе, он из-за болезни не раз пропускал занятия. Иногда вместо школы шел на службу в храм. Все прихожане знали тихого, любящего службы мальчика Ваню. После уроков, когда в храме начиналась вечерняя служба, он с полотняной сумочкой в руках бежал в храм. Поставит сумочку в сторонке и возносит Богу свои чистые детские молитвы.

Одна бабушка, зная, что мальчик после занятий еще не кушал, дает ему пирожок и говорит: «На, Ванечка, скушай! Когда будешь батюшкой, помянешь меня».

Батюшка Зосима на всех своих службах поминал ее и не забывал ее доброе отношение к себе. В те голодные годы пирожок был большой ценностью.

Мама батюшки, Мария Ивановна, работала уборщицей в школе. Работа была очень тяжелая. Традиционные школьные парты тех времен были тяжелые, чтобы убрать класс, нужно было перевернуть в каждом из них двадцать с лишним тяжелых парт, а затем поставить их на прежнее место. Ваня очень любил свою маму и часто приходил помогать ей по уборке школьных классов.

Екатерина Дмитриевна Георгиева рассказывает: «Маленький Ваня ходил в садик и бегал в Свято-Ни-

Иван – ученик 3 класса (стоит в верхнем ряду справа). 1954 г.

колаевский храм, где его и крестили. Садик находится рядом с храмом, в 20 метрах. Сейчас там живут люди. Детей в группах было по 40 и более человек. Воспитатели засмотрелись, а Ваня сделал из консервной банки кадило и размахивал им.

После закрытия на вокзале церкви храм за пекарней был открыт. Жил Ванечка с мамой и тетей в хатке, которую им какая-то бабушка отписала, которую они досматривали. Хатка возле храма находилась. В школе заметили, что он часто посещает храм, стыдили его, смеялись. Позорили при детях. Он приходил к нам домой, рассказывал, как тяжело ему в школе. Однажды сделали в школе стенд и от его имени написали: „Отказываюсь от религии и т. д.". Он все сорвал и потоптал. Говорит: „Ничего я не писал".

На педсовете разбирали его все учителя, а его классная учительница начала стыдить при всех. Она неоднократно его выслеживала, куда он пошел

и откуда пришел. Ваня рассказывал: «Я не выдержал, нервы были на пределе, и говорю ей: "Сейчас возьму чернильницу и в тебя запущу, тогда веди меня к невропатологу. Вы все нервы мне расстроили"».

Школьные годы, для многих веселые, для верующего мальчика оказались годами недетских испытаний и настоящего исповедничества.

«Батюшке, покойному отцу Алексию, приказали не пускать в церковь меня: "Иначе, лишим тебя регистрации уполномоченного". Батюшка сказал: "Не ходи, иначе закроют церковь из-за тебя, ты один-единственный из всех детей, из всего села ходишь. И беда будет. Ни церкви, ни меня не будет". Ну, как быть? Так я за два часа до начала вечерни иду, чтоб меня еще никто не видел, десять переулков вокруг обойду, с огородов зайду в церковь, под лестницей в пономарке спрячусь, жду, когда ж кадило зажечь. Для меня самое было интересное зажечь кадило и подать батюшке. А сам еще малый был. Преждеосвященная, некому было пономарить. Батюшка говорит: "Будешь сегодня пономарем у меня". Я со свечкой иду в руке, он же со Святыми Дарами. Свечку несу, звонки и кадило. Старинный звонок, пять звонков было вместе — как зазвонят на всю церковь! Падают бабы сразу все на коленки... Как зацепился я, малый, за ковер в алтаре, как грохнулся посреди ковра: свечка под престол, звонки, как звонили, под жертвенник, кадило мое под стол закатилось. Боже мой! Бабы все то попадали на колени, то повскакивали. А батюшка держит дискос: "Что ж ты наделал? Службу Божию перепортил мне". Пока пособирали кадило, звонки. Они звонят, — бабы то падают, то встают. В общем, была веселая литургия у меня Преждеосвященных Даров. Вот так я воцерковлялся...

Очень любил звонить всегда во все колокола на колокольне. Тогда я быстрый был, сразу взлечу туда. А запрещали звонить тогда коммуняки — чуть-чуть бомкнуть, чтоб звука не было. А я им назло! И старый был у нас звонарь еще: "Звони, Ванюша, тем коммунистам, жару им поддавай под одно место! Погромче!" Я и полчаса. Бедный батюшка перепуганный: "Что ты калатаешь? Да завтра ж церковь нам закроют коммуняки! Ой, Боже мой!" Самое любимое было звонить в колокола у меня. Сейчас бы позвонить, залезть. Только слушаю, сижу, уже не поднимусь я туда. Отзвонил свое. Дай Бог, молодежь чтоб училась. Каждый монах и монашка должны уметь звонить... Да, это красота колокольного звона.

Что я еще любил? Кутью есть. Когда панихиду отслужат, уже наемся сладкой этой кутьи-каши от души. Это самое любимое было занятие мое — поминать: "Царство Небесное" и быстрее по пять ложек кутьи есть. Так что кутью всегда ешьте — она очень вкусная. И благословленная, главное, пища святая, поминальная.

Что еще любил делать? Богу молиться. Постепенно, постепенно воцерковлялся. Очень любил пение церковное. У нас матушки очень хорошо пели, лаврские часто напевы. И "Блажен муж" лаврское, и "Благослови, душе моя, Господа" и "Кто Тебе не ублажит..." и "Хвалите имя Господне..." — все лаврские напевы с детства еще знал. А старец приехал и говорит: "Будешь еще в лавре жить, запоминай все лаврские напевы". И пришло время, и в лавре Киево-Печерской жил в юности своей, послушником был до закрытия лавры. Пение любил в церкви. Особенно благоговел перед Страстями Христовыми. Как меня волновала всегда эта

служба. Как запоют певчие "Аллилуиа" и "Егда славнии ученицы..." Батюшка торжественно открывает царские врата, берет большое Евангелие старинное в окладе, выносит на середину пономарь вот такую свечу огромную, поставит. Чтоб на все Страсти она стояла. И давай: "Слава Страстем Твоим, Господи". А я в пономарке слежу за звоном. Чтоб на каждое Евангелие позвонить же в звон. И отмечаю на стенке птички: раз — одно Евангелие почитали, чтобы не перепутать, сколько раз звонить — восемь, одиннадцать, двенадцать. Когда во все позвонили, батюшка говорит: "Ну, Ванюша, забывай до Пасхи, чтоб в Пасху мы коммунистам дали жару. Зазвоним как положено, во все колокола". Самое любимое — Плащаницу когда выносили. Как я старался в школе обмануть, убежать, чтоб побыть на выносе Плащаницы. Плащаница была у нас старинная, по бархату серебром шитая — красота! И не мог насмотреться на эту красоту. И какие мы сейчас духовно бедные, равнодушные. Вынесешь такую красоту, золотом шитую, мимо проходят, посмотрели — пошли. Да я не отошел бы, если бы были силы, сидел бы там, не мог бы насмотреться, налюбоваться на эту красоту! Рукоделие монашеских рук святых — Плащаница! Раз в году повидали и унесли. Старайтесь ценить красоту икон. Замечайте, какая красота образа. Какая красота Плащаницы святой. Всю красоту! Какая красота ризы святой, в которой священник служит. Всю красоту духовную старайтесь замечать... Я всегда жил в этой красоте. Ценил, дорожил этим. Какие ризы у батюшки — все знал. Где поеду, в какой монастырь: "Ой, в каких ризах батюшка служит!.. Какое кадило особое, такого не видел еще". Постоянно все замечал в жизни своей...»

Иван Сокур

В 1960 году в Авдеевку приехал служить новый батюшка. Звали его отец Димитрий Песков[1]. Отец Димитрий был первым духовным руководителем Вани. Это был настоящий подвижник, молитвенник и старец, к которому уже в 50-е, 60-е годы и до самой смерти в 1990 году ехали за советом и наставлением множество людей из разных уголков Донбасса и не только.

Отец Димитрий полюбил благочестивую семью Сокур. Он благословил сестер выпекать просфоры для храма, а Ваню благословил исполнять пономарское послушание.

Об отце Димитрии вспоминает регент-псаломщик Свято-Николаевского храма г. Авдеевки Новосельцева Ирина Николаевна: «Проповеди батюшки незабываемые. Я слушала с открытым ртом, пока замечание не сделали. Так рассказывал, как будто мы там все находимся. Он говорил с амвона: "Если б у меня были руки подлиннее, я бы вас всех обнял". Часто повторял: "Добрый пастырь положит душу за овцы своя. Если нужно будет, я ее отдам". И он всю жизнь, здоровье отдавал нам. Он жил нами. Люди после службы бегут на автобус... Он выйдет на крыльцо и вслед их крестит, благословляет и так от души молится — слов я не помню, — чтоб с нами было все благополучно.

Службы у батюшки были долгие. Люди говорили: по-монастырски служит».

Ваня часто посещал отца Димитрия. Много почерпнул он от этого благодатного батюшки.

Первый послевоенный архиерей в Донбассе — архиепископ Никон (Петин). Он умер, когда Ване было 12 лет, но память об этом святителе

[1] О нем см. в Приложении.

он сохранил на всю жизнь: «Большое впечатление произвел на меня покойный владыка Никон. В Донецк тогда на Ларинку приезжал и в Авдеевку к нам приезжал. Кинулись: в чем же владыку везти? На поезде пригородном он должен был приехать. В больнице взяли пролеточку, линеечку, посадили владыку туда, чемодан его с облачением погрузили, и поехал владыка службу служить. И какие это были службы! Как народ встречал владыку! Все бедные: в фуфаечках, в латаных штанах мужички, бабоньки приходят, со свечечками, кто какую имеет, дорогого встречают владыку. Какая была радость! Все смотрели завороженными глазами, как ребятки владыку облачают на кафедре — никогда же такого дива не видели: как встречают владыку, как берут благословение! Да так дорожили этим архиерейским благословением — по нескольку раз подбегали, а владыка терпеливо стоит, всех благословляет. Как сейчас помню: рука теплая, добрая, архиерейская святительская рука благодатная. Помню, как поехали мы на Ларинку, владыка Никон чин омовения ног совершал и Страсти читал, я еще маленьким тогда был. Сколько люди слез пролили. Я больше смотрел не на архиерея, а на народ. Как люди от умиления плакали, когда владыка покойный нес крест на Страстях Христовых, как все плакали, смотря, как он падал. Распущенные волосы по пояс роскошные были, и он чинно, смиренно снял с себя ризы все и нес крест. Как старенький покойный отец Варсонофий — только из тюрьмы пришел, 25 лет отсидел за веру Христову — и он был Симоном, помогал нести крест. Симон поднимал владыку, поддерживал, когда тот падал от тяжести креста, а церковь вся рыдала. Действительно, оно ж после войны,

какое горе все пережили, — вдовы все стоят. Как они рыдали, видя, как владыка падает под крестом, как они слезами поливали этот путь, по которому нес владыка крест. Это на всю жизнь осталось в памяти, почему я всегда дорожу этим моментом, несу, пока есть силы, крест. И после моей смерти всегда, батюшки, несите крест, на Страстях крестоношение совершайте и освящайте обитель нашу Святым Крестом, и Господь, нас ради пострадавший, даст благословение вам всем на дальнейшую жизнь. Этот древний чин Иерусалимской церкви никогда не забывайте...

А омовение ног. Сделали высокую кафедру такую через весь собор, 12 священников выводят: бедные батюшки трясутся. Владыка сам снимает с себя ризы на середине на кафедре и смиренно начинает омывать ноги. Отец Василий Попов тоже 12 лет отсидел, помню, за веру Христову. До войны всегда друг друга священники спрашивали: "На курорте был?" Значит — в тюрьме! Курорт прошел, значит, свой, хороший священник. Как только в тюрьме не был — тогда душу чекистам продал да обновленцам, значит, это не наш уже, — сразу определяли... Тоже, как церковь вся рыдала. Как эти батюшки трясущиеся ноги свои подставляли Владыке. Он мыл и благословение людям давал. Как отец Василий: "Не умыеши ног моих во веки" таким умиленным голосом сказал. Вся церковь — в слезы. Сколько слез тогда было, сколько умиления было! И вы знаете, служба мне на всю жизнь фотографией в памяти осталась. Не могу забыть эту службу. Она всегда меня волнует, я всегда по-особому ее воспринимаю. Какое умиление, какое особое торжество, когда мы видим это смирение Христово. Воспоминание о смирении Христовом — чин омовения ног».

ПОСЛУШНИК

Уже в детстве, сначала с мамой и тетей, а потом и самостоятельно ездил Ваня в паломничества по монастырям. Не так их много было в те безбожные годы. Но в этих немногих обителях подвизались великие старцы и духовники, подвижники, перенесшие на своих плечах тяжесть кровавых сталинских гонений, ужас тюрем, лагерей и ссылок. Стяжавшие в нечеловеческих испытаниях сугубую благодать, они в 1940-е и 1950-е годы окормляли народ Божий, который был «как овцы, не имеющие пастыря». Не раз Ваня бывал в Почаевской лавре у преподобных старцев Кукши и Иосифа. Очень любил он и Киево-Печерскую лавру. С детства знал он ее знаменитые напевы. Знал и Киево-Печерский патерик — жития многих Печерских угодников. Очень любил молиться в пещерах, благоговейно прикладываясь к их святым нетленным мощам.

В лавре встретил Ваня старца-схимника, который стал его духовным руководителем. Батюшка уже в конце жизни говорил о его прозорливости: «Он рассказал всю мою жизнь». Звали этого старца схигумен Валентин (Семисал)[1].

Об отце Валентине нам известно не очень много. В монашестве он носил имя Варлаам. Монахини Флоровского монастыря в Киеве, где отец Валентин окончил свой земной путь в 1975 году, рассказывали, что когда он служил в армии, то писал двум своим сестрам, чтобы они замуж не спешили выходить, а подождали его из армии. И когда он вернулся, то все они приняли монашество. Батюшка Зосима

[1] О нем подробнее в Приложении.

говорил, что старец был еще дореволюционного пострига. Как и многие священники, прошел лагеря, ссылки.

В 1942 году, во время оккупации, игумен Варлаам был секретарем Юзовского епархиального округа. А с 1944 по 1954 годы он служил в сельских храмах Тульчинской епархии. В это время он уже был почитаемым духовником, за советом и с просьбами о молитве к которому шли многие люди.

В 1954 году отец Варлаам переезжает в Киев и становится насельником Киево-Печерской лавры. Он принимает великую схиму с именем Валентин, становится духовником семинарии, неся это послушание вплоть до ее закрытия в 1960 году. Вскоре после этого была закрыта и лавра.

Именно в это время в Киево-Печерской лавре, перед самым ее закрытием, начал свой монашеский путь будущий схиархимандрит Зосима, а тогда послушник Иоанн.

О своем пребывании в лавре и о ее закрытии отец Зосима вспоминал следующее: «"Ну, надо Богу служить", — говорит старец, отец Димитрий покойный. И схимник мой говорит: "Иди в лавру". Пошел я в лавру Киево-Печерскую. До закрытия лавры там побыл. При мне закрывали лавру. Рассказывали, как Филарет, этот сатанист нынешний, приехал тогда с чекистами и говорит архимандритам: "Так, лавра закрывается на ремонт. Освобождайте помещения. Быстренько. Вас переселяют в Почаев". Бедные старцы! Те плачут — знают, что никакого там ремонта не будет. Что никакого Почаева им не будет. Выгоняют их куда глаза глядят. Нет, а то в тюрьму посадим. Филарет: "Отцы, отцы, освобождайте, завтра начинаем ремонт капитальный лавры. После всех вас возвратим обратно". Говорят они: "Куда мы уже

Иван в Киеве (справа)

возвратимся! Мы никогда уже сюда вновь не возвратимся". А мой старец смелый такой был, покойничек. Подходит, говорит Филарету: "Помни, ты за нечестие свое отступишь от Бога, будешь врагом Церкви. Придет время, ты предателем Церкви будешь. И помни, за твое нечестие, что ты лавру закрыл, тебе Бог, придет время, не даст нормальной смерти. Повесишься ты, как Иуда-предатель". Он так грозно сказал. Как плакали старцы монахи, схимники, когда закрывали лавру! Грабили страшно. А монахи иконы в землю закапывали, в огороде у епископа Нестора. Тогда он был наместником лавры. Все жили верой, что лавра вновь будет служить, откроется, трагедии такой не было... Но все старцы знали, что не возвратятся при жизни в лавру. Уже в вечном воинстве лаврском будут они.

Закрыли лавру, сделали музей, никакого ремонта там не делали. Поразделали все мощи голяка. Такое было осквернение этой святыни. Идешь, Господи,

голый Агапит преподобный лежит в чем мать родила. Илья Муромец голый лежит... Я особенно запомнил. Огромный же он был богатырь. Усохший уже весь лежит, но и то — мощь чувствуется такая. Наверно, два с лишним гроб у него. Полностью он целиком во гробе лежит, этот богатырь. Шея такая прямо мощная, жилы запомнил на шее все, выделяются, усохшая шея. Голова чуть повернута у него. Видно, когда хоронили, предавали земле, голова повернулась. Так повернутая голова у него и осталась. Руки мощные, высохшие, но мощные пальцы такие. Богатырь, одним словом. Недаром про него составляли легенды, недаром сказания составляли. Он достоин этого даже через тысячу лет почти по виду своему. Преподобный Илья Муромец. Недаром он покровитель мужества и военных сил, и в Муроме, и по всей России сейчас, по всей армии кругом иконы освящаются Ильи Муромца, храмы освящаются... Знают, что это великий защитник Отечества нашего. Преподобный Илья Муромец. Издевательство страшное было. Бабок посадили там смотреть, чтоб никто не крестился, не молился. Гоняли всех от гробов. "Идите во Владимирский свой собор, там молитесь. Здесь музей, музей, музей, проходите, проходите... Народ ждет..." Но мы тайно ходили, молились. Знали, что эти косточки — святые, поруганные. Благодать угодничков Божиих есть, если будем в лавре святой. И этой верой мы все жили. Монахи тайно хранили и ноты — все партитуры лаврские, и книги позабирали мешками ночью, хранили, да иконы позабирали, попрятали. Знали, что лавра возродится, вновь откроется и будет служить.

Слава Богу, в год тысячелетия Крещения Руси мы дождались этого — лавра вновь служит, лавра вновь торжествует. Все старцы жили только

надеждой — лавра откроется. Умирая, передавали все богатство лаврское, знали, что надо будет в лавру все отнести, придет время.

Так и мы верой живем, что какие силы сейчас не восставали бы на Церковь, веруйте твердо, не унывайте, знайте: Церковь пребудет до скончания века. Ничего не одолеет, никакие расколы, никакие автокефалисты-сатанисты, ничего не одолеет. Придет время, все рассыпется. Горсточка нас останется, но останется — добрых подвижников и исповедников веры Христовой. Этой верой обязательно после моей смерти живите. И Господь вас не оставит. Помните, эта горсточка победит все силы вражии, придет время. Вы этому будете свидетели».

После закрытия Киево-Печерской лавры старец схиигумен Валентин вынужден был переселиться в Почаевскую лавру. Туда же за ним поехал и послушник Иоанн — будущий отец Зосима.

«В Почаеве долго не были. Тоже сказали коммунисты: "Закрываем лавру"[1]. Пошло смятение. Покойный отец Севастиан, потом епископом он умер Кировоградским, сколько в КГБ он ходил, сколько бед, сколько допросов перенес. "Сдай ключи от лавры". Он коротко отвечал: "Умру, хоть здесь расстреляйте. Но ключей я лаврских вам не отдам". И выстояли! И лавра до сего дня служит, молится. Святыни все сохранились.

Как поляки запустили лавру. После польского пленения все купола облезшие, поржавевшие, черные, кругом униатские скульптуры стоят. Какое позорище польского ига в лавре было! Давай низвергать скульптуры все эти униатские, католические, лавру освящать, купола золотить. И сейчас это самый

[1] О закрытии Почаевской лавры см. в Приложении.

лучший монастырь. Красота! Златоглавая, великая лавра! А униаты и автокефалисты доведут ее вновь до полного уничтожения. Придет время поругания.

Тоже сначала старцев повыгоняли. Отца Кукшу сослали, милиция охраняла, чтоб никто не ходил к нему.

Отца Амфилохия (Иосиф тогда был) тоже сослали, побрили его налысо, постригли ему бороду роскошную. Его никто не может узнать. "Боже мой, Иосиф, это ты? Костоправ знаменитый. На кого ж ты похож?" Вот так издевались в те времена. И опять там все жили верой: Матерь Божия не отдаст до конца на поругание, спасет лавру. лавра будет служить. И эта вера победила. Вот примеры, как вера побеждает. И вы всегда этой верой святой живите, и будете любого врага побеждать».

ВСТРЕЧИ С АРХИЕПИСКОПОМ ЕРМОГЕНОМ (ГОЛУБЕВЫМ)

Несколько раз приезжал Ваня в Жировицкий монастырь к опальному архиепископу Ермогену[1]. Так как за владыкой было установлено постоянное наблюдение агентами КГБ, приходилось встречаться скрытно. Они договорились видеться на кладбище, куда заходили с разных сторон. А там встречались у условленной могилы и проводили часы в беседах. Это были беседы обо всем, что могло волновать молодого, сознательного церковного человека, стремящегося к монашеству. Они говорили о судьбах России и Русской Церкви, о монашестве, о гонениях

[1] Подробнее о нем см. в Приложении.

и новомучениках, об исповедничестве перед лицом безбожного государства. Обо всем этом тогда не писалось в газетах и журналах, не было книг на эти темы. Но Ваня встретился с живой историей. Перед ним был человек, который был непосредственным участником трагических событий церковной истории XX века. После этих бесед с владыкой Ермогеном Ваня, по его собственным словам, полюбил историю Русской Церкви.

УЧЕБА И РАБОТА ВЕТЕРИНАРОМ

Побыв до закрытия Киево-Печерской лавры ее послушником и проведя некоторое время в Почаеве, Ваня решил внять совету своих духовных наставников и получить светское образование. Он поступил на учебу в Донецкий сельскохозяйственный техникум на специальность ветеринара. При выборе профессии сказалась его любовь к животным, к сельской природе, к добрым труженикам — кормильцам народа.

После окончания техникума молодой выпускник работал главным ветеринарным специалистом Старобешевского района.

«Господь сподобил меня там быть, где я никогда и не думал, что буду. Я с детства боялся крови, убитых животных страшно боялся. До сих пор у меня суеверный страх. Один раз я ехал, служил архиерей в Донецке, покойный владыка Борис приезжал тогда. Перегоняли через железную дорогу коров стадо. И откуда этот паровоз взялся?! Врезался в это стадо, покалечил коров. Они мычат, кричат. Ту зарезал, ту покалечил. Две коровы зацепились

Иван Сокур – студент ветеринарного техникума, 1961–1964 гг. Красногоровка

хвостами за поезд. Я как увидел эту кровь, этих мучающихся животных! Я так перепугался. Я, наверное, год не мог спать, закрыть глаза в темноте. Все время спал со светом. И с тех пор я жутко стал бояться крови. Не дай Бог где мне увидеть, что убивают животное какое-нибудь... это — все. Меня Бог и в этом страхе смирил. Выпало мне ветеринарным врачом учиться. Эту кровь смотреть всю. Помню, на мясокомбинат поедем — по колено в крови ходишь. Мне так страшно, ужасно... Вот тогда закалка духовная наступила у меня. Побеждать страх всегда любой. И страхом не жить. Рабом страха никогда не быть. Именно в этот момент перелом произошел у меня. Окончил я это ветеринарное свое дело. Полечил я коров, лошадей, которых очень любил. Был у меня любимый жеребец.

В Старобешево я работал на ветеринарии. Воронок был. Учили меня старые конюхи-греки ездить на этом Воронке. Так Воронка не дали сначала. Дали старую клячу — кобылу слепую. А я еще обиделся. Думаю: "Ну что на кляче я буду ездить?" Они говорят: "А ты научись на кляче". Поездил я день на этой кляче — зад как набил себе. На следующее утро не могу встать, на карачках ползаю, задница болит, между ног опухло. Боже мой! Караул! Ой, что было... Ну, а потом научился уже и в седле сидеть, и Воронка оседлал. А он же такой был горячий ...Он был умный. Всегда поеду, на ставкé (пруд. — *Примеч. ред.*) покупаю. А после воды всегда спать хочется. В бедарку (бричка. — *Примеч. ред.*) сяду, еду. "Воронок, вези домой! А я ж подремаю немножко". Он везет меня. Привезет домой, к воротам. Игого! Я проснусь — приехали уже, давай распрягать. А один раз как перекинул меня. Змеи перепугался, вылезла из-под камня. Как на камень наехали, бедарка моя перекинулась вверх ногами. Лекарства все, бутылочки, чемоданчики, шприцы повыскакивали. Ах ты, что ж ты, бес, наделал, чуть не убил меня! Он стоит такой виноватый. Смотрю, слезы текут у него из глаз. "Ну ладно, Воронок, давай, я пособираю свои причиндалы. Поедем на ставок, покупаемся". Кусочек сахара ему дал, довольный, помирились мы с ним. И жили в мире. После того как ушел я, его запоили холодной водой и он погиб от воспаления легких...»

Сердце Вани всегда стремилось к Богу, к святыне. Лично встречал он многих подвижников, ныне уже прославленных в лике святых. Среди них были преподобные Кукша Одесский и Амфилохий Почаевский, святитель Лука Крымский. Позже он рассказывал о своей встрече со святителем Лукой.

Это было, когда батюшке было лет 10. Они ездили в паломническую поездку в Троице-Сергиеву лавру с матушками из Иоанновского монастыря. Ваня подошел под благословение к святителю: «Рука у него теплая, мягкая, настоящая рука хирурга. До сих пор чувствую на голове это прикосновение старческой руки. Он сказал: "Монахом будет"».

Малейшую возможность он использовал для поездок по монастырям. Часто бывал на Западной Украине, в Почаеве. В городе Тульчине жили его родственники по маме — тети, дядя, двоюродный брат. Однако у них он долго не задерживался, все спешил куда-то дальше. Никогда не приезжал он в гости с пустыми руками. Все время что-то привозил: кому рыбу, а кому икону или еще что-то церковное.

В Тульчине был очень хороший, богатый музей, и Ваня часто туда ходил. Но не для того, чтобы только посмотреть на старину, а чтобы вызволить из плена какие-нибудь церковные вещи или книги. Привозил он туда разные старинные вещи: саблю, например, а то и пистолет, и выменивал их на книги, облачения, утварь церковную. Принесет домой ризы, перекладывает их долго, рассматривает. А для книг сделал из дощечки специальную деревянную лопаточку, которой, сидя на кухне, аккуратно счищал воск. Часами он так мог сидеть, перелистывать фолианты. Каждый листочек осматривал, очищал и приводил книгу в порядок.

Рассказывает Екатерина Дмитриевна Георгиева: «Ваня часто ездил к отцу Кукше в Почаев и по другим монастырям. Владыка Никон сказал, что ему нужно иметь светское образование. После школы он пошел дальше учиться. Когда ему было 15 лет, дома делал "погребение" Божией Матери. Мама, тетя и я стояли со свечами, а он сам служил.

На Западной Украине где-то закрывали монастырь, игумен раздавал селянам иконы. "А Плащаницу никому не давайте, она поедет далеко-далеко". Приехал Ванечка в тот монастырь, а было ему тогда 15 лет. Ему эту Плащаницу и отдали, а монахи пошли устраиваться на работы после закрытия монастыря. Я по просьбе Вани вышивала на этой Плащанице слова "Благообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое".

Он часто приходил к нам в гости, а я к ним ходила. Ребенком всегда был у нас, я его лакомствами угощала. Когда уже учился на ветеринара, пришел к нам в гости. По-студенчески одет. Сидит, а разговор никак не клеится. Я на него смотрю и говорю: "Ой, Ваня, Ваня, ничего уже с тебя не получится". А он в ответ: "Ничего. Вот выучусь на священника, так я ваши грехи мешком буду в карьер носить"».

ПОСТУПЛЕНИЕ В ДУХОВНУЮ СЕМИНАРИЮ

В 1967 году по благословению духовника Иван начал готовиться к поступлению в Духовную семинарию.

Учеба в духовных школах во многом отличается от учебы в светских учебных заведениях. И, конечно, таких отличий еще больше было тогда, во времена безбожного гонения. Если свои школьные годы батюшка Зосима вспоминал с горечью, то годы учебы в семинарии и академии он называл самыми любимыми годами своей жизни и всегда вспоминал о них с особой теплотой.

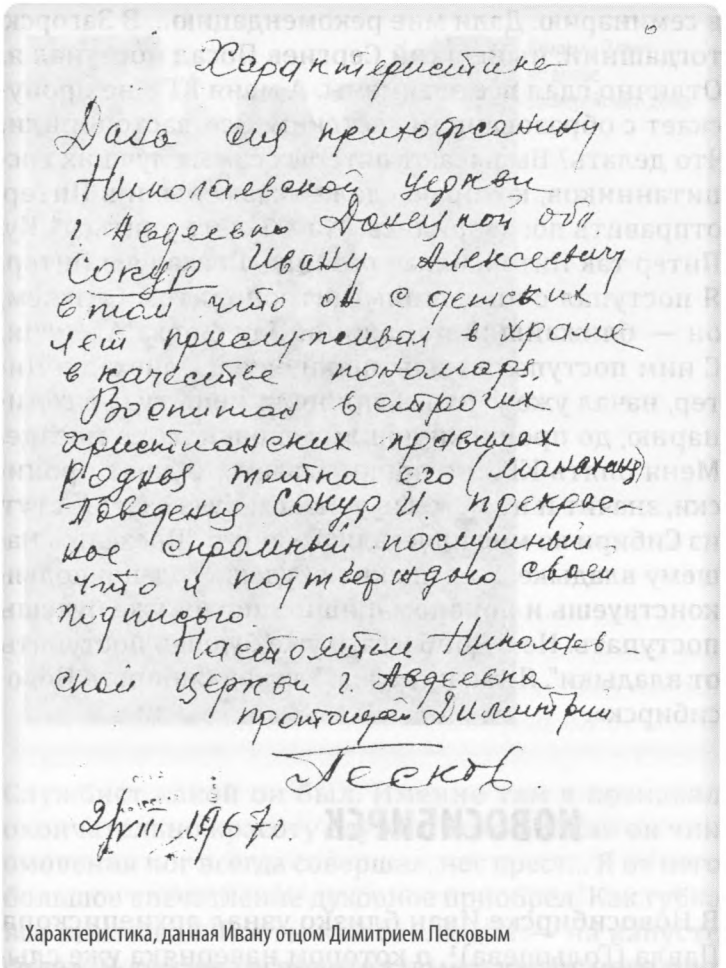
Поступление в любое учебное заведение начинается со сбора документов. Уже на этом этапе

в советские годы у многих возникали проблемы. Не каждый священник решался давать рекомендацию на поступление в семинарию молодому человеку. Молодежи всеми способами старались перекрыть дорогу в Церковь. Это была одна из задач, которую решали специалисты из 5-го отдела КГБ.

Ване Сокуру характеристику для поступления в семинарию дал отец Димитрий Песков: «Дана сия прихожанину Николаевской церкви г. Авдеевки Донецкой обл. Сокур Ивану Алексеевичу в том, что он с детских лет прислуживал в храме в качестве пономаря. Воспитан в строгих христианских правилах. Родная тетка его — монахиня. Поведение Сокур И. прекрасное, скромный, послушный, что и подтверждаю своей подписью. Настоятель Николаевской церкви г. Авдеевка протоиерей Димитрий Песков. 2.VIII.1967 г. ».

Каждый студент, поступая в семинарию, пишет также и лично от себя прошение на имя ректора, в котором он свидетельствует о своей решимости посвятить всю свою жизнь служению Матери-Церкви. «Прошу Вас не отказать моей просьбе в связи с большим моим желанием и прямым намерением посвятить себя делу Церкви», — писал при поступлении в семинарию Ваня Сокур.

Такое или подобное прошение писали и пишут все семинаристы. Поэтому так горько видеть выпускников семинарии, не принимающих священный сан и не служащих в Церкви. Получается, они солгали при поступлении, отказались от своего обещания. Но не таков был Ваня. Удивительная цельность его натуры открывается в том, что он с самого детства имел одно желание — послужить Богу и Церкви, быть священником и монахом. Об этом он не раз свидетельствовал позже разным людям: «Я с детства хотел быть монахом».



Характеристика, данная Ивану отцом Димитрием Песковым

Второй этап, который нужно преодолеть при поступлении в семинарию, — это вступительные экзамены. И этот этап Иван с легкостью преодолел. Но после сдачи экзаменов возникли препятствия со стороны КГБ. Вот как об этом рассказывал сам батюшка: «Господь определил меня идти учиться

в семинарию. Дали мне рекомендацию... В Загорск тогдашний, нынешний Сергиев Посад поступал я. Отлично сдал все экзамены. А меня КГБ не пропускает с образованием светским. Все, застопорили. Что делать? Вызывают пятерых самых лучших воспитанников, которые сдали экзамены, и в Питер отправить договорились. "Там будете учиться". Ну, Питер так Питер. Какая разница. Поехал я в Питер. Я поступал с нынешним митрополитом Сергием, он — ближайший помощник Патриарха Алексия. С ним поступали мальчишки еще... Приехал в Питер, начал уже учиться, приняли меня туда в семинарию, до прописки дошло дело в ноябре месяце. Меня опять КГБ не прописывает. Не дают прописки, значит и не можешь учиться. Куда ехать? А тут из Сибири ко мне приехали. Говорят: "Поехали к нашему владыке. У владыки побудешь год, поиподьяконствуешь и попономаришь, а потом уже будешь поступать. Не с Донбасса, а уже будешь поступать от владыки". Я так и сделал. Уехал в Сибирь, в Новосибирск».

НОВОСИБИРСК

В Новосибирске Иван близко узнал архиепископа Павла (Голышева)[1], о котором наверняка уже слышал раньше много добрых слов.

Позднее он вспоминал: «Покойный владыка Павел (Голышев) — святой жизни аскет был. Какое он на меня благородное и благоприятное впечатление произвел духовной жизнью постнической.

[1] О нем подробно в Приложении.

Владыка Павел
во дворе
архиерейского дома

Службист какой он был. Именно там я познавал окончательно красоту службы Божией. Как он чин омовения ног всегда совершал, нес крест... Я от него большое впечатление духовное приобрел. Как губка все впитывал. Посты как соблюдал — на капусте сидел. Я думаю, Господи, владыка, да тут ноги протянешь на этой капусте. "Да как, еще б легко пост проходил!"»

Ваня давно хотел быть монахом, но в Новосибирске это его давнее желание подверглось серьезному испытанию. «Как меня девки в юности донимали, хамки. Я тогда был кучерявый, вертлявый, а болтливый! Так они, хамки, прямо за мной бегали.

Иван с послушниками владыки Павла

А письма какие писали. В соборе так позорище такое было у владыки. Две как прицепились ко мне. Любви домогались моей. Я их как огня боялся. А они такие ж наглые, это бабье сатанинское. Нагло меня из собора провожают, идут за мной. Даже меня через пономарку в архиерейскую машину садили и увозили и привозили, чтоб этих хамок не видеть. А один раз 46 градусов мороза в Сибири. Как прибегает матушка Антония перепуганная: "Ваня, что только творится!" — "Да что, мороз". — "Ты пойди, посмотри на архиерейский дом". Я выхожу — обомлел. Дом же архиерейский побеленный был. Все описали углем черным, стены: "Ваня, мы тебя любим! Ваня, мы без тебя жить не можем!" Боже! Что же делать? Тут 46 градусов мороза, сейчас владыка выйдет из покоев. Принесли мне кипятку. Попробовал кипятком. Да какой там кипяток — он сразу в лед превращается. Кипяток не помогает. Давай скрести лопатой, давай

ножиками скрести. Отскребли — мела принесли. Давай забеливать скорей. Владыка прошел, попрятались мы все. Думаю, ну, сейчас будет нам за этого "Ваню". Владыка, может, увидел, да не сделал вида. Прошел мимо на прием — священников принимать. Мы доскребли. А вечером подходит с улыбкой. Он уже знал все. "Что сегодня произошло?" — "Да вот, Владыко святый, ЧП было сегодня. Вы попам вешаете кресты с украшениями, а Ваш архиерейский дом с украшениями сегодня был". Только объяснялись не "Паша, мы тебя любим", а "Ваня, мы тебя любим, мы без тебя жить не можем". Вот такие были у меня "бабьи дела"».

УЧЕБА

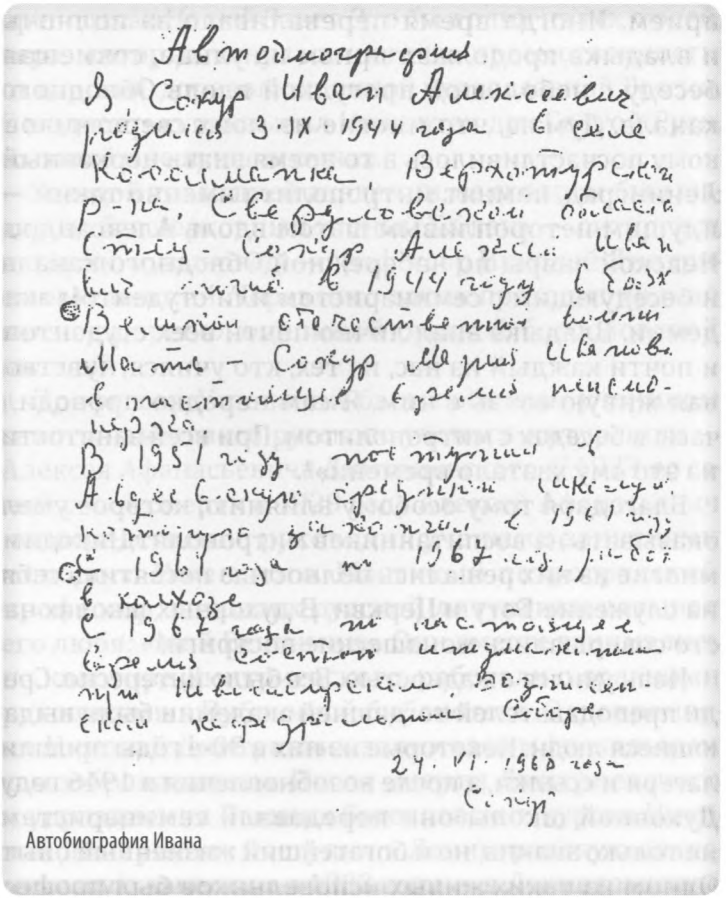
Иван не терял связи с владыкой Павлом и после поступления в семинарию. При малейшей возможности он приезжал в Новосибирск, передавал письма владыке и сам получал от него поздравления с великими праздниками. В 1969 году на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в Новосибирском кафедральном Вознесенском соборе Иван был посвящен архиепископом Павлом в первую степень церковного клира — чтеца.

В семинарии он оказался в особой атмосфере питерской духовной школы. С одной стороны, здесь была возможность для серьезной церковно-научной и богословской работы, а с другой — теплота почти семейных отношений, обусловленная проживанием под одной крышей преподавателей и студентов.

Особое участие в жизни духовной школы принимал правящий митрополит Ленинградский Никодим

Владыка Павел и иподиакон Иоанн Сокур

(Ротов). Вот как вспоминает об этом времени Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, тогда студент, а позже преподаватель и ректор Ленинградских духовных школ: «Владыка Никодим поселился в этом же доме на первом этаже. Довольно скоро он переоборудовал свои покои: приказал разломать перегородки, отделявшие маленькие комнаты друг от друга, и сделать два относительно просторных зала. С этими двумя залами у ленинградских священников, знавших владыку Никодима, связаны особые воспоминания — именно здесь проходили его замечательные встречи с ленинградским духовенством и с профессорско-преподавательской корпорацией школ. Митрополит посещал лекции,



Автобиография Ивана

заседания Ученого совета, тщательно просматривал все журналы. Резолюции владыки никогда не были формальными, он начал оказывать реальное воздействие на учебный процесс. Но, видимо, самое главное заключалось в том, что митрополит был близок школе, был близок преподавателям, профессорам и особенно студентам.

У дверей митрополичьих покоев до позднего вечера стояла группа людей, которым был назначен

прием. Иногда время переваливало за полночь, и владыка продолжал прием на улице, совмещая беседу с небольшой прогулкой вдоль Обводного канала. Думаю, что многие из моих сверстников, кому посчастливилось в то время знать церковный Ленинград, помнят митрополита именно таким — идущим неторопливым шагом вдоль Александро-Невской лавры по набережной Обводного канала и беседующим с семинаристом или студентом академии. Владыка знал лично почти всех студентов, и почти каждый из нас, из тех, кто учился, чувствовал живую связь с ним. Я сам нередко проводил часы в беседах с митрополитом. При всей занятости на это ему хватало времени»[1].

Благодаря тому особому влиянию, которое умел оказывать на воспитанников митрополит Никодим, многие из них решались полностью посвятить себя на служение Богу и Церкви. В духовных школах часто совершались монашеские постриги.

Иван учился с жадностью. Все было интересно. Среди преподавателей тогдашней академии были выдающиеся люди. Некоторые из них в 30-е годы прошли лагеря и ссылки, а после возобновления в 1946 году Духовной школы они передавали семинаристам не только знания, но и богатейший жизненный опыт. Одним из таких живых исповедников был профессор протоиерей Михаил Сперанский, долгие годы бывший ректором Ленинградских духовных школ. Он стал кандидатом богословия еще в 1913 году, когда и начал свою преподавательскую деятельность. У Ивана, будучи уже маститым старцем, отец Михаил

[1] *Митрополит Ювеналий (Поярков).* Человек Церкви. К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978). — М.: 1999. С. 297.

преподавал Новый Завет. Это был один из тех людей, через которых тянулась ниточка преемственности от царской, дореволюционной православной России. С жадностью впитывал Иван этот дух Святой Руси, живший в ее лучших сынах.

Звездой тогдашней академии, ее столпом был выдающийся церковный ученый XX века — литургист, историк, музыковед — профессор Николай Дмитриевич Успенский. Через него также проходит прямая связь с дореволюционной русской богословской школой.

Профессор Успенский был любимым учеником самого известного русского ученого-литургиста — Алексея Афанасьевича Дмитриевского. С 1923 до самой своей смерти в 1929 году Алексей Афанасьевич непосредственно руководил учеными занятиями молодого Успенского. Маститый петроградский профессор, патриарх русской литургики называл его любя: «Мой Вениамин». Они вместе занимались на квартире Дмитриевского, работали с древними рукописями в Публичной библиотеке. Одновременно Николай Дмитриевич занимался музыкальным самообразованием. После смерти Дмитриевского и упразднения Высших богословских курсов Николай Дмитриевич поступил в Ленинградскую академическую капеллу, а в 1932 году — в Ленинградскую консерваторию. В блокадном Ленинграде он руководил церковным хором. А после войны, уже будучи кандидатом искусствоведения, активно включился в преподавательскую деятельность в возрожденных Духовных школах. В 1957 году Н. Д. Успенскому было присвоено высшее звание доктора церковной истории. По его почину был открыт регентский класс в Духовных школах, руководителем которого он был многие годы.

Николай Дмитриевич был очень требователен к студентам. Не многие смельчаки вызывались писать у него кандидатскую работу. Одно из первых его требований — предельная лаконичность, писать так, чтобы, как говорится, словам было тесно, а мысли просторно. Даже в семинарии, давая тему сочинения, Николай Дмитриевич предупреждал, что он не будет читать, если написано будет более 2–3 страниц. О его строгости на экзаменах до сих пор ходят легенды. В одном из классов студенты даже упросили ректора прийти на экзамен по литургике, дабы он их «защищал» от плохих отметок.

Трудились в те годы в академии и протоиерей Ливерий Воронов — выдающийся профессор догматического богословия, и много других прекрасных и любимых студентами преподавателей, многие из которых и поныне здравствуют, передавая свои знания и опыт в стенах Питерских духовных школ уже новым поколениям будущих священнослужителей.

О годах учебы отец Зосима вспоминал: «Когда Господь сподобил поступить в семинарию, трудности были — КГБ не пускало меня, прописки не давало поступить в семинарию. Но все преодолел, учился я в Санкт-Петербурге при покойном митрополите Никодиме. Это был великий человек. Авва был великий, как я его называл и называю до сего дня. Святой жизни. Конечно, его при жизни многие не понимали. За политику церковного экуменизма его осуждали. И сейчас некоторые "святоши" осуждают, разные лжемонахи, лжестарцы и прочие. "Им ли судить о временах исторических?" — как говорится в слове Божием. Ну что ж, они уже взяли на себя суд, это уже им грех будет. С любовью, с теплотой вспоминаю покойного митрополита Никодима. Он

Выпускники и преподаватели Ленинградской духовной семинарии (во втором ряду первый слева Иван Сокур)

чего-то сразу обратил на меня внимание во время приемных экзаменов. Самые трудные псалмы дал читать, проверяя, как я читаю. Я четко ему отчитал. "Да, не одной ошибки, — сказал владыка, — значит, будешь в архиерейской церкви моей читать Крестовой". — "Благословите, владыка". И пошел я, начиная от архиерейской церкви и до кафедрального собора, все степени, и академический храм, — все прошел. Любил петь очень в академическом хоре. Исполлатчиком меня поставили. Но у меня со слухом слабо дело, я не особенно музыкальный человек. Бывает, как запою, то все уже. Бедный архиерей дергается со свечкой стоит — не так запели "Исполла". Но уж как если поладится все, такое громогласное. Мы втроем всегда пели. Владыка Платон, нынешний Американский, тогда был Володей Удовенко, владыка Ириней Днепропетровский, приезжал сюда

ко мне, первым тенором всегда пел. Платон — басом пел, а я — вторым пел тенором "Исполла эти деспота" при святительских служениях. У владыки Иринея, тогда он еще был Ванечка Середний, еще мирянин, Ванюшей был, сейчас архиепископ Днепропетровский был сильнейший тенор первый. Он как запоет, как соловей, — не обычный был тенор. Тоже чистой девственной жизни, монастырского воспитания, в Корицах в монастыре он воспитался, в женском монастыре...

В академии и в семинарии любимое было место у меня — это библиотека и читальный зал. Буквально все каталоги я перевернул по нескольку раз. Отыскивал редчайшие книги, редчайшие рукописи. Что давали домой, я столько набирал книг, что не мог их донести. А книги старинные, тяжелые все. Колясочку возьму, на колясочку сложу — и поехал. Меня называли: "Книжник поехал". Я их читать, конечно, не мог. Я хоть полистаю их, посмотрю оглавление, посмотрю картинки, посмотрю титульный лист, и то уже у меня оставались знания на всю жизнь. Я так благодарен библиотеке, что не давали на руки, редчайшие какие издания, в читалку их передавали. В читальном зале вечерами я засиживался, пролистывая, читая, выписывая. Постоянно в книгах. Самое мое любимое было занятие — это библиотека и читальный зал.

Когда писал уже кандидатское сочинение, в Публичке мне разрешение особое дали работать в архивах. Какие архивы там! Какие хранилища книг! Какие редчайшие фолианты там! Невозможно передать. Целыми днями я сидел в Публичке, читал, выписывал, питался знаниями, особенно знаниями по истории Русской Церкви. Хронологию очень строго любил соблюдать. Почему когда литию служил,

когда в силах был, строго в хронологическом порядке всех угодников перечислял... Общецерковных великих святых, затем святых Русской нашей Церкви. И так по областям в хронологическом порядке мы и перечисляем историю нашего Отечества, нашей веры православной. Вот таковы знания должны быть... И постоянно все вам говорю, пополняю свои знания. Читаю, читаю. Пока глаза мои смотрели, я постоянно все читал. Газету возьму — читаю, журнал читаю, книгу читаю, все читаю. И этого я еще не слышал, и этого я еще не знаю. Боже мой, прожил жизнь, а этого еще даже и не подозревал. Вот такое стремление здоровое к знаниям постоянно в каждом должно быть. Тогда ты будешь грамотным, тогда ты будешь действительно со знаниями духовными и историческими. Без знания истории нет корней ее. И нет духовности тогда. Историю мы обязаны все знать».

Болобченко Владимир Григорьевич (г. Авдеевка) вспоминает: «Каждый год на каникулы Ваня приезжал домой и часто приходил к отцу Димитрию Пескову. Мама его пекла просфоры, когда он учился в семинарии. Батюшка (о.Димитрий) служил у престола, а он стоял рядом в алтаре, не высовывался, так как следили за всеми и спрашивали: "Кто этот молодой человек?"

Я приходил к нему домой, он жарил мне картошку. Однажды пошел меня провожать, висит афиша для фильма "Женщина двух мужей". Запомнились его слова: "Скажите, Владимир Григорьевич, чему этот фильм может научить?"

Он часто просил меня реставрировать что-нибудь: лампаду, кадило. Я ему помогал. Любил он старинные вещи. Он говорил: "Что тебе за труд?" — "Ничего. Книгу". Подарил "Очерк мистического богословия"

Лосского — прислал бандеролью из Питера. Это была публикация в сборнике "Богословские труды". А вообще такой литературы в те годы днем с огнем не найдешь. Так что это была большая ценность.

Отец Димитрий всегда старался помочь Ивану деньгами. Тетя из Тульчина тоже старалась ему помочь чем могла — передавала ему посылки с повидлом и салом. Когда Иван будучи студентом приезжал к своим родственникам, зашел как-то разговор о его быте.

— В келье у меня ничего нет.

— Ну как ничего, кровать есть?

— Да кровать и полки, полки, полки...

— А какие полки?

— С книгами.

— И все?

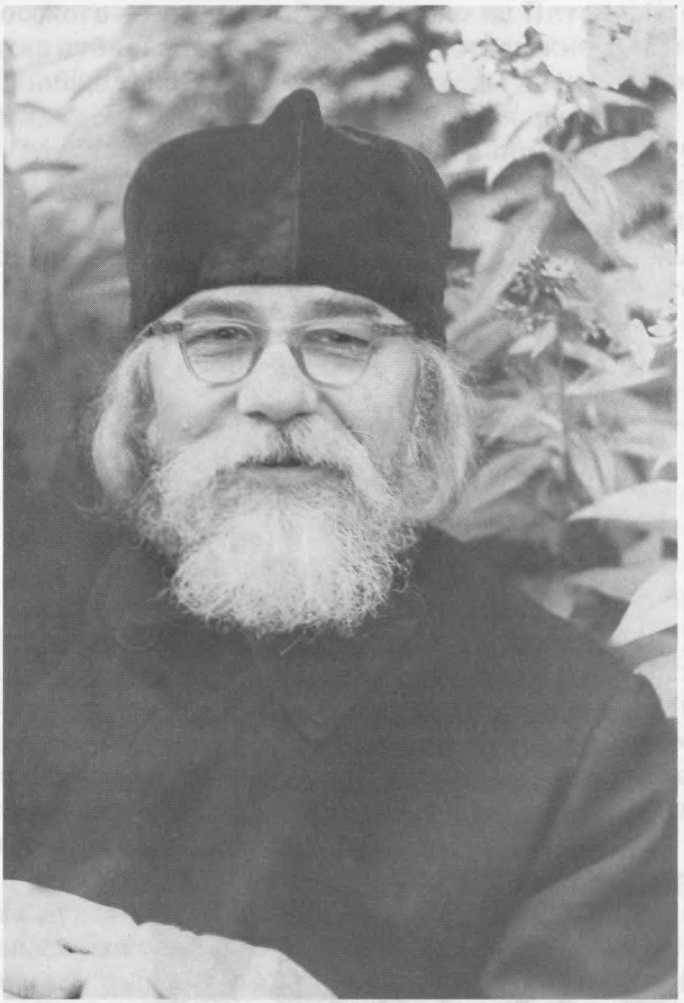
— Все. А что еще надо?

Учился и в семинарии, и в академии Иван очень хорошо, по первому разряду. За хорошую учебу он получал повышенную стипендию. В духовных школах стипендия небольшая, ведь студенты и так обеспечены бесплатным проживанием и питанием. Поэтому получаемых денег едва хватало на необходимые расходы, но Ваня всегда старался сэкономить, чтобы осталось еще послать маме.

Среди выдающихся духовников, от которых черпал духовные сокровища юный Иван Сокур, был известный уже в 1970-е годы старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин). В одной из своих проповедей батюшка очень тепло вспоминал о нем:

"Отец Иоанн (Крестьянкин), девяностолетний старец, очень мною почитаемый, я очень его люблю, этого старца, мой самый любимый старец нашего времени. От юности я руководствовался им, еще когда учился в семинарии. В академии юношей

Иван Сокур с друзьями



Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

я часто приезжал в Печоры, бывал, встречался, разрешал вопросы недоуменные. И никогда у нас с отцом Иоанном разногласий духовных никаких

не было, всегда было духовное согласие и единогласие"».

В последний год своей жизни отец Зосима приоткрывал братии некоторые сокровенные страницы своей жизни. Одним из таких моментов было явление ему, когда он был студентом академии, святого праведного отца Иоанна Кронштадтского.

«В келлии нахожусь, в комнате студенческой один я. Все ребята ушли. Сплю — не сплю. Дремота такая, Господь послал мне. Вдруг вижу: явным образом явился дорогой батюшка отец Иоанн в митре, в ризе красной огненной. Митра — красная, огненная такая. В одной руке крест, а в другой — кропило. Ничего не сказал, осенил крестом только, благословил и скрылся. И вот после этого мне так легко стало, так сладостно стало. Я сладость до сего дня ощущаю. Я понял: дорогой батюшка был, есть, он всех благословляет, он за всех молится, всероссийский наш великий пастырь, дорогой батюшка Иоанн Кронштадтский. И почитаю за особую милость Божию, что именно меня грешного благословил лично крестом на пастырское будущее служение...

И вы молитесь дорогому великому пастырю, светлому дорогому батюшке, чтобы и вас он осенил крестом и вас окропил кропилом святой водой, чтобы и вы были мужественными членами Руси нашей святой, Церкви нашей святой и настоящими православными людьми во славу Божию. Светлый образ великого пастыря и печальника Земли Русской, дорогого батюшки, да сопутствует вам всем.

Я долго ждал, что должен прийти дорогой батюшка своим образом к нам. Не может быть, чтоб я умер, и не пришел образ. И вдруг — на тебе, отец Сергий, простой сельский священник привозит мне копию еще 1908 года прижизненно по золоту

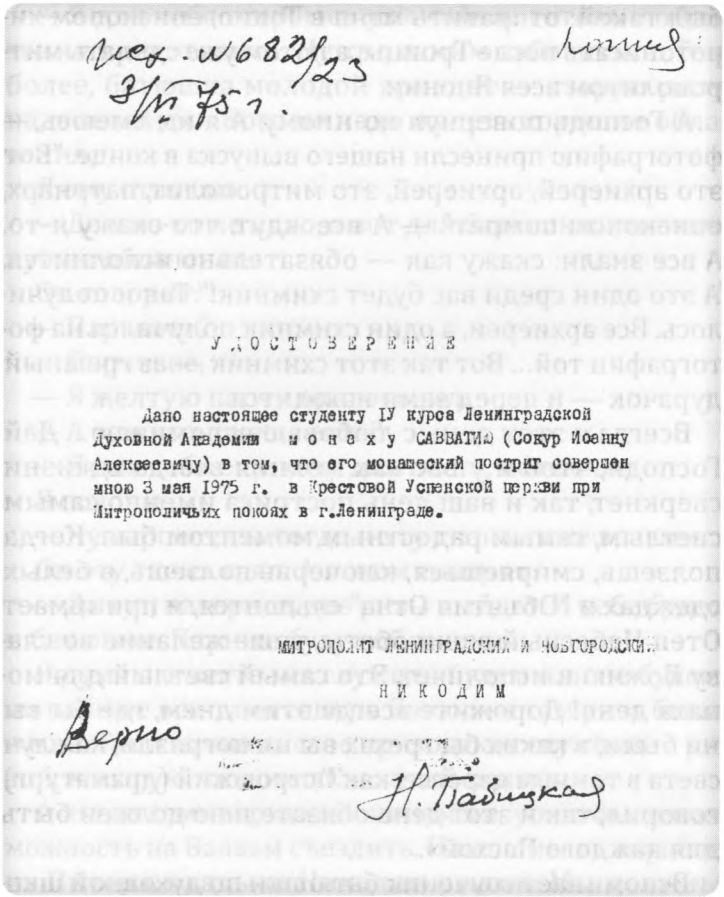
писанную — отец Иоанн Кронштадтский в ризе красной, как мне являлся, в митре красной, огненной, как Илия Пророк, стоит с крестом и кропилом. Это уже потустороннее благословение приехало к нам для святой обители и для всех вас. Знайте, что дорогой батюшка, отец Иоанн Кронштадтский, никогда не оставит нас и в дальнейшем». Незадолго до преставления отца Зосимы в обитель привезли этот образ Кронштадтского пастыря...

В конце четвертого курса академии совершилось то, к чему давно тянулась душа Ивана. Он принял монашеский постриг от руки митрополита Никодима, был рукоположен им же в иеродиакона, а в течение месяца и в иеромонаха. Постриг совершил митрополит Никодим на Страстной седмице в 1975 году в Крестовой Успенской церкви при Митрополичьих покоях.

«Посмотрел в календарь, думал, Хусдазадом назовут, — вспоминал батюшка, — а митрополит любил очень редкие имена. Как назовет, то Мелхиседеком, то Исаакием каким. Ну, думаю, точно: влип я. Когда слышу: "Брат наш Савватий постригает власы главы своея", думаю — хорошо, Савватий так Савватий.

Раздели меня перед всенощной пасхальной, и в Пасху уже, — сразу же в эту ночь рукоположили и в сан иеродиакона. Это была моя земная Пасха, неповторимый день моего пострига — радостный, веселый.

Участвовали в постриге три митрополита нынешние, постоянные члены Священного Синода: владыка Ювеналий, митрополит Сергий, митрополит Кирилл, уже покойный митрополит Антоний, нынешний Святейший Патриарх Алексий — он тогда был еще митрополитом. Сейчас епископы уже: архиепископ Григорий, архиепископ Лев, архиепископ



Исх. №682/23
3/IV 75 г.

копия

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее студенту IУ курса Ленинградской Духовной Академии монаху САВВАТИЮ (Сокур Иосину Алексеевичу) в том, что его монашеский постриг совершен мною 3 мая 1975 г. в Крестовой Успенской церкви при Митрополичьих покоях в г.Ленинграде.

МИТРОПОЛИТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ
НИКОДИМ

Верно

Симон, архиепископ Феофан, в Берлине поминается да в Нюрнберге.

Да, тогда пять святителей было... Владыка Мелитон, уже покойный, владыка Михаил (Мудьюгин), покойный уже. В общем, целый собор святителей участвовал в этот день в моем монашеском постриге.

Все думали, что стригут митрополита будущего. Так всем и говорили: "Будущий митрополит". План

был такой: отправить меня в Токио, епископом хиротонисать после Троицы, а потом уже сделать митрополитом всея Японии.

А Господь повернул по-иному. А я им смеюсь, — фотографию принесли нашего выпуска в конце. "Вот это архиерей, архиерей, это митрополит, патриарх, епископом помрет". — А все ждут, что скажу я-то. А все знали: скажу как — обязательно исполнится. "А это один среди вас будет схимник!" Так и получилось. Все архиереи, а один схимник получился на фотографии той... Вот так этот схимник — аз грешный дурачок — и перед вами находится.

Всегда я этот день с любовью вспоминаю... Дай Господи, чтоб и у вас как молния всегда в жизни сверкнет, так и ваш день пострига именно самым светлым, самым радостным моментом был. Когда ползешь, смиряешься, как червь ползешь, в белых одеждах и "Объятия Отча" слышится, и принимает Отец Небесный ваши обеты, ваше желание во славу Божию и исполняет. Это самый светлый для монаха день! Дорожите всегда этим днем, где бы вы ни были, в каких бы грехах вы ни погрязли, как луч света в темном царстве, как Островский (драматург) говорил, так и этот день обязательно должен быть для каждого Пасхой».

Вспоминает соученик батюшки по духовной школе протоиерей Петр Шошин: «С отцом Савватием мы одновременно закончили учебу в 1975 году. Только он закончил уже академию, а я семинарию. И вот перед окончанием учебы он мне давал советы:

— Ризу какую, хоть материалы домой привези. С семинарии приедешь, из Ленинграда. У вас там такой парчи-то нет.

Отец Савватий тогда сам еще в сане не был, а мне говорит:

— Я для себя стараюсь уже сейчас готовые облачения приготовить. Нужно самим заботиться. Тем более, батюшка молодой приедет — старую ризу наденет. А для Бога не надо жалеть хорошие облачения.

Я ему отвечаю:

— Да мне-то не надо, а вот для батюшки, конечно, нужно облачение.

Он говорит:

— Парчовое?

— Парчовое.

— Я желтую парчу приготовил.

— А там что-то еще есть?

— Я для себя еще хочу для поста, потемнее.

Я говорю:

— Ну хорошо, ты тогда и эту ткань тоже возьми.

Он эту ткань взял. А потом говорит:

— Да тут, наверное, две ризы выйдет. И тебе будет, и батюшке. Парные будут облачения.

Я думаю, вместе мы служить будем или не будем, но парные все-таки сшили. Батюшке там риза была и мне. Так я начинал свое приходское служение с ризой, которую мне отец Савватий пошил.

А когда семинарию заканчивали, у нас была возможность на Валаам съездить. Плыли мы на корабле из Питера, владыка Никодим с нами. Мы должны были сначала на какой-то еще остров заплыть, а потом на Валаам. Когда мы плыли, отец Савватий все говорил, вот бы был туман, и мы бы сразу на Валаам поплыли, больше было бы там времени. И действительно так и получилось: объявляют, что ввиду тумана плывем сразу на Валаам.

Приехали туда. Там музей вроде. В музей не пошли. А когда мы сошли с корабля, помню, отец Савватий говорит:

— Что по музеям-то ходить? Я пошел сам.

А я говорю:

— А мы за тобой.

Со мной еще были семинаристы. А он дальше идет:

— Я ведь не на прогулку. Я иду по земле святой, в монастырь. Я ж монах.

Я говорю:

— А мы с тобой.

— Тогда послушники, выходит? Обратно-то я в обед не возвращаюсь на корабль. А вы как?

— Мы с Вами.

— Вы сможете без обеда?

Я говорю:

— Сможем. Как придется Вам, так и нам.

Идем мы, идем, и УАЗик выезжает:

— Вы куда? — спрашивают нас.

— Мы туристы, — он говорит, "паломники" тогда не говорили.

— А чего ж туристы здесь ходят?

— Нам хочется посмотреть все.

— Здесь нельзя везде ходить. Скажите куда, мы вас подвезем.

Посадили нас на УАЗик и подвезли на развилочку какую-то.

— Теперь идите прямо, там скит находится.

Идем мы, а по дороге какое-то озеро. Обходить мы его уже не стали.

— Прямо нам идти. В Царствие Небесное прямо идти.

Лодка там была. Сели в лодку и переплыли. Не помню уж какой скит, но там была колокольня и даже колокол был.

— Даже колокол сохранился! Вы, мои послушники, позвоните в этот колокол.

Я тогда первый полез, да ударился головой, аж присел. Выхожу.

— А что же звону-то не слышно?

— Языка там нет.

— А вам еще надо язык... Ну, сейчас поищу.

Поискал, дал нам железку. Мы пошли и звонили. А он стоял и слушал.

Я все думал тогда, хоть бы мне не забыть, Сергия и Германа Валаамских почтить как-то в своей жизни. И первая служба на приходе у меня была на праздник Сергия и Германа Валаамских.

А потом кто-то из ребят говорит: "Да тут же столовая есть". Батюшке предлагали: может, сходим в столовую, покушаем.

— Ну да кушать-то мы, наверное, не будем. Время тратить на еду! Если уж вы хотите только.

Мы говорим:

— Хоть водички испить.

— Вот и хорошо, а водички мы сейчас испием.

А там колонка была какая-то.

— Хоть здесь и не святой источник, а все равно земля святая и вода, значит, святая на месте подвигов преподобных Сергия и Германа.

Попили мы этой водички, сходили в скит.

Вот так мы были на Валааме. Митрополит Никодим тоже тогда был, но он был после инфаркта и ходил очень медленно со своими послушниками.

Постригал батюшку владыка Никодим в Крестовой церкви. Издали мы смотрели. "Брат наш Савватий". И владыка наклонился что-то сказать батюшке. И что-то на ухо шепнул ему. И дальше: "... постригает власы главы своея". А мне этот момент запомнился очень, и так было любопытно, что же сказал владыка тогда ему на ухо.

Батюшку увели после пострига в храм Иоанна Богослова, все разошлись и про батюшку, может быть, и забыли. Но где-то там внутри: "А как он там?" Все ушли, а его оставили одного. А потом регент мужского хора прибегает: "Ребята, без пятнадцати двенадцать. Надо "Се Жених..." пропеть постриженнику".

— А храм же закрыт.

— Ключи найдем, откроем.

Все комнаты обежал регент, будущий архиепископ Ионафан. Он был в конце 1980-х первым наместником возрожденной Киево-Печерской лавры.

Открыли хоры верхние. Зашли мы туда. А интересно, чем там монах у нас занимается? А он там на клиросе где-то молился. Услышал, — дверь скрипнула, выходит в мантии, свечой лампады у местных икон зажигает, встает на амвон в этой мантии. В этот момент регент задает тон. Поем мы "Се Жених грядет в полунощи..." Пропели мы, батюшка повернулся к нам: "Спаси Господи, братья, что не забыли, посетили". А оттуда сверху: "Спасайся о Господе!", а кто-то не знал или пошутил так: "Спасайся как можешь!" Батюшка остался на всю ночь, а мы ушли.

Владыка Никодим нас рукоположил. И в день выпуска, после литургии, дал нам награды. Владыка тогда сказал: "Кто уже покидает епархию, мне уже никогда не придется вас наградить за вашу службу. Поэтому, пользуясь случаем, в выпускной день тех кто получил уже священный сан, я представляю к наградам. Когда приедете на свои приходы, сразу наградами будете отмечены. А следующие награды уже там заслужите". И мы тогда стояли как раз рядом, я это хорошо запомнил. Ему, как выпускнику академии, владыка дал золотой крест, а мне набедренник".

Торжественный акт выпуска Духовной академии

Научным итогом обучения отца Савватия в академии явилась написанная им кандидатская работа на тему: «Валаамский монастырь и его церковно-историческое значение».

Конечно же, не случайно областью его научного интереса оказалась история русского монашества. Именно здесь он стремился найти живые примеры для подражания, образцы для своей дальнейшей жизни. Таким образом, кандидатская работа отца Савватия оказывается не чем-то отвлеченным от реальности, а важным теоретическим фундаментом для его будущей пастырской деятельности.

Валаамский монастырь — ярчайший образец русского монашества, характерно сочетавший в своих стенах, с одной стороны, подвиг молитвы и явивший миру сонм Валаамских старцев-подвижников. А с другой стороны, он прославился образцовым

хозяйством, разумным устройством монашеской жизни многочисленной братии.

Именно такое восприятие монашеской жизни воплотил батюшка в созданной им обители в Никольском, которая явилась плодом его многотрудной жизни.

Вот некоторые отрывки из его кандидатской работы. Все, о чем он пишет, в полной мере можно отнести к нему самому и его обители.

«В Валаамском монастыре всегда выражалось искреннее русское гостеприимство, радушие, щедрость и простота. В нем всегда накормят, обеспечат ночлегом и ничего не потребуют, кроме доброй молитвенной памяти».

И это стало правилом жизни отца Савватия. И на приходах, где он служил, и в монастыре трапезная всегда была открыта для паломников и странников. Батюшка никогда никого не отпускал не накормив. Часто сам давал милостыню нуждающимся.

«Валаам — это памятник величайших беспримерных подвигов людей, умерших для мира, но непрестанно молившихся и ходатайствовавших о всем мире. Это памятник беспримерному монашескому трудолюбию, так как на Валааме работа считалась священнодействием и ее действительно выполняли, как совершая Таинство. Трудолюбие монахов Валаамского монастыря и являлось тем отличительным свойством, которое выделяет этот монастырь из всех прочих монастырей, существующих в России».

«За образец устройства монастыря игумен Назарий взял Афонские монастыри. Четырехугольник, состоящий из жилых и хозяйственных построек, и в середине двора — церковь». И именно такое устройство обители в Никольском выбрал отец Зосима.

«Особое внимание отец Назарий обратил на богослужение, на чтение и вообще на весь порядок церковной службы. Будучи сам знатоком церковного устава, любя и зная древнерусские знаменные напевы, он личным руководством, трудом и терпением постепенно ввел в отправлении церковных служб строгий порядок, точность, плавное чтение, без ложной чувствительности и тщеславия голосом. Им же введена в монастыре должность кононарха и пение на "два клироса"».

О знаменитом игумене Дамаскине, строителе Валаама и одновременно духовнике и старце для братии, отец Савватий писал: «Особо внимателен был отец Дамаскин к библиотеке монастыря и к собиранию архивных и исторических данных о монастыре. Будучи библиофилом, не жалел средств на приобретение различных рукописей и нужных книг для библиотеки».

Основу нынешней, в несколько тысяч томов, монастырской библиотеки в Никольском составляют книги, собранные отцом Савватием. Сотни редких старинных книг были куплены им еще в студенческие времена.

«Где нужда заставляла исправить погрешности братии, он казался полон гнева, но внутренне бывал спокоен и достигал двух целей: и брата исправит не расстроив, и свой душевный мир сохранит, при выговорах и замечаниях его все же любили. Особо исключительную черту характера отца Дамаскина составляла любовь к труду и воспитание в этом духе братии монастыря».

«Среди скорбей и бедствий человек, естественно, требовал успокоения, утешения, углубления в самого себя, в свои вышние потребности, и чем были сильнее скорби, тем глубже и ощутительней была потребность утешения и наставления.

Не учебно-богословской, но простой нравственно-назидательной беседой просвещали благочестивые подвижники приходивший к ним народ. Для людей любого положения в обществе и нравственного состояния они находили совет и утешение».

Здесь отец Савватий говорит о сущности старческого служения, которое он в совершенстве осуществил в своей дальнейшей жизни.

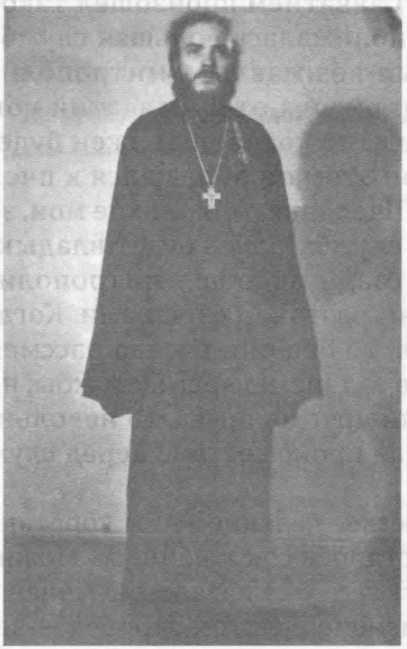
СВЯТО-УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ОДЕССЕ

После окончания академии иеромонах Савватий по распределению был направлен в Одесскую епархию, где Высокопреосвященнейшим Сергием был определен в Свято-Успенский монастырь. Здесь, по особому Промыслу, его определили в келлию, где жил до своей праведной кончины схиигумен Кукша (Свято-Успенский монастырь стал последним пристанищем праведного скитальца, — безбожные власти ему не давали нигде долго засидеться: их пугал поток богомольцев, который шел к святому молитвеннику).

Как знак преемственности благодати старчества молодому иеромонаху досталась в наследство схимническая риза преподобного, к которой батюшка всегда, еще задолго до прославления о. Кукши в лике святых, относился как к великой святыне.

Монастырским послушанием батюшки была пасека и садовое хозяйство.

Рассказывает А. М. Кушнир из г. Донецка: «По профессии я пчеловод, и, наверно, поэтому о. Зосима



Иеромонах Савватий
в Одесском монастыре

в разговоре со мной рассказал, что он тоже, в свое время, был, так сказать, пчеловодом, т. е. был на послушании на пасеке под руководством старшего пасечника. Но это не мешало ему относиться к своей работе творчески.

Предварительно получив разрешение, он решил бороться с восковой молью путем постановки пчелиных рамок в монастырский ледник. Однако из этой затеи ничего не вышло. И это можно легко объяснить, так как все стадии восковой моли не переносят только достаточно низкие температуры, такие, как –10, –15 °С в течение 1–2 часов, а поскольку в леднике таких температур не могло быть, то из этого опыта ничего не получилось».

Однажды с отцом Савватием произошел такой смешной случай. Приближалась большая служба, которую должен был возглавлять митрополит. И незадолго до его прихода отец Савватий убирал рой пчел с дороги, по которой должен будет пройти владыка. При этом он обращался к пчелкам с увещаниями: «Пчелочки, миленькие мои, залетайте, ведь скоро служба, здесь будет владыка идти...» Незаметно сзади подошел митрополит и услышал батюшкин разговор с пчелами. Когда батюшка его увидел, то оба они весело рассмеялись. И когда потом в алтаре, во время службы, несколько раз смотрели друг на друга, то невольно улыбались, вспоминая происшествие перед службой.

Внутреннее монашеское делание в этот короткий период его жизни осталось сокровенным. Можно только предположить, что уже начало его монашеского пути было отмечено крестом скорбей — печатью особого избранничества Божьего. Во всяком случае, уже сам постригая в монашество, новопостриженных он предупреждал: «А теперь ждите: будут скорби, болезни, клевета. Побеждайте все козни врага терпением и смирением».

ПРИХОДСКОЕ СЛУЖЕНИЕ. АЛЕКСАНДРОВКА

В конце декабря 1975 года отец Савватий получил назначение на должность настоятеля храма в честь святого благоверного князя Александра Невского в поселке Александровка Марьинского района Донецкой области. Иеромонах, блестящий выпускник

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Управляющий Ворошиловградско-Донецкой епархией

г. Ворошиловград, ул. Володарского, 48, тел. 2-81-11

№ 507 2 января 1976 года

с добрыми делами

УПОЛНОМОЧЕННОМУ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР ПО ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Е. ГОМЛЯ

Определением Нашим от 2 января 1976 года иеромонаху САВВАТИЮ (СОКУР Ивану Алексеевичу) БЛАГОСЛОВЛЯЕТСЯ настоятельское служение в Св. Александро-Невском храме пос.Александровка, Марьинского р-на, Донецкой области.

Прошу его ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ для служения в указанном приходе.

УПРАВЛЯЮЩИЙ Ворошиловградско-Донецкой ЕПАРХИЕЙ

Сергий,
МИТРОПОЛИТ ХЕРСОНСКИЙ и ОДЕССКИЙ,
УПРАВЛЯЮЩИЙ ВОРОШИЛОВГРАДСКО-ДОНЕЦКОЙ ЕПАРХИЕЙ.

Духовной академии становится «простым сельским священником», как часто называл себя сам батюшка. Служение приходского священника — это прежде всего пастырство, духовное окормление народа Божия. Это то, к чему готовил себя отец Савватий во время учебы в духовных школах, к этому стремилась его душа.

Но настоятель на приходе сталкивается также и со множеством хозяйственных проблем. Приехав в поселок, батюшка увидел, что храм очень бедный, иконы были изготовлены из картона, вместо иконостаса — его подобие. Старые доски пола представляли опасность для прихожан, потому что в некоторых местах проваливались. Люди в храм ходили редко.

Как только на улице потеплело, отец Савватий активно занялся строительством и благоустройством храма и церковного двора. Прежде всего он решил расширить храм. Старый храм оставался на своем месте, а вокруг него начали делать кладку новых стен. И когда новый храм закончили, тогда уже разобрали старый. Пока же в нем можно было молиться, совершать богослужения.

В советские годы было запрещено что-то строить без разрешения властей. А получить такое разрешение было практически невозможно даже архиерею, не говоря уже о священнике. Поэтому приходилось как-то хитрить, скрываться. Но от намеченной цели отец Савватий уже не отступал.

Батюшка сделал в храме новый хороший иконостас, на храме поставил кресты, стал покупать для храма иконы, построил крестилку[1].

Помощников первое время совсем не было. Все почти приходилось делать самому. Батюшка сам в подряснике носил песок, месил глину. Целыми днями почти без отдыха очень много и упорно работал. А по ночам молился, вычитывая монашеское правило.

Думал он и о том, как облагородить территорию, прилегающую к храму. Любил сажать деревья. Сам

[1] Так иногда называют помещение, где совершается Таинство крещения. — *Примеч. ред.*

сажал орехи, каштан, который теперь уже разросся в большое дерево у входа в церковь. Посадили там и виноград, и другие деревья и кусты.

В поселке пошла молва о хорошем батюшке-монахе. Прихожане рассказывали знакомым, какие поучительные, интересные проповеди произносит отец Савватий. Его истовые богослужения, частые проповеди и просто беседы в храме с людьми на насущные темы стали привлекать в Александровку все больше и больше прихожан. Уже не только из окрестных сел, но и из Донецка потянулись люди к доброму пастырю.

Безбожным властям не понравилась такая активность священника. На него начали давить. Неоднократно вызывали и беседовали в сельсовете. Заставляли отказаться от всякого строительства. Начали строить колодец — стали требовать разобрать. До половины разобрали, а половину оставили. Так и стоит недостроенный колодец посреди церковного двора в Александровке до сего дня.

Любовь к церковной службе, которую отец Савватий имел с детства, теперь, когда он стал священником, возгорелась в нем особенно ярким пламенем. Служил он очень часто и подолгу. Ревнуя о памяти святых угодников, стараясь почтить память многих из них с особой торжественностью, батюшка служил много полиелейных служб. Громогласное величание, торжественное каждение, чтение Евангелия, обязательная проповедь — все это батюшка совершал настолько вдохновенно и величественно, что многие люди, побывав на его службе один раз, оставались в этом храме уже навсегда, стремясь еще и еще припадать к этому благодатному источнику.

Не сохранилось кинопленки, которая запечатлела бы, как служил великий молитвенник XX века,

В Александровке

святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Но сохранились свидетельства очевидцев его служб, их воспоминания поразительно, слово в слово, подходят и к описанию того, как молился отец Савватий:

«Всех поражали, прежде всего, его возгласы. Он произносил их отрывисто, резко, громко, подчеркивая известные слова и придавая каждому из них особенный смысл и значение. Это не обыкновенное наше произношение — монотонное, певучее, мертвенное, а живое, глубокое, полное смысла и одушевления. Видно по всему, что это слово льется

из глубины чистой, глубоко верующей души, полно непоколебимой уверенности, силы и внутренней мощи. Это слово — плоть, слово — жизнь, слово — действие...

Нельзя было не обратить внимания на это чтение. Умиление, восторженность, твердость, надежда, упование, радость, печаль, глубокое благоговение — все слышалось в этом дивном чтении. Читает отец Иоанн, как бы беседует, разговаривает со Спасителем, Божией Матерью и святыми, как бы они вот здесь перед ним находились... Голос чистый, звучный, резкий. Произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое. Одно слово прочитает скороговоркой, другое протяжно чуть не по слогам, третье подчеркнет, оттенит. Ни одно слово не было прочитано им без смысла и толка. Более важные по мысли и содержанию слова произносит, обратясь даже к народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое»[1].

В шесть, а то и в пять часов утра приходил отец Савватий в храм и начинал вычитывать утреннее монашеское правило: молитвы, полунощницу. Вычитывал акафисты, которые люди просили. Бывало, по нескольку акафистов вычитывал, служил молебны. С трепетом относился батюшка к тому сокровищу духовному, что содержится в богослужебных книгах и церковных службах. Службы тем святым, которые не совершались в храме, вычитывались дома: батюшкина мама — схимонахиня Мариамна и ее келейница прилежно исполняли это молитвенное правило.

Храм был один на всю округу. Каждый день приходилось совершать какие-нибудь требы: то крещение,

[1] Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. — М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег. 1998. С. 56, 59.

то венчание, то отпевание. А там и вечернее богослужение. Зачастую уже глубокой ночью возвращался батюшка из храма после вечернего монашеского правила в свою келью для недолгого отдыха.

Отец Савватий взял себе за правило не просить деньги за требы. Батюшка не раз повторял: сто человек не заплатят, зато потом найдется один, кто даст столько, что хватит помочь сотням. И благодетели всегда находились...

Характерной чертой батюшки всегда было то, что он никогда не унывал, не опускал руки перед трудностями. А живое чувство юмора выручало его не раз даже в сложных ситуациях.

Однажды проходило собрание председателей колхозов. Отец Савватий тоже присутствовал там для решения каких-то вопросов. Один из председателей начал смеяться: «Что поп-то тут делает?» Батюшка сразу же ответил ему на смешки: «Если меня сделать председателем, то я твой отсталый колхоз за несколько лет сделаю передовым, а тебе в церкви и кадило нельзя доверить, сразу лоб бабке расшибешь». Услышав остроумный ответ, все присутствующие рассмеялись.

Веселый был нрав у батюшки. Вспоминает схимонахиня Иннокентия: «Иду я как-то по церковному двору в Александровке, а батюшка что-то наклонился. И меня он не видит. Подхожу ближе, смотрю — а он с котятами играется. Меня увидел — застеснялся, встал.

Зимой лужи замерзли — так он по льду проскользит, как мальчишка. А мама его, матушка Мариамна, увидела и говорит: "Ты же священник, нужно солидно себя вести"».

Батюшка жил при храме. Его мама, которая жила в Старомихайловке, часто приезжала к нему

Схимонахиня Мариамна (Мария Ивановна Сокур), мама батюшки Зосимы

на службу. Она болела астмой. Батюшка очень заботливо к ней относился. В храме справа у алтаря у нее было свое особое место, где она всегда молилась. Она очень любила богослужение. Счастлива была мать, вырастившая и воспитавшая сына, который ревностно служит Богу и нужен людям, который в трудные минуты может поддержать человека. Какую благодарность Богу и Матери Божией она испытывала, когда ее сын — игумен Савватий постригал ее в великую схиму.

Те люди, кто имел счастье общаться с матушкой Мариамной, говорят о ней с большой любовью и теплотой. «Это был святой человек. Настоящий ангел», — вспоминает бывший алтарник

Александровского храма, ныне игумен Зинон. «Очень хорошая, обходительная, гостеприимная. Батюшка часто повышал голос, когда его не слушали или что-то не так делали. Матушка Мариамна ему: "Что ты кричишь, нельзя так людям грубить. Надо с людьми нормально разговаривать". Но батюшка и накричит, и поругает, и пожалеет всех. Одновременно и строгий и добрый был», — рассказывает схимонахиня Иннокентия, много лет трудившаяся при александровском храме.

Мама отца Савватия схимонахиня Мариамна умерла в 1981 году. Батюшка служил всенощное бдение под праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Из-за болезни матушка Мариамна осталась дома, в Старомихайловке, и читала Псалтирь. За чтением Псалтири она и умерла. Ее похоронили в Александровке, недалеко от храма. «Батюшка, конечно, очень переживал. Всем приказывал, чтоб не плакали, а сам ходит как ночь, лицо темное», — вспоминает схимонахиня Иннокентия.

Людей в храме было много по праздникам, а в обычные дни в храме часто бывало пусто. Бывали случаи, когда уставные богослужения батюшка совершал в одиночестве.

Постепенно сложился хороший церковный хор. В храме стали служить ночные службы. Число прихожан росло. В храм стала ходить местная молодежь. «С молодежью нужно работать», — часто говорил батюшка, не жалея ни сил ни времени на долгие беседы с приходившими в церковь юношами и девушками.

Появились вскоре и постоянные помощники. Из Донецка на службу к батюшке приезжала Мелания Васильевна Григоренко. Эта простая трудолюбивая женщина воспитала без мужа троих сыновей.

В Александровке. Крестный ход на Светлой седмице

По ее молитвам все они стали людьми церковными. Постепенно опорой батюшки во многих трудных делах стали три брата Григоренко: Леонид, Николай и Виктор.

Леонид иногда подвозил на машине батюшку, когда у него возникала необходимость в поездках. Когда брат Леонида — Николай приобрел собственный автомобиль, то он предложил батюшке быть его постоянным водителем. Батюшка согласился, и многие тысячи километров провели они вместе в различных поездках. А Виктор стал бессменным экономом храма уже в Никольском.

Сын Виктора, Сергей, пономарил в храме и со временем стал келейником батюшки. Когда настало время Сергею служить в армии, он был направлен на Афганскую войну. Однажды ночью батюшка встал и начал усиленно молиться. В это время в Афганистане над Сергеем нависла смертельная угроза: рядом с ним прошли солдаты противника,

которые расстреливали советских воинов. Сергей остался жив. После армии он возвратился домой седым. Дважды батюшка своими молитвами спасал Сергея от смертельной опасности.

При александровском храме поселились послушницы — постоянные помощницы батюшки во всех приходских делах. Это были матушка Мария Николаевна из Петровки, матушка Антонина и матушка София, будущая схимонахиня Тавифа.

В 1977 году впервые приехал в Александровку художник Александр, будущий схиархимандрит Алипий. Спустя некоторое время он также поселился при храме и стал послушником — иконописцем.

Для тех, кто поселялся при храме, батюшка устанавливал строгие, почти монастырские правила. В частности, на территорию церкви было запрещено вносить мясо и спиртное. Отец Савватий сам не прикасался к спиртному и другим не велел. Основным правилом жизни батюшки была простота во всем и нетерпимость ко греху.

С 1978 года стала приезжать на службы в Александровку раба Божия Лидия, будущая схимонахиня Феофания. Она вспоминает: «Тогда в Александровке храм ломился от народа. И всех батюшка сам исповедовал по одному. На клиросе повычитывают уже все, что можно...

Если батюшка отпевал кого-то на дому, то в комнате, где лежит покойник, не должно было быть телевизора... Один раз он говорит: "Я не буду этого человека отпевать, обратитесь к врачу". Этот дедушка оказался живой. Батюшка заметил это, обратив внимание на мочку уха, которая была розовой».

На отдание праздника Успения Пресвятой Богородицы в сентябре 1978 года отошел ко Господу митрополит Ленинградский Никодим. Отец Савватий

немедленно выехал в северную столицу для участия в погребении своего аввы, как называл его сам батюшка. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (нынешний Святейший Патриарх. — *Примеч. ред.*) вспоминал спустя 25 лет о том, как «молодые иеромонахи плакали над гробом владыки Никодима». Среди этих иеромонахов был и отец Савватий. Ему, как постриженнику, достались и некоторые личные вещи почившего владыки: его митра, облачения, некоторые иконы, в том числе икона святого благоверного князя Александра Невского с частицей его святых мощей.

Пока позволяло здоровье, отец Савватий много ездил. Примерно раз в два месяца он ездил в Москву за церковной утварью, иконами, тканями, книгами и другими товарами, которые тогда можно было достать только в столице.

В одну из поездок в Москву с батюшкой произошел такой случай, о котором он рассказывал братии. Обычно носил он зимнюю шапку очень простую, недорогую. А тут его уговорили надеть шапку хорошую, новую. Надел он эту шапку пыжиковую и рано утром поехал в церковную лавку. Было около пяти часов утра. Место же было опасное, злачное. На улице почти никого не было. А когда подошел к переходу, навстречу вышли двое. Батюшка понял сразу, что будет плохо. Шапка новая, денег полные карманы рублями. И он взмолился: «Господи, помоги мне, защити». А они сзади идут, настигают уже вот-вот. И тут, откуда ни возьмись, два милиционера появились сзади и идут за ним. А те мужики отстали сразу. Потом вышел оттуда, глянул: нет милиционеров. В календарь посмотрел: какой же праздник, кто защитил? Святые бессребреники Косма и Дамиан. Отслужил молебен благодарственный.

Вспоминает раба Божия Любовь из г. Макеевки: «В 1979 году я со своим двоюродным братом и батюшкой поехали в Москву. Бегать приходилось с утра до вечера. Кроме монастырей и храмов заходили в книжные и хозяйственные магазины, так как батюшка в то время реставрировал и реконструировал Александро-Невскую церковь в селе Александровка и ему нужны были материалы. А к вечеру я увидела у себя на ногах большие растертые мозоли, но об этом решила не говорить, так как на следующий день планировалась поездка в Троице-Сергиеву лавру. Но батюшка об этом все равно узнал и строго сказал, что с этим шутить нельзя, приложил что-то к моим ранам. На следующий день вернулись домой поздно, но раны меня уже не беспокоили. А когда приехала домой, рассказала маме, она сказала, что батюшка и ее когда-то вылечил. Она не могла подняться с постели (отнимались ноги). Батюшка приехал, сказал: "Поднимайся потихоньку, берись за мою руку". И после этого она стала ходить».

У самого батюшки всегда были больные ноги. Уже в студенческое время проявилась у него тяжелая болезнь ног — варикозное расширение вен. Первое дело здесь — нельзя много стоять. А как же не стоять, когда совершаешь службу?! Так вскоре образовались у него на ногах трофические язвы. Батюшка любил русскую парную, парил ноги, — после этого ему бывало легче, но ненадолго. Опять длинные службы, опять обострение, — боли, высокая температура. Крест его болезней тяжелел с каждым годом.

«Терпением скорбей спасаются в наше время. Не стремиться к внешним подвигам, а научиться терпеть с благодарением скорби и болезни» — это поучение батюшка часто повторял своим духовным чадам.

Одним из подвижников Донецкой земли в это время был игумен Иоасаф (Борисенко), к которому отец Савватий относился с большим почтением и имел с ним духовное общение. Отец Иоасаф служил с 1943 года в Никольском храме села Григорьевка до самого последнего дня своей жизни. А кончина его примечательна, ибо произошла прямо у престола Господня во время богослужения.

Шел Рождественский пост. 15 декабря 1978 года за всенощной под воскресенье благолепно и умилительно лилась в храме служба Богу. Игумен Иоасаф, как и всегда, стройно и красиво возглашал славословие Господу; помазал своих прихожан елеем (никто и не предполагал, что в последний раз помазует их любимый пастырь!), затем, благословив паству святым Евангелием, отец Иоасаф внес Евангелие в алтарь.

И вот, стоя в алтаре за престолом, игумен Иоасаф сердечно возглашает: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим...»

Все слова, до последнего «предадим», отец Иоасаф, как и всегда, пропел четко и красиво, голос его не дрогнул ни на одном звуке... Но вдруг пастырь немного, едва заметно, покачнулся. Поддерживая батюшку, но чувствуя, что он отходит ко Господу, пономарь потихоньку положил дорогого пастыря на ковер. И вот лежит красивый старец-игумен Божий, ногами касаясь престола, а голова — в царских вратах... Все происходило тихо и спокойно, даже величественно и красиво. Хор и прихожане застыли — в храме воцарилась тишина... Не было понятно: дорогому пастырю плохо... или?.. Но никто в храме

не вскрикнул, не зашумел — все тихо опустились на колени, молясь и вытирая слезы. Следует отметить, что паства, которую воспитал игумен Иоасаф, истинный пастырь, вела себя очень достойно: это была уже не толпа, а единая скорбящая душа-христианка!

Вышел из хора певчий, опустился перед батюшкой на колени, послушал пульс. Вызвали «скорую помощь», которая засвидетельствовала кончину дорогого игумена Иоасафа. А на следующий день, в воскресенье, после литургии, которую отслужил другой священник, на амвон вышел иеромонах Савватий и сказал: «В лице игумена Иоасафа мы все потеряли доброго пастыря, духовного наставника. Но скорбь наша побеждается радостью. Я хочу поздравить всех вас — вы были прихожанами у святого пастыря, которые бывают на земле раз в сто лет. Отец Иоасаф был моим духовным отцом, я часто приезжал к нему, мы вместе молились ночами, подолгу беседовали о многом. Однажды отец Иоасаф сказал мне, что надеется, что милосердный Господь сподобит его кончины в алтаре, за престолом. И Господь исполнил его желание: именно во время молитвы игумена Иоасафа в алтаре душа его отошла к Богу»[1].

Огромное значение отец Савватий с самого начала своего служения придавал проповеди. В проповедях он не затрагивал богословские вопросы, говорил просто, но благодатно, от сердца. «Я никогда не обдумываю, что я буду вам говорить... "Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою". Надеюсь на Господа. И Господь всегда помощником

[1] *Протоиерей Андрей Гриненко и др.* Исторический очерк. — Донецк: Изд. Бугасова С. Г. 2006. С. 215–216.

мне есть. Никогда не люблю чужие проповеди читать и повторять их, как мартышка. Всегда люблю свое слово сказать, личное. То, что у меня на сердце, то, что у меня на душе, то и на устах моих», — свидетельствовал сам батюшка.

Он использовал любую возможность, чтобы проповедовать — говорил проповеди и поучения даже во время помазания на соборовании. Проповедовал батюшка до последнего дня своей земной жизни.

По воскресным вечерам отец Савватий устраивал беседы с народом в храме. Он надевал мантию, ставил аналой посреди амвона, тушил свет, говорил, чтобы все садились. Опирался на аналой и начинал рассказывать о святых. Говорил он для народа очень доступно, но в то же время в его проповедях и беседах всегда было много интересной исторической информации, замечательных живых подробностей.

К батюшке проявляли интерес не только верующие люди. Его проповедями и беседами заинтересовались «компетентные органы». К храму во время службы подъезжали специальные машины и записывали его речи. Интересовались, с кем дружит батюшка, кто его окружает в быту. Ревностное отношение к пастырским обязанностям «компетентные органы» решили направить в нужное им русло. Батюшку многократно вызывают в кабинеты высокого начальства и уговаривают дать согласие на сотрудничество с органами. Батюшка каждый раз говорит свое твердое «нет». Однажды, после одной из таких «бесед», полковник в ярости, сбросив с себя маску благожелательности, используя грубую брань, закричал, размахивая кулачищем: «Ты что, не знаешь, что я тебя, безумного попа, размажу по стенке?!» На что батюшка спокойно ответил, что Бог разум отнимает только у богоборцев, и тогда они

размазывают уже не человека по стене, а нечистоты по полу. Слова батюшки оказались прозорливыми. Прошло богоборческое время, и жена уже не полковника, а генерала приехала к батюшке за советом, что делать с безумным мужем, который в квартире все вымазывает нечистотами.

В 1979 году с неожиданной стороны подошло новое большое испытание. Председатель Синодального Отдела внешних церковных сношений решил направить отца Савватия на пастырское служение в Японию. В Патриархии помнили талантливого выпускника академии, постриженника митрополита Никодима. Запросили характеристику с места служения. Ее содержание говорит само за себя: «Иеромонах Савватий (Сокур Иван Алексеевич), за короткое время пребывания в клире Ворошиловградско-Донецкой епархии зарекомендовал себя примерным священнослужителем. Со старанием и любовью совершает свое пастырское служение, в котором видит свое призвание. Пользуется любовью и уважением прихожан. Неленостно проповедует в воскресные и праздничные дни. Имеет здравое патриотическое настроение».

Патриарх Пимен поддержал его кандидатуру. И как батюшка ни отказывался, он все же вынужден был пройти все подготовительные инстанции. Были подготовлены все документы и даже уже куплены билеты на самолет из Москвы. Отец Савватий очень не хотел ехать в далекую Японию, и не из-за того, что он боялся трудностей. Он многим тогда сокрушенно говорил: «Как же я брошу свой народ? Ну чего же мне туда ехать, когда я здесь так нужен?» Однако, положившись на волю Божию, поздней осенью 1979 года он выехал в Москву. Неожиданно в этот самый момент он заболевает тяжелейшим

воспалением легких. Поднялась громаднейшая температура. А тут еще выяснилось, что у него также очень больные ноги. Решение о назначении в Японию отменили.

«Бог услышал мои молитвы», — говорил тогда отец Савватий.

***

Уже в Александровке люди стали замечать случаи необычайной прозорливости отца Савватия.

Вспоминает Мария Каун: «Когда отец Савватий служил в Александровке, я приезжала к нему раза четыре или пять из г. Тореза, где несла клиросное послушание в течение 18 лет.

Когда умер мой отец в 1983 году, я дала деньги своему батюшке отцу Иоанну, чтобы поминал моего отца на заупокойных ектениях. В первую службу, как подала, внимательно вслушивалась, помянет ли он его или забудет. Во время пения я не услыхала, чтобы помянул, и сильно обиделась на него. А после литургии сказала ему о своей обиде. Он же, чтобы оправдаться, достал из кармана свой блокнотик и показал его мне, сказав, что поминал. После этого недели через две я поехала в Александровку к отцу Савватию. Зашла в храм. Вот он выходит из алтаря на проповедь и начинает ее такими словами: "Вот есть такие верующие, что дадут батюшке, чтоб поминал, и прислушиваются, помянет ли?" И как артист, наставил одно ухо, прислушался, затем другое ухо и гневно продолжает: "Ах, такий-сякий, гроши взяв и не помянув..." Ты дала — оно уже там! (показал пальцем на небо), и нечего прислушиваться и допытываться". Меня как огнем обожгло от стыда и его прозорливости...

Еще когда батюшка служил в Александровке, жила в Торезе тайная монахиня в миру, матушка Онуфрия. У нее была болезнь: закупорка вен. Врач ей говорила: «Когда эта болезнь будет давать сильную боль выше колена, то знайте, что это к концу». И вот пришло это время — начало бить выше колена. Я пришла ее проведать. Она лежала не на кровати, а на топчане в летней кухне, приготовилась умирать. А мне она говорит: «Мария, поедь к отцу Савватию, попроси его святых молитв и передай ему вот эти свечи». Она покупала воск и делала большие свечи для алтаря, обвитые серебристой узенькой ленточкой. На другой же день рано утром я двинулась в путь. Подошла к храму, открыла калитку. А напротив калитки на стене храма икона святого благоверного великого князя Александра Невского. Стою, крещусь перед ней, а отец Савватий стоит во дворе, метров за 12 от калитки, разговаривает с мужчиной. Увидел меня, кричит: "Молимся о здравии болящей монахини Онуфрии". Как я удивилась от такой тонкой прозорливости! Ему Божиим Духом было возвещено, по какому вопросу я к нему приехала. И что вы думаете? Он помолился за нее, и она еще жила 13 или 14 лет. Вскоре после его святых молитв приняла схиму. А я ведь не говорила ему ее монашеского имени...

В этой же церкви, в Александровке, Вера (она продавала свечи) поведала мне такую историю. Была одна женщина-врач, маловерующая. Она умерла, а ее родственница попросила отца Савватия, чтобы молился за умершую. Прошло 40 дней. Эта умершая приснилась своей знакомой в белой одежде, радостная, а та говорит ей с удивлением: "А что это ты такая веселая, или я не знаю, какую ты жизнь на земле вела? Любила и выпить и подгульнуть?" А та ей ответила: "Потому что за меня монах молится!"

Дар утешения — это тот дар, который получаем мы от Святаго Утешителя Духа. Святой праведный Иоанн Кронштадтский так пишет об этом даре в своем дневнике: "Величайшее дарование Божие, в коем мы больше всего нуждаемся и которое получаем весьма часто от Бога вследствие нашей молитвы, есть сердечный мир, как говорит Спаситель: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы.* И радуйтесь и считайте себя богатыми, имеющими все, когда получили мир».

Обретение мира сердечного в горе, скорбях и болезнях — этот дар не забывается спустя годы и десятилетия.

Вспоминает Галина Ревякова: «В 1982 году у меня погиб муж на шахте. Я не могла справиться с неожиданным горем. Везде и всюду плакала, у меня появились галлюцинации — я везде видела мужа. Ходила я в храмы, молилась за мужа, но все продолжалось. Однажды моя соседка Лариса, Царствие ей Небесное, посоветовала мне поехать в Александровку к отцу Савватию. Когда я туда приехала, я плакала и рассказала отцу Савватию о своем горе. Отец Савватий прочитал надо мной молитвы, перекрестил и произнес: "Укрепи, Господи, рабу Божию Галину". Я сразу почувствовала Божию помощь. Отец Савватий сказал мне: "Перекрестись и поцелуй крест". Я крестилась наклонив голову. Он строгим голосом сказал мне: "Не ломай крест, и смотри, как нужно креститься». Показал мне..."

Горе и скорбь заставили приехать в Александровку и рабу Божию Пелагею из города Макеевки: «...Конечно, как сказал батюшка при встрече, "не сама приехала, а Ангел Господень привел". С какой радостью, любовью он принимал, сам еще был молодой. Как он до тонкостей вникал в душу.

Беседуя, старался осторожно расспрашивать. О себе что-то скажет, а я, грешница, боялась, стеснялась говорить о себе.

От меня ушел муж, оставил двоих детей: 18 лет сыну и дочери 14 лет. Как мне было тяжело! Я никого не хотела видеть, старалась уединяться, особенно когда сына проводила в армию. И вот в это время Господь меня не оставил, направил через одну женщину к батюшке Зосиме, тогда его звали Савватий.

Я каждое почти воскресенье вставала в 3 часа ночи, с молитвой выходила из квартиры и, можно сказать, бежала к первому троллейбусу в город. А там уже познакомилась со многими женщинами. И все мы с трудом, по молитвам батюшки, успевали на службу. Какое было это удовольствие, радость — быть на службе! Какая благодать была на душе! И на работе неделя была благополучной.

Он меня в духовные чада благословил и, когда у меня были серьезные вопросы, всегда на правильный путь наставлял. Приезжала на службу часто, но заходила на беседу редко, старалась не беспокоить. Тем более, на проповедях батюшка всегда скажет то, что как раз меня и касается...»

Священноначалие епархии периодически отмечало труды отца Савватия различными церковными наградами. В 1977 году он был награжден наперсным крестом, в 1980-м — возведен в сан игумена. А в 1983 году был награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III ступени.

В 1985 году началась перестройка, оставалось всего несколько лет до развала советской системы. Именно этот год оказался пиком гонений на отца Савватия со стороны КГБ. Больного священника решили сломать, переводя с прихода на приход. В те годы КГБ еще диктовало епархиальным властям

свою волю. За один 1986 год отцу Савватию пришлось сменить четыре прихода. Когда он получил первый указ о переводе, многие прихожане плакали, очень переживали.

Отец Савватий воспринял эти испытания как волю Божию трудиться и молиться в тех храмах, куда его призовет Господь. Каждый храм был для него дом Господень, который он украшал и приводил в благолепный вид не для себя, а для будущих поколений, во славу Божию. Уходя из Александровки, он оставил там и прекрасное распятие, которое он привез с берегов Невы, и Иверскую икону Божией Матери и другие святыни, собранные из разных уголков Святой Руси.

ХОТЯЩИЕ ЖИТЬ БЛАГОЧЕСТИВО ГОНИМИ БУДУТ. АНДРЕЕВКА ЗА НОВОСЕЛОВКОЙ

В ноябре 1985 года батюшку назначили настоятелем Рождественско-Богородичного храма села Андреевка Велико-Новоселковского района. Село расположено на правом берегу реки Волчьей, в 27 километрах к северу от районного центра и в 25 километрах от железнодорожной станции Рая, основано в 1660 году на месте казацкого зимовника. Население — не больше двух с половиной тысяч человек.

Храм, в который назначили батюшку настоятелем, был деревянный, построенный еще в 1773 году по распоряжению азовского губернатора. В советское время храм долго служил

складом колхоза имени Ленина. В начале 80-х годов усилиями батюшки его возвратили верующим. Старинный храм понравился батюшке, и он с присущей ему энергией начал его благоустраивать.

Но на пути к преобразованиям стояло решение Велико-Новоселковского района от 1984 года «О признании храма памятником истории и культуры». Батюшка много потрудился, чтобы в храме возобновилось богослужение. И сюда, несмотря на трудный путь и холод в храме, потянулись к своему пастырю духовные чада.

Вспоминает Мария Каун: «Когда батюшка служил в Андреевке, моя бывшая начальница по работе попросила меня, чтобы я свозила ее к нему. Мы поехали. Была зима. У меня в дороге началась температура, заболела голова — признаки гриппа. Когда мы приехали к нему, я ему не говорила, что я заболела. Во время нашего разговора батюшка ударил меня кулаком в лоб. Продолжаем говорить. Он второй раз ударил меня в лоб. У меня сразу исчезли температура и головная боль. Перед этим он сел на маленький ветхий диванчик и велел мне сесть на полметра от него. Я ему доложила, что это моя начальница, и он сказал: "Ну, раз твоя начальница, то мы ей поставим стульчик". А сам вынес из комнаты плохенькую табуретку и поставил ей. В предыдущее воскресенье я видела, что на нем очень старый подрясник. Знала, что батюшка очень болезненный и что у него нет своей машины. Я дома подготовила деньги, чтобы дать ему, а своей начальнице об этом не сказала. И вот начала давать ему деньги: "Вот это Вам на подрясник 30 рублей, а вот 30 рублей Вам на лекарства, а вот Вам 30 рублей на транспорт. А вот это (не помню

сумму) — на литургию, а вот это на молебен" — и дала записки. Он все брал с улыбкой, а начальница моя наблюдала за мной. Решила и она дать. Ей, видно, стало неудобно, что я, беднячка, и даю, и даю, а она нет. Она не думала давать, да и у таких великих старцев она еще не бывала. Она достала деньги, дает ему и говорит: "Батюшка, я тоже хочу Вам дать". А ей в ответ строго, грозя пальцем: "И не жалей!" Она покраснела от стыда. Он провидел, что ей сильно жалко их дать, и так упрекнул. Она ему не говорила свое имя, и я не говорила, а он у нее спросил: "Тебя звать Евдокия?" И она ответила: "Да". Я держала в руке малюсенькую шпаргалочку, на которой очень мелкими буквами было записано 8 вопросов, которые я хотела разрешить с ним. 6 задала, батюшка ответил. Еще осталось два, так он нагнулся низко к моей шпаргалке и с улыбкой спросил: "Ну, что там у тебя еще?" Я сказала, и он ответил. Тогда он встал и сказал нам: "Ну все, идите". А моя начальница сказала: "Батюшка, так и я ж приехала, чтобы поговорить с Вами". А он ей в ответ: "Приедешь в другой раз". Он провидел в ней нераскаянные грехи и не стал с нею разговаривать. Она рассердилась на меня, что, мол, через тебя не стал говорить со мной. Я ей сказала: "Да ведь он прозорливый и каждого человека видит насквозь". В такую даль приехала, и напрасно. Мы с ней не знали, что нам придется из Андреевки идти целых три километра пешком, а он провидел и сказал: "Ну, веселых ног вам"».

В селе Андреевка батюшка пробыл полгода. В мае 1986 года его переводят настоятелем Свято-Троицкого храма города Макеевка. Когда стало ясно, что новое место удобно для того, чтобы к нему съезжались его духовные чада, батюшку решили назначить

настоятелем Свято-Покровского храма пос. Андреевка, г. Снежное.

АНДРЕЕВКА ПОД ТОРЕЗОМ

В этом селе течет небольшая речка, лес тянется до самой Ростовской области. С этим местом связано историческое событие времен Богдана Хмельницкого — засада казаков против турок. Есть табличка, повествующая об этом событии. Раньше здесь была широкая река, теперь от нее остался небольшой ручей.

Село расположено в низине. Условия для жизни и службы здесь были тяжелыми. Но батюшка никогда не унывал: «Пока мы живы, все можно поправить».

Покровская церковь в этом селе не очень большая по размеру, и он решил расширить храм. Отцу Савватию не суждено было долго служить на этом приходе. И, не успев начать строительство, ему пришлось уезжать. Однако мысли о расширении храма он не оставил. И сумел осуществить строительство нового придела в этом храме, будучи уже на другом приходе. Новопостроенный придел был освящен в честь тогда только что прославленного святителя Тихона, патриарха Московского, и, возможно, это был первый храм, освященный в его честь в Русской Православной Церкви.

За короткий период своего служения в Свято-Покровском храме он успел навести порядок: в храме прихожане стали вести себя тихо, перестали ходить во время богослужений, стали соблюдать порядок.

Поселок Андреевка очень нравился батюшке. Несколько раз он поднимался на пригорок, который расположен рядом с храмом, и мечтал о том, чтобы здесь организовать монастырь.

После перевода батюшки в Никольское на его место настоятелем был назначен игумен Михаил. Между ним и батюшкой установились уважительные, добрые отношения. Батюшка несколько раз приезжал к нему на службу. Все прихожане с нетерпением ждали его приезда в Андреевку. В свою очередь прихожане ездили большими группами до 25 человек на службы к батюшке в Никольское.

Находясь в Никольском, батюшка оказывал помощь Свято-Покровскому храму поселка Андреевка. Подарил храму паникадило, изготовил для них икону «Достойно есть» и подарил красивую Плащаницу.

Когда уже было получено назначение на новый приход, буквально за день до отъезда отец Савватий стал развешивать в храме новые лампады. Староста храма очень удивилась:

— Так Вы остаетесь?

— Нет, завтра уезжаю.

— А что же Вы тогда это делаете?

— Храм Божий украшаю.

Сам, имея такую бескорыстную ревность в украшении храмов Божиих и вообще в церковном служении, отец Савватий стремился возжечь ее и в своих духовных чадах.

Когда в Свято-Покровский храм вместо игумена Михаила был назначен новый настоятель, батюшка еще не единожды сюда приезжал. На короткое время после этой Андреевки батюшка вернулся в Александровку и отсюда получил новое назначение в Никольское.

НИКОЛЬСКОЕ

Когда отец Савватий получил назначение в село Никольское, еще никто не предполагал, что именно это малоизвестное село станет его последним земным пристанищем, а батюшка, приехав сюда, пророчески произнес: «Это моя последняя ссылка».

Приехал в Никольское отец Савватий в самом конце ноября 1986 года и служил первый раз в Васильевском храме на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Зима в этом году рано вступила в свои права. Снега еще не было, но мороз был крепкий. Эта первая зима на новом месте была особенно трудной. Выдалась она на редкость морозная и длинная. В храме — ужасный холод, на стенах — лед, отопления нет. Чаша примерзала к рукам. Во время службы окоченевшие руки все время приходилось отогревать. Да и жилой дом скорее походил на сторожку или сарай, чем на дом священника. Окна его вросли в землю. Одного из них вообще не было. Пришлось заткнуть дыру матрасом. У выбитого окна лежала куча сгоревшего тряпья. Внутри были мыши и крысы.

Полное запустение царило повсюду: и в храме, и в доме, и на церковном дворе. Прямо у входа в храм — туалет и свалка мусора. Храм был полуразрушенный, иконостаса в нем не было. Вместо него — фанерная доска.

А ведь до революции, в 1912 году, когда был построен Васильевский храм, в нем был установлен прекрасный майоликовый иконостас, который стоил по тем временам громаднейших денег — 4000 рублей. Его заказывали для этого храма

Разрушенный Васильевский храм, 1950 г.

на одном из фарфоровых заводов известного промышленника Кузнецова и везли в специальных бочках, чтобы не разбить хрупкие составные части. В 1939 году, когда храм был осквернен безбожниками, иконостас разбили и выбросили. Позже в земле около храма не раз находили осколки этого старого иконостаса. Батюшка со слезами на глазах держал их в своих руках. До последних дней своей жизни он бережно хранил их в алтаре.

Во время оккупации немцы решили открыть храм, но он был в таком состоянии, что служить в нем было нельзя. С целью расположить к себе население немцы открыли временную церковь в не приспособленном для церковной службы помещении и быстро принялись за ремонт храма. После того как Свято-Васильевский храм был отремонтирован, в нем начались богослужения. После освобождения села от немцев службы в храме не прекращались,

но о возрождении прежнего благолепия тогда уже и не мечтали.

История села Никольского начинается в первой трети XIX века, в 1830–1840 годах, когда здесь поселились первые поселенцы — крестьяне из разных губерний Российской империи. Благочестивые поселенцы поставили две деревянные церкви — одну в честь святителя Николая Чудотворца, а другую в честь святителя Василия Великого. Так и появились два села — Васильевка и Никольское. Между ними протекает небольшая речка Кашлагач. Это потом, уже в советское время, два поселения объединили в одно. Но батюшка ратовал за то, чтобы селам были возвращены их исторические названия.

О Никольском и его храмах отец Савватий слышал еще тогда, когда служил в Александровке. К нему на службу часто приезжал Ефим Филиппович — житель села Павловка, расположенного рядом с Никольским. В годы хрущевских гонений на Церковь в селе Павловка был разрушен храм Петра и Павла, и Ефим Филиппович часто ездил на службу в Александровку. Батюшка очень тепло относился к прихожанам, особенно к тем, кто постоянно посещал службы. Постепенно их дружба окрепла. После службы батюшка приглашал Ефима Филипповича на трапезу.

Спустя много лет батюшка вспоминал его теплыми словами: «Сегодня как раз день Ангела у покойного Филипповича нашего — Евфимия, Царство ему Небесное. Старика не забыли? С большой бородой, на велосипеде ездил все время. Он любил "Лествицу" читать. Дед наденет очки на свой горбатый нос, крякнет, дети и бабы замерли все, и начинает читать всем "Лествицу". Все внимательно слушают, еще толкует сидит, пальцем костлявым помашет,

рассказывает. Все кивают. "Ага, понятно?" — "Понятно"».

Однажды за столом зашел разговор о селе Никольском и его храмах. Из рассказов Ефима Филипповича батюшка узнал, что после закрытия монастырей в Крыму некоторые монахини поселились в селах Васильевке и Никольском. В Никольском жили сестры Харитина, Евфросиния и послушница Александра. В Васильевке жили сестра Мелетия и послушница Анна. Все монахини похоронены на Никольском кладбище.

Послушница Анна умерла в год приезда батюшки в Никольское. Ее отпевал сам батюшка. В знак ее иноческого подвига он сказал, что сейчас мы будем служить царскую панихиду. Матушка Анна (Ляпун) пекла для Свято-Васильевского храма просфоры. Она была очень богомольной. Ей однажды приснился сон, что в Никольском будет монастырь. Эти монахини хранили предания, что после гонений на Церковь вновь будут открыты храмы, а при Свято-Васильевском храме будет служить монах и там возникнет монастырь. После того как батюшка был переведен настоятелем в Свято-Васильевский храм, ему напомнили, что в храм прибыл для служения монах, значит, здесь теперь будет монастырь. Батюшка эти слова воспринял с грустной улыбкой: какой там монастырь, когда негде жить.

Село Никольское в летописи своего существования имеет несколько необыкновенных событий. Одно из них — явление Божией Матери на берегу реки. Это произошло где-то во второй половине XIX века.

Некоторые крестьяне были очевидцами Божественного явления. Они рассказывали о внезапном появлении Царицы Небесной в необыкновенно

белом. Ее видели из домов, находящихся неподалеку от того места. Она сделала несколько шагов и так же внезапно исчезла, оставив наблюдавших Ее в неописуемом восхищении. Это произошло в девятую пятницу по Пасхе — переходящий день празднования Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение».

Вскоре на этом месте открылся родник, вода которого обладала целительной силой. Люди приходили и припадали к этой земле, к этому месту, молились, клали поклоны, исцелялись водой.

До революции все жители Никольского и Васильевки каждый год в девятую пятницу по Пасхе совершали торжественный крестный ход к месту явления Божией Матери, молились, освящали воду, купались в реке. Крестный ход начинался из двух храмов, а потом сливался и все вместе шли на святое место. Это был большой праздник, которого ждали целый год.

После революции селяне сохраняли эту благочестивую традицию. Но безбожники запретили крестные ходы. Однако самые стойкие в вере селяне даже в страшные 30-е годы ходили на источник и молились там ночью. Среди них была и девица Харитина, бывшая в конце 1980-х годов церковной старостой Васильевского и Никольского храмов.

Потом источник решили уничтожить: засыпали и забетонировали. Но в памяти людской хранилось предание о нем, и когда отец Савватий узнал об этом, он возобновил и этот праздник, и крестный ход, и почитание Божией Матери на этом святом месте.

Почему это явление произошло в селе Никольском? Почему на берегу реки? Одному Богу известно... Нам же ясно одно: земля села оказалась достойной явления Матери Божией. Может быть, это было

предуказание о великом будущем этого скромного, глухого села.

Место это действительно можно назвать довольно глухим, так как находится оно в стороне от больших дорог и транспортных магистралей. До ближайшей железнодорожной станции Велико-Анадоль отсюда 13 километров, а до районного центра города Волновахи и все 25. В нескольких километрах расположены шахтерский город Угледар и угольная шахта.

Село Никольское даже не отмечено на некоторых картах, так что порой паломники на автобусах и автомобилях с трудом находят дорогу, плутая по окрестным дорогам.

«Решили загнать его в такое место, — вспоминала схимонахиня Фомаида, — куда транспорт не ходит. Проходного транспорта нет: туда уж к нему никто не приедет...» Однако надежды гонителей не оправдались. Хоть и на перекладных, с пересадкой, а все равно поехали батюшкины чада к своему духовному отцу и руководителю.

***

Вот некоторые из тех, кто в те трудные дни помогал батюшке.

Схимонахиня Фомаида (Товина Любовь Николаевна) была первой помощницей батюшки в Никольском. Она продавала свечи, иконы, убирала храм, священнический дом, крестильню. И много разных послушаний выполняла: читала в воскресные дни до начала службы утром в доме полунощницу, так как в храме было очень холодно, шила занавески, шторы, фартуки для кухни, чехлы на корзиночки для просфор, сумочки для просфор в алтарь.

Поселялись новые люди в помещениях, которые выстраивались под руководством батюшки Савватия — матушка помогала им устраиваться, ставить кровати. Работа вроде бы не из очень легких, как бы мужская, но матушка от всей души, с большим усердием и старанием бралась за такие работы. Она была бескорыстна, бесхитростна и очень отзывчива на просьбы, с утра до вечера вся в работе, она ее искала.

У матушки Фомаиды была очень тяжелая болезнь — бронхиальная астма. Во время приступов не раз приходилось приглашать местного фельдшера. Он мастерски вводил в вену лекарство, и вскоре матушке становилась лучше, она уже опять работала. По духовным вопросам она советовалась с батюшкой, любила читать Священное Писание, жития святых, выписывала себе в тетради и блокноты интересные, полезные поучения.

Она до конца своей жизни ходила и еще помогала стареньким и совсем слабеньким и немощным — раздавала им водичку из святого колодца.

Так в молитве, труде и в послушании матушка Фомаида совершала свое монашеское житие и удостоилась блаженной безболезненной кончины 30 апреля 2003 года, в день Ангела батюшки Зосимы.

Много лет на послушании у батюшки была схимонахиня Мария (Грицаенко Мария Сидоровна). Выросла сиротой, муж ее погиб на фронте. В миру она работала бухгалтером. Была очень культурным, интеллигентным и общительным человеком.

Матушка Мария вышивала ризы, епитрахили, поручи. Несла послушание на кухне — изготовляла лапшу и развозила по бедным приходам, также развозила по монастырям и приходам церковные облачения, которые сама шила.

Монашеское келейное правило строго исполняла, любила читать Псалтирь Матери Божией и тропарь Почаевской Матери Божией. В монашестве ее имя было Антонина. Она тяжело болела, имела сердечно-сосудистую недостаточность. Когда она была в крайне тяжелом состоянии — у нее был отек легких — почти в бессознательном состоянии, умирающую, батюшка постриг ее в схиму с именем Мария. После пострига ей стало лучше и она прожила еще полтора года. Последнее время жила в Доме милосердия, где она мирно почила о Господе.

Инокиню Антонину (Трунова Александра Григорьевна) многие помнят как добрую тетю Шуру, которая никого не отпустит не покормив. Рано осталась она круглой сиротой. Рано вышла замуж, но прожила с мужем меньше года. В миру работала продавцом, продавала хлеб. Работала и санитаркой в больнице. Была одинокой вдовой. К батюшке пришла через схимонахиню Марию. Много лет несла послушание при батюшке, ездила с ним по всем ссылкам. Несла послушание повара.

Последние годы доживала в Доме милосердия при Свято-Васильевском храме. Старость ее была крайне беспомощной. Она заболела на голову и потеряла зрение, несколько лет была прикована к постели. Иноческий постриг с именем Антонина приняла в Доме милосердия.

Монахиня Домнина (Степаненко Татьяна Петровна) была очень общительным и веселым человеком. Из всех сестер батюшка постриг ее первой в иночество с именем Мария. Она очень любила батюшку и всегда готовила ему какой-нибудь вкусненький гостинчик. Будучи уже совсем больной, все равно старалась порадовать батюшку чем-нибудь.

Не унывала почти никогда. Как-то легко переносила довольно тяжелые жизненные испытания.

С ней был такой случай. Еще монастыря не было, а построили только дом, где жил батюшка. Выходили все после службы из храма. Батюшка, тогда еще отец Савватий, вышел вместе со всеми на крыльцо с посохом, еле передвигая больные уставшие ноги. Вдруг он выпрямился, поднял голову вверх, схватил матушку под руку и громко закричал: «Смотрите, это моя любовница!» Протащил полумертвую от смущения и неожиданности матушку от дверей храма до дверей дома, громко повторяя эти слова, смысл которых понятен был только ему одному. И теперь уже, после смерти, он явно взял матушку под свое крыло. Ведь она одной из первых чад батюшки отошла ко Господу спустя два месяца после его преставления.

***

Когда батюшка приехал на новое место своего служения, приход Свято-Васильевского храма был должником государства. По существовавшему с 1960-х годов положению руководство церковным приходом осуществляла «двадцатка». Она нанимала для богослужения священнослужителей, которые существовавшими нормативными документами были поставлены в бесправное положение. В состав «двадцатки» зачастую входили люди неверующие, иногда с нечистой совестью. До того, как в Свято-Васильевский храм был назначен батюшка, «двадцатка» раскрадывала деньги, принадлежащие приходу. Из-за этого у прихода образовался большой долг перед государством. Для государства такое положение было даже более желательным, чем получение

дохода от церкви. Долг перед государством можно было использовать как доказательство того, что народ не ходит в храм, а значит, его можно закрыть. Свято-Васильевский храм к приходу батюшки числился среди кандидатов на закрытие. Очень много денег «оседало» у старосты. Помощник старосты была верующей женщиной, поэтому никаких злоупотреблений с деньгами она не допускала. После прихода батюшки она вручила ему три тысячи рублей, которые числились за ней.

Много скорбей пришлось претерпеть отцу Савватию, прежде чем жизнь прихода вошла в нормальное русло. Прошла первая зима, стали потихоньку приводить в порядок храм, окружающую территорию. Первым делом решили сделать отопление в храме, которого там никогда раньше не было. Купили трубы, батареи, котел установили. Подключили все, проверили — вроде бы работает. Когда опять холода наступили, включили новое отопление: в притворе тепло, а в алтаре батареи чуть теплые. Так батюшке пришлось холодать и вторую зиму.

Уже в первый год батюшка построил небольшую кухню и погреб, потому что негде было кушать все увеличивающейся общине. Строительство кирпичного здания для новой трапезной и новой крестильни шло с большим трудом. Не хватало денег, строительных материалов. Часто на стройку приходил парторг колхоза и высматривал, нет ли среди строительных материалов того, что принадлежит колхозу.

***

1988 год был годом 1000-летия крещения Руси. И это время называют иногда вторым крещением Руси, потому что именно в этот момент произошел

резкий поворот в отношениях государства, общества и Церкви. Целыми семьями некрещеные советские люди, как бы что-то вспомнив, потянулись в храмы.

Батюшка тогда служил один, помощников еще не было. Он вспоминал потом: «Как исповедовал, один Бог только знает. Тут тебе сразу: туда-сюда повернулся — три часа уже. Прямо тут — двор был весь заросший травой — сели, кто что перекусил. Бом-бом уже. А колоколов тут не было. Колесо от машины и рельса лежала, и буфер висел у входа здесь на дереве. Вот это колокола здесь местные были, когда я пришел. Бом-бом, и пошли Страсти читать.

А какая радость была! Здесь досматриваем сейчас — доживает в богадельне старушка из Владимировки. Она пищала на этом клиросе: "Слава Страстем Твоим, Господи", "Слава долготерпению Твоему, Господи". "Разбойника" сам пел, все сам пел. Сам крест нес. В общем, отслужишь только обедню, — уже час дня. Зайдешь, Боже мой! В округе церквей нигде нет — крестить. Наверное, десяток-два этих крестин. Пока перекупаешь этих детей. Пока попереносишь их в алтарь. Ой, мама родная. Падаешь с ног. Только покрестил детей, вышел. Тут две машины еще покойников ждут — надо поехать отпеть, просят, плачут. Там еще, еще. Уже бом-бом: надо на вечерню идти. И так колесом. И Господь укреплял».

Но самым трудным для отца Савватия было то, что у него на ногах с хроническим рожистым воспалением стали возникать абсцессы. Продукты некроза тканей вызывали высокую температуру, отравляли организм.

Однажды у батюшки очень сильно повысилась температура, срочно нужен был врач-хирург. Поблизости от Никольского такого врача не было.

Из-за отсутствия телефона нельзя было даже вызвать "скорую помощь". Срочно поехали за специалистом в Донецк. Приехал врач, который делал раньше подобную операцию батюшке в стационаре. Врач сказал, что нужно делать неотложную операцию в Донецке. Но батюшка настоял, чтобы операцию делали прямо в его келье. На его кровати врач вскрыл абсцесс. Духовные чада батюшки молились в это время в храме. После операции батюшке стало легче. Но он был еще очень слаб. И, несмотря на это, он идет на службу в храм, потому что других священнослужителей в Свято-Васильевском храме не было. Нужно было наводить порядок и в управлении приходской жизнью. Первое время мужчин при храме еще не было, поэтому вся работа, порой вовсе не женская, ложилась на женские плечи, как батюшка называл их — «белые платочки».

Казначеем отец Савватий назначил матушку Марию, отдал ей все деньги. Она завела тетрадь учета денежных приходов и расходов. Через год встал вопрос о старосте, потому что старостой раньше был назначен неверующий человек. Батюшка назначил матушку Марию старостой. Казначеем стал бывший повар общины Надежда. Помощником старосты назначили Харитину.

Работы было очень много. Машины при храме не было, поэтому приходилось пешком преодолевать большие расстояния. Иногда для неотложных дел председатель выделял на время машину.

Когда болезнь ног у батюшки стала обостряться чаще, он сказал старосте Марии, что ему трудно подниматься по лестнице, чтобы руководить стройкой наверху, а ты — женщина, плохо понимаешь строительные работы. Давай пригласим мужчину, который станет хозяином. Так был приглашен

на должность эконома Виктор Иванович. С появлением эконома приход начал постепенно «богатеть». Купили старенький УАЗик, все необходимое для стройки теперь могли привозить своим транспортом. Облагородили прилегающую к храму территорию. Был заасфальтирован церковный двор, разбиты цветники, посажены деревья, сделана церковная ограда. Батюшка старался как можно быстрее привести в порядок давно не ремонтированный храм. Когда заходила речь о качестве ремонта, то он говорил, что нужно делать на века.

Недавно избранный председатель колхоза Анатолий Иванович Коваль с пониманием относился к нуждам Свято-Васильевского храма. Для ремонта храма официально практически ничего нельзя было приобрести. Благодаря помощи Анатолия Ивановича батюшка доставал материалы, которые нужны были для ремонта. Все дефицитные материалы приобретались для колхоза, а затем передавались храму. Денежные расходы батюшка возмещал колхозу через кассу.

Для приобретения материалов, которые могли отпустить государственные учреждения храму, нужно было благорасположение чиновников. И здесь помогал батюшке Анатолий Иванович. Он выделял для подобных целей дефицитное по тем временам мясо.

С парторгом колхоза отношения у батюшки не сложились. Парторгу очень не нравилось возрождение храма в центре села. Особенно ревностно он следил за тем, чтобы при строительстве трапезной и крестильни строения не вышли за границу церковного двора.

Промыслом Божиим находились люди, которые помогали батюшке в обустройстве церковной территории.

Для строительства нужен был кирпич. Рядом находился Владимировский завод по производству кирпича, но выписка руководством завода материалов для храма не всегда поощрялась районным начальством. В таком деле батюшке помогали рядовые работники, которые по возможности выписывали для храма необходимые материалы.

Вспоминает монахиня Феврония, ныне покойная схимонахиня Ермогена: «Мы с мужем (ныне он — монах Петр) были духовными чадами отца Димитрия Пескова. Когда отец Савватий служил уже в Никольском, раза два отец Димитрий приезжал к нему. Это было в конце жизни отца Димитрия. Он нам сказал так: "Я там был, у Савватия, у нас с ним один дух". И благословил ездить сюда. А при жизни он нам не разрешал, даже запрещал. Только тайно, редко очень ездили до этого к отцу Савватию. Отец Димитрий был ревнителем своего стада, не хотел раздавать людей своих. А перед смертью он передал ему своих чад, так и отцу Савватию сказал.

В 1988 году все вместе строили крестилку. Батюшка спешил построить ее очень быстро. Он говорил: "Это позволили только к тысячелетию, а потом опять запретят. Могут даже на середине запретить строить". Поэтому все очень старались.

Многие люди помогали, и действительно строили за очень короткое время. Батюшка нанял рабочих. А подбивать, закладывать чердак, землю копать под фундамент — это все своими силами. Ногами месили глину, делали кирпичики. А потом лесенку ставили. Было жарко-жарко, когда чердак делали.

А батюшка лежал в это время очень больной. Строили дом, а в середине халупку, в которой жили, не убирали. Когда уже построили крышу, тогда ее убрали. У батюшки температура поднялась

до 41 или 42 — уж дальше некуда. Умирал просто, лежал. К нему врач приезжал, а мы накладывали этот чердак. И так было все слаженно. Такое солнце было, но люди настолько дружно все работали. У них как бы второе дыхание открылось. Я такая дохлая тоже, вообще солнце не переношу. А тут... Мне поднимали кирпичики — комочки такие большие из глины с соломой. И так вот целый день, с утра до вечера. И успели построить к тысячелетию. А потом начался расцвет. Батюшка как пошел: и строит, и строит.

Колхоз отдал длинный сарай саманный. И мы поехали туда машиной. Этот сарай заваливали. А кирпичики брали и возили на тачках. Так все было с любовью, с таким желанием. Как вот люди после войны, после разгрома, у них огонек зажигался в сердце, потому что война кончилась и надо строить. Вот такое у нас было ощущение. Старый сарай там ломали, сюда перевозили, и эти кирпичи уже здесь использовали.

Как-то заехал на церковный двор кран, современный, со стрелой. Раньше гвоздя не давали забить. А тут заезжает такой кран! Батюшка говорит: "Это, наверное, последняя стройка в моей жизни. Уже все. Такой кран..." То все вручную да прятались. А тут такой кран. Кирпичи в целлофановых упаковках самого высокого качества привезли. А из крана доносилась музыка. Батюшка вдруг всполошился, серьезным таким стал. "Что такое за бесовщина?" Оказывается, это магнитофон включил крановщик.

А когда на колокольню привезли колокол, батюшка обхватил его и начал целовать. Его поставили на крылечке, он его обхватил и радуется. Действительно, какая радость! Как батюшка все понимал, как он чувствовал!

Это незабываемое время. Тогда было мало людей. И нам он уделял очень много внимания. Батюшка сам исповедовал. Он очень подробно вникал во все наши дела».

После строительства новых зданий при въезде на церковный двор были устроены кованые ворота. Выкопали и освятили колодец. Тогда же возникла идея соорудить большой навес над входом в трапезную, под которым можно было бы трудиться в летний зной или спрятаться в случае дождя. Навес построили, украсив его множеством арок в одном стиле с церковными воротами.

В 1990 году была восстановлена в прежнем благолепии разрушенная колокольня над Васильевским храмом, перекрыта жестью крыша над храмом, а купола и колокольня покрыты медью. Найти хороших специалистов тогда было непросто. Батюшка приглашал для кровельных работ специалистов из Москвы.

Когда в годы гонений на Церковь был закрыт Свято-Николаевский храм, иконостас этого храма спрятали на чердак Свято-Васильевского храма и таким образом он сохранился до прихода батюшки. Его установили в Свято-Васильевском храме взамен прежнего, ветхого. Батюшка любил делать все прочно и красиво, поэтому из Почаева он пригласил мастеров, которые выполнили работу по покрытию золотом отдельных элементов установленного иконостаса. Так потихоньку созидалась будущая обитель.

Главным же основанием и мерилом жизни для батюшки всегда было милосердие. Передали както осенью 1990 года ему письмо: «Есть священник один, отец Тихон, живет у племянников в Мариуполе. Они — люди бестолковые, пьющие. Оставляют

старика в хате нетопленой голодного на несколько дней...» Батюшка сразу отозвался на зов. Послал послушников, чтобы привезли они к нему старика-священника. Приезжают ребята в село по названному адресу, дом нашли. Стучат — никто не отворяет. Сосед вышел:

— Кого вам надо?

— Да вот, священник тут, говорят, старенький живет, отец Тихон. К нему приехали.

— Да, правда, да только у нас ключа нет. Это племяннички его нужны.

— А где ж они?

— Не первый день уже где-то гуляют.

— И что, не знаете где?

— Можно узнать. Поехали...

Поехали тогда вместе с соседом за племянниками. Вернулись уже с ними, дверь открыли — сидит там этот старичок бедный, некормленый. Сразу же и забрали его. А племянники нечестивые рады от него избавиться, еще и 10 рублей запросили. Главное, что отдали дедушку. Привезли его в Никольское. И такой уж у него вид был затрапезный — штаны ватные провисшие, замусоленные. Сам весь неухоженный, грязный, вши громадные бегают по нему. И не подумаешь, что перед тобой священник.

Одна старенькая схимница вспоминала недавно, стоя у могилки отца Тихона: «Виновата я перед ним. Отругала я его тогда, назвала "дедом". Думала, бомж просто, не знала, что он священник».

Помыли отца Тихона, покупали, расчесали, привели в порядок и досмотрели за ним до конца его горемычных дней заботливые никольские матушки. А когда он преставился, то и похоронили торжественно, как служителя алтаря Божия, за алтарем Васильевского храма.

Рядом с могилкой отца Тихона батюшка поставил еще два креста. Когда копали могилку отцу Тихону, то наткнулись на гробы. Это оказались могилы священников, которые когда-то служили в Васильевской церкви. Безбожники их давно разрушили, но спустя много лет по архивным документам удалось выяснить, кто здесь похоронен.

Жертвовать, помогать батюшка всегда стремился не только людям, но также храмам и монастырям.

В 1988 году передали Церкви Киево-Печерскую лавру. Наместником тогда назначили архимандрита Иоанафана, бывшего батюшкиного соученика по академии. Ныне уже архиепископ Иоанафан рассказывает о своем первом знакомстве с переданной лаврой:

«Кругом грязь, запустение. Здание нынешней семинарии, совершенно разбитое, стояло уродливо перед входом на территорию Дальних пещер. В самих пещерах святые мощи угодников Божиих были завернуты в простую тонкую материю. Все прежнее церковное облачение, согласно их сану, из-за сырости прогнило и было заменено работниками музея на дешевые лоскутки. Многие мощи были открыты. Группы экскурсантов могли свободно дотронуться до них. Был случай, когда кто-то из них грубо отломал перст у одного из преподобных, и тогда их стали закрывать стеклом».

Отец Савватий дал послушание своим духовным чадам — вышивать покровцы на лики святых угодников Печерских. Монахиня Феврония вспоминает: «Дал вышивать из красной бархатной юбочки крест, голгофу. Ткань хорошую купить тогда было невозможно. Церковных магазинов таких не было. Батюшка ходил по комиссионкам и скупал юбочки. И ниточки сам подбирал. Матушки их распарывали,

и вышивали... Кто что делает, а он святых одевает! Не просто во что попало, а чтобы было красиво».

***

В 1989 году колхоз передал Церкви второй сельский храм — Никольский. Теперь он стал приписным к Васильевскому храму. Когда отец Савватий туда вошел, жуткая картина запустения и поругания предстала перед его взором. Храм использовали для хранения разделанных туш: везде висели громадные крюки, пол был залит кровью.

Эта церковь Святителя Николая Чудотворца имеет свою отдельную, очень интересную историю, историю победы веры над глумлением и хулой. Когда храм был закрыт первый раз в 1930-е годы, иконы все вынесли, а двери забили. Но однажды произошло нечто необыкновенное. Изнутри храма, в окнах, в необыкновенном свете предстали все святые, которые были на иконах. Жители Никольского и других окрестных мест в течение двух недель созерцали движение живых святых угодников, сошедших с икон.

Милиция, НКВД стреляли по окнам, открывали храм и ничего не могли увидеть. Но люди видели, и одна из них — очевидец, уроженка села Никольское Харитина, которая рассказывала об увиденном с улыбкой, с вдохновением, как бы окунаясь в те далекие годы, в тот неповторимый момент блистательного божественного действа. И в этих голубых глазах 86-летней жительницы села Никольского отражена была вся правда торжества православной веры над глумлениями обезумевших безбожников.

Во время войны в Никольском храме богослужения были возобновлены. Однако в 1959 году, во время хрущевских гонений, он снова был закрыт. Тогда

Разрушенный храм Свт. Николая, 1950 год

была сделана попытка его полностью уничтожить. Жители села противились решению властей. Народ не отдавал ключи от храма. Местные власти решили воспользоваться автогеном. Нашлись добровольцы, желающие срезать замки. Вскоре печальная участь постигла кощунников: одного убило током, а второй получил тяжкие отравления во время работы с ядохимикатами и умер.

Пригнали экскаватор, пытались разбить стены храма. Но кладка оказалась настолько крепкой, что в течение дня разрушители ничего не смогли поделать. Тогда Свято-Никольский храм было намечено взорвать, но из-за того, что рядом находился большой сельский дом культуры, приступить к работам по взрыву храма не решились. Так Промыслом Божиим очаг атеистической работы спас храм от взрыва. После этого решение изменили и храм использовали в разных хозяйственных целях.

Протоиерей
Димитрий Песков

И вот пришло время собирать камни. Храм вернули, но он был в таком ужасном состоянии, что туда невозможно было войти. Пошел отец Савватий к председателю колхоза:

— Храм-то передали, но вы ж отремонтируйте его, ведь за 30 лет пользования ни одного ремонта не сделали.

Анатолий Иванович откликнулся на просьбу отца Савватия. Его усилиями была убрана свалка, территорию вокруг храма привели в порядок. В 1991 году сельская газета сообщала: «200 тысяч рублей выделил колхоз им. Петровского

на восстановление церкви в приходе села Никольское, которая в свое время была приговорена властями к уничтожению».

Вскоре началась инфляция, и выделенных денег едва хватило на небольшой ремонт. Но главное, что мерзость запустения на святом месте перестала существовать, в храме опять полилась молитва, стали совершаться богослужения и Таинства. Колхозники по-разному реагировали на такие действия председателя. Верующие молились о нем, но находились и такие, кто упрекал председателя за «ненужные», по их мнению, расходы.

После внешнего ремонта Свято-Никольского храма Анатолий Иванович сделал побелку в храме и установил паровое отопление. Из-за того, что расходы на отопление и содержание храма были большие, батюшка все службы в этом храме проводил только в летнее время.

Однако, несмотря на помощь в восстановлении и Васильевского и Никольского храмов, председатель колхоза Анатолий Иванович внезапно изменил свое отношение к общине. Ему почему-то стала неприятна мысль, что в селе может возникнуть монастырь. Когда он увидел, что вокруг храма начинается строительство монастыря, то резко изменил свое покровительственное отношение на противоборческое. Это сказалось и на его отношении к батюшке. Анатолий Иванович стал избегать с ним встреч, и их отношения по инициативе председателя прервались.

Спустя несколько лет после этого в один из вечеров отец Саватий был очень болен. Вдруг неожиданно приходит председатель и просит, чтобы батюшка его принял. Батюшка обрадовался, но стал просить перенести встречу на другой день, потому что он

едва живой. Анатолий Иванович настойчиво просил его о встрече, и они встретились. Мирно, дружелюбно поговорили. После краткой встречи расстались. Утром батюшка узнал, что председатель ночью умер, и очень жалел о преждевременной смерти председателя колхоза, всегда поминал усопшего раба Божия Анатолия.

***

1990 год ознаменовался рядом тяжких утрат для отца Савватия. 3 февраля умер первый его духовник — протоиерей Димитрий Песков. Отец Димитрий прошел долгий и трудный жизненный путь. Отец Савватий провожал в последний путь своего наставника.

Многие духовные чада отца Димитрия, в том числе и священники, избрали себе новым духовным руководителем отца Савватия. Среди них был и ныне покойный протоиерей Геннадий Тимков. После смерти отца Димитрия отец Геннадий чаще общался с отцом Зосимой. Советовался с ним, видел в нем ту же прозорливость.

Во время разговора как-то отец Зосима (имя отца Савватия при постриге в схиму. — *Примеч. ред.*) говорит отцу Геннадию: «Извини, но я не смогу быть на твоих похоронах (в то время отец Геннадий сильно болел), но мы с тобой обязательно встретимся у Престола Божия, так дней через 20, 30... 50». В августе 2002 года отец Геннадий, ввиду болезни еле передвигавшийся, прибыл на похороны отца Зосимы, а в октябре этого же года его самого не стало. Он умер на праздник Покрова Божией Матери. Причем незадолго до этого ему явился батюшка Зосима и сказал, что скоро заберет его с собой.

***

В мае 1990 года отошел ко Господу Святейший Патриарх Пимен. Отец Савватий относился к патриарху Пимену с величайшим почтением и любовью. Батюшка как-то говорил, что он никогда не боялся никого из людей, исключая, пожалуй, только патриарха Пимена. Ему достались и некоторые личные вещи почившего патриарха: его посох и куколь. Последний (или один из последних) указ, который подписал патриарх Пимен, был указ о возведении игумена Савватия в сан архимандрита.

В Москве собрался Поместный Собор для выборов нового патриарха. Вот как вспоминал батюшка об этом событии: «После кончины блаженно почившего патриарха Пимена мы, все здравомыслящие члены Церкви Святой, молили Бога, чтобы Господь дал нам мудрого Первосвятителя. Чтобы в смутное время правильно управлять церковным кораблем и, самое главное, сохранить единство Святой Русской Православной Церкви, вот о чем стоял вопрос. И Господь избрал Собором святителя — патриарха Алексия. По неписаным законам должен был быть Филарет, нынешний автокефалист, нынешний отщепенец от Церкви Святой Русской Православной. Он был патриаршим местоблюстителем, он уже примерял куколь патриарший, он думал, что его освященный Собор изберет на патриарший престол, но за него наоборот самое меньшее число тайного голосования было отдано. Высказались большинство святителей Церкви нашей за митрополита Санкт-Петербургского Алексия. И его избрали и поставили Патриархом Московским и всея Руси. Я возблагодарил Бога, ибо знал, что из всех святителей самый мудрый — это Алексий. Он долгие годы был

управляющим делами Московской Патриархии, все перевидел и все переслышал, он все знает. И он мудро смог управлять Церковью. И действительно, как я говорил, на удельные княжества нас разорили. И самое главное, что духовность хотят разорить, Церковь разорить хотят. Но Церковь держится. Собор архиерейский собирается, съезжаются святители все во град Москву — из России, и Украины, и Белоруссии, и Казахстана, и Узбекистана, и Молдавии, и Литвы, и Латвии, и Эстонии приезжают епископы, храня единство Церкви. И мирно, спокойно, без всяких разделений, без всякой вражды решаются церковные вопросы в союзе мира и любви. Это благодаря очень мудрому руководству Святейшего Патриарха».

***

Начало 1990-х годов — время очень бурное и насыщенное разными событиями как в жизни государственной, так и в жизни церковной. Распадалось громадное государство — Советский Союз. С многих сторон возникла угроза и церковному единству. Русскую Православную Церковь терзали униаты и раскольники, зарубежники и катакомбники, разного рода «истинно православные».

В 1990 году Украинская Православная Церковь обрела новый канонический статус в составе Московского Патриархата. При этом изменилось даже ее название. Самое же главное, что она стала совершенно независимой в управлении во всех финансовых и административных вопросах, иными словами, получила автономию.

Политическая ситуация стремительно менялась. Близок был развал Советского Союза. Образовывались новые независимые государства, среди них —

Украина. В это время бывший тогда митрополитом Киевским Филарет (ныне — отлученный от Церкви М. А. Денисенко) начал активную деятельность по подготовке полной автокефалии Украинской Церкви.

Некоторые архиереи и священники явились убежденными сторонниками именно такого развития событий и активно выступили в поддержку автокефалии, за полное отделение от Русской Православной Церкви. Другие поддержали идею автокефалии из-за страха перед деспотичным митрополитом Филаретом, боясь попасть в опалу. Проводились собрания духовенства, в приказном порядке собирались подписи за автокефалию. Но много было и тех, кто стоял за сохранение единства с Русской Православной Церковью. Однако они были в тяжелом положении. Стремление к автокефалии митрополита Филарета, по сути — его жажда полной и никем не контролируемой власти, прикрывалась благовидными предлогами борьбы с унией и расколами.

Именно в это время отец Зосима особенно усердно молится о том, чтобы Господь открыл ему, как поступать в такой обстановке, что говорить своей пастве. Обращается он с такими вопросами и к другим известным духовникам и старцам. Через некоторое время он получил ответ в письме архимандрита Софрония (Сахарова) — келейника и ученика великого старца XX века преподобного Силуана Афонского. Отец Софроний еще в середине века был одним из духовников Святой Горы. В Англии, в графстве Эссекс, им был основан монастырь в честь св. Иоанна Предтечи. В этом монастыре отец Софроний и отошел ко Господу в 1993 году.

Как истинный послушник Церкви Христовой, с молодых лет проводивший жизнь в послушании

старцу, батюшка Зосима и в последующие годы всегда старался прибегать за советом к людям высокой духовной жизни, сверял свое мнение с мнением отцов и духоносных подвижников.

В вопросе единства Русской Церкви, верности ее патриарху мнения отца Зосимы и отца Софрония совпали полностью: держаться единства с Патриаршей Церковью даже до мученичества.

Выдержки из письма архимандрита Софрония батюшка Зосима размножил и раздавал всем своим духовным чадам, священникам, обращавшимся к нему за советом, в монастыри, в приходы и епархии. Очень многим православным людям и священникам слова отца Софрония стали надежным ориентиром и твердой почвой под ногами. Известна история, когда под воздействием этого письма с покаянием обратился из филаретовского раскола священник.

Ниже помещены самые главные выдержки из этого письма с копией автографа о. Софрония:

Archimandrite Sophrony

27 Апреля 1991г.

TOLLESHUNT KNIGHTS
by Maldon, ESSEX

Христосъ † Воскресе!

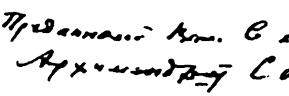
Тороплюсь немедленно ответить вам на три Ваших вопроса. 1) и самый важный пункт: какому движению церковному следовать. Умоляю Вашу Святыню послушать мой голос, грешного человека: держитесь всеми силами только Патриаршей Церкви. Держитесь даже до исповедничества, чтобы

не сказать — мученичества (т. е. даже до смерти). Спасение только в ней. Все другие движения, как бы ни были благочестивыми по внешнему их явлению, — западня вражья. Через них прейдет только раскол, ненависть, гибель общая.

Пишу Вам сие с великим сознанием моей ответственности перед Богом и Церковью, искупленной драгоценной кровью воплощенного Сына Божия.

Какими бы ни были неизбежные недостатки — Она и только Она найдет свой верный путь. Так говорил в свое время Иоанн Златоустый; так говорил преподобный Серафим Саровский. Так мыслят все, подлинно боящиеся погрешить подвижники всех родов...

...Но умоляю Вас — ни за что не отрывайтесь от Патриаршей Церкви. И других детей Ваших духовных удерживайте только в ней (т. е. Патриаршей).



Как-то, уже перед самым своим уходом в раскол, митрополит Филарет (Денисенко) проводил собрание священников в Донецкой епархии. Требовал он от них одного: «Отцы, нам нужна автокефалия. Подписывайтесь все!» Никто не смел сначала перечить ему на этом собрании. Кто-то пошел подписывать, кто-то боялся, кто-то колебался. Но вот, встает во весь рост архимандрит Савватий и спрашивает Филарета прямо в лоб: «Владыка, а Вы народ спросили? Народу нужна эта автокефалия?» «Народ — це быдло», — последовал ответ Филарета. «Раз наш народ-кормилец для Вас это быдло, то Вы для меня — не архиерей», — ответил отец Савватий и покинул собрание. У многих священников тогда открылись

глаза на истинные цели, которые преследует Филарет, агитируя за автокефалию. Это не интересы Церкви, не интересы народа Божия, а власть и деньги.

Об этом эпизоде вспоминает монахиня Афанасия. Она писала письмо в Синод, которое ей диктовал батюшка: «Он был "как огненный Херувим". Я подумала: "Ого, как Херувим!" — а он: "А ты как?" После того как Филарет их всех собирал, батюшка приехал очень расстроенный, ходил все время и говорил: "Какая сила в нем, мощь в нем странная! Такая, что люди совсем не могут ему (Филарету) противиться?! Какое-то воздействие! — Все благочинные подписали". Я его спросил: "А как же люди, как народ?" — А он: "А что народ? Народ — это быдло". — "Ну, раз народ для Вас быдло, Вы для меня — не архиерей".

На следующий день все священники начали приезжать, спрашивать батюшку: "Что делать? Мы не могли ничего сделать!" И батюшка каждому сказал, что и куда писать, что делать».

Борясь против автокефалии, много раз ездил батюшка в Москву, возглавляя группы мирян и священников. Встречаясь с патриархом, разными архиереями, батюшка говорил им правду о церковной жизни на Украине, о чаяниях церковного народа и об истинных целях деятельности митрополита Филарета (Денисенко). Встречался он там и с будущим митрополитом Киевским Владимиром (Сабоданом). Не прошла тогда автокефалия на Соборе, Филарету было высказано недоверие и его попросили уйти на покой. Уже после Собора в Москве, вернувшись в Киев, Филарет попрал свои клятвы на Евангелии и крестное целование и положил начало открытому расколу.

***

В эти же годы появилась возможность широкой миссионерской деятельности и проповеди, на которую отец Савватий живо отозвался. Он начал посещать предприятия и школы, встречаться с людьми вне храма, нести весть о Христе и о Святой Руси обманутому и заблудшему «советскому» народу. Вот как осветили некоторые из таких встреч журналисты местной шахтерской газеты. «Во время рождественских святок 1991 года в Угледаре впервые, наверное, с момента основания этого города в актовом зале школы № 102 выступил с проповедью архимандрит Савватий. Актовый зал школы был полон.

Батюшка призвал всех, кто его слушал, к милосердию, а также сообщил о решении построить в Угледаре храм, который было решено назвать в честь святителя Тихона исповедника, Патриарха Московского. По просьбе людей отец Савватий дал согласие провести в день Крещения Господня великое освящение воды в Угледаре, на Шахтерском бульваре. Батюшка предложил проводить в школе вечера вопросов и ответов, на что было получено согласие»[1].

В мае этого же года батюшка посетил шахту: «Впервые по приглашению руководства шахты и самих трудящихся на предприятие прибыли отец Савватий и отец Константин. Обратившись к собравшимся с задушевными словами, именуя всех братьями и сестрами, отец Савватий сказал:

— В этот светлый для вас день мы пришли, чтобы совершить молитву о вашем труде, о вас самих,

[1] «Альтернатива», общественно-политическая газета г. Угледара, 16 января 1991 г. С. 3.

окропить святой водой шахту. Сейчас — время прозрения, обновления, когда все общество осознает греховную бездуховность, стремится к светлому, чистому.

Он привел выражение писателя Ф. М. Достоевского о том, что "без веры в Творца человек хуже всякого скота становится". "О, Боже! О, Господи!" кто из нас хотя бы раз в жизни непроизвольно не проронил сей возглас!

Отец Савватий также говорил о духовной возвышенной любви друг к другу, о том, что злом никогда зло не победить, об истории Церкви и тысячелетии крещения Киевской Руси.

Да, за последнее время в нашей стране разительно изменились отношения государства и Церкви. Они стали доверительнее, конструктивнее. Религиозные организации начинают занимать соответствующее им место в обществе. Все это, в свою очередь, привело к возрастанию общественного интереса к истории Церкви и непосредственно к патриарху Тихону, называемому в народе Печальником земли нашей русской, именем которого предполагается именовать будущий храм в Угледаре, на сооружение которого о.Савватий призвал горняков отработать по одной "упряжке".

Много разумных речей звучало в тот день: и о необходимости объединения всех славянских народов, а не о размежевании их, и о том, что забастовка — крайняя и далеко не лучшая форма протеста, приносящая духовное опустошение и обнищание, и о том, что надо всем быть верными Святой Руси и хранить веру православную, и о символе христианства — Кресте. Поприветствовал он и нового директора В. С. Захарова со вступлением в должность.

— И будет благословение Божие в вашем деле, от всякого зла сохрани и благослови ваш труд, и обиталище ваше, и производство, и людей трудящихся. Да благослови вас Господи, добрые братья и сестры мои, новому директору помоги управлять, чтобы народ чувствовал доброго начальника, доброго помощника. Трудитесь во славу Божию, помните о детях, чтобы молодая поросль выросла добрая, неиспорченная. Воскресную школу откройте. Всего доброго и светлого вам!

После молитвы отец Савватий и отец Константин пошли освятить производство, заходили в нарядные рабочие кабинеты, кропили людей стоящих, да все это с молитвами, приветствиями, а порой и добрыми шутками:

Зажмурившемуся юристу шахты:

— Добрые люди святой воды не боятся...

В кабинете руководителя, указывая на кресло:

— Этот "инструмент" еще мозоль не натер?

Увидев перед центральным входом административно-бытового корпуса стенд с барельефом Ленина и полустертым, примелькавшимся каждому выражением "Мы придем к победе коммунистического труда":

— Слава Богу, уже "пришли" к коммунистическому труду! А металлическую голову пора убрать... на реставрацию...

В столовой:

— С радостью пищу готовьте — тогда она вкусной будет... А посуда — дефицит, чтоб она не билась...

В кладовой для продуктов:

— Чтобы мыши не водились, да тем более на двух ногах, ибо что на четырех лапках не унесет, чтоб и на двух ногах "мышка" не утащила.

Рассказал интересовавшимся немного о себе, о том, что сейчас Петров пост.

Трудящиеся шахты от души поблагодарили отца Савватия и отца Константина и на шахтном автобусе отвезли их в село Никольское»[1].

1990 год знаменателен еще и тем, что в этом году появляются у отца Савватия постоянные помощники — священники. Да это было уже и необходимо, так как болезни батюшкины все усиливались, а людей, желавших побеседовать с ним, получить благословение и услышать богомудрый совет, приезжало с каждым годом все больше.

По причине усиливающейся болезни отец Савватий подал прошение о постриге в схиму. В 1992 году епископ Алипий (Погребняк) совершил постриг батюшки в великую схиму с именем Зосима в честь преподобного Зосимы Соловецкого. Сразу же в этот день владыка Алипий сам принял схимнический постриг от руки постриженного только что им самим схиархимандрита Зосимы.

***

Батюшка всегда почитал память воинов, погибших в боях за свое Отечество. На Рождество Пресвятой Богородицы он всегда поминал благоверного князя Димитрия Донского, схимонахов Александра Пересвета и Андрея Ослябю и всех сложивших свои головы на Куликовом поле в 1380 году. В день памяти преподобного Сампсона Странноприимца поминал императора Петра I и всех погибших в Полтавской битве в 1709 году. А 9 мая — в день Победы над фашистской Германией молился о упокоении своего убиенного отца — воина Алексия и всех погибших в годы Великой Отечественной войны.

[1] «Стахановец», газета шахты «Южнодонбасская № 3», № 20–21, 20 июня 1991 г.

Схиепископ Алипий (Погребняк), который совершил постриг батюшки в великую схиму с именем Зосима

Осенью 1993 года отец Зосима освятил крест у города Угледара, сооруженный на вершине рукотворного кургана в память о погибшей на этом месте 31 мая 1943 года в неравном бою против фашистов группе десантников[1].

«Теперь здесь не грех и перекреститься. Это первое, насколько я знаю, святое место в Угледаре, на земле Донбасса», — сказал батюшка после освящения поклонного Креста.

[1] «Стахановец», газета шахты «Южнодонбасская № 3», № 35, 28 октября 1993 г.

О том, что произошло на этом месте 50 лет назад, отец Зосима узнал от местных жителей. А это был настоящий подвиг простых русских юношей и девушек, отдавших свои жизни за Родину. 14 десантников сражались с двумя батальонами немцев, которые находились на отдыхе в селах Павловка и Никольское[1]. Да еще несколько десятков полицаев. 4 пушки били по десантникам со стороны Никольского. Бой начался около 9 часов утра и закончился в 4 часа дня, когда со стороны десантников уже некому было стрелять. Живыми фашисты взяли двух тяжело раненых девушек, одна из которых умерла по дороге, а другая в больнице. Когда немцы, находящиеся в Никольском, вернулись с карательной операции, рассказывали никольчане, они восхищались:

— Храбрый русский девушка!

Те, кому они говорили об этом, смогли понять, что одна девушка была еще жива, просила воды, а когда один из немецких офицеров наклонился над ней, она схватила его за шею и стала душить. Этот поступок поразил немецких солдат.

Горсточка отважных бойцов сдерживала натиск почти двух батальонов оккупантов около 8 часов, защищая клочок родной земли. Их присутствие вернуло надежду жителям окрестных сел, ведь десантники были люди от наших! Никольчане в то утро успели встретиться с ними живыми, разговаривали.

Потом никольские девушки плели венки из полевых цветов, из головок подсолнуха и клали на могилу, пока полицаи не выставили там пост.

И вот 50 лет спустя на месте геройского подвига вознесся белоснежный православный крест — зна-

[1] «Донбасс южный», г. Угледар, № 15, 23 апреля — 6 мая 1996 г. С. 4.

мение победы над смертью. Такой же поклонный крест установлен батюшкой и на братской могиле в самом Никольском. Теперь уже крестный ход к этой могиле на 9 мая с поздравлением ветеранов стал доброй монастырской традицией.

***

Монахиня Афанасия рассказала, как они с батюшкой в 1993–94 году ездили в Угледар на освящение воды, это было после Пасхи. Пасха была ранняя, морозец еще был. Батюшка и его помощники, братия и сестры, стояли на остановке и ждали автобуса. У батюшки была обувь «на трансформаторной ленте», он мерз (а для него это катастрофа, у него по ногам текла лимфа). Чада нашли машину, чтобы забрать батюшку — он отказался, во второй раз — то же самое, и сказал: «Я своих чад не оставляю». Когда приехали домой, у батюшки были боты, полные лимфы.

***

С начала 1990-х годов увеличивается поток паломников в Никольское. Едут сюда люди в основном для того, чтобы встретиться со старцем. Они несут сюда свои горести и печали, недоумения и проблемы. Принимал людей для беседы батюшка каждый день, используя для этого малейшую возможность. Принимал он всех в крестилке, сидя на кресле в углу комнаты. Одет был обычно в старенький серый подрясник и схимническую скуфейку, в левой руке — небольшие четки.

Каждому, кого батюшка окормлял, он отдавал всего себя без остатка. Каждого он по-настоящему

Крестный ход в обители

любил, поэтому многие его духовные чада считали именно себя любимым духовным чадом. И это было правдой, потому что у него действительно все были любимыми.

Вот как описывает свою первую встречу с батюшкой инвалид войны 1-й группы Андрей Леонидович Лушков из Харькова. «... Приехал к батюшке Зосиме зимой, было холодно. Немножко подождали с другом, то ли день, то ли два. Кушали вкусно. У него все постное, но такой вкуснятины я даже в посольстве не ел. Немножко матушкам помогали кастрюли чистить. Еще чего-то, не очень помню. Тогда там еще ничего не было, как сейчас, а спали в домике для мужчин за храмом, с двухъярусными койками. Помню, к батюшке все время была очередь, но я тогда еще не знал, что это он так терпение испытывает, так как священников, монахов и иногородних он вообще-то принимал в первую очередь, если,

В крестилке, где принимал отец Зосима

конечно, не что-нибудь из ряда вон выходящее, т. е. сильное горе.

Службы были очень длинные, я так и не мог полностью выстоять, падал просто. Думал: "Если не попаду, так хоть гляну на него", но Бог судил попасть... Матушка запустила уже к нему в коридорчик перед кельей[1].

Я чего-то так разволновался, что стал читать Иисусову молитву. Говорю все время в себе: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня падшего, не дай обмануться". Не заметил даже, как люди выходили и заходили. Вот матушка говорит: "Идите, он Вас зовет". Я к двери подхожу, а внутри все молюсь. Слышу из-за двери: "Ну чего ты там стоишь? Заходи, заходи". Захожу, смотрю, в стареньком кресле сидит очень добрый батюшка, прямо передо мной. Слева от меня — огромный такой аквариум литров на 500,

[1] Батюшка принимал в крестилке. — *Примеч. сост.*

очень красиво и со знанием дела оформлен. Он мне и говорит:

— Ну чего ты такой перепуганный, за тобой что, с мешком гнались?

Я говорю:

— Нет.

Он говорит:

— Садись, садись, я слушаю тебя.

Я присел напротив на стул, и правильно сделал, потому что, наверное потом бы сел на пол.

— Ну, что беспокоит? — спрашивает.

— Да вот, — говорю, — батюшка, блудные помыслы.

Он говорит:

— Ну, и меня беспокоят.

Потом смотрит на меня и такое выдает, что одному Богу да мне только известно. И не иносказательно, а напрямую. Я опешил. Тут со второго этажа девчушки какие-то пошли. Он встал, и я подскочил. Он стал им что-то говорить, наставлять. А я стою и про себя Иисусову молитву говорю. Он повернулся и ласково так, как отец, говорит:

— Садись, дитя.

Я сел и про себя думаю: "Я не дитя, порох нюхал. С рогатым тут сколько лет бьюсь. Сам Бога нашел и других привел, детей крестил, друзей, родителей к Богу привел", — ну, в общем сижу, дуюсь. И очень, значит, хвастаюсь в себе. Девочки ушли, а за ними какая-то бабулька вся согнутая спускается. Батюшка ей:

— Матушка, что случилось?

А она:

— Батюшка, у меня спина болит, сил нет.

Он к ней подходит и говорит:

— Что же ты под сквозняками лазишь? — и хлоп ее по спине.

Она распрямляется, глаза округлила и тоненько говорит, перепуганно:

— Ой, батюшка, благослови.

Он ее широко перекрестил и говорит:

— Благословляю на кухню.

Знаете, у меня у самого поясничные боли после травмы позвоночника на Севере. Эти боли неделями не проходят. А тут — хлоп, и нет болезни. Я опять оторопел. Так, пожалуй, только батюшка Амвросий Оптинский лечил. Сижу, онемел и только краешком сознания все контролирую... Бабулька ушла скоренько, а батюшка Зосима поворачивается с доброй, доброй улыбкой и говорит:

— А я говорю — дитя!!!

Думаю, Господи, при нем что, и не думать, что ли? Он же мои мысли читает!

Батюшка почему-то весь сиял от радости. С тех пор он меня, как ни приеду, так и звал — дитя. Да я и не спорю теперь абсолютно. Потом батюшка тяжело дошел до кресла, сел. А у меня все из головы повылетало. Такого обилия чудес сразу я даже в Дивеево не видел. Он на меня смотрит и говорит:

— Ну, что там дальше, дитя?

Вдруг меня с головы до ног одна мысль как зажгла, а вдруг я к нему последний раз в жизни приехал?! Тут я на колени перед ним бух и плачу.

А он:

— Встань, ты — святой, я — грешный.

Я в себе думаю: "Чепуха какая-то, он шутит, наверное, такого дерьма, как я, свет не видывал". А он улыбается и говорит:

— Ну, доставай свой блокнотик из кармана с вопросами, а то мне некогда, — люди ждут.

Господи, как я был счастлив, что я вопросы позаписывал. Это у меня с исповеди была такая

привычка — грехи записывать, а то когда перед Богом волнуешься, бывает, с перепугу все из головы вылетает. Он говорил со мной, наверное, часа полтора, которые пролетели, как одна минута. Ответил на все мои вопросы. Потом взял образ батюшки Иоанна Кронштадтского, освященный на его мощах, благословил меня и говорит:

— На, это тебе мое благословение.

Потом смотрит на меня и говорит:

— Обещаешь мне быть мужественным?

Это уже в третий раз. Я думаю, ну куда мне деваться:

— Обещаю.

Он:

— Вот и молодец!

Он все время скорбно вверх смотрел, качал головой и с такой болью говорил:

— Матушка, Царица Небесная, ка-ки-е скорби...

Я понял, что он это обо мне видит. Но не знал, что через год и ад войны, и ад бесовских нападений станет по сравнению с тем, что ждало меня, детским лепетом. Тогда меня переполняло такое счастье... Батюшка светился от любви Божией тогда. Я встал, благословился уезжать и хотел скорей выскочить из кельи, потому что мне очень хотелось попрыгать от радости и попеть что-нибудь Богу от счастья, а перед батюшкой неудобно было как-то прыгать, как маленький. Перед выходом из кельи я спросил, можно мне теперь к нему приезжать. Он улыбнулся и говорит:

— Ну конечно, можно. Молись за меня, а я за тебя. Так и спасемся. Ну, беги, только штаны подтяни.

Я засмеялся и побежал. Слышите, я бегал там за домиком батюшки, скакал на одной ножке, плакал и пел: "Слава Господу моему Иисусу Христу, Матушке Царице Небесной и батюшке Зосиме"...»

А вот еще одно свидетельство сестер Иры и Оли о встрече с батюшкой: «И вспомнилась поездка к батюшке Зосимушке. Было это семь лет тому назад. Приезжали мы тогда с нашей мамочкой. Мне (Ире) очень хотелось выйти замуж за семинариста, вот мы и поехали за советом. Когда зашли к батюшке Зосимушке в келью, то первые слова были батюшки: "Откуда это козенята приехали?" Очень поразило при входе к батюшке то, что хотелось все рассказать о своей жизни. По-видимому, ему это не нужно было, ведь батюшка все о нас, грешных, знает! В конце нашей беседы он нас благословил и подарил маленькие иконочки, которые можно носить на груди, но строго наказал не терять ни в коем случае. Мне (Ире) подарил иконочку Серафима Саровского. Олечке — Иоанна Кронштадтского, мамочке — Пресвятой Богородицы. Так и поехали воодушевленные домой.

В жизни у нас произошло много изменений. Похоронили мамочку четыре года назад. Остались сами, но папа нас не забывает. Слава Богу. Замуж за семинариста не вышла (как и сказал батюшка), а теперь и вообще не нужно замуж. Только теперь мы стали понимать, что батюшка вел своей святой молитвой, защищал, вразумлял. Хотелось еще очень приехать до батюшки Зосимушки, когда была мамочка, все собирались, да и не собрались (очень жалеем, что не застали еще при жизни). Но ведь он помнит о всех, кто к нему обращается.

Мы Вас просим написать в книге слова благодарности нашему любимому батюшке Зосимушке, что мы помним о нем, молимся, грешные. Просим Ваших святых молитв о батюшке Зосимушке».

Пятиминутный разговор с отцом Зосимой возвращал людям надежду, желание снова жить... Он

Сидя в этом кресле, отец Зосима принимал людей

излучал какой-то внутренний свет и тепло, которые согревали и оттаивали самые отчаявшиеся сердца. Эта способность врачевать человеческие души молитвой, словом, взглядом — и было то главное чудо, с которым сталкивались люди в Никольском. Каким-то тайным, недоступным нам образом отец Зосима умел находить именно тот единственно верный выход, который был человеку необходим.

...Мать приехала к отцу Зосиме за благословением на поступление сына в университет. Женщина была в отчаянии: денег на учебу сына у нее не было, уверенности, что сын сможет поступить на бюджетное отделение, — тоже. Она еще не успела проронить и слово, как старец сказал: «Не волнуйся, мать, все у твоего сына будет хорошо. А как справится парень со своими делами, пусть приедет ко мне

в монастырь недельки на две». Парень не прошел по конкурсу. Но мать, помня слова батюшки, не позволила ему забрать документы. Парня зачислили в университет, но позже. Сейчас он заканчивает вуз, пишет стихи, неплохо учится.

...Однажды, во время проповеди батюшка обернулся к женщине и сказал: «Когда будут убивать тебя, прочитай мысленно три раза 50-й псалом, и руки у преступников опустятся и уйдут, не причинив тебе вреда». Тогда женщина очень удивилась: кому она нужна-то в свои 60 лет? Но через несколько дней в ее квартиру проникли воры. С хозяйкой решили расправиться просто: сбросить с балкона. Внезапно женщина вспомнила слова батюшки. Всего псалма она не помнила. Прочитала мысленно первые три строчки, и воры оставили ее, действительно, не причинив вреда.

Ирина Пименова вспоминает о встрече с батюшкой Зосимой: «Однажды в одном из монастырей Луганщины встретилась с иеромонахом Кириллом. После беседы он сказал: "Вам нужно дальше". Внутри прошел тоскливый холодок. Куда дальше? Знать бы... Прошло меньше года. И вот я со своей спутницей Натальей держу путь в село Никольское Волновахского района Донецкой области. В дороге у меня возникло глубокое чувство, что о себе услышу то, чего не знаю.

Село Никольское — всегда теплое, тихое, уютное. Таким оно нам показалось и в первый раз. Приема у батюшки Зосимы ждало много людей, в основном женщины старшего возраста. Просидели несколько часов, они пролетели незаметно. Наступил вечер, мы зашли в коридорчик перед комнатой, где принимал батюшка. Первой принял Наталью, долго беседовал с ней, убеждал. Вот пришел мой черед,

было небольшое внутреннее волнение: "Какой он? Наверное, седой, преклонных лет". Не успев переступить порог крестилки, услышала: "Ну что, старика хотела увидеть? А увидишь молодого". Не сообразила, что об этих мыслях знала только я. Зашла в комнату. Началась беседа, которая запомнилась навсегда и стала основой дальнейшей жизни всей моей семьи.

Батюшка Зосима учил быть мудрыми, добросовестными, ответственными. Говорил: "Не забывайте, что вы врачи". И в самую неприятную горькую минуту вспоминаешь эти слова, поднимаешь голову, прочувствовав их достоинство, и идешь к пациентам. По благословению батюшки — работа в Сибири, Твери, теперь в Москве.

Дочь Ирина по благословению батюшки поступила в Московскую медицинскую академию им. И. М. Сеченова. Благословляя, по-доброму, с улыбкой смирял: "Круто!" Мы все рассмеялись, спало напряжение тревоги предстоящих экзаменов. А потом сказал: "Красный диплом... А место работы найти?" — и подарил книгу В. Марущака "Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)". Так он предвидел, что дочь закончит с отличием академию и решит стать хирургом.

А на вопрос: "Как Вы, батюшка?", был ответ: "Терплю, терплю, терплю...". Опять не случайно! Складывается ситуация, все — невмоготу, и тут вспоминаешь: "Терплю, терплю, терплю..."

Батюшка был в беседе не всегда многословен, но каждое его слово — истина. Как чутко, тонко подмечен твой недостаток, неправильный шаг, который может завести, ох, как далеко, и сразу же дан мудрый совет. С ним так легко, сделаешь как сказал, и нет проблем, все устроено.

Теперь мы так и живем: "Батюшка Зосима, благослови, умоли, помоги, спаси и прости!", а он видит, слышит и помогает».

***

Вспоминает Мария Титовна Каун из Иловайска: «Жила у нас в Торезе женщина очень трудолюбивая для церквей по имени Марфа. Она была лет на 10 старше меня. Когда строили храм в Торезе на станции, она весь потолок в церкви сама штукатурила. Любила ближнего накормить, угостить. Ездила и в Чернухино и там в церкви строительную работу выполняла, и к о. Савватию приезжала и работала, и не помню где еще. Когда достраивали храм в Торезе, ей уже было 70 лет. Я иногда приходила к ней. Однажды я пришла к ней, а она мне жалуется: "Мария, что со мной творится? На меня напала блудная страсть!" Я ей в ответ: "Тимофеевна, да Господь с Вами, Вам ведь 70 лет!" Строительство храма возглавлял инженер-строитель на 30 лет моложе Марфы... Она с этим инженером и согрешила. И после этого недели через две приехала к о. Савватию, зашла в храм и стоит. Выходит из алтаря батюшка и строгим гневным голосом, смотря на нее, крикнул: "Выйди, блудница, из храма, нацеловалась!" И она вышла. Она сама мне об этом сказала. По-видимому, она каялась и он разрешил ей этот грех.

Прошло некоторое время, не помню сколько лет. У нее сильно заболела нога. Уже батюшка принял схиму, уже служил в Никольском. Она в церкви уже не стояла, а сидела на своем стульчике под лесенкой, по которой поднимаются певцы на хоры. Однажды, находясь у себя дома, она, ходя по комнате, сильно стонала от боли, несколько раз произнося

слова со слезами: "Отец Зосима, нога болит!" После этого через несколько дней поехала к нему. Он стоял в церковном дворе и, увидя ее, несколько раз начал повторять ее слова: "Отец Зосима, нога болит!" Не помню, сколько прошло времени, она занемогла, приехала к нему и попросилась, чтоб он принял на предсмертное жительство. И он принял, дал ей келью (это я уже от людей услыхала). Вскоре она умерла, и он отпел ее и сказал: "Душа пошла без мытарств в Царство Небесное".

Когда она еще жила в Торезе и я еще несла послушание в Торезской церкви, Марфа ездила к нему часто. Он спрашивал у нее за меня: "Ну як там Мария, спивае вона, чи ни?" Отвечала: "Спивае". Не помню, сколько прошло лет, как захожу в храм, а Марфа, поднявшись со своего стульчика, поклонилась мне до пояса и сказала: "Мария, низкий поклон тебе от отца, сказал: передай ей низкий поклон, я знаю, кто за меня молится". А дело было так. За недели три до этого она сообщила мне печальную новость: "Мария, отец Зосима такой больной, такой больной, что, наверное, вот-вот умрет". Эта новость меня сильно встревожила. Когда я пришла из храма, у меня появилась сильная жажда молиться за него. И я стала молиться. Молюсь я уже несколько лет сидя из-за больных ног. Я просила Бога, Божью Матерь, святого Архистратига Божия Михаила, святого пророка Божию Илию, святого великого Иоанна Пророка, Предтечу и Крестителя Господня и еще некоторых великих святых. Сильно плакала, я содрогалась от рыданий, читала канон и акафист святителю Христову Николаю и после еще и еще просила Бога продлить ему жизнь. И что же? Он все это провидел и передал мне через Марфу низкий поклон».

***

Росла община вокруг храма Святителя Василия Великого. В праздничные и воскресные дни все больше приезжало паломников. Но были и непрошеные гости. Однажды утром к батюшке приехало несколько молодых людей такого вида, что и без угроз отдашь им свой кошелек. Они пришли к батюшке с покаянием: «Мы ночью хотели забрать у вас иконы, но только сделали шаг к храму, как перед нами встает какая-то невидимая стена и мы чувствуем, как бьемся об нее. Мы поняли, что грабить храм — грех». Батюшка простил ночных непрошеных посетителей и сказал, что это святой Иоанн Воин охраняет храм.

И таких чудес в жизни батюшки было много. Зимой должен был приехать правящий епископ. Хлебосольный батюшка попытался купить в Донецке рыбы. Но человек, посланный за покупкой, возвратился без рыбы. А утром ждут гостя. Батюшка расстроился. Вдруг поздним вечером в двери постучал неизвестный мужчина, дает мешок с рыбой и говорит, что это из Запорожья передали батюшке.

МОНАСТЫРЬ

Количество людей, желавших послужить Богу под духовным окормлением отца Зосимы, увеличивалось с каждым годом. Постепенно батюшка пришел к мысли создать церковную богадельню для тех «белых платочков», которые потрудились во славу Божию для Святой Церкви. В 1997 году церковная община взяла в аренду у сельсовета «Дом временного проживания», расположенный на территории,

прилегающей к храму, где усилиями братии и сестер была устроена богадельня «Дом милосердия» на 50 человек по уходу за немощными и престарелыми. С этого момента община стала постепенно превращаться в обитель. Развернулось масштабное строительство: в 1998 году был построен братский корпус, в 1999-м — сестринский. Трапезный храм Всех святых, в земле Русской просиявших, с курантами на башне был построен к 2000-летию Рождества Христова. На Пасху 2002 г. в нем была совершена первая Божественная литургия. В 2001 г. сестринской общине дан статус монастыря, а в 2002 г. был зарегистрирован мужской монастырь. Женский монастырь получил наименование в честь свт. Николая Чудотворца, а мужской — в честь свт. Василия Великого. Обе обители под омофором Пресвятой Богородицы именуются вместе Свято-Успенской Николо-Васильевской обителью.

Символично то, что именно вокруг свт. Василия Великого в древности образовались каппадокийские киновии, в которых несли послушание как братия, так и сестры, объединенные общим распорядком жизни и общим трудом. Организованные в единую систему на уровне руководителей — зримое выражение принципа единства Церкви как единства церковного братства.

«Пребывающие в разделе как могут назидать живущих в мире, или в случае нужды склоняя их к миру, или убеждая к исполнению других заповедей, если сами на себя навлекают худое подозрение тем, что не соединяются? ...О, если бы возможно было, чтобы не только собравшиеся вместе жили всегда вкупе, но чтобы и многие братства в различных местах, под единым попечением людей,

способных нелицеприятно и мудро устроять полезное для всех, назидаемы были в "единении духа в союзе мира" (см.: Еф 4, 3)!»[1]

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОПОВЕДЬ БАТЮШКИ ЗОСИМЫ[2]

«Братья и сестры, в нашей обители особое торжество, самая юная обитель всей Церкви Русской празднует свой первый престольный день — Успение Божией Матери... И в недалеком будущем совершится закладка за Васильевским храмом и богадельней Успенского собора по подобию собора патриаршего Московского Кремля. Пять глав будут венчать торжественно этот храм. Обитель наша именуется Домом Богородицы — Свято-Успенская обитель. Мы находимся непосредственно под Покровом Царицы Небесной. Она нас не оставляет, Она

[1] *Свт. Василий Великий.* Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах, 35.

[2] Успение Пресвятой Богородицы, 28 августа 2002 г. (за день до преставления отца Зосимы).

нас защищает, покрывает, и глубоко верю, что и после моей кончины Матерь Божия не оставит обитель и вас всех, молящихся в ней. Я глубоко верю, что эта обитель будет защищена Божией Материю, Покровом Ея до скончания века и силы ада не одолеют ея. Вот какой верой и вы все должны жить. Кого призвала сюда Сама Матерь Божия, те спасутся сами в монастыре и свои потомства, поколения спасут. Вот такова задача обители нашей святой. И дай, Господи, чтобы в этом Доме Богородицы не потухали никогда святые лампадки. Чтобы ежедневно утром, и вечером, и ночью молитвы и псалмопение были. Чтобы приходящие сюда обретали утешение, поддержку, радость, спасение от Самой Пресвятой Богородицы. Всех вас приветствую, возлюбленная паства моя, в сегодняшний день с великим праздником. Нынешний день подобен Пасхе. В конце лета мы поем всегда Пасху: «В рождестве девство сохранила еси...» Какие чудные стихиры, какие чудные лаврские напевы, — душа умиляется. Временами мне даже не верится, что я дожил до таких служб, до такой красоты! Матерь Божия не оставит своих избранных. Она пребудет с вами всеми до скончания века. Аминь».

ИЗ МОНАСТЫРСКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

8 апреля/21 апреля 2002 г. Воскресенье.

Неделя 5-я Великого поста. Прп. Марии Египетской.

[1] Монастырскую летопись вела схимонахиня Евфросиния (Бондаренко). Публикуется с сокращениями.

Все совершалось по обычному чину. Звон к утренней молитве в 5 часов. После утренних молитв и полунощницы в храме Василия Великого читали акафисты Воскресению Христову и прп. Марии Египетской, затем служили литургию свт. Василия Великого. Служили схиархимандрит Зосима, иеромонах Феофан. Батюшка Зосима говорил проповедь.

После молебна прп. Марии Египетской был чин о Панагии и общая трапеза. На трапезе батюшка говорил: «Наша обитель будет посвящена Успению Божией Матери. После Пасхи предполагается закладка нового большого собора в честь Успения Божией Матери. Закладку будет производить митрополит Донецкий и Мариупольский Иларион. Возможно, приедет Святейший Патриарх Алексий II.

На чине Панагии петь основной тропарь Успению, потом Всем русским святым. В воскресные дни и праздники вначале петь тропарь воскресный или праздника. Этого правила в дальнейшем придерживаться.

Спокойно, благодатно проходят службы в эти великопостные дни. Благодарю за службу, за пение. Так легко было молиться сегодня. Только на "Похвалу Богородицы" вы не были готовы. Осквернили такую службу, испортили мне праздник. Жду эту службу, как звездочку.

Что за мода такая пошла делиться у братии и сестер: "Это наша служба, это — не наша"? Это наша общая служба!

Любите, чтите "Похвалу Богородице", как Благовещение, и Матерь Божия вас никогда не оставит.

Сестры! Никогда не уступайте петь мужикам (братии) Богородичных праздников!

Говорят: "Крикливый стал". Это голос сердца моего звучит. Началась Голгофская моя молитва... Чувствую, что конец мой близок... Часто вспоминается мне теперь одна картина, которую видел я в Иерусалиме. Предсмертная молитва Господа... Сиянием, светом Фаворским освящен Христос... По Его лику стекают кровавые капли, апостолы спят... "Бдите, молитесь со Мной". Нет, спать, спать... "Спи, почивай, душе моя". Долго рассматривал я эту картину. Посмотрел я на вас внимательно на "Похвалу": все спящие. Ни одного бдящего! Вот почему кричу. Встаньте! Пробудитесь! (Батюшка поднимал братию и сестер. Спрашивал, почему не были на службе, на "Похвалу", где были).

Мое благословение: нет игуменьи на трапезе — разворачивайтесь, уходите. Нет благочинного — уходите. Так и воспитывайте себе наставников.

На сестринских и братских постригах быть всем: это новые ангелы рождаются в обители!

...Это мои последние вздохи, Гефсиманская молитва. Прошу вас, вздыхайте со мной, молитесь.

Со временем у нас будет духовный собор. Но пока я жив — все вместе решаем: и хорошее известно вам, и плохое, что делается в обители.

Готовьте Трапезный храм к Пасхе. Тут будет служиться Пасхальная литургия.

На этой неделе выкопайте мне могилу (4 метра) и приготовьте склеп, чтобы после моей смерти не было суеты.

(Опять о «Похвале»). Глянул — ничего не готово. Лица безучастные. Ни коврика, ни красоты — пустота... Очень печально. Надо все-таки кричать... Но чтобы этот голос не был голосом "вопиющего в пустыне".

Сегодня на Ларинке (кафедральный собор в Донецке) владыка Иларион рукоположил о. Сергия

в иеродиакона. Владыка передал всем благословение.

Слушал на диализе запись патриарха Пимена. Он читает «Великий канон». Как хорошо читает! 80-летний старец, а каждую букву, каждую запятую слышно! Голос молодой.

...Лучше монастырского пения нашего нет. Любите лаврское пение. Сама Матерь Божия внушала регентам эти напевы. Почаще пойте лаврские напевы и ектинии, пока я жив».

Вечером служили великопостную вечерню и утреню. На вечерне совершили четвертую Пассию (от Иоанна).

9 апреля/22 апреля 2002 г.

Мч. Евпсихия.

Ясный, солнечный день. Зацвели вишни, персики. Распустились тюльпаны.

В обители совершалось все по обычному чину. После правила служили литургию Преждеосвященных Даров. Потом братия совершили Таинство елеосвящения.

На общей трапезе был батюшка (пришел после диализа). За обедом читали «Лествицу». Когда чтец упомянул об Оригене, батюшка остановил чтение и сказал, что Оригена Церковь называет отцом Церкви, но не святым за то, что уклонился в ересь и неправо учил о человеколюбии Божием: пей, гуляй, веселись! Бог есть любовь — всех простит. Еще и за то осудила его Церковь, что он оскорбил свое тело (оскопился).

Батюшка показал всем остатки прежнего фарфорового иконостаса храма свт. Василия Великого, разрушенного безбожниками. Этот иконостас обошелся жителям села дороже, чем вся постройка храма. Его

(иконостас) привозили по частям в специальных бочках. — Какую красоту разрушили! Вот и теперь мы строим, но все это ненадолго. Придут эти бандеровцы — филаретовцы, будут все разрушать. Вначале ласковыми словами будут стараться погубить Церковь, сделать униатской, папской, потом физически уничтожать. Это будет последняя битва перед приходом антихриста. Антихрист придет такой добрый, все дешевое в магазинах будет, пенсии большие. Все тебе даст — только отрекись от веры, от Христа. Все это масоны подстраивают. Если бы мы только знали, какой у них страшный план. Только одну тетрадь опубликовали протоколов их заседаний, а если бы все, то весь мир бы от ужаса перевернулся.

«Запрещаю слушать радио — там все ложь. Повставляют эти сатанинские рога (наушники) в уши и ходят с квадратными глазами. Новости, новости... Ничего там хорошего нет — одна ложь. Зачем нам, монахам, все это? Можно только держать магнитофоны для прослушивания церковной музыки. И одному человеку благословляю держать компьютер для печатания документации».

«Осознайте грехи! Кайтесь! Кто сознает грех свой, тот уже не согрешит. Самое главное — чистота жизни. Без нее мы не устоим. Будут заставлять вас ставить телевизоры, радио, смотреть новости, предвыборную кампанию. Не слушайте их!»

«После моей смерти настоятеля вам пусть благословляет владыка. Благочинным остается о. Лаврентий, он и духовник братии и сестер. И владыка этот выбор одобряет. Деньги считать (казначей) — о. Амвросий.

Нужно к Пасхе поправить братскую могилу, покрасить памятник, бордюр. Обязательно поздравить ветеранов 9 мая.

Заканчиваем посадку огородов. Молитесь, чтобы Господь благословил наш труд, послал дождик.

Сегодня 40 дней со дня блаженной кончины архимандрита Модеста. Он приготовил мне путь. Интересно, что в 40-й день его кончины мне начали копать могилу».

После трапезы отслужили краткую заупокойную литию по архимандриту Модесту.

Братия и сестры посадили на поле 600 кг картофеля. Засадили почти гектар.

Вечером совершалось Великое повечерие, утреня, правило по обычному чину. На повечерии читали акафист прп. Зосиме Соловецкому.

10 апреля/23 апреля 2002 г.

Прп. Зосимы Соловецкого (со Страстной седмицы перенесли празднование ему).

Ясный, солнечный день. С утра было облачно. Птицы так хорошо поют — «райская» обстановка. Правило и служба совершались обычным чином. Служили батюшка, иеродиакон Иоанн, иерей Алексий из Запорожья. Пели сестры, управляла хором инокиня Николая.

На трапезе читали «Лествицу» — о плаче. Батюшка Зосима сказал об архимандрите Модесте, что у него был дар умилительных слез. Когда батюшка был в больнице, в реанимации, о. Модест с братией приезжали к нему. О. Модест плакал. Он держал в руках мощевик, и слезы капали на мощевик. Дай, Господи, и нам хоть немного этого дара слез. Слез не горя, а умиления и воздыхания сердечного.

Последняя седмица Великого поста проходит мирно. Завтра преполовение седмицы, память сщмч. Антипы, епископа Пергамского. Готовимся

внутренне к Вербному воскресенью, Лазаревой субботе.

Скоро день памяти патриарха Алексия I (Симанского). Он умер в ночь на Лазареву субботу. Придет время и его прославления, и будет новый угодник и светильник.

Вечером служба и правило совершались, как обычно. Служили иеромонах Никодим и иеродиакон Серафим. На повечерии читали акафист сщмч. Антипе Пергамскому.

Ночью батюшке было плохо, пришлось делать срочно диализ.

11 апреля/24 апреля 2002 г.

Сщмч. Антипы, епископа Пергама Асийского.

Самое прекрасное время. На деревьях нежная, молодая зелень, зацвели черешни, черемуха.

Утром правило, служба — как обычно. Пел братский хор.

В 12 общая трапеза. Батюшки не было, он плохо себя чувствовал.

После обеда приезжало телевидение из Донецка. Снимали православную передачу о Страстной седмице. Батюшка Зосима благословил на каждый день Страстной седмицы сказать краткое слово. На Понедельник говорил игумен Савва о праведном Иосифе Прекрасном; на Великий Вторник — иеромонах Лаврентий об Иове многострадальном; на Великую Среду — схимонахиня Евфросиния о жене-блуднице и Иуде-предателе; на Великий Четверток — иеродиакон Феодосий о Тайной Вечери; на Великий Пяток — схиархимандрит Зосима, несмотря на плохое самочувствие, — о Страстях Христовых.

Вечером служба, правило, ужин — как обычно.

12 апреля/25 апреля 2002 г.

Прп. Афанасии игумении. Перенесли на этот день службы ап. Марку, мч. Младенцу Гавриилу Белостокскому.

Утром, как обычно, молитвы в 5 часов, Часы с чтением Евангелия, Изобразительны, литургия Преждеосвященных Даров.

Служили игумен Хрисанф, иеродиакон Сергий, батюшка. Пели сестры. Управляли хором инокиня Серафима, послушница Елена. После службы батюшка освятил свой склеп. О. Лаврентий рассказал на трапезе, что братия спускалась в склеп. Они говорили, что там совсем другие ощущения: тишина, как в лаврских пещерах, даже подниматься не хочется.

На трапезе батюшки не было (у него был диализ).

После обеда поздравляли монахиню Афанасию (матушка — благочинная) с Днем Ангела, пели «Спаси, Христе Боже».

Вечером после полиелея батюшка благословлял подрясники послушнице Ларисе и послушнице Антонине. Он сказал краткое назидание: «Подрясник — 1-я ступень монашества, это хитон Христов, одежда смирения. Это не «одежа», а ризы. К ним надо относиться с благоговением, надевать с молитвой, носить с достоинством монашеским, любить и дорожить монашеской одеждой. За благоговение к монашеской одежде Господь прощает многие грехи. Теперь из монастыря ни на шаг, только «вперед ногами»».

Служба, вечернее правило — как всегда.

13 апреля/26 апреля 2002 г.

Перенесли с 9 мая службу свт. Стефану Пермскому.

Теплый, солнечный день. К вечеру набежали тучи. На 9-часе в Свято-Васильевском храме состоялся постриг в иночество братии и сестер (первый

«совместный» постриг в нашей обители). Постриг совершил схиархимандрит Зосима.

Батюшка обратился к новопостриженным со словами:

«Будьте терпеливыми, трудолюбивыми. Святое трудолюбие — самое главное для инока. Им прогоняется бес блуда и другие. Не гнушайтесь никаким трудом. Прп. Иов Почаевский любил труд, особенно сад. В саду его и похоронили, и обрели нетленные мощи. На руках у него видны мозоли — он не боялся труда. А ручки у него мягкие: когда облачают в поручи, они гнутся, как у живого. Вот что значит — трудолюбие! А если будете отлынивать, лениться, никогда монахами не станете.

Нужно порвать "пуповину", связывающую с миром. В мир выходить не иначе, как по послушанию, в крайнем случае. Никаких базаров, магазинов, домов, пенсий, "родичей". Просите приезжающих паломников, чтобы купили вам что нужно. А родные пусть к вам ездят, а не вы к ним. Тот, кто в мир стремится, не монах, а исчадие ада. Знаю монахов в Одесском монастыре, еще живых, которые после пострига ни разу не вышли за ограду обители.

Мне нужно срочно в больницу, а я все оттягиваю. Зачем мне туда, монаху, ехать, осквернятся в этом городе? Господь мне определил тихую жизнь в обители. Зачем все это монаху?

Дай Бог, вам, братия и сестры, быть трудолюбивыми, истинными иноками, монахами и схимниками».

Вечернее богослужение, правило — по установленному чину. За обедом был и батюшка. После трапезы поздравили с Днем Ангела схимонахиню Фомаиду. Батюшка благословил ей и новопостриженным «Правильники».

14 апреля/27 апреля 2002 г.

Лазарева суббота.

С утра — правило, акафист Лазаревой субботе, литургия. Служили о. Иона, о. Никон, иеродиакон Феодосий.

В 15 часов начался крестный ход. Братия и сестры в полном облачении с вайями (священство с пальмовыми ветвями) вышли из храма свт. Василия Великого под праздничный трезвон. Далее двигались через Святые Врата к храму Всех русских святых. Зашли в храм через главный вход, в храме пропели тропарь праздника. Так же вышли и шли вдоль сестринского, больничного корпусов, пекарни, гаражей, усыпальницы, обогнули алтарную апсиду храма свт. Василия Великого, прошли мимо монастырского кладбища и снова вернулись в Васильевский храм. Во все время крестного хода певчие пели тропарь Недели Ваий («Общее воскресение»). Батюшка в крестном ходе не участвовал. (Расстроился, что шли не чинно, не было дисциплины, строй временами распадался).

Праздничную службу служили соборно. На полиелее батюшка произнес краткую проповедь о сути праздника.

«Народ встречал Христа, как Царя, как пророка. Женщины снимали покрывала и устилали ими дорогу, дети резали ветви с деревьев, все радовались и восклицали: "Благословен Грядый во Имя Господне!" А Христос плакал... Он проезжал мимо Голгофы, мимо людей, которые сейчас Его приветствуют, а спустя несколько дней будут кричать: "Распни Его!"

Мы тоже часто малодушничаем, ропщем, клевещем на Господа, не хотим нести свой крест.

Дай Бог, чтобы мы, как Матерь Божия и Иоанн Богослов, прошли до самой Голгофы, все вытерпели

и в самую минуту кончины воскликнули: "Осанна в вышних!"

(Кто-то в храме стал шуметь, падать на колени со стуком во время проповеди, усаживаться на пол). Встаньте! Не благословляю сидеть на полу во время проповеди. Не умеете себя вести — стойте. Не искушайте, соблюдайте дисциплину! К сожалению, на приходах никто вас не воспитывает. Вы духовно не воспитанные.

Не благословляю с заразными болезнями ездить по монастырям (вши, блохи, чесотка и т. д., и т. п.). Держите тело в чистоте».

После обеда был хороший дождь, слава Богу. Расцвели яблони, груши. Весь монастырь похож на невесту. Насельники и насельницы заканчивают посадку огородов.

15 апреля/28 апреля 2002 г.

Неделя Ваий.

Утром — правило, воскресная полунощница, акафисты Недели Ваий и иконе Божией Матери «Игуменья Святой Горы Афон», литургия свт. Иоанна Златоуста. Перед литургией было освящение верб.

Батюшка произнес проповедь, также проповедь говорил иеромонах Спиридон. После службы — чин о Панагии, трапеза. На трапезе были гости. Батюшка сказал (обращаясь к гостям): «Спаси, Господи, вас за доброе сердце ваше! Помоги, Господи, с Божиим благословением начинать добрую христианскую жизнь. Слава Богу, что таких добрых светлых людей нам Бог посылает ("правая рука" губернатора Альберт (в крещении Олег), доктор Борис Владимирович и др.). Молитесь о них. Друг друга тяготы носите.

И вас, братия и сестры, с праздником! Сегодня порадовали меня — хорошо шли (на чине Панагии).

Вербное воскресенье

Вот, ведь можете! (Нам расчертили дорогу, как идти). Как солдаты у меня: правой — левой, чинно, торжественно».

Батюшка просил, чтобы братия и сестры спели «Чертог Твой вижду». Нот не было, на память не знали, пошли за нотами. На это батюшка Зосима сказал: «Должны знать на память. По памяти служить будете. Придет время — на нарах будете со слезами петь «Чертог» и кушать баланду». (В тот день трапеза была особенно обильная и разнообразная).

Впереди Страстная Седмица, а в будущее воскресенье — Пасха Христова. Сестры спели «Чертог», потом братия народную песню «Черный ворон». Затем поблагодарили Господа, пели «Вечную память» патриарху Тихону и патриарху Алексию (Симанскому).

Сегодня день кончины патриарха Алексия. 25 лет он предстоял на патриаршей кафедре. Трудное время пришлось на долю его патриаршего правления, время гонений на Церковь. Он не мог противостоять, он только молился. Гроб с его мощами стоял в Успенском соборе Москвы, и десятки тысяч людей подходили прощаться и целовали руку.

Вечером служили утреню, пели «Чертог». Вначале братия, «Слава» — батюшка (пел один, очень проникновенно), «И ныне» — сестры.

После «Чертога» батюшка сказал слово:

«Гефсиманский сад. Спаситель молится, светом Фаворским освящен Он. Апостолы спят сном лености, духовным сном. Трагедия греховного сна продолжалась до тех пор, пока шум, факелы, пришествие Иуды, архиереев и книжников не прервали его. И в наше время эта трагедия повторяется снова. Кто на Украине продаст Христа? Архиереи, попы — предатели Церкви, предатели Родины (это о расколе).

...И не освященные еще Духом апостолы разбежались. Те, которые говорили о верности. Подошел Иуда с ехидной улыбкой, с завистью, с ненавистью, не дрогнуло сердце, с ухмылкой. Как и мы подходим к ближним с лестью, с улыбкой, даже с жалостью. Личина такая: "Прости меня", а сама готова поглотить. Так крокодил, когда видит жертву, у него даже слезы бывают, но потом он пожирает

ее. За то Иуда 30 сребреников получил. Предан Бог... Какое страшное противоречие: Фаворский свет, которым освещен Христос, и тьма, которой объяты спящие апостолы, их греховный сон, дремание глаз. Петр развалился, Иоанн отворачивается от света, который мешает ему спать. Срамные позы спящих... А вдалеке факелы пылают... Изнемогающий в молитве Христос...

Сейчас у меня наступил час последнего моления. Возможно, завтра здесь уже поставят мой гроб. Бужу вас: молитесь, побудьте со мной. С печалью смотрю я на этот греховный сон — полное отсутствие, бездушие.

"Чертог" — мое любимое песнопение. В храме сумрак, горят только свечи. Лишь в одном алтаре свет — символ Царства Небесного. И мы просим Господа: "Просвети одеяние души моея и спаси мя... (Вздох)... от сна греховного". Просыпайтесь! Не отступайте от Господа, должен победить свет тьму в нашей жизни. Да сохранит вас Господь от этого сна греховного. Встречайте "Чертог" с любовью, со свечами, со слезами. Я завещаю вам, когда придет время моей кончины, пропеть "Чертог". Со слезой, не стесняйтесь этой слезы, чтобы Господь просветил одеяние души. Победите это искушение (сон, леность, нерадение), так, чтобы тьма не объяла вас, но чтобы светом духовным Фавора просветилась каждая душа.

Помогайте друг другу! Помолитесь за человека, если видите, что он в унынии. А молитва все может.

...Просите у Господа, молитесь, чтобы Господь просветил вас. Со святым спасительным вечером Страстной седмицы! Божие благословение на вас! Стремитесь к свету, легкости, радости! Со святым вечером!»

16 апреля/29 апреля 2002 г.

Великий Понедельник.

Солнечный, теплый день. Утром — правило, литургия Преждеосвященных Даров по установленному чину. Вечером после Великого славословия состоялся братский постриг в мантию. Постригал схиархимандрит Зосима.

Проповедь батюшки после монашеского пострига:

«От Бога, не от людей посылаются страдания. На все воля Божия, слава Богу за все! Спаситель все терпел, святые угодники Оптинские, Печерские. Свт. Иоанн Златоуст говорил: "Слава Богу за все". И с этими словами ушел в вечность, подражая Иову Многострадальному. Он жив и нам указует путь в вечность. Трудность появилась — поцелуй крест святой, открой книгу праведного Иова, читай. Если ты несколько раз в году не читаешь книгу праведного Иова — ты не достоин называться христианином. Патриарх Сергий, гонимый "святошами", полностью Библию прочитывал за Великий пост на пяти древних языках. Патриарх Алексий при огромной загруженности прочитывал Библию на 3-х языках: русском, древнегреческом, церковнославянском.

Ты хоть за пост все Евангелия прочитал? Тут с одним монастырем не справишься. А там — вся Россия. И находили великие святые на это время. Они учились этими книгами, как переносить страдания. Кто помнит, какое апостольское слово читается в Великую Субботу на паремиях? "Мал квас, а квасит все тесто". Так и эти святые отцы малы числом, а победили всю машину масонов, раскольников, обновленцев. Вот что значит питаться словом Божиим!

Вас всех ждет тюрьма, баланда. Не спасут вас квартиры, если не отречетесь от Бога. Читайте книгу Иова Многострадального, вы почувствуете

Крестоношение – древний чин Иерусалимской Церкви. Страстная седмица

поддержку. И не говорите Богу: "За что?", но "За все слава Богу". Укрепи вас Господь!

Вчера говорил вам: "Просыпайтесь!" И кричит душа моя к вам. Вижу вас спящими. И Иуда приближается. И сегодня, братия и сестры, "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный и одежды не имам да вниду в онь. Просвети одеяние души моея, Жизнодавче, и спаси мя". Вот этого просвещения души желаю себе и вам, возлюбленная паства моя. Даю вам пищу для размышления.

Боюсь я спящим дать братское целование и благословение у Престола. Просыпайтесь! Лукавое время. Гефсимания заканчивается, наступает Голгофа. Да укрепит Господь всех вас!

Сегодня на утрени совершили постриг протоиерея Андрея, ближайшего ученика и сподвижника архимандрита Феофана, прошедшего тюрьмы, ссылки. И никогда не возроптал! Дух радости был у него. И наш инок, юный Евстратий, дает сегодня обеты монашеские. Дай Бог быть монахом не только по одежде.

..."Блюди, душе моя, не сном отяготися". Не простой сон, а сон гефсиманский, когда Христос предается. Просыпайтесь. Поздно будет, когда застанут вас врасплох, и будете предателями».

17 апреля/30 апреля 2002 г.

Великий Вторник.

День Ангела и пострига схиархимандрита Зосимы.

Утреннее богослужение по установленному чину.

Сестры на День Ангела вручили батюшке ризу (фелонь), шитую золотом. Шили между службами, ночами, торопились успеть доделать. Риза из фиолетового бархата, постовая. На трапезе батюшка поблагодарил сестер за ризу, сказав, что они ее подарили монастырю. Говорил о плотских страстях. Велел бороться с искушениями. Возненавидеть надо того, кто искушает на грех. Никаких «исповедей» между братией и сестрами. На исповедь ходить к о. Хрисанфу и о. Лазарю. Всё вначале начинается с малого — учатся петь, читать (без благословения), потом пожатия рук, взгляды и... грех.

Рассказал о своем постриге. Постригали его в Великую Субботу. На постриге присутствовало много архиереев, покойных уже (митрополит Никодим

и др.) и ныне здравствующих. Был и Патриарх Алексий II, тогда он был еще архиепископ Таллинский. Сразу рукоположили в диакона, а на Пасху во иеромонаха».

На утрени, после пения «Чертога», батюшка произнес проповедь:

«Сегодня день моего пострига. Чувствуется смена поколений: старые уходят, новые приходят. Совершается таинство блудного сына... из бесноватого мира к Отцу Небесному. Благодарение Господу за пасхальные мгновения. День пострига... Были митрополит Никодим покойный и другие здравствующие святители. Пасхальная радость! Уйти от блудного мира, осознав, каясь. Я к этому очень серьезно отнесся, серьезно исповедался, от юности, осознанно. И с легкостью совершил постриг. Вот уже 28 лет служу Богу, Церкви и вам.

И сейчас чистые юноши и девушки приходят служить Богу своими голосами. Женское пение душевное, мягкое. Мужское — серьезное, духовное.

Слушаю запись, как патриарх Пимен читает Великий покаянный канон. Он, чистый монах, не любил, когда в патриаршем соборе "завывали" накрашенные оперные артистки. Зато как пели монахи Троице-Сергиевой лавры "Помощник и Покровитель" — полет!

Обитель святая... юные голоса... оставили мир ради души... этот юный вздох! Простые мальчики и девочки теперь батюшки и матушки. Вот вера! Монастырь — плоды духовные. "Бабки» — старицы, труженицы. Познайте обитель, вертоград духовный! Господь зовет: "Идите в вертоград!"

В Богадельне был, смотрел, как дружно живут, молятся. Здесь они матушки, батюшки почитаемые, уважаемые. В миру бы как собаки поумирали.

Да не померкнет свет духовный!

Великая Среда. Сложный психологический день. Радость и скорбь. Об этом Трипеснец. Пришла блудная простая женщина, осознала свои грехи, омыла слезами ноги Спасителя. Отерла драгоценным миром, все наполнилось благоуханием, отерла ноги волосами своими, которыми прельщала. Зачем? Ко погребению. Господь простил: "Иди и больше не греши". Блудники и блудницы! Вот настоящее покаяние, вот помилование. Это искорка среди сумрачных дней.

Второе событие трагическое. Не раскаялся Иуда. На омовение ног это особенно будет чувствоваться: "Лучше тебе не родиться". Завтра одна получает прощение, становится целомудренной, девственницей. Иуда не понял Фаворской радости — ушел мрачный. Одни получают поддержку, другие идут в погибель.

Образ (икона) этой грешницы — маленький, из Кронштадта — стоит перед вами. Вся обитель будет перед ним молиться, смотреть, как эта блудница омывает ноги Спасителя. Одни с любовью смотрят, другие осуждают Христа. Дай Бог нам быть целомудренными блудницами! Отверзи двери покаяния для мужиков и теток, Господи!

Стремитесь светлым лучиком быть! Господь не оставит. "Иди и больше не греши" — апогей христианской жизни. Господь простит, не осудит, поможет с Божией Матерью донести крест, наследовать Царствие Небесное. Господь ждет не только в эти дни, но и в последующую жизнь. Желаю вам, чтобы светом этой кающейся блудницы наполнилось сердце ваше, и мрачный Иуда отойдет от вас. И со светом — в вечность... Свет кающейся блудницы и мрак Иуды.

Радостно в обители. Трудятся с любовью, шепчут молитву, мирно, спокойно. Ночью меня проведут, когда обитель усыпает. Так приятно смотреть на эту картину, мощь духовную.

Потрудитесь дружно единой семьей, чтобы Пасха настоящая была. Готовимся внутренне к Великому Четвертку».

Слово схиархимандрита Зосимы на утрени (вечером Великого Вторника):

«"Сеченое сечется..." Какие слова! Вот вам духовная пища на всю дальнейшую жизнь, запас духовный. Великие дни... Слагайте в сердце эти мгновения. Эти службы надо знать на память. Владыка Григорий (Чуков) сидел в камере смертников. Их помиловали, и они радовались, как малые дети. Владыка знал литургию наизусть, в сапоге хранил кусок антиминса и зашитые мощи. Стали служить литургию. Зэки, урки молчали, каждый внимательно молился в сердце. Для Тела Христова — черный хлеб с отрубями и опилками, для Крови — выдавили сок из ягод вишни. Владыка преломил (ножа не было) и раздал на бумажках. Так они с бумажками вместе благоговейно съели причастие. Русь Святая!!! Вот как умирали! А не так, как сейчас: "Ой, подышать... на небо взглянуть". Духом стремились к Телу и Крови Христовой. И шли на смерть не ужасаясь. Это было шествие радости. Пели "Со святыми упокой", свои имена поминали — радостно шли на смерть. Вот наши корни!

Дай Бог быть не бесплодной смоковницей, а как блудница! Со святым спасительным вечером, братия и сестры и все благие труженики! С этой духовной Пасхой приветствую вас!

Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, повечерять, отдохнуть! Помолитесь

и о мне — плохо было. Бог смиряет. Утром не уходите — последний раз пропоют "Се, Жених", теперь до отдания Троицы.

Кто немощен — благословляю сыродавленное масло».

18 апреля/1 мая 2002 г.

Великая Среда.

Солнечный, теплый день. Правило, служба — по установленному чину. По благословению схиархимандрита Зосимы проповедь читала схимонахиня Евфросиния.

Батюшка сказал слово: «Не будьте Иудами, предателями, как этот Мазепа. Сделали из него героя! Не берите даже и денег, где он изображен. Мазепа бежал, предал нашу землю. Дай, Господи, свет кающимся, огради от предательства. "Ни лобзания Ти дам, яко Иуда".

Все в эти дни стремятся причаститься. До вечера батюшки будут исповедовать. Иуда — кто не сподобится причаститься в эти дни. Помоги, Господи, не у телевизоров сидеть в эти святые дни, а приносить покаяние.

Последний раз вечером будет читаться молитва Ефрема Сирина с поклонами. С четверга на пятницу будем совершать чин чтения 12-ти Страстных Евангелий».

Вечером было богослужение по уставу. Проповедь произнес иеродиакон Феодосий.

Слово батюшки Зосимы на утрени (вечером в Великую Среду):

«По богослужебному уставу в Великий Четверток воспоминается Тайная Вечеря. А сегодня переплетаются события черные и светлые. Светлое — кающаяся грешница, блудница, получившая прощение,

темное — предательство Иуды. Имел он денежный ящик и с этим ящиком ушел во тьму. Одна ушла в Царствие Небесное, другой — во тьму. И всего 30 сребреников получил (на наши деньги 10 гривен). Полностью потерял все святое, совесть потерял. Казалось бы, должен уговаривать Христос Иуду: "Иуда, покайся!" Но он сказал: "Иди..." Церковь радуется о кающейся блуднице и плачет об Иуде. Если бы Иуда покаялся, он был бы прощен. Но Иуда отчаялся и удавился... хула на Святого Духа. Вот таков сегодня день. Церковь готовит нас к Тайной Вечере. Сам буду причащаться Крови и Плоти Христовой. И вас да сподобит Господь приступить к Чаше!

Будут петь завтра много раз "Вечери Твоея тайныя...". Да сохранит вас Господь от предательства Иудина! Да не будет этого с вами!

На Украине Иудой является Филарет. И окончит он, как Иуда, а скажут, что приступ сердечный. А нам дай, Господи, не продать печать дара Духа Святаго и верность Святой Руси! Храните веру православную с любовью, со страхом, с мирным сердцем. Завтра для вас — или небо, или ад. Выбирай — или жизнь, или смерть. Помоги, Господи, вам избрать путь благоразумного разбойника, путь блудницы, но не путь Иуды, и мирно провести дни Святых Страстей. Дай, Господи, поклониться Божественным Страстем Христовым и воспеть Пасху — Светлое Христово Воскресение.

Последний раз пропели "Чертог"... Радостно, что и в этом году Господь сподобил слышать это песнопение. Некоторые, здесь стоящие, слышат его в последний раз... Призвал Господь этих девочек в этот чертог из мира, в котором вы мучаетесь. И вас Господь призовет. Идите, дети, в монастырь! В миру — погибель...

Поспите, отдохните, чтобы эти ночи провести в молитве. Впереди три ночи бодрствования — Страстей, Погребения, Воскресения. Не перемолитесь! Чередуйте: труд — отдых. Чтобы радостно, легко, благодатно было, как во время чтения Великого покаянного канона ("стояние Марии Египетской" совершали ночью). Готовьтесь к священному Таинству. Как приготовитесь, такая и благодать».

19 апреля/2 мая 2002 г.

Великий Четверток.

Утром правило, акафист ко причащению, литургия. Пели «Вечери Твоея тайныя». Все в храме причащались, чувствовалось единение всей Церкви. После трапезы был отдых.

В 14 часов начался чин омовения ног возле Святых врат перед Васильевским храмом. Омовение совершал батюшка Зосима, Евангелие читал иеродиакон Феодосий. В чине участвовали игумены Савва и Хрисанф, иеросхимонах Лазарь, иеромонахи Лаврентий, Иона, Иов, Феофан, Никодим, Спиридон, Никон, Фаддей, игумен Кукша. Слова апостола Петра читал игумен Савва. Батюшка уже не мог ходить, поэтому священников поочередно подводили к нему, и он омывал ноги.

В 24 часа (с четверга на Великую Пятницу) в обители совершалась служба с чином чтения 12-ти страстных Евангелий. Половина Евангелий была прочитана в Свято-Васильевском храме, а затем с пением прокимна «Разделиша ризы Моя» молящиеся пошли крестным ходом в храм Всех русских святых. Шли все в тишине, неся зажженные свечи. Погода была безветренная, поэтому свечи не гасли. В начале шествия шли хоругвеносцы, затем певчие (они весь крестный ход пели прокимен), затем

Чин омовения ног. 2002 г.

священники несли крест, а потом все молящиеся строем. Трудно описать чувство, тронувшее сердца людей. Каждый в меру своих возможностей прикоснулся к тайне Христовых страданий. Служба прошла молитвенно, очень торжественно. В Трапезном храме пропели светилен «Разбойника благоразумного» (пели по очереди сестры и братия). На «Хвалитных стихирах» так же чинно, как и шли, вернулись в Васильевский храм. Там прочитали последнее Евангелие и закончили службу к пяти часам утра.

Батюшка произнес краткую проповедь: «... Господь долготерпит. Нас давно растоптать пора за наше нечестие. Но Он ждет нашего покаяния. Как благоразумный разбойник: "Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем...". "Сегодня же будеши со Мною в раи". Вот плод долготерпения Божия. И нам, Господи, дай терпения, когда изнемогать будем, помоги до конца все претерпеть и войти в Царствие Небесное!

Событие у нас на всю землю Русскую: на Остром, там где зона строгого режима, строится единственный в своем роде храм в честь благоразумного разбойника. Дай Господи покаяния и спасения этим людям!

Слава Богу, мирно помолились! Незабываемая ночь! Укрепи, Господи, мирно окончить утреню и, кто где упадет — заснуть глубоким сном.

В 7 часов — утренние молитвы. Пятница святая... В Пятницу святую все должны молчать, о святых Христовых муках скорбно размышлять.

Благодарю Господа за эту радость духовную, что провели ночь в молитве. Раньше, в старые времена, на Святой Руси эту ночь не спали. Спаси, Господи, всех за усердие, молитву, горящие свечи! Нарисуйте дома крестики этими свечами на косяках дверей. Изнемогающим благословляю попить водички. Обед после выноса Плащаницы».

20 апреля/3 мая 2002 г.

Великий Пяток.

В семь утра утренние молитвы, чин Прощения, Великие Часы, канон с акафистом Страстям Христовым, Вечерня. Вынос Плащаницы в 11 часов сопровождался погребальным звоном. Перед Плащаницей батюшка Зосима сказал проникновенно слово. Все плакали.

«Прошлую ночь Господь сподобил нас всех бодрствовать. Он дал нам благодать и силы духовные в молитве ночной. Светом духовным, светом фаворским да просветит нас Господь. С этим светом мы стояли ночь. И сейчас мы стоим перед святой Плащаницей, вышитой руками русских матушек. Некоторые смотрят на Плащаницу как на произведение искусства. И вспоминаются слова Достоевского,

У Плащаницы Спасителя

что "красота спасет мир". Но мы видим только вещественную красоту, а надо видеть духовную красоту и с духовной стороны смотреть на этого великого Покойника. Вся суета отошла. В Пятницу Святую все должны молчать, о святых Христовых муках скорбно размышлять. Кончилась Голгофа, перед нами самый дорогой Покойник. Беспомощно на горе Голгофе висит Его Пречистое Тело. Ко Кресту пробирается женщина... плачущая Мать, женщины также плачут. Юноша с длинными волосами беспокойно озирается: "Кто снимет Тело с Креста? Кто поможет?" Голгофа — это могила праотца Адама. По преданию, был обычай у ветхозаветных людей — проходя мимо, бросить камень на могилу и плюнуть, ибо он навлек проклятие на род человеческий. Образовалась целая гора, на вершине которой совершилось наше искупление: жертва Невинного Агнца Христа Спасителя, любимого Учителя, Господа Иисуса Христа. Зависти ради предан Он был на смерть, на распятие... Кончились страдания, повисла безжизненно глава.

По обе стороны мучаются разбойники. Но один просветленный, не чувствует страданий, отрадно ему. Как луч света — вопль его на весь мир: "Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!" Приподнял главу умирающий Спаситель, посмотрел окровавленными очами: "Ныне же будешь со мною в раю".

Чудную весть на все времена жизни нашей сказал он и первым вошел в Царствие Небесное. Преступник, покаявшийся разбойник.

Вот путь, как войти в Царствие Небесное — путь Христова смирения. Не отчитки, не мироточивые иконы и чудеса — покаяние. Иоанн Креститель сказал: "Покайтесь". Путь Христова смирения, величия, духовной красоты. К пути духовному да стремится каждая душа. Осознанно приходите к покаянию. Не кощунствуйте словом, делом... Не исповедуйтесь там, где по нескольку человек — на общей исповеди. Только по единому! Осознанно приходите, хоть один грех вспомни, но не по книжке. Осознанно возненавидь грех; если не возненавидишь — никогда не избавишься, будешь рабом греха, похоти. Осознанно приходите, Господь ждет. Как благоразумный разбойник, хоть в 11-й час, на смертном одре вздохни. Вздох покаяния отверзает врата рая.

Святая Плащаница... красота вещественная... Зрите красоту духовную. "Зри в корень", ни страха, ни ужаса — величие духовное. Нерукотворный образ Спасителя пограбили католики, находится он у врагов на поругании.

Внимательно посмотрите на этот образ: какое величие! Спаситель избитый, израненный, "ни вида, ни доброты". И все-таки, какое величие, какое спокойствие. Посмотрите, чтобы и вы были такими же в скорбях, клевете, болезни, зависти. Не растеряйте этот дух красоты, сохраните до последнего

издыхания эту светлую красоту, не омрачите величие этого духа! Все новомученики, Царская семья с этим величием проходили свое крестоношение. Они, вынося чистую Святую Плащаницу, размышляли о красоте духовной. Подумайте, как мы омрачили образ Божий: слово "азъ" заменили словом "я". И "якаем" теперь — уродами себя делаем. Должно быть "азъ" в душе — лик прп. Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Иоанна Затворника, патриарха Тихона. Вся красота запечатлена в вас, братья и сестры. Чувствуйте величие "азъ". Не мартышкино "я"; "я" — последняя буква алфавита. Этот грех идет от Петра I, масоны придумали. Мы должны осознанно каяться... Ни в Киевской Руси не было "я" — "азъ", ни в Великой Руси. "Я" — нераскрытость Божия величия в нас. Дай Бог, чтобы возвратилось слово "азъ" — образ Божий.

...На Плащанице изображена беспомощная Мать. Бог Отец не оставил Ее. Вдруг среди глубокой ночи, жуткой темноты тихо из Святых врат Давида к Голгофе подошло несколько мужчин и женщин. Они несут лестницу, веревку, чистое полотно, чтобы совершить погребение. Жуткая палестинская ночь. Голгофа окровавленная, жуткая тишина. Разбита тьма. Что будет? Храм осквернен — завеса раздралась. Совершилось снятие с креста. Никодим, Иосиф вытащили жуткие "костыли" из рук Спасителя, жуткий венец терновый. Мать пришла к Сыну, у Нее слез нет, окаменелость наступила, высшая точка нервного напряжения. Бережно положили у подножия Голгофы на старый камень, на дорогое полотно. Омыли Тело от заплеваний, от страшных сгустков крови. Женщины не боялись темноты, храня верность до конца. Помазали драгоценным миром Тело Спасителя. Это не падшие женщины, как и мы,

целомудренные блудницы... Последнее "прости", последний взгляд... Препоясуются поясами и несут к подножию горы в гроб и полагают Его Тело. По древнему обычаю заваливают пещеру камнем. Но невозможно было отойти от гроба... И наступает уже Святая Суббота.

Что сохранилось от древних времен? Самое дорогое — Туринская Плащаница. Тоже пограблена католиками. В Турине она находится за наши грехи. Господь отъял святыню за расколы. Единство Церкви разорили. И за это теперь в католическом костеле находится Плащаница. Когда были сомнения, никому она не была нужна. Но когда ученый мир весь доказал подлинность вещественных доказательств страданий и убийства Христа, масоны решили ее уничтожить. Сколько горела Плащаница! Но Господь хранил. И когда в прошлом веке в первый раз сфотографировали — все увидели истинный образ Спасителя. Ни тени ужаса и страдания, а величие Божие. Когда медицина исследовала Плащаницу, подтвердила, какие муки Он претерпел. Нет ни одного целого ребра, все перебито ремнями. Знаменитые римские плетки со свистом бичевали — кожа лопалась, даже самые твердые кости не могли уцелеть. Поэтому понятно, почему привязали его к камню бичевания — невозможно было стоять. Но ни одного стона не слышно было от Спасителя. Слава долготерпению Твоему, Господи! И мы совершаем символ этого крестоношения. Какие чувства и ощущения, когда несешь крест! Представьте: ключица вся раздроблена. Это то же самое, если бы вы сейчас взвалили телеграфный столб. На распятии неправильно изображают. Не в ладони, а в суставы забивали жуткие гвозди, со скрипом их вытаскивали. Жуткие раны, раздробленные кости — вот что мы видим

на Плащанице. За воду — желчь, за манну — оцет. Вот какова и наша всех грешных Богу за все благодарность, за все благодеяния. Даже до сей минуты стоим бездушные. Стоим перед Плащаницей, а душа мертвая. 80% почти из вас спит гефсиманским сном.

Я пытался эту неделю вас разбудить и опять я вижу — все спят. Не смог я вас разбудить. Вот какими мы стоим. После сна — всегда падение и предательство. Бойтесь предательства Иудина, но будьте верны. Господь ждет нашего пробуждения. И будет ждать. Не унывайте, отрясите сон. "Се, Жених грядет". Время еще есть, долготерпение Божие велико. Бог, не карающий, милующий, — ждет. Как печально смотреть на ваши обезображенные лица! Они теряют человеческую красоту от сна. Пробудись, душа несчастная, окаянная!

...Еще сохранились гвозди. Один гвоздь привезен в Москву, находится в Успенском соборе. В золотом царском ковчеге хранится этот окровавленный гвоздь. Даже безбожники не мыслили его уничтожить. Из Оружейной палаты передали его Церкви. Господь сохранил его нам на уверение. Сохранились частички Крестного Древа, на котором был распят Спаситель: они разошлись по всему миру. В Иерусалиме сохранилась только нижняя часть Креста. И к нам, на Донбасс, владыка привез частичку этого окровавленного Древа — всем на утешение.

Нерукотворный образ Господь потопил в морских водах. Но предание гласит, что найдется этот корабль, поднимут его со дна моря и будет обретена эта великая святыня.

...И Образ Вероники... Вероника, простая девушка, увидев, как падает Христос, схватила кусок полотенца и своими чистыми девичьими руками отерла Его лик. И запечатлелся образ Христа на полотенце.

Сейчас он находится в Ватикане, там выносят его на поклонение. Мы его лишились за наше нечестие.

Внимательно посмотрите, каким должен быть образ Божий. Подобно, каким должен быть пастырь — не бритый, не стриженый. Мы должны подражать Богу, а не моде. Господь да отверзет вам ум разуметь красоту, величие. Помолитесь, и Господь даст вам радость, и будем чувствовать красоту величия Плащаницы.

Что сейчас можно сказать у гроба? Господи, прости нас, грешных. Когда близкий человек лежит во гробе — одно слово: "Прости". То же можно сказать и у Гроба Божия: "Прости!" Наступает минута прощания. Прости от юности, от детства. Какие мы падшие! А покаяния нет! Нераскаянность нашу прости. Прости нас, Господи, что мы не сохранили обетов крещения. Прости, что тайну миропомазания не соблюли, что лжепатриархов обоготворили. Миро варится в Москве патриархом, а не лжепатриархом киевским... То миро, которым помазываем при крещении. В Великий Четверг патриарх освятил новое миро. Вновь полнота Церкви. Можно ли изменить Святейшему Патриарху? Равносильно шкуру содрать живьем — это изменить святому миру. Почему и отступникам — "анафема". И никогда невозможно с ними соединиться. Лучше умереть за чистоту Церкви.

Прости за нерадивую жизнь, за потоптание обетов монашеских. Святой государь, когда целовал крест и Евангелие, до конца сохранил свои обеты. Прости, Господи, что мы только много обещаем: и молиться буду, и поститься, и блудствовать не буду. Что мы исполнили из этих обетов? На 80–90% не исполнили. Одна ложь!.. А отец лжи — диавол. И после этого мы можем подойти ко Гробу? Но молитесь,

Проповедь

плачьте — это роса, смягчающая наши сердца. Поплачьте, не стесняйтесь слез! Помоги, Господи, переступить этот мрак. Я глубоко верю, что многим сегодня Господь сможет с Плащаницы сказать: "Прощаются тебе грехи твои. Иди и больше не греши".

Прости, Господи, за все мерзости. И помоги, Господи, свято исполнить святые обеты! А если постигнут нас испытания, взирая на Крест, на Святую Плащаницу, на этот Лик, помоги преодолеть трудности,

понести испытания! Господи, не остави нас! Господь не оставит никогда кающихся... Будьте благоразумными разбойниками!»

«Будете гонимы. Русская Церковь уже гонима. Дорожите русским языком. Кровь будет литься, будут новомученики. Баланду будете хлебать и вспоминать величие Божие, величие служб, красоту Святой Руси. Как Матерь Божия, слагайте в сердце словеса Божии!»

В Трапезном храме совершили чин Погребения (в 16 часов).

21 апреля/4 мая 2002 г.

Ночная служба с Великого Пятка на Великую Субботу.

Всенощное бдение началось в 21 час. После Великого славословия с пением Трисвятого вынесли Плащаницу из Свято-Васильевского храма, выстроились и, неся в руках зажженные свечи, обошли крестным ходом вокруг обители (внутри; за ограду выходили только со стороны храма Всех русских святых). Вернулись в Васильевский храм, совершили чин Погребения. По словам молящихся, эта служба прошла в молитвенном напряжении, каждый в меру сил «прикоснулся» страданиям Христовым. Окончилось богослужение в 6–7 утра.

День провели в покое, отдыхали, выполнялись только неотложные послушания. В эту ночь за литургией все причащались. Батюшка Зосима не благословил причащаться на Пасху, чтобы не обременять священников исповедью в торжество. Он говорит: «Пасхальное причастие — это причастие в ночь на Великую Субботу»[1].

[1] Такова традиция в этой обители. — *Примеч. ред.*

Проповедь схиархимандрита Зосимы ночью Великой Субботы:

«Когда входишь в храм Воскресения Христова в Иерусалиме, встречает нас камень Помазания. Особенность его — благовонное мироистечение. Каждый приходящий сразу поклоняется этому камню. Больной — не больной — падаешь пред ним. Это место, где пострадал и умер Спаситель. Неугасимые лампады всегда горят перед ним.

Другое место — Кувуклия. Это огромный храм, построенный царицей Еленой, редкой росписи, мраморные колонны. Там лежало тело Спасителя, и оттуда Он воскрес. Придел Ангела. В этой части Кувуклии особый придел, на нем совершается Божественная литургия. Чтобы войти во Гроб Господа, надо согнуться. Так, смиренно, входят туда все, и архиереи. И я чуть ли не ползком, но все-таки прополз и пал на колени.

...Место погребения Спасителя. Оно закрыто, потому что все хотели взять частицу камня и растащили почти все. Там всегда горят лампады, там всегда Пасха. На том камне совершается Евхаристия, приготовление Литургии (сама же литургия совершается в приделе Ангела). Богомольцы стоят вокруг Кувуклии. И в сегодняшнюю ночь наши матушки пропели "Благообразный Иосиф", совершили со Святой Плащаницей чудный крестный ход вокруг обители. Ощутите благодать, придите, насладитесь, почувствуйте духовную красоту, духовное величие!

У Гроба Спасителя была поставлена стража и утверждена кустодия, чтобы охраняли гроб и не украли тело. Никакие камни и никакая стража не могли удержать воскресшего Спасителя, Победителя смерти. Господь указал нам путь, что и мы должны победить страдания и войти в Царствие Небесное.

В эту ночь будем читать паремии о Втором Пришествии Спасителя, а в посланиях апостолов будут такие слова: "Мал квас, да много квасит". После Евангелия будем читать чудные стихи: "Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его". Почувствуйте величие сегодняшней ночи!

"Пребуду с вами до скончания века" — вот о чем говорит Плащаница. Не говорите: "Забыл Бог". Никогда не забудет вас Господь и Церковь-Мать. Благодарю Бога, что вас мало. Здесь собрались в эту ночь те, кому нужна молитва. Убогие старухи, которым в гробу пора лежать, а они стоят и молятся. Дай, Господи, чтобы и после моей кончины вы приходили в эту святую обитель. Не утомились вы? (*Не-е-т*).

"Приди, спаси, помоги, защити нас", — просим Господа. Всех вас приветствую, братия и сестры, благочестивые богомольцы. Благодарю Господа, что немного вас пришло. Пришли те, кто испытывает эту радость, кому нужна молитва.

"Воскресни, Боже" пропоют матушки у Плащаницы, "Да молчит всякая плоть человеча". ...Но все равно тьма уходит, и свет приходит, и этому восходящему солнышку радуемся. И скорбь лежит перед нами, и радость Воскресения. В конце литургии причащаемся Святых Христовых Таин. После причащения будете пить воду и по стаканчику узвара с хлебом — благословляю всем.

Утром поедете домой и приготовите пасху. Помолитесь обо мне, чтобы, как и в прошлом году, со мной произошел "атомный взрыв". (Батюшка лежал тяжелобольной, но совершил Господь чудо: в Пасхальную ночь Он укрепил батюшку, и батюшка смог подняться, придти в храм и служить литургию)».

В Свято-Васильевском храме до Полунощницы читали книгу Деяний апостолов.

22 апреля/5 мая 2002 г.

Пасха Христова.

В 23 часа началась Пасхальная полунощница. В полночь с пением стихиры «Воскресение Твое, Христе Спасе» все молящиеся с зажженными свечами в руках вышли из Свято-Васильевского храма и пошли крестным ходом по обители. Батюшка Зосима накануне чувствовал себя очень плохо, но, несмотря на сильную немощь и недомогание, сам возглашал стихи перед закрытыми вратами Васильевского храма. Служба прошла торжественно, радостно и легко. Господь укрепил священнослужителей, певчих, молящихся. Пасхальную службу служили все вместе в Свято-Васильевском храме, а литургию разделили. В храм Всех Русских Святых пошли служить иеромонах Феофан и иеродиакон Серафим, пели инокиня Николая, инокиня Ольга, послушница Вероника. Все остальные остались служить в Васильевском храме. Батюшка на литургии был в Трапезном храме, а после Евхаристического канона вернулся в Свято-Васильевский храм. Батюшка поздравил всех с Пасхой. Утром разговлялись на общей трапезе. Слава Богу, всего было в изобилии: и сырных пасх, и куличей, и яиц. Поминали митрополита Серафима, почившего во время пасхальной службы. Затем все пошли на отдых.

В 12 часов, как обычно, была трапеза. Батюшка с трапезы ушел (он плохо себя чувствовал после процедуры и гемодиализа).

Сестры перед вечерним богослужением ходили поздравлять батюшку Зосиму, пели ему пасхальные песнопения. Батюшка угощал и рассказывал о некоторых иконах в его келлии. Например, икона «Живоносный Источник». Она висит в его столовой. Привезена она его бабушкой Василисой и его

дедушкой Иоанном из Кронштадта. Они возили пожертвования, собранные в их губернии, о. Иоанну Кронштадтскому.

Вечером служили Великую вечерню. После службы батюшка поздравлял всех, дарил пасхальные яички.

Сказал такую проповедь: «Христос Воскресе! Радостно прошла ночь, пролетела, как одно мгновение, благодатно. Помоги, Господи, сохранить эту радость на долгую жизнь, крестоношение продолжать, искушения все претерпеть!

Какой был чудный крестный ход, незабываемая служба. Утром все, благодаряще Бога, поехали домой. А как солнце играло! Набежала туча, прошел чудный благодатный дождь, играло небо после дождя. Божие благословение сопутствует всем нам. Мы все недостойны Бога, но Бог — милостивый, долготерпеливый и многомилостивый!

Обильно сошел в этом году Благодатный огонь. Это такое облако небесное сходит, из него — мирные молнии. Они не ослепляют, не жестокие. Обильно благодать сошла. Иерусалимский Патриарх Ириней умывался этим огнем, все плакали. Особая сила Благодатного огня. Молитесь за землю Иерусалимскую святую, чтобы умиротворил ее Господь. Сподобил нас Господь исповедовать грехи у Гроба Господня, поклониться камню Помазания, праздновать Пасху. Ученые называют Голгофу центром вселенной (к ней и от нее стекаются все исторические события). "Пуп Земли", середина находится в храме Воскресения. Важные собой греки поснимали русские иконы, украшенные бриллиантами, попрятали их из-за военных действий.

Там нет царских врат, круглый год Пасху поют. Врата не нужны. Стоит особый открытый престол Иерусалимского храма Воскресения.

Мир всем!

Дай Бог, чтобы наши сердца умиротворились! Настает вечер. Все храмы превратились в Сионские горницы. Поздно вечером Иуда удавился. Осина дрожит... Апостолы молятся, двери закрыты, окна — ни звука... Христос стоит живой... ужас, радость при виде ожившего любимого Покойника. Слово мира принес Господь. Этот мир оставил Господь в своем Воскресении: "Примите Духа Святаго".

Трагически оканчивается это Евангелие — не было с ними апостола Фомы. Не было промыслительно, чтобы продлить торжество Антипасхи.

"Где ты ходил? Мы видели Учителя!". — "Пока не увижу сам язв и ребра, откуда вышла кровь и вода, — не поверю". Первый день Пасхи, а Фома "подкузьмил". Но через неделю он скажет: "Господь мой и Бог мой". "Блаженны не видевшие, но уверовавшие!"

Мы не видели, но веруем. С этой радостью приветствую вас, братия и сестры! Господи, дай дух мира в семьях, в Церкви единой во главе с Московским Патриархом, у нас в обществе, чтобы выбросили эти "незалежности" наши внуки и дети, опомнились, соединили три народа в единый русский народ, сохранили духовный потенциал — силу и могущество Православия. "Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его": бандеровцы, папы — злейшие враги, нечисть — "да исчезнут от лица Его". Чтобы Украина покаялась за пап, раскольников, чтобы мы вместе славили Бога до скончания века. Дай, Господи, чтобы мир Божий воссиял в сердцах наших детей и внуков — наше будущее. Храните ваши семьи, несите крест, с Господом все можно победить. Но высшее — мир монашества в уединенной келье. Святость да сопутствует вам, братия и сестры!»

В этот день был дождь. Зацвели подле храма крупные маки. Благословили всем желающим звонить на колокольне всю Святую Седмицу. Звон между службами не прекращался.

Вечером на правиле читали акафист вмч. Георгию Победоносцу.

23 апреля/6 мая 2002 г.

Понедельник Светлой седмицы. Вмч. Георгия Победоносца. Мц. Царицы Александры.

Утреннее правило, утреня, литургия, крестный ход, освящение воды.

На трапезу шли строем из Васильевского храма, неся перед собой артос. Батюшка благословил ходить на трапезу таким чином всю Светлую седмицу. После трапезы все прикладывались к артосу.

24 апреля/7 мая 2002 г.
Вторник Светлой Седмицы.
Иконы Божией Матери «Иверская».
Правило, утреня, литургия в Трапезном храме. Освящение воды на колодце.
Батюшка уехал в больницу. Совершили чин Панагии. Вечером после вечерни служили акафист Касперовской иконе Божией Матери, правило. В Трапезном храме установили киот с иконой Всех Русских святых (заказывали резчикам из Харцызска).

26 апреля/9 мая 2002 г.
Четверг Светлой седмицы.
Поминовение усопших воинов.
Правило и служба совершались в Трапезном храме. После литургии был крестный ход вокруг храма Всех Русских Святых, затем зашли в Васильевский храм за хоругвями, вышли из Святых врат и чинно строем направились к братской могиле в парк. Вышли почти все насельники и насельницы. В парке находились школьники, сельский народ с красными флагами, на сцене перед братской могилой пели какие-то женщины, ветераны сидели на сцене. Батюшка запретил пение на сцене. Отслужили заупокойную литию по погибшим. Потом братия спела несколько народных и церковных песен. Пожилые селяне внимательно слушали, одобряя пение. Многие плакали, когда пели «Черный ворон». Батюшка Зосима сказал приветственное слово, поздравил ветеранов, вдов. Говорил о том, что «нужно

не плясать с бубнами на костях, а петь "Вечную память". Вот встретились две эпохи здесь — памятник погибшим воинам, скорбящая мать — память о прошедшей войне — и крест, поставленный ныне. Вот так надо, не рушить, а созидать, дополнять. Какой хороший гимн был "Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила Великая Русь" (дальше его испортили этим бесом Лениным) — не бандеровская Украина, а Святая Киевская Русь... Обойдите сегодня монастырь, посмотрите, как спасаются люди, порадуйтесь».

Потом опять все шли крестным ходом вокруг монастыря (снаружи), на 4-х сторонах читали пасхальные Евангелия, служили молебен. Во время шествия пели Пасхальный канон. Было очень радостно, чувствовалось единение, единая семья. И с мирянами нашли общее. Ветеранов поздравили подарками, куличами и пасхами. Во время пения монахов многие пожилые люди плакали. Снимало этот праздник Донецкое ТВ.

Вернулись в обитель через Святые врата, оставили хоругви в Васильевском храме и строем пошли на трапезу. За трапезой батюшка благодарил за крестный ход: «Пусть мирские тоже видят духовную красоту; что-то да останется в их сердцах... женщины платочками утирались, дрогнуло их сердце... После моей смерти всегда ходите на братскую могилу служить панихиду».

28 апреля/11 мая 2002 г.

Суббота Светлой седмицы.

Вечером всенощное бдение, правило — по уставу.

После полиелея батюшка произнес проповедь: «Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе! Исторический день в жизни Православия —

Памятник погибшим воинам

окончилась Светлая седмица. Страстная пролетела, Пасха пролетела, как одно мгновение. Закрыли царские врата, прошел крестный ход. Сегодня запели "Запечатану гробу", поклонились последний раз царским вратам. Но печали нет, Пасха продолжается, Христос продолжает являться ученикам. Господь не оставит нас. Многих Господь посетит, главное разгадать, узнать это посещение, не отвергнуть Его в образе страждущего — человека не в славе, а нищего. Дай нам, Господи, мудрости не прозевать Тебя! И будет Божие благословение на вас. Мудрость, как у прп. Нектария: чудное житие читается за трапезой. Жизнь — целая сказка. Не верится, что в наш век можно прожить такую жизнь. Старец, детская простота, до смерти играл в куклы. Вот так, в чистой простоте сердца, и нам завещал жить. Чем проще, тем лучше. Держитесь подальше от этих философов... В простоте сердца, как два негра-аборигена просили

старца-миссионера научить их молиться. Выучили "Отче наш". Они, миссионеры, уехали, а негры забыли молитву и давай догонять старца прямо по морю. Там, на палубе, их приняли за привидение. Потом видят — не привидение, остановили корабль. Они говорят: "Мы забыли, как молиться". А святитель заплакал, поклонился им в ноги: "Как молились, так и продолжайте".

Всем нам дай, Господи, самим спастись в простоте и всех близких спасти. Особенно воспитывайтесь в духе Амвросия Оптинского. Почаще читайте его письма — это величина духовная, камень духовный. Вот образец русского православия, добротолюбия. Бойтесь греческих, афонских, заграничных подвижников: они православные, но не русского духа, они не понимают русского духа.

Дай, Господи, не разлучаться с Воскресшим Господом, чтобы радость, умиротворение и духовность не покидали нас. Учитесь, хоть понемногу стремитесь, по крупицам собирайте мудрость Руси Святой и возрастайте в вере. Не останавливайтесь, там — безбрежный океан. Нас всех, отребье мира, назвал Господь блаженными. Это самая высшая награда, этим утешаемся, радуемся. Никакой печали. Господь с нами до скончания века. Аминь. Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам!».

30 апреля/13 мая 2002 г.

Апостола Иакова Зеведеева. Свт. Игнатия Брянчанинова.

Утром — правило, богослужение по установленному чину. Пели братия.

На обеде батюшка был расстроен: утром он ездил в Александровку, там он увидел беспорядок. Сказал, что хочет, чтобы в Александровке был скит

Пасха 1998 г.

от нашего монастыря. И сестры бы там трудились и ухаживали за могилкой его мамы — схимонахини Мариамны. Вечером батюшке было плохо.

2 мая/15 мая 2002 г.

Свт. Афанасия, патриарха Цареградского, Лубенского чудотворца.

Сегодня впервые после большого перерыва (Великий пост, Пасхальная седмица) пели лаврским чином нараспев акафист Успению Пресвятой Богородицы.

Батюшка сегодня был очень умиротворенным. На трапезе благодарил братию и сестер за мир, тишину, за то, что хорошо пели акафист. Батюшка

сказал, что владыка остался очень доволен посещением нашего монастыря, что он даже назвал наш монастырь лаврой.

5 мая/18 мая 2002 г. Суббота.

Иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша».

Вечером служили всенощное бдение.

Батюшка произнес проповедь примерно такого содержания: «Христос Воскресе! Радость духовная наша, веселие духовное таково, что и в нашей обители несется радость Воскресения Христова. Мы снова сопереживаем Иосифу и Никодиму, снова переживать Воскресение — духовное начало. Мы будем петь "Воскресение Твое, Христе Спасе", в течение сорока дней будут радоваться люди. И в сегодняшний день мы празднуем... "Пребуду с вами до скончания века"... Господь всегда с вами: и в храме, и в домах ваших, и на работе. В смутные времена мы знали — Христос не оставляет нас. Не одолеют силы ада Церковь. Раскольники, сектанты не одолеют нас. Церковь сияет, как адамант в мусоре, чем больше ее разделяют (не нужен церковнославянский язык, не нужны свв. равноапостольные Кирилл и Мефодий), чем больше поливают клеветой. Как кислотой очищают золото, тем чище оно становится, начинает сиять, как бриллиант.

Дай, Господи, чтобы Воскресший Господь не отступил от нас, всегда был с нами. Вот смысл духовный, наследие Царствия Небесного!

С этой радостью приветствую вас в святой обители. Дай Бог, чтобы, несмотря на нашу греховность, Господь не оставлял нас — вот смысл духовный. Христос Воскресе!

Поклоняемся Святому Евангелию, иконе прп. Иова Почаевского с частицей мощей, святцам, иконе

св. прав. Иова Многострадального, св. Марии Магдалины, паче всех благ Сладчайшего Господа Иисуса Христа возлюбившей. Помазываем освященным елеем, благословляем хлеб и вино.

Помоги, Господи, тихо, мирно молиться. Благодарим Господа за дождик, росу небесную. Ночью я молился о дожде. "Смилостивься, Господь, над нами, пошли дождик!"

Завтра читаем акафисты Живоносному Гробу и равноапостольной Марии Магдалине. На повечерии читаем акафист Царю-мученику Николаю.

Дай, Господи, мирно помолиться, получить духовную радость, духовное утешение! И обо мне помолитесь, немощный стал, уже ухожу, не стройте иллюзий. Слава Богу за все!»

6 мая/19 мая 2002 г. Воскресенье.

Неделя жен-мироносиц. Прав. Иова Многострадального.

Утро началось в монастыре обычным порядком — утренние молитвы, канон Пресвятой Троице, акафисты Живоносному Гробу и равноапостольной Марии Магдалине, часы, литургия.

После проповеди схиархимандрит Зосима по благословению Блаженнейшего митрополита Владимира вручил орден вмц. Варвары послушнице Елене Морозовой (главному регенту)[1] за самоотверженный труд на пользу Церкви Христовой. Этот орден она отдала батюшке, чтобы его вложили в икону Успения Божией Матери. Эта икона (местночтимая) вся украшена батюшкиными наградами. Теперь на ней красуется и плод сестринского трудолюбия.

[1] Ныне игумения Анна (Морозова), настоятельница женского монастыря.

Игумения Анна

Батюшка поздравил женщин с праздником жен-мироносиц. Его проповедь была содержательной и очень назидательной. Вот ее примерное содержание:

«Вчера мне рассказали такой случай. Братия взялась разбить сухое дерево, а на нем скворечник. Как вылетела из него скворчиха, как набросилась на рабочих, так кричала, что все с дерева попадали. Вот как надо защищать свой дом, детей! Думаю об этой скворчихе с почтением. Сама природа дает нам образы нашей жизни. Труден наш жизненный путь.

Вот эта скворчиха показала нам, как нужно поступать, чтобы семьи наши были защищены. Дай Бог нам мудрости, радости духовной, как у Марии Магдалины, паче всех благ Сладчайшего Господа возлюбившей. Она с радостью духовной шла за Христом. С радостью легче нести крест. Вот мое вам доброе наставление. Чтобы не отступал Воскресший Господь и радость Его сопутствовала и мужикам-кормильцам, и бабенкам! Скворчиха нас учит мужеству. Вот такой мужественной должна быть женщина-христианка.

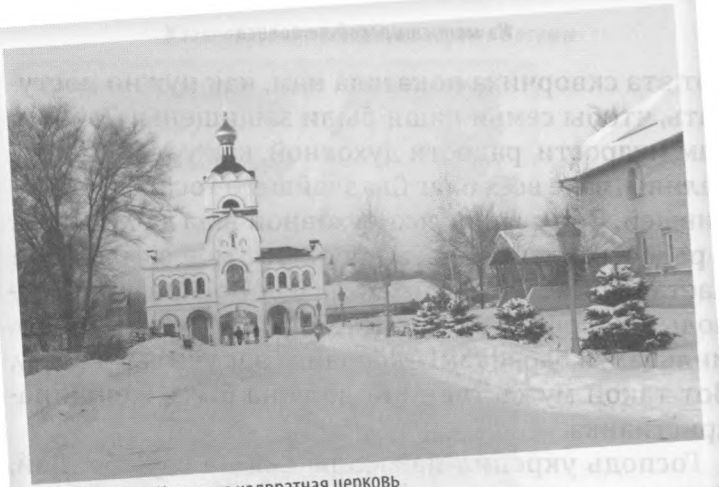
Господь укрепил нас молиться на службе. Дай, Господи, достойно причаститься. Причастие будет на две Чаши. Затем крестный ход с песнопениями, с радостью. С духовной пасхальной радостью приветствую вас. Христос Воскресе!

...Царь-мученик послал нам дождь. Молитесь ему, от него такая же духовная поддержка, как и от святителя Николая. Ему (царю Николаю) служили полиелей в благодарность, читаем акафист на повечерии царю-мученику Николаю.

А какая чудная радуга была!

Владыка благословил строить Успенский храм, пятиглавый, по подобию Успенского собора Московского Кремля. Но мне там уже не быть. На Всех русских святых будем производить закладку. Там будет четыре престола: главный, общий — Успения, Киевской Руси — прп. Антония и Феодосия Печерских, Великой Руси — прпп. Зосимы и Савватия Соловецких и нижний храм — Всех святых.

Будем строить колокольню (где магазин), многоярусную, как в скиту Оптиной пустыни. На втором этаже — надвратный храм в честь Иверской иконы Божией Матери. Там монахи молебны служат, соборование совершают в посты. Через Святые врата



Врата обители. Иверская надвратная церковь

Успенский собор

входит в обитель много людей. «Где двое-трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них». А тут более двухсот рабов Божиих спасаются, сколько духовной радости, духовной мощи!

Очень смутное время, из Киева надвигается раскол. Филарет прибирает власть к рукам. Дай Бог вам силы все перенести, держитесь Москвы. В Русской Церкви мы рождены, освящены святым миром, который варил Святейший Патриарх, а не «парфумна фабрика», как у автокефалистов. Что шкуру содрать, то же самое — святое помазание Церкви снять. Никаких языков — только церковнославянский!

На Никольском храме колокольню побелили, и храм будем белить. Этот храм дорог мне, он был обречен на взрыв, но Бог дал мне мужества и терпения его отстоять. Распалась коммунистическая машина, а храм стоит. Не надо никого бояться. Бога надо бояться, а паче — любить Его. А людей не надо бояться. Я людей никогда никого не боялся, только Патриарха Пимена. Стро-о-гий он был, как глянет... Сейчас от гроба его исцеления происходят. Со временем и прославление его будет в лике святых.

Детей надо воспитывать в строгости, не балуйте их. Воспитывать нужно, пока поперек кровати ложится. Пусть работают. Не говорите: "Они маленькие"».

На общей трапезе сестры пели песню «Мама». Батюшка был задумчив, на его глазах выступили слезы.

В 11 часов, как обычно, в обители ворота были закрыты. Дежурные несут свое послушание прилежно, охраняют покой обители. В монастыре тихо, мирно, вокруг храма и корпусов расцвели разноцветные пионы. Слава Богу за благодатно прожитый день!

7 мая/20 мая 2002 г.

Прп. Нила Сорского. Служили Царственным мученикам.

Все как обычно. Литургия в Свято-Васильевском храме. В Трапезном — молебен иконе Божией Матери «Скоропослушница».

Гидрометцентр сообщил о возможности мороза до –5 °С. В монастыре укрывают, укутывают растения. Все молят Бога о помиловании посевов.

8 мая/21 мая 2002 г. Вторник.

Св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Прп. Арсения Великого.

Слава Богу, крепкого мороза не было. Растения не померзли, хотя в деревне рассказывают, что у селян вымерзла картошка. В монастыре благодарят Бога за спасенный урожай.

Правило, литургия обычным чином. На службе в храме было мало людей. Батюшка сказал: «Где народ? На огороде сидят. А если бы любили Бога, чтили день апостола любви Иоанна Богослова, — Бог бы все давал. А так — все померзло».

За трапезой батюшка обличал нерадение о службе:

«День апостола Иоанна Богослова — великий годовой праздник, а у нас — отбывалочка. "Моя очередь, не моя". Как легко потерять доверие, и уже не восстановить его. Вы все гнилые. Я обличаю вашу внутренность крепкими словами. Вы такие внутри на самом деле, а еще и не нравится. Благословляю всегда чтить этот день.

Благословляю вам духовников: исповедь братии у о. Лазаря и у о. Хрисанфа. У молодых священников исповедоваться не благословляю. "Очищайте внутренности скляницы". Вы обидели меня. Формальное исполнение — это духовная смерть».

Батюшка плохо себя чувствовал и уехал с трапезы. Он был очень расстроен.

В 15.30 началась праздничная служба свт. Николаю. Батюшка приходил на полиелей, молился. На повечерии пели нараспев акафист свт. Николаю.

9 мая/22 мая 2002 г. Среда.

Свт. Николая Чудотворца.

В Свято-Васильевском храме осталось несколько священнослужителей и певчих — служили литургию. Остальные насельники и насельницы после правила пошли крестным ходом в Никольский храм. Там пропели акафисты нараспев, служили литургию, молебен. Затем была общая трапеза. Батюшка с утра был на гемодиализе. Во время процедуры ему было очень плохо. Он со всеми попрощался, но Господь укрепил его. С большим трудом его посадили в машину и повезли в Никольский храм. С его приездом все очень воодушевились. Батюшка сказал теплое приветственное слово.

После обильной трапезы все вернулись в обитель крестным ходом под колокольный звон (на обоих храмах звонили). Великое светлое торжество!

11 мая/24 мая 2002 г. Пятница.

Равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских.

Богослужения совершались по уставу.

Батюшкино слово на литургии: «В сегодняшний день мы чтим память святых равноапостольных Кирилла и Мефодия — престольный праздник всех славянских народов. До Кирилла и Мефодия не было у славянских народов своего богослужебного языка. Благодарим Кирилла и Мефодия за то, что они создали эту поэзию богослужебного языка

и объединили и русский, и украинский, и белорусский народы во единую славянскую семью. Они особый завет нам оставили, чтобы мы не разделялись, союзом любви были соединены.

Простите нас, Кирилле и Мефодие, что мы не исполнили вашего завета, враждуем, разделяемся. Вся Москва, многочисленное духовенство собрались сегодня, чтобы почтить свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, идут крестным ходом, величают их память. Перед их образом с мощами горит неугасимая лампада. Сколько было злобы, из автоматов стреляли по этому огню. Но неугасимая лампада любви русского народа к святым Кириллу и Мефодию горит до сего дня.

Сейчас совершим молебен равноапостольным Кириллу и Мефодию. Помолимся, чтобы Господь умножил любовь между славянскими народами, молитвами Кирилла и Мефодия умиротворил славянские народы, нашу обитель и всех православных христиан».

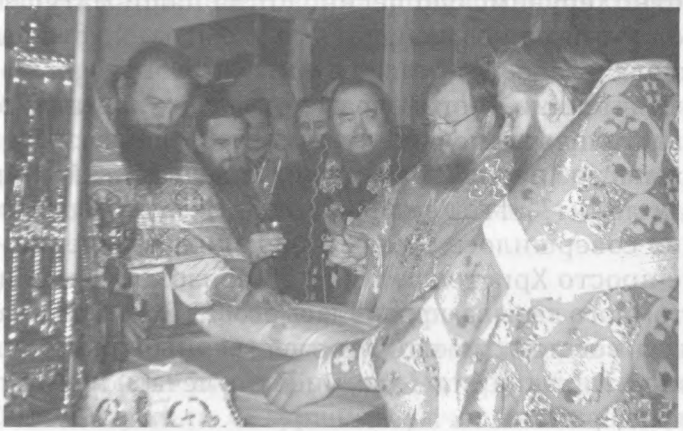
12 мая/25 мая 2002 г. Суббота.

Сщмч. Ермогена, Патриарха Московского и всея России, чудотворца.

Утренние молитвы, полунощницу, акафист и литургию совершили раздельно: братия в Васильевском храме, сестры — в храме Всех Русских Святых. Все сестры во главе с матушкой игуменией причащались все вместе впервые.

На трапезе батюшка был умиротворенным, благодарил за службу. Вечером служили всенощное бдение.

Вот краткое слово схиархимандрита Зосимы на полиелее:«Со святым пасхальным вечером! Все больше времени отделяет нас от Пасхи, но Христос



Освящение антиминсов. 2002 г.

с нами всегда. Христос Воскресе! И никакие силы ада нас не одолеют.

Вновь мы предстоим Живоносному Гробу, жалко расставаться, так ждали мы Пасху. Скоро Вознесение, скоро последний раз пропоются пасхальные песнопения. Дай, Господи, нам мира, радости, благих чувств!

И в Иерусалиме празднуют Пасху, несмотря на военные действия. "Христос Воскресе" поют каждую ночь. "Воистину Воскресе" — отвечают. Сотни свечей горят вокруг Гроба Господня без подсвечников, в песке прямо ставят пук свечей. Горят костры свечей, согревая бездушные камни — человеческое тепло. Несется слава о воскресшем Спасителе. Горит множество лампад. Есть там и наши русские лампады. Цари жертвовали мешками золото, и патриарх Алексий I дарил туда лампаду, и патриархи Пимен и Алексий II. Любовь русская ко Господу горела в виде елея. Сейчас там наши русские матушки собираются на ночную службу, Полунощницу, будут

петь "Херувимскую песнь". Когда наши матушки поют — все просыпаются, все молятся. Такова пасхальная радость!

И в нашем убогом храме читалось пасхальное Евангелие, как появились сомнения у Петра: "Правда ли гроб пустой? Правда ли, что одна Плащаница там лежит?" И мы видим благодать, чудо Воскресения совершилось. Ученые сделали заключение — не просто Христос воскрес, а произошло подобие атомного взрыва, проявилась особая Божественная сила, восстал сияющий торжественный Спаситель мира. Никакие силы зла, никакие печати не могли его удержать».

15 мая/28 мая 2002 г.

Блгв. царевича Димитрия Угличского.

Службы совершались по уставу. В разгаре сельскохозяйственные работы на огородах. Милостивый Господь послал дождь. На крестном ходе вечером был батюшка, ехал в коляске. Нам так тепло, когда он с нами.

18 мая/31 мая 2002 г. Пятница.

Владимирской иконы Божией Матери.

После правила — акафист Владимирской иконе Божией Матери, затем часы, литургия.

На обеде был батюшка. Он был очень расстроен. Получилось недоразумение. У нас в обители освятили антиминсы по благословению Святейшего Патриарха Алексия II; блаженнейший митрополит Владимир благословляет в Киеве «свои» антиминсы в храмы на территории Украины. А те антиминсы, что освящали в нашей обители по благословлению Святейшего, он не разрешил использовать до тех пор, пока подробно не разберется с этим делом. Батюшка

Зосима на трапезе говорил о предстоящих гонениях на Русскую Православную Церковь со стороны «филаретовского» Киева и католического Запада. Просил молиться усердно, чтобы мы были под непосредственным покровительством патриарха. В эти дни в Москве будет подниматься вопрос, чтобы наш монастырь сделать ставропигиальным.

19 мая/2 июня 2002 г. Суббота.

Св. блгв. кн. Димитрия Донского.

В Васильевском храме братия после правила читали акафист иконе Божией Матери «Игумения». Потом служили литургию, причащались. Сестры причащались в храме Всех русских святых, служили панихиду.

Вечером — всенощное бдение обычным чином. Но это для нас, насельников, здесь совершается все «обычным чином». А люди, которые приезжают в обитель, отмечают особую молитвенность, торжественность, благоговейность богослужений. Паломники говорят, что они «оттаивают» душой, уезжают домой обновленные, окрыленные, напитавшиеся добрыми, святыми чувствами и мыслями. Все мы ходим «под благодатью», часто не ощущая важности и исключительности момента нашей жизни, его неповторимости. Да и времени тут не чувствуешь, живешь в вечности.

Слава Тебе, Боже, за Твое милосердие и заботу о нас, грешных!

20 мая/3 июня 2002 г. Воскресенье.

Неделя о самаряныне.

Правило и служба совершались обычным порядком. На литургии батюшка произнес проповедь: «Христос Воскресе! Всех вас, возлюбленная

моя паства, приветствую с Пасхой! Продолжаем праздновать Пасху, поем тропарь. Не как язычники, а от сердца — "Христос Воскресе!". И отвечаем: "Воистину Воскресе!" И дай Господи, чтобы эта радость, это пасхальное приветствие, теплота сопутствовали в дальнейшем нашем крестоношении. Мы сами себя лишаем радости грехами. Свято, чисто живите, смиренно. Где гордыня — радости нет, одно надмение. Убогая старушка молится, и озаряет ее радостная улыбка, светом духовным светится ее лицо, сморщенное, как горбушка хлеба. Господь не оставит! Не лишайте себя плодов духовной радости.

Спаси, Господи, о. Лаврентия за содержательную проповедь. (Назначил его старшим благочинным).

Неделя о самарянке, последняя неделя Пасхи. В последнюю неделю — о слепом — в последний раз пропоем пасхальную службу, от престола изнесем Святую Плащаницу. И будем встречать, как ученики на Елеоне, Вознесение Господне. Старики и матери говорили, что так быстро будет течь время. Все говорят: "Течет время, уходит скоротечно". Недавно было Рождество, пролетел пост, Пасха, скоро Троицу встречаем. Очень быстро будет бежать время во второй половине этого тысячелетия.

...Чудное повествование. Пришла самарянка, услышала Учителя, увидела, что не простой человек — пророк. Сама получила источник воды живой и другим указала. Сколько сказаний, легенд — искали воду живую, особенно в русских сказках, — все преодолеть, оживиться. И в сегодняшний день рассказ о физической воде и духовной. Все состоит из воды. Какую воду употребляем — такое и здоровье. Бойтесь водопроводной воды, мы сами осознанно травим детей. Ищите колодцы, роднички. Сами пейте и людям для физического питания. Цените воду — дар Божий.

Когда мы были на Святой Земле, заезжали в Самарию. Сподобились молиться у гранитного колодца Иакова посреди храма. Около 7000 лет он действует, источается вода вкусная. Сам Бог ее благословил и пил. Наш владыка Евангелие в серебряном окладе, подаренное этому храму Николаем II, читал о кладезе и самарянке. Я мысленно переживал. Христос и женщина, глубоко задумавшаяся... Опустили кувшин... Какая вода!!! Стакана два выпил. Чудная встреча с Господом... жалко было уходить. Храм на этом месте стоит. Самаряне живы, ходят на свою гору поклонятьс; племя небольшое, по-своему у них все.

До скончания века будет источаться вода в этом колодце, даже когда будет страшная жажда. Живая вода — это немногословное вероучение Спасителя. Жаждешь истины? Открывай Евангелие. Не так, как сектанты. Глава такая-то, стих такой- то — это кощунство. И толкование у них от своего ума, а у нас — святые отцы. Сохрани, Боже, извратить слово Божие. Да не будет этого! Чувствуете, что человек в гордыне, как сектанты, уходите от этой гадости... "Отче наш" не знает и спорит, доказывает. Уходи от таких, изгоняй от себя. Сколько их ко мне подходило! Я "Да воскреснет Бог" читаю, а они бегут, аж ноги ломают. Никогда ничего не докажешь, только своей душе повредишь. Вот какое слово дает Господь в сей день. Сподоби, Господи, мирно молиться в нашей обители.

На этой неделе огородами займемся. Какой хороший дождик был по молитвам царя Николая! Какой он помощник! Молитесь ему и всегда получите помощь от Царственных мучеников. Они избавляют от сатанистов.

Дай Бог мирно провести эту Святую седмицу в семьях, на работе. Храните мир, радость, смысл. Запасайте консервацию на зиму. Старайтесь милостыню

творить: сама сделала, своими руками, от рук своих и милостыньку подай.

Помогай, Господи, вам мирно продолжать крестоношение. Благодать и милость на вас и ваших семьях да почиет! Не завидуйте, и вам не будут завидовать».

Вечером после вечерни приезжал в обитель губернатор В. Ф. Янукович с женой. Они заехали, возвращаясь с дачи. Насельники и насельницы во главе с батюшкой Зосимой встречали его торжественно в Васильевском храме. Батюшка приветствовал губернатора теплым словом. От обители вручили ему икону.

Затем губернатора с женой Людмилой Александровной проводили в Трапезный храм, где братия и сестры пели им пасхальные песнопения и народные песни. Они очень внимательно слушали. Когда пели песню «Мама», Людмила Александровна прослезилась. (Батюшка рассказал, что Виктор Федорович сирота, а у Людмилы Александровны мама парализована). Очень понравилась Людмиле Александровне песня «Слава Богу за все»; она попросила слова этой песни. После краткого осмотра монастыря они имели время побеседовать с батюшкой. Батюшка потом говорил, что они были очень довольны встречей и по, их словам, «оттаяли» душой. Вообще они произвели впечатление серьезных, глубоких и, вместе с тем, простых и добрых людей. Спаси их, Господи, и укрепи!

25 мая/7 июня 2002 г. Пятница.

Третье обретение честной главы Предтечи и Крестителя Иоанна.

Дождливый, пасмурный день.

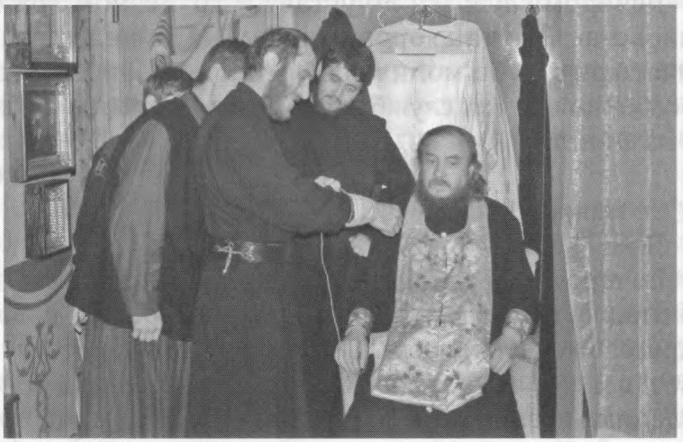
Приезжал к батюшке владыка Алипий, беседовал с ним. Потом трапезовал со всеми на общей трапезе.

Вечером служили по уставу в Трапезном храме парастас. Это так хорошо, что каждую неделю монастырь сугубо молится об усопших. Чувствуется особенно на этих службах единство с теми, кого уже с нами нет.

26 мая/8 июня 2002 г. Суббота.
Прп. Макария Калязинского.

Вечером на всенощном бдении, после полиелея, батюшка произнес такую проповедь: «Христос Воскресе! Со святым пасхальным вечером приветствую вас, возлюбленная паства моя! Пришло время последних песнопений Пасхи. И на этой седмице простимся с Пасхой, будем ждать Вознесение. И скорбно бывает в эти дни, и радостно. Господь исполнит Свое обещание, пребудет с нами до скончания века, и никогда мы не расстанемся с воскресшим Господом. На Вселенском Соборе отцы решили в течение всего года петь Пасху. Трудимся неделю, а в воскресенье совершаем малую Пасху по всем храмам, монастырям, деревушкам. Дай, Господи, чтобы радость Пасхи сопутствовала нам, священное обещание исполнилось и никогда нас не оставлял Господь. И сегодня в Иерусалиме Блаженнейший Патриарх совершает литургию у Гроба Господня. Наши русские матушки поют вторую часть литургии, "Иже Херувимы". Первую часть поют греки — и все спят. А как матушки запели — все попросыпались — радость Святой Руси чувствуется, и наше славянское "Христос Воскресе!" и "Воистину Воскресе!" несется. И о нас там совершается молитва, и наши лампады горят. Почему как ни восстают на Русь, она стоит и будет стоять до скончания века.

С этим святым пасхальным вечером приветствую вас, братия и сестры. Завтра праздник



В алтаре Васильевского храма

преподобного Нила Столобенского. Перед вами его образ, благоговейно поклонимся ему. Там, где он подвизался, сделали детскую колонию. Сейчас обитель возрождается. Дай Бог чтобы его мощи возвратились в обитель.

Еще почитаем память св. прав. Иоанна Русского, исповедника. Простой военнопленный у турок. Мог вернуться, бежать, но у него было благоговение пред Промыслом Божиим. Смиренно трудился, с особенной любовью относился к животным и даже отказался жить в доме хозяина. Смиренно пронес крест, как исповедник. Мощи его почивают в Греции. Сколько чудес! Тысячи паломников ежедневно приезжают поклониться открытым мощам. Весь храм и алтарь увешан амулетиками — кто получал исцеление, то и заказывал у ювелиров (и детки там, и глаза, и руки). Эта тонна металла — свидетельство любви всего мира. Вот пример, вот путь исповедничества! Простой мирянин не от слов, а от дел спасся и нам указует путь ко спасению.

Из далекой Греции привезен в наш храм ковчежец с мощами св. прав. Иоанна Русского. Благоговейно поклоняемся ему и просим простоты, чистоты. А он, великий помощник, обязательно услышит, поможет, прострет руку.

Поклоняемся святому Евангелию, аки Гробу Господню, помазываемся св. елеем, получаем благословенный хлеб и вино, оканчиваем всенощное бдение Великим славословием Спасителю.

Последний раз завтра акафист Живоносному Гробу утром и особенный молебный канон у мощей св. прав. Иоанна Русского. После литургии крестный ход. Вечером последний раз пасхальная вечерня».

27 мая/9 июня 2002 г. Воскресенье.

Неделя о слепом. Св. прав. Иоанна Русского, исповедника. Прп. Нила Столобенского.

Служили, как всегда, торжественно литургию, совершали правила. Вечером вечерня с Великим прокимном и акафистом Воскресению («Христос Воскресе»).

28 мая/10 июня 2002 г. Понедельник.

Иконы Божией матери «Споручница грешных». День интронизации Святейшего Патриарха Алексия II.

После монашеского правила и литургии служили молебен о здравии Святейшего Патриарха Алексия. Молились, чтобы Господь сохранил, укрепил его, умудрил, чтобы он мирно и мудро правил Св. Церковью. Чтобы и нас сохранил Господь под его святительским омофором (вся обитель молится о даровании нам ставропигии), чтобы мы были избавлены от раскола и унии. Возглашали многолетие. К сожалению, многие не пришли на этот молебен.

Батюшка был этим небрежением буквально оскорблен до глубины души. На трапезе он говорил о нашем бездушии, мертвости и «хамстве». Все, кто не был на молебне, понесли епитимию — лишились обеда и на коленях в Трапезном храме читали Псалтирь до вечерни (прочитали 13 кафизм).

29 мая/11 июня 2002 г. Вторник.

Свт. Луки Крымского, исповедника.

Утром после правила последний раз в этом году читали акафист Живоносному Гробу. Вечером служили по пасхальному чину. Батюшка был расстроен отсутствием многих на службе.

Вот его слово в этот вечер:

«Приветствую вас с Пасхой! Радостью духовной, миром да наполнит Господь ваши сердца! За этот вечер благодарим Бога.

Только не оскорбляйте Бога житием своим нерадивым. А если мы оскорбляем — остается тьма, тоска, скорбь. Да не будет этого с нами! Боритесь с этим искушением. Пусть радостной будет встреча Вознесения. Не так, как сегодня. Я пришел — трупы стоят в алтаре. Тот хлеб печет, тот еще где-то... Дорожите этим вечером. С любовью относитесь к службам. Оставляйте суету, идите к Господу. Господь всех ждет, оставляйте все дела, идите к Господу, тогда будет радость. А так не будет радости. Бегом к храму молиться, торжествовать, радоваться! Дай Бог, чтобы вы поняли мои слова на всю оставшуюся жизнь! Христос Воскресе!

Сейчас читаем повечерие, каноны, в Трапезном храме совершаем акафист Успению после ужина. Завтра в 6 утра утренние молитвы, Полунощница. Прощаемся с Пасхой, заносим Плащаницу. День завтра постный, но благословляю красное яичко

и кусочек пасочки. Слышали, как я монахов воспитывал? И до вас, монашки, доберусь.

Ну, со святым пасхальным вечером! Христос Воскресе!»

После ужина братия и сестры собрались вместе в Трапезном храме на акафист Успению Божией Матери. Привезли батюшку. Он велел петь акафист, как обычно, нараспев. Нот не взяли, поэтому начинали наизусть. Слава Богу, спели хорошо, торжественно, несмотря на усталость. Господь укрепил батюшку, и все были радостные после совместной усердной молитвы. В Трапезном храме хорошая акустика, поэтому акафист звучит особенно величественно. Закончили поздно, около 11 часов.

30 мая/12 июня 2002 г. Среда.

Отдание Пасхи.

Правило, литургия, освящение воды, крестный ход. Батюшка на крестном ходе не был. Он уехал еще в начале его: расстроился из-за нестройного шествия.

Проповедь батюшки на литургии: «Перед вами Плащаница. Прощаемся с ней, благоговейно прикладываемся, торжественно заносим ее в алтарь. Это древний обычай, забытый в наше время. Как сейчас это делают? Скомкали, бросили...

Как живой, Спаситель, лежащий бездыханно, изображен на Плащанице. Но какое царственное величие! Какая скорбящая Матерь Божия обнимает Сына, в последний раз Она Его видит. И трагедию изобразил Васнецов, и, вместе с тем, ожидание чего-то сверхъестественного выразил художник. "Восстану бо и прославлюся". Все безысходно прощаются: Никодим, Иосиф... "А мы верили, надеялись..." Одна Матерь Божия чувствует сердцем: "Восстану

бо и прославлюся". Небесные посланцы, Ангелы, с ужасом узнают, какое совершилось Таинство, какое снисхождение Божие. Они знают, что скоро "взрыв" произойдет, Христос воскреснет. Вот какое оплакивание изображено на Плащанице.

Все подойдите, попросите прощения. Хоть один вздох: "Прости, Господи". Мы недостойны дотрагиваться. "Не суди нас, безответных, бездушных, жестокосердых. Не отступи от нас, помяни нас, егда приидеши во Царствии Твоем". Вздохните от всего сердца...

За все прошу прощения. Господь да простит и помилует всех вас. Радостного празднования Вознесения Господня!»

31 мая/13 июня 2002 г. Четверг.

Вознесение Господа нашего Иисуса Христа.

После правила — акафист Вознесению, литургия, крестный ход, освящение воды, чин о Панагии. У батюшки обострение, лежит с температурой.

Слово батюшки на Вознесение Господне: «Обетование Господа: "С вами пребуду до скончания века". Это самое главное обетование, благословение Господа, возносящегося на небо. Это глубокая тайна. Этой тайне удивились Ангелы, взирая, как Господь возносится ввысь. И нас ожидает Господь, живущих на земле, Спаситель мира. Вот каков праздник начинается от горы Елеонской до убогого сельского храма. И дай, Господи, чтобы мы всегда пребывали в славе Господа, в радости Господа, в жизни вечной. Радуйтесь и вы духовной радостью, что Господь и вас не оставит, и с вами пребывает. И вы не ошибетесь, будете чувствовать помощь Божию. И с этой радостью приветствую вас всех, молящихся в этом храме.

До сего дня, хоть и в руках инославных, находится эта гора (Елеон). Со всего мира идут к Елеонской горе и поклоняются ей».

9 июня/22 июня 2002 г. Суббота.

Троицкая родительская суббота.

Вечером в 16 часов — праздничная служба. Впервые служили с братией (на два клироса) антифонно. Литию совершали на улице. (Батюшка сказал, что с этих пор литию в великие праздники и воскресные всенощные будем совершать на прихрамовой площади). Ектению возглашали на 4-х сторонах храма (как на водоосвящении). Было очень торжественно и вместе с тем трогательно. Над головами, очень низко, парили голуби. Ветер, шелестя, играл листвой, и вся природа вторила нашему хору в славословии Творца. И ясно чувствовалось: мы все едины, связаны ниточкой жизни, дыханием Святого Духа. Благодарение Богу за эти редкие моменты жизни, когда время расширяется и входит в пределы вечности.

На полиелее батюшка произнес проповедь: «С днем Святой Пятидесятницы! Пасху проводили, наступил день Святой Пятидесятницы.

"Отец пошлет Утешителя". Не Сын, как католики учат, а Отец. "От Отца исходящего". Это страшное кощунство (филиокве), вероотступничество.

Дух Святый сошел на апостолов в Сионской горнице, и пошли апостолы с радостной проповедью, ничего не было им страшно. Дух Святый не оставлял их. И нас Господь сподобил призвать Духа Святаго: "Приди и вселися в ны". Просим, чтобы Дух Святый не отступил от нас, освящал всю природу, Богом созданную. Все Дух Святый животворит и освящает.

С днем Пятидесятницы, Святой Троицы приветствую вас! Дай Бог провести этот великий праздник без искушений, с радостью. И с этой великой радостью идти в семьи.

Дар Духа Святаго дается каждому из нас в Таинстве крещения. На всех нас лежит печать дара Духа Святаго. И как мы будем отвечать за недостойное несение этого дара! Дорожите печатью дара Духа Святаго. Некоторые переходят из веры в веру. Невозможно это. Миро освящается Святейшим Патриархом. Дай, Господи, свято пронести это помазание до скончания века!

Получаете хлеб и вино: хлеб укрепляет сердце человека, вино веселит. Но вином не упивайтесь, ибо в нем есть блуд...

Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам! Тихой, спокойной молитвы в день Святой Пятидесятницы!»

10 июня/23 июня 2002 г. Воскресенье.

День Святой Пятидесятницы.

Сразу после литургии — вечерня. Ее совершали на улице, на храмовой площади. Вынесли большую икону Пресвятой Троицы из Трапезного храма, украшенную зеленью и цветами, на носилках. Батюшка и братия читали молитвы на призывание Духа Святаго. Все молящиеся преклонили колени, стояла ничем не нарушаемая тишина: только голуби кружили над молящимися людьми. Голуби не боятся людей, их никто не трогает, они летают совсем низко, иногда почти задевая головы. Когда мы пели «Царю Небесный», вся природа начинала как-то радостно волноваться: ветер шелестел в кроне деревьев, птицы начинали петь громче, солнце играло ласковыми лучами — это первые дни, когда оно так сильно припекает, совсем по-летнему.

Проповедь в день Святой Троицы 2002 г.

Батюшка на общей трапезе сказал, что никогда еще не проникали так глубоко в его сознание и сердце слова коленопреклоненных молитв, особая благодать Божия в этот день утешала всех.

После прочтения молитв батюшка обратился к молящимся: «Я отношусь к вам всем как избранникам Божиим от безумного мира. Старцы мне говорили, что верующие христиане — это искупительная жертва от каждого рода. И счастлив тот род, в котором есть эта жертва — верующие миряне, монахи, больные детки — жертвы абортов. В последнее время они будут вымаливать, искуплять грехи своего рода. Несите радость в мир».

Проповедь батюшки в этот день: «День рождения Святой Апостольской Церкви. В сегодняшний день Сионская горница — символ Вселенской Церкви. Горница освящена, ученицы собрани и начали говорить странными повелениями, повелениями Святой Троицы.

Рассеяны по всему миру проповедники Евангелия — и вот повеления Святой Троицы исполнили вселенную. Всех поздравляю с днем рождения Церкви! Она — мать наша — освящает, крестит, руководит, скорбит о нас, принимает и в вечную жизнь. Вот наша цель — ценить связь с вечностью.

Вопросы в Церкви не решаются единогласно, а соборно, как еще в 56 году апостолы решали вопрос об обрезании все вместе, не один Павел. Избрали нового апостола вместо Иуды. Потом собирались Вселенские Соборы. Во всем — соборность. На Руси — не один патриарх решает, есть малый собор — Синод. Под председательством патриарха, но не под руководством. Для этого собираются старцы. Если особо важные вопросы, собирается Поместный Собор, ничего не решается единолично. В этом святость и непогрешимость Церкви. И мы дорожим этим началом Духа Святаго.

Дары Духа Святаго… Вчера вечером я говорил: особый дар нам дается в Таинстве крещения, когда

священник помазывает святым миром и говорит освятительные слова: "Печать Духа Святага". И на всех нас благодать — печать Духа Святаго. В Москве от древности хранится алавастровый сосуд с миром, привезенный самим апостолом Андреем, когда крестили русскую землю.

В Великий Четверток в огромной печи в серебряных котлах варится миро. Вызолоченные сосуды несут вместе с Чашей на "Херувимской" песне на престол. Благословляют миро, выливают туда немного мира от апостольских времен, а из сосудов доливают в алавастровый сосуд — так он всегда восполняется. Потом миро развозят по приходам. И в каждом селе, глухомани священники крестят. Помазание на каждом из нас до сего дня, несмываемая печать. За недостойное отношение ответим на Суде как отступники веры.

Как эта Львівська парфумна фабрика... нет... Московский патриарх варит святое миро, а не эта подмена «парфумной фабрикой». Дорожите святым миром, храните для будущих времен. Вот что хотел я вам сказать в этот день годового праздника.

Благодать Святаго Духа на всех вас!»

11 июня/24 июня 2002 г. Понедельник.

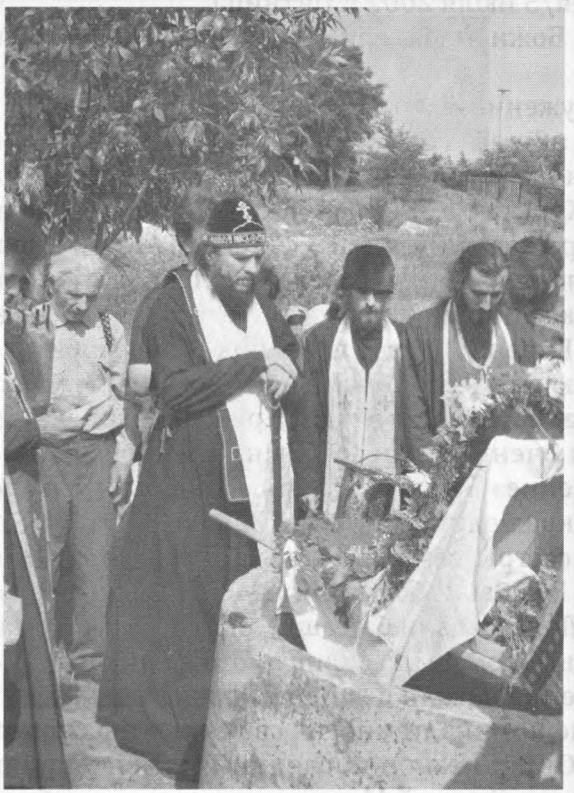
День Святаго Духа.

После утренних молитв и полунощницы — акафист Святому Духу, литургия, освящение воды, крестный ход вокруг обители. На трапезе много гостей, приезжала жена губернатора Людмила Александровна. Братия и сестры после обеда пели ей духовные песни, которые она любит. Она и ее сопровождающие проявили неподдельный интерес, следили за пением (им тоже дали слова песни), пытались подпевать.

Батюшка опять скорбел о том, что нет никакой отдачи. Сказал, что нас (монахов и монахинь) надо не за «жирный» стол, а в тюрьму...

18 июня/1 июля 2002 г. Понедельник.
Боголюбской иконы Божией Матери.
Правило, службы — обычным чином.
Сестры трудятся на огороде с 4 до 10 часов, т. к. очень жаркие дни настали.
Начался Петров пост. Батюшка скорбел, что он короткий.

21 июня/4 июля 2002 г.
Обретение мощей прп. Максима Грека.
Богослужения — по уставу.
На общей трапезе батюшка был радостен и благодушен. В этот день на трапезе было много приезжих священников. Чтец по благословению батюшки прочитал статью митрополита Антония Сурожского «Берегитесь, братья-священники». Потом он сказал, обращаясь к священнослужителям:
«Будьте просты, как прп. Серафим Саровский. Бойтесь всяких вычиток (батюшка имеет в виду отчитки. — *Примеч. ред.*). Пользуйтесь простыми, доступными методами для исцеления души и тела — молебны, водоосвящение, соборование. В пятой молитве елеосвящения чудно сказано о нашем ничтожестве самих по себе и о высоте священнического служения.
...Митрополит Антоний — настоящий старец. Помню его, его умные глаза. Запад наложил на него отпечаток, но он полностью православный, есть в нем русский дух. Он окормляет всю западноевропейскую паству. Признак истинного старчества — мирное ощущение от общения со старцем. Я никогда



Молебен на кринице. 1997–98 гг.

не приставал с вопросами к старцам, только возьму благословение, и все — уже пообщался со старцем. Так с о. Иоанном (Крестьянкиным), о. Кириллом Павловым — поцелуемся в край ряски (руку даже не дерзал целовать). "Будем служить, отец".

...Когда непонятна воля Божия о человеке, венчаться или нет, я всегда говорил: "Подождите". А тут смотришь — любовь-то и прошла. Семья бы развалилась».

22 июня/5 июля 2002 г. Пятница.

Иконы Божией Матери «Знамение» Курской-Коренной.

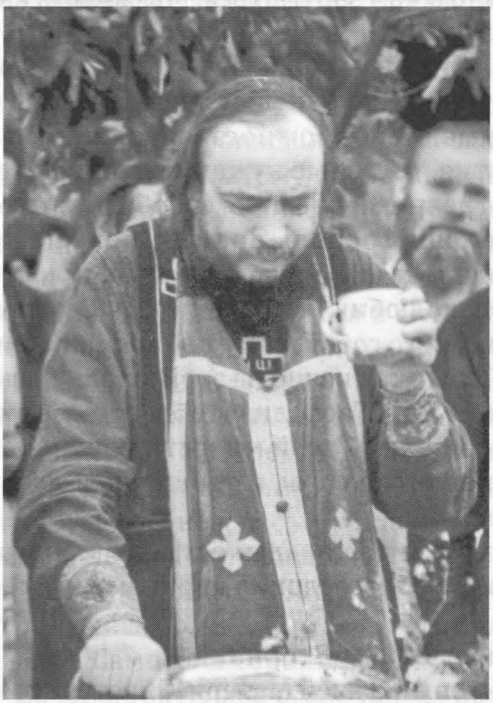
Богослужение — по уставу.

После общей трапезы шли крестным ходом на криничку. Это место, где явилась икона «Знамение» Курская-Коренная, по рассказам сельчан. Там теперь каждый год по благословению батюшки на колодце освящают воду с молебным пением, читают акафист иконе Божией Матери «Знамение» Курской-Коренной. Этот праздник особо любим насельниками и насельницами обители. Его ждут весь год и с радостью встречают. Крестный ход в этом году был очень красивый. Вынесли хоругви, икону «Знамение» Божией Матери с пророками, на носилках, украшенную цветами. За ней выстроились братия и сестры, сами похожие на цветы. Шли через все село. Все были бодрые и радостные, несмотря на жару. Долго ждали батюшку, около часа, ему, как оказалось потом, было очень плохо на диализе. Молебное пение начали без него. Прочитали акафист, в молебне поминали многих святых — а батюшки все нет. Он приехал в последний момент, прочитал молитву Божией Матери, и его увезли обратно на машине в монастырь. Он был совсем слабый, из автомобиля его буквально вынесли. Но мы верим: Царица Небесная сохранит нашего отца духовного.

24 июня/7 июля 2002 г. Воскресенье.

Всех святых, в земле Русской просиявших. Престольный праздник!

В 8 часов была торжественная встреча митрополита Илариона со свитой. Перед этим выстлали дорожку к храму для владыки из травы и цветов.



На кринице. 1997–98 гг.

Сестры встречали нашего предстоятеля с букетами цветов.

Совершили службу Божию, крестный ход. Затем была трапеза. За обедом владыка Иларион приветствовал братию и сестер, сказал краткое слово, поблагодарил батюшку. Батюшка ему ответствовал теплыми словами. В этот день батюшка говорил владыке: «Будьте созидателем Церкви, а не разрушителем, умоляю Вас!» (Это был крик души).

Владыка тоже говорил о трудной ситуации в Церкви на Украине, о расколе. Эти грустные слова несколько омрачили наше торжественно-радостное

настроение. Было о чем задуматься. Мы живем, как «у Христа за пазухой».

Таких служб, длительных и благоговейных, мало где можно найти. Все духовные и душевные наши потребности имеют возможность утоления, талант — раскрытия, телесные нужды восполняются изобильно, внутренние и внешние скорби по сути — «стрелы младенец». Господь во всем покрывает и изобильно изливает на нас свои богатые милости. Слава Его человеколюбию, Его щедротам, Его любви! Но внутренне, само собой, встает вопрос: «К чему Он нас готовит? Ведь так вечно на этой юдоли плача быть не может?!» Дай, Господи, чтобы это «время благоприятно», эти дни Твоей милости пошли нам на пользу, в укрепление веры, в очищение и духовное возрастание!

После трапезы хор пел владыке и всем «Многая лета». Владыка всех благословил иконками.

26 июня/9 июля 2002 г. Вторник.

Тихвинской иконы Божией Матери. Обретение мощей прп. Амвросия Оптинского (перенесли празднование со среды).

Литургию служил батюшка. После службы был крестный ход вокруг обители. Икону Божией Матери несли на носилках, певчие пели песнопения, посвященные Пресвятой Деве Богородице. Батюшка благословил с этого дня во все Богородичные праздники, в том числе праздники Ее икон, совершать крестные ходы вокруг обители.

Молебен, водоосвящение. На крестном ходе должны быть все; исключение тяжелобольные и врач возле них, срочные послушания.

Батюшка устал, чувствовал себя неважно. На общей трапезе не был.

27 июня/10 июля 2002 г. Среда.

Прп. Сампсона Странноприимца.

Приезжали священники на исповедь к батюшке, как к духовнику епархии, их было довольно много.

В этот день произошла Полтавская битва со шведами в XVIII в. Поэтому после акафиста Успению Божией Матери пели анафему И. Мазепе, Т. Шевченко, т. н. «патриарху Филарету» — М. Денисенко. Батюшка на глазах у всех разорвал купюру (10 грн) с изображением Мазепы и велел в алтарь такие купюры не передавать. Еще он рассказывал о Полтавской битве. Скорбел о том, что мы не знаем нашей истории, негодовал, что на месте этой битвы поставили памятник Мазепе, сделали его «национальным героем», как и пьяницу-богоотступника Шевченко («мучусь, але не каюсь»[1])». На месте битвы по повелению Петра I был воздвигнут храм в честь Сампсона Странноприимца. Батюшка благословил в новой, строящейся богадельне освятить больничный храм в честь Сампсона Странноприимца.

Вечером батюшке стало плохо, но когда он почувствовал себя немного легче, то поехал осматривать, по обыкновению своему, монастырь.

28 июня/11 июля 2002 г. Четверг.

Иконы Божией Матери «Троеручица». Прп. Сергия и Германа Валаамских. Мчч. Кира и Иоанна.

После литургии совершили крестный ход с иконой «Троеручица».

На трапезе батюшка рассказал о кончине своей мамы, схимонахини Мариамны, — в этот день она почила о Господе. Скончалась она с Псалтирью в руках, — она очень любила читать Псалтирь. Батюшка

[1] «Мучаюсь, но не каюсь» (*укр.*)

очень боялся дня смерти своей любимой матери, но Господь укрепил совершить, даже возглавить отпевание. Приехали на чин погребения 25 священников, о. Димитрий Песков. Матушка Мариамна любила службу. В этот день за ней приехала машина, чтобы ехать на всенощную, келейница пошла звать матушку, а она уже отошла в вечность.

Батюшка благословил строить часовню на месте упокоения его матери, создать сестринский скит, чтобы ухаживали за могилкой. «Себе там место оставлял, но, видно, придется в Никольском кости сложить. Там (на могиле) такое чудо. Был сильный ураган, все деревья поломало, а туи на могилке мамы остались стоять, только одна пригнулась к холмику. Теперь она разрослась и, как ковром, покрыла всю могилу».

Еще батюшка просил молиться, т. к. в сентябре должен приехать патриарх Алексий II на Украину.

29 июня/12 июля 2002 г. Пятница.

Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла. Касперовской иконы Божией Матери.

Утренние молитвы, полунощница, акафисты свв. апостолам Петру и Павлу, часы, Божественная литургия.

Батюшкина проповедь в этот день: «Всех вас, возлюбленная паства, приветствую с великим годовым праздником свв. первоверховных апостолов Петра и Павла! В один день они скончались, окончили свой жизненный путь: биения, жуткий страшный крест. Апостол Петр принял смерть через распятие на кресте, ничего он не боялся, любил Господа, ближнего, Церковь. Он испугался быть равным Господу, помня грех отречения. Последняя его просьба: “Распните

меня вниз головой, чтобы не как Учитель умер я". И в этот же момент был усечен мечом апостол Павел. Через мученичество вошли они в жизнь вечную. Из года в год совершаем пост в честь апостолов-просветителей. Мощи апостола Петра почивают в Риме; они освидетельствованы при папе Иоанне III. Там небольшой памятник на могиле. Вскрыли его, все соответствует. Мощи сейчас находятся в особой гробнице в базилике нижнего храма под престолом апостола Петра в католическом кафедральном соборе. В другом соборе — глава апостола Павла. К сожалению, все католическое. Связи с католиками не имеем, они — раскольники, еретики, мы с ними не общаемся.

Вчера окончился коротенький пост. Господь сподобил исповедаться, собороваться, причаститься, молиться: "Господи и Владыко живота моего". Эта молитва — освящение Руси — снова будем читать ее в Успенский пост. Это вздох прп. Ефрема Сирина, вздох нашего сердца. Дай, Господи, радоваться, мирно молиться!

Благодарим Господа, что в это "лето благоприятно" уродилась новая пшеничка. Несмотря на зной, были благовременные дожди.

Заканчиваем наше пощение. В пост Петров вкушается только рыба и различные овощи и пьем вино.

...Покровительница Черноморья и Азовья — Матерь Божия Касперовская. Ей молятся от холеры, чумы и других заразных болезней. Просите Заступницу Усердную, и Она всегда поможет. Идем на кладезь, вокруг обители, зайдем в Трапезный храм, пропоем величание праздника.

Завтра отдельный праздник и собор 12-ти апостолов и свт. Софрония Иркутского. В воскресенье праздник особый — Матери Божией "Игумении",

Заступницы и Покровительницы всех монашествующих и всех монастырей и отцов Афонских.

...Приходят не только помолиться в монастырь, а и потрудиться. А то поприходят, рассядутся. "Чего ты сидишь?" — "Батюшку жду". — "Батюшку ты не дождешься. Он сам тебя позовет, если надо". Потрудиться и помолиться — вот что называется паломничеством. Настоящая паломническая гостиница строится для паломников, детей и их родителей.

Дай Бог мирно провести конец лета, праздновать Крещение Руси, а там — и "яблочный Спас". Даст Бог, и в этом году будет погребение Божией Матери ночью, как и Спасителя».

30 июня/13 июля 2002 г. Суббота.

Собор двенадцати апостолов. Свт. Софрония Иркутского.

После полиелея батюшка произнес проповедь: «Великий праздник Воскресения празднуем. Минул пост Петровский. Снова от Святого Града Иерусалима, от Гроба Господня несется весть о воскресении Христовом. И до нас донеслась эта весть, и до нашей далекой обители, о том, как Христос явился Марии Магдалине, *из неяже изгна семь бесов.*

В чем трагедия сектантов? Они не признают авторитета святых отцов — это лжеучение.

Вот, самое главное, завет Христов, особенно священнослужителям — *идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святаго Духа* (Мф 28, 19). Когда крестишь, сперва научи. Как старцы Оптинские: расскажут перед Таинством самое необходимое, покажут, как строго крестное знамение налагать. Не минутку — 5–10 минут серьезно побеседуют, чтобы люди почувствовали серьезность момента. Не просто так — обряд исполнить,

Афон. 1999 г.

а объяснить: "Как будете молиться сейчас, так и жизнь дитяти пойдет". Так скажешь, смотришь — куда исчезла надменность? От этого зависит будущее человека. А мы, священники? Тяп-ляп, да еще по-католически крестим, без погружения, не учим, как положено. Но на Страшном Суде ответим, что это не исполняли. Вот, думайте, кто готовится в священники!

Убили сына у матери — как ты утешишь ее? Что ты скажешь в празднование события? Мысли (это твое будущее), что б я сказал этому человеку, утешил, обличил, рассказал о событии, историческом

празднике. И будет светлая голова, новые мысли, не будешь бесплодной смоковницей. Не ты говорящий, а Дух Отца. Вот — пастырь. Запомните, священники, ничем не оправдаетесь, что искажаете слово Божие! Будут вам кричать: "У Савватия научился! Крести, как мы! Ты исповедуй, как мы! А нет — мы тебя в запрет пошлем". Это косность, небрежность, безответственность, нежелание сказать доброе слово о нашем уповании.

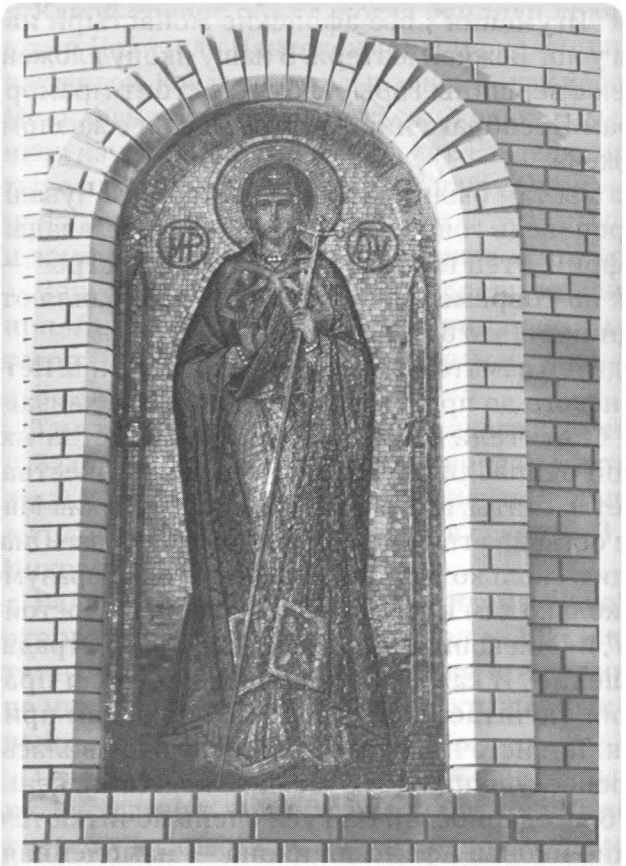
Первое июля — бессребреников Космы и Дамиана — переносим на понедельник службу врачам-бессребреникам. Особый праздник — Матери Божией "Игумении" — покровительницы Руси, всех монастырей и нашей юной обители. Духовное благословение присутствует в иконах Божией Матери. И вам Она поможет. Стремитесь к монашеству. Тайно будете монахами в миру — по жизни. Молись Божией Матери и сама не успеешь опомниться, как станешь монахиней.

И празднуем память всех Афонских святых, подвижников, ихже несть числа, в уделе Божией Матери подвизавшихся. В икону вставлен камешек с самой вершины горы Афон, где храм Преображения. Там возле алтарной стены похоронены три монаха, изменившие Православию — вся стена черная. Это в назидание другим поколениям, чтобы знали, как страшно».

1 июля/14 июля 2002 г. Воскресенье.

Чудотворцев и бессребреников Космы и Дамиана. Собор Афонских святых. Собор Новгородских, Белорусских, Псковских, Санкт-Петербургских святых. Собор Тверских святых.

Богослужения совершались по установленному чину.



Икона Божией Матери «Игумения Святой Горы»

Батюшкина проповедь на литургии: «Ну, что он тут вам рассказывал? (Молодой батюшка перед этим говорил тоже проповедь). Дам ему послушание над покойниками Псалтирь читать (потому что священник тихо говорил). Надо радостно проповедовать, энергично, а то мямлит...

С воскресным днем! Праздник Афонской горы... Покровительница всех обителей — икона Божией

Матери "Игумения"; все афонские монастыри намечены у ног Божией Матери. В нашу икону вложен камешек с вершины горы Афон, где стоит мраморный храм Преображения. Матерь Божия с жезлом изображена...

Когда мы там были, митрополит Варнава Чувашский проповедь говорил: "Поздравляю вас, владыка Онуфрий, отец настоятель, братия и сестры" — вот как по-современному на Афоне поздравляют с праздником (это батюшкина шутка).

Празднуем память и всех преподобных от прп. Петра Афонского до прп. Силуана, и доныне подвизавшихся. Святители приезжали на Афон, когда их на покой отправляли. Все виды подвижничества, анахореты, скиты, где 2–3 монаха. Особо Божия Матерь не оставила гору Афон, в видимом образе Она там ходит, сколько раз Она благословляла, вразумляла. Сколько там икон Божией Матери! И "Достойно есть", и "Млекопитательница", "В скорбех Отрада" и "Утешение". И каждая икона — это история Православия. Почитается и "Иверская", по водам пришедшая. Там источник воды забил, где она явилась. И "Скоропослушница" (вся увешана крестами, деньгами в благодарность). На Руси очень почитаются афонские иконы. Афонская икона — намоленная, на кипарисе.

Конечно, упала уже на Афоне жизнь монашеская, не сияют подвижники. Просто сохраняют традиции, святыни, устав кое-как. Старцев нет. Съездили, посмотрели, святыням поклонились. А какой трепет, когда к Афону подплывали. Братия встречает, выходит к святым вратам. К нам на пирс вышли. Мы привезли мощевик с мощами новомучеников, пошли в собор. Там на службе паникадила крутят... свечи на паникадилах восковые.

Какой трепет объял, когда увидели ковчег с мощами Целителя Пантелеимона! На колени пали. Он как живой. Когда прикладывались — как кровь течет. Молились там, акафист читали. Сколько там царских икон изумительных... А мира нет. Разделились на четыре партии, доносят друг на друга. Один — за игумена, другой — за духовника. Похватали мы шапки — и домой, на Святую Русь... Но, я нашел что искал.

Наш там один монастырь, древняя лавра, где прп. Антоний Печерский постриг принимал. Престол там не как у нас — к горнему месту приставлен.

Бог дал — все видели.

Там змеи в храме ползают. Я такого еще не видел.

Заходим. Там выросли три дерева вместе. Католики порубили головы трем монахам и бросили их в колодец. Как Троица Святая, в срубе — 3 дерева. Никогда такого не видел.

Великолепный храм, золотые иконы. Чудо! Не мог оторвать взгляда. Полы смотрел — 80 см ширина, темные, каштановые, ровненькие, сто лет им. Деды по ним ходят "павами". Полы не крашенные, вишневый, каштановый цвет.

Главное, старца искал. А там — одни деды и дядьки. Что служат — ничего не понятно: мур-мур. Мы только лбы крестили. Ничего не поймешь: мур-мур. Спать хорошо. Дед рядом храпит. Владыка куняет[1]. Как только наш Иона (монах, живет на Афоне) зачитал канон, сразу все попросыпались... Как воспитывал Иоанн Кронштадтский? Он строгий был, за скороговорку по губам наотмашь бил.

Его (Иону) гонят, дураком считают. Он на Русике хранитель храма. Келлия у него немытая, вместо стула — обрубок дерева. Какие он ужасы

[1] Дремлет (*укр.*)

подвижнической жизни перенес, бесовские страхования! На него наваливались косматые бесы, по лицу его бьют; он кусок лапы откусил и выплюнул. Он кричал: "Божия Матерь, помоги!" И бес ушел, завыл. Я ему сказал: "Келлию помой, покропи. Владыка ее (келлию) благословит. Молись, и трагедия отступит". Лицо — светлое, доброе, а то страшный такой был, его бесы царапали. Келлия вымыта, иконы вымыты; стул мягкий поставил. Владыка благословил. Наступило полное умиротворение и в монастыре, и на Русике. Если у вас где и стукает, и грюкает, чешется, наваливается — не зацикливайтесь. Просите в монастырях, чтобы молились. 1–3 раза перекрестился, все крестом осенил, святой водой окропил. И если головные боли, не таблетки глотайте, а тряпочку святой водой смочи и — на то, что у тебя болит (пузо, голова, еще что). Высохла — перевернуть. Вот лекарство. И Крест. Все испытывайте силу Животворящего Креста со страхом Божиим.

Что искал на Афоне, я нашел. Будущий Силуан этот Иона. А больше бы я туда никогда не поехал. Один раз съездил, святыням поклонился, посмотрел на упадок.

Нет, еще бы раз хотел причаститься на Гробе Господнем, поисповедоваться там, причаститься, пропеть "Христос Воскресе!"

Дух истории Великого Афона есть. Мы видим образ подвижников. Хоронят там по-особому. Гробы не делают, а в люльках, в каких детей носят. Покойника обрядили, зашили в рясу, в мантию, положили в люльку и скинули в яму "вверх ногами". Голову обложили тремя камнями, засыпали, крестик маленький ставят. Потом откапывают через год. Если тело не истлело, значит — великий грешник. Закапывают

Воздвижение Креста. 1999 г.

и усиленно молятся, чтобы Господь простил тайные грехи.

В костнице лежат кости белые; черепа на полках, а кости все вместе. На черепах надписи — арх. Виктор и т. п.»

5 июля/18 июля 2002 г.

Обретение мощей прп. Сергия Радонежского. Прмцц. вел. кн. Елисаветы и инокини Варвары. Прп. Афанасия Афонского.

Расстроили батюшку. После «Отче наш» пропели тропарь «Иже добродетели подвижник» на глас, а не по-лаврски (ради торжества). Потом исправились — трижды пропели по-лаврски и 12 поклонов за нерадение положили.

Идя на трапезу также пели этот тропарь и стихиру «Преподобне отче Сергие»: на трапезе тоже пели.

6 июля/19 июля 2002 г. Пятница.
Собор Радонежских святых.
Батюшка не приходил на службу: ему плохо.

8 июля/21 июля 2002 г. Воскресенье.
Казанской иконы Божией Матери.
Жизнь монастыря течет мирно: служат, трудятся.

Проповедь батюшки на литургии: «Всех поздравляю с праздничным воскресным днем! Слышали о событиях, связанных с иконой Божией Матери, и проповедь о воскресном евангельском чтении? Повторяю еще раз: глубокой верой жила Русь о том, что Матерь Божия не оставит. Как поляки в 1612 году терзали Русь, уничтожили священномученика патриарха Ермогена, была смута, самозванцы! Но по завещанию патриарха Русь воскресла. Встань, народ, бери Заступницу Усердную! И народ внес в город икону Божией Матери. В честь этого события воздвигли собор.

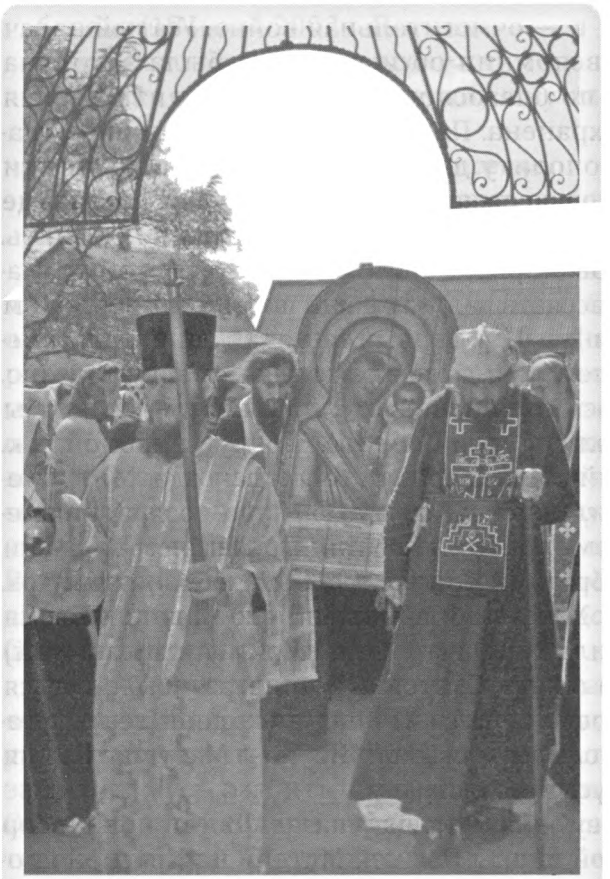
Вновь беснуется масонство; и бесноватая Европа во главе с Наполеоном набросилась на Русь, чтобы уничтожить святыню. Кутузов пошел на подвиг — защитить Русь, разбить врага по послушанию царю. Он преклонил колени перед иконами Божией Матери и молился: "Матушка Божия, спаси землю Русскую!" И одолели врага. По старой смоленской дороге возвращались общипанные наполеоновские войска в свою масонскую Францию. Император в честь этой победы выстроил Казанский собор. Атеисты издевались над собором — устроили музей. А "бабушки-платочки" спасли чудную икону. Не духовенство, а простой народ.

Двадцатый — жуткий кровавый век. Миллионы ушли ко Престолу Божию мученической смертью. Произошло очищение от масонов, расколов и т. д.

И в 1941 г. — очистительная война. Усатый палач Сталин вспомнил об иконе. Она была закопана в земле по благословению митрополита Сергия и так сохранена. По приказу Сталина икону отдали митрополиту для молитвы. Шли священники на передовую с иконой. Пели "Радуйся, Заступнице Усердная". Пули их облетали — оружия ломались. Был старый прихожанин, он видел все своими глазами и рассказывал, как наши шли за священником с криком "ура!", разгромили под Сталинградом немецкие войска и даже захватили немецкую кухню. И под Москвой Сталин выделил свой самолет, чтобы митрополит Сергий облетел вокруг с иконой, т. к. крестный ход проводить было некогда. Митрополит молился, и враг отступил. Чудом сохранившиеся во время гонений Божиим Промыслом владыки были собраны в Кремле, где был избран патриарх. Маршал Жуков обрадовался, что Матерь Божия не оставила Русь. Митрополит Илия (Антиохийский) молился о Руси Святой. Он приехал поклониться иконе после победы. Он пал на колени перед иконой, помолился и сказал: "Верю — Матушка Божия спасет Русь и мою страну".

Лужкову один батюшка сказал: "Восстанови собор Казанской иконы Божией Матери на Красной площади". И заложили новый собор. И встречает нас теперь чудный собор златоглавый с иконой Казанской Божией Матери. Там лучшие колокола, все лучшее. И Патриарх преклонил колени и молил: "Матерь Божия, верю, Ты простишь наши грехи, не оставишь нас".

Кто не чтит Матерь Божию — тот враг Православия, тот никогда не будет прощен. Молитесь Ей, когда придет несчастье, уныние, непредвиденные ситуации, и с этой молитвой несите свой крест.



Проводы Казанской иконы Божией Матери
в храм Агапита Печерского. 1999 г.

Враги Божией Матери (сектанты, протестанты и вся нечисть) восстают на Божию Матерь. Они никогда не наследуют Царствия Небесного, примут самые тяжелые муки. Филарет тоже ненавидит Матерь Божию: "Це москальська ікона, не наша ікона". Убрали икону из храма, из календаря Владычицу, наименованную Вышгородскою, Казанскую тоже.

Да сохранит нас Господь от этого беснования и безумия! Живите верой, что Матушка Божия всех сохранит, всех помилует.

С праздником, с торжественным днем, с духовной верой! В сердце сложите слова: "Ты благодатью покрой", как пели сестры (хор пел псальму[1] Божией Матери, где были такие слова), — и в годину испытаний Она вас покроет и спасет.

После службы пойдем крестным ходом с игуменской иконой Казанской Божией Матери, освятим воду на кладезе и обойдем крестным ходом вокруг обители с песнопениями...

Если нападет бес гнева, убеги в другую комнату, в туалет — успокойся, рассуди все и вернись, помирному реши все проблемы. А если вышла ссора, первая попроси прощения — победи беса...

...Очень сильная радиация сейчас. Все солнце — на землю. Трудитесь только утром и вечером, а днем — нос не высовывать! Береженого Бог бережет... Имейте рассуждение — не пекитесь на прямом солнце.

...Бандере-сатанисту хотят присвоить звание "Героя Украины". Страшное время!..

...Моя просьба к вам: я нахожусь с вами последние дни, не могу уже никого принять, решаю только монастырские вопросы. Вчера меня парализовало, братия меня везут, а за мной бегут, глядят на меня. Мне самому неприятно в такой немощи, не нужно меня хватать за руки, целовать — пожалейте меня. Если что-то нужно, передайте через келейника и матушек. Не звоните мне — только по делу. Больше молитесь и терпите. У нас очень хорошая братия.

---

[1] Псáльмы — многоголосные песни духовного содержания, разновидность кантов.

Всегда у них получите духовный совет — все братия очень хорошие. Обращайтесь, и Господь вам все пошлет».

10 июля/23 июля 2002 г. Вторник.

Положение честной ризы Господа нашего Иисуса Христа в Москве. Прп. Антония Киево-Печерского.

Служили по уставу. В обители заготавливают «сушку»: абрикосы, яблоки. Перед храмом свт. Василия Великого на листах бумаги везде разложены фрукты. Батюшка всегда учит не терять времени даром, заготавливать пропитание на зиму.

11 июля/24 июля 2002 г. Среда.

Равноап. вел. кн. Ольги. Воспоминание чуда вмц. Евфимии Всехвальной.

Утром после правила — акафист Успению Божией Матери лаврским чином, затем литургия.

На общей трапезе присутствовал батюшка. Он сказал, что Святейший не приедет по политическим причинам (Украина не хочет его принимать). Ставропигиальным монастырем мы пока быть не сможем.

Очень тяжелая обстановка: президент Кучма открыл памятник католическому папе во Львове. Вечером в личной беседе батюшка был печален и сказал сестрам, чтобы готовились к исповедничеству. Еще он сказал, что в случае раскола наша обитель перестает быть монастырем и становится автоматически просто домом Милосердия. Трапезный храм не зарегистрирован в епархии. Батюшка сказал: «Хватит вам для службы, а Васильевский отстоите. Ничего, отстоите».

Идут разговоры о том, чтобы ввести в школах курс католического богословия и отдать половину храмов католикам. Боже, избавь нашу страну от такого бесчестия!

12 июля/25 июля 2002 г. Четверг.

Иконы Божией Матери «Троеручица».

После правила — крестный ход вокруг обители с иконой Божией Матери «Троеручица».

На трапезе батюшка сказал: «Кто хочет поступить в наш монастырь — пишите прошение. Никому не отказывайте, даже 13–14-летним. Они пока в миру учатся, если придет искушение и захотят согрешить, вспомнят: "Ай, нет, у меня же в монастыре прошение лежит". И, может, остановятся».

13 июля/26 июля 2002 г. Пятница.

Собор Архангела Гавриила.

Служили по уставу.

Ночью батюшке было очень плохо, делали диализ.

14 июля/27 июля 2002 г. Суббота.

Ап. Акилы. Мчч. Кирика и Иулиты

Мирно служили, причащались. Слава Богу за нашу мирную жизнь в святой обители!

Вечером всенощное бдение.

Батюшкина проповедь после полиелея: «Благодарим Господа за прошедшую жизнь. Дай, Господи, совершить крестоношение и добрый ответ на Страшном Суде.

От Иерусалима, от Гроба Господня по лаврам и монастырям, кругом читается воскресное Евангелие о знаменитом Еммаусском вечере. Так сочетается пасхальное Евангелие: зашел Спаситель с телом в Сионскую горницу. Также и плоть после воскресения, и дух неподвластны ни времени, ни расстоянию. И сегодня Христос с нами. Вначале ученики не узнали Его, потом узнали, но Он растворился в воздухе. Такие тела будут после всеобщего воскресения. Прах восстанет, кости покроются мышцами.

Тело не такое, как здесь — объемлющее весь мир, во всех местах является, сквозь горы проходит. Ждет нас вновь бессмертие, вновь безгрешие. Кто заработает — вся нечисть отойдет, плоть очистится, радость ожидает. Дай, Господи, всегда радоваться о воскресшем Христе, достичь этого бессмертия. Дай, Господи, чтобы простил наши блудные грехи — они врачуются покаянием. Вот что мы ждем после Второго Пришествия. Грешники не ждут. Даруй, Господи, бессмертие, радость!

Завтра великий праздник, престол земли Русской — память князя Владимира, просветителя земли Русской; Василия в крещении (означает "царственный"). Вот великий праздник. Князь Владимир — предтеча. Его бабушка Ольга первая приняла христианство. Сын Святослав пал лютой смертью, не захотел принять веру, только внук продолжил дело Ольги. Господь сподобил и в этом году праздновать этот праздник и скорбеть, что величайшая наша святыня, Владимирский собор, захвачен сатаной в бывшем святом граде Киеве. Дай, Господи, чтобы исчезли расколы и народ русский едиными усты и единым сердцем в чудном Владимирском соборе славил Господа. В Санкт-Петербурге есть Владимирский собор. Кругом славится, величается его память. И дай, Господи, чтобы святой князь Владимир молился о нас. "Боже великий и правый, призри на люди сия и утверди в вере правой" — вот его завет. А остальные — католики — нечисть, враги веры правой, враги злейшие, нераскаянные. Князь Владимир вел борьбу с ними и нам завещал.

...Мученик Кирик. На глазах у матери замучен. И мать не боялась, когда терзали трехлетнего сына, а молилась об укреплении. И сама была замучена. Им молятся об исцелении детей. На Афоне была

в русском монастыре маленькая головочка трехлетнего ребенка. Величаем память свв. мучеников Кирика и Иулиты.

...День памяти сщмч. Владимира, митрополита Киевского. Замучен большевиками. Когда его убивали — он благословлял. В иконе — частица его мощей, гроба и облачения».

15 июля/28 июля 2002 г. Воскресенье.

Равноапостольного великого князя Владимира.

После торжественной службы на общей трапезе был батюшка. Он сказал, чтобы мы записывали его слова, смысл которых «поймем потом». Чтобы мы чтили праздник равноапостольного князя Владимира как престольный, потому что князь Владимир в крещении был наречен Василием в честь свт. Василия Великого, а у нас Васильевский храм. Еще батюшка благословил к каждому празднику и памяти святого учить певчим песню или псáльму, подходящую к смыслу праздника.

Проповедь батюшки на литургии: «Дорогие братия и сестры нашей святой обители и все, пришедшие помолиться в нашей обители!

Как и в прошлое воскресенье, праздновали малую Пасху (сокращается время, мчится неумолимо), сегодня в ускоренном темпе времени празднуем Пасху, величаем мученическую кончину, славим Христово Воскресение. С этой малой Пасхой Христова Воскресения приветствую вас!

О. Лаврентий хорошую проповедь сказал. Не спали?

...Престольный день всея Руси, день памяти нашего просветителя. Празднуем из самых сатанинских времен — масонская Украина сатаниста Иоанна Павла выбрала. Трагический день для всей земли русской. Слава Богу за все!

...Читали удивительное повествование? Побольше крови, блуда, наложниц — мрачный образ тирана, деспота Владимира. И вместе с тем, по молитвам бабушки Ольги стал святым. Мужественная она была женщина, не с Украины — с псковщины. Верную супругу Игорь себе нашел. Никто ее не призывал — сама крестилась. Приехала в Царьград. Император поражен ее величием. "Не за славой, не за богатством я приехала — за верой истинной". Император ей говорит: "Будь императрицей всей Вселенной!" Ольга просила крещения, патриарх Полиевкт исполнил ее просьбу. И вновь обманула она императора, "обклюкала". Он ей золото несет, бриллианты. "Кум мой, на куме не женятся". "Обклюкала нос" императору русская простая женщина. А император стал ей настоящим крестным.

Господь дал мудро править княгине Ольге. "Наша праматерь, — говорят бояре, — все решит". Все хорошо, только сын — язычник. Святослав погиб лютой смертью. Теперь весь взор Ольги был обращен на любимого внука Владимира. Вот полотно (картина). Владимир с бабушкой идет. Зорко она следит за княжеством, маленький мальчик смотрит на природу Киевской Руси. Христианство смотрит на этой картине и языческий мир смотрит, что будет с этой землей. Вот как чудно — мужественная княгиня Ольга и языческий мир в лице черноволосого, кудрявого княжича. Это полотно написано к 1000-летию Крещения Руси, оно стояло в покоях Святейшего Патриарха.

...Как Ольга искала истинную веру — и внук задумался: (маму его мало кто знал, мама рабыня была; он любил бабушку, как маму) "Она рассказывала о каком-то Христе, искать надо веру правую". Всех послов князь отвергал — "Тот говорит, в раю много

баб, какие-то гурии, а я уже старый стал". И жиды приходили — всех разгонял. Пришли два проповедника, которые указали князю "добрый бисер", который послужил просвещению земли Русской.

На иконе Страшного Суда изображено: кто хочет направо — крестись, веру принимай. Уже все готово, приехал свт. Михаил. И тут несчастье — князь ослеп. Язычники говорят: "Боги наказали, что он их отвергает". Но свт. Михаил сказал: "Крестись, великий князь, и прозреешь".

В поруганном Владимирском соборе В. М. Васнецов чудную картину написал. В купели мраморной свт. Михаил крещает иорданской водой князя Владимира. Главное в картине — глаза князя. Он внезапно прозрел. "Вот теперь я познал веру правую". Облачили его в императорские ризы, будущую "шапку Мономаха". Все князья и цари до 17-го года ею венчались. Вышел князь, святитель помазал его святым миром, как помазанника Божия. Все князья Киевские вторично помазывались святым миром, пока не поизбили безбожники царя-мученика — страстотерпца Николая. Князь Владимир 12 сыновей крестил, бояр (а не слушаешься — "секир башка"). Как некогда Господь крестился в Иордане, освятил воду в Днепре, начиная от Киева до Новгорода. И первого августа по церковному уставу совершилось крещение русского народа в 988 году. Князь Владимир произнес молитву: "Боже Великий и Правый, призри на новые люди Своя и утверди веру правую". Новгород, Ростов сами, не силой, — все старались креститься в Днепре. Днепр — второй Иордан. Киев был вторым Иерусалимом. Трагической была тысячелетняя история Руси. Взлет — падение. В 1913 году — взлет, в 1917 — самое главное падение. Такова память.

Мы были СССР. Родилось новое государство, непонятное. Дана свобода Церкви. Под покровом Церкви эти страны были хранимы.

Украина — сатанинское государство нашего времени. Если б народ Украины начинал от святого князя Владимира, Владимира Мономаха, — мы бы в Руси Святой жили. Позорно это — "у" — последняя буква алфавита. "Окраина" — масоны назвали. Вас посмеяли, меня посмеяли. 10 лет — история кровавая. А если б отстояли, не было б украинского, русского языка, был бы единый — славянский».

19 июля/1 августа 2002 г. Четверг.

Прп. Серафима Саровского.

Утром — правило, акафист Серафиму Саровскому, литургия.

Батюшкина проповедь в этот день: «Всех вас, возлюбленная паства моя, приветствую с великим праздником — памятью преподобного отца нашего Серафима Саровского. Не забывайте прп. Серафима, и нас он не забывает никогда.

Девяносто девять лет назад в Сарове совершилось великое торжество — обрели мощи преподобного, вот кто был питателем Сарова. И совершилось прославление. Царь лично был там. Перед вами поставили литографию. Сам царь, высшие генералы несли благоговейно драгоценные мощи — косточки. Народ пел Пасху, колокольный звон. Три дня звонили, все молились.

Инициатором прославления был будущий сщмч. Серафим (Чичагов), офицер, военная выправка, богатырь. После смерти супруги постригся в монахи. Составлял службы. Значительный его труд — "Серафимо-Дивеевская летопись". Наизусть до смерти читал акафист прп. Серафиму, а тут — "Отче наш"

не знают. Девяностолетний старец. Когда пришли большевики, арестовали, как бревно бросили на бревно, повезли на казнь. И он знал, что едет на казнь, что это его последний путь, читал акафист прп. Серафиму. С этим акафистом он ушел в вечность.

Прп. Серафим Вырицкий стяжал дух смирения, кротости, любви не к богатым, а к нам, убогим. О. Серафим Белгородский — подвижник великий. Еще будут "Серафимы", имя "Серафим" — бессмертно.

И дай Бог, чтобы и вас, несчастных, призвал к ангельской жизни.

Вечером — всенощное бдение на пророка Илию. Всю суету оставляйте, а то покрутит головы, спины. Илия-пророк — ревнитель. В воскресенье — равноапостольной Марии Магдалины, паче всех благ Сладчайшего Господа возлюбившей, и Почаевской иконы Божией Матери. "Радуйся, Похвало Почаевская, всего мира Надежда и Утешение". Дай Бог, по-пасхальному провести этот день, крестный ход».

Вечером после полиелея батюшка произнес проповедь:

«Приветствую вас, возлюбленная паства, со святым праздничным вечером!

Как я говорил уже сегодня, 99 лет назад обрели мощи прп. Серафима Саровского. Несли мощи, Царь Николай II нес первый. Возле Успенского собора молния блеснула, такая буря поднялась, что чуть не развалила гроб преподобного. Но нет, принесли гроб в собор, поставили на постамент. Царь взял письмо — бумажка, написанная химическим карандашом. Писал прп. Серафим царю на будущее. Царь прочитал, заплакал и отдал царице. Она прочитала и пала на колени: страшная трагедия — придет время, и все они будут мучениками-жертвами.

Прошли те времена. Чудесно нашли мощи прп. Серафима и это письмо в музее религии и атеизма. Сказал преподобный: "Переселюсь я от вас в Дивеево". Пророчество сбылось, и вся земля Русская запела: "Христос Воскресе!"

Матушки дивеевские в Москве скитались. Им говорят: "Выгоню из квартиры". А они, надеясь на восстановление обители, утварь церковную хранили. Им говорят: "В вашем Дивеево камня на камне не осталось, а вы — ковер какой-то храните". Если бы видели этот ковер! Какие там розы! Ни в одном музее мира такого нет. Какие рукодельницы были! Матушки берегут его от моли, пересыпают.

Так воскресло Дивеево, прп. Серафим после революции. Первый крестный ход — в Александро-Невскую лавру. Тысячи людей стояли, чтобы поклониться мощам. Что творилось! Милиция за руки держалась. Мощи поставили в Патриаршем соборе. Все шли поклониться "убогому Серафиму", все становились на колени. Архиереи, Святейший Патриарх, дай Бог ему здоровья, всю дорогу нес мощи. В Дивеево привезли — многотысячная толпа, невозможно изъяснить.

Не верили этому пророчеству... Все грянули "Христос Воскресе". "Дался на уверение; праведник не умрет, но живет во веки". Вот какое торжество совершилось 99 лет назад.

Дивеево живет, скиты строятся. Главное — источник прп. Серафима Саровского. Вода там холодная — выскочишь, как огурец. Какая чудная вода! Откуда течет?!

Господь сподобил совершить празднование прп. Серафиму. И теперь — грозный ревнитель пророк Илия. Все прошел, и убиение людей... Поэтому

просим милости, хоть частичку — Божией, Господней и пророка Илии. Он — предтеча второго Пришествия Христова. Восстанет. Живым он совершил восхождение, вознесен на небо на колеснице. Перед Вторым Пришествием Христовым явятся праведные Енох, Илия и Иоанн Богослов. Енох будет учить, как праведно жить, Илия расскажет о ревности, Иоанн — о любви. Потом они пострадают от антихриста.

Всех вас поздравляю с праздником! Перед вами афонский образ из Ильинского скита. Все ценное оттуда забрали, ценные иконы, осталась малость. Лукавые греки полонили Афон.

Завтра никакой работы. Руки покрутит — я не виноват. Пророк Илия — ревнитель. На Руси свято чтили пророка Илию».

20 июля/2 августа 2002 г. Пятница.

Св. славного пророка Илии.

После правила и акафиста — литургия и крестный ход. Освящение воды на кладезе и плодов (груш).

Проповедь батюшки на литургии:

«Приветствую с великим праздничным днем памяти пророка Илии!

Дай, Господи, дождаться пророка Илию, Еноха и Иоанна Богослова и понять их. Господи, хоть бы их услышать! И праведный голос Еноха возвестит о правде, Илия — о ревности по Боге, об исповедничестве, Иоанн Богослов — о любви. Потеряли мы любовь Божию, человеческую, христианскую.

Слуги антихриста восстанут на них и умертвят. Настанет время антихристово, а мученики пополнят число Ангелов. А затем наступит славное Второе Пришествие Спасителя.

По афонскому уставу после молебна освятим груши. На молебне вздохните к Богу о дожде. На утрени совершим монашеский постриг диакона Иоанна.

Никаких винопитий! Илия строго наказывает пьяниц! В этот день разрешается рыба. Божие благословение на всех ваших домах!»

21 июля/3 августа 2002 г. Суббота.

Блгв. княгини Анны Кашинской.

Батюшкина проповедь на полиелее: «С праздничным воскресным вечером, возлюбленная паства моя! Пролетела прошедшая седмица. Вновь празднуем Пасху, светлое Христово Воскресение. И дай, Господи, до кончины жизни нашей отлагать всякую суету и идти ко Господу. В сей вечер благодарим за прошедшую жизнь нашу и просим благословения на дальнейшую жизнь. Что ни встретится: голод, скорбь, зависть, клевета, — за все благодарим Господа. Книги почитайте, как нужно спокойно относиться к высотам власти.

Напоминаю всегда: читаю это евангельское откровение большое, последнее зачало от Луки, когда апостолы прошли с Ним тяжкие испытания страстей Христовых, увидели воскресение. Ученики многие не веровали, не понимали, отошли от Него. И когда явление Христа увидели, то, что как иносказание понимали, — поняли. "Прочитали Библию, все поняли, Дух Святый на них сошел", — так говорят сатанисты эти, баптисты, харизматы, иеговисты. Это — ад и погибель! Не думайте, что вы уже богословы. "Я докажу" — глупость это. Никогда не общайтесь с бесом (сектантами). Как дураки будете — так заморочит бес. "Святый" смех на них нападает — это чушь, беснование. "Молитесь, да не впадете в напасть", — Господь говорит. Евангелие читайте. Библию вы

недостойны читать — не понимаете. Мирянам можно читать Бытие, книгу Иова, книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова. А остальное не поймете: ум короткий. А Евангелие читайте. И довольно с вас. Почитайте, как святые отцы смотрят на тот или иной вопрос, чтобы и другим доброе ласковое слово сказать. Дух протеста может быть в вашей христианской жизни. Не спорьте с сектантами. Перекрестите их: "Да воскреснет Бог". И бес выйдет, убежит.

Поклоняемся Святому Евангелию — источнику живой воды, учению Спасителя, святцам, образу свт. Василия Великого.

Женщины! Посмотрите на себя! Стоит, сама себя не стесняется, чубчика своего. Вот вам образ и подобие женщины-христианки (Мария Магдалина). Особенно молодежь — косы не стригли, образ Марии Магдалины свято хранили в жизни своей.

Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам!

Спросил я мальчика молитву "Воставше от сна" — не ответил. С этого начинается наше растление. Упустил доброе, хорошее существо.

Завтра освятим колокола для храма вмч. Пантелеимона в психбольнице. Помолимся, чтобы и им Господь подал исцеление, помощь Божию. Каждый копеечку внеси в доброе дело.

Легче жить, легче дышать сегодня. Господь прохладу дал, дождик, а мы, как тараканы, под навес залезли. Выйди в росу Божию. Нет, на море едут, а это (дождик) Господь дал! Не забывайте просить и благодарить.

Обращаемся к Богу: "Помоги мне, Господи!" Исполнилось — сразу поблагодарили. И вам говорю: никогда не опускайте ни в церкви, ни дома благодарения».

22 июля/4 августа 2002 г. Воскресенье.

Мироносицы равноапостольной Марии Магдалины.

Правило, акафисты, крестный ход, освящение воды. Освятили колокола для храма Целителя Пантелеимона в Виннице, при психиатрической больнице (там работает брат батюшки — Сокур Михаил Иванович). Чин о Панагии, трапеза. Вечером — всенощное бдение.

Батюшкина проповедь на литургии:

«Всех вас, возлюбленная паства, приветствую с праздничным воскресным днем!

О евангельском чтении о. Савва проповедовал, объяснял — "кто могий вместити, да вместит". А кто пустой... Каждому — по духовному возрасту.

День равноапостольной Марии Магдалины, паче всех благ Сладчайшего Господа возлюбившей. Она своим телом торговала и вдруг слышит: "Учитель подает прощение грехов". "Неужели и я заработаю прощение грехов?!" И услышала она о Небесном Царстве и о прощении грехов. Миром драгоценным омыла ноги Спасителя и отерла власами. Именно к ней обращаются слова Христа возносящегося: "Шедше научите все народы". И запали ей на сердце эти слова, и пошла проповедовать всем. Говорила: "Христос воскрес! Вы думали, что убили Его, но Правда вечная изыде из гроба". Во всю землю изыде вещание ее...

В Рим пошла и императору Тиберию принесла красное яичко: "Христос Воскрес! Понтий Пилат осудил и убил Его, но Он воскрес!" Вот ее жизнь. Везде чтится ее память. Господь сохранил ее мощи. Мысленно чтим ее образ и молимся Марии Магдалине: "Мы первую жизнь прожили в блуде. Помоги раскаяться, исправиться. Как в твоей душе воссиял

свет Воскресения Господня, так и нам этот свет просвети. И нам, попам, на Суде Божием помоги, чтобы мы Таинства исполняли не как требы, обряды, а святое Таинство причащения". Скажи 5–10 слов теплых, и понятно будет — Таинство совершилось. Моя совесть в этом чиста, я ни одного Таинства как требы не совершал. Просто пробормотать — это кощунство. Надо всю душу вкладывать. Особенно бесы кощунствуют над исповедью — Таинством покаяния. Самое главное запомните: где по 5–10 человек исповедуют, туда нельзя ходить. Десятой дорогой обходить. Это — не священник, а волк в овечьей шкуре. Благоговейно, по одному, прости, разреши и легким сердцем... опять пойду грешить, да? (батюшка шутит). Духовников простых выбирайте. В митрах бриллиантовых не пастыри, а попы. "Парикмахеры" — "стригут" вас да попадьям носят. Бродяг бойтесь, "афонских" старцев. Если близко нормального батюшки "нема", едут в глухую деревеньку спрашивать. Духовный кризис наступил.

Дай, Господи, чтобы слова мои коснулись вас и эту заповедь Марии Магдалины исполнить хоть немножко. Аминь.

Вот, врач-психиатр-сатанист неверующий был, потом веровать стал. Построили при его больнице храм в честь вмч. цел. Пантелеимона. Господь колокола послал всем шестистам несчастным. Теперь и они молятся в нашей Православной Церкви. Не какие-то московские "бэм-бэм", как мы купили, но мелодичные — молитва.

Вечером служим иконе Божией Матери "Почаевской": "Радуйся, Похвало Почаевская и всего мира Надежда и Утешение".

Такая ненависть, зависть к нашей обители: "секта николаиты" — вот кто мы стали. Да простит их

Господь! И вам помоги, Господи, добрыми зернышками быть, а не шелухой! Храни вас всех Господь!»

Батюшкина проповедь в этот день вечером после полиелея:

«Приветствую вас, возлюбленная паства, со святым праздничным воскресным вечером! По милости Божией провели мирно малую Пасху и просим благословения Божия на будущую седмицу.

Праздник Почаевской иконы Божией Матери. Перед вами знаменитая всем "стопочка" (образок). Более 800 лет назад Пресвятая Богородица явилась пастушку Иоанну. И когда Она уходила вместе с огненным столпом, иноки решили поклониться Ей и увидели, что камень, на котором Она стояла, растопился, как воск, и на нем отпечаталась стопа, и оттуда забил источник. В Успенском соборе в подземелье находится изображение стопы Божией Матери. Главная святыня лавры — чудотворная икона Божией Матери. Ее принес митрополит из Греции и благословил благочестивую мирянку ею. Икона занимает особое место над царскими вратами. Ее благоговейно опускают на лентах, прикладываются.

На моих глазах сколько чудес от нее совершилось! Все Господь нам дает. Сколько сейчас происходит и в будущем еще совершится чудес! Не только в Почаеве, но и в нашей обители молимся перед копией образа. Защиты, помощи, утешения надо просить у Матери Божией завтра и на протяжении всей нашей жизни.

Да будет Матерь Божия всем покров, утешение! Благоговейно поклоняемся иконе Почаевской Божией Матери, святцам, помазываемся святым елеем, получаем освященный хлеб. И помогай, Господи, молиться до конца богослужения и идти отдыхать, прося Божию Матерь: "Как в древности, так и нас

освободи от грехов". Со святым праздничным вечером!»

23 июля/5 августа 2002 г. Понедельник.

Почаевской иконы Божией Матери.

После правила — акафист Почаевской иконе Божией Матери. Торжественная литургия, чин водоосвящения на колодце, крестный ход вокруг обители.

Вчера батюшка благословил после каждого всенощного бдения в конце 1-го часа петь стихиру «Непроходимая Врата». Со временем в новом соборе будут под пение этой стихиры опускать на лентах икону Божией Матери.

26 июля/8 августа 2002 г. Четверг.

Прп. Моисея Угрина, Киево-Печерского.

Все по обычному чину. Служили всенощное бдение.

Проповедь батюшки после полиелея: «Святой великомученик Пантелеимон — все жаждут от него помощи: "Спаси, избавь". Весь мир поклоняется его мощам, и так будет до скончания века. Вот каков праздник. Пострадал великомученик 1700 лет назад. И католики, и сектанты знают о нем. Особо радуется сегодня Святая Гора Афон, наш древний монастырь вмч. Пантелеимона. Главное сокровище монастыря — нетленная честная глава целителя Пантелеимона.

Господь сподобил в прошлом году видеть эту святыню, прикладываться. Все шли. Мешок записок сразу подавали. Сколько чудес!!! Толстые переплетенные книги о помощи под личной подписью. В Москве, в Киеве остановили движение транспорта — идет отовсюду народ. И какая помощь и сила от главы! Вот благодать, вот сила — за чистоту

В алтаре Васильевского храма

жизни, за твердое исповедание веры даже до мученической кончины. И за это — вечная память. И во всех храмах все идут помолиться ему, вздохнуть, попросить помощи.

Ночью на Святой Горе Афон будут петь на всех славянских языках (кроме украинского), будут величать великомученика.

Когда я был на Афоне, я думал: "Как я могу пойти на святую землю?" Только "прости" в душе. Нас встретили торжественно в древнем соборе. Я там перепугался — паникадила, лампады все шатаются. Света электрического там нет. На аналойчике посреди храма — открытая глава целителя Пантелеимона. С какими чувствами подходишь, как с живым, с трепетом: кожа мягкая, человеческий череп. Со слезами на глазах прикладываешься.

Сегодня монахи всю ночь будут петь, исповедовать, причащать, пойдут крестным ходом.

Вот таков праздник! Господи! Молитвами целителя Пантелеимона укрепи слабые силы наши, развей

сомнения и недоразумения и даруй, чтоб все благие прошения исполнил целитель Пантелеимон, утешил, исцелил. И в ваших сердцах пусть будет радость, Пасха!

И в нашем храме целитель Пантелеимон, как живой, — афонский образ. Самое главное — просим укрепления нашей слабой веры.

В 30-е годы рушили храм, этот образ валялся на колокольне. Я вытер его, вычистил, о. Алипий отреставрировал — и теперь это главная святыня нашей обители.

Всех — с праздничным вечером!»

28 июля/10 августа 2002 г. Суббота.

Иконы Божией Матери «Одигитрия».

Проповедь батюшки на полиелее: «Господь сподобил и в этот воскресный вечер благодарить Господа за прошедшую седмицу. И просим, чтобы простил наши грехи и благословил на дальнейшую жизнь. Что ни случится — за все слава Богу. За болезни, за скорби, испытания благодарим Господа. "Слава Богу!" — как говорит житие свт. Иоанна Златоуста. Нет нам оправдания — книг полно. Каждый должен прочесть житие.

Начиная от святого града Иерусалима, откуда и пошло христианство, до глухих деревень несется весть о воскресшем Спасителе. Несмотря на военное положение, пропоют там "Воскресение Твое, Христе Спасе", обойдут Кувуклию. И вновь наши матушки во главе со старицей — игуменией Георгией будут петь "Херувимскую песнь"; будут все плакать.

Вот чудо, которое происходит каждую воскресную ночь. "Христос Воскресе!" — "Воистину Воскресе!" Вот вечная Пасха — и она несется по всему миру. И в нашей обители пели "Воскресение Христово

Пасха 1998 г.

видевше". Ликование, радость о воскресшем Спасителе. И эта радость звучит во веки веков. Никакие силы ада не одолеют ее до скончания века. С этой радостью приветствую вас!

Целуем край святого Евангелия, аки Гроб Господень. С понедельника для большего чествования перенесли память мч. Иоанна Воина. Целуем его образ, святцы, храмовый образ и образ юного мученика (в Чечне его замучили, и Церковь чествует его память).

Вот и воины побеждали не только силой, но и молитвою. Бог победит. Александр Невский говорил: "Не в силе Бог, а в правде". Всегда Бог побеждал и будет побеждать. Недаром мы поем: "С нами Бог. Разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами Бог". Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, даруй мирно провести ночь сию и завтра радостно и по-пасхальному праздновать праздник в нашей обители».

29 июля/11 августа 2002 г. Воскресенье.

Св. мч. Иоанна Воина (перенесли с понедельника).

Правило, акафисты, литургия, водоосвящение, крестный ход с иконой св. мч. Иоанна Воина.

Проповедь батюшки на литургии: «Сегодня празднуем малую Пасху, поем чудное "Воскресение Христово видевше". Вот этот гимн звучал от апостольских времен и будет звучать до скончания века. И Церковь будет жить, пока поется этот гимн. Слава Богу за эту седмицу!

Обитель очищается. Ушел бывший игумен Кукша. Не молиться за него, как за Кукшу, — заблудший Александр. Благодарю Бога, что до моей смерти обитель очищается от "гнили". Это духовные террористы. Единое братство, за духовное единство братии и сестер благодарим Господа.

На этой неделе заговение на скоромную пищу для монахов. В среду память Крещения Руси. Река Днепр стала для Русской земли, яко Иордан. Дай, Господи, чтобы в мире и тишине поклониться Кресту, обнести его вокруг обители крестным ходом и петь: "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко".

Молитвенно чтим память св. мч. Иоанна Воина сегодня, т. к. завтра рабочий день. Молимся ему, чтоб Иоанн Воин, как при жизни, был помощником

вдовам. Совершаем память воина Евгения. Уже написана его икона, предстоит канонизация. Прославим мощи воина Феодора в Санаксарском монастыре. Вот — преемственность.

Я и сам очень чту Иоанна Воина, есть у меня келейная икона. Ухожу на службу, дома никого нет — я молюсь Иоанну Воину: "Обитель, дом сохрани". И вы молитесь. В каждом доме должна быть его икона.

...Или что-то не найду — мысли начинаются: "Украли, кто же был, кто ж украл? Иоанн Воин, помоги, от лукавых мыслей избавь". И по молитвам Иоанна Воина вещь находится.

И нам по его святым молитвам будет помощь. Свято чтите его память из поколения в поколение; чтобы и дети чтили его.

Иоанн Воин, защити юную обитель нашу и молящихся в ней от зависти и злобы. Аминь.

Окропляем обитель святой водой, чтоб Иоанн Воин хранил от всякого зла.

В субботу — семи отроков Ефесских. Им молятся о неспящих детях и о всех, у кого сон нарушен.

Какое-то там землетрясение... Какой-то цыган написал, по базарам листовки разбрасывал... От гнева Божия разве убежишь? Может, и будет землетрясение. Особенно бандеровский сатанинский Львов. Слышали про падение самолета? Это — за патриарха. Киев не пустил патриарха — сразу грянул самолет. Но им мало — не поняли. Львов опускается в землю — сотрет Господь всю нечисть, что там беснуется. Не будет никаких землетрясений. Не верьте басням. Лучше молитесь и не путайте мое имя в эти сплетни. Собираетесь к нам ехать — поменьше болтайте, молчите. Столько зависти, ревности. Хоть и кресты бриллиантовые понадевали, а для храмов ничего не сделали.

У нас же обитель строится, никто уже не узнает. Епископ Запорожский скрежещет зубами — николаиты, секта, еретики. Приходит ко мне женщина в Агапитовский храм в Донецке: "Благословите на поездку в монастырь". "А куда? В Никольское?" — "Ни-ни, мне там делать нечего". "Это точно. Тебе там делать нечего".

Все скорби в терпении переносите. Просите у Бога терпения. Донесите свой крест до конца».

На общей трапезе батюшка сказал:

«Готовят к канонизации Александра Васильевича Суворова и Михаила Илларионовича Кутузова — прославят в лике святых защитников Отечества русского. Христос на Руси непобедим! Вся нечисть отойдет от Руси — Русь будет могучая. Держитесь только Москвы, а не Киева. Ни одному я архиерею не верю. Они предали Церковь, пошли в единство с властями. Народ не знает, что будет завтра.

Помогай, Господи, мирно день провести».

31 июля/13 августа 2002 г. Вторник.

Предпразднство древ Честнаго и Животворящего Креста (изнесение).

Прав. Иосифа Аримафейского.

Утром служили обычным чином. Вечером — всенощное бдение.

Впервые пели антифонно на два клироса 50-й псалом, полиелей, «Всякое дыхание». С пением «Трисвятого» обнесли крест вокруг обители, в Трапезном храме пропели величание. Это была благодатнейшая служба. Через такие богослужения мы прикасаемся к вечности, ясно ощущается связь времен, история, память ушедших поколений: они так же пели, как и мы, поклонялись Животворящему Кресту. И пройдет совсем немного времени, нас

сменят другие люди, любящие Бога, и будут также петь «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». А может быть, кто-нибудь вспомнит и помолится об отшедших, в числе которых будем и мы. И так мы связуемся одной нитью любви, взаимной молитвы, жизни во Христе.

1 августа/14 августа 2002 г. Среда.

Происхождение Честных древ Животворящего Креста Господня.

Празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице.

Воспоминание Крещения Руси.

Правило, литургия, молитва на заговение, водосвящение, крестный ход в Никольский храм. Шли строем с хоругвями и храмовой иконой свт. Николая. Был солнечный жаркий день, и радостно было. Шли и пели нараспев акафист свт. Николаю. Пришедши в Никольский храм, пропели в нем величание и окончили службу там же.

На улице угощались арбузами и отправились обратно в монастырь. Сразу пошли на трапезу.

Вечером на малом повечерии братия пели акафист Успению Божией Матери.

Проповедь батюшки в этот день:

«С великоторжественным днем Крещения русского народа! 1014 лет исполнилось сегодня, как была крещена наша земля. И смятение было, и восторг: "Правильно ли мы делаем, что религию нашу отвергаем?" Князь Владимир ждал солнышко (тучи были в этот день). Свт. Михаил дрожащими руками погрузил народ. (Земля русская, а не "хохляцкая"). "Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа". И три раза земля Русская окунулась в воды. И вдруг — тучи разверзлись, и Христос благословил крестом. Рухнул на колени

народ, а князь, в восторге, что удостоился видеть Самого Христа, произнес молитву: "Боже Великий и Правый, призри на новые люди Своя и утверди веру правую".

Когда строился Владимирский собор, каждая бабуся услышала: "Собор строится". Семь "спідниць" своих поднимет (не так, как сейчас, "в обтяжку" — стыдно смотреть), достанет денежку и пятак целый даст. На эти пятаки, копейки храм-памятник строился, ни копейки от государства не взяли. А сейчас поругана святыня за наши грехи — сам диавол там сидит. Проклятие вечное, тьма кромешная, ад — вот кто там ходит. А нам остается только смотреть на русскую поруганную святыню. Дай, Господи, чтобы силы Киевской Руси проснулись, чтоб проснулась земля Русская, свергла бандеровцев-националистов и единым сердцем, едиными усты славили Господа.

К сожалению, я уверен, ни один священник не вспомнит о Крещении Руси. Ни в Оптиной, ни в Троице-Сергиевой, ни в Киево-Печерской лавре.

Бросили, как бревно, Крест, покадили, попели — безблагодатная служба. Многочасовая молитва, стояние — вот тогда будет благодать.

И у нас были облака, и уже солнышко засияло.

Оканчиваем молебен, читаем молитву на начало Успенского поста, освятим воду, мед, колоски. Пойдем в Никольский храм. По дороге акафист пропоем нараспев свт. Николаю, чтобы людей не задерживать.

Завтра приедет владыка. Трудно ему "дотягивать", собор строить Преображенский, но строит.

Овощи в основном будем кушать. Велие утешение — рыба. Кто не будет молиться на Преображение, Зосиму и Савватия — тому хлеб и вода — сухоядение».

2 августа/15 августа 2002 г. Четверг.

Первомученика архимандрита Стефана. Блаженного Василия Московского.

Служили по уставу. Вечером батюшку увезли в больницу, предлагают делать операцию. Все молятся, сестры читают акафисты за батюшку, служили вечером молебен за болящего. Все плакали, просили Господа, чтобы помиловал Господь батюшку и нас.

3 августа/16 августа 2002 г. Пятница.

Прп. Антония Римлянина.

Служили по уставу, соборовались. Батюшка приехал из больницы. Слава Богу, ему немного лучше, рану почистили, обошлось без операции.

Вечером зазвонили в колокола «погребальным чином» — почил о. Илия. У него был рак легких, он давно кашлял кровью. Вечером они сидели возле богадельни с о. Лазарем, беседовали. Внезапно о. Илии сделалось плохо, его начало рвать кровью. Пока медсестра вызывала врача, о. Илия скончался. Братия принесли его тело в богадельню, омыли и облачили. Весь монастырь пришел проводить тело о. Илии в храм Свт. Василия Великого. Отслужили литию и с пением «Трисвятого» пошли крестным ходом к храму. Отслужили панихиду. Мы мало знали о. Илию, но всем он запомнился тихим, скромным, смиренным молитвенником. О. Савва сказал после панихиды прощальное слово, в котором назвал о. Илию «благоговейнейшим диаконом». О. Илия считал себя недостойным священства, но все насельники были едины в том, что приобрели себе молитвенника у Бога. В такие явления нашей жизни мы становимся ближе, роднее друг другу. Ясно понимаешь шаткость жизни, ее скоротечность, близость

Нищ и боляй есмь аз, спасение Твое, Боже, да приимет мя

суда, вечности, начинаешь дорожить каждым мгновением, каждой встречей с каждым человеком — ведь она может быть последней.

4 августа/17 августа 2002 г. Суббота.

Семи отроков Ефесских.

Служили по уставу, причащались.

Совершили чин монашеского погребения о. Илии. К середине отпевания приехал батюшка. Он был возмущен до глубины души тем, что пели кое-как, стихиры читали, а не пели.

Он говорил: «Вы бездушные. Брат во Христе почил, почему бы и не пропеть стихиры? Как вы относитесь, такая и кончина будет. О. Илия — образец монаха, священнослужителя: кроткий, смиренный, умер в цветах, причастился, пособоровался. Молитесь ему о даровании христианской кончины. А вам никому ничего не надо — бездушие полное.

У него дети неверующие, семья его не понимала. Когда братия ездила с ним забрать из дома вещи, рассказывали: "Он поклонился своим и сказал: „Простите меня, я вас никогда не увижу". Они даже не вышли". Вот, смотрите, кого вы воспитываете — блудников, пьяниц, преступников. О. Илия все терпел.

...Беседовал с о. Лазарем. О. Лазарь отошел на минуту, вернулся, а его нет уже, лицо светлое».

Еще батюшка рассказал свой сон, приснившийся ему в эту ночь: «Как будто иду я в храм посмотреть, как там о. Илия, не завонялся ли там мой покойник. А он встает из гроба и говорит: "О. Зосима, а я — схимник". Я говорю: "Как же? Я тебя не постриг". — "А вот так. Мне велено сказать, что я схимник". И лег обратно. Вот такой сон положил мне Господь на сердце рассказать вам.

Благословляю молиться за него как за схииеродиакона. И на надгробии написать: "Пострижен Ангелами в схиму"».

Опускали гроб в могилу со светлым чувством: «Праведник вовек жив будет». День был светлый, воздух прозрачный.

Вечером — всенощное бдение.

5 августа/18 августа 2002 г. Воскресенье.

Предпразднство Преображения. Прп. Иова Ущельского.

Правило, акафисты, литургия, крестный ход, трапеза. На трапезе поздравляли ин. Нону с Днем Ангела. Ее привезли на инвалидной коляске из богадельни.

Вечером служили всенощное бдение. Пели любимую батюшкину стихиру «Прообразую Воскресение Твое».

Батюшка произнес на полиелее такую проповедь:

«Приветствую вас со святым вечером годового праздника Божия — Христова Преображения, праздником Фаворского света.

От горы Фавор, на которой преобразился Господь и явились Ему Моисей и Илия, беседовавшие о событиях, которые должны были свершиться в ближайшее время в Иерусалиме, — явилась слава Христа и бесславие человечества. Апостолы пали ниц, пораженные, видя великолепие Христа и слыша голос: "Сей есть Сын Мой возлюбленный".

Такое событие вспоминается в завтрашний день. К этому свету стремились апостолы, пустынники. И они сияли, лицо и тело озарялось этим светом. Сияла и Мария Египетская. И наша Русь сияла от преподобных Антония и Феодосия. Пещера их озарялась, как дневным светом, и до сего дня. И в этом

свете иеромонах Дионисий хотел помолиться о упокоении там лежащих, но сказал: "Христос Воскресе, братия!" И все гробы ответили: "Воистину Воскресе!" На горе Почаевской пещера Иова Почаевского, который предал анафеме униатов, католиков. У него не было лучины, а в окне был виден свет. Этот свет озарял и прп. Серафима. Когда Мотовилов беседовал с ним, вдруг озарил их свет. Этот свет свойственен и нашему XX веку: видели его в ночь казни члены Царской семьи.

Он озарил нашу землю, когда обрели Казанскую икону Божией Матери.

В Сталинградской битве. Очевидцы рассказывали: "Замолкли орудия, священники поют, все умолкло". И какая победа!

Этим светом наша Заступница спасла Санкт-Петербург, когда 25 лет управлял Церковью патриарх Алексий I. Обошел он, шатаясь, вокруг города с иконой Божией Матери. Светом сияло его лицо. Что случилось — никто и не подозревал.

И над Москвой, когда Сталин велел митрополиту Сергию взять иконы. Времени было мало — он дает самолет, и отцы полетели с иконой Божией Матери крестным ходом вокруг города.

К этому свету и мы стремимся. В наши дни уже молим, чтоб Господь просветил наши сердца светом, который воссиял на Фаворе. Дай, Господи, чтоб и наша душа преобразилась от грехов. Этим светом наполнен рай. Не лиши нас, Господи, за нашу жизнь этого света. И он осиявает всех, когда кто искренно кается на исповеди, когда чувство "спадения камня", легкость. Он осиявает, когда со страхом и глубоким смирением причащаются. И Ангелы радуются, и Чаша сияет. И мы молимся: "Не осуди нас за недостойное причащение".

Осиявает, когда во время крещения погружаемся в "воду веселия". Осиявает и при кончине великих праведников. Мы были свидетелями такой кончины схииеродиакона Илии. И он сиял светом Фаворским.

Да осияет и нас всех Фаворский свет, да уходит эта тьма грехов от нас, и да обретем мирность сердца — этот духовный свет. Дай Бог, чтоб Оптина засияла тем, XIX века, светом. Как прп. Амвросий — на фотографиях нигде нет сердитого лица, весь сияет, хотя больной. Он сам горел и других согревал. Дай, Господи, и нам достичь этой мирности Фаворского света, хоть частицу — тогда поймем, что такое духовная жизнь. Дух Оптиной, Фаворского света да достигнем! Если будете стремиться — Господь даст.

Благодарю Бога, что Господь сподобил меня молиться с вами. Думал, уже не смогу выйти на полиелей, но вот — приехал на своей любимой "иномарке" (инвалидной коляске)».

6 августа/19 августа 2002 г. Понедельник.

Преображение Господне.

Торжественно служили литургию, совершили крестный ход, освящение плодов, чин о Панагии. Вечером — полиелей свт. Митрофану Воронежскому.

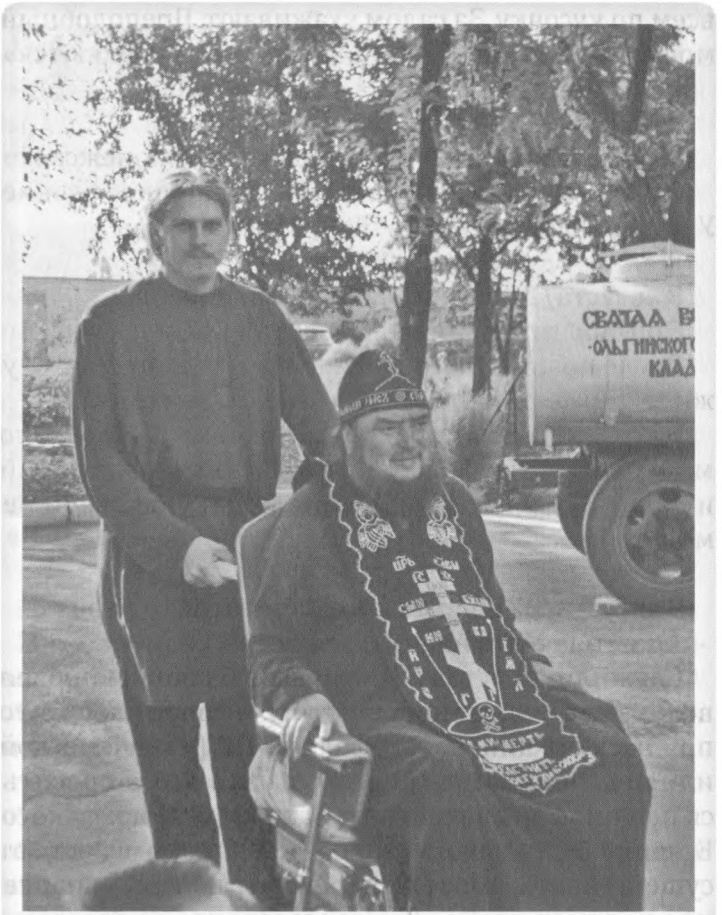
Проповедь батюшки на литургии:

«В этот ясный, солнечный день приветствую вас с праздником Преображения, праздником Фаворского света, радости, торжества, с праздником Православной веры, Святой Церкви. Ибо на горе Фавор, где преобразился Христос, собрались сегодня паломники со всего мира, на многих языках речь звучит. Все стремятся на вершину г. Фавор, где стояли ноги Спасителя. И славянская речь там звучит. И наши матушки во главе с игуменией Георгией приедут туда, чтобы вознести молитву за землю

Русскую, Святую Церковь. Везде — в городах, весях — все радуются сегодня, веселятся. Старушки оделись в белые платочки, светлые кофточки. Вот Русь Святая! В белых узелочках — яблочки. Покропили яблочки и внучков. "Дождалась Спаса или яблоки ела?" (*Спрашивает у ребенка*). "Ела бабушка и мне давала". — "Ай-яй-яй!" Сколько радости в былых родах. Первый раз видел, помню, священника: белый подрясник, ничего на нем больше нет. Он, бедный (жара) — по 300 человек к нему приходило. И сейчас возвращаемся к той радости. Современные люди идут к вере разными путями: несчастьем, болезнями. Совершается чудо Божие — призывает Господь к вере. И над нами совершилось это чудо. Страшные преступники, грешники, как только земля держит! Господь чудо совершил, Господь позвал, осиял Фаворский свет. И этим светом живем, очищаемся, освящаемся, утешаемся. Русь особенно любила этот праздник. Знаменитый Соловецкий монастырь освящен в честь Преображения. Мужественные иноки там, "бегуны" там не задерживаются. Подвижники остаются — пшеница Божия. В нем монахи поют знаменным напевом мужскими голосами. Знаменитый Валаам — и там восстанавливается Преображенский собор, поют Фаворскую славу. И во многих обителях храмы посвящены Преображению Господню.

Монахи особо любят Преображение. Каждый таит надежду, чтоб и его осиял Фаворский свет, как он осиял Печерских святых, прп. Серафима Саровского, Царственных мучеников, о. Иоанна Кронштадтского — он весь светился. Глаза его русские, голубые светились.

Спаси, Господи, за молитву, труды, милостыньку! Да воздаст вам Господь сторицею! Приходите,



Одна из последних фотографий отца Зосимы. 23 августа 2002 г.

помолитесь в обители, чтобы искорка засияла в ваших душах, чтобы с терпением несли свой крест, несли радость в мир.

Божие благословение да почиет на ваших семьях, домах! Аминь.

Привезли нам яблоки из сада, который сажал прп. Лаврентий Черниговский, — в пятницу дам

всем по кусочку. За садом ухаживают. Преподобный мощами лежит, а эти яблоки едят — и исцеляются».

7 августа/20 августа 2002 г. Вторник.

Обретение мощей свт. Митрофана Воронежского.

Служили по уставу. Вечером — всенощное бдение. У дорогого батюшки — День Ангела.

8 августа/21 августа 2002 г. Среда.

Прп. Зосимы, Германа, Савватия Соловецких.

После правила встречали владыку Илариона. Служили торжественно Божественную литургию.

Батюшку тепло поздравил владыка. Приехало много почетных гостей. Батюшка был радостный и бодрый, хотя все эти дни он лежал в большой немощи.

9 августа/22 августа 2002 г. Четверг.

Апостола Матфия.

Служили по уставу. На трапезе батюшка прочел вслух свое завещание, в котором говорилось, что при наступлении автокефалии УПЦ (канонической или неканонической) не вступать в нее, а проситься под омофор Святейшего Патриарха Московского. Если это будет невозможно — монастыри перестают существовать, обитель переходит на самоуправление под названием «Дом милосердия» до воссоединения Русской Церкви. Батюшка оставил указания насчет строительства и благословил основные ответственные послушания.

В этот день батюшка фотографировался перед богадельней со схимниками и схимницами, братиями и сестрами. Как обычно, осматривал обитель, объехал ее вокруг снаружи. Чувствует он себя неважно.

В дозор по обители

10 августа/23 августа 2002 г. Пятница.

Мч. архидиак. Лаврентия. Прп. Лаврентия Черниговского.

Служили по уставу. Батюшки на службе не было: он плохо себя чувствует.

12 августа/25 августа 2002 г.

Мчч. Фотия и Аникиты. Прп. Иоанна Затворника Святогорского.

Слово батюшки на литургии: «Всех вас, возлюбленная паства моя, приветствую с воскресным праздничным днем! Малая Пасха, Воскресение Христово. Продолжаем праздновать Преображение Господне. Господь сподобил проповедовать о нетварном свете; он дается нам при крещении. "Господь — крещение мое". Господь-Спаситель перед вами. Господь через апостолов явил Фаворскую славу, которую только могли видеть люди на земле.

Как осиял Его свет, когда Он молился последней первосвященнической молитвой в Гефсимании! И явился Ангел и укреплял Его. Такое томление, борение было, что капли крови капали на землю. Этот нетварный свет в виде огненных языков сошел на апостолов в Сионской горнице. Он воссиял кругом: на мучениках — они шли со светлыми лицами на страдания, с улыбками, с радостью, в сердце их не было тьмы. Свет Фаворский освящал преподобных. И других светил этот свет, приходивших к ним. Обильно он осиял Русскую землю, когда Христос Спаситель явился на р. Днепр. Свет осиял 20-е годы и XXI век. Особо благодатное сияние было, когда приехали все патриархи православные праздновать 2000-летие Рождества Христова. Свет осиял крест, когда освящали храм Христа Спасителя. Все собрались в этом великолепном храме, посвященном этому свету. Все лики были светлые, радостные — миряне и святители: Пасха! Мы радостью наполняемся, когда мир и утешение наполняют сердца. Свет Фаворский будет сиять на земле до скончания века.

Дай, Господи, чтобы у вас был светлый, радостный, чистый взгляд! Укрепи, Господи, бороть все искушения, побеждать диавола и во свете лица Твоего, Господи, увидеть спасение! Аминь.

Память прп. Иоанна Затворника (Крюкова). Особый вид подвижничества — в затворе; в пещере меловой молился, там и скончался. Иногда он приходил в храм, молился в алтаре, чтобы Господь благословил приходящих в Святые Горы. В этот момент смотрели на подвижника — сияло лицо его Фаворским светом. Благодатью осиял Святые Горы покровитель нашей земли.

И в нашей обители совершаем его память. Вот какова служба сего дня.

Не были вы в Святых Горах?

Рассказывают: четыре архиерея приезжало — Ириней Днепропетровский, наш Иларион, Ефрем и Алипий.

Во славу Божию читаем молитву на окончание поста. Дух мира да вселяется в ваши сердца. Дай Бог, чтобы свет Фаворский всегда сиял в ваших сердцах!

Возможно, приедет владыка на чин Погребения и закладку собора Успения Божией Матери (по образу Успенского собора Московского Кремля). Уже готовят закладной камень, икона храмовая пишется — над царскими вратами будет висеть.

Вечером братия и сестры уже поют "Непроходимая врата". Икона, как в лавре, будет опускаться во время пения акафиста.

Слава Богу! Господь сподобил перед смертью проповедовать, предстоять пред Господом!

Думайте о старости; будете такими же, как я.

Принося в обитель "труп" — работать уже не может, ничего не принесет с собой: "У мене діти, унуки".

Слава Богу, что пообещались Господу, — это самое главное.

Фаворский свет да осияет вашу дальнейшую жизнь, и благодать Божия да почиет на ваших семьях, чтобы не было отчаяния, уныния!»

13 августа/26 августа 2002 г. Понедельник.

Отдание Преображения. Свт. Тихона Задонского.

Служили по уставу. В обители мирно, спокойно. Очень много цветов — матушки стараются украсить территорию. Место возле сторожки о. Лаврентия особенно выделяется яркостью красок, обилием цветов. Батюшка любит это место, он его называет «Оптинский скит». Строят две сторожки: возле

Святых врат и возле сестринского корпуса. Приводят в порядок здание школы (оно теперь относится к монастырю); там планируют расположить мастерские. Ремонтируют и обкладывают кирпичом здание бывшего магазина. Там будет милицейский пункт для поддержания порядка вокруг монастыря. Построили новый забор, огородили парк — таким образом, памятник погибшим воинам оказался внутри обители.

Строится новая богадельня, коровник. Батюшка ежедневно, если позволяет здоровье, объезжает обитель, зорко следит за всем происходящим. Под его руководством обитель ширится, приходят новые послушники и послушницы. Обитель живет напряженной молитвенной жизнью.

Слава милосердному Богу!

14 августа/27 августа 2002 г. Вторник.

Перенесение мощей прп. Феодосия Печерского.

Служили обычным чином. На трапезе поздравляли с Днем Ангела регента братского хора архидиакона Феодосия. Батюшка благословил поздравлять именинников колокольным звоном (уже давно).

Вечером в Трапезном храме — малая вечерня, 9-й час, акафист Успению Божией Матери нараспев; в Васильевском храме — всенощное бдение.

После полиелея батюшка произнес слово (от крайней немощи оно было коротким, говорил он очень тихо):

«Кончается день, год, жизнь. Так и Матерь Божия дождалась Своей кончины. Сегодня пели братия и сестры на малой вечерне: "Радуйся, Обрадованная, во Успении Своем нас не оставляющая". И не печаль в сердцах наших, а радость. И видимым образом мы сегодня встречаем Плащаницу.

Последнее фото. 25 августа 2002 г.

Радуемся и веселимся, надеясь, что Матерь Божия и нас во Успении Своем не оставляет. Дай, Господи, чтобы мы этой верой жили, укреплялись, освящались! Дай, Господи, чтобы, как Матерь Божия, дождаться и нам христианской мирной кончины и встречи с Господом!

Такой праздник мы встретили все, братия и сестры обители сия, благочестивые прихожане. С этим праздником приветствую вас! Дай Бог, чтобы в этот светлый праздник в сердцах ваших была Пасха!»

15 августа/28 августа 2002 г.

Успение Божией Матери.

Утром после правила пели акафист Успению Божией Матери лаврским чином. Потом служили литургию. Всю службу о. Феофан снимал на видеокамеру и много фотографировал. Батюшкина проповедь у него на видеопленке.

После водоосвящения и крестного хода — чин о Панагии в Васильевском храме.

В этот день батюшке делали диализ. После диализа он сказал: "Успение! Такой праздник! Ну, на этот праздник я, конечно, недостоин умереть". Потом, подумав и покачав головой, добавил: "Ну, что делать? Надо же умирать. Как бы мне вам праздник не испортить? Ну, ничего. Вы служите погребение, а я к литургии приеду".

Вечером батюшке стало плохо, были сильнейшие боли в области живота. Когда к нему бежала ин. Галина (врач), то на закате она отчетливо видела крест из облаков в вертикальном положении. Так как никакие медицинские манипуляции не помогали, боль не ослабевала, то вызвали реанимобиль из Донецка. Обычно батюшка сопротивлялся и не хотел ехать в больницу. В этот же раз он был благодушен и спокоен, насколько это было возможно при страшных болях. Всех благословил, сказал, чтоб все шли отдыхать, т. к. было уже поздно. У батюшки подозрение на кишечную непроходимость. Дело очень опасное. Господи, помилуй батюшку и нас!

16 августа/29 августа 2002 г. Четверг.

Нерукотворного образа Спасителя. Феодоровской иконы Божией Матери.

Утром после правила все жители монастыря молились о здравии дорогого батюшки — служили

молебен в трапезном храме с каноном за болящего.

Из больницы позвонили и сообщили, что батюшке легче, необходимость операции отпала. Это известие принесло нам некоторое облегчение.

Дай, Господи, чтобы батюшка поскорее поправился.

Многие сестры сейчас трудятся в двух ризницах; в швейном срочно шьют новые облачения. Батюшка благословил вышить Плащаницу Божией Матери к Успению в Трапезный храм. Работы очень много, поэтому к Успению не успели. Теперь торопятся успеть вышить к Погребению.

Днем проводили детей в Плесково. Вчера батюшка благословил их на учебу.

В 16.00 совершили чин Погребения в трапезном храме.

В 23.00 начали 9-й час в Васильевском храме, вечерню, утреню с 17-й кафизмой. Служили с усердием, вдохновенно, старались, как всегда учит батюшка. Было скорбно, что его нет с нами на службе, молились о его исцелении.

Батюшка очень любит праздник Успения Божией Матери, всегда с нетерпением ждет чина Погребения. В этом году мы впервые служили этот чин ночью.

О. Фаддей вышел на середину храма и начал проповедь. Говорил он очень спокойно и торжественно, закончил он такими словами: «И как Господь держит душу Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, так и Пресвятая Богородица сегодня держит душу почившего нашего батюшки — схиархимандрита Зосимы. Не стало нашего дорогого батюшки...»

Первое мгновение — шок, потом в храме начался сильный шум, крики, плач. Братия насилу успокоили народ. О. Амвросий сказал, что батюшка просил сохранять спокойствие, не устраивать истерик. Мы,

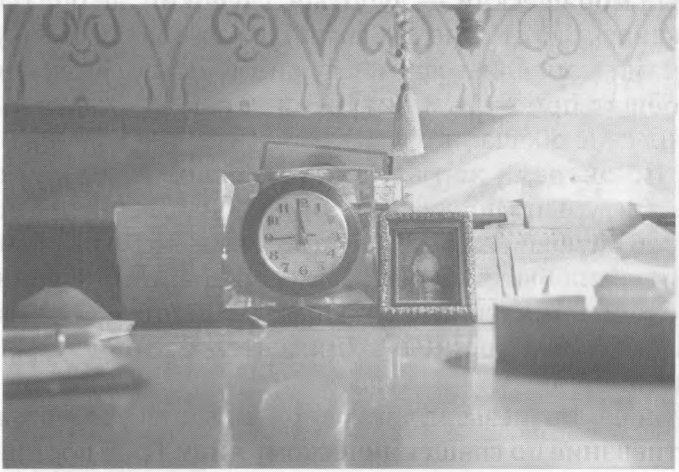
как могли, держались — нужно было продолжать службу, служить, петь. Но один Господь ведает, чего это стоило братиям и сестрам.

Батюшка был для нас и матерью, потому что заботился о нас непрестанно с нежностью, и отцом, потому что все, кто живет в обители, родились духовно от огня его любви к Богу и людям. Он был нам и светильником на пути в жизнь вечную. И просто — мы все любили его, как дети, непослушные и неблагодарные, но все же любили искренно и от всего сердца. И сейчас не перестаем любить. Он стал нам еще ближе, родней, понятней. Батюшка последнее время постоянно говорил нам о своей скорой кончине. Но все равно мы надеялись, что он будет жить с нами долго. Мы привыкли, что батюшку увозят в больницу и привозят. А теперь мы остались сиротами. Это не вмещалось в наши умы. Присутствие дорогого батюшки ясно ощущалось всеми. Да и где ж ему еще быть, как не возле своего детища, которое он так любил, полагал за него душу и, в конце концов, жизнь.

Служили сквозь душевные рыдания. Плакали все — в алтаре, на клиросе, в храме. Эта скорбная весть разнеслась быстро по земле. Звонили отовсюду: из Москвы, С.-Петербурга, из Украины, России, других стран. Все, кто его знали, — никому не тесно было в его сердце. Каждой скорбной душе он находил утешение, заблудшей — слово увещания. Все уходили от него умиротворенные.

Ночью несли Плащаницу с пением «Трисвятого» через всю обитель, и батюшка тоже невидимо молился с нами. Везде, в каждом уголке нашей обители, виделась его созидающая любовь.

Окончили с Божией помощью службу. Молящиеся потом говорили, что никогда наши священники



В момент кончины отца Зосимы часы в алтаре остановились, как он и предсказал

не служили так проникновенно и никогда не пел так хорошо, молитвенно хор.

Это был тихий теплый вечер, как на Пасху. И вспомнились слова батюшки, которые он сказал вечером на Успение: «Дай Бог, чтобы в этот светлый праздник в сердцах ваших была Пасха». И скорбь наша была светлой, потому что появился на небе новый молитвенник, предстатель.

17 августа/30 августа 2002 г. Пятница.

Прп. Алипия, иконописца Печерского.

Утром в 5.30, во время чтения 6-го часа, вся обитель вышла встречать батюшку. Подъехала машина, остановилась неподалеку перед Святыми вратами. Все замерли от волнения. Братья спустили гроб и понесли на плечах. Батюшка был истинный монах-нестяжатель, ничего у него своего не было, старался все для храма, для Церкви. И гроб у него

был монашеский — дубовый, глубокий, не обитый тканью. Его с пением «Святый Боже» обнесли вокруг храма, занесли в храм. Служили литию. Батюшка обещал приехать к литургии и, как всегда, исполнил свое обещание.

По очереди хор замолкал от слез и волнения, но литургию послужили чинно, тихо, молитвенно. Гроб батюшки стоял в центре храма. По окончании литургии был чин о Панагии. Священники соборно возносили хлеб над батюшкой с пением «Велико Имя Святыя Троицы», «Пресвятая Богородице, помогай нам».

После трапезы на церковной площади совершили отпевание по священническому чину. Гроб поставили перед входом в храм. День был очень жаркий; батюшку обложили со всех сторон зелием — васильками. Братский и сестринский хоры поочередно пели песнопения панихиды, такие знакомые, но теперь все воспринималось по-другому, достигали самого сердца.

На паперти поставили икону св. прав. Иоанна Кронштадтского (написанную еще при его жизни), которого очень почитал и любил батюшка (книга «Моя жизнь во Христе» была его любимой настольной книгой).

Братия и сестры были одеты по форме — рясы, клобуки. Люди прибывали. После отпевания гроб подняли на плечи и пошли большим крестным ходом в Никольский храм. Шли торжественно с пением ирмосов Великого покаянного канона «Помощник и Покровитель», которые тоже были любимы батюшкой. Перед смертью батюшка благословил, чтобы его гроб был принесен для прощания в Никольский храм, который он в свое время отстоял от взрыва.

Погребение отца Зосимы

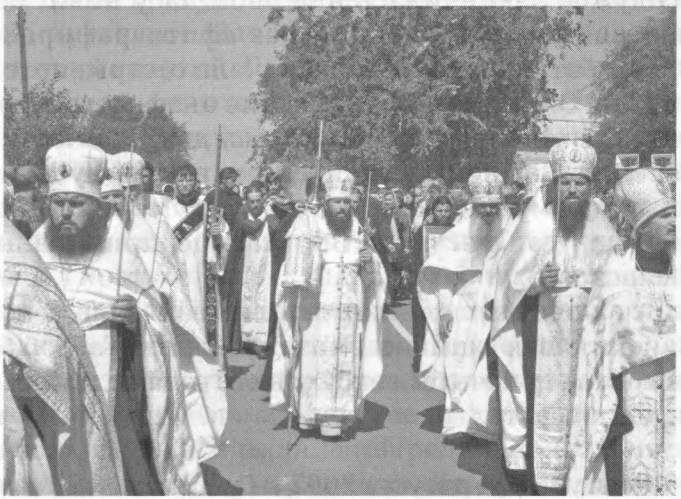
В Никольском храме отслужили панихиду и вернулись в обитель. Затем была трапеза. Виктор Леонидович Нусенкис, наш благодетель и строитель обители, обратился к насельникам со словами утешения. В его словах звучало глубокое смирение и мольба к нам, братиям и сестрам, мольба сохранить обитель, сохранить то, что создал и оставил батюшка. Ибо мы — его чада, его наследники, хранители святынь, которые он собрал. Но главное то, чтобы мы сохранили то, чему он нас учил, дух его учений. Виктор Леонидович говорил из глубины сердца. И это были слова любви, очень теплые, светлые слова. Мы, наша обитель, — это все, что осталось после батюшки, дорогого его духовного отца и наставника, которого он потерял, и поэтому мы все для него дороги. Он с нами, он желает помогать и благотворить нашей обители, т. к. батюшка заповедал ему опекать нас. Мы же должны хранить мир и любовь в обители. Еще он призывал

нас к усердной молитве о батюшке в эти дни, т. к. батюшка брал на себя грехи многих людей и сейчас проходит мытарства.

Затем сказала слово матушка игумения. В ее голосе звучали волнение и слезы, он дрожал. Матушка сказала, что нам не верится, что батюшки больше нет. Они с благочинной и благочинным каждое утро ходили к батюшке на доклад. И ей кажется, что завтра, как всегда, они снова пойдут к батюшке.

В это время приехал владыка Иларион со священством. Он поприветствовал всех, находящихся в трапезной, и зачитал указ о назначении игумена Фаддея наместником Свято-Успенского Васильевского мужского монастыря. Владыка занял место за столом и сказал, что все остается по-старому и что он исполняет свое послушание, благословение, завещанное схиархимандритом Зосимой, «ничего не менять, никому не благословлять». Далее были распоряжения о порядке службы. Владыка сказал, что он во все ближайшие епархии сообщил о смерти батюшки. Митрополит Владимир приносит свои соболезнования. Патриарху Алексию он не сообщил.

В связи с особым сложным днем погребения нашего батюшки владыка благословил причащаться не в субботу (как это у нас положено по уставу), а в воскресенье, т. к. будет много людей, чтобы не было мирской суеты. Он сказал также, что служить будет не более 12 священников и 4 диакона. Владыка призвал всех сохранять порядок, т. к. «отец Зосима любил идеальный порядок». Братии и сестрам он благословил оставаться на тех послушаниях, которые им благословлены. Панихиды служить как можно чаще, по нескольку раз в день. После 40 дней



В путь всея земли

владыка обещал сам посмотреть все монастырские дела.

Разошлись около 17.00. После трапезы владыка послужил литию у гроба батюшки. Своим чередом совершалось всенощное бдение с 18.00.

Гроб поставили на храмовой площади для прощания. После Великого славословия поздно вечером совершили крестный ход с гробом батюшки вокруг обители. Пели «Святый Боже» лаврское, по завещанию батюшки (он говорил, что этот напев напоминает ему ангельское пение, которое он слышал в раю, когда находился в коме). В этот тихий пасхальный вечер свечи не гасли. Занесли гроб в Трапезный храм. В 24.00 перед Васильевским храмом пропели «Се Жених». Как близок к нам Бог! Как близки к нам наши ушедшие любимые люди! И эта жизнь суетная всего лишь — «сень и соние».

Служба закончилась в первом часу ночи. Все насельники в последний раз сфотографировались с батюшкой у гроба. Сначала сестры, потом братия. О. Савва объявил, какие акафисты будут читаться ночью у гроба (в час, два, три ночи): Успению Божией Матери, св. прав. Иоанну Кронштадтскому, Божией Матери «Игумении», Благовещению Пресвятой Богородице, прп. Иоанну Рыльскому.

Всю ночь священники читали Евангелие. В келлии батюшки схимницы читали Псалтирь. Гроб батюшки в эту ночь был окружен его чадами, которые не могли спать.

18 августа/31 августа 2002 г. Суббота.

Мчч. Флора и Лавра. Прп. Иоанна Рыльского.

Утренние молитвы, полунощница в 6.00. Заупокойный акафист у гроба батюшки, часы, в 8.00 — встреча архиерея (приехали вл. Иларион и вл. Алипий). Литургия прошла быстро. В храме молились только насельники монастыря, священство и почетные гости (В. Л. Нусенкис, Б. В. Стинский — врач, который лечил батюшку. Приезжал губернатор В. Ф. Янукович с супругой). Приехало телевидение, фоторепортеры. Молящиеся стояли на улице; из храма на большое расстояние шла трансляция богослужения — в храме установили микрофоны. Звучало много лаврских напевов. Батюшка очень любил лаврское пение.

Владыке сослужили о. Фаддей, о. Петр (секретарь владыки), о. Иона, архим. Арсений (наместник Святогорского монастыря), архим. Серафим, о. Варнава (из Макеевки), о. Владимир (из Харцызска), о. Иаков (из Луганска). Из наших диаконов служили о. Феодосий и о. Амвросий.

В храме присутствовали священники из Донецкой, Луганской, Запорожской, Днепропетровской и других епархий. Приехала иг. Ксения с сестрами из Касперовского монастыря, прилетели самолетом сестры из Иоанновского монастыря в С.-Петербурге. После «Отче наш» архим. Арсений произнес трогательную проповедь (о. Феофан все богослужение записал на видеокамеру). После литургии владыка сказал краткое слово. Множество людей стеклось в этот день в Никольское, чтобы проститься с батюшкой. Храм и двор был полон людей, люди стояли далеко и за Святыми вратами вдоль дорог. Но при этом соблюдался порядок, все было хорошо организовано. (Во избежание непредвиденных ситуаций были вызваны наряд типа «Беркут» и машины «скорой помощи»).

Панихида (отпевание) монашеским чином совершалась на церковной площади. Пели братия и сестры антифонно. Владыка Алипий произнес проповедь у гроба, владыка Иларион прочитал краткую биографию батюшки. Много слов было сказано в память дорогого батюшки — что батюшка нес тяжелейший крест, что трудно управлять одним монастырем, а двумя (мужским и женским) тем более. И не каждый здоровый человек это понесет, а он был тяжко больным. И то бремя, которое он нес на своих плечах, теперь легло на плечи насельников обители, осиротевших монахов, которые пока этого не чувствуют.

О. Фаддей прочитал вслух завещание батюшки. В этот момент все стали плакать. Эти же самые слова совсем недавно мы слышали из уст батюшки.

После отпевания был крестный ход, торжественно обошли вокруг обители снаружи. Гроб с мощами батюшки поставили перед Святыми вратами, где все

подходили прощаться. Чин прощания длился более часа. В это время братия и сестры пели любимые песнопения батюшки: «Чертог», «Душе моя», «Апостоли от конец», «Непроходимые Врата», Пасхальный канон, «Плотию уснув», «Совет превечный» и др.

В какой-то момент возникла давка, но быстро восстановили порядок. Затем гроб понесли к усыпальнице. Последний путь батюшки по этой земле... Пропели литию. Владыка Алипий, который постригал батюшку в схиму, прочитал разрешительную молитву. Гроб опустили в склеп, двери усыпальницы закрыли и заложили венками и корзинами с цветами. Цветов было очень много, красивейших и дорогих — последний дар батюшке «сильных мира сего», и простых, но тоже красивых, — дар благодарного простого народа. При жизни батюшка любил цветы, не разрешал их рвать, говорил: «Им больно». Букеты по смирению не принимал, ставил их в храме или заставлял подметать ими двор.

Возле усыпальницы сразу начали чтение Псалтири. В 17.30 — вечерня в трапезном храме, в 18.00 — всенощное бдение. Несмотря на усталость (2 ночи почти не спали), все пришли молиться в храм. Литию совершали на улице уже в темноте, это было крайне непривычно.

После полиелея о. Фаддей произнес краткую проповедь.

Вот ее примерное содержание: «"Воскресение — малая Пасха". Смерть праведника — это тоже Пасха. Многие почувствовали сегодня Пасху. Спаси, Господи, что мирно попрощались, молились эту ночь. Братия и сестры две ночи почти не спали. Спаси всех, Господи!

Мы сегодня вспоминали с близкой братией: старец трудился не покладая рук, несмотря на немощь.

Все свободное время посвящал молитве за обитель, ее благоустройство, чтобы мы пришли и могли здесь молиться. Кто пришли — отребье мира, и кем стали... Трудно говорить после последних событий... Мы верим, что Матерь Божия и Господь не оставят нашу обитель.

Старца мы последнее время не понимали. От гроба он всем нам преподал благословение и прощение. Последнее время батюшка не был доступен, мало кто мог получить совет, утешение (из-за болезни). Теперь он доступен всем. Все могут обращаться к нему в молитвах и получать помощь. После 1-го часа — теперь уже такого ажиотажа не будет — пойдем к часовенке, пропоем "Объятия Отча", "Чертог", "Разбойника", бросим земельку».

Закончили поздно, уходить не хотелось. Пошли к усыпальнице, пели там, бросили по три горсти земли в могилу. «Смерте, где твое жало? Аде, где твоя победа?» Воскресе Христос! — и наш батюшка с нами.

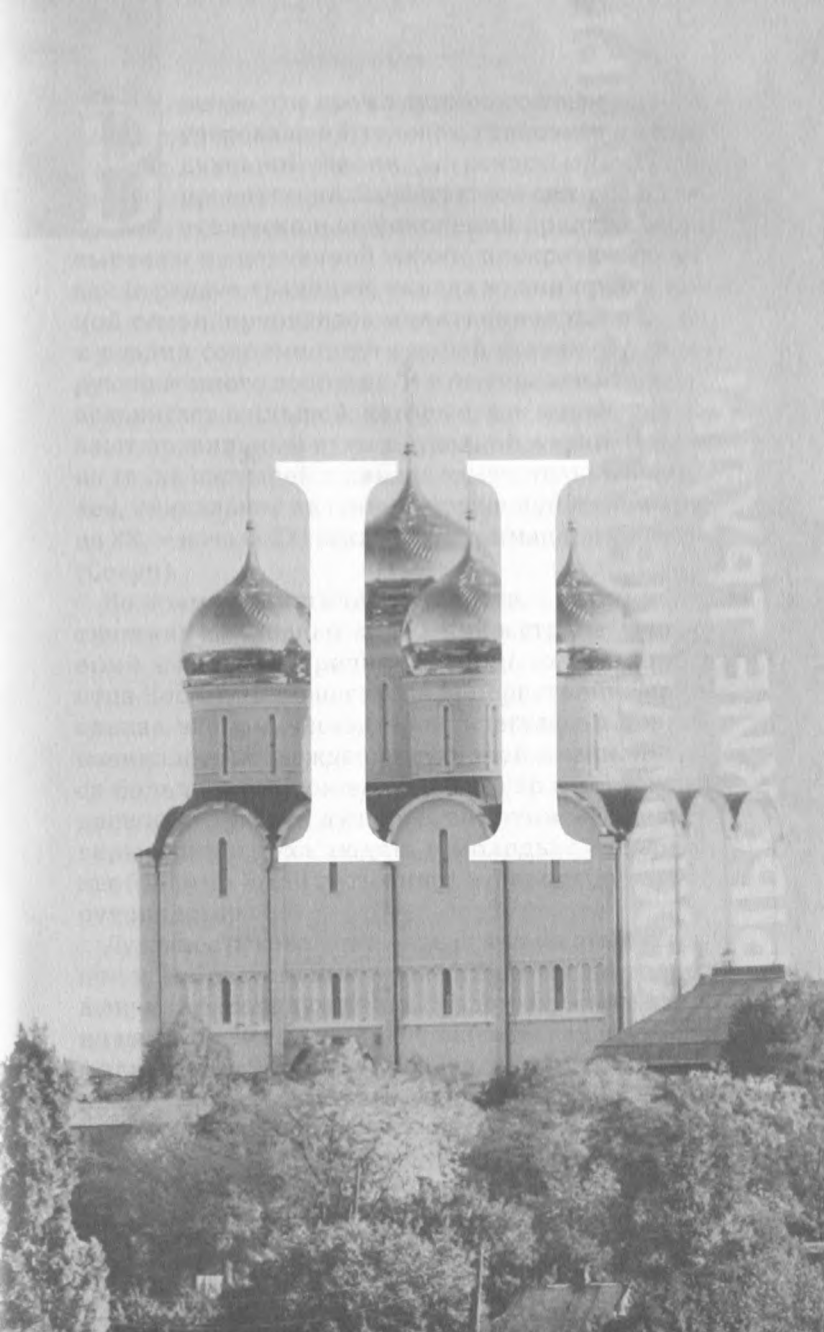
Как-то батюшка сказал: «Был у меня старец, я был как за каменной стеной. А теперь его нет, и я один». Нам легче — мы вместе, нас много. Как сказал о. Лаврентий: «В каждого батюшка что-то вложил, в каждом что-то от батюшки. И если сложить всех вместе — это и будет батюшка».

В обители сейчас все мирно и благодатно. Все друг друга стараются поддержать, утешить. Мы как-то сплотились, живем одной семьей. Нет отчаяния, уныния. Скорбь от расставания сменяется тихой радостью. Последнее время батюшка тяжко страдал, теперь он там, где «несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание». Матерь Божия утешила его — забрала его на любимый его праздник Успения. Когда ему бывало плохо, он звал Ее на помощь: «Заступница

Усердная, забери меня!» — и Она услышала. Конечно, мы скучаем, но верим, что Господь за молитвы Матери Божией и нашего дорогого батюшки помилует нас и мы все встретимся. Закончился целый этап нашей жизни, наверное, лучший. Слава Богу, что он дал нам батюшку!

Дай Бог быть достойными такого старца! Сподоби, Господи, без греха сохранитися нам, сохрани нашу обитель, благослови нашу дальнейшую жизнь, помоги донести крест!

Конец и Богу нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь.


II

ПАСТЫРСКИЕ ТРУДЫ СХИАРХИМАНДРИТА ЗОСИМЫ

В непростое время духовного возрождения уверовавший человек, становясь на путь духовной жизни, встречает множество препятствий. Зачастую это связано с тем, что несколько поколений предков были вырваны из церковной жизни, прекратилась живая передача традиций, уклада жизни православной семьи, прервалась молитвенная память. Да и реалии современности порой ставят перед верующим много вопросов. И в эти времена Господь воздвигает пастырей, которые, как маяки, указывают правильный путь в духовной жизни. Одним из таких пастырей и явился замечательный человек, уникальное явление в церковной жизни конца XX — начала XXI века — схиархимандрит Зосима (Сокур).

Во время атеистического гнета, а затем политических и духовных колебаний в стране, нестроений и перемен призвал Господь на Свою ниву отца Зосиму. В обществе шла перестройка социальная, экономическая, политическая, а в Церкви начиналось возрождение духовной жизни. Начался большой приток верующих в храмы, изголодавшихся духом и душой. И вот этим жаждущим веры, жизни духа людям, и молодым и старым, необходимо было дать пищу — верное духовное руководство.

Духовное руководство — дело весьма ответственное и непростое. Оно осуществляется не только в личной беседе духовника с чадом, но во всей жизни пастыря. Все здесь имеет значение: личная вера, молитвенность, слово проповеди, манера поведения — в общем, все то, что проявляет внутренний дух пастыря. Ответственность же здесь сугубая — и за себя, и за тех, кто доверился руководству, перед

Богом, а цель совместного пути — жизнь вечная. И отцу Зосиме вверяли свои души десятки тысяч верующих Украины, России, Белоруссии, других бывших союзных республик и дальнего зарубежья. А среди его многочисленной паствы встречаются люди разных социальных категорий и достатка — от крестьянки до президента. Для каждого у отца Зосимы, как мудрого и опытного священника, находились нужные слова: для кого — утешения и ободрения, для кого — предостережения и вразумления. Но главное — эти слова были пережиты, выстраданы им самим, это — опыт Православной Церкви, пропущенный через свою жизнь. Это — основная ценность пастырских трудов схиархимандрита Зосимы: священнослужителя, храмостроителя, духовника, проповедника.

Особенно хочется отметить ту боль, с которой жил отец Зосима последние годы. Это — раскол Православной Церкви на Украине. Он не мог спокойно видеть терзание Тела Христова — Святой Церкви и при любой возможности возвышал свой проповеднический голос в защиту единства Русской Православной Церкви, решительно обличал пагубную деятельность расколоначальников — волков в овечьих шкурах.

В своем духовном завещании отец Зосима братии и сестрам основанной им Свято-Успенской Николо-Васильевской обители завещал навсегда оставаться верными Русской Церкви и Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси. В этом он выразил надежду на неразрывное духовное единство Украины и России, которые он так любил, в первую очередь в своей «возлюбленной пастве».

Совершая пастырский визит в Донецкую епархию, Святейший Патриарх Кирилл 31 июля 2009 г.

посетил Свято-Успенский Николо-Васильевский монастырь, основанный схиархимандритом Зосимой (Сокуром). Предстоятель Русской Православной Церкви, исполняя последнюю волю почившего батюшки, совершил чин малого освящения вновь построенного соборного храма в честь Успения Божией Матери, после чего обратился к собравшимся с первосвятительским словом. Он вспоминал об отце Зосиме: «С особым радостным чувством ступил я сегодня на землю этой святой обители, потому что много слышал о том, как она созидалась; лично знал и основателя обители схиархимандрита Зосиму в то время, когда он еще был Ваней Сокуром и учился в Ленинградской духовной семинарии, где я тоже был студентом, а позже и ректором.

Хорошо помню Ваню — человека доброго, отзывчивого, смешливого, с которым всегда было радостно общаться. Уже позже я с радостью узнал о том, что он принял монашеский постриг и был направлен на Донбасскую землю.

Будучи человеком правдивым, он говорил правду и власть предержащим, потому власти не любили отца Савватия — в то время он носил именно такое имя — и послали в это уединенное место, которое не могло похвалиться ни количеством прихожан, ни состоянием храмов. Начав буквально на ровном месте, отец Зосима сделал очень многое. Он привлек своей любовью людей, создал два монастыря, к нему стали приходить люди — и богатые, и бедные. Обитель благоустраивалась благодаря этому скромному пастырскому труду, усилиями многих людей, некоторые из которых внесли в создание монастыря особый вклад.

Поэтому, когда я вошел в святые врата обители, моей первой мыслью было возблагодарить Господа за милость, явленную на этом месте»[1].

Во время посещения обители Блаженнейшим митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром с ним состоялась следующая беседа:

«Блаженнейший Владыко, вот уже прошло больше года с дня преставления схиархимандрита Зосимы. Что бы вы хотели сказать в утешение его многотысячной пастве?

— Утешение — молитва, которая не знает границ, не знает разделения на живых и на мертвых, а все во Христе живы. Мы будем молиться о старце здесь, а он будет там молиться за нас.

— В чем вы видите главное значение трудов старца для Православной Церкви?

— Прежде всего, основание на пустом месте такой обители, которую мы сегодня видим, — это его всецелая заслуга, это Богом данный ему талант организатора, собирателя, духовного отца.

— Как часто по долгу вашего служения вам доводилось встречаться с о. Зосимой и какие из этих встреч вам больше всего запомнились?

— В 60-е годы мы встречались с ним в Ленинградской духовной академии. Очень хорошо его помню: мы, многие ребята, глядели на него и почитали его как достойного священнослужителя, и слава Богу, он это оправдал и показал свое достоинство перед нами, а теперь и перед Богом. Я думаю, Господь примет его труды и подвиги, его служение Церкви Христовой и упокоит душу его с праведными...

[1] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Никольском Васильевском монастыре Донецкой епархии. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/708742.html.

Мы встречались с отцом Зосимой очень много, когда была заваруха на Украине в 1992 году: он приезжал в Москву с группами людей, отстаивая интересы Православия на Украине — он был предводителем этих групп. И в этой обители дважды он нас принимал, мы беседовали с о. Зосимой о многих вещах современного служения Богу и нашему Божьему народу.

— *Какие из нравственных качеств старца вы хотели бы выделить как достойные подражания?*

— Прежде всего, святая простота, простота евангельская, детская, о которой Христос говорит: *аще не будете, как дети, не внидете в Царство Небесное.* Его простота и доступность, его краткие богомудрые выражения и назидания — это создало ему авторитет: все шли к нему и теперь будут ходить на могилку»[1].

Отец Зосима не писал писем своим духовным чадам. Источником информации для данной работы были в основном записи его проповедей, воспоминания и письма общавшихся с батюшкой людей. Некоторые аудиозаписи проповедей расшифрованы и опубликованы. Издательством Сретенского монастыря была выпущена книга проповедей схиархимандрита Зосимы под названием «Слово о Святой Руси». Украинским издательством «Православный благовестник» выпущена книга «Любовь превыше всего» с развернутой биографией и воспоминаниями об отце Зосиме. Как вариант под этим же названием выпущен альбом с тем же содержанием и цветными фотографиями. Использованы также неопубликованные проповеди и видеозаписи бесед

[1] Любовь превыше всего. — Православный благовестник. 2004. С. 91–92.

с батюшкой Зосимой, любезно предоставленные насельниками Свято-Успенской обители.

Важным представляется анализ гомилетического наследия схиархимандрита Зосимы с точки зрения православного вероучения, ведь жизнь и слово священника — две важнейшие составляющие, формирующие его образ как доброго пастыря Христова «малого стада».

ВЛИЯНИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ О. ЗОСИМЫ

С благоговейным трепетом всегда вспоминал имя святого праведного Иоанна Кронштадтского в своей речи отец Зосима. Иначе как «дорогой батюшка Иоанн» он его не называл. «Этот образ принадлежал дорогому батюшке — отцу Иоанну Кронштадтскому когда-то... образ, перед которым молился в своей келье, в своем кабинете дорогой батюшка — отец Иоанн Кронштадтский». «Недаром дорогой батюшка отец Иоанн Кронштадтский говорил: "Моя жизнь во Христе", — вспоминает отец Зосима в одной из проповедей»[1].

Отношение к святому праведному Иоанну искренне любезное и даже родственное сложилось у отца Зосимы не случайно. С самого детства ему довелось воспитываться в обществе духовных чад

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповедь на Вознесение Господне. 1997 г.

У гробницы о. Иоанна Кронштадтского. Санкт-Петербург, Иоанновский монастырь, 1997 г.

отца Иоанна. Детские годы схиархимандрита Зосимы прошли в Авдеевке — небольшом городке шахтерского Донбасса. «По неисповедимым судьбам Божиим именно Авдеевка в послевоенные годы стала благодатным оазисом среди духовной пустыни пролетарского края. Здесь после долгих скитаний, тюрем, ссылок и лагерей нашли пристанище сестры Иоанновского монастыря, а также многие чада великого кронштадтского пастыря: схимницы, монахини — великие молитвенницы и исповедницы. Среди них была и тетушка старца, сестра его матери — монахиня Антонина, которая и помогала Марии воспитывать мальчика, разделяя ее труды и лишения»[1]. Тетушка, которая имела счастье лично окормляться у всероссийского пастыря, оказала решающее влияние на формирование личности

[1] Любовь превыше всего. — Православный благовестник. 2004. С. 6.

мальчика. Образ отца Иоанна стал для будущего пастыря самым родным, дорогим и светлым.

«Иоанн Кронштадтский — это святой, который ходит по земле, — говорил старец, познавши опытно его помощь. — Еще будет большое событие — обретение мощей дорогого батюшки отца Иоанна, благословение великое на весь мир... Сколько будет чудотворений, исцелений... Произойдет это в самую трудную минуту для нашего Отечества, как укрепление свыше...»[1]

Незабвенными остались для отца Зосимы ночные тайные молитвы в доме с наглухо закрытыми дверями и окнами, замощенными подушками. Там изгнанницы общества — монахини, простые верующие женщины и дети — возносили свои горячие молитвы ко Господу, вдохновленные святым праведным Иоанном.

От духовных чад Иоанна Кронштадтского некоторые его личные вещи достались отцу Зосиме: облачение, шляпа и др. Впоследствии облачение он отдал сестрам Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге. Но, наверное, самое главное, что воспринял будущий священник и монах от своих воспитательниц, — это мужественный дух исповедничества, истинного христианства и жертвенной любви, взращенный всероссийским батюшкой и закалившийся в горниле жестоких гонений.

Отец Зосима сам часто пользовался и всем советовал использовать книгу отца Иоанна „Моя жизнь во Христе“ как духовное руководство при отсутствии доброго наставника. Он советовал, помолившись о своей проблеме отцу Иоанну, раскрыть книгу

[1] Любовь превыше всего. — Православный благовестник. 2004. С. 8–9.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

в любом месте, и то, куда упадет первый взгляд, прочесть как добрый совет от святого.

Всем известно, какую свободу обрел святой праведный Иоанн Кронштадтский, получив сверхъестественные дары Божии: прозорливости, рассуждения, исцелений, чудотворной молитвы и проч. Тот же дух свободы, обещанный Христом Спасителем[1], обрел в результате своей богоугодной жизни

[1] *Познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин 8, 32).

и подражания всероссийскому пастырю и схиархимандрит Зосима. Своим исповедничеством он засвидетельствовал веру и стяжал дерзновение перед Богом, получил от Него великие дарования прозорливости, рассуждения, совета и горячей молитвы.

И так же, как батюшка Иоанн, отец Зосима ревностно проповедовал слово Божие, в новых реалиях современности объяснял евангельские истины и простому народу, и высокообразованным мужам. И всем, слушающим или читающим слово опытного схимника, становится понятно, как в наше непростое время исполнять заповеди Христовы, как относиться ко многим явлениям современного мира, вторгающимся в нашу жизнь, как общественную, так и в личную, духовную.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПРОПОВЕДЕЙ

Особо следует отметить стиль речи проповедей схиархимандрита Зосимы. Некоторым его слова покажутся грубыми, резкими, порой озорными. Но за этой кажущейся простотой кроется мудрость и свобода, как дарование свыше. Не надо забывать, что отец Зосима получил высшее богословское образование в Питерской духовной академии, имел степень кандидата богословия. Ничто не мешало ему слагать проповеди высокого стиля. Ничто, кроме любви к своей пастве и желания как можно яснее донести евангельские истины до простого сердца слушателя.

Вот что сам батюшка говорит о своих проповедях: «Сумбурно так говорю я. Красиво я не умею

говорить. О чем душа скорбит, то и уста мои глаголят — о самых таких жизненных, назревших вопросах. Это прорываются все ваши грехи в мои слова, чтобы вы понимали, хоть в одной фразе да поняли каждый всю свою трагедию несчастной, бедолажной своей жизни...»[1]

Нужду каждого, кто обращался к нему за советом, батюшка воспринимал как свою собственную. Он не мог успокоиться, пока не растолкует всем, как нужно поступать в той или иной ситуации, будь то духовная проблема или бытовая, житейская. «Господи, одно и то же говорю вам, болит сердце, скорбит. Мог бы равнодушно вам сказать обыкновенную проповедь, прочитать вам: в Евангелии то-то пишется, в житии то-то и то-то... Сердце болит. Что болит, то и говорю вам. Назидаю, учу вас, чтобы меня Бог, грешного, не осудил за мою бестолковую прожитую жизнь. Сеять семена надо»[2].

И эти семена веры отец Зосима сеял обильно в каждом своем слове, не имеет значения, в каком месте богослужения оно пришлось — в начале, после чтения Евангелия, при целовании креста. Но самое удивительное то, что слова его были обращены не к абстрактному народу, а к конкретному человеку или нескольким, находившимся в данное время произнесения проповеди в храме, среди верующих. И вот это зерно точно попадало в нужную подготовленную почву конкретного верующего сердца. Многие говорили, что, приехав с неразрешимой проблемой, уже на проповеди слышали прямой ответ, и отпадала необходимость в личной беседе с отцом Зосимой.

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур)*. Проповеди. Слово о Святой Руси. — М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2008. С. 71.

[2] Там же. С. 78.

Из воспоминаний Пелагеи из г. Макеевка: «Я узнала о нем еще молодой, в 42 года, а сейчас мне 67 лет. Горе, скорбь заставили приехать меня в село Александровка... С какой он радостью, любовью принимал, сам еще был молодой. Как он до тонкостей вникал в душу... Да, от меня ушел муж, оставил двоих детей. 18 лет сыну и дочери 14 лет. Как мне было тяжело! Я никого не хотела видеть, старалась уединяться, особенно когда сына проводила в армию. И вот в это время Господь меня не оставил, направил через одну женщину к батюшке Зосиме, тогда его звали Савватий... Он меня в духовные чада благословил, и когда у меня были серьезные вопросы, всегда на правильный путь наставлял. Приезжала на службу часто, но заходила на беседу редко, старалась не беспокоить. Тем более, на проповедях батюшка всегда скажет то, что как раз меня и касается».

Любовь Анатольевна Прибыльская из г. Мариуполя вспоминает: «Был такой случай. Приехала я к батюшке, а у меня было семь вопросов к нему. Но они были не духовные, и к батюшке было неудобно с ними идти. Когда батюшка вышел на проповедь, он стал отвечать на эти вопросы в таком порядке, как они у меня в мыслях были. Вот как я убедилась, что батюшка у нас непростой».

А некоторым он и прямо предсказывал недалекую кончину: «Недаром я сказал, некоторые сегодня последний раз были в церкви и некоторых сегодня причастим последний раз в жизни, уже они больше не придут в церковь, Господь призовет к вечности».

Главной у батюшки Зосимы была забота о спасении души заблудшей, в гордыне своей не видящей греха. А средства при этом он использовал разные:

кого приласкает, а кого и обличит, пожурит. Вспоминает сам батюшка такой случай:

«Одна у меня... Называю грех, она:

— Не надо этого вспоминать! Не надо!

— Как не надо? Он на твоей совести, твоя блевотина жизненная, на твоей совести лежит. А ты: "Не вспоминайте этот грех".

— Зачем вы травите мою душу?

— Я не травлю, я зову тебя, как звал Иоанн Креститель, к покаянию: Иродиада, осознай, что ты погубила детей да свою семью затравила, осознай этот грех и покайся.

Вот мой голос был к одной. Так ее бесяра вывел отсюда вон из ограды, кричала, как бесноватая:

— Меня оскорбили! Меня обидели! Буду жаловаться, в газету писать.

Да, в газету под именем "Сатана и муки адские", пиши туда, там корреспонденты-бесенята разберутся в твоей жалобе. Вот так»[1].

Простые, бесхитростные слова всегда были отличительной чертой его слова. Самым неприемлемым было для отца Зосимы лицемерие и лукавство.

«От лицемерия до лукавства один шаг. А от лукавства до предательства Господа — также один шаг, лесенка идет»[2].

Поэтому он говорил всегда прямо, не обинуясь, желая как можно эффективнее применить пастырское слово. В устах отца Зосимы оно приобретало неизъяснимую силу: кого нужно обличало, кого-то вразумляло, а кого-то утешало. Но всегда исходило от любящего христианского сердца и преследовало

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 311.

[2] Там же. С. 39.

единственную цель — спасение душ «возлюбленной паствы».

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ ОБЩЕСТВА

Современное общество резко отличается от общества советского, не говоря уже о досоветском прошлом нашей страны. Нравственные устои, моральные нормы в нынешнее время не имеют такого значения, как раньше. Это обусловлено в первую очередь расцерковлением общества, а во-вторых — утратой авторитетов, на которых были воспитаны прошлые поколения. Редкая семья воспитывает своих детей в нормах христианской морали. Подорван авторитет семьи, общество утопает в разврате и пьянстве. Поражает огромное количество совершаемых абортов. Эти и другие проблемы поднимает в своих проповедях схиархимандрит Зосима, заставляя задуматься каждого как о своей душе, так и о будущем нашего Отечества.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С БЛИЖНИМИ

В своих проповедях отец Зосима учит трепетному, бережному отношению к своему ближнему. Чтобы избежать непонимания, вражды, ненависти, он советует не обращать внимания на грехи и недостатки других, но внимательно всмотреться в себя, испытать свою совесть, исправить свои пороки: «Только

старайтесь... смотреть на себя со стороны. Не смотреть на ближнего, кто как грешит, кто что делает, каждый свое получит. Ты на себя смотри, на свои грехи. Со стороны смотри... на нравственную уродину свою смотри. И в душе... исправляйся»[1].

«Самое главное — не портите себе сами настроение и друг другу не портите настроение. Просто жалейте друг друга»[2], — просит батюшка. А ведь с простой жалости и начинается настоящая христианская любовь, как напишет он в своей предсмертной записке. «Всех жалко» — вот что такое христианская любовь.

А для того, чтобы избежать непонимания, разномыслия, необходимо прибегать к добрым традиционным христианским принципам соборности и совета: «Поразмысли, совет всегда сотвори. Что-то ты с ближним хочешь делать, так посоветуйся. Внимательно сядь, рассуди — как это, не во зло ли будет какое-то деяние наше? В семье что-то хочешь сделать — посоветуйся с семьей обязательно, совместно, чтобы не было разлада, не было искушения, чтобы не самовольно все сие творить, а с добрым советом, с любовью, с миром»[3].

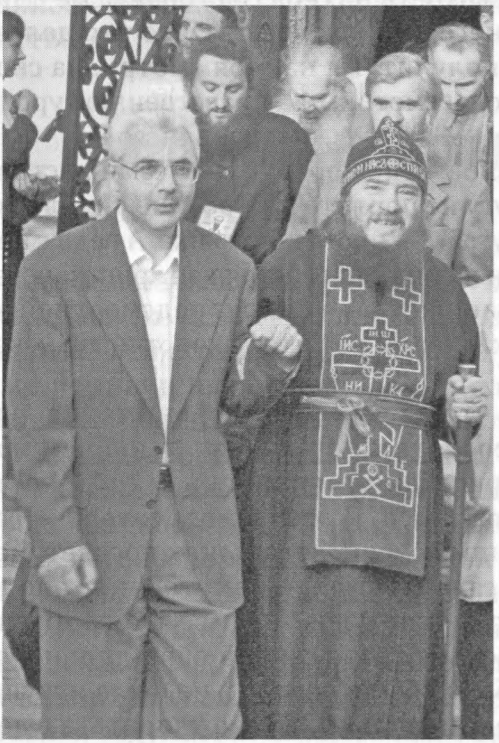
С нетерпимостью отец Зосима относился ко всякого рода лжи и лицемерию, говорил все всегда прямо, невзирая на лица и чины, наверное поэтому и много пострадал в своей жизни. Но это и не удивительно, ведь еще апостол Павел предупреждал: *Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим 3, 12). «Сколько лицемерия у нас у каждого, начиная от священников и кончая вами

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 57.

[2] Там же. С. 24.

[3] Там же. С. 36.



После богослужения

всеми! Какие мы гнусные лицемеры! Как мы — сердце тяжелое, злое, а мы улыбаемся притворно, маску надеваем на себя, как те артисты; очень тяжело, — это лицемерие»[1]. «Снимайте эту маску, не нужно ходить этими артистами всю жизнь. Мы должны быть естественными, образом и подобием Божиим, но не артистами в этой жизни земной»[2].

Предупреждает батюшка и об опасности этого порока для спасения души: «От лицемерия

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 38.

[2] Там же.

до лукавства один шаг. А от лукавства до предательства Господа — также один шаг, лесенка идет»[1].

Точно определяет батюшка цель врага во взаимоотношениях с окружающими: «Вот что бесу нужно: ссоры, вражда, ненависть, подозрительность друг к другу. Что бес и успевает. А кто виноват? Мы ж сами во всем этом виноваты»[2]. И верно направляет ход мысли — внутрь себя. Необходимо увидеть тот недостаток, в котором хочется обличить ближнего, в самом себе, без всякого саможаления и самооправдания. А тот, кто ищет причину своих несчастий не в себе самом, а в окружающем его мире, в обстоятельствах жизни, в ближних, тот становится обузой для всех: «И самое страшное, когда ты по своему бесчестию в тяжесть бываешь людям окружающим, когда от тебя, от твоих помыслов, от твоих греховных немощей, от твоего нытья начинают страдать и люди окружающие. Это очень тяжело. Подумайте, некоторые здесь стоящие, и пока не поздно, исправьтесь, чтобы Господь не наказал вас за наше нытье, за наше безобразие, за наше непослушание Церкви»[3]. «Если ты чувствуешь, что ты в тяжесть другим людям становишься, — значит, ты не прав. Зациклишься в чем-то — "я спасаюсь, а остальные погибают". Все, это уже первая погибшая душа такая, зациклится, ходит в ложной святости своей... Лик светел, чист, и ты постоянно должен нужным быть людям. Стремиться к этому. Если ты тяжестью становишься для людей, — плохо, ты уже тяжело духовно больной человек»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 39.

[2] Там же. С. 77.

[3] Там же. С. 199.

[4] Там же. С. 268.

Отец Зосима обозначает единственно верный путь к мирному сосуществованию, нормальной христианской жизни общества — это терпение недостатков, неровностей характера своих ближних, в первую очередь самых родных, и, конечно, посильная молитва за них: «Терпеливо со всеми относиться и на работе, и дома, и в службе, и со всеми ближними. И в этом терпении научи нас, Господи, любить, терпеть и молиться друг за друга»[1].

РАЗВРАЩЕННОСТЬ НРАВОВ

Большую опасность для современного общества несомненно представляет разрушение традиционно христианского понимания о целомудрии и воздержании. Лишившись сдерживающих стереотипов и представлений о нравственности, еще кое-как определяющих нормы поведения в советском обществе, молодежь не получила положительного наполнения моральной ниши сознания. Да это и невозможно без веры, правильного христианского православного миропонимания. Через средства массовой информации на народ обрушился мутный поток разврата. И, видя это, сердце проповедника не может оставаться спокойным. Отец Зосима обозначает эту проблему часто в своем обращении к пастве: «Развращение, опустошение народа идет. Как можно в эти дикие, жуткие времена, хранитесь от всякой нечистоты, от этого мусора, от этого отребья, от этой мерзости века сего. Господь любит

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 304.

чистоту. Вот об этой чистоте духовной, внутренней помышляйте и уходите от всякого зла»[1].

Действительно, дефицит чистоты в наше время велик. Редко встретишь пару, сохранившую девственность до брака. Бедная молодежь, подверженная влиянию западных ценностей, утратила в большинстве своем понятия о девстве, целомудрии и воздержании, чистой любви как о добродетелях и великих ценностях: «У нынешней молодежи сейчас — не любовь, а похоть, беснование мяса, тела человеческого беснование»[2].

Заботясь о высокой нравственности молодежи, батюшка видит и указывает на места, в которых происходит развращение, и запрещает под страхом отлучения от причастия посещение подобных мест: «Молодежь, дети! Ноги чтоб не было в проклятых этих дискотеках, ночных клубах, всей этой нечисти! Это погибель нашего века! Бойтесь, как огня! Строжайше запрещаю вплоть до проклятия, отлучения от Церкви. Таким людям запрещаю причащаться Тела и Крови Христовой! Пошел к бесам — бесноватый тогда становишься на всю жизнь. Помните, как огня бойтесь этого сатанизма нашего века»[3].

Но не только молодежь, всех предостерегает отец Зосима беречься от пагубного влияния духа разврата, который витает в зараженном воздухе. А источники заражения многочисленны: телевидение, Интернет, печатная продукция, да и радио, и современная эстрада далеко ушли от понимания целомудрия. Поэтому всем необходимо быть осторожными

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Седмица 6-я Великого поста. Память преподобной Марии Египетской. 1999 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 256.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Седмица 6-я Великого поста. Память преподобной Марии Египетской. 1999 г.

и не оправдывать себя. «Часто говорю, от этого беса блуда никто не гарантирован. Ложные те праведники лишь только мнимые, по наружности, говорят, что не-не-не, мною не обладает. Всеми бес блуда обладает, и схимниками, и патриархами, и митрополитами, и протоиереями, и иереями, и евреями, и мирянами, всеми обладает бес блуда. Все на этом мытарстве споткнутся»[1], — говорит батюшка и в другом месте повторяет и предлагает в качестве молитвенника о избавлении от блудной страсти преподобного Моисея Угрина, Киево-Печерского: «Будем молиться, чтобы нам помог преподобный Моисей от блудной страсти. Все говорю без конца: мужикам сперма в голову бьет, бабам гормоны бьют. От этого греха никто не застрахован, все страдают не телесно, так мысленно: и патриархи, и архиереи, и схимники, и монахи, и мирские, и юноши, и девы, и дети — все страдают грехом блуда»[2]. Святой преподобный Моисей вместе с другими попал в Польшу в качестве пленника в 1018 г., когда польский король Болеслав захватил Киев. Одна богатая вдова, воспылав к Моисею блудной страстью, выкупила его в качестве раба и хотела сделать его своим мужем. Как только она ни пыталась склонить молодого красавца к сожительству, но ничего у нее не получалось. Ведь с ранних лет он хранил девственную чистоту и мечтал принять ангельский образ, что и помог ему совершить проезжавший через те места афонский иеромонах. Полька приказала растянуть святого Моисея на земле и бить его палками так, чтобы земля напиталась кровью. Она добилась разрешения у Болеслава делать с пленником все что угодно.

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 258.

[2] Там же. С. 253.

Бесстыдная женщина однажды велела насильно положить святого Моисея с собой на постель, целовала и обнимала его, но и этим ничего не добилась. Святой Моисей сказал: «Я из страха Божия гнушаюсь тобой как нечистой». После этих слов полька словно взбесилась и велела каждый день наносить святому по сто ударов, а потом оскопить его. Все претерпел ради Господа преподобный Моисей, а после смерти вдовы в результате восстания он, обретши свободу, поселился в Киево-Печерском монастыре. Там он прожил до своей праведной кончины десять лет и обрел от Бога благодать исцелять людей от блудной страсти.

Так вот пострадал от бесстыдной женщины чистый юноша, не поддавшись искушениям. А ведь часто от бесстыдства женского мужчины теряют рассудок, поддаются страсти, и в этом обличает отец Зосима обольстительниц: «Вы, бабье, должны знать свои все грехи, свое бесноватое существо. Когда похоть мучит, когда ты и сам невменяемый на стенку лезешь, да и все. Ваше состояние многих — девяносто девять процентов такое почти. Мало очень в чистоте живущих людей»[1].

Страшен не только сам грех блуда, но и помыслы, принимаемые нами, от которых порой так тяжело избавиться. «Телом не грешим, а в голове мысли какие гадкие, да стыдно на самого себя посмотреть. А извращения разные какие, а на юношество какими мы гадкими, блудными глазами смотрим — об этом всем подумать крепко надо»[2].

И беда не только в том, что эти мысли вредят нам самим — своих ближних мы оскверняем блудными

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 257.

[2] Там же. С. 253.

к ним помыслами и воззрениями, они в наших глазах из образа Божия превращаются в объект похоти: «Особенно боюсь, когда детей мы блудом мысленным оскверняем, друг друга мысленно оскверняем, юношей, девушек, взираем с похотью на них и оскверняем. От этого страдают особенно дети, особенно юные существа, от наших гадких, блудных взглядов, помыслов наших. Этого беречься надо»[1].

С болью в сердце батюшка Зосима говорит о тех, кто помыслы эти в себе держит и не хочет от них избавиться: «Как тяжко смотреть на людей, захлопотанных этими блудными помыслами, или — как слово подобрать? — мерзостью века сего. Как они погрязли в своей похоти и не думают исправляться. Смотришь, как она глазки эти строит... Тьфу ты, нечисть такая. Как она одним местом вертит, как хвостом. Как тебе не стыдно? Где ж твоя совесть христианская, да хоть человеческая? Прости нас, грешных, Господи»[2].

Верно подметил отец Зосима то, что многие думают об остальных и смотрят на них со своей колокольни, как говорится «У голодной кумы хлеб на уме»: «Начинает человек о блуде говорить: "Блудники кругом", — ну, думаю, все: ты ж первый или первая самая злостная блудница. Я говорю: "Да ты ж блудник окаянный, вонючий!" — "Ой! Батюшка прозорливый, уже все знает"»[3].

Особенно опасно состояние, когда человек уже принял блудные помыслы, в нем разгорелась страсть, затмевающая разум, наступает настоящая одержимость: «Блудное возбешение,

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 258.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же. С. 35.

бешенство — когда уже человек, как вот тот бугай, кровью налитые глаза, уже ничего не помнит, так и человек в блудном бешенстве похоти ничего не помнит»[1]. И, конечно в таком состоянии нечего говорить о каком-либо стыде, все нормы морали и нравственности для одержимого страстью человека становятся пустым звуком. Остается одно лишь желание — удовлетворить свою похоть, чего, конечно, невозможно достигнуть вполне, потому что страсть, как огонь, превращается в пожар, и сжигает в конце концов объект горения дотла. Батюшка вспоминает: «В Одессе, когда я был в монастыре, одна пришла, — Боже мой, на что ж она похожа, и кричит: "С генералом — была, с адмиралом — была, с матросами — была, монаха хочу..." Ну, пришлось ее в психдом. С ума сошла она, в буйное отделение поехала после этих мыслей на монахов»[2].

Блудная страсть всем свойственна в той или иной степени, а избавление от нее или ослабление лежит на пути покаяния. Даже если повторяются падения, принятия и услаждения помыслами, в них надо каяться постоянно, и за такой покаянный труд, может быть даже и всежизненный, Господь подаст прощение и избавление. Об этом говорит отец Зосима: «Почему об этом всегда вздыхать ежедневно нужно: "Господи, блуд наш мысленный прости, Господи. Страсти наши, Господи, прости. Мрак наш, мразь нашу внутреннюю прости, Господи", — каяться всегда нужно. Не скрывать этот грех»[3]. Покаяние — это путь к избавлению, но в исповеди надо проявлять благоразумие, не углубляться в подробности, как

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 297.

[2] Там же. С. 259.

[3] Там же.

советуют святые отцы, чтобы не услаждаться воспоминаниями греха — во-первых, а во-вторых — чтобы не вводить в искушение духовника, священника, принимающего исповедь. О такой опасности предупреждает батюшка: «Никогда исповедь не превращайте в порнографические рассказы свои — это уже мерзость. Факт греха — все ясно священнику, а то начинают... или священники есть опытно слабые, или болящие, может быть, такие обуреваемые, и начинают — как, куда, а что... и пошел. Не нужно этой мерзости. Факт греха есть — прости, Господи! Господь все остальное весть»[1].

Еще один грубый порок общества отмечает отец Зосима в своих проповедях — кровосмешение и сопутствующие ему грехи, часто допускаемые в обществе: «Кровосмесничество — это смертный, тяжкий грех, и многие на сердце имеют этот грех. Похоть имели к брату родному, к сестре, даже к матери многие похоть имели, к отцу имели похоть. Это вообще уму не постижимый грех. И у кого есть на сердце такой грех или к двоюродной сестре, или к двоюродному брату... Это не любовь, это похоть. Бесовское именно возбешение. Должны очень серьезно каяться». Особенно тяжек этот грех, потому что касается самых близких людей: «Кто и голых родителей видел, в неподобных и этих самых видах разных, это грех родителей, что они так повод давали детям своим. Во всем должны принести покаяние, очистить совесть свою»[2].

Предупреждает также батюшка и от опасности духовного кровосмешения людей, которые являются кумовьями и восприемниками: «И также кто духовным кровосмесничеством занимался, похоть

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 262.

[2] Там же. С. 308.

имели к куму, куме, к крестным, может быть, детям. Сохрани Господь, каяться надо и исправлять эту похоть страшную»[1].

Большую опасность для общества представляет нынешняя развращенность нравов, фактически она ведет к полному уничтожению института семьи и в конечном итоге самого общества и государства. Поэтому мудрые пастыри всех времен ратовали за сохранение традиционных христианских семейных ценностей. В пример приводит отец Зосима преподобного Амвросия, обращающегося к своим духовным чадам: «Преподобный Амвросий Оптинский так любил весь народ, он говорил часто: "Братия и сестры, прощаю вам наперед все ваши мелкие грехи. Только не грешите смертными грехами. Блудом особенно не грешите. За эти грехи тяжко придется отвечать и на Суде Божием"»[2].

А чтобы не стыдно было на Страшном Суде Божием предстоять перед Господом и святыми Ангелами, надо позаботиться о стяжании чувства целомудренного стыда еще при жизни: «Чувство стыда должно быть постоянно в нас, вот тогда мы победим похоть. Если нам не стыдно будет, — мы уже потерянные, мы бесстыжие тогда существа, прости Господи»[3].

ГОРДЫНЯ

Премудрый подвижник святой преподобный Иоанн Лествичник выявил опытно начальниц всех

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 309.

[2] Там же. С. 260.

[3] Там же.

страстей человеческих. Им явились две страсти: тщеславие и гордость — начальницы и родительницы всех страстей[1].

«Самый главный источник какой всех наших горестей? Гордость. Вот этого надо бояться... Именно эту гордость у всех воспитывают сейчас. Надменность, гордость, культ силы, культ красоты. А что же это дитя — не образ и подобие Божие? А что ж там калека-старуха сидит, дремлет на лавочке — не красавица? Не образ и подобие Божие?»[2] — так обличает эти страсти отец Зосима и обращает внимание на то, что гордыня затмевает образ Божий, по которому создан каждый человек, вне зависимости от его внешних качеств, возраста и пола. Гордый человек не видит не то что Христа в каждом человеке, он кроме себя уже мало кого замечает, начинает рассуждать о себе в третьем лице, считает себя незаменимым. Особенно нелепо выглядит такой человек из церковной среды: «Как страшны эти люди гордые, надменные. Как на них ужасно, печально смотреть. И при храме находится, а гордыня такая, надменность, плавает важно, ходит, выкаблучивается, считает себя уже незаменимым такой человек. Незаменимых у Бога никого нет. Сегодня ты, завтра на твоем месте пятеро будут, Господь будет посылать. Исправляйся в душе, постоянно чувствуй свое недостоинство, чувствуй свои недостатки, чувствуй свою гордыню. Чувствуй это все! И исправляйся, — смиренным Господь дает благодать»[3].

---

[1] *Прп. Иоанн Лествичник.* Лествица, возводящая на Небо. — М.: Издательство «Лествица», 2000. С. 298.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 67.

[3] Там же. С. 57.

Смирение, послушание и самоукорение — вот рецепт избавления от гордости. Это рекомендует и святой Иоанн Лествичник, проверяет эти средства на себе и доказывает их эффективность. Ни в коем случае не надо оправдывать себя, даже если прав: «И главное — бороться с гордыней, с этим "я". Натворим, а потом еще и невиноватыми стараемся быть. Это очень тяжелое, горделивое, страшное чувство человека. Да избавит Господь всех от этого чувства гордости»[1].

Оправдывающий себя автоматически становится обвинителем. Уязвленное самолюбие требует найти виновника своих страданий, восстановить «попранную справедливость»: «Всегда у нас закипает чувство мести, как будто бы справедливости какой. Это не справедливость, это гордыня в нас закипает. Никогда не нужно быть мстительными, всегда нужно прощать»[2].

Прощение обид, даже если действительно тебя несправедливо обвинили, — это правильный путь к избавлению от гордости, а совершенное средство от этой проказы души, как учит преподобный Иоанн Лествичник, — самоукорение, т. е. обвинение только себя во всех несовершенствах. Но лучше, конечно, не допускать изначально к своей душе, как наставляет отец Зосима, эту болезнь духовную: «Как бояться надо проказы души, в духовном понимании, особенно гордости, надменности. Ставит себя Бог весть чем, пупом земли, а сам же горошины не стоит несчастной, вот так. Вот это проказа души, бойтесь ее как огня»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 69.

[2] Там же. С. 152.

[3] Там же. С. 83.

УНЫНИЕ

«Уныние и отчаяние — это смертные грехи. Этим диавол хочет победить мир сейчас весь» — так определяет отец Зосима один из распространенных в современном человечестве порок души. Многообразны причины уныния: нечувствие душевное, маловерие, неверие в Промысл Божий, забвение о небесных благах, чрезмерные труды и скорбь и проч., но источник этого зла один — диавол, внушающий хулу на Бога, будто Он — немилосердный, жестокий, да и вообще, может, и не существует. Предостерегает отец Зосима: "Не унывайте, не отчаивайтесь в своих грехах, не рисуйте себе Бога таким жестоким. Это сатана только так Его рисует жестоким, немилосердным в нашем воображении". Враг внушает напрасность наших трудов для спасения души, никчемность жизни: «Не должно быть нытья, уныния, отчаяния о том, что мы не спасемся, что напрасна наша жизнь. Это ложь, мы лжецы и обманщики перед Богом"»[1].

Здесь можно увидеть обычную уловку беса, который представляет Бога милостивым и всепрощающим, подталкивая человека ко греху, а когда тот согрешит, тут же ввергает его в уныние, представляя Бога немилосердным судией, не прощающим грехи. Таким образом человек может дойти до отчаяния, а порой и до самоубийства: «Не унывайте никогда, в отчаяние не впадайте, этого хочет диавол — погибели: через уныние, через отчаяние и через иные испытания диавол хочет

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 203.

нас отвергнуть от света, во тьму вселить и в погибель чтобы мы пошли. Да не будет этого жуткого, страшного падения в нашей земной жизни!»[1] Убеждает батюшка Зосима не слушать вражеских внушений, но твердо верить в милосердие Божие, в то, что Господь всегда простит грех, какой бы он ни был тяжкий, только нужно не стесняясь в нем покаяться: «Святые отцы рассуждали: "Иуду погубило не предательство. Если, — святые отцы размышляли, — он пал бы после воскресения на колени перед Христом, попросил прощения — милосердие Божие беспредельно. Господь его бы, наверное, простил, видя его искреннее покаяние". Погубило его отчаяние... Мы также Иудины грехи почти повседневно творим — предаем грехами своими Учителя своего... И сразу же не покаяния вздох, а отчаяние: "Бог меня не простит! Что я натворил, натворил!" И прочее. Это уже бесовское наваждение. Это уже беснование наше. Да сохранит Господь от этого! Осознаешь чашу свою греховную — иди бегом к Господу, плачь, кайся, грызи землю за свои грехи! Господь милостив! Отчаяние ведет во ад... Какими бы мы ни были грешными — никогда в узы отчаяния не попадайте. Милосердие Божие бесконечно — всем вам повторяю. Беспредельно!»[2]

Подбадривает отец Зосима невинной шуткой своих чад: «Унылыми не будем? В ступу вас мне садить не придется с метлой в руках, а? Смотрите мне!»[3]

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 93.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Великая Среда. 1997 г.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 140.

АЛКОГОЛИЗМ

Трагедией для нашей Родины стало пристрастие к алкоголю большой части ее населения. Беда в том, что страдает не только сам пьяница, но и все окружающие его люди, как правило самые родные. Губительную силу этой страсти обличает схиархимандрит Зосима, возвышая свой пастырский голос: «Пьянство сами знаете что такое, какой это смертный, страшный грех»[1]. Смертный грех лишает человека участия в жизни вечной, затворяет перед ним врата Царства Небесного. Но вся беда в том, что несчастный не осознает своего бедственного положения, ошибочно считая, что он в любой момент может «завязать», прекратить пить: «И самое страшное что? Алкоголики никогда не сознают, что они алкоголики. "Да, я немного выпил", — да как же, на кого же ты уже похож, какое унижение! "Я не пьяница". Вот это самое страшное, когда человек не осознает своего падения, не осознает своего греха, самооправдыванием греха занимается. Это уже жутко страшно. Пьяницы, как Ирод, не наследуют Царствия Небесного, если не покаются и не исправятся»[2]. Грозные слова, но справедливые. Начало избавления от этой страсти находится в признании себя больным ею, в чувстве отвращения к своей зависимости: «Если пьяница не возненавидит водку и всю нечисть, которая с ней связана, — никогда не победит этого греха»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 309.

[2] Там же. С. 310.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Великий Четверток. Проповедь перед литургией. 1997 г.

Отмечает отец Зосима и проблему женского алкоголизма: «Печально, что и женщины сейчас хуже мужчин даже пьют и курят»[1].

Священное Писание предупреждает нас об опасности пьянства, ведь оно влечет за собой и другие грехи. У пьяного человека резко опускается планка нравственности: «*Не упивайтесь вином,* — апостол Павел строго предупреждает, — ибо в нем есть блуд (см.: Еф 5, 18), притом гадкий, извращенный, мерзкий. Когда человек из образа Божия и подобия превращается в диавольский, сатанинский образ — алкоголика, пьяницу»[2].

Как тяжело переносить одержимость алкоголем своих родных, особенно детей. Многие матери проливают реки слез в молитвах об избавлении от пьянства своих любимых сыновей и дочерей. Отец Зосима рассказывает случай из своей пастырской практики:

«Приходят ко мне:

— Пьяница сын.

— А что ж, я ему ума вставлю?.. Пусть молится, и ты молись, и Господь исцелит.

— Он не будет молиться.

— А что ж ты не научила, чтоб он молился?

— А я сама не умела...

Но теперь и пожинаем плоды страданий своей жизни. Думайте об этом, не желайте себе зла и не будьте врагами самим себе в жизни нашей»[3].

Как правильно сказал апостол Павел, что грех не в самом вине, а в чрезмерном его употреблении. Ведь даже монастырский устав предполагает

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 310.

[2] Там же. С. 309–310.

[3] Там же. С. 225–226.

в праздничные дни за трапезой употреблять мерой вино. Всему украшением является мера. Не зря тот же апостол рекомендует своему духовному чаду и сподвижнику апостолу Тимофею: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов»[1]. И батюшка Зосима говорил, что стопочку вина никто не запретит выпить — «чистого, вкусного, сладенького, доброго. Для поддержания тонуса своего, для умиротворения нервной системы, для лучшего сваривания кастрюльки нашей, пузика нашего... И старцы в монастырях-то по сто грамм выдавали винца к обеду всегда... вино чистое, доброе, виноградное, но рюмочку только, "по единой", как в монастыре было сказано всегда»[2] Портить вино водой, чтобы вино не испортило меня, — разумный принцип, которым пользовались древние отцы. Так же советует поступать и отец Зосима: «Вино всегда не пили чистым, а разбавляли водой, почему и пьяниц тогда не было. Чистое вино — хмель бьет в голову, пьяницей становишься и попадаешь в зависимость от него, пить вновь хочется. А когда водой разбавляешь наполовину, вот тогда вино утоляет жажду, уходит хмель и полезно бывает и для желудка, вот так... чистое вино никогда не хлебайте, оно очень нехорошее. В голову бьет, в желудке тяжело, и что? Дураком становишься»[3].

Но все-таки как идеал батюшка Зосима видит полное воздержание от спиртного: «И по сто грамм винца сегодня можно будет во славу Божию ради

[1] 1 Тим 5, 23.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 310.

[3] Там же. С. 152.

праздника... Но лучше не пить. Сухой закон — добрый, хороший закон во славу Божию»[1].

ПРИСТРАСТИЕ К ТАБАКОКУРЕНИЮ

Из писем-ответов святителя Феофана Затворника видно, что в его время уже существовала проблема курения табака и многие, испытывая пристрастие к нему, просили совета у мудрого духовника, как относиться к данной проблеме[2]. Отвечая на подобные вопросы, святитель-затворник определяет курение как пустое дело, но не вполне греховное. Такое отношение его вполне можно понять, ведь масштабы табакокурения были несоразмерно меньшими с нынешней табачной индустрией. Употребление табака хоть и было распространено, но его нынешние объемы превышают всякую разумную норму. Находясь на улицах крупного города, редко вдохнешь воздух без примеси табачного дыма. Дымит все: окна домов, ресторанов, проезжающих мимо автомобилей, остановки общественного транспорта и проч. Молодые и пожилые люди, мужчины и женщины, сидя и на ходу выпускают облака ядовитого дыма, а вместе с ним вместе и капли драгоценного здоровья — своего и окружающих. Нередко пристрастие к курению подрывает и семейный бюджет.

Видя все эти проблемы, отец Зосима решительно обличает курильщиков: «Диавольское зелье табака этого сатанинского употребляют, отравляя себя,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповедь на Вознесение Господне. 1997 г.

[2] *Свт. Феофан Затворник.* Письма. Вып. 2. П. 369. С. 240.

и семью, и детей своих. Это смертный грех, тяжкий»[1]. Батюшка запрещает своим духовным чадам употреблять табак, указывая подверженным табачной зависимости на их слабоволие и нежелание победить эту злую привычку: «Курильщиков чтоб ни одного в храме не было. Курильщиков отлучаю от причащения, от храма Божия, как самоубийц, это страшный, смертный грех, наркомания та же самая — курение. Нечего оправдывать себя: "Не могу бросить" и прочее — ложь перед Богом это все! И близко даже чтоб вони табачной не было в храмах Божиих! Не можешь бросить, не хочешь бросить — не имеешь права переступать порог храма»[2].

Так вот строго относился отец Зосима к этому пристрастию, не допуская курильщиков к причастию Святых Христовых Таин: «Отлучаем кого? Курильщиков. Это Иудин грех — курить табак. Даже и близко не подходи. Под проклятием такой человек, пока не освободится от этого греха. Ложь, что человек не может бросить курить. Бабы тут есть, которые курят? Ну, хоть одна, скажи? Есть же, знаю. Вот какой Иудин грех. Прекратите этот грех. До Чаши не допускаю, отлучаю»[3].

Наверное, такая строгость действительно была связана с уверенностью батюшки, что единственно возможный способ бросить курить — это решительно раз и навсегда отказаться от табака перед страхом быть отлученным от причастия. А покаявшихся и оставивших вредную привычку батюшка

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 310.

[2] Там же. С. 48.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Великий Четверток. Проповедь перед литургией. 1997 г.

приглашал: «Брось нечисть — тогда приходи к Богу, светлым ликом и светлою душою»[1].

БОЛЕЗНИ

Нравственную оценку получает в проповедях отца Зосимы и проблема болезни телесной. Не в теории, но в жизни своей познал он этот вопрос, потому что болел с самого детства. Как говорила его лечащий врач, ни одной здоровой системы организма не было у бедного страдальца. Но несмотря на муки, приносимые болезнями, отец Зосима никогда не отказывался от участия в богослужении и от приема паломников, если был в состоянии хотя бы сидеть. Из своего опыта он и выносил поучения возлюбленной пастве: «Болезнью Бог смиряет гордыню, по себе знаю и опытно всем рассказываю. Когда болеешь, все плотское отступает от тебя, уже только охаешь и думаешь: "Какой грешник я. А как за грехи свои нужно отвечать перед Богом". Тут сразу и про смерть, и про гроб вспомнишь... И за болезни должны быть благодарны Господу всегда. Господь нас очищает через болезни»[2]. Познав очистительное для души свойство болезни, батюшка не просил избавления от нее, но терпения.

Необходимо обязательно найти связь между своим грехом и последовавшей за ним болезнью как вразумительным и научающим действием благодати Божией. Как говорит Священное Писание: *Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому*

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 48.

[2] Там же. С. 89–90.

наказания Вседержителева не отвергай, ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют[1]. Отец Зосима призывает в болезни задуматься об этом, окинуть критическим оком свою прежнюю жизнь, выявить грех и осудить его в себе: «Ведь любая болезнь — это наказание, вразумление за грех. И нужно подумать в корне сразу, на жизнь свою посмотреть: что я плохого сделал, что Бог меня так испытал, наказал, вразумляет меня? Покаяться в грехе»[2].

Именно искупительное, очищающее действие болезни нужно принять и в первую очередь прибегнуть к покаянию: «Тяжкими болезнями, и раками, и всем прочим, и тяжкими скорбями, и язвами будем искуплять свои грехи. И никакие медики нам, ни лекарства, ничего не поможет, только лишь: "Боже, дай терпения; как мы грешили, так дай, Боже, нам и искупить свои грехи"»[3].

Нужно уметь услышать в скорби телесной призыв Божий: «Идите к Богу! Бог испытует, Бог дает милость вам всем, зовет вас к Себе всех: «Приидите ко Мне, все труждающиися и обремененнии, и Я упокою вас». Никакие ни лекари, ни аптекари, никто вас не упокоит. Бог упокоит. Храм Божий упокоит»[4].

Сколько чудес творила покаянная молитва, она и сама по себе есть чудо — обращение грешника к Богу с просьбой простить ошибки, очистить от грязи греховной с желанием изменить жизнь на чистую, христианскую. Отец Зосима говорит: «Иди, стань на колени, помолись у распятия, да

[1] Иов 5, 17–18.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 64–65.

[3] Там же. С. 304.

[4] Там же.

поплачь, да покайся за горемычную жизнь, и Бог тебе Сам все откроет. Ты познаешь свое недостоинство, ты познаешь свои грехи, ты поймешь, за что ты так страдаешь. Бог Сам откроет у Креста Господня». А искреннее покаяние обязательно принесет свои плоды: «Вот когда ты покаешься, когда ты осознаешь грехи, исправишься, здороветь душа будет, тогда, конечно, и тело будет здороветь. И врачи тогда помогут»[1].

О ТЕЛЕВИДЕНИИ

О пагубном влиянии современного телевидения написаны многие статьи, произнесены многие проповеди. Не могла остаться в стороне от внимания заботливого пастыря эта проблема, присутствующая практически в каждой семье, в каждом доме: «Сколько исповедей, грешный аз, уже прошел, посмотрел, переслушал всего, и то ужасаюсь и удивляюсь: какая мерзость этот телевизор! Это разврат, это мерзость ужаснейшая века сего. Этот блуд, эти противоестественные грехи содомские. "Откуда, детки, знаете?" — "Все в телевизоре смотрим"»[2].

Телевизор обрел над человечеством мистическую власть. Это можно объяснить только особой активностью демонических сил, вовлекающих телезрителей в пассивное поглощение потока греха и разврата. Конечно, проводящий несколько часов в день у «голубого экрана» человек безвольно принимает происходящее на нем, пропитывается духом

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 65.

[2] Там же. С. 53–54.

греховности, а значит отлучает себя от благодати Божией. Об этом так говорит отец Зосима: «И теперь я глубоко понимаю пророческие слова покойной матери. "Проклят этот ящик, от него погибнет все поколение человеческое". И эти все, кто смотрят, будут под Божиим проклятием»[1].

Кроме того, что смотрение телевизора отлучает нас от Бога, оно разобщает и близких людей, вроде бы и находящихся в одном помещении, но своим сознанием ушедших глубоко в содержание телепередачи или транслируемого фильма: «Сядут у того бесовского ящика и смотрят. Не пообщаются, не поговорят между собой, не почитают ничего. Дьявола того, что вдалбливает свою ложь в голову, слушаем, блымаем[2] глазами, верим да мерзости смотрим»[3].

Своих духовных чад схиархимандрит Зосима наставляет так: «Телевизоры сатанинские — и близко чтоб не было, но не делайте зла из-за них, не упрекайте членов вашей семьи: вы нечестивцы, вы такие-сякие. Они еще не пришли к Богу, а ты покажи пример. Тот диавольский ящик гремит там, а ты плюнь на него, мимо проходи и не смотри на него... Диавол больше всего боится, не любит, когда на него плюют, запомните. Проходишь мимо этого телевизора, там смотрят все твои, сидят домашние, а ты тихонько плюнь на него, и пошла дальше себе»[4].

Понятно, что зло кроется не в самом аппарате или технологии телевидения, но в содержании транслируемого материала. Отец Зосима в беседе на рождественских Святках 13 января 2002 г. говорит:

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур)* Слово о Святой Руси. С. 54.

[2] Моргаем (*укр.*).

[3] Там же. С. 211–212.

[4] Там же. С. 129–130.

«К добру вряд ли будете стремиться, а к греху всегда стремитесь. Тот же ножик: можно хлеб резать, а можно человека убить. Тот же телевизор: можно и в медицине употреблять, и на железной дороге, и на заводах кругом, и новости все правдивые знать. А вместе с тем и во зло сколько можно использовать, мерзость эту смотреть: эта порнуха, этот разврат — это мерзость, Господи! Рекламы эти сатанинские, бесовские... Все можно и во благо, и во зло использовать. Дай Бог, чтобы все во благо».

Сейчас существует несколько православных каналов, как на эфирном, так и на спутниковом, и кабельном телевидении, региональные и всероссийские. Вот создателям одного из таких каналов советовал батюшка в той же беседе:

«Ваш долг — искуплять грехи те, что творит человечество. Во славу Божию послужить добру светлыми передачами. Чисто религиозную не нужно передачу делать, потому что она может оттолкнуть еще людей, а именно светскую с духовным православным добрым уклоном. Чтоб могли посмотреть всегда с любовью эту передачу и верующие, и неверующие и могли получить доброе семя наставления, вразумления».

ИНН

В свое время духовной оценки потребовало такое явление, как присвоение гражданам идентификационного номера для удобства налогового учета. Об ИНН сразу же разнеслось ложное мнение, будто это — то самое апокалиптическое «число зверя», «печать антихриста», которая будет налагаться всем

людям и без которой невозможно будет участвовать в товарно-денежных отношениях — ни покупать, ни продавать. Вопрос встал настолько остро, что пришлось создавать специальную богословскую комиссию РПЦ по проблеме ИНН. Пастырям же по местам приходилось умирять разбушевавшиеся апокалиптические настроения прихожан. Не остался в стороне и отец Зосима, объясняя реальное положение дел: «Сейчас, родные мои... идет колотня у нас в Церкви внутренняя, междоусобица. С этими пресловутыми кодами, с этими ИНН какой-то там, что-то там, в России. У нас коды, а там ИНН какие-то придумали, ну, в общем, одно и то же — налоговый номер присваивают всем... Мера государственного учета такая. Как прицепили сюда церковные дела? Это уже я не понимаю. Как уцепились эти монахи, как злые собаки, в эти номера: "Это уже диавольская печать, это антихристова печать!"»[1]

Батюшка точно указывает на признак «печати антихриста» — это обязательное отречение от Господа Иисуса Христа и признание богом антихриста. А пока не стоит данная дилемма, то и паниковать нет причин: «Не осуждаю тех, кто берет, не осуждаю, кто не берет. Так что это дело личное каждого, погрешительного в этом, смертного ничего нет в этом номере, да и все. Вот когда от Бога будут заставлять отрекаться нас всех, вот тогда уж всякий подумай, Господи!.. тогда не отступить от Бога»[2].

Панике же поддались многие верующие, целые монастыри и даже епархии, началось распространение листовок и брошюр, призывающих ни в коем случае не брать ИНН под страхом вечной погибели.

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 106.

[2] Там же. С. 122

Не могло смириться с подобным безрассудством сердце мудрого и рассудительного духовника: «Я эти все бумажки про ИНН рву и в туалет бросаю... Не читаю ничего, потому что знаю, что это басни века сего»[1].

На такую радикальную реакцию, возможно, и был расчет сил, враждебных Церкви и ее единству. Об этом так говорил отец Зосима: «Это ж борьба с Церковью идет — еретиков этих, сектантов, раскольников, и все через глупые какие-то номера. От номеров нам будет спасение или погибель? Никогда не будет от этого погибели, глупость все это»[2].

Он говорил, что сейчас есть проблемы в Русской Церкви намного большей важности и актуальности, чем вопрос об ИНН. Это — и раскол на Украине, и миллионы совершаемых в год абортов, и прочее. Есть о чем задуматься и священноначалию, и простым прихожанам. Тем более не пристало монахам оставлять молитву и заботу о спасении своей души и бросаться в полемику с властями по этому вопросу, а людей убеждать отрекаться от налогового номера, не предлагая адекватного выхода: «В Оптиной колотятся с этими кодами, не молятся Богу, о спасении души не думают, о мытаревом покаянии, а Бог знает о чем думают, о глупостях. И, главное, народ колотят — не берите. А что дальше делать, никто не говорит, а что кушать, а как детей учить, а как образование получить, а как жить, а как за квартиру платить? "А это мы не знаем". Так что ж вы за вожди такие глухие, бестолковые?»[3]

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 107.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 109.

В вышеуказанных листовках зачастую спекулировали именами почитаемых старцев: архимандрита Кирилла (Павлова), протоиерея Николая (Гурьянова), архимандрита Иоанна (Крестьянкина), на что отец Зосима отвечал: «Я удивляюсь, когда стали говорить: "Отец Иоанн против этих кодов". Не может старец пойти против Святейшего Патриарха, когда он за Святейшего Патриарха как заступался!» И действительно, мнение старцев всегда подчинялось соборному разуму Церкви. В данном случае Синодальная богословская комиссия определила безвредность идентификационного номера налогоплательщика, распространила соответствующее заключение проведенного исследования. И этому заключению подчинились все здравомыслящие пастыри, так же научая и свою паству: «Я слушаюсь всегда голоса Церкви. Скажет завтра Святейший Патриарх коды не принимать — все, я умру, не буду принимать. Вот и сейчас, сказали, что греховного ничего нет, слушаться только Церкви нужно — в ней спасение»[1].

СУЕВЕРИЕ

Сколько ни борется наша Церковь с суевериями, бытующими в обществе, они никуда не исчезают и даже преумножаются, захватывая новые сферы деятельности человека. Кроме легкой добычи счастья и избегания неприятностей с помощью нехитрых ритуалов, суеверный человек начинает страдать серьезными духовными болезнями:

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 121–122.

подозрительностью, мнительностью, осуждением и т. п. Где отсутствует правильная духовная жизнь, там возникает лжедуховность, построенная на фундаменте собственного мнения под чутким внушением демонических сил. Жизнь суеверного человека безрадостна, его глаз темен, ищет виновника своих несчастий. И находит их в совершенно неповинных людях, как правило, в самых близких: в соседях, в свекрови или невестке, в других родственниках, которые будто «наводят порчу». Так говорил об этой проблеме отец Зосима: «И еще раз всех умоляю: убирайте из своей жизни эти суеверия, эти терния, которые нам мешают на пути спасения. Эти терния лишают нас радости, эти колдовки-бабки, шептуны, лженаставники все эти, лжепопы нынешнего века, лекари-аптекари — они мешают»[1].

Подозрительность принимает гипертрофированные формы, поражая душу суеверную. Любое слово, прикосновение и даже взгляд истолковываются как колдовство: «Дотронься до кого-нибудь, не так посмотри, не так скажи — уже все. Уже поробили, уже заболела, уже рука болит, нога болит, не могу. Значит, такова Божия воля, а не порча какая-то. Это бросьте, выбрасывайте эти колдовские басни все, сатанинские басни из своей головы, они только ведут нас в погибель, во ад ведут»[2].

Губит душу, конечно, греховная предрасположенность, которую можно назвать порчей греховной, личный грех, нежелание каяться, исправляться. Одержимость демоническая вполне может быть следствием нерадивой духовной жизни, но винить в этом никого, кроме самого себя, не приходится.

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 246.

[2] Там же. С. 245.

В таком случае поражается воля и разум одержимого: «Кроме порчи греховной, никакой больше ни у кого порчи нет. "Ой, у меня в животе что-то лазит". Бес залазит в мозги да в сердце — вот куда бес залазит, а не в кишках лазит»[1].

И еще батюшка просит избавляться от яда подозрительности, губительного, в первую очередь, для того, кто подозревает и осуждает: «Долой их из своей жизни, из своего быта, не нужно этого мрака подозрительности!»[2]

Распространены также и в среде верующих околоцерковные суеверия, как правило основанные на ложном мнении, что благодать Божия может изменить человека к лучшему без участия его воли. На эту ошибку указывает отец Зосима в проповеди: «Еще суеверие: мужик не хочет, ничего не признает, — а она ему воду подливает в борщ, в суп, толкет эту просфорку, куда-то сует ему. Не мечите бисера свиньям под ноги — они его потопчут»[3].

ЭКСТРАСЕНСЫ

Церковь никогда не отрицала существование колдунов, а наоборот во все времена предупреждала об опасности магии как для самого участника магического эксперимента, так и для тех, кто обращается к нему за помощью. В чем опасность? В том, что, вторгаясь в духовную область, человек неизбежно вступает в общение с падшими духами, как

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 245–246.

[2] Там же. С. 246.

[3] Там же. С. 267.

их называет апостол: «начальства, власти, миоправители тьмы века сего, духи злобы поднебесные»[1]. Давая колдуну иллюзию власти, иллюзию управления стихиями и энергиями, демоны сами обретают власть над личностью, воспользовавшейся их услугами. Не важно, как называется такой человек: волхвователь, колдун, маг, гадатель и т. п. В наше же время их, как правило, называют народными целителями, ясновидцами и экстрасенсами. Отец Зосима, как чуткий страж дома Господня, видит опасность и объявляет тревогу: «Берегитесь нашего лукавого времени, этих экстрасенсов разных, этих слуг сатаны, это дьявольские школы»[2].

Все мы помним конец восьмидесятых годов, когда прямо с экрана телевизора транслировались так называемые «сеансы» экстрасенсов А. Кашпировского и А. Чумака и почти весь Советский Союз как зачарованный усаживался у экрана, желая получить чудодейственное «исцеление». «И сколько мы идем, доверчивые. Беда случилась — не идем ко храму Божиему, а идем скорей — там баба шепчет, баба там водит. Дед какой-то там что-то достает, неизвестно что»[3].

Не в покаянии и Божией милости ищет человек избавления от недуга, не видит причины постигшего несчастья в своей гордыне и греховности, а ищет легкого способа исцеления любой ценой у экстрасенса: «Помните: кто занимается колдовством, экстрасенсы эти все, магистры, кто заговаривает, шептуны и все прочие, кто на воске выливает, кто на ладонях гадает, — Господи, их же несть числа,

---

[1] Еф 6, 12.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 65.

[3] Там же. С. 64.

нечисти этой, — они все под проклятием Божиим находятся, под анафему подпадают. И кто обращается к ним, — если не покаетесь, беда будет тяжкая»[1].

Но зачастую неискушенному человеку трудно отличить, где Божье, а где вражье, ведь многие современные колдуны прикрываются церковным антуражем, используют церковные атрибуты, чем еще больше накликают на себя гнев Божий: «Сколько зла! Люди отвергли полностью Бога и прикрываются: иконы понавешали, как эта Джуна-сатанистка и все нечисти, и лампадки позажигали — как ширма, для привлечения нас, маловерных»[2].

Народ привык к традиционному виду православного пастыря: с бородой и усами, с длинными волосами. Не гнушаются новоявленные маги и этим, чтобы привлечь доверчивую публику: «Один ко мне мариупольский приезжал. Страшно на него смотреть было, это колдун какой-то, целитель. Сзади косичка. Говорю: "А зачем это ты бороду отрастил, косичку сзади? Ты что, священник?" — "А ко мне больше так люди идут, больше расположены". Ага, вот как, еще тебе крест осталось надеть священнический, еще больше тогда будет доверчивого народа идти. Так что берегитесь этой нечисти, все это сатанинское. Не участвуйте в делах тьмы»[3].

Прямо и решительно отец Зосима называет экстрасенсов разного рода служителями диавола, который не может на самом деле дать здоровье, но лишь иллюзию взамен на душу несчастных обольщенных: «В блуде живем, в извращениях, в разврате, в гордыне, в мерзости. И он берется лечить людей... Он

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 69.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 72.

калечит людей! Недаром им гадкое слово присвоили сейчас — экстрасенсы какие-то, а по-старому — колдуны. Да и все это одно и то же, одна платформа — школы эти сатанинские, это все слуги сатаны»[1].

Не на словах, а на практике познал батюшка Зосима ложь экстрасенсорики: «Сколько я их так уже испытал опытно. Допускаю, ну ладно, посмотреть, чем же они обладают... Одна дура пришла, надо мной тоже давай каким-то шариком водить. Водила, водила что-то надо мной, а я молюсь тоже, что ж будет. "Ой, сколько у тебя тут нехорошего!" — "А я, — говорю, — не знаю, у кого, в тебе или во мне нехорошего; иди отсюда, да и все, своей дорогой и не вреди больше людям"»[2].

Как ни прискорбно это признавать, но среди духовенства тоже встречались отцу Зосиме падшие люди, прибегающие к помощи магии: «Один поп нашего времени, сейчас он чокнулся уже, в соседнем селе, в Петровском, запрещенный владыкой в служении и вообще поклонившийся бесу, сатане, тоже начал лечить... Как стал надо мной водить руками и что-то бормотать — ну шаман настоящий, колдун. Боже мой милостивый, когда смотрю, да дело не к лечению идет, — давай скорей "Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его" читать. "Помогает, — говорю, — не знаю, что твоя молитва, но мне моя молитва помогает. Изгинь, нечисть, отсюда"»[3].

Опасные последствия — безверие, отчаяние, самоубийство — вот результат работы демонических сил, воздействующих через экстрасенса. Об этом отец Зосима предупреждает свою паству: «И вначале

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 62.

[2] Там же. С. 62–63.

[3] Там же. С. 63.

бес так делает: вроде посветлело, полегчало... Потом у самого пустота, крах полный идет. Бес создает иллюзию, как мыльный пузырь... Лопнул пузырь — потеря и пустота идет. И от этих лекарей, от этих школ всех идет пустота, а главное — опустошенные человеческие души идут. Погибель тогда, уныние, отчаяние, самоубийства идут от этих всех школ»[1].

РАСКОЛЫ И СЕКТЫ

Незаживающей раной на теле Русской Православной Церкви является филаретовский раскол на Украине. Одним из первых, кто начал активную борьбу с ним обличающим словом проповедника, был схиархимандрит Зосима. Он верно указывает на причину произошедшего: «Раскол на Украине — это вражда против Русской Церкви. Этот же сатанист Филарет не достиг, Матерь Божия его отвергла быть патриархом. «Не буду там, буду в Киеве». И стал лжепатриархом. Раскол учинил в Украине»[2]. Гордыня — причина отпадения порабощенных ею во все времена. Батюшка проводит аналогию в исторической перспективе с отпадением Римской Церкви от Вселенской: «Раскол великий, страшный. Гордыня Филарета, который возгордился и во сне видел себя уже патриархом. Как некогда папа Римский возомнил себя главой Вселенской Церкви и был при нем в Риме раскол. И Церковь вынуждена осуждать это все, дабы спасти стадо свое от лжеучителей и волков в овечьих шкурах... чтобы понимали люди, кого

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 126.

[2] Там же.

отсекают, Церковь пела анафему, проклятие, то есть отлучение»[1].

В таком состоянии расколоучителям трудно прийти к покаянию. История Церкви не помнит таких прецедентов. Лживость раскола в том, что при внешней похожести на каноническую Церковь учение раскольников исполнено клеветы на нее. Нарушая каноны Церкви, расколоучители этими же канонами и прикрываются, выступая в роли защитников ущемленной «справедливости», попранных «законных» прав народа. Этот-то обманутый народ и является основной жертвой раскольников. Об этом скорбит неспокойное сердце отца Зосимы: «И эти лживые вожди ихние, они уже не покаются, эти филареты и вся эта нечисть лживая, жалко народ обманутый. Вот о народе этом обманутом, увлеченном в секты, в расколы, — вот о чем мы должны скорбеть, молиться: "Обрати, Господи, наш простой трудовой русский народ заблудший к вере православной, чтобы люди поняли заблуждение и пришли в единство веры Святой Соборной и Апостольской Церкви"»[2].

«Смотрите, на ложь эту духовную не идите, на эти расколы не идите, спасение — только в Русской Православной Церкви!»[3] — так предостерегает батюшка Зосима верующих Украины.

Разделившись на независимые государства, бывшие союзные республики утратили не только большинство политических и экономических связей, но порой и духовное единство единоверных православных христиан оказалось под угрозой разрыва.

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя торжества Православия. 28 марта 1999 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 30.

[3] Там же. С. 170.

Используя политическое разделение, противники единства славян увидели последнюю удерживающую силу в Православии: «Сейчас все... на удельные княжества нас разорили. И самое главное, что духовность хотят разорить, Церковь разорить хотят»[1]. И в конце прошлого века и сейчас наибольшим авторитетом и доверием населения новообразованных независимых государств пользуется Православная Церковь, что вызывает беспокойство западных политологов: «Масоны похваляются, бывший госсекретарь Америки Киссинджер говорит, что "мы одержали великую победу — разбили Русское государство; еще злейший враг остался целый — это Православная Церковь. Разбить ее, расколоть, автокефалии, "незалежности" посеять — вот тогда-то мы полную победу одолеем над Православием"»[2].

Если рассмотреть историю Российского государства, то нетрудно увидеть постоянный настойчивый интерес к нему Запада. Это проявлялось как в военной агрессии, так и в духовной экспансии католических «миссионеров», огнем и мечом обращающих в свою веру православных «схизматиков». Отец Зосима говорит о неприемлемости их веры и их методов «проповеди»: «Не Запад нас спасет, униатство, грекокатолики эти — служители папы. Сколько этими католиками замучено православных, сколько на Горе Афон пострадало, сколько в Украине они издевались!.. сколько на колы сажали, на кострах сжигали, сколько казачества истребляли эти католики и паны эти польские, служители папские, — они у нас истребляли веру православную»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 126.

[2] Там же. С. 188.

[3] Там же. С. 232.

Афонские монахи — стойкие воины Христовы шли на муки и смерть, но не предавали Православие: «Сколько злобные католики и униаты нападали на Гору Афон! Разоряли монастыри. Как папе этому несчастному хотелось, чтобы Афон был католическим. Как умирали иноки. Сколько преподобномучеников, латинянами-католиками умученных, мы поминали вчера на литии. Как мусульмане сжигали монастыри, грабили. Но Афон Гора жила и живет до сего дня»[1].

«Сейчас другой путь избрал диавол, более коварный, более хитрый: вот вам церкви, свобода, — молитесь. Регистрируем, помогаем восстанавливать, все делаем, но только будьте нашими: расколитесь, отколитесь от единой Церкви, от древа жизни отойдите. Как ветку, отрезанную от дерева, она не годна никуда — засыхает и ее во огонь вметают, а дерево живет. Точно так и нас хотят отделить от Матери-Церкви, беззащитными соделать и полностью поработить святую веру православную римским католическим Западом. Вот какова цель»[2].

Еще преподобный Феодосий Киево-Печерский в своем послании князю Изяславу предостерегал его, чтобы тот уклонялся от веры латинской, потому что тот, кто чужую веру хвалит, то становится свою веру хулящим. Это послание всегда можно было прочитать у входа в крестильню, где обычно принимал паломников отец Зосима. В духе этого послания он наставлял своих чад: «Где, не дай Бог, услышите, как поминают папу Римского униаты или поминают этого Филарета Киевского, — и ноги там вашей чтоб не было. Выйти и прах от ног отрясти

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 227.

[2] Там же. С. 189.

нужно от этой нечисти. Внимательным нужно быть, дни лукавы суть»[1].

Расколоучитель Филарет (Михаил Денисенко) утверждает, что Украине нужна своя национальная Церковь. Но он забывает, что Украина — многонациональная страна, а границы Поместной Церкви не всегда совпадают с границами государства. Ставка на национальность — ошибочна, и это подтверждает история. Вспомним, к примеру, падение Византии, где обессиленная страстями греческая элита не смогла сохранить ни свою государственность, ни православную веру, вступив в унию с католиками, была завоевана турками. Подобная опасность таится и в национализации Церкви на Украине. Лишь только Украинская Церковь получит независимость, как сразу же начнется ее сползание в унию с католиками, что навсегда может разделить народ Украины от заповеданного Христом единства: *да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино*[2]. Об этом единстве Церкви отец Зосима говорил: «И многие отойдут от истинной Церкви, многие уклонятся в ересь, в секты. Не поймут этого учения евангельского о единстве Церкви, как и многие ученики Христовы не поняли слов Господа о грядущих страданиях и, как замечает Иоанн Богослов, "отошли от Него совсем и больше не ходили вместе со Христом"»[3].

Вспоминая историю Русской Церкви в XX веке, отец Зосима отмечает подвиг новомучеников,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 239.

[2] Ин 17, 21–22.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 190.

не уклонившихся в обновленчество, отвергших предложения занять у живоцерковников высокие чины и священные саны: «Смотрите, времена лукавые сейчас. Бес расколами Церковь благодати лишает... Какие эти искусственные расколы, обновленчество и все прочее в Церкви были. И как мудро священномученики наши стояли за Церковь, за благодатность Церкви, как они умирали за нее! Но не допускали никаких расколов, никакого политиканства, никаких разделов Церкви. Так и в наше смутное время эта филаретовщина сатанинская, эти все нечисти. Твердо, мудро смотреть, не впасть в искушение! Вот самое главное — не отойти от благодати Духа Святаго, не потерять ее, но пребывать с благодатию Духа Святаго»[1].

Как и в двадцатые годы XX века, так и в нынешнее время верующая, но не глубоко воцерковленная часть народа Украины находится в растерянности. Внешне никак не отличить канонического православного священника от раскольника и униата, храмы тоже ничем не отличаются по своему устройству и убранству: «Приходит время, не в каждый храм пойдешь Богу помолиться, особенно в незнакомом городе, особенно в Западной Украине, когда бываешь: "А какой же там храм-то у вас, кто ж там служит у вас? Не эти самые ли раскольники?" Не нужно туда ходить, лучше дома открыть молитвослов да Псалтирь да помолиться, чем к еретикам и раскольникам идти оскверняться»[2].

Как каждый верующий человек, отец Зосима не может не переживать за отпадших чад Церкви. И все его обличения и нелицеприятные эпитеты,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 179–180.

[2] Там же. С. 239.

направленные в сторону раскольников, связаны с глубокой сердечной тревогой об их вечной участи и участи обманутых ими последователей раскола. Но, как правило, у таких людей уже сожжена совесть, они убедили себя в том, что, преследуя высшую цель, можно пойти на преступление: «Эти раскольники: все они видят, все они знают. Тот же Филарет — сатанист. Думаете, он не знает, что он не прав? Знает он великолепно, но окаменело сердце его. Ничего не хочет понимать, хоть временами и стучит в нем совесть, мучит совесть временами его»[1].

Конечно, «священнодействуя», раскольники осознают безблагодатность своих действий, но тем не менее продолжают кощунствовать, тяжко согрешая: «Тяжкие такие грехи, когда уходят люди по безумию своему в секту, в раскол, изменяют вере Христовой православной, творят насмешку над верой Христовой православной, над истиной»[2].

Каноническая Церковь, желая очистить свое святое имя от подобного оскорбления, раз в год в Первую седмицу Великого поста провозглашает анафематствования всем ересям и расколам. Чин анафемы призван определить, что Святая Православная Церковь не имеет ничего общего с уклонившимися в эти духовные болезни. Батюшка Зосима неизменно совершал этот чин в своей обители: «В воскресенье литургия святителя Василия Великого — Торжество Православия, петь будем проклятие, анафему всем еретикам, в этот день поется и Филарету, и всей этой нечисти»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Отдание Пасхи. 1997 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 302.

[3] Там же. С. 140.

По благословению отца Зосимы на западной стене монастырского Васильевского храма на фреске Страшного Суда среди пылающих в аду грешников был изображен бывший митрополит Киевский и всея Украины, а ныне расколоначальник Филарет. Это было сделано неспроста. «Однажды в лавру, — вспоминал батюшка, — нагрянули "кагэбэшники" с архимандритом Филаретом (Денисенко) и сразу набросились на монахов: "Так, лавра закрывается на ремонт, ожидайте помещение. Быстренько, вас переселяют в Почаев"».

Старцы плачут, знают, что никакого ремонта, никакого там Почаева им не будет.

— Быстренько, а то в тюрьму посадим.

И Филарет от "кагэбэшников" не отстает:

— Отцы, отцы, освобождайте помещение, завтра начинаем капитальный ремонт лавры. Закончится ремонт, тогда всех вас возвратят.

— Мы никогда сюда больше не возвратимся...

А мой старец смелый такой был, подходит к Филарету и говорит:

— Помни, ты за нечестие свое отступишь от Бога и будешь врагом Церкви, придет время — ты предателем Церкви будешь. И помни: за твое нечестие, что лавру закрыл, тебе Бог не даст нормальной смерти — умрешь ты, как Иуда-предатель...»[1]

Когда Филарет приехал в Донецк, отец Зосима так размышлял, что необходимо предпринять в связи с этим: «Филарет — Денисенко Михаил Антонович. Он в аду уже нарисованный, а он еще, безумный старик этот, шляется. На Донбасс приедет сюда нам мутить воду. Ну что мы сделаем? Тухлыми яйцами? Они сейчас не тухнут, некогда им тухнуть, мы

[1] Любовь превыше всего. — Православный благовестник. 2004. С. 18–20.

не успеваем их лопать, жалко. Землей забросать? Пожалуйста, мать-земля и так его не примет уже, предателя. Молиться будем, литургию служить об избавлении от супостата и врага Церкви Божией. Вот самое главное — молитва»[1].

«На вот этого Филю пусть посмотрят, на бесноватого фюрера этого. Ой, к нему ходить нельзя, ни в коем случае!»[2] — в очередной раз предупреждает батюшка.

«Жаль, что меня там не было, бороду оторвал бы бесу этому точно я бы, и рука б не дрогнула, Филарету, сатанисту этому»[3]. И в эти слова нетрудно поверить, учитывая горячую казачью кровь отца, которая текла в жилах батюшки Зосимы, как он сам об этом рассказывал.

Уподобляясь Пастыреначальнику Христу, добрый пастырь — батюшка Зосима — убеждал свое малое стадо не отчаиваться, видя отпадение от Церкви многих, чуждых христианскому духу людей: «Удивляться нечему, что отпадают от Церкви. Гордые, лживые, надменные люди не могут быть в Церкви, они отпадут обязательно. Хоть они и были нашими, но отойдут от Церкви и будут врагами ее. Сколько еще людей отойдет от Церкви и как будет очень мало спасаемых! Особенно когда постигнет этот раскол автокефальный, очень много соблазнов будет тогда в Церкви, очень духовенства много отойдет от истинной веры православной, и верующих много отойдет. Очень будет много званых, но очень будет мало избранных»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 161.

[2] Там же. С. 169.

[3] Там же. С. 215.

[4] Там же. С. 192.

Несмотря на то, что филаретовский раскол жив и вполне успешно распространяется не только на территории Украины, но среди диаспор, понемногу начала рассеиваться мгла неведения и безразличия. Становятся видны злые плоды деятельности раскольников. Так случилось в Киеве с чиновниками — участниками «освящения» филаретовцами памятника святой равноапостольной княгине Ольге. Вскоре после этого события многих из них постигли несчастья: кто-то умер скоропостижно, кто-то заболел тяжело, кто-то лишился должности и т. п. Пришлось просить каноническую иерархию освятить памятник, что и было исполнено, после чего напасти прекратились. Об этом батюшка Зосима говорит так: «И сейчас в Киеве пошел страшный переполох от этого Денисенко. Срочно все поняли, начинает падать завеса с глаз затуманенного народа: "Мы ж по ложному пути шли за этим Филаретом!.. Поняли тогда по всему Киеву: стой, мы ж у Филарета детей крестили — перекрещивать срочно давай детей; Филарет же нам освящал офисы, банки, дома, дворцы — давай все переосвящать, оно ж все недействительное"»[1].

Филаретовцы пошли на уловку — перестали брать за отпевание усопших пожертвования, думая, что погребая «даром» привлекут массу прихожан. На это батюшка отвечал: «С этим "даром" филаретовским это погибель. Бояться как огня нужно. Лучше бы остаться неотпетым, чем чтоб отпел вот этот сатанист, лжепоп этот, самосвят этот сатанинский»[2].

В бывший кафедральный Владимирский собор отец Зосима всем верным чадам не благословлял

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 193–194.

[2] Там же. С. 216.

ходить даже ради поклонения святым мощам великомученицы Варвары: «Во Владимирский собор сохрани Господь ходить. Там диавол воцарился. Этот Денисенко сел на престол Киевский, слуга сатаны. Осквернил Владимирский собор и всю Украину в позор ввел. Осквернение это — позор нации нашей, позор нашего народа, а его нацюки-пацюки еще считают чуть ли не национальным героем. Это второй Мазепа-предатель для всех нас, позорище нашего народа этот Денисенко-Филарет»[1].

Покаяние отлученных от Церкви людей находится под большим сомнением, не говоря уже о вечной участи этих несчастных. Конечно, и среди раскольников есть искренне заблуждающиеся, но их спасение — дело работы их собственной совести, ее нужно слушать. Такие заблуждающиеся, к сожалению, являются исключением в массе раскольников, для которых нижеприведенные слова отца Зосимы тяжелы, но правдивы: «Эти расколы жуткие, вражда, ненависть, прелесть бесовская, диавольская творится. Жуткая вакханалия — страшная, диавольская. Эти — уже погибшие вечно. Это уже слуги диавольские, при жизни еще здесь находящиеся, их уже Церковь не вымолит никогда. Да и за них не имеет права Церковь молиться, за таких несчастных людей. Мука адская здесь уже их гложет, червь неусыпаемый — живущих на земле. Во злобе находятся непримиримой, и уже они находятся в аду вечном, погибели»[2].

Предвидя грядущее усугубление раскола на Украине, схиархимандрит Зосима предупреждает: «Берегитесь, дни лукавые! Еще будет изощренней сатана восставать, еще будут нас объединять с этим

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 238.

[2] Там же. С 305–306.

Филаретом искусственно... С кем объединить? Не с патриархом Алексием. А с кем? С Филаретом-сатаной объединить нас хотят. Еще чего не хватало! Да лучше умереть, чем объединиться, лучше сто десять кодов на себя нацеплять разных — Бог простит, нежели с сатаной самим единство иметь!»[1]

С печалью смотрит батюшка в будущее филаретовского раскола: «Но придет время, скоро уже конец будет этому Филе... А тогда еще закрутится. Ой, Боже мой, бедные эти дети, что их только ждет!»[2]

С предоставлением свободы действия на территории СССР религиозным организациям в конце восьмидесятых годов XX века из-за границы хлынул поток иностранных проповедников, которые, активно используя печатную продукцию и другие средства массовой информации, начали насаждать духовность, чуждую русскому менталитету. Но народ, за многие десятилетия изголодавшийся духовно, стал с жадностью поглощать любую информацию, где были такие дорогие для христианской души слова, как «Бог», «Спаситель», «Христос», «Библия» и т. п. Сектанты разных мастей заманивали в свои сети под именем «Церкви» души верующих, которые не умели распознать ересь в учении, а порой и соблазнялись на обещание легкого пути к спасению: «Современные сектанты все: "Библия, Библия — вот наше спасение! Веруй — и уже спасемся. Мы уже люди спасенные". Да-да. Без подвижнической жизни ты не спасешься точно»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя Торжества Православия. 28 марта 1999 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 170.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя 2-я Великого поста. Собор преподобных Киево-Печерских. 4 марта 1999 г.

Как правило, сектанты представляют собой протестантов различных деноминаций, которые сами не могут иногда идентифицировать себя, так как не имеют четко сформулированного вероучения. Порой все «богослужение» их самопровозглашенных пасторов сводится к вольному толкованию избранных мест Священного Писания и пению религиозных гимнов. Дело доходит до абсурда: «Сектанты... умом только понимают, как рассказ простой, Евангелие, Апостол. И для них не существует Благовестия. Для них существует: "Ага, книга такая-то Писания, глава такая-то, стих такой-то; Матфей, глава такая-то, стих такой-то", — тарахтят, да и все. Договорились до того, что в Библии сказано, что и Бога нет даже».

Доморощенные сектанты и лжехристы в то время принесли немало вреда, и не только духовного: «Сколько погибло от секты "Белого братства"! Сколько погибло от секты иеговистов людей, иеговистов этих, сатанистов! Баптисты куда людей ведут? В гордыню, диавольскую погибель. И вся нечисть, автокефалисты эти — все это ведет в нечисть людей, в погибель ведет нашего времени»[1].

И если предводители сект — это не шарлатаны, которые используют религиозные чувства адептов для собственной наживы, то в большинстве своем они — глубоко пораженные гордыней «слепые вожди слепых». И, как правило, полемизировать с ними бесполезно: «Абсолютно им не докажешь, они в высшую прелесть гордыни — дерзость впали. Они уже потеряли духовный рассудок полностью, не могут они духовно мыслить, у них высшая гордость: "Глава такая-то, стих такой-то, мы правы, мы

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 65.

спасены, мы уже люди Божии... Мы праведники, мы святые все"»[1].

Отец Зосима предостерегает от опасности общения с сектантами, т. к. им доказать ничего нельзя, а самому заразиться сомнением вполне возможно: «Эти все секты, все эти расколы — это духовная чума, с чумным человеком или холерным будем беречься общаться, потому что знаем, что сами можем заболеть от этого человека, инфекция передается... Так и духовная эта зараза, духовная эта чума. Ты поспоришь, ничего им не докажешь, а бес сомнения влезет: а может, они и правы, в Писании так же говорится, и прочее. Вот уже и будет терзать тебя сомнение, уже будет мрак на душе, подозрительность появится и тяжелое состояние души»[2].

Батюшка, укрепляя в вере «малое стадо» верных, напоминает еретикам о страшных евангельских словах, сказанных Самим Спасителем тем, кто употреблял имя Господне всуе и не принес доброго плода: «Не говорил Христос — тысячи: "Где двое-трое собраны во имя Мое, там и Я посреди их". Кроткие слова. "Приду на землю, едва ли веру обрящу на земли". Ее не будет. Хоть все будут кричать: "Мы верующие!" Баптисты себе будут кричать: "Мы верующие, вот Евангелие, вот Библия". Иеговисты себе будут кричать, "Белое братство" — себе, богородичники — себе, автокефалисты — себе: "Мы же кадилом махали, мы ж веруем, мы ж крест носили..." — и все прочее. "Отойдите от Меня, все делающие беззаконие, не вем вас" — вот будет голос Божий. "Не бойся, малое стадо". Всегда спасенных будет очень мало, малое стадо

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 322.

[2] Там же. С. 323.

Христово»[1]. «Хоть все будут кричать на суде Божием: "Мы ж Твои, Господи, мы ж христиане!" Все будут называть себя христианами. Все эти „Слово жизни", мормоны и эти, ой, Господи, и выговорить-то уже их всех невозможно, разные эти баптисты, адвентисты, субботники, пятидесятники, ой, эти иеговисты, все эти "-исты" будут Христу показывать: "Вот Библия, мы ж читали, мы ж учили ее, мы ж ее изучали". "Отойдите от Меня, нечестивые, во огонь вечный, не вем вас — не Моим вы именем учили, а прихотям человеческим учили, гордыне человеческой учили". И они не придут к Богу, уйдут они от Бога в муку вечную на Суде Божием»[2].

Верно указывает отец Зосима на причину легкого распространения множества религиозных сект и раскола на нашей территории: «Евангелие воскресное вам читал: *Шедше, научите вся языки...* Сперва — научить, а потом крестить уже их, а мы наоборот: крестим, а потом начинаем учить. Почему и получается: население наше русское все крещеное, но не просвещенное, и мрак, и секты, и расколы»[3].

Отвергнув церковное предание и Определения Вселенских Соборов, протестантские сектанты в своем большинстве являются иконоборцами. Иконопочитание православных для них видится идолопоклонством: «В наше сейчас время беснуются сектанты против святых икон, против лика Христова беснуются все. Идолами называют и прочими. Идолопоклонниками нас называют. А мы знаем, что мы поклоняемся не всего лишь дереву, не краскам,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 68.

[2] Там же. С. 187.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 146.

не стеклу — мы поклоняемся лику Христову, освященному, благодатному и чудотворному»[1].

Так же, как на иконы, восстают сектанты и на святой Крест Господень: «И как диавол говорил Феофилу: "Ты ж не крестись только. Крест — это для нас плохо, это орудие казни, пытки", как сейчас все сектанты говорят, богоборцы и борющиеся со святым крестом, с оружием против диавола, — служители сатаны они сами, когда воюют против Креста Господня»[2].

Но со временем они начали понимать, что мимикрия под Православную Церковь может привлечь больше не утвержденных в вере душ. Баптисты, к примеру, начали устанавливать на своих молитвенных домах кресты, расписывать интерьер сценами из Евангелия в подражание церковным фрескам: «Сейчас баптюги все разные и сектанты хитро стали, лукаво поступать: борются с крестом, а чтобы людей привлекать к себе, кресты ставят на своих вот этих сатанинских молениях. Проезжаем мимо баптюг, ихнего осиного гнезда, смотрю: ограда вся в крестах у них. Спрашиваю: "Что это за церковь такая?" Баптюги там находятся. Обвешались все крестами уже, идите к нам, расписаны стены уже все сценами из Евангелия, все уже, и такие ж иконоборцы они жуткие, страшные. А сами, чтоб привлекать доверчивых людей, уже фальсификацией занимаются своего вероучения. Там ложь и обман»[3].

Как плевелы из евангельской притчи должны возрасти вместе с пшеницей, так должно и беззаконию умножаться с течением времени. Отец Зосима

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя Торжества Православия. 28 марта 1999 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 222.

[3] Там же. С. 272–273.

утешает своих слушателей, напоминая о непреложности обетований Божиих: «Не нужно унывать, смотря эти безумия народа — эти секты, эти "белые братства", эти разные ереси, когда рядом с храмом православным ставят католический костел беззаконный, униатский, какой-то ставят так называемый храм, баптистский дом, иеговистский. Все вместе смешали, чтобы люди не понимали, куда идти и как идти, и зазывают: "У нас истина, идите", — не удивляйтесь этому, притча о плевелах на поле... должна свято исполниться в нашей повседневной жизни»[1].

«Мы часто сейчас задаем вопрос: почему Бог не наказывает богоотступников, атеистов различных, сектантов различных, раскольников; почему они процветают, строят свои молельни, все прочее, — плевелы на фоне пшеницы; почему же Бог не наказывает? И вот Евангелие сегодня (см.: Мф 13, 24–30) отвечает: оставьте их расти вместе до жатвы, придет жатва — вначале уничтожатся все эти плевелы уже судом Божиим, а пшеница истинной веры православной соберется в житницу Господню»[2].

Православному человеку необходимо хранить и крепить свою веру, а относительно иных исповеданий и ересей — уклоняться от споров и тем более вражды и ненависти. Нужно пожалеть духовно заблудшего человека, пожелать ему обращения к спасительному пути, но не вступать в тесное общение даже на бытовом уровне, не говоря уже об общей молитве: «Предупреждают святые отцы, на религиозной почве никогда не враждовать. Сохрани Господь разделять. Всех нужно любить, всех нужно принимать, но уже учения ихнего не слушать. Лжеучений,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 191.

[2] Там же. С. 321.

книг их в руки не брать, потому что, даже когда возьмешь эти колдовские разные книги еретические — и то уже оскверняешься от этого прикосновения»[1].

А Церковь Православная, как чадолюбивая мать, всегда ждет обращения и покаяния впавших в ересь своих заблудших чад: «Церковь никого от себя не отвергает. Если они покаются, отступники, Церковь простит их. Но если они придут в Церковь, возвратит к себе Церковь. Ждет терпеливо Церковь всех к покаянию. Вот это — милосердие Божие и милосердие Церкви безгранично и беспредельно»[2].

За Божественной литургией в обители схиархимандрита Зосимы всегда можно услышать ектению об уврачевании раскола, об обращении отпавших от Церкви чад. Наверняка и сокровенные молитвы батюшки были устремлены к Богу об искоренении вражды и воцарении в Церкви мира и любви: «Нам остается всем только молиться о раскольниках, скорбеть о уклонившихся в секты, в расколы, в сатанинский, хохляцкий этот жуткий раскол автокефализма. Да призови, Господи, сотвори чудо, чтоб они, заблудшие, поняли, пришли к познанию истины, покаялись и соединились с Матерью нашей Святой Русской Православной Церковью»[3].

БОГАТСТВО

Бог испытывает одних богатством, иных бедностью. И неизвестно, какое из испытаний является

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя Торжества Православия. 28 марта 1999 г.

[2] Там же.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 295.

более тяжелым. Преподобный Анатолий Оптинский так отвечает одной из своих духовных чад: «Вот ты до такой степени увлеклась миром, что и разум потеряла: ты говоришь, что богатым легче спастись, а Господь сказал: "Неудобно богатым войти в Царство Небесное!"[1] Благодари Бога, что не богата»[2]. Но и в бедности можно завидовать, быть корыстолюбивым, жадным, роптать на Бога. А будучи богатым можно быть милостивым, сострадательным, благотворительным. Само по себе богатство не является пороком, но страстное отношение к нему и неправедное использование — несомненно греховно. Об этом отец Зосима говорит так: «Богатство никогда не было пороком, если праведным трудом наживается, не бандитизмом современным наживается, а праведным, добрым трудом наживается; но всегда, еще в Ветхом Завете Господь сказал, десятую часть от имения твоего отдай бедным, нищим. Благотворителям богоугодно — в храм Божий. Вот куда надо отдать эту десятую часть от имения. И Бог давать тебе успех будет, и богатство твое умножаться будет»[3].

Делами благотворительности от своего состояния богатые люди спасаются. И эту возможность, конечно, им дает Бог. Священное Писание об этом говорит так: *Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры*

---

[1] См.: Мф 19, 23.

[2] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: В 2 т. Т. 1. А-О. — М.: ДАРЪ, 2009. С. 55.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 285–286.

и общительны[1]. В духе евангельском и батюшка Зосима поучает: «Бог мудро спасает и богатых людей, которые творят благие дела, благотворительностью доброй занимаются, помогают храмам, нищим, убогим помогают, бедным, в несчастье людям помогают, питают людей, и это и есть — Богу все возможно»[2].

Во все времена состоятельные люди за свои средства воздвигали храмы Божии, создавали монастыри. Вот и в наше время они помогают восстанавливать поруганные, уничтоженные во время гонений святыни, строить новые церкви: «Именно богатыми нынешними людьми строится великий храм Христа Спасителя. Из государственного кошта и копеечки туда не взято, все народ строит, все эти так называемые нынешние деловые люди — мафиози, крестные отцы и матери и все, их же несть числа, все — как по нынешнему понятию, что? — деньги отмывают. Где? Не в какой-то крови, а в дом Божий несут мешками эти награбленные у нас деньги, и созидается храм славы Божией»[3].

Храм Божий всегда выделялся своей изысканной красотой и богатым убранством. Особенно на Руси как люди состоятельные, так и со средним достатком и бедняки щедро жертвовали на храм от своего имения. Рассматривая уникальные цветные фотографии конца XIX — начала XX вв. автора Прокудина-Горского, поражает картина: где-нибудь в российской глубинке рядом с домами-лачугами величаво красуется златоглавый храм. И это всегда было лучшей традицией христианской души — все лучшее отдавать Богу. Об этом отец Зосима говорит

[1] 1 Тим 6, 17–18.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 286.

[3] Там же. С. 286–287.

так: «Некоторые кричат, подвывают — лучше бы отдали бы, накормили; ну прокушают, и все и забыто, а храм на века остается... Всегда нам всего не хватало, и на Руси всегда бедность была, и златоглавые храмы созидались, и красота Руси и до сего дня жива. Если бы так рассуждали, у нас бы не было ни Киево-Печерской лавры, ни Троице-Сергиевой лавры, ни Соловков, ничего б не было тогда у нас»[1].

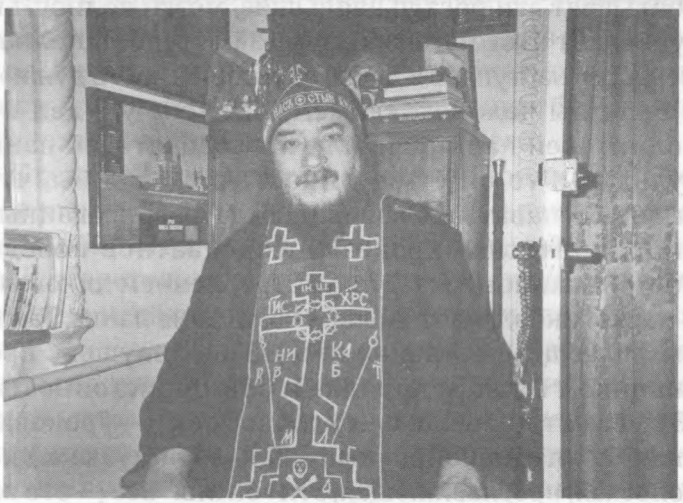
«Благотворительность, как рай, полна благословений, и милостыня пребывает вовек», — гласит слово Божие. Пока стоит храм Божий, будет возноситься молитва о его создателях и благотворителях: «Храм создали селяне этот, их и помину костей-то нет, потлевшие в земле, а мы каждый день молимся и поем им вечную память: "...и о благочестивых создателях святаго храма сего"»[2].

РОК-МУЗЫКА

Современная музыкальная субкультура оказывает серьезное влияние на формирование личности молодежи. Подростки, как губки, впитывают материал, предоставляемый им зарубежными и отечественными музыкально-развлекательными телевизионными и радиоканалами. Зачастую этот материал низкого нравственного качества, а порой просто является прямым богохульством и кощунством. Одним из опасных направлений для неокрепшей нервной системы и душевного состояния молодых людей является рок-музыка, особенно тяжелых стилей. Вот

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси.

[2] Там же.



Батюшка Зосима, февраль 2001 г.

одна из характеристик Deathrock: «Дэтрок делает особое ударение на атмосфере, вызывающей страх, и на интроспективном настроении в рамках панк или пост-панк музыкальной структуры. В песнях дэтрока используются простые аккорды, гулкие гитары, характерные басы, повторяющаяся барабанная дробь. Для создания подобной атмосферы используют "скрипучие" (scratchy) гитары, клавишные, также экспериментируют с другими инструментами. Лирика может быть различной, но чаще всего она интроспективна, сюрреалистична и отражает такие мрачные темы, как изоляция, разочарование, утрата, жизнь, смерть и т. д.»[1]. Отец Зосима, заботясь о нравственной чистоте и душевном здоровье молодежи, предупреждает: «Бойтесь еще сатанинской этой рок-музыки диавольской. Особенно молодежь: в уши

[1] Википедия, url: http://ru.wikipedia.org/wiki/Death_rock.

повтыкает эти рога дьявольские, мозги полностью тупеют от этого всего, безумие наступает, полная мерзость наступает в душе, опустошенность души»[1].

Если бы человек, скажем, XIX века увидел исполнителей панк-рока или последователей панк-культуры, то он с уверенностью сказал бы, что видит бесноватых. Рваная одежда, разрисованные лица, прическа «ирокез», неадекватное поведение, вызванное зачастую употреблением алкоголя и наркотиков, — вот внешнее описание панка. Такое вызывающее поведение несомненно внушено противником всякого порядка и благопристойности: «Это все от диавола. Само слово "рок" — "роковая ошибка", т. е. непоправимая. Так и эта музыка диавольская, прославляющая, эти "битлы" все — это же страшные сатанисты!»[2]

Батюшка Зосима призывает задуматься каждому о пагубности этого увлечения как для себя, так и для подрастающего поколения: «Вот и каждый посмотри на себя. Посмотри вглубь, посмотри на детей своих, этих бесноватых, роковых этих детей, уже роком только воспитывающихся. Посмотри и ужаснись»[3].

СЕМЕЙНЫЕ ВОПРОСЫ

Семья — это малая церковь. И это название ей присвоила православная традиция не просто так. Задача Церкви состоит в спасении своих членов.

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 60.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 61.

В этом понимании христианская семья служит данной цели. Супруги вместе спасаются через рождение и воспитание детей, терпение недостатков и неровностей характера друг друга, смирение с бытовыми обстоятельствами и благодарение Бога.

К сожалению, в наше время такое понимание о семье утратило свое значение в связи с расцерковлением общества. Большинство браков, даже венчанных, скоротечны, распадаются по незначительным причинам, обусловленным неумением справляться с собственными страстями. Со скорбью батюшка Зосима говорит об этом в своей проповеди на Введение во храм Пресвятой Богородицы: «Малая церковь созидается, когда семья созидается; и печально, что в наше время эта малая церковь попираема бывает, разоряема бывает скандалами, опять же этой гордыней. Нет смирения. Похотями, извращениями, погоней за богатством этим ложным. Это уже — осквернение храма малого, семьи, храма домашнего»[1].

Эгоизм и угождение плоти — то, что встает между супругами и их счастливой жизнью. Неосновательность поводов для создания брачного союза — влюбленность, страсть и т. п. также влечет его скорый распад. Об отсутствии в большинстве семей прочного христианского основания говорит отец Зосима: «Нет-нет, нет уже сейчас той семейной жизни, настоящей, христианской, которая должна быть. Почтение, любовь, уважение — все это растоптано в наше время»[2].

Но что же делать, если семья уже создана, а в супругах со временем охладевают те страсти, которые

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

подвигли их соединиться семейными узами? Когда муж и жена видят множество недостатков характера друг друга? Разводиться? Ни в коем случае. Только смирение и безропотное несение своего семейного креста является залогом спасения супругов: «Смиритесь, — только тогда мы сможем пройти путь семейной жизни, когда смиримся. Смиримся — значит, победим диавола»[1].

Дети — утешение в семейной жизни. Родителям всегда радостно наблюдать за тем, как они растут и становятся похожими на папу и маму. Незабываемыми становятся моменты, когда малыш скажет первое слово, появится первый зубик, первые неуверенные шаги и т. д. И большой скорбью молодой семьи становится отсутствие детей по болезни супругов или в силу других причин. Не каждому хватит терпения и главное — веры, чтобы со смирением принять свое положение как волю Божию. Отец Зосима так видит данную проблему и дает нужный совет: «В наше время, если нет детей, надо скорей разводиться, надо новую бабу скорей: давай, я хочу, я хочу. Не было этого! Взял семейный крест — неси его до конца терпеливо, не бросай его. Не меняй этот крест — успеха не будет. И то, что он женится на другой бабе и зачнет детей, то дети уже уродами, несчастными будут у этого человека. Потому что он поменял крест, бросил крест»[2].

Батюшка подкрепляет бесплодных супругов примером святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, которая до преклонных лет не теряла надежды и несла вместе с супругом, святым праведным Иоакимом, бремя поношения от людей. Ведь

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 278.

[2] Там же. С. 16.

в богоизбранном еврейском народе каждая женщина мечтала стать матерью Мессии Спасителя, а бесплодие считалось позором, обличающим грех супругов. И чудо Божие свершилось по вере святых Иоакима и Анны за их смирение и долготерпение: «Перед Богом всякий глагол возможен, и Архангел Гавриил, благовестник, благовестит ей радость: "За вашу веру, за вашу верность, за ваше терпение Господь даст вам дитя. Зачнешь ты и родишь дочь Марию, Которая станет Матерью всех живущих на земле, родит Спасителя мира". Таково было обетование Архангела Гавриила праведной Анне, которая плакала в саду, смотря на птичек, как они гнезда вьют и птенцов своих выхаживают. "Боже, и птицы птенчиков имеют, радостно щебечут, а я бесплодная нахожусь", — взмолилась она»[1].

Отец Зосима призывает супругов, не имеющих детей, проявить подобное смирение, подражая святым угодникам, заслужившим право именоваться Богоотцами, принять все как от руки Божией: «Есть дети, нет детей — это воля Божия. Не наша похоть в этом будет, Бог управляет: десять, двадцать лет живут, а потом Господь дает им еще и радостных детей»[2].

В семейных отношениях может происходить всякое: и охлаждение любви, и недостаток взаимопонимания, и острое видение недостатков супруга, затмевающее добродетели, и т. п. Но все негативное необходимо покрывать мужественным терпением, в котором укрепляет Бог. Как учит преподобный Ефрем Сирин: «Нет меры терпению, если только оно сраствореноо любовью»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 17.

[2] Там же. С. 19.

[3] *Преподобный Ефрем Сирин.* Алфавит духовный. — М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. С. 207.

Отец Зосима называл супружество «семейным счастьем». Действительно каждый человек является «кузнецом» своего счастья, тем более семьянин, который несет ответственность не только за себя, но и за своих домочадцев, является гарантом их благополучия. Ни при каких условиях нельзя становиться предателем, бросать несение креста семейной жизни: «Так и "семейного своего счастья" взяли крест — не топчите его, несите»[1].

К брачным узам отношение у батюшки Зосимы было самое серьезное, основанное на евангельских словах Спасителя: *Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает*[2]. И такого же отношения он требовал от своей паствы: «Если мы сами добровольно избрали свой крест семейной жизни, — нечего его топтать, никакого счастья, ничего не будет, когда потопчешь этот крест. Терпеливо, до конца уже нести. "Убьет меня муж", — ну что ж, будешь мученицей, омоешь кровью своей грехи жизни, пойдешь в жизнь вечную. А бросать — никогда! Самые страшные для меня люди — это разведенные, это преступники века сего, бросившие крест свой жизненный, изменившие кресту. Грех тяжелый»[3].

Кроме смерти нет причины, по которой можно разлучиться с супругой навсегда: «Взял крест семейной жизни — неси его твердо. Преступником не будь: то характерами не сошлись, то муж пьяница. Ты видела, за кого замуж шла? Ты видел, на ком ты

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 276.

[2] Мф 19, 5–6.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 20–21.

женился, кого ты брал в жены себе? Все, до смерти, до гробовой доски»[1].

Батюшка советует взирать на Подвигоположника нашего — Христа Спасителя, Который нес Свой Крест до самой Голгофы, умер на нем, но не бросил. И коль мы уж нареклись христианами, то не должны быть ими только по имени, но всей жизнью быть последователями Божественного Учителя: «И кто колеблется: разводиться мне, не разводиться, что делать, не могу, — бросьте эти все глупые мысли. Лучше умереть мучеником или мученицей, но спокойно донести крест до конца, нежели бросить его. Спаситель нес на Голгофу Крест — Он бросил его? Знал: на верную смерть шел, обливаясь потом и кровью. Тяжело нес, падал, но нес, до конца донес и нас всех спас от работы вражией Своими страданиями»[2].

Супруги должны совместно не только переживать счастливые минуты жизни, но всячески поддерживать друг друга в немощи, вразумлять при проступках, прощать и серьезные, тяжкие согрешения в духе христианском: *Жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим... Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?*[3].

«А когда ты бросишь крест, потопчешь, изменишь этому кресту, — никакого успеха. И что самое страшное, так опытно смотрю за жизнями человеческими, наблюдаю со стороны: кто потоптал, изменил

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 276.

[2] Там же.

[3] 1 Кор 7, 13–14, 16.

крест, — несчастные особенно у того дети всегда бывают. Вот это страшно»[1]. — предостерегает от фатальной ошибки батюшка Зосима.

Если благоразумие и терпение спасают супругов, то эгоизм, распутство, детоубийства и прочие пороки губят как семейную пару, так и их потомство заражают нравственной болезнью, обрекая бедных детей на страдания. Усугубляется это страдание разрывом родителей, когда детям приходится стыдиться неполноценности семьи: «Страдание ваших детей, внуков ваших вижу, за ваши грехи, за ваше богоотступничество, за ваши аборты, за вашу измену кресту. Потоптали крест, изменяли друг другу, жили хуже скотов в жизни — какие будут дети, нормальные у таких людей?»[2]

Нельзя оправдывать свое нежелание заботиться о семье стремлением вести монашеский образ жизни. Ведь от проблем в монастыре не прячутся, они настигнут где угодно. Поэтому нужно принять то положение, в котором находишься, как волю Божию и, укрепляясь верой, нести достойно свой семейный крест: «Она пришла спасаться, бросила крест. Какое тебе спасение? Вот спасение: возьми свой крест семейный, который добровольно ты взял или взяла, дети твои — вот твой крест, твое монашество, твое спасение. Неси его до конца, как несли святые Богоотцы Иоаким и Анна, и за терпение Господь даст спасение не только вам, но и чадам вашим»[3].

Оправдывать развод нельзя тем, что брак не венчан. Здесь необходимо обратиться к практике Древней Церкви, когда брак, зарегистрированный

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 20.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 21.

государством, признавали святые апостолы в Римской империи. Хотя такой супружеский союз духовно неполноценный, не освящен Таинством, но вполне законный. Наше общество, как бы возвращаясь из семидесятилетнего язычества, находится в подобном положении, что и римское общество в начале распространения христианства. Многие принимают крещение уже будучи семейными. И из этого положения нужно найти правильный выход: сохранить семью, воцерковить ее, но ни в коем случае не бросать, оправдывая этот грех тем, что супруги не участвовали в Таинстве венчания. «И главное самооправдывание греха — я же не венчанная. Какая разница, семья все равно создана. Это уже ложь наша духовная, да и все. Лжецов и обманщиков Бог не любит, карает»[1], — строго обличает нерадивых супругов отец Зосима.

Те же проблемы — в семьях духовенства. Кто, как не священник, должен служить примером своей пастве. При священнической хиротонии под всеобщее пение «Аксиос!» (*греч.* — достоин) ставленнику архиерей вручает наперсный крест с надписью на оборотной стороне: «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте»[2]. Таким образом, жизнь священника приобретает сакральный смысл, становится вся богослужением, в том числе и его личная жизнь семейная. И как действенен для паствы личный положительный пример пастыря, так же разрушителен в нравственном смысле грех, совершенный священнослужителем: «Разведенный, дважды или трижды женатый, он не имеет права переступить порог алтаря, такой поп. У тако-

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 276.

[2] 1 Тим 4, 12.

го попа мы не имеем права благословение брать, канонически исповедоваться и причащаться не имеем права. Ты почему свою семью разорил? Ты чему нас учишь?»[1]

В данной ситуации отец Зосима стоял на стороне полной строгости церковных канонов, по которым священник, изменивший супруге и бросивший семью, подлежит извержению из сана: «Самое большее боюсь попов разведенных. Когда услышу, поп развелся, не сохранил семью, я ему боюсь уже после этого братское целование дать, как беса боюсь его. Как бес ладана боится, так и я. Он уже не имеет права быть священником»[2].

Батюшка обращает свой взор на благочестивых предков, воспитывавших своих детей в строгости, во многом, конечно, благодаря доброму примеру благоговейных пастырей. Если же священнослужитель согрешал тяжко, то должен был оставить священный сан и в покаянии проводить остаток жизни в чине церковнослужителя: «Сними ризу, иди на клирос, пой да читай, вымаливай свои грехи, что не сохранил семью. Вот так в старину народ поступал строго, и были строгие семьи, были строгие дети благочестивые и была радость духовная»[3].

Разлучить навсегда священника и его супругу могла только смерть одного из них. Но и в таком случае вдовец или вдова, как правило, принимали монашеский постриг и доживали свой век в монастыре: «На Руси никогда не было разведенных попов. Были вдовые священники, когда матушка умирала, и то, чтобы вдовый священник служил на приходе когда...

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 22–23.

[2] Там же. С. 22.

[3] Там же. С. 23.

Чтоб соблазна не было, умерла матушка — уходит священник в монастырь. Умер священник, матушка уходит в монастырь и посвящает себя всецело Богу. И великие люди были»[1].

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Непонимание родителями задач христианской семьи порождает неправильное воспитание детей, если не полное его отсутствие. Дети — не только достояние отца и матери, они являются также и Божиим достоянием и даром. *Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева*[2]. Господь поручает родителям непростое дело — воспитание детей добрыми христианами. Никакие игрушки, книги, модные одежки, престижные школы не заменят личного примера и участия родителей в формировании личности ребенка. Отец Зосима призывает задуматься о том, что каждый дал своему сыну или дочери, будут ли они вести христианскую чистую жизнь: «Каждый подумай о своих детях: какую жизнь вы дали своим детям, кроме физической. Что вы доброго для них сделали в жизни своей — вот об этом подумать крепко надо»[3].

Как правило, родители по совести не могут сказать, что воспитали своих отпрысков в православном духе, потому что сами не жили полнокровной духовной жизнью. А зачастую сами родители стали воцерковляться уже тогда, когда дети стали

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 23.

[2] Пс 126, 3.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 20.

взрослыми. И теперь отцу или матери хотелось бы исправить недостатки воспитания, но время уже упущено, личности детей уже сформировались, порой с укоренившимися греховными навыками, а то и серьезными пороками. И в данной ситуации приходится лишь терпеть и крепко молиться о своих чадах: «Дай, Господи, терпения Иоакима и Анны; и поношения, и ругань, и матюги — все слушать, все претерпевать. Да спасена будет душа наша через терпение, аминь»[1].

Если родители отвечают перед Богом за воспитание своих детей, то на порядок выше ответственность, когда ребенка усыновляют. Добровольно возлагая на себя эту ответственность, усыновители дают обет тем самым Господу, что взрастят сирот как Его достояние, благоговейными христианами. Батюшка Зосима не боялся такой ответственности, но планировал брать на воспитание сирот: «Но вот сейчас думаю сирот брать, детей маленьких из Дома малютки двухгодичных и до семи лет, хоть пока их тут воспитывать, человек двадцать взять. Как получится, Господи... Кто пожелает потрудиться, я буду рад. Только тут уже всецело посвятить себя нужно святому делу — любви к детям... особенно. "Кто сиротку воспитает, тому Бог все грехи прощает», — народ говорит"[2]. Да деток воспитывать надо хоть до семи лет, а потом уже будем определять, как в дальнейшем. Может, где уже какую православную школу тогда заимеем, чтоб как-то малость их хоть воспитывать во славу Божию»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 23.

[2] Там же. С. 25–26.

[3] Там же. С. 26.

Процесс воспитания, по слову преподобного Амвросия Оптинского, должен быть взаимный: «Детей вы обязаны учить, а от детей сами должны учиться, по сказанному от Самого Господа: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф 18, 3). А святой апостол Павел протолковал это так: *не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни* (1 Кор 14, 20)»[1]. Такое взаимное научение является залогом мира и благополучия христианской семьи. Необходимо научиться жалеть самых родных нам людей в первую очередь, дорожить ими, бояться огорчить чем-либо. Отец Зосима в одной из своих проповедей об этом говорит так: «Дай, Господи, детям нашим учиться мирно, спокойно. "Буйность юности да укротит Господь", как мы молимся, в молитвах особое есть слово такое. И дай, Господи, чтобы поменьше дети огорчали родителей, а родители детей поменьше огорчали, чтобы мир, любовь, доброта и согласие были в семьях человеческих»[2].

АБОРТ

Убийство — страшное слово, тем более, если оно относится к самым близким. Безвременный уход из жизни дорогого человека всегда обезоруживает, влечет за собой скорбь об утрате, желание справедливого наказания преступника. Но все это происходит относительно личности, уже вошедшей в мир в человеческом образе, а нерожденного ребенка

[1] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: В 2 т. Т. 1. А-О. — М.: ДАРЪ, 2009. С. 194.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 275.

современные законы позволяют убить без всяких последствий. И самое страшное, когда убийцами своих детей становятся матери с молчаливого согласия или одобрения, а то и по настоянию отцов. Несколько миллионов абортов в год совершается в России и в других странах СНГ. Этот тяжкий грех общества не может пройти мимо беспокойного пастырского сердца батюшки Зосимы: «Не убий! А сколько этих убийств на каждой душе. Как мы кровью все залиты, и мужики, и бабы... Страшно смотреть. Да нас вон из храма нужно изгнать за это нечестие!»[1]

Сугубый грех — убийство и отвержение Божиего благословения в детях совершается при аборте: «Бог дает нам зачатие, сеется семя, а мы, хамы великие перед Богом, аборты делаем, убиваем это семя, тяготимся этим Божиим благословением. Убийство — это великий, тяжкий, проклятый грех. Об этом особенно... нужно покаяться перед Богом»[2]. Но даже не совершенный, а лишь предполагавшийся аборт откладывает отпечаток как на совести родителей, замышлявших грех, так и на несчастных детях, несущих в себе это порочное семя: «Творим аборт или думаем, нося во чреве, убивать дите, а дите уже мучается в утробе, это чувствует, что его мать хочет убить, погубить, — страшная это трагедия. Эти надломленные существа мы рождаем уже на землю, заведомо больные, страждущие за наши грехи»[3].

Страшно, когда врачи, призванные хранить здоровье и жизнь, дававшие клятву «не навредить»,

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 54.

[2] Там же. С. 99–100.

[3] Там же. С. 303.

совершают мучительное убийство, расчленяя живого ребенка в материнской утробе: «Долг врача — спасти жизнь, а не убивать, не заниматься этим проклятым грехом. И этот кабинет дьявольский, где убивают, десятой дорогой обходите, бойтесь. Там жуткая трагедия, там бойня, там уничтожение беззащитных невинных деток»[1].

Вновь сугубый грех совершается — клятвопреступления и убийства. Отец Зосима обличает грех акушеров: «Страшно, жутко боюсь врачей нынешних — профессионалов-палачей, акушеров этих. Это же палачи: убивают детей, уничтожают, живого человека рвут по кускам»[2].

Многие женщины несут этот грех через всю жизнь, некоторые не осознавая, другие — стыдясь его. Но рано или поздно глас Божий в душе — совесть — начнет обличать этот тяжкий смертный грех, влечет несчастную мать к покаянию. И тут, пришедши в храм, женщина может обнаружить множество нововведений в покаянной практике. Ей предлагают для очищения от греха детоубийства чтение молитв и канонов, другие действия, которые не утверждены ни церковной традицией, ни соответствующими церковными инстанциями. От применения на практике подобных нелепостей предостерегает отец Зосима: «Как нам нужно осознавать этот грех? Каяться. Не так, как учит всех в Красногоровке этот Василь заблудший: давай 40 распашонок, 40 рубашонок, давай 40 крестиков, 40 бутылок вина... Боже сохрани, все 40 по 40, 40 по 40 давай. Бедные бабы поопустошали кошельки, а только никакого проку... Тебе

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 70.

[2] Там же. С. 69.

врачебница — покаяние. Псалтирь нужно читать за свои грехи. Вот наша врачебница, наше исцеление, а не эти ложные откупления разные»[1].

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Неискоренимой привычкой нашего общества до сих пор остается празднование так называемого «международного женского дня» 8 марта. Эта дата, как правило, выпадает на Великий пост — время сугубого покаяния и молитвы. Для духовно чуткой христианской души неприемлемо какое-либо празднование в это время, тем более, если поводом для этого является «женская эмансипация», продвижение идей «феминизма». Конечно, большинство наших женщин не придают никакого значения идеологической основе, заложенной в этом «празднике», им приятно внимание, которое оказывают мужчины в этот день. Но это никак не может служить оправданием нарушения святого поста, как говорил отец Зосима: «Сатанинский день завтра — 8 марта. Кто бесновался, каяться должен на исповеди. Осквернение поста: бесновались, цветочки эти принимали, мужиков сопливых вонючих тех целовали, блуд творили, пили — оскверняли пост святой Великий... Цеткин Клара, эта сатанистка, установила этот день бесовский, насмешку над женским образом, над христианским. Великий вот печальный день, скорбный, беснования жуткого — осквернение поста святаго. За это каяться крепко нужно, чтобы Господь не осудил, а простил нас грешных... У нас есть день какой

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 71.

женский? Жен-мироносиц! Пасха Христова! Вот тогда-то мужики должны дарить женщинам и цветы: матерям своим, женам, дочерям своим. Цветы должны дарить и подарочки. Пасха Христова, Светлое Христово Воскресение — вот когда светлый праздник»[1].

Весьма уместным и своевременным, по совету батюшки Зосимы, будет отмечать православный женский день в Неделю святых жен-мироносиц. Он говорит в проповеди, произнесенной в этот день, следующее: «Сегодня женский день христианский, не какой-то сатанинский — 8 марта, а христианский пасхальный день. И кто праздновал 8 марта — бесновались, подарки принимали, поздравляли, — каяться на исповеди должны, что сатане какой-то... Клара Цеткин какая-то там, «хрюшка», выдумала этот день сатанинский бабьего поругания да Великого поста осквернения. Христианский женский день — пасхальный сегодняшний день. Мужики должны поздравлять женщин, подарочки дарить. Мужики приготовили что-нибудь бабенкам своим — бабенки с любовью должны принимать»[2].

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Деятельное исполнение Христовых заповедей о любви к Богу и ближнему составляют духовную жизнь христианина. Для этого нам Господь и Его Святая Церковь предоставляют все средства: святые

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя 2-я Великого поста. Собор преподобных Киево-Печерских. 4 марта 1999 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 167–168.

Таинства, богослужение, молитва, пост, святыни, Священное Писание, церковное предание и т. д. Да и весь мир, если хорошенько поразмыслить, служит нашему спасению. Ведь благодаря взаимоотношениям с ближними, мы выявляем свои недостатки, пытаемся их исправить, искоренить греховные навыки, страсти. Лучшие качества души также проявляются в наших отношениях с другими людьми. Это, по словам апостола Павла, — *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание...*[1]. Чтобы явить духовные плоды, необходима постоянная работа над собой, а вернее соработничество с Богом над преображением своей души, *доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова*[2].

Путь духовной жизни порой неровен и у каждого сугубо индивидуален. Невозможно дать всем одну инструкцию, что-нибудь вроде «Как достичь Царства Небесного за пять шагов». Случаются и ошибки, заблуждения, остановки. А можно переусердствовать в подвиге и повредить своему духовному здоровью. Залогом успеха в духовной жизни, по слову отца Зосимы, является постоянство, т. е. нельзя охладевать в подвиге, расслабляться, но и нерассудительности и чрезмерности нужно избегать: «Золотую середину в духовной жизни дай Господи нам избирать, серединным царским путем дай Господи шествовать по водам жизни нашея, по житейскому морю нашему и достичь Царствия Небесного»[3].

---

[1] Гал 5, 22–23.

[2] Еф 4, 13.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 241.

ГРЕХ, ПОКАЯНИЕ И ВСЕПРОЩЕНИЕ БОЖИЕ

Какими бы ни были тяжкими и отвратительными грехи, Господь никогда не отвергает кающегося, но всегда с радостью принимает заблудшего сына в Свои объятья. *Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся*[1]. Вид очищающейся души радует и священника, принимающего исповедь. Батюшка Зосима как многоопытный пастырь, познавший эту радость и милосердие Божие, говорит: «Любой грех мы творим, часто говорю приходящим ко мне: какой бы ни был тяжкий грех, каешься — Бог прощает любые грехи. Напрасно мы Бога рисуем жестоким, карающим, немилосердным. Ложь это все! Бог милостив — читаем мы в шестом часе — долготерпелив и многомилостив. Вот какой Господь! Любые грехи Бог прощает!»[2] «Как ни труден путь к Богу, как ни трудно исполнять заповеди Божии — идите... Господь вас ждет. Никого не отвергает Бог, не нужно его рисовать, как часто говорю вам, жестоким, карающим. Господь долготерпелив, многомилостив»[3].

Кающемуся необходимо четко и лаконично формулировать свои грехи, без самокопания, но и избегая самооправдания, которое порой скрывается за описанием обстоятельств совершенного. А помыслом мы можем согрешить всегда, мгновенно, но это не значит, что тут же необходимо бежать под епитрахиль к священнику: «Невозможно исчислить

[1] Лк 15, 7.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 19–20.

[3] Там же. С. 71–72.

наши грехи — это нужно бесконечно стоять и исповедоваться, но самые крайние, тяжкие грехи говорим на исповеди. А помыслы и вся нечистота прочая греховная, что для этого? В храме покаяние личное каждого из нас. Стой и кайся всегда за свою горемычную, греховную, тяжкую прошедшую жизнь от босоногого детства, как твоя память только что помнит, кайся»[1]. И такое покаяние принимает Господь и подает духовное утешение: «Самое главное — чистое, светлое покаяние это в храме. И за каждой службой Божией не гуляй мыслями своими в глупостях века сего, а кайся перед Богом, и Бог Сердцеведец, видя покаяние, обязательно будет прощать, в чем мы каемся, легкость на душе будет, радость»[2].

Всегда после искренней исповеди в сердце воцаряется покой и радость. Псалмопевец Давид, познавший горечь греха и радость покаяния, говорит: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои»[3]. Отец Зосима советует пользоваться этой мудростью для очищения души от греховного окаменения: «Как возрастали, и грехи возрастают, увеличивается тяжесть греховная, постепенно пластами ложится на наше сердце, и окаменевает сердце. Почему и слезы покаяния — не эти крокодильи наши, которыми мы плачем временами, а зло в сердце имеем, а именно душа должна скорбеть, душа должна плакать о своей окаменелости греховной. Именно этим покаянием сердечным, храмовым и смягчается душа

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 28.

[2] Там же.

[3] Пс 125, 5–6.

наша. И Отец Небесный, видя наше покаяние, дает нам прощение»[1].

Оправдываться на исповеди или представлять себя в лучшем свете перед священником не имеет никакого смысла, это только усугубляет грех. Об этом отец Зосима так говорил: «Каяться нужно искренне, ничего не утаивать перед Богом, и самое главное — не самооправдывать своих глупостей и своих грехов... Мы повинны и, повторяю, бесконечно: через нас люди падают во грехи. Мы служим соблазном многим из-за своих грехов»[2]. «Не отходите от покаяния! Нам за нашу жизнь падшую, греховную, что это словесное покаяние? Нам нужно рыдать, нам нужно грызть землю там, во дворе церкви! Нам нужно ползти на коленях за нашу прошедшую жизнь с воплем крепким покаяния! Вот каковы мы грешники! А мы еще приходим, говорим: "Да я, мол, не грешник, не грешная!"»[3]

Схиархимандрит Зосима так учил своих духовных чад: «К Богу идем спокойно и падаем, грешим, встаем. Семьдесят раз на день согрешишь — семьдесят раз вставай, не ной: "Бог меня не простит" и прочее. Ложь это все наша, простит Бог. Вставайте, вздохни: "Грешен, согрешил, обидел, ляпнул что-то, прости меня, Господи, не выдержал столько", — и прочее, и прочее, и опять идем к Богу. И таково шествие до последнего издыхания земной жизни нашей»[4].

Покаянная молитва евангельского мытаря всегда будет образцом для исповедующихся Богу грешников, осознающих свое недостоинство: «Настоящего

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 28.

[2] Там же. С. 29.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Великая Среда. 1998 г.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 41.

После чудесного исцеления ног от Козельщанской иконы Божией Матери

покаяния нет у нас, нет того мытаря, чтоб стоял там тихонько: "Боже, милостив буди мне грешному", да я недостоин порог алтаря переступить, не то что еще в алтарь зайти. Вот такое покаяние сердечное — осознание своих грехов...»[1]

И вновь образ кающейся блудницы из Священного Писания отец Зосима приводит в качестве положительного примера. В этот момент в душе происходит перемена, человеку становится ненавистен его грех: «Христос всех прощал, только что говорил? «Иди и больше не греши». Вот это условие прощения нашего, условие покаяния, исправления жизни нашей»[2].

Господень призыв к покаянию звучит с равной силой через тысячелетия. И обетования Божии и безграничная милость Его непреложными остаются по сей день и останутся таковыми

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 102.

[2] Там же. С. 174.

до скончания мира: «Мы — духовные разбойники, и мы — духовные убийцы, и мы — духовные отступники и отреченцы от Господа, но нам Господь также дал Свое слово: "Покайтесь, ибо (и для вас всех) приблизилось Царствие Небесное". Всех нас ждет Господь, никого не отвергает. У Бога нет любимчиков, у Бога все одинаковы, все равны, все благодатны»[1]. «Бог милостивый, щедрый, долготерпеливый и кающихся всегда приемлет и простит. Радость в этом нашей веры должна быть особая, что мы не отвержены Богом, но всех нас Бог к Себе ждет в объятия Свои, милует и прощает всех, как Отец чадолюбивый»[2].

Даже если за всю жизнь исповедался, совершил так называемую генеральную исповедь, полезным будет окинуть критическим взглядом прошлое, припомнить все совершенные грехи, не углубляясь в их созерцание. Пусть грехи и прощены, но чувство вины за них должно подвигать к благодарению Бога за Его беспредельное милосердие, должно возгревать покаянное чувство:«Мысленно пройди свою жизнь... от босоногого детства твоего все вспомни, и грехи детства, и грехи отрочества, и грехи юности, и блуд, и злобу, и ненависть, все вспомни. Все перед Богом, и мысли свои плохие, и уныние, и отчаяние — все перед Богом помяни. И чтобы Господь был милостивый и простил нас, вздох покаяния каждого сердца за каждым присутствием в храме Божием мы должны приносить»[3].

«Запомните, родные мои, нет у Бога непрощенных грехов, все грехи прощает Бог, Бог милостив

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 204.

[2] Там же. С. 223–224.

[3] Там же. С. 281–282.

и многомилостив, — но искуплять вы должны свои грехи тяжкие, особенно блудные, особенно богоотступничество, особенно измена веры Христовой». Как правило, за тяжкие грехи духовник должен назначить епитимью. Но порой уже человека постигли тяжкие болезни и скорби, которые сами по себе, принятые со смирением, как от руки Божией, явились епитимьей, уврачевали душу: «Главная епитимья века нашего — это терпение. Что Бог ни дает, на все Божия воля, и все нужно спокойно переносить — без паники, без уныния, без нытья, без отчаяния, без мыслей на ближнего. За свои грехи мы и страждем»[1].

О МОЛИТВЕ В ХРАМЕ

Важное значение отец Зосима придавал храмовой молитве. В его обители келейное правило было дано немногим, в основном все молитвословия и молитвенные правила совершались именно в храме, соборно: «*Дом Мой есть дом молитвы* (Лк 19, 46). В молитве мы общаемся с Богом, обращаемся к Богу, просим в молитвах Бога, каемся в молитвах перед Богом. И Бог Сердцеведец все слышит, все весть и вся благая нам подает»[2].

Церковная молитва — лучший учебник, а то, что молитве нужно учиться, повествует Святое Евангелие, где Сам Господь наш Иисус Христос преподал урок молитвы своим ученикам и апостолам[3]. Отец

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 304.

[2] Там же. С. 27.

[3] См.: Мф 6, 5–13; Лк 11, 1–13.

Зосима говорил о необходимости молитвы в жизни христианина так: «Молитва дана нам Богом. Научи нас молиться, Господи! И пели мы сегодня: "Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое..." — Господня молитва, обращение к Богу. Мольбу, молитву, общение с Богом — вот что дал нам Господь всем. Молитесь! Без молитвы пустота и бессмыслица жизни будет всегда. Будем молиться — будет смысл жизни. Господь будет постепенно просветлять ум, давать все необходимое»[1].

«Свет Христов просвещает всех!» — слышим мы во время литургии Преждеосвященных Даров во время Великого поста. Этот свет батюшка Зосима видел, прежде всего, в богослужении: «В храме Божием, повторяю почти каждый раз, прежде всего мы идем к свету, от тьмы к свету. Почему и врата, которыми мы входим, — западные, идем к востоку, к свету, к алтарю святому, от запада, от тьмы, дабы во свете Христовом увидеть свет в храме Божием»[2]. «К храму Божию да стремится всякая душа, к радости. Мы радуемся солнышку, мы радуемся свету, мы радуемся храму Божиему. Духовное отдохновение всегда в храме находим, вздох сердечный. И в храме особенно мы молимся, прежде всего о самих себе и о своих невежествиях, о своих грехах. Вот о чем мы молимся в храме Божием»[3].

Высокое значение придавал отец Зосима поминовению во время Таинства Евхаристии. Сам он во время просительной ектении громогласно поминал множество тезоименитых в этот день людей — от патриархов до мирян. Это всегда

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 68–69.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 28.

поражало, как можно было держать в памяти такое множество именинников? «О живых всех молись всегда за литургией, никого не пропускай — ни добрых, ни злых»[1]. «Всех помяни: и крестных, и крестников, и священников, и архиереев, которых ты знаешь, — за всех помолись, и монахов, и в монастырях побывай мысленно, где бывали и знаете и что-то видели. Помолись о всех: и о воспитателях, и о учителях, и своих соучениках, и студенческую скамью вспомните, и профессоров, и докторов, которые нас лечили, и медсестер, которые нас истязали уколами, и банками, и склянками, и всем прочим»[2].

Заупокойное поминовение у батюшки Зосимы происходило так же харизматично, как и заздравное. Никто не оставался без его горячей молитвы — ни самые близкие ушедшие родственники, ни безвестные воины, положившие свои жизни на полях сражений за любимое Отечество: «О упокоении всех помяните. И те безымянные могилы воинов убиенных, всех старайтесь поминать»[3]. «Вот это и будет сердечная, светлая, добрая молитва храма Божия. Действительно, после этой молитвы сердечной, которой ты должен всю литургию молиться, уйдешь из храма, как в народе говорят, "намоленный". Светлым, спокойным, добрым пойдешь вновь в запад свой, во тьму жития сего. Но свет Христов, лампадочка, которую укрепили, огонечек ее, в храме Божием, будет освещать и горемычную дальнейшую нашу жизнь»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 30.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 30–31.

[4] Там же. С. 31.

Посещать храм в воскресенье — обязанность всякого христианина. За это отец Зосима обещал своим прихожанам и паломникам Божие благословение на всю неделю. «Особенно в день Господень стремитесь всегда посетить церковь, помолиться, Божиего благословения на всю седмицу получить, духовную зарядку благодатную, благодатное освящение, дай Господи, получить. И легко седмица будет проходить, и скорбей поменьше, и неудач поменьше будет. Потому что мы живем с Богом, с Божиим благословением»[1].

Церковное пение в Свято-Успенской Николо-Васильевской обители безукоризненное. Батюшка сумел воспитать прекрасных певчих как из сестер, так и из братии. Он относился очень трепетно к правильному исполнению церковных песнопений, а если слышал какое-то несовершенство, тут же из алтаря раздавался его строгий голос: «Это что там за пение такое!?» И этого было достаточно, чтобы все наладилось. Отец Зосима ценил не меньше, а может, даже главным считал молитвенность церковного пения: «Лучше те бабки пусть поют беззубые, чем эти вот певчие так называемые, артисты накрашенные»[2].

«"Едиными усты и единым сердцем" становится церковная община во время богослужения: "За эту милость общей молитвы, когда алтарь святой соединяется с храмом в общей молитве, благодарим Господа. И впредь, Господи, дай нам всегда ощущать единство духовной семьи, единство молящихся"»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 82.

[2] Там же. С. 34.

[3] Там же.

«Теплой, легкой, сердечной молитвы и просим мы всегда у Бога, чтобы не в тяжесть было наше посещение храма Божия — отстоять, оттопать, отбыть очередь да глупыми мыслями позаниматься, — а в облегчение совести, исцеление души...»[1] — так учил отец Зосима своих чад духовных, чтобы посещение храма не превратилось в рутину, но было всегда ощущение присутствия Божия, благоговение перед святыней. За благоговейное отношение к Своему дому Господь дарует покаянное очищающее настроение: «В храме Божием мы молимся, в храме Божием мы очищаемся от грязи греховной прошедшей и текущей жизни нашей в Таинстве исповеди, и Христос невидимо приемлет нашу исповедь»[2].

Живое ощущение ближнего как части себя и всех как единого церковного организма необходимо христианину — это образ будущего единства праведных во Христе в жизни вечной. Апостол Иаков писал в своем соборном послании: *Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного*[3]. Это передавал отец Зосима слушающим его слово: «Помогайте друг другу, поддерживайте друг друга, унывающим подавайте руку помощи. Помолитесь, особенно если чувствуете, что в унынии или растерянности человек, помолитесь с усердием церковным друг о друге, а молитва много может!»[4]

Только в храме совершается спасительное вечное Таинство Евхаристии, в котором христиане соединяются со Христом. Это Таинство не перестанет совершаться никогда, даже в будущей жизни. Еще

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 282.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[3] Иак 5, 16.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 330.

удивительно оно тем, что сами святые Ангелы желают видеть его и наслаждаться его созерцанием. Восхищаясь высотой Евхаристии, батюшка Зосима говорил: «В храме сподобляемся высшего небесного Таинства — причащения Тела и Крови Христовой, когда во время литургии священник или архиерей молится у престола с воздетыми руками, прося, чтобы Господь ниспослал благодать Духа Святаго на хлеб и вино и пресуществил их в Тело и Кровь Христовы»[1].

Неразрывность церковной жизни со всей остальной жизнью христианина, гармоничное соединение нашего быта с церковными традициями — в этом отец Зосима видел залог успеха в духовной жизни. Воцерковление всей своей жизни — от крещения до отпевания — достойная задача каждого: «В храме Божием вся духовная наша жизнь в основном проходит, и в храме Божием мы и последний раз в жизни и причащаемся, и в храм Божий уже приносят после мирной христианской кончины и останки наши, тело мертвое приносят, дабы и останки наши — тело — вместилище духа Святаго окадить ладаном благовонным, совершить погребение с честью, полить елеем святым и предать земле, в погребении, воспев "Вечную память"»[2].

ЗАПИСКИ И СИНОДИКИ

Естественное желание каждого христианина — молиться за ближнего, особенно если тот испытывает нужду, скорбит, находится в болезни, попал в беду.

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[2] Там же.

Обычно все имеют свои помянники, т. н. «синодики», которые постоянно пополняются новыми именами. По мнению отца Зосимы, это является признаком нормальной духовной жизни: «Имеешь синодик, пополняется он, значит хорошо, ты не мертвый христианин, а живой»[1].

Но и в поминовении нужно избегать формального отношения, начетничества. Без участия сердечного молитва не приносит пользы: «Подаете вы в алтарь, по пятьсот штук понаписываете, — то и читать я запрещу эти ваши книжки, это ваша ложь перед Богом, всех иеромонахов, всех архиереев посписывает, ты пиши близких своих в алтарь»[2].

Важным аспектом здесь также является аккуратность в составлении поминальной записки. Нехорошо, если она будет написана мелким почерком, неразборчиво. Такую записку тяжело прочесть священнику, приходится напрягать и так зачастую подорванное зрение. Здесь подающему записку нужно проявить любовь, не отягощать читающего: «Думаете, я возьму вот эту записку, много написанную, она мне в тяжесть читать, уже сразу говорю вам, как человек немощной. Дают — на, батюшка, почитай, да еще мелко понаписывают, и не читаю никогда. По сто человек понапишут. Ну десять человек, двадцать нормально почитаешь ты, не устанешь, нормально ты помолишься за них»[3].

И ненавидящих, и любящих нас — всех заповедал поминать в молитве церковной отец Зосима. Всю жизнь свою так можно составить из одних имен: «А каждый, за кого ты хочешь, синодик свой

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 283.

[3] Там же.

личный должен иметь, хоть целую книжку такую носи с собой, молись, поминай за каждой службой, начиная от босоногого детства своего, всех помяни, всех, с кем ты сталкивался в жизни, кто тебя рождал, кто тебя крестил, кто тебя наставлял, крестных, всех. Воспитателей, в детском садике которые тебя воспитывали. Учителей, которые тебя учили, врачей, которые тебя лечили — избавляли от болезни, всех помяни. И недоброжелателей, и с кем ты учился, с кем ты общался, кто-то тебе доброе делал. Вот, это синодик жизни твоей»[1].

Преподобный Антоний Оптинский писал в одном из своих писем духовным чадам: «Мы будем поминать, как умеем, на земле, а отшедшие души будут поминать нас на небеси, и небесная молитва их о нас больше приносит нам пользы, нежели наша о них. И не только праведники, коих души в руце Божией, молятся ко Господу о нашем спасении, но и души грешных тоже заботятся о нас, чтобы мы не попали туда же, где они, и, по евангельской притче, просят Авраама послать в дом кого-нибудь, чтобы он вразумил нас, что нам подобает творить, да избежим мучений вечных»[2]. О такой пользе поминовения усопших отец Зосима говорил следующее: «Житие какое-то читаете, или о старце каком-то услышали, или о старице какой-то что-то рассказали, — дай буду молиться за них, и они ж за меня будут молиться. И вот постоянный этот ваш синодик — книга жизни вашей, не прошедшей даром жизни, а именно духовной жизни — постоянно будет пополняться»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 283.

[2] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: В 2. т. Т. 2. П-Я. — М.: ДАРЪ, 2009. С. 54.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 283–284.

«И завещаю: помру, ребятки, положите мне и в гроб мой синодик. Пойду к Богу и скажу: "Господи, не даром прожил жизнь, за всех старался молиться и поминать"»[1], — такую важность имела молитва за ближнего в жизни схиархимандрита Зосимы. И это неудивительно, потому что молитва о спасении души — это проявление любви христианской, которая была для батюшки превыше всего в жизни.

ПОВЕДЕНИЕ ВО ВРЕМЯ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Благоговейное отношение к храму Божию, особенно во время богослужения, отец Зосима прививал своим духовным воспитанникам. По словам преподобного Амвросия Оптинского: «В церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби»[2]. Тем более нельзя отвлекать молящихся неосторожным поведением: «Не бегайте по храму Божию никогда. Туда-сюда мотаются, это только плохие люди, добрый человек пришел, встал и молится... Всякий шорох и лишнее движение — что? — отвлекают ближнего твоего от молитвы, и ты соблазном уже ближнему служишь... А то многие: на коленях люди стоят, тихо молятся, — лезет, переступает через ноги, толкается, она наперед всегда лезет, хамка такая. Стыдно смотреть на эту, извините, рожу противную... после этого»[3].

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 284.

[2] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: В 2. т. Т. 2. П-Я. — М.: ДАРЪ, 2009. С. 543.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 31.

«Не занимай так называемое "свое место"»[1].

Другой Оптинский старец, преподобный Антоний пишет о церковной свече: «Подавая во храм на свечи, не делайте замечания, поставят ли их пред святые иконы или нет. Эта ответственность на тех, кто берет деньги и не ставит, а вы за свое усердие получите от Бога награду»[2]. В этом же духе отец Зосима наставляет свою паству: «Купил ты свечечку, она уже пошла к Престолу Божию прямо, как милостынька. Это должны все знать и вот этой ложью не заниматься: самой только поставить трясущимися руками, самой стоять смотреть эту свечку, людей отвлекать от молитвы»[3]. «Купил свечечки, тихонько передал их наперед. Куда их поставят, к какой их иконе поставят, я Богу эту свечку передал в жертву. Когда она сгорит там?.. Может, ее еще десять раз нужно на нужды храма понести да продать, ибо эти свечки дороже нам обходятся, чем вы их покупаете... Тихонечко положил свечки Богу, как та вдовица две копеечки принесла от чистого сердца, положила, и все. Она не думала, кому ж деньги ее пойдут, последние две копеечки. Она принесла их Богу»[4].

Внимательно относиться к стоящим рядом в храме, боясь смутить их, расстроить их молитву, призывает отец Зосима в одном из своих обращений к пастве. Особенно осторожно нужно подходить к Таинству исповеди: «Прошу вас, всегда благоговейно относитесь к исповеди, всегда — замечание делаю — стоит и громко бурчит на исповеди: тихонечко, шепотом свою нечисть говори. Твои грехи

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 31.

[2] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: В 2. т. Т. 2. П-Я. — М.: ДАРЪ, 2009. С. 543.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 32.

[4] Там же.

абсолютно никому не нужны — мразь твоя, стыдно тебе должно быть и перед Богом. Это знайте все и благоговейно исповедуйтесь»[1].

Одежда при посещении церкви должна иметь подобающую скромность, как весь внешний вид. Соблазном служит церковнослужитель, поющий на клиросе, любой работник храма, имеющий нескромный внешний вид или неблагоговейно себя ведущий: «Даже не знаю, как это там городские дамы эти ходят раскрашенные, певчие эти, безбожные артисты эти, накрашенные, распатланные поют. Говорят: "В церкви мы не были, мы были в опере церковной". Вот так, не поют, а завывают. По-оперному все там, души-то нет. А как хорошо в деревне: хоть и просто поют, но с душой поют»[2].

С древности христианские храмы делились на мужскую и женскую части. Это было заведено еще со времен ветхозаветной Церкви, когда в синагогах евреи собирались для слушания Священного Писания, пения псалмов и молитвы. Такое раздельное расположение помогает молящемуся не блуждать взглядом, не отвлекаться от молитвы, богомыслия, слушания церковных песнопений. Соблюдать это церковное правило призывает отец Зосима своих прихожан: «Бабы туда, к мужикам, никогда не тулитесь... А мужики — гоните баб оттуда. Чтоб юбки там не болтались! Вон на свою сторону — и сиди. Будьте строги к уставу церковному! Мужчины — по правую, бабы — по левую сторону. Уж так это заповедано — никуда от этого не денешься»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 96.

[2] Там же. С. 212.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Великая Среда. 1997 г.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ БЛИЖНИХ

Широко распространена ошибка новоначальных, когда они, воцерковляясь и переживая новый, изменяющий всю жизнь духовный опыт, пытаются приобщить к нему своих близких. Открытие духовной реалии не может оставлять безразличным человека, входящего в церковную жизнь. Хочется поделиться своими впечатлениями с родными, которые почему-то не очень одобряют новое «увлечение», а то и у виска покрутят пальцем, назовут «фанатиком». Здесь необходимо вспомнить слова Христа Спасителя: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня*[1]. У каждого должна произойти личная встреча со Христом, каждый добровольно должен избрать путь к Отцу Небесному. Единственное средство, которым мы можем приблизить воцерковление ближних, — наши усердные молитвы о них, как говорил отец Зосима: «Придет время, когда Бог его по молитвам нашим призовет к вере, — он сам попросит и водички святой, и просфорочки, и крестик. Насильно вешать кресты не нужно, чтоб не срывали, не кощунствовали. Насилие, помните, — грех. Никогда насилие не делайте, а молитесь за всех несчастных, чтоб их Господь призвал, чтоб они сами надели эти кресты, сами стремились к покаянию, сами попросили святой водички и святой просфорки. Никогда, ни в чем никого не насилуйте, насильно не тащите в храмы Божии мужиков, баб своих и прочее»[2].

[1] Ин 14, 6.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 267–268.

Немаловажен здесь и личный пример. Необходимо явить духовные плоды своей церковной жизни, чтобы родные увидели положительные перемены и сами захотели подобным образом измениться к лучшему.

О ЛЮБВИ К ВРАГАМ

Новое учение принес в наш мир Христос Спаситель о любви к врагам. Жестокий мир современников Его пришествия во плоти не знал пощады обидчикам. *Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу...*[1] — таков был закон. И то, что говорил Господь, призывая быть совершенными, как Небесный Отец, казалось безумием: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас*[2]. Пример этой совершенной любви показал нам Сам Христос, с Креста молясь за своих распинателей. Взирая на нашего Подвигоположника, отец Зосима проповедал христианскую любовь: «Врагов ваших любите. А любить как? Это молиться прежде всего должны, с любовью сердечной, с теплотой. Думать: "Какой глупый человек! И чего враждовать, и чего не хватает, да вразуми его, Господи". Всегда кто досаждает нам, кто творит нам зло, вот такая добрая, сердечная молитва»[3].

Хоть и труден подвиг молитвы за нанесшего обиду, но необходимо переломить себя, погасить злобу,

[1] Исх 21, 24.

[2] Мф 5, 44.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 30.

вспомнить Божию заповедь. Начало безгневия есть молчание уст...»[1] — учит преподобный Иоанн Лествичник. Поэтому нужно для начала научиться молчать при возмущении, появлении раздражения, не отвечать ничего обидчику. Когда удастся совладать с этим, тогда уже нужно вспоминать какую-нибудь короткую молитву. «Мы обязаны исполнять заповедь Божию: "Молитесь и за врагов и недоброжелателей ваших". Молитва очень много может, но не со злом молиться, как мы некоторые: накажи, Господи, и прочее. Вразуми, Господи, приведи к покаянию, дабы злоба, и нечисть, и ненависть исчезли. Вот какова светлая, чистая молитва должна быть и о врагах наших»[2]. «За недоброжелателей и трудно — подвиг молиться: молитесь за них, за врагов, за обидчиков ваших. Как мыльный пузырь, лопается злоба, когда мы молимся за своих обидчиков, знайте»[3].

Молитва вскоре принесет свои плоды: утихнет волна возмущения, понемногу восстановится мир душевный, а впоследствии возвратится и доброе, любезное, дружеское отношение с тем, с кем был в ссоре: «Молитва смягчает сердце, злоба утихает, сердце умиротворяется, и радость, и смысл жизни появляются... Молитесь за обидчиков, нечего мстить: "Я тебе, такой-сякой или такая-сякая". Бог им Судия да будет, помолимся, и все пройдет. И будет мир и тишина в сердце: и самим радостно, и врагам радостно, и людям, окружающим нас»[4].

---

[1] *Иоанн Лествичник.* Лествица, возводящая на Небо. — М.: Издательство «Лествица», 2000. С. 182.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 281.

[3] Там же. С. 34.

[4] Там же. С. 35.

Всем известно учение преподобного Серафима Саровского о стяжании мирного духа, как оно изменяет самого человека и как влияет на его окружение. Если будем сами с Божией помощью очищаться от греха и страстей, Господь преобразит наше сердце, Сам вселится в него и таинственным образом будет преображать окружающий мир: «Почему мы с особой любовью сегодня молились и молимся о врагах наших, о недоброжелателях наших и прежде всего о самих себе, чтобы не было у нас каменное, жестокое сердце, как во многих оно бьется, чтоб плотяное, любящее, доброе сердце... И когда наше сердце смягчится, тогда и окружающих людей всех смягчится сердце. Сами знаете: когда простишь от всего сердца — камень падает тогда с души, легко становится, радостно становится, Пасха»[1].

МИР ДУШЕВНЫЙ И ЧИСТОТА СЕРДЕЧНАЯ

Познать Бога, увидеть Его воочию может любой человек. Мало того, каждый из нас призван к этому познанию и созерцанию Самим Христом в евангельской Нагорной проповеди. Эти слова мы слышим за каждой литургией: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*[2]. И это обращение Спасителя не только к Его ученикам, а всем сошедшимся с побережья Галилейского моря две тысячи лет тому назад и внимающим словам необычного учения. Это — призыв и ко всем нам. Исполнение этой заповеди

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 206.

[2] Мф 5, 8.

блаженства — необходимое условие нашего спасения и спасения наших ближних. Отец Зосима сугубо молился о сердечной чистоте и мирном духе во время богослужения: «Чтобы познать Иисуса Христа, сердце чистое нужно иметь, а лукавое, недоброе сердце никогда не познает Иисуса Христа, Спасителя нашего. Вот об этом всегда нужно задумываться и сердце чистое всегда просить у Бога. Почему и за литургией особенно прошу: "Господи, дай мне мирное сердце"»[1].

Житейские попечения увлекают нас в водоворот событий. Окружающая среда, особенно в больших городах, навязывает свой ритм и настроение. Трудно среди мирского шума сохранить мирным сердце, удержать ум в молитве. Для успокоения духа, приведения чувств в порядок и умиротворения опытный монах и молитвенник батюшка Зосима советует прибегать к церковной молитве: «Действительно, то, что нам всем необходимо, храм дает — умиротворение сердца. Здесь именно наступает мирность сердца, мирность духа, к чему стремились великие подвижники и преподобные отцы Серафим Саровский, Амвросий Оптинский. Все стремились к этой мирности духа. В миру ты ее не найдешь, вот именно здесь приходи к мирности духа, стяжай этот благодатный дар Божий и неси этот благодатный дар в дальнейшую свою земную жизнь»[2].

«Почему мы такие злые, беспокойные, недоверчивые, маловерные? Мирности сердца нет, корень всех зол то, что просто мира в сердце нет. "Стяжи мир в сердце своем, — знаменитые слова преподобного Серафима, — спасешься сам, и вокруг тебя тысячи

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 36.

[2] Там же. С. 88.

спасутся". Вот об этом постоянно размышлять надо, об этом постоянно думать и учиться мирности сердца. Хранить сердце и от гордости, и от тщеславия хранить сердце свое, не по наружности показывать свое мнимое фарисейское благочестие, а внутри, в глубине хранить себя в чистоте, как хранил преподобный Серафим»[1] — так убеждает батюшка, взирая на опыт святого угодника Божия, очищать свое сердце от страстей. Этот духовный труд многие опытные духовники считали необходимым как для монахов, так и для мирян. Если оставить эту сторону духовной жизни в небрежении, то легко можно подвергнуться раздражительности и осуждению, которые становятся стеной между человеком и Богом: «В грязном сердце Бог никогда не явится, злому сердцу никогда Бог не покажет Себя. Чистое сердце. Избранники Божии, как преподобный Серафим, могли лицезреть славу Божию»[2].

Преподобный Макарий Оптинский пишет своему духовному чаду: «Мир не достигается без борьбы со страстями и победы над ними, а когда они наши господа, то где мир? — не всегдашний ли плен?»[3] Избавляться от этого плена — это постоянный труд со вниманием. Ведь разрушить мир в душе можно не только злым словом или поступком. Даже недобрый помысел: осудительный, хульный, блудный, раздражительный и т. п. разрушает мирное настроение сердца.

И наоборот, можно с мирным, добрым сердцем, с любовью проявить необходимую внешнюю строгость. Это особенно нужно уметь начальствующим

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 242.

[2] Там же. С. 243.

[3] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: В 2. т. Т. 1. А-О. — М.: ДАРЪ, 2009. С. 412.

или родителям при воспитании детей. Об этом отец Зосима говорит так: «Даже и сердишься когда, языком своим посердись, умом своим посердись, — а сердце мирное, отрезанное от всего, сердце спокойно молится. Благодать Божию не оскверняй в сердце, Духа Святаго никогда... Как самовар тот бухтит, что-то сказал там, без этого мы никак не обойдемся, начиная с меня и всеми вами кончая. А сердце мирное: повернулся, улыбнулся — и все с тобой улыбнулись, и мирно и хорошо»[1].

Но стяжать мир душевный невозможно только человеческими усилиями, необходимо прибегать в молитве к Божией помощи: «Особенно утром, молитвой Оптинских старцев, вздохни, читая ее, — дай мне умиротворение сердца и дай мне терпения, Господи»[2].

ВЕРА БЕЗ ДЕЛ МЕРТВА

Приобретая дух мирен, мы сможем явить и плоды своей веры: мирное устроение, равную ко всем любовь, незлобие, воздержание, кротость, милосердие, рассудительность и проч. Но пока эти дела веры, которые одновременно являются и проявлениями Духа Божия, живущего в человеке, не явились либо проявляются временами, то говорить о полноте нашей веры бессмысленно: «Из нас здесь никого, ни одного человека верующих нет, мы все лжецы и обманщики... Мы все только идем к Богу: что священники, что архиереи, что патриархи. А верующими мы будем

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 307.

[2] Там же. С. 304.

когда? Когда руки сложат на грудь, в гроб нас положат, крест деревянный, если заслужим, дадут... Тогда уже не мы сами ложь скажем, а за нас скажут, что был верующий человек, добрый, светлый, как жалко его и хоронить, и расставаться с ним»[1].

Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе[2], — говорит апостол Иаков. Вера, не воплотившаяся в добродетели, чужда христианину[3], тем более грубые греховные проявления несовместимы с этим высоким званием: «А что мы творим, эти так называемые верующие... Мы ж своей жизнью попираем веру! Мы ж кощунствуем над Богом в своей жизни и кричим: "Верующие!"»[4]

Отец Зосима не терпел лицемерия даже в малом слове и искренности, правдивости перед самим собой в первую очередь учил своих духовных чад: «И дай, Господи, нам... быть настоящим верующим человеком. Не по словам, а по жизни и по делам нашим. А от своих дел или прославишься, или постыдишься... никогда не пустословьте, что вы верующие. Никакие мы еще не верующие»[5].

МИЛОСЕРДИЕ

«Милостыню творите. «Милостыня — царица всех добродетелей», — говорит святитель Иоанн Милостивый. Дай бедному, несчастному, окажи

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 40–41.

[2] Иак 2, 17.

[3] *И бесы веруют, и трепещут* (Иак 2, 19).

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 41.

[5] Там же.

помощь кому, по силе и возможности потрудись для милосердия»[1]. Так отец Зосима говорит об этой важнейшей христианской добродетели. Почему она так важна? Потому что она возводит своего делателя на Небеса. Сам Господь Иисус Христос во Святом Евангелии обещает ввести милостивые души в Царство Небесное: ... *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. <...> истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*[2].

По словам батюшки Зосимы, милостыня подобна строительному материалу для обители небесной: «Вот и будешь себе созидать кирпичик за кирпичиком дворец в вечности, обители райские, свои уже палаты, свои комнаты. Разные эти комнаты и палаты. Одни прекрасные дворцы имеют — от всего сердца всегда дающие, пусть и мало, то, что имеют, но от всего сердца. Они светлые, радостные палаты будут иметь»[3]. «Подал с душой страждущему напиться, с любовью... — уже кирпичик ты положил в своем доме. Накормил ты бедного пса или кошку бездомную, птичек покормил — уже ж ты кирпичик положил. Накормил ты кого-то бедного, страждущего с любовью: "На доброе здоровье, Ангела за трапезой, покушай пищи нашей" — вот и положил кирпичик... Пришел в храм Божий молиться

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 43.

[2] Мф 25, 34–36, 40.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 43–44.

за всех — вот и кирпичик себе положил. И так всю жизнь, кирпичик за кирпичиком, и идет наше домостроительство в вечность, домостроительство небесное»[1].

Так велико милосердие в очах Божиих, что Себя он уподобляет принимающим помощь от нас. Поэтому не следует малодушествовать и скупиться при оказании милости нуждающимся: «Другие — мрачные, а третьи какие-то землянки будут там иметь за свою скупость. А вообще жестокосердные — только мне, мне, мало, мало — такие ничего не будут иметь на том свете, там будет для них только ад кромешный, и тьма кромешная, и скрежет зубов»[2].

Даже доброе слово, ласковый взгляд, приветливая улыбка послужат за милостыню, если подать нечего: «Не имеешь ты чего-то, так хоть улыбнись доброй улыбкой, разведи беспомощно руками: "Рад бы, да пустые карманы". И уже человеку радостно, и уже ты не как зверь обратился: "Отстань от меня, отойди от меня", — а с радостью и с любовью; вот уже и кирпичик, даже и из ничего, с любовью, с добротой сердечной можно делать этот кирпичик»[3]. Глубокая вера в Промысл Божий помогает быть щедрым на подаяние нуждающимся. Это подтверждает церковное Предание, такова была и вера отца Зосимы: «Пораздаю деньги — на меня ворчат: "А завтра что будешь давать?" Ничего, завтра Бог чего-нибудь да пошлет. Смотрю, к вечеру уже и приплыли денежки мне и еще что-то приплыло, во славу Божию»[4].

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 44.

[2] Там же. С. 44.

[3] Там же. С. 44–45.

[4] Там же. С. 47.

ДУХОВНАЯ БОРЬБА

«Воинами будьте, но не рабами греха и страстей. Как страшно попасть в рабство диавольское!»[1] — так призывает схиархимандрит Зосима к борьбе своих чад в евангельском духе, как и апостол Павел, сравнивая христиан с воинами, ведущими духовную брань: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие*[2]. «И вас зовет Господь: будьте избранным стадом Божиим, отходите от греха, стремитесь исполнить заповеди. Будьте смиренные, кроткие, мирные. К чистоте жизни стремитесь»[3].

«Бог любит чистоту», — написал в своей предсмертной записке отец Зосима, и это подтверждается словом Спасителя, заповедавшим явиться тому, кто чист сердцем: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот*

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 58.

[2] Еф 6, 11–17.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 58.

возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам[1].

Борьба в жизни христианина, ставшего на путь духовной жизни, неизбежна, иначе не было бы и награды за победу, не было бы святых. К совершенству и святости призваны все без исключения люди, но для этого необходимо мужественно, с Божией помощью готовиться к духовной брани: «Конечно, похоти будут брать нас. К чистой жизни нужно стремиться. Время сейчас спасать душу от тяжких времен и тяжких испытаний»[2]. Как опытный монах, батюшка Зосима советует вооружиться терпением: «Учиться терпеть в наше время, крепко терпеть учиться. Научимся терпеть — легче будет нам нести наш жизненный крест»[3].

Терпением и молитвой советует он побеждать искушения духов злобы поднебесных: «Бес будет мстить, всех будет мучить, полчища бесов на нас будут восставать. И недовольство будет: и на кухне не такую сварили пищу, кругом, и в церкви не ту книжку дали, не те ноты дали... Все это будет... Вот так бесяка будет колотить. "Стоп, бес, не искушай, отойди от меня, сатана!" — вот так побеждайте беса. Чтоб вы не были посмешищем бесовским, диавольским, но чтобы действительно вы были воинами»[4]. «Воины мы все духовные должны быть во всеоружии, облекшися противу диавола, восстающего в нас, и должны быть воинами-победителями»[5]. «Что ни случается в жизни, коль призвал Господь

[1] Ин 14, 21.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 60.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 138–139.

[5] Там же. С. 302.

в храм — будьте терпеливы... Вразуми нас, Господи, не избирать широкий путь, ведущий к погибели, а тесный путь гонений, путь клеветы, путь скорбей, путь даже до богооставленности бывает, как претерпел путь Спаситель, когда Отец Небесный оставил... Запасайтесь терпением, учитесь этому святому великому дару победы над диаволом. Самое сильное оружие против диавола — это безропотное терпение»[1].

Но на молитву тоже нужно себя подвигнуть, располагая своим временем и силами разумно. Вот что советует отец Зосима при сильной усталости, когда еще предстоит исполнить молитвенное правило: «Стань на молитву, дьяволята сразу рот раскрывают: "а-а ой, спать уже хочется". Дьяволята всю суету тебе подсунут сразу: и то надо делать, и то не успел, и... Ой, Боже мой! Дьяволята тут сразу же свинцом наши глаза слипают, ничего не вижу — спать. Все уже, вот это диавольское такое вот искушение, удивляться нечего этому, борьба диавола. Но дай Господи благоразумно побеждать. С вечера... мы немощные натопчемся за целый день, и аз грешный также, лягу, отдохну сразу, перекрещу лоб грешный, посплю. А потом ночью Господь пробудит, толкнет под бок — да и можно помолиться тихо. Весь мир спит. Хоть лежа на кровати, включи свет и тихонько помолись. И то, что ты бормотал бы своими отяжелевшими глазами, ничего не соображая, час — ты за десять минут спокойно помолишься, все успеешь и еще потом перекрестишься и так сладко захрапишь до утра»[2].

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Память святого праведного Иова Многострадального.19 мая 1997 г.

[2] Там же.

В брани со страстями решающую роль играет осознание мерзости греха, ставшего стеной между человеком и Богом. Опытный в духовной борьбе святой псалмопевец Давид призывает нас: *Любящие Господа, ненавидьте зло!*[1] Зло — это, прежде всего, наши укоренившиеся греховные навыки, нравственные пороки, отлучающие нас от благодати Божией: «Еще условие такое победы над бесами, над своими пороками: возненавидеть грех нужно. Если мы не возненавидим грех, мы никогда его не победим. Если пьяница не возненавидит водку и всю нечисть, которая с ней связана, — никогда не победит этого греха. Если курильщик не возненавидит табачный дым лютой ненавистью — он никогда не победит этот грех. Если блудник не возненавидит прежний путь гадкой блудной своей жизни или блудница, — они никогда не победят этот грех. Без конца будет диавол тянуть их к этому греху. Если прочие грехи, если злобу мы не победим в сердце своем, не возненавидим эту злобу — мы не победим эту злобу. Так со злобой мы и будем жить, и умрем, и в ад пойдем со своей злобой. Возненавидеть грех нужно»[2].

Но винить в своем грехе диавола, бесов, а тем более людей и обстоятельства не нужно, лучше осудить себя, признать личную вину и немощь со смирением, тогда Господь Сам оправдает нас: «Самоукорение — вот чем достигали великие старцы особой благодати Божией. Укори себя, что ты нерадивый, не кто-то другой, а ты сам. Что ты ленивый, что ты бестолковый. А Господь, видя твое самоукорение без гордыни, обязательно возвеличит тебя»[3].

[1] Пс 96, 10.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур)*. Проповеди Великого поста: Мариино стояние. 1999 г.

[3] Там же.

РАЗЛИЧЕНИЕ ПОМЫСЛОВ

По учению святых отцов, все мысли в нас бывают трех видов: человеческие, демонские и ангельские. Все светлые, добрые мысли происходят от Ангела Хранителя и от Духа Святого, а греховные, нечистые, темные — от нашего падшего естества и от диавола. Различение этих видов помыслов является великим искусством опытных в духовном делании подвижников. Но самые простые рецепты, доступные каждому, отец Зосима рекомендует применять так: «Первая мысль от Бога, а последующая — уже от диавола, сразу противоречивая мысль, диавол сразу противную мысль дает этой первой мысли. Не слушай уже вторую мысль никогда, первой будь верен — Богу, призвал Господь — иди к храму. Что ни случится, пусть к тебе полная хата гостей понаедет: "Ой, прошу прощения, в больницу срочно надо ехать" — или еще что-то. Собралась, поехала в церковь. И гости твои целы будут, накормлены, и все будет хорошо»[1].

Какими бы «благовидными» ни казались предлоги, внушаемые диаволом, необходимо решительно избрать благое внушение Ангела Божия. Преподобный Серафим Саровский говорил о себе, что он считал от Бога лишь ту мысль, которая первой появлялась в его голове. Последующие рассуждения его ума оказывались ошибочными, если он отвергал по человеческому рассуждению первый, пришедший от Бога, благой помысел. По примеру преподобного Серафима, отец Зосима советовал

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 81.

поступать и отвергать лукавые внушения: «Вторая мысль от беса, сразу же отсекать ее, быть верным всегда первой мысли Божией. Вот эту святую мысль Божию всегда дай нам, Господи, разуметь, вот и будем мы жить по воле Божией, а не по своим похотям греховным, диавольским»[1].

Христианам при святом крещении дан от Господа Ангел Хранитель, который оберегает человека от греховных ошибок и внушает благие помыслы: «Всегда слушайте ангельского голоса — первая мысль от Бога идет, вторая от дьявола всегда идет. Всегда послушай. Стой. Боже такую мысль дал светлую пойти в храм. А дьявол сразу: глянь в окно, вон лед какой, да ты ж расшибешься, да ты ж то, се... Ничего. Победили дьявола — пришли». «Ангел говорит: "Дай легкой рукой милостыню кому-то". Дьяволята тут же: "Так у тебя ж самого этих денег только на хлеб хватает, как же ты будешь жить?" И обязательно искушают. Дай, Господи, чувствовать это, побеждать дьявольские искушения. Голоса ангельского всегда слушайте»[2].

БЛАГОДАРЕНИЕ БОГА

За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе[3] — повелевает нам Священное Писание. Умение все происходящее в своей жизни принимать как от руки Божией было отличительной чертой схиархимандрита Зосимы. Он с равной

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 81.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[3] 1 Фес 5, 18.

благодарностью ко Господу переживал и радостные и горькие события. Любуясь, как растет его детище — Успенская обитель в с. Никольском, он благодарил Бога: «За все слава Богу! Вот это самое главное — благодарение Богу, а Бог никогда благодарных чад Своих не оставит...»[1] «Не забывайте за все обстоятельства жизни поблагодарить Господа. А будет благодарность Богу — будет и радость, будет и спасение: "Вера твоя спасла тебя"»[2]. «И мы благодарим Господа: хоть и редкие дождики, но перепадают — еще Господь нас не оставляет, все нам дается. Все, слава Богу! Завтра поблагодарим Господа»[3].

И в дни нелегких испытаний веры, переживая пытки в застенках спецслужб, батюшка не переставал славословить Господа и даже говорил, что научился так Иисусовой молитве: «Но благодарить, праведный Иов Многострадальный говорит, не только нужно за хорошее, но и за испытания»[4].

А как часто мы забываем о благодеяниях Божиих, о Его человеколюбии и щедрости, о том, что Господь прощает нам малые и великие грехи, дарует благополучие, здоровье, пищу и саму жизнь: «А "Благодарим Тя, Христе Боже"? Ой, на пальцах пересчитаешь, чтоб сознательно прочли эту молитву благодарственную о пище, о даре Божием»[5]. «Если Господь и дает какую-то благодатную помощь, мы подобны бываем этому самарянину? Почти нет, никогда.

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 208.

[2] Там же. С. 93.

[3] Там же. С. 254.

[4] Там же. С. 89.

[5] Там же.

Забываем сказать простое: "Слава Тебе, Господи! Тебе, Господи!"»[1]

«Зуб тяжкий полечили, вырвали, тяжкая болезнь: "Антипа святой, выручай, бо беда тяжкая со ртом". "Тебе, Господи" сказали? "Слава Тебе, Господи" мало сказало, мало, мало сказало»[2].

Если научиться видеть в каждом событии нашей жизни мудрый Промысл Божий, то легко станет переживать и скорбные минуты: «Пальто унесли, или гроши украли, или машину угробили, или что там. Ну что ж, а потом: "Слава Тебе, Господи". А может, это пальто заразное какое-то для нас было, может, за это пальто нас убили бы когда-нибудь, а так убрали, унесли, новое чё-нибудь наденем. А может, на этой машине, которую украли, мы бы разбились в смерть и семью погубили бы. Увели — увели, пусть уводят на здоровье. Бог пошлет еще колеса»[3]. «Никогда не унывай. За все слава Богу. И за грехи слава Богу, и за искушения, и за испытания, и за все слава Богу. И за добрые дела. За все слава Богу. Вот это святое чувство благодарения Богу да наполняет всегда наши сердца»[4].

Господь благотворит нам всегда, независимо от того, замечаем мы это или нет. Но от нашей благодарности зависит, насколько долго эта милость Божия не отступит: «Садишься за руль — "Господи, благослови!" — многие перекрестятся? А приехал — перекреститься: "Слава Тебе, Господи, благополучно я приехал". А вдруг там аварию Господь, может, какую-то мне предотвратил, наглую смерть в пути...

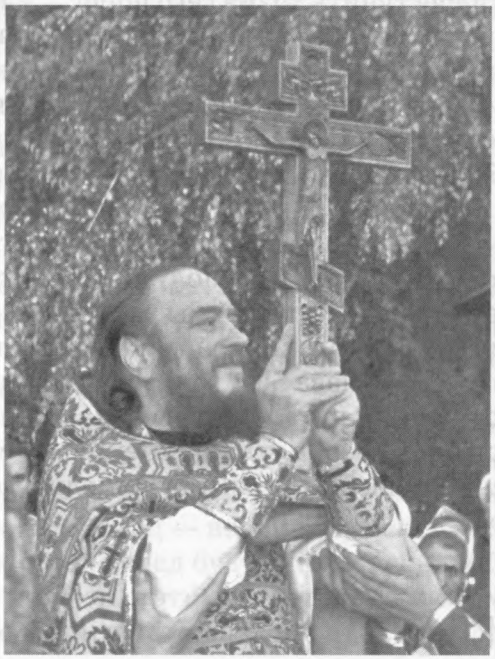
---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 85.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.



Воздвижение Креста

Не будьте неблагодарными, этими девятью прокаженными, а будьте всегда благодарными самарянами этими»[1].

Особенно настойчиво отец Зосима просил благодарить Бога за то, что Он призвал нас к вере, открыл нам новую жизнь в Святой Церкви, за радость общения с Господом: «Самая высшая благодарность — благодарность Богу за то, что призвал Он нас всех к вере»[2]. «Особенно когда ко храму приходите: "Слава Тебе, Господи, еще один раз в жизни Господь

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 86.

[2] Там же, с. 87.

сподобил меня переступить храма сего порог"... как нужно благодарить Господа за эту радость: еще раз побыли, еще помолились»[1]. «За эту милость Божию, за подвиг молитвы в нашем храме благодарим мы Господа. Что Господь сподобил полностью выслужить все службы святой Пятидесятницы, Пасху Христову, во славу Божию»[2].

И каким бы тяжким ни был жизненный крест, за него должно воздать хвалу Господу, потому что Он дает именно тот крест, который мы в силах понести. Об этом свидетельствует своей жизнью святитель Иоанн Златоуст: ««Слава Богу за все!» И с этими словами многотрудный путь крестный завершил Иоанн Златоуст и не умер, а уснул. Успение. Ушел в вечность в день Воздвижения Креста Господня, донес свой крест»[3].

СМЕРТЬ

По-христиански относиться к смерти значит — не бояться ее, потому что для верующего *жизнь — Христос, и смерть — приобретение*[4]. И даже радоваться приближению конца временной жизни учил отец Зосима в евангельском духе: «Всегда будьте готовы к христианской мирной кончине, не с ужасом, а с тихой радостью. Спокойствия и умиротворения и "добраго ответа на Страшнем Суде". Всегда к этому стремитесь, родные мои. Будет тогда радостно

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 87.

[2] Там же. С. 207

[3] Там же. С. 94.

[4] Флп 1, 21.

на сердце, легко будет на сердце, ты будешь настоящим христианином...»[1]

Посещая своих схимниц, батюшка Зосима, хоть и намного был моложе духовных чад, с высоты своего богатого монашеского опыта по-отечески мог говорить с убеленными сединами старцами. «В богадельню пойду, скажу бабке какой: "Помирать будешь". — "Да что ты, помирать? Нет, жить, жить!" Чего жить — грешить? Да дай, Господи, память смертную, да скорей уже в гроб скатиться с кровати, да и поехать домой на покой, да и все, чего уж там»[2].

За каждым богослужением Святая Церковь возносит прошения о доброй, непостыдной кончине нашей земной жизни. Ведь недаром говорят в народе: «Конец — всему делу венец». Конечно, остается страх перед будущим Страшным Судом, но он-то и должен стать созидательным стимулом добродетельной, чистой жизни. Этот созидательный страх должен в конечном итоге обратиться в радость: «И что Бог ни даст... ну помрем, дай Бог, христиан отпоем — молимся за каждой службой, вздыхаем: "Христианской мирной кончины дай, Господи". И певчие поют: "Подай, Господи!" И тут же нам страшно: "Умру, ой как страшно". Ну чего ж страшного? С радостью!»[3] «Всем желаю, хоть мы и грешные люди, но обязательно со вздохом всегда каждый день помолитесь: "Господи, только дай мне христианскую мирную кончину, когда придет время, и добрый ответ на Суде Божием"»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 97.

[2] Там же. С. 90.

[3] Там же. С. 91.

[4] Там же. С. 207.

Радость приближения вечности у отца Зосимы сопровождалась бесконечной благодарностью за прожитую жизнь: «Вечером приду в келлию, на сон грядущий перекрещусь на святые образа: "Слава Богу, день протопал". Уже не говорю: "ближе к смерти", чтоб вас никого не шокировать. Ближе к Царствию Небесному. Еще на один шаг, еще на один день, вздохну. Вот так»[1].

ЛЮБОВЬ К СВЯТЫНЕ И СВЯТЫМ

Церковь земная — воинствующая и Церковь Небесная — торжествующая едины Духом Божиим Святым. Это единство удивительно чутко переживал схиархимандрит Зосима. С необычайным трепетом он относился ко всему, что в нашей земной жизни приближает нас к горнему миру, дает возможность еще в этой жизни прикоснуться к вечности. По-родственному просто и одновременно благоговейно, с детским восторгом и любовью батюшка чтил память святых.

Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) Симферопольского и преподобного Амвросия Оптинского:

«Как я чту память и благоговею перед ним всегда и как я чувствую всегда озарение от святителя Луки, благодатную помощь его! Действительно чудотворец предивный нашего страшного XX века»[2].

«Особенно питайтесь житиями святых угодников Божиих, все там найдете, ответы на все вопросы

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 208.

[2] Там же. С. 94.

жизни. Почитайте внимательно житие и святителя Луки, и преподобного Амвросия, и вы узнаете, как жили и спасались великие угодники Божии и нам этот путь спасения указуют»[1].

Святителя Спиридона Тримифунтского:

«Праздник святителя Спиридона, епископа Тримифунтского, чудотворца, знаменитый Спиридоньев день. Какая чудная жизнь, хоть каждый день читай, — поэзия настоящая, никак не начитаешься, житие его»[2].

Священномученика Антипы, епископа Пергама Асийского:

«Праздник... священномученика Антипы, епископа Пергама Асийского. Икона со святыми мощами его хранится у нас в храме Божием. От зубной боли и от болезни нас избавляет. Все время зубы болят — куда? До Антипы. Чтобы врачи поковыряли полегче, чтоб не так болело. И помогает Антипа, друг-приятель, так что будем память его чтить в субботу и акафист будем читать у иконы с мощами священномученику Антипе»[3].

Преподобного Серафима Саровского:

«Сегодня праздник всей нашей Русской земли — память особо любимого, дорогого для нас угодника Божиего, преподобного Серафима Саровского, чудотворца. Кто с детских лет не знает это имя, кто не влюблен был в преподобного Серафима Саровского, кому не мил и не дорог этот образ доброго старца, преподобного Серафима Саровского? Нет дома почти ни одного или квартиры, где бы

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 99.

[2] Там же. С. 100.

[3] Там же. С. 158.

иконочка не находилась преподобного Серафима Саровского»[1].

Великомученика Пантелеимона Целителя:

«Как живой нас всегда встречает всех в храме нашем святой великомученик Пантелеимон — образ его со святыми мощами»[2].

Великомученика Иоанна Воина:

«Всех нас встречает святой великомученик Иоанн Воин иконой со святыми мощами и провожает. Наш сторож, наша защита, наша надежда и помощь небесная»[3].

Храмы Успенской обители украшены прекрасными святыми образами, фресками. В келье самого отца Зосимы нет свободного места — все с любовью украшено дорогими для батюшки иконами Спасителя, Матери Божией и многих почитаемых старцем святых. Иконопочитанию он учил в проповедях: «И нам дай, Господи, почитать лик святой Божий Господень. Почитать лик Божией Матери, почитать лик угодников Божиих. Молиться, поклоняться им, и через эти лики святые да благодать Божия снисходит»[4]. «Дай, Господи, как наши предки почитали святые иконы, и нам лик святой чтить, почитать лик Божией Матери, лик Ангелов, лик святых угодников Божиих чтить, благоговейно почитать, поклоняться с радостью и радоваться этой красоте, которая находится в храмах Божиих в ликах святых угодников Божиих»[5]. «Дай, Господи, чтобы и у нас храм чудным ликом

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 241–242.

[2] Там же. С. 264.

[3] Там же. С. 265.

[4] Там же. С. 272.

[5] Там же.

иконописания был украшен. Чтобы и наши дома святые уголки имели обязательно. Чтобы в каждом святом углу был лик Спаса, лик Божией Матери, лик святителя Николая, и угодников Божиих, и Ангела Хранителя, и крест святой чтобы обязательно был в каждом углу святом домашней церкви нашей»[1].

Многие иконы в храмах обители снабжены мощевиками с частицами мощей изображаемых святых. Радостно поражало то, что, посещая обитель батюшки Зосимы, часто можно было приложиться к мощам празднуемого святого.

«Чудные мощи нетленные лежат, любимые всеми, преподобного Агапита, чудотворца Печерского... Сколько благодати от них идет, сколько утешений идет от этого безмездного врача. И смотришь на эти сухенькие ручечки, лежащие во гробе, и думаешь: «Сколько блага вы, доброго сделали!» Травы собирал, лечил всех, молился за всех, мази тер, все делал, лекарем, целебником был для народа»[2].

«Господь хранит для нас всех великое утешение — святую лавру Киево-Печерскую. И Господь сподобляет многих бывать там. Хоть и в трудные времена лавра живет. И духовно трудно очень бывает, но братия есть, службы совершаются. Мощи святые все облаченные, лампадочки неугасаемые горят над ними. И люди не в музей идут, а идут помолиться дедам-прадедам нашим, поклониться нашим покойничкам великим, телесам, святым мощам угодников Божиих, попросить их благодатной помощи и поддержки. И сколько люди получают

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 273.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя 2-я Великого поста. Собор преподобных Киево-Печерских. 4 марта 1999 г.

эту благодатную поддержку во святой Киево-Печерской лавре!»[1]

С какой-то необыкновенной нежностью батюшка Зосима всегда говорил о Матери Божией, о связанных с Ней святынях: «Чтоб чистенький храм был, иконочки, все во дворе подбелить, церковку. Надо будет все привести в порядок — весна уже пришла. Чтоб Благую Вратарницу нам встретить, чистенький храм Божий и чистенькие души чтоб наши были. Чтоб с радостью мы поклонились Благой Вратарнице. И чтоб нам Матерь Божия отверзла Сама двери райские Царствия Небесного»[2].

ИОРДАНСКАЯ ВОДА[3]

«Зарядку духовную получили освящением, Иорданской водой побеждать всякую силу, нечисть диавола. И чтобы Иорданская великая агиасма хранилась в каждом доме, в каждом святом углу, и была нам всем эта вода на утешение, во исцеление и в духовную радость. С великой агиасмой ничего не страшно. Только не храните ее где-то среди горшков... Святая водичка в святом углу всегда стоит, как святыня великая наравне с иконами святыми, подписана, что это святая вода Иорданская. Благоговейно, как мы благоговеем святыни, такую и благодать получаем»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповедь 4 марта 1999 г.

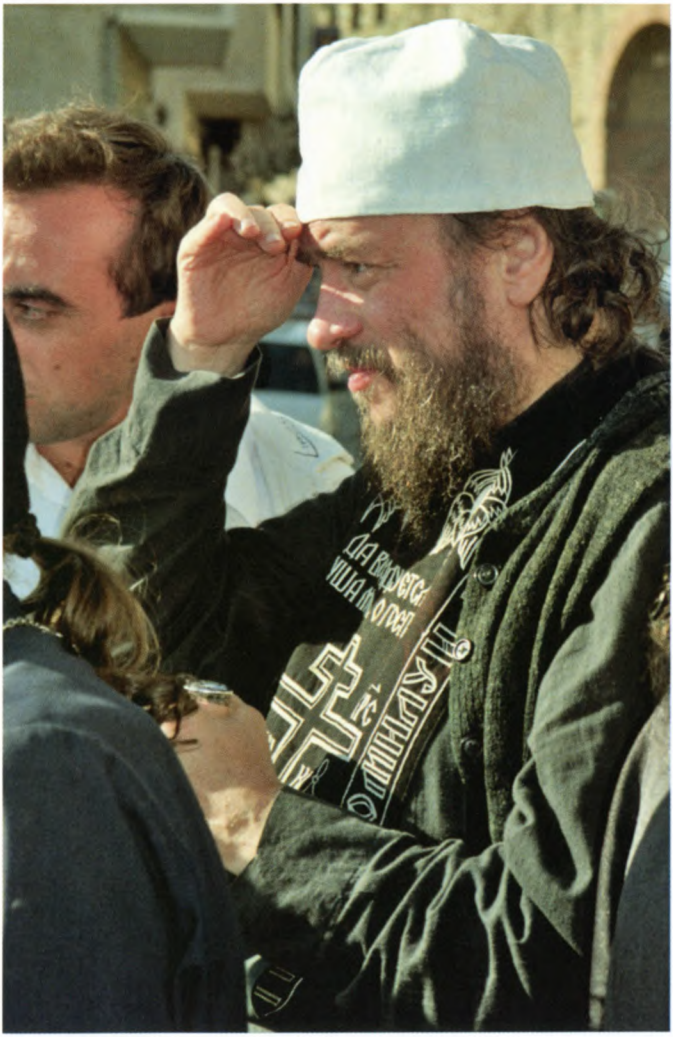
[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Седмица 6-я Великого поста. Память преподобной Марии Египетской. 1997 г.

[3] Крещенская вода.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

Отец Зосима. 1998 г.

У побережья Афона. 1999 г.



На Афоне. 1999 г.

У святынь Афона. 1999 г.

Крещение Господне. На Карловском водохранилище. 2000 г.

Молебен пред иконой Божией Матери Знамение Курской-Коренной на святом источнике. 2001 г.

Батюшка Зосима с братией монастыря

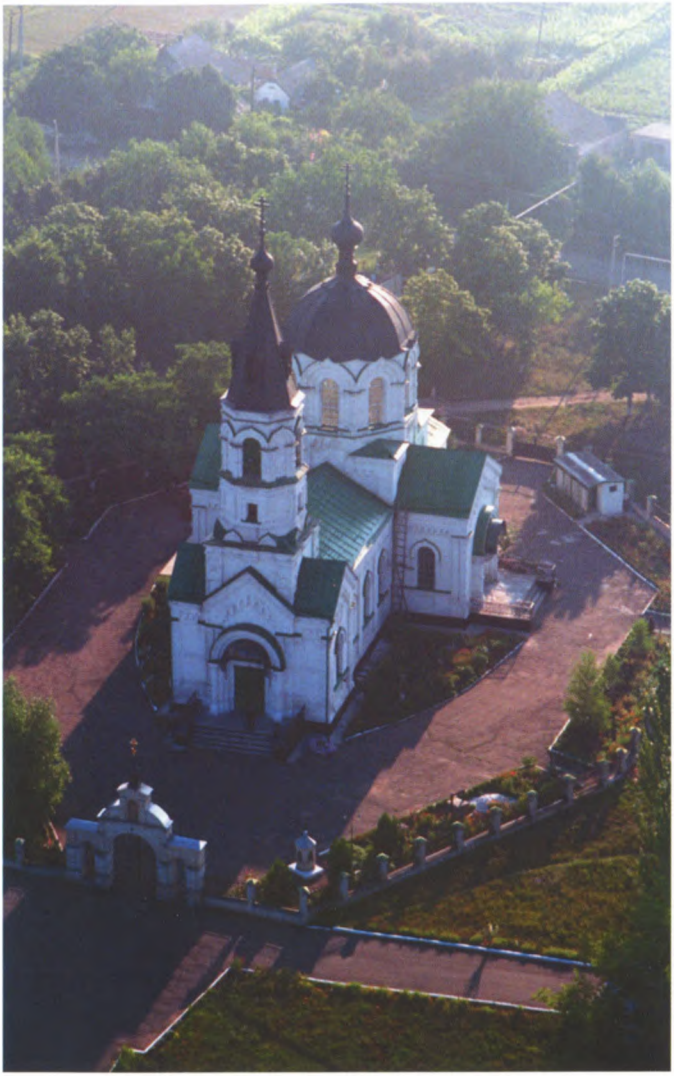
На кринице, июнь 2001 г.

Батюшка Зосима с сестрами

Чин омовения ног, древний чин Иерусалимской Церкви. 2002 г.

11 мая 2002 г. Суббота Светлой седмицы. Встреча митрополита Илариона

Васильевский храм



Восстановленный Никольский храм

Отпевание отца Зосимы. Владыка Алипий читает разрешительную молитву

У усыпальницы, сентябрь 2002 г.

Надгробие на месте упокоения схиархимандрита Зосимы

Успенский собор

Успенский собор и часовня-усыпальница схиархимандрита Зосимы

Святейший Патриарх Кирилл во время малого освящения
Успенского собора 31 июля 2009 г.

Храм Святителя Василия Великого

Купола Успенского собора

Окрестности монастыря

ПОСТ

О пользе поста писали многие отцы-подвижники, угодившие Богу своей добродетельной жизнью. Не оставил без внимания эту важную сторону духовной жизни и отец Зосима. Настраивая слушателей на подвиг Великого поста, он говорил: «Пост — особое время молитвы, доброй жизни и подготовление к Пасхе. Как только что читали мы на клиросе, "и даждь нам, Господи, пройти поприще святого Великого поста и достигнуть Божественных страстей и Светлого Христова Воскресения". Вот уже какая радость! Нам Церковь возвещает не о посте уже, а о Светлом Христовом Воскресении»[1].

«Уже поста охота. Душа уже тоскует по посту, так что слава Богу — завтра первый день поста»[2]. Это искреннее желание христианина правильной духовной жизни, каким и был достопамятный батюшка Зосима.

Правильно применять пост — тоже искусство, которому можно научиться опытно. Как и все в Православии, пост — это практика жизни, ему нельзя научиться теоретически, но все же какие-то практические советы нужно принимать, чтобы извлечь из аскезы максимальную духовную пользу. Батюшка советовал следующее.

«Кушайте во славу Божию пищу постную, вдоволь кушайте, нечего себя голодом морить. Пища нас не удаляет от Бога и не приближает к Богу. Думаешь, что будешь голодная — так уже спасешься? Абсолютно нет, будешь тогда злая, как ведьма, ходить,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 130.

[2] Там же. С. 134.

аж страшно будет смотреть на тебя. Да лучше ты накушайся да будь добродушная, добрая, ласковая, хорошая тетка, а не злая вот такая змеюка не будь, вот так»[1].

«Чистенькая, радостная, и никто не подумает даже, что ты постишься, а внутри, в душе, соблюдай пост и скорбь о грехах своих, вот так. Благоразумие во всем дай нам, Господи!»[2]

Пост и молитва — два крыла, доставляющих душу в Небесное Царство, — так учат святые отцы. Без молитвы наша душа превращается в раненую птицу, для которой полет остается желанным, но невозможным. О значении молитвы во время поста отец Зосима говорит так: «Особо важное в пост — это псалмопение. Псалтирь помогай, Господи, читать, хоть понемножку читайте. И миряне в церкви чтоб следили, чтоб каждый день вычитали Псалтирь, потихонечку все»[3]. Не меньшее значение имеет и чтение Евангелия: «А в пост — какая сладость. Как ручеек журчит это слово Божие: читаешь — не начитаешься. Радуешься слову Божию. Вот этой радости, откровения слова Божия не лиши нас, Господи, во все дни нашей христианской жизни»[4].

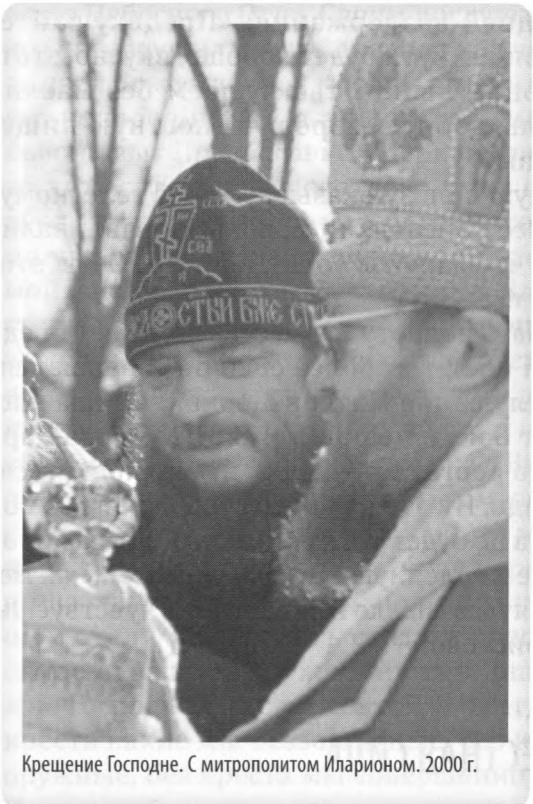
В Прощеное воскресенье в храмах совершается особый умилительный чин прощения, перед которым священник со всем народом молитвенно испрашивают Божия благословения на Великий пост. Эта традиция неукоснительно соблюдается в обители, основанной отцом Зосимой: «С завтрашнего

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 137.

[2] Там же. С. 138.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 155.



Крещение Господне. С митрополитом Иларионом. 2000 г.

дня пост наступает. Любое дело подвижническое, пост исполнить, — нужно попросить помощи Божией. Чтоб не было гордыни у нас: "Мы постимся". С помощью Божией. Вот и попросим сейчас. Почитаем молитвы на начало поста, попросим Божиего благословения, чтобы Господь помог мирно попоститься»[1].

Кто постился, тот хорошо понимает, насколько вкусной кажется самая простая пища после

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 219–220.

нескольких дней воздержания: «Предвкушайте субботу, как он пахнуть будет хорошо, вкусно, этот борщ великопостный. А так кушаем без масла, но вдоволь, добрую, хорошую, постную пищу, во славу Божию»[1].

Несомненную пользу оказывает пост телесному здоровью: «Все поисцелялись, повыздоравливали, не жалуются, что животы болят, и прочее... Вот это милость поста!»[2]

Почувствовать полноту торжества помогает предварительный пост, тем более если он совершался за святое послушание Матери-Церкви: «Пища нас не удаляет от Бога и не приближает. Ну а раз Церковь повелела поститься, значит нужно поститься или нет? ...Надо. Ну что за Рождество будет без поста, праздника не будет тогда никакого? Когда попостимся, та еще и голодную кутью поедим, ой, как же тогда разговляться сладко и радостно! И чувствуешь Рождество Христово!»[3]

КРЕСТНАЯ СИЛА

«Крест — хранитель всея вселенныя, крест — красота Церкве, крест — царей держава, крест — верных утверждение, крест — Ангелов слава и демонов язва»[4] — так воспевает Церковь дарованное нам Христом оружие спасения — святой крест. На нем Господь Иисус Христос распялся и умер, исполнив

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 140.

[2] Там же. С. 142.

[3] Там же.

[4] Светилен Кресту.

волю Небесного Отца. Своим послушанием до смерти Он разрушил власть диавола над человечеством, а Своей Божественной Кровью освятил крест, сделав его непобедимой и освящающей силой. Многовековой опыт Православной Церкви свидетельствует об этой силе, она запечатлена как в церковном искусстве, зодчестве, так и в богослужебных текстах, молитвословиях, в исторической литературе и в самой жизни каждого христианина. Нательный крестик и крестное знамение — наши вечные спутники: «Храните крест святой! Никогда крест не снимайте, всегда будьте со святым крестом! И днем, и ночью, и в дороге, и на отдыхе, и на водах, и на суше — кругом святой крест сопровождает нас. Выходя из дома, осени себя крестом; приходя в дом, осени себя крестом, садишься кушать — прочитай молитву "Отче наш", осени себя крестом и пищу перекрести, дабы пища сия была приятная, полезная и в радость нашему телу. Все осенять святым крестом. Крест — самое страшное оружие против диавола»[1]. «Оружие Господне — крест святой — всегда с нами. Без креста какие мы беззащитные, без креста мы безоружные, без креста мы совершенно беспомощны. И сколько бед случается, когда люди снимают крест: и вешаются, и в аварии попадают, и гибнут. Нет креста, нет "Спаси и сохрани" — нет оружия против диавола. Дорожите святым крестом, не отрекайтесь от Господа никогда, от святого креста»[2]. «Диавол никогда не перекрестится, а человек добрый, верующий всегда осенит себя крестом. Если против креста: "Отойди от меня, сатана!" — перекрестить его да и все крестом христианским — и не приступай

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 223.

[2] Там же. С. 222.

После службы с владыкой Иларионом. 2002 г.

ко мне! Вот таково оружие на диавола должен быть крест святой»[1].

Важное значение имеет то, как творишь крестное знамение. Его должно совершать благоговейно и внимательно. Именно так делал отец Зосима, так и других учил, строго предостерегая при этом от небрежности: «Некоторых бес учит: вот сюда, на грудь клади. Да что это такое?.. На брюхо клади — перевернутый крест сатанинский не делать на себе вверх ногами, а четкий крест, исповедуя, осеняя себя, освящая себя святым крестом. За кощунство над крестом мы будем наказаны Богом»[2].

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 222–223.

[2] Там же. С. 225.

ОБЕТЫ

Многие неопытные христиане, зачастую только вставшие на путь духовной жизни, приходили к схиархимандриту Зосиме с просьбой одобрить их желание исполнить тот или иной обет. «Не буду есть мяса», «стану читать Псалтирь, Евангелие каждый день», «буду жертвовать на храм десятую часть дохода каждый месяц» и т. д. Нередко подобные необдуманные обещания приносились Богу в порыве благодарности за Его благодеяние, в покаянном чувстве или с желанием получить просимое в молитве. Но батюшка всегда с осторожностью просил относиться к подобным обетам: «Обет, как клятва, так и остается на суд Божий, на совести нашей. Лучше тебе не обещать, нежели не исполнять то, что ты обещал. Почему всегда говорим: вы не обещайте ничего. Вы только всегда говорите простое слово: "Буду стремиться, с Божьей помощью. Как Бог управит" и "Как Бог поможет". Уже обеты давать не будешь ты. Уже той глубокой ответственности у тебя не будет. Вот. Сколько в нас ложных этих обещаний, у каждого из нас. Никогда не будьте легкомысленными, а если что обещал — бери, свято исполняй»[1].

«Вспомним, родные мои, об обещаниях, о ложных обещаниях, их тьма у каждого на душе. И по силе, возможности дай, Господи, что мы обещали, то и исполнить. Особенно те обещания, которые относятся ко храму Божьему, к молитве, особенно эти стараемся обещания исполнять. Лучше никогда ничего

[1] Там же. С. 225.

не обещать по легкомыслию, нежели не исполнять в жизни своей»[1].

МОНАШЕСТВО

Монашество для отца Зосимы было счастьем. С высоты опыта своей монашеской жизни он говорил: «Все-таки я все больше и больше — приближается уже время моей кончины, гробовой доски — убеждаюсь, какое счастье, что я монах»[2].

Это счастье жить с Богом, переживать особую близость духовного мира известно всем монашествующим. О призвании избравших иноческий образ жизни схиархимандрит Зосима говорит в своих проповедях: «Особенно счастлив тот род человеческий в наше жуткое сатанинское время, где есть монах. Идут в монастыри монахи, идут, оставляя этот безумный мир, идут Богу служить и весь род свой вымолить человеческий»[3].

Вспоминая слова своего старца, схиигумена Валентина (Семисала), батюшка говорил: «Старец говорил: в последнее время будут спасаться избранники Божии, будут от каждого рода, кто посвятит свою жизнь Богу и молитве за весь свой род, не только за себя, а за весь свой род. Почему и счастливый той род, если вышел оттуда священник или инок, монах, посвятивший себя чистоте и девству, жизни духовной, он будет спасителем всего своего рода. Так говорит великий старец, предсказывает о последних

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1998 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 278.

[3] Там же. С. 315.

У могилки митрополита Иоанна (Снычёва). Александро-Невская лавра

наших временах, когда благодать иссякнет, но страданиями и молитвой люди будут спасаться»[1].

Семидесятилетний гнет атеизма не смог подавить в христианских душах стремление к богоугождению, к сугубому подвигу и чистой жизни в ангельском чине: «Русь Святая несет высокий монашеский подвиг. Монастыри преизобилуют полностью. После безбожного разорения возрождаются обители святые, обновляются, обновляются поруганные святыни, уставы монашеские. И вновь сияет солнышко чистого монашеского жития над землей Русской»[2].

«Монах взял крест монашеский, надели на него монашескую печать параманную — всё, не ной, спокойно бори искушения, неси этот крест. И монахи не ноют. Сколько ко мне ни приходят, чего-то монахи не ноют: "Ой, мне тяжко, ой, не могу" — спокойно

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1998 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 228.

несут крест»[1], — ставит в пример прихожанам отец Зосима мужественность избравших монашество как жизненный путь. «Взяли крест — несите его спокойно, как монах несет монашеский, схимнический, мученический крест торжественно»[2].

ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ УСТАВ

О пользе общежительного устроения монашеской жизни многое сказал преподобный Иоанн Лествичник: «Общежитие, устроенное по Богу, есть духовная прачечная, стирающая всякую скверну и грубость и все безобразие души. Отшельничество же может назваться красильнею для тех, которые очистились от вожделения, памятозлобия и раздражительности и потом уже удалились на безмолвие»[3].

«Во всех русских монастырях действует общежительный устав преподобного Феодосия Великого. Потому что в одиночестве только по благословению великие столпы подвизались, побеждали диавола. А когда по гордыне человек в одиночество уходит, своими силенками хочет победить диавола — обязательно в прелесть впадал, в крайность впадал гордыни духовной. Это самый страшный дух погибели, почему и до сего дня иноки спасаются в монастырях общежительных»[4]. Учитывая это, все отечественные монастыри устраивались

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 19.

[2] Там же.

[3] *Прп. Иоанн Лествичник.* Лествица, возводящая на Небо. — М.: Издательство «Лествица», 2000. — С. 391.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

Со схимниками. 26 августа 2002 г.

с общежительным уставом. Так организовал жизнь своего детища — Успенской обители в с. Никольское схиархимандрит Зосима. Как опытный монастырский житель и прекрасный знаток человеческой души, батюшка делился своим опытом эффективного устройства монашеской общины: «Как хорошо жить в монастыре! Общее послушание, общая молитва, общий труд, общие горести, общие радости, общие беды, общий стол-трапеза, общая литургия — все общее. Общая помощь друг другу. Как хорошо все-таки быть в обществе. Общая молитва, общее правило»[1].

Монастырь при таком устройстве становится как бы одним организмом, где все взаимно снабжают друг друга в нужное время нужным — молитвой, словом, трудом и т. д. Это невозможно сделать в отшельничестве. Поэтому отец Зосима всегда убеждал

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

слушателей проповеди в великой пользе общежития: «Как мой старец покойный говорил: «Стремись в церковь. Ты будешь спать, сидеть на лавочке, дремать, другой будет помыслами заниматься, третий вообще что-то будет делать, четвертый будет, как Ангел, стоять молиться, а благодать поровну будет на всех от общей молитвы». Почему в монастырях все общее делается, общежительное, и благодать на всех поровну. Вот и у нас: одни на кухне кухтовятся, вторые в богадельне, третьи тут молятся, а благодать молитвы на всех одинаково идет. Вот что такое общежительный устав, который ввел преподобный Феодосий Великий»[1].

О ДЕВСТВЕ

Спасение семейного человека совершается в его малой церкви — в семье, а спасение монаха — в послушании и воздержании. И если, по словам святителя Филарета, митрополита Московского[2], к целомудрию призваны как монахи, так и семейные люди, то очевидно, что хранить его удобнее в монастыре. «Если я знал, что мне не нужна семья, что я обойдусь без нее, я пошел в монахи, и до сего дня... и дай Бог умереть мне в чистоте монаха»[3].

«Господи, счастливые те, кто не женился, замуж не выходил, да те утробы, которые не рождали да сосцами не питали. Вот это — духовная радость

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

[2] Цветник духовный. Мысли и изречения святых и великих людей. Изд. 4-е. — М: «ДАРЪ», 2010. С. 365.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 22.

и счастье в этой жизни»[1]. Запечатлела Собой и вознесла выше ангельских чинов эту радость Пресвятая Богородица и Приснодева Мария. Она сподобилась стать Матерью Спасителя человечества именно за девственную чистоту и смирение. За это Ее ублажают все поколения и мирян и монахов словами акафиста: «Радуйся, Невесто Неневестная!»

Отец Зосима приводит пример святых, которых прославил и освятил Господь Бог за их девство и любовь ко Христу: «И вот сегодня размышлял за Божественной литургией, всех перебрал мысленно врачей — все были девственниками... Целитель Пантелеимон юношей был, Косма и Дамиан юношами были, три пары братьев-врачей все юношами были. И все прочие: Георгий Победоносец — юноша, мученик Вонифатий юношей был. Все юношами были, все были девы чистые. И Бог за чистоту жизни даровал им благодать исцелений не только телесных недугов, не только травами и кореньями лечить... Агапит преподобный, монах, юношей был и другие; Ипатий целебник — юноша, все жили в чистоте, в девстве. И за чистоту жизни Господь даровал им благодать исцелять недуги и душевные... Мученик Трифон какой чистый юноша был, и бесы его трепетали. За что? За его веру и девственную, чистую жизнь юношескую»[2].

«Нарожали свое "семейное счастье" — воспитывайте их. Я отрекся от этого счастья. И самый счастливый человек, что я — монах. Ни попадьи, ни попенят, ни внучат-сатанинят. Самый счастливый человек. А вы свое "счастье" понарожали, так уже и радуйтесь

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 59.

[2] Там же. С. 62.

о нем»[1] — в очередной раз отец Зосима утверждается в правильности избрания монашеского пути для тех, кто имеет к этому призвание, а семейным заповедует не искать другого пути, быть счастливым своей семьей, которой спасаются супруги.

Монахам своим отец Зосима, как опытный духовник, советовал быть осторожными в общении с женщинами, приводя в пример стойкость в хранении девства преподобного Моисея Угрина: «Преподобный Моисей знал: он монах, посвящен Богу, девству, чистоте, — и никакого вонючего блуда не должно быти. Он был верен Богу. И как чудно он говорил: "Разве кто спасся, когда женщину слушал? Никогда"»[2].

ТРУДОЛЮБИЕ

Зная о пользе телесного труда, рекомендованного святыми отцами-монахами, отец Зосима наставляет приходящих в обитель юношей и девушек: «Надо трудиться, трудолюбивыми должны быть все. Приходить сюда действительно к Богу, душу спасать... Спасайся, трудись, молись... И за это Бога благодари, что капусточки Господь дает, да картошки, да добрых людей, которые нас, бездельников, кормят еще»[3].

Избегать праздности как источника всех страстей — дело всей жизни монашествующих. Батюшка Зосима, будучи опытным схимником, предупреждает об опасности праздного времяпровождения:

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 213.

[2] Там же. С. 257.

[3] Там же. С. 75.

«Постоянно в труде, постоянно в заботе, постоянно думать, чтобы ни одной праздной минуточки у нас не было, ибо за каждую праздную минуту мы дадим отчет на суде Божием; и каждый вспомни за прошедшую жизнь — сколько у нас этого праздного времени прошло, а за все отвечать перед Богом»[1].

Апостол Павел заповедует всем христианам в своем послании: *Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь*[2]. Быть нахлебником, используя труд братьев и сестер, недостойно христианина: «Приходят: "Хотим, батюшка", — ой, на колени падают — "спасаться хотим". Ну, спасаться, ну, почитали один день Псалтирь, второй... "А что ты умеешь делать?" — "Ничего не умею. А что, тут работать надо? Я спасаться пришел". — "Ну, садись, не кушай ничего, а читай Псалтирь, спасешься". — "А где спать?" — "А я ж не знаю, ты ж спасаться пришел. Ну, под кустиком ложись спать да спи себе, спасайся"»[3].

Городские жители зачастую не приучены к труду. Приходится пожинать плоды общества потребления, воспитывающего больше чиновников, служащих, управленцев и т. п., чем трудовых людей. Популярными стали профессии менеджеров, юристов, бухгалтеров, адвокатов и проч., а токарей, электриков, комбайнеров, агрономов — днем с огнем не сыщешь. Да и семья, утратив свою ценность в глазах молодежи, не воспитывает трудолюбия: «Я замечаю, городские приедут: ну покушать, поозорничать, да и все. А чтоб уже действительно помыть посуду побежать да все прочее — не-а, городских не заставишь, они уже к этому не приучены. Телевизор, к сожалению,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 129.

[2] 2 Сол 3, 10.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 74.

этому... не учит же, по-моему? Нет наверно? Трудолюбию святому не учит»[1].

«Вот так, мы попривыкали бездельничать, тунеядствовать, проводить даром время. Да пришла, да скорей помолилась, да дайте, сестры, я еще что-нибудь пополю, я что-нибудь сделаю да бумажку какую-то подниму, подмету где-то что-то. Да пойду в туалете порядок наведу, чтоб чистенько было. Нет, это нет — мы не понимаем»[2]. — батюшка призывает помогать друг другу, делать жизнь ближнего немного легче своим трудом и заботой.

Нужно уметь организовать свое время, чтобы его хватило и на молитву, и на труд — две важнейших составляющих монашеской жизни: «Все успевай делать: и молиться успевай, и управляться кругом успевай. Живым, не мертвецом этим нужно быть. Как я часто выражаюсь, услышал от одного батюшки, и прилипло: "Не мумией быть египетской замороженной", а живым человеком, и молиться, и трудиться — все должны успевать, чтоб праздного времени никогда не было. Праздное время — мать всех пороков, чтоб вы это знали»[3].

ПРИЗЫВ БОЖИЙ

«Бог призывает, Бог зовет, и к Богу идут юноши, и девушки, и мужья, и жены. А монахи никогда никого не уговаривали, не сманивали, не манили. Божие

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 212–213.

[2] Там же. С. 217.

[3] Там же. С. 285.

призвание открывается в сердце»[1]. Об этом хорошо знает и может рассказать каждый монах. Преподобный Никон, старец Оптинский, так говорил: «Прошу вас, братия и сестры, внимайте гласу Божию, непрестанно зовущему вас. Недостатка в зове Божием не было и нет»[2].

Этот зовущий голос Божий в свое время отчетливо услышал в сердце отец Зосима, поэтому точно знал, что к духовной жизни можно прийти не своей волей, но лишь тогда, когда произойдет личная встреча человеческой души со Христом, неотвратимо влекущим ее к Небесному Отцу: «Не думайте, что Вы захотели все и пришли. Нет! Господь Вас призвал, царственное священство, народ Божий»[3].

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ МИРА

«Если ты думаешь прийти сюда трудиться, сперва подумай, чтоб хвосты потом твои не тянули тебя туда, в тот мир. Уже забывай все, как в монастырь приходишь, все. Родители умерли для тебя. Все поумирало мирское. Ты начинаешь новой, духовной жизнью жить»[4] — так в одной из своих проповедей отец Зосима учит юношей и девушек, пожелавших вступить в монашескую общину, отречению от прежней мирской жизни. Важность этого первого

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя 2-я Великого поста. Собор преподобных Киево-Печерских. 4 марта 1999 г.

[2] Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев. В 2-х томах. Т. 1. А-О. — М.: ДАРЪ, 2009. — С. 275.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 75.

шага, «ступени», как называет его преподобный Иоанн Лествичник, в жизни монашествующих признается и описывается многими отцами Церкви. В «Отечнике» святителя Игнатия (Брянчанинова) есть интересный пример, когда один богатый юноша решил оставить жизнь в миру и посвятить себя Богу. Бесы хотели воспрепятствовать ему и стали бросать пыль в лицо, но тот, полный решимости, сбросил с себя одежду и нагим устремился в монастырь. Старец, получивший о юноше откровение от Бога, принял его и облек в монашеские одежды. Такой решительный поступок стал назидательным для многих даже опытных монахов.

«В старое время пришел в монастырь — все. За ворота монастыря без благословения никуда ни на шаг, даже близко не разрешали строгие игумены»[1]. Такой порядок существует и в современных обителях. А есть наши современники, которые не только не покидали монастырскую ограду без благословения, но и вовсе не выходили за ворота обители до конца своей жизни. Таким был старец Псково-Печерского монастыря архимандрит Серафим (Розенберг), который говорил, что даже помыслом не покидал святой обители.

«Тут собирают духовное богатство. Поехал в мир на неделю, на две — все растратил, приехал дурак дураком, невменяемый приехал. Это уже страшно за таких людей. Так что спасаться нужно, двум господам уже служить — Богу и миру — не должно»[2].

«И что плохое, если хочешь спастись, оставь за святыми вратами. Иди к Богу с чистым сердцем. Вот и легкий труд будет, и легкая молитва, и спасение

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 75.

[2] Там же.

В обители. 2001 г.

будет, все будет, если чистое твое сердце будет»[1]. «Думайте; хотите Богу служить, тебе уже та квартира не нужна, все, отрежь все мирское, иди к Богу, вот тогда будешь и Божиим сосудом во славу Божию»[2].

Преподобный Ефрем Сирин говорит, что отрекшиеся от мира не имеют ничего общего с миром[3]. Так же и батюшка Зосима убеждает своих духовных учеников полностью оставить житейские попечения и следовать зовущему голосу Божию: «Нас Господь зовет: не идите уже в этот мир, там погибель будет полная, растопчет диавол и поругает. Призвал Господь ко спасению — иди!»[4]

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 75–76.

[2] Там же.

[3] *Преподобный Ефрем Сирин.* Алфавит духовный. — М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. — С. 280.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 98.

«Собрался в монастырь идти — сразу бесяра бабу тебе подсунет, и собралась женщина или девушка идти — сразу хлопца ей подсунет диавол. Все: "Ой, жениться; ой, замуж выходить"»[1]. Это — частое искушение, которое приходится пережить многим послушникам и инокам в первое время монастырской жизни. Но, вот что говорит об этом опытный монах — схиархимандрит Зосима, который сам прошел подобное испытание: «Умные люди, юноши и девушки, плюют на похоть эту. Идут в обители святые спасаться, молиться за весь мир, вот куда умные идут»[2]. Этот ум — не мирской рациональный рассудок, этот ум — данная свыше благодать, просветившая того, кто в сердце своем уже дал обеты, уже решился путем покаяния вернуться в объятия Небесного Отца: ««Объятия Отча отверсти мне потщися...» — при постриге в монашество всегда поют эти святые слова. Когда человек уходит от мира, дает обеты служения Богу до последнего своего издыхания, — особый момент таинственный, от блудного этого мира душа уходит в объятия Отча»[3].

Монашество многие отцы, как и покаяние, называют вторым крещением, в котором прощаются грехи, совершается чудо воскрешения грешной души в жизнь чистую, ангельскую: «И над вами, всегда подчеркиваю, Бог творит чудо. Призвал вас к Себе — будьте верны этому чуду, будьте верны Господу до последнего издыхания»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 81.

[2] Там же. С. 277.

[3] Там же. С. 104.

[4] Там же. С. 205.

ПОСТРИГ

Подлинную духовную радость отец Зосима испытывал, когда совершал пострижение в иночество, мантию и схиму или благословлял ношение подрясников насельникам монастыря: «Много постригов совершили мы. Постригли семерых иноков, двоих монахов постригли в монашество, четырех схимниц, а сколько монахинь — я уже и не считал сколько, инокинь очень много постриг, в рясофор одел всех, в подряснички всех одел, кто живет в монастыре, потрудились мы хорошо. Бог дал силы — я великим парикмахером был»[1].

ИСКУШЕНИЯ

Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь[2], — говорит о Христе Спасителе апостол Павел. Искушения Господь прошел, как человек, на Себе испытав то, что переживает в земной жизни каждый. Священник, как пастырь, носит на себе образ Христа и по этому образу должен предостерегать от опасностей пасомых, а к искушаемым быть милостивым. Схиархимандрит Зосима, вполне совершенно исполняя свой священнический долг, по-отечески, с любовью окормлял свою возлюбленную паству, рассказывая о всевозможных искушениях в монастырской жизни. Он не только предупреждал об опасностях

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 147.

[2] Евр 2, 18.

и препятствиях на пути духовной жизни, но и предлагал пути их преодоления, утешал при ошибках, с надеждой ободрял.

«Много искушений в монастырях бывает, многие приходят и уходят — просто случайно попавшие люди. Это вполне естественно: когда веют зерно — шелуха отсеивается, зернышко падает в лукошко. Так и многих Господь зовет, одни приходят с настоящим сердцем, открытым к Богу, и всегда остаются сыновьями Божиими, дочерьми, другие приходят просто ради обряда, и ради обряда они и уходят с мерзостью из обителей святых»[1].

«Вздыхаем, хоть мы и грешные монахи и иноки последнего века, уподобляемся мы мирянам в жизни своей, а миряне аки скоты живут сейчас, даже хуже скотов, но все равно, хоть и скоты, и свиньи мы, но Божии свиньи. И дай, Господи, чтоб Матерь Божия от Божиих свиней не отступала никогда, чтоб мы хоть и хрюкали, но только не хулили Господа, а хвалили Господа своими нечистыми устами»[2].

«Некоторые разочаровываются, уходят со Святой Горы Афон, тяжело им и все прочее. К Богу путь всегда тяжелый, часто говорю, на колясочке-то к Богу не поедешь. Через искушения, через испытания все пройдем и достигнем горы Верховного Иерусалима и встречи с Пресвятой Девой Марией, Игуменией нашей»[3].

«Нас Господь зовет, мы со всей душой откликаемся, идем навстречу, как апостол Петр, и вдруг сомнение бес посылает нам: «А правильно ль я выбрал путь? А что я буду там делать, в той Церкви, или в мона-

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур)*. Слово о Святой Руси. С. 228.

[2] Там же. С. 229.

[3] Там же. С. 230.

стыре, или где? А может быть, мой не там путь, может, мне в миру быть, погибать, и прочее?»... И если вовремя не опомнится человек, которого дьявол искушает, как апостола Петра, маловерием, если не скажет вовремя человек: "Господи, — опомнившись, — спаси, я погибаю!" — и не обратится к Богу, бывает и погибель для такого человека»[1].

«Всегда молюсь, когда "Отче наш" читаю: от тяжких непосильных искушений, от тяжких непосильных соблазнов сохрани меня, Господи, в день сей и в дальнейшей жизни моей. Вот так и вы всегда молитесь, просите, чтоб непосильные искушения, которые нам не по силам, проходили мимо нас, чтобы Господь всем нам даровал по силам жизни нашей земной»[2].

«Искушения будут и дома, и в монастыре, и на работе — кругом будут искушения. Победите эти искушения! Так, чтобы гефсиманская тьма безразличия вашего не объяла вас, но чтобы свет Фаворский, свет духовный, свет чертога Христова просветил вас всех в эти святые, великие, спасительные дни и в дальнейшей жизни»[3].

«В миру диаволу уже нечего делать, весь мир ему пляшет, весь мир ему служит... А здесь единицы спасаться пришли от этого безумного мира... Разве диавол будет терпеть нас? Конечно, не будет. Их здесь полчища ходят. И бесяры так хвостами и крутят под ногами, чтоб только мы споткнулись, и ругались, и друг на друга обижались; то не так стала, то не так толкнула меня, то не так подошла... Скандалы искусственные. Спрашиваю: "Что ругаетесь?" — "А мы

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 241.

[2] Там же. С. 263.

[3] Там же. С. 330.

и сами не знаем". А бесяры сбоку стоят и улыбаются — во! Довели верующих людей, ругаются и сами не знают чего»[1].

«Многим Господь по юности, по чистоте их жизни внушает и юношам, и девам идти в монастырь. Какая красота в монастыре. И тут же бесяра тут как тут, сразу наперекор лезет — сразу ей хлопец какой-то понравится и девка какая-то приняла его — все. И как дурак становится человек»[2].

«Когда у тебя сомнения о правильности избранного пути, когда у тебя сомнения, как поступить, когда испытания, искушения тебя постигли — открой книгу праведного Иова. Прочти ее, и ты найдешь назидание, наставление, как правильно поступить в жизни своей»[3].

«Не может дьявол осилить: одного искусит — девяносто девять за него молятся. И тот опоминается: "Что ж я натворил? Пал, брат, во грех". Давай каяться и возвращается. Вот так. Сила монастыря величайшая, особенно в наше падшее время. И блажен, кто стремится к обители святой, к монастырской жизни в ней, к совокупности, к дружбе и к любви»[4].

ПАДЕНИЯ

«Также обеты дают иноки и монахи при святом пострижении. Дают обеты чистоты, девства,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 330.

[2] Там же.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Память святого праведного Иова Многострадального. 19 мая 1997 г.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

послушания, целомудрия, смирения. Увы, эти обеты также временами нарушают по греховности своей, гордыне своей, творят беззакония. Великий творится грех. Это нарушение обетов очень тяжкое, особенно монашеских обетов. Смертный грех. Ведь никто ж не понуждает идти в монашество. Сами произвольно, добровольно идут, ползут через весь храм, отрекаясь от мира и всех прелестей. И когда монах нарушает обет свой, который дает перед Христом, Евангелием и перед дружиною своей, конечно, это смертный грех. Он уже и монахом числиться не может. Такой это грех тяжкий. Особенно обет целомудрия, чистоты жития своего монашеского»[1].

МОНАХИ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

Данный раздел оставляется без каких-либо комментариев, потому что пророческие слова как-то объяснить трудно. Остается лишь удивиться Божиему дару, открывающему будущее людям, которым обладал схиархимандрит Зосима.

«Монашество последнего века, хоть и уподобляется по своей жизни мирянам, но все равно — монашество было воинством против антихриста, и оно будет!»[2]

«Попы попродают и архиереи веру православную униатам, католикам, автокефалистам. Монашествующие только останутся непоколебимы. Уйдут из этих поруганных монастырей в мир и там будут

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1998 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 228.

нести монашеский свой подвиг втайне от мира, но служа молитвой своей миру. Не сможет поколебать диавол монашество — особенно перед антихристом, последнего века»[1].

«Монашество всегда спасало Церковь от ересей, от расколов и будет спасать, и будет стоять монашество войском против антихриста до скончания века. Сколько еще преподобномучеников будет монахов, сколько еще подвижников иноков будет, которые мужественно встанут, когда все поклонятся антихристу, а монашеский дух, дети Пресвятой Богородицы, будут стоять твердо в монашеских одеждах Пресвятой Девы Марии, непоколебимо перед слугами антихристовыми»[2].

О ЕДИНСТВЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Как решительно обличал отец Зосима пагубность раскола, так же горячо он сам молился и призывал молиться всех о неделимости Русской Православной Церкви, которая является последним оплотом единства славянских народов и гарантом стабильности во всем православном мире: «Молитесь! Призываю всегда молиться, прежде всего подчеркиваю всегда: за Церковь молитесь. Мы слышим, у нас особенно в мятущемся состоянии на Украине Церковь находится, в тяжелом состоянии. Молимся о единстве Церкви, в скорби и обстоянии сущей. Вздохни каждый о Церкви, чтоб нам сохранил Господь Единую

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 228–229.

[2] Там же. С. 229.

Святую Русскую Православную Церковь. Не эту раскольническую, политическую, которую нам пытаются навеять, навести, в которую они захватывают храмы и увлекают насильно души человеческие — в ложь и обман. А дай нам, Господи, в законной, в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви... особенно о Церкви молиться»[1].

Церковь, как многонациональная семья, объединяет собой множество народов. Батюшка Зосима на примере основанной им обители показывает возможность единения и мирной жизни общества, основанных на единой вере и взаимной христианской любви: «Не разделяемся, хоть среди нас есть и русские, и греки есть, и болгары есть, и цыгане есть. Еще кто у нас тут есть? И хохлы, конечно ж, есть, и бандеровцы есть — они добрые наши тоже прихожане. Так что мы не разделяемся по национальному признаку, мы все являемся братьями и сестрами, мы все являемся единой семьей духовной, Святой нашей Русской Православной Церковью. И дай, Господи, чтобы эта семья единая духовная нашей обители святой служила добрым примером и для государства нашего, чтоб мы не разделялись, а объединялись в единую семью Руси Святой и спасались все вместе, как спасались наши деды-прадеды»[2].

Глубоко переживал Святейший Патриарх Алексий II произошедший на Украине филаретовский раскол, но, находясь уже в пределах другого государства, мог лишь словом проповеди увещевать верных чад Русской Церкви на Украине: «По долгу Предстоятеля нашей Церкви я призываю всех вас ревностно хранить единство церковное, попираемое духами

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 29.

[2] Там же. С. 148.

злобы поднебесными (см.: Еф 6, 12). Призываю вас соблюдать в чистоте святоотеческие традиции... противостоять влияниям и учениям, чуждым Святой Церкви, благоговейно чтить национальные православные святыни, созидать и укреплять православную семью — залог и основание доброй нравственности, воспитывать детей в страхе Божием, в любви к Церкви Православной и к Отечеству»[1].

Отечеством для отца Зосимы была вся Русь Святая — наши народы, объединенные единой верой, единой Церковью, как земной, так и Небесной, Глава которой — Сам Христос Спаситель. «Вот какова была Русь наша — единая, могучая, неделимая. Вот такой она и должна быть и в последующих поколениях. Неразделимая, чтоб не было этой Украины, России, земля Русская... чтобы объединила нас всех, чтобы мы были единой духовной семьей и... братиями и сестрами во Христе, Господе нашем»[2].

Святейший Патриарх Алексий II в одном из своих обращений к верующему народу так говорил о ценностях, которые нельзя забывать, об исторической памяти, об актуальности знаний, передающихся из поколения в поколение верующих: «Наша Церковь является хранительницей духовного наследия, она будет неустанно беречь то единство духа в союзе мира, благодаря которому Святая Русь остается единой, несмотря на государственные границы, всевозможные разделения, существующие в мире сем... Мы благодарны всем тем, кто мужественно отстаивает канонические устои законного единства, особенно в трудных условиях современной жизни... Единство

[1] *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Пасхальное послание архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви//Журнал Московской Патриархии. М., 1993. № 4. С. 2–3.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 150.

Приезд митрополита Владимира в обитель. Май 2001 г.

Церкви — это драгоценное сокровище, и мы будем поддерживать руки всех тех, кто его сохраняет»[1].

Одним из самых активных хранителей и ратоборцев единства Русской Церкви был схиархимандрит Зосима. Несмотря на свои тяжелые болезни, он находил силы для того, чтобы организовывать и возглавлять группы верующих, ездить с ними в Москву, поддерживая каноническую Церковь на Украине. Непрестанно отец Зосима твердил следующее: «Взор только на Москву, только на Россию, только на единство наше со Святой Русью — там спасение»[2]. «В Киеве, святом граде, святой князь Владимир — его памятник с крестом — куда он смотрит? На Москву, на Восток смотрит — его надежда, взор княжеский; там спасение, от града Москвы, — от Запада не будет спасения. Богдан Хмельницкий — в Киеве па-

[1] Слово Святейшего Патриарха Алексия II в храме Христа Спасителя в день тезоименитства Его Святейшества 25 февраля 2008 г. //http://www.pravoslavie.ru/news/080225192138

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 232.

мятник, — куда он булавой указывает? На Москву, на Восток, на Третий Рим, а четвертому не бывать, там спасение наше»[1].

В продолжение XIV — первой половины XV века неоднократно предпринимались попытки разделить Русскую Церковь, создав на территории захваченных Польшей и Литвой русских земель отдельную митрополию. Это удалось сделать к середине XV века, после чего на отторгнутых землях началось стремительное насаждение унии и латинства. Этот исторический урок показал, что лишь при условии сохранения единства Православной Церкви возможно противостоять агрессии папского Рима.

Святой священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, в своих трудах о Церкви писал, что ни в коем случае нельзя замалчивать и сводить к нулю тот факт, что Римская Церковь отпала от единства Вселенской Церкви: «Не будем закрывать глаза на печальную действительность, не будем бояться признать, что мы не принадлежим вместе к единой Христовой Церкви! Говорить о единении и ради этого уничтожать и помрачать идею единой Христовой Церкви — будет ли это полезно для самого дела единения? Зачем строить здание на песке, когда есть надежная и несокрушимая скала единой Христовой Церкви?[2]

То, что раскол Православия на русских землях если не инспирировался, то всегда поддерживался римским католичеством, подтверждают факты истории. В XV в. разделение единой Русской Церкви было осуществлено отнюдь не по воле православных иерархов или светских властителей,

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 232.

[2] *Сщмч. Иларион (Троицкий).* Христианства нет без Церкви. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. С. 95, 152.

а по повелению Римского папы Каллиста III. 21 июля 1458 г. он, по совещании со своими кардиналами, решил отторгнуть от Русской Церкви ее западную часть, которая находилась в областях Литвы и Польши, и передать особому митрополиту, признающему папу Римского. Польский король Казимир, исполняя волю папы, отнял все литовско-польские православные епархии у святого митрополита Ионы и передал их униатскому митрополиту Григорию. Так совершилось разделение единой Русской Церкви на две митрополии — Восточно-Русскую Московскую и Западно-Русскую Литовскую. Этот сценарий, но с небольшими изменениями, похоже, хотят отработать и теперь — постепенно раздуть масштаб раскола до размеров всей Украины, а затем отделившуюся часть Русской Церкви подчинить Риму.

Блаженнейший Патриарх Антиохийский и всего Востока Игнатий IV говорил в своем выступлении на Архиерейском Соборе РПЦ в 1992 г.: «Украинский вопрос — это вопрос целостности Православия во всем мире. Когда мы говорим о расколе Церкви, мы не говорим о Церкви Поместной: мы говорим о Православии Вселенском»[1].

Божественный Глава Церкви — Христос Спаситель в Своей архиерейской молитве просил: *Отче Святый! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино*[2]. Нельзя сказать, что католический Запад действует согласно духу евангельскому,

[1] Из выступлений участников Архиерейского Собора (31 марта — 5 апреля 1992 г.)//Журнал Московской Патриархии. М., 1992. № 8. С. 3–8.

[2] Ин 17, 11, 21–22.

христианскому. Отделившись от Вселенской Церкви, он перетягивает на свою сторону сначала умы и души, а затем и канонические территории исконно православных народов. Об этом отец Зосима говорил следующее: «Идет путем скорбей Церковь Христова до сего дня. Гонения, ненависть, духовные расколы в Церкви, ненависть к единству Церкви, хоть святые отцы и заповедовали нам: "Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь"»[1]. «Печаль только за Украину нашу: в сатанинском безбожии, в нищете, в национализме сатанинском пребывает сейчас Украина, во злобе к земле Русской пребывает, антирусская пропаганда несется. Против русского языка восстают, какой-то западенский язык нам навязывают, который и сами они мало понимают, — полупольский, полумадьярский, полу Бог знает какой, полурумынский, смесь какая-то, полунемецкий язык этот. Нападение на веру православную, расколы, тьма какая-то, смерч какой-то над Украиной стоит тяжелый, только лишь надежда на Русь Святую»[2].

Проблема еще видится в том, что элита, управляющая государством, удалена от жизненных интересов простого верующего народа, который не только не хочет отделения от Матери-Церкви, но и готов жизнь свою положить за ее единство. Одним из таких ревностных представителей Святой Руси является святой преподобный Лаврентий Черниговский, говоривший: «Уходят в раскол и в ересь только недостойные милости Божией и великие грешники, которые не хотят знать: "Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь!" Господь Иисус Христос создал одну Церковь (а не Церкви), которую

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 186–187.

[2] Там же. С. 231.

не одолеют и врата адовы. Одна только Церковь Православная, Святая Соборная и Апостольская. Другие, называющие себя Церквами, не Церкви, а плевелы диавола среди пшеницы и скопища диавола»[1].

Если этой позиции придерживались великие столпы Церкви относительно католиков, давно отошедших от церковного единства, то тем более это относится к вновь учиненному расколу, претендующему на автокефалию. Основой идеологии «автокефалистских тенденций» сегодня, как и в 1920-е, и в 1940-е годы, по-прежнему остается украинский национализм. Самостоятельная Поместная Церковь — некий необходимый атрибут независимой государственности, ее идеологическая база. Эта позиция устраивает Ватикан. Вся предыдущая история доказывает, что в унициальной стратегии Ватикана планы расчленения Русской Православной Церкви с целью последующего поэтапного проведения унии занимают важнейшее место.

«А мы должны быть верны, как старец Софроний. Это святое завещание нам великий старец дал всем. Это великое духовное богатство, это письмо нам прислал всем с Афона-горы, чтоб только держаться единой Патриаршей Церкви под омофором Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, в ней спасение»[2] — так отец Зосима говорил о письме архимандрита Софрония (Сахарова), присланном со Святой Горы Афон в 1991 году (текст письма был приведен выше. — *Примеч. ред.*)

И этому посланию батюшка Зосима остался верен до своей кончины, всех так и учил, что спасение только в лоне Русской Православной Церкви. Но как

[1] Преподобный Лаврентий Черниговский: Житие, поучения, пророчества и акафист. — Почаевская лавра, 2001. С. 148–152.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 295.

Праздник Воздвижения Креста. Отец Зосима с архиепископом Софронием. Сентябрь 1999 г.

определить, где каноническая церковь, а где раскольничье гнездо, закамуфлированное под православный храм? На этот вопрос он отвечал так: «Знамение истинной веры — это патриарх Алексий у нас на Руси Святой. Ага, пришли в церковь. Поминает в церкви батюшка Великого Господина и Отца нашего Алексия, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. О, это наш батюшка. Молимся, благословение берем, исповедуемся и причащаемся»[1].

Именно в полнокровной церковной жизни, которая основана на регулярном участии в святых Таинствах, в горячей молитве за наше Отечество и отпавших братьев и сестер видится отцу Зосиме выход из тяжелого положения Русской Церкви и общества

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя Торжества Православия. 28 марта 1999 г.

вообще: «Будем молиться — значит выстоим. Не будем молиться — все рассыплется и лишимся мы последней радости, последнего оплота нашей Руси — единства Святой Русской Православной Церкви. Только молитва нас спасет, защита только от Бога и от нашей молитвы... Только единство Церкви Святой Русской Православной спасет нас от всех бед наших в дальнейшем»[1].

Хранить историческую память, не быть «Иванами, не помнящими родства», дорожить своими святынями и единством Церкви всегда призывал батюшка Зосима своих духовных чад, в чем видел залог нашего благополучия в земной жизни и надежды на жизнь вечную: «Все мы — русские люди, и Русью должно пахнуть, и Русь Святая должна жить в наших сердцах»[2]. «И дай Господи, чтобы... мы в Единой Святой Русской Православной Церкви стояли, молились, каялись, причащались и умирали все в Единой Русской Православной Церкви и все наследовали жизнь вечную. Аминь»[3].

О ГРЯДУЩЕМ

«И чувствовать духовным оком нужно: конец действительно приближается... Конец. Времена антихристовы уже вот-вот, приближаются. Печать антихристова уже скоро, будут бедствия тяжкие, будут скоро уже. Приближаются...»[4]

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Мариино стояние. 1999 г.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 236.

[3] Там же. С. 233.

[4] Там же. С. 58.

«Гнев Божий — войны — приближается стремительно, и никуда мы не денемся. Как бы мы ни кричали о мире, как бы и то и другое... Мы сами уже гнев Божий приближаем. На наши главы упадет эта огненная чаша гнева Божия, беда будет»[1].

«Если вы видели конец своих детей, которых вы собираетесь зачинать, то никто не подумал бы об этом даже, чтобы этого заведомого мученика родить, на белый свет пустить. Да на что ж оно нужно?! Вот такие времена наступают. Блаженны те, которые не рождали, и те сосцы, которые не питали... Будет тяжкая только жизнь и тяжкое горе со слезами и кровью будет... Тяжкие времена идут. Сами видите: бомбы падают. Сегодня — на Сербию. Завтра, придет время, эти натовцы-сатанисты будут на Киев бросать эти бомбы и на Москву пойдут»[2].

«И скоро придет время, преступников будет больше, чем нас, нормальных еще более или менее людей»[3].

«Времена тяжкие, не надейтесь на лучшее. Будущее поколение еще хуже: стеклянные глаза все, оружие везде. Он может в любую минуту в тебя выстрелить ради забавы. Такое время сейчас лукавое идет, мир в тяжком зле лежит. Уже борьба приближается антихристова и жуткое растление и падение нравов у общества нашего, что мы и видим»[4].

«Какое попущение будет! Будет та же самая Гефсимания, повторится и у нас в скором времени, она уже готовится. Предательство Церкви, предательство Родины, предательство всего святаго»[5].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 58.

[2] Там же. С. 170.

[3] Там же. С. 59.

[4] Там же. С. 72.

[5] Там же. С. 326.

«Выгонят автокефалисты, где-нибудь Господь даст приют. Тюрьма всех нас ждет. Там полочку уже дадут как-нибудь, да и все, "от тюрьмы и сумы никогда не отрекайся" — так народ говорит, вот так»[1].

«Хохлы-западенцы как закрутят-завертят против веры святой православной. Ну что ж, надо в тюрьме посидеть. Не будешь священником, если в тюрьме не побудешь. И к этому готовиться нужно, и к пути исповедничества. Ну, как Бог даст. Краще избежать ее. Но от тюрьмы и сумы ніколи не отрекайся. Кругом Бог — и в тюрьмах, и где только ни находимся, — кругом Бог. И с Богом ничего в жизни не страшно никогда»[2].

«Время антихриста близко уже. Сами мы чувствуем, как беззаконие усиливается в мире, как Евангелие — слово Божие — скоротечно проповедуется во всем мире и как люди отходят от Церкви, во зле, в гордыне пребывают, в своем «я» сектантском пребывают, заблуждаясь сами и людей заблуждая, на путь лжи наставляя»[3].

«Будет стоять монашество войском против антихриста до скончания века. Сколько еще преподобномучеников будет монахов, сколько еще подвижников иноков будут, которые мужественно встанут, когда все поклонятся антихристу»[4].

«Мы стоим в храме Божием, и нам Господь коекому уготовал уже венец мученичества. И нам коекому придется и страдать, и кровь пролить, и невинные тяжкие страдания — Голгофу пройти, чтобы,

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 77.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Рождественского поста: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря 1997 г.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 190.

[4] Там же. С. 229.

через это очистившись от грехов, дойти до Небесного Царствия, до вечности дойти»[1].

«Так что дух Руси могучий, непобедимый всегда!.. Медведь-то русский спит-спит, терпит-терпит, но уж как проснется, как в лапу мохнатую эту дубину возьмет, как раскрутится, то и вся масонская Европа полетит тогда от этой дубины настоящей, русской, святой»[2].

«Самое страшное будет для антихриста — это монашество и монашеская одежда. Бояться будет этого апостольника и мантии монашеской антихрист. Хоть и будет мучить монахов крепко, но победить их не сможет»[3].

«Придет время Поместного Собора 2000 года от Рождества Христова. И тогда Церковь уже, принесшая полное покаяние о цареубийстве (весь народ русский покаялся), тогда уже прославится Царская семья в лике святых угодников Божиих в нашей Церкви Русской Православной, в наши дни во славу Божию»[4].

«И сейчас, в наше время, колотня с Киева вся начинается — матери городов русских, с колыбели. И оттуда покатится эта колотня по всей земле Русской, не минует ни Россию, ничего, кругом будет беснование. Но Россия устоит, и там будет очень благодать большая, даже силы ада, антихриста, не одолеют Русской Православной Церкви»[5].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 245.

[2] Там же. С. 317–318.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя о Закхее. 24 января 1999 г.

[4] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Память святого праведного Иова Многострадального. 19 мая 1997 г.

[5] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 105.

«Святые старцы говорили: «Православие в чистоте сохранится лишь только в Русской Православной Церкви. Остальные все отойдут, все впадут в прелесть бесовскую, а Русская Православная Церковь сохранит чистоту веры до пришествия антихриста»... Вот последний денек антихриста. На Руси будут гореть светильники истинной веры. И не погасит их ни прелесть бесовская, ни гонения, ни какие-то другие ухищрения сатанинские. Светильники будут гореть на земле святой русской»[1].

МАЗЕПА

«Отлучаются также и государственные тяжкие преступники на Руси от Церкви Божией, как Емелька Пугачев — разбойник и вор, Стенька Разин — разбойник и вор, Мазепа — предатель, хоть его сейчас делают у нас лжегероем каким-то. Он предатель Руси Святой»[2].

«Иуду этого — Мазепу, предателя проклятого, сейчас героем каким-то ставят. Он проклятый Богом, и народом Украины, и Церковью. Эти десятки нынешние не подавайте мне, прошу, в алтарь. И в руки сами их не берите, то скверные деньги, десятки, где предатель Мазепа нарисован. Их нужно бы в печку кидать... (жалко только, це ж гроши), но обязательно плюнуть надо на диавола, когда он попадется, тьфу всегда, чтоб знал диавол — предатель несчастный. А сейчас пацюки-нацюки чуть ли не святым

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Неделя Торжества Православия. 28 марта 1999 г.

[2] Там же.

считают Мазепу. Так Петр I дал ему, этому предателю! Полтавская битва совершена — рассыпан этот Запад, прогнал Петр этих шведов-католиков, шедших на Русь Святую полонить нас, в католическую веру обратить. Вот какова была акция шведская... в 1709 году. Так Петр там дал перцу этому Западу. Еле убежали этот Карл, несчастный швед, да Мазепа-предатель. Смылись с поля битвы»[1].

СЕРБИЯ И НАТО

«Трагические события в Сербии идут. Это борьба не против сербов, а против веры православной злых сил масонских, сатанинских. Скорбеть и молиться. И, Господи, только нас, славян, нашу Русь Святую сохрани от этого фашистского НАТО, от этих сатанистов всех — тех, кто нас толкает к Западу. Прихвостнями этими западными стали, подонками западными. От этого сохрани нас Господь! Дух святой веры сохрани на Руси Святой и единство Святой Русской Православной Церкви»[2].

«На Псалтири поминайте многострадальную сербскую Церковь. Потому что беды от этих фашистов, от этого НАТО и нас всех ждут. Даже не думайте, что там где-то что-то творится, а нас ничего не достигнет. Очень печально, что наши хлопцы на стороне врагов наемники. Против сербов воюет Украина, наемники. С турками этими, с католиками. Как это печально! Как это в Чечне с мусульманами воевали эти наши наемники?! Доллары получали сатанинские.

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 235.

[2] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Седмица 6-я Великого поста. Память преподобной Марии Египетской. 1999 г.

Кричали: «Убей русского!» Убивали. Их побили там. Так еще этот сатанист Филарет во Владимирском соборе отпевал как героев их, этих наемников несчастных, убийц, предателей. Да их и в страну нашу нельзя было завезти, предателей славян и веры православной»[1].

«Беснуется НАТО — бомбит по-прежнему сербов, наших братьев. Молимся и скорбим о единоверных сербах наших. Да еще печально, что наш президент[2] едет в гости к натовцам, врагам злейшим нашим. Но Бог ему Судия да будет. Еще ему как не стыдно присылать мне бумагу, поздравление с Пасхой. Я ее порвал, — ну ее, нехорошая эта бумага»[3].

МЕСТО ПРОПОВЕДИ СЛОВА БОЖИЯ

«Церковь, христиан православных обвиняют: а чего вы по телевизору не выступаете, а чего вы не идете в клубы, не проповедуете? Нам там делать нечего. Бог нам дал храм Божий. Шоу устраивать нечего, сатанинские эти спектакли. Какой прок? Один раз, я помню, пригласили, смирился, пошел на шахту, посмотрел на это. Им абсолютно это не нужно, непробиваемые все! Чего же идти, бисер свиньям метать? Чтобы они его попрали? Бог дал храм нам, амвон священный и слово Божие — кому нужно, тот придет»[4].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Проповеди Великого поста: Седмица 6-я Великого поста. Память преподобной Марии Египетской. 1999 г.

[2] Президентом Украины в 1999 г. был Л. Д. Кучма.

[3] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 161.

[4] Там же. С. 67.

ПОСЕЩЕНИЕ КЛАДБИЩ НА ПАСХУ

«А сейчас — абсолютно тризна языческая. Советская власть крепко поработала. Пожрите, попейте на костях умерших, потом морды побейте друг другу — все, вот это они помянули. Ну что ж, Бог им Судия да будет. Такая и радость им, бедным, кто умер. Но наш долг — понести радость Воскресения Христова и в сегодняшний день Пасхи. Пойдем и пропоем им вечную нашу христианскую память и "Христос Воскресе!" умершим»[1].

«Сегодня, конечно, не положено на кладбище ходить по уставу, пьянь ту смотреть, но уже так советская власть научила всех. Сегодня все пьют на тех гробках бедных, на костях умерших. Не пойди — роптать будут: "Попы зажрались, заелись и все прочее, не хотят прийти на кладбище". Надо, наверное, смириться — пойти да общую панихиду отслужить»[2].

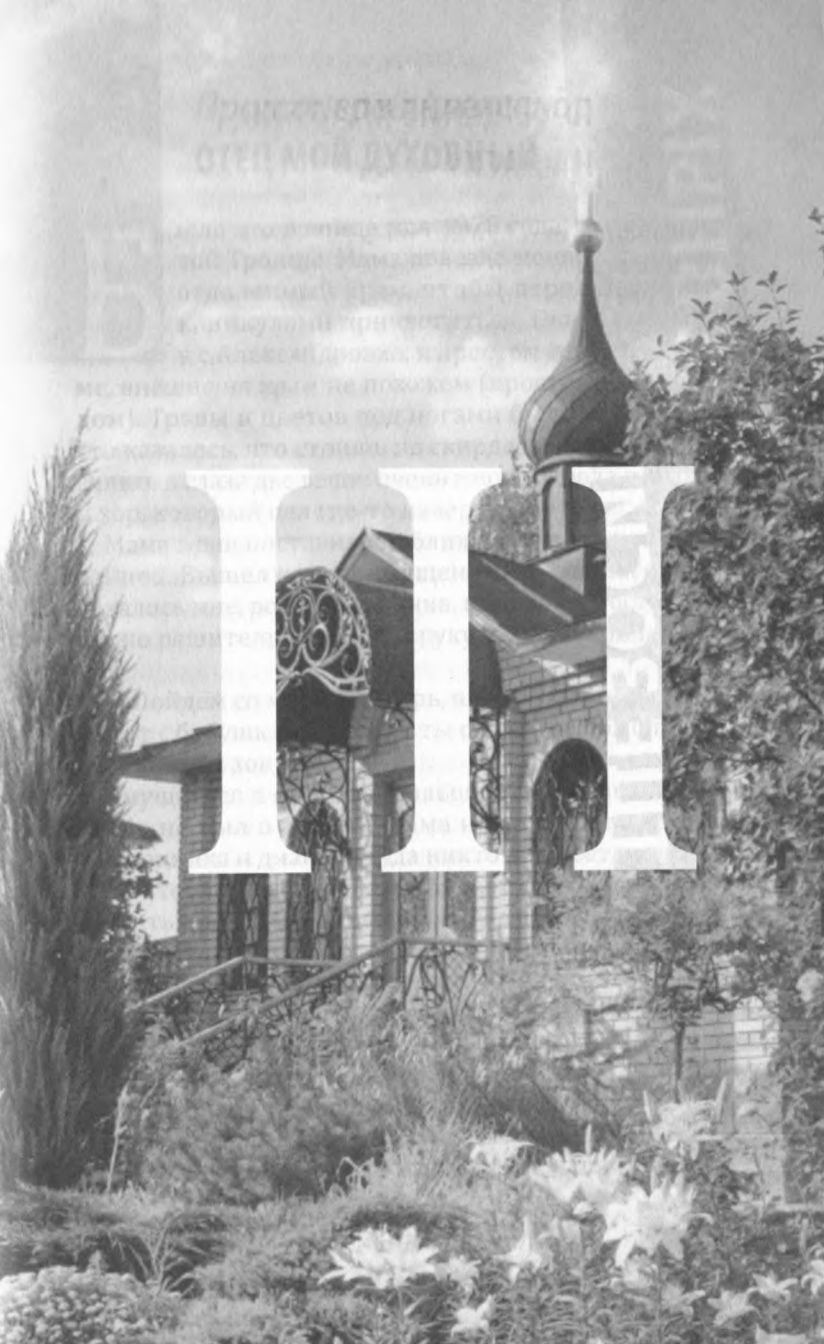
«Не устраивайте тризну на кладбище — это грех осквернения памяти умершего. Кто пил водку на кладбище — каяться должны в этом грехе, что оскверняли память умерших и могилы костей умерших наших оскверняли. Языческая тризна у нас осталась еще, от языческих дохристианских времен — водкой пить поминать и все прочее»[3].

---

[1] *Схиархимандрит Зосима (Сокур).* Слово о Святой Руси. С. 156–157.

[2] Там же. С. 156.

[3] Там же. С. 160–161.


III
ПЕЗОН

ВОСПОМИНАНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД ОБ ОТЦЕ ЗОСИМЕ

Протоиерей Александр.
ОТЕЦ МОЙ ДУХОВНЫЙ

Было это в конце мая 1978 года, в день Святой Троицы. Мама повезла меня в какой-то отдаленный храм, чтобы перед летними каникулами причаститься. Оказались мы в с.Александровка, в простом сельском храме, внешне на храм не похожем (простой сельский дом). Травы и цветов под ногами было так много, что казалось, что стоишь на скирде сена. Сразу бросились в глаза две вещи: очень много народа в храме и хор, который пел где-то наверху.

Мама меня поставила поближе к амвону и не случайно... Вышел кадить священник огромного, как казалось мне, роста и, окончив, взял как-то осторожно, но решительно меня за руку и с улыбкой произнес:

— Пойдем со мной в алтарь, я вижу, ты смущаешься тут с бабушками, а здесь ты спокойно помолишься. Как тебя зовут?

Смущаться я стал еще больше... Во-первых, я никогда не был в алтаре храма и считал, что кроме священника и диакона туда никто не смеет входить. А во-вторых, началась служба и от страха, что буду мешать или что-то опрокину, я уже помышлял о бегстве назад. Но плавность и неторопливость возгласов, умиленная молитва, приятный аромат ладана, трав, веток и цветов и, главное, спокойствие и внимательный взгляд этого необычного священника возымели благотворное действие.

В алтаре и пономарке оказались, к моему удивлению, несколько благообразных седовласых и седобородых старичков, которые помогали править

службу и на мое появление отреагировали весьма доброжелательно, будто я свой.

Но больше всех, конечно, поражал батюшка. Он время от времени поглядывал на меня, но не изучая, а таким взглядом, я это хорошо помню, с такой любовью, как будто смотрел на родного сына, мне казалось: вот сейчас подойдет, обнимет и расцелует... Это ощущение живой любви, чувство того, что дорогой батюшка любит меня больше всех на свете осталось в моей памяти с той первой встречи до самой его кончины.

В какие-то моменты службы батюшка разговаривал со мной, спрашивал что-то, давал подержать кадило, маленькую книжечку — служебник, просил почитать записочки «о здравии», «о упокоении» — в общем, постепенно вовлек меня в службу, и робость ушла. И вот тут-то настигло меня первое потрясение... — «Ты, наверное, Сашуля, готовился причащаться? Давай я тебя поисповедую и причащу здесь, в алтаре, чтобы ты смог потом чайку попить с печеньем, а то когда это ты сможешь покушать... Я еще долго исповедовать людей в храме буду...»

Удивляло то, что батюшка на полном серьезе желает в мои-то 14 лет меня исповедовать, да еще в алтаре! Ведь в то время взрослых исповедовали городские священники по 3–5 человек, а детей или по 6–7 или вообще не исповедовали. Сердце мое собиралось вырваться наружу... Но добрый батюшка опустился рядом на колени и начал задавать мне простые детские вопросы: о молитвах, которые я знаю, о причастии, об отношениях с родителями и учителями, о том, что тяготит мою душу и совесть, о... И вдруг добрый батюшка спрашивает меня о таком грехе, в котором я сам себе не мог признаться и тем более не мыслил, чтобы кто-нибудь мог у меня

об этом спросить! Волна возмущения, ком стыда, краска, залившая лицо, — все вмиг захлестнуло мою внутреннюю и внешнюю утробу. Но о. Савватий — так звали тогда о. Зосиму — будто не заметил потрясения и спокойно спрашивал уже о другом. Наконец батюшка спокойно читает молитву и причащает меня прямо в алтаре..! Чувство стыда еще не остыло, и сразу же трепет, страх, некий торжественный дух и долгожданное облегчение, освобождение от уз греха, благодарность к Богу и к священнику смешиваются в сердце.

Батюшка исповедовал так долго, что я успел детально рассмотреть алтарь, попить чаю в компании седобородых пономарей и погулять во дворе храма, огороженного глухим добротным деревянным забором с колодцем посередине.

В конце службы батюшка опять со мной ласково разговаривал, о чем-то спрашивал — вопросы касались учебы в школе, занятий в кружках, спорта и т. д. — и как-то настойчиво приглашал приезжать почаще.

Спустя много лет, будучи священником, я рассказал о. Зосиме этот эпизод первой встречи и первой исповеди и о чувстве стыда, о возмущении, чем повеселил батюшку, обладавшего незаурядным юмором. В продолжение целого дня батюшка шутя рассказывал иеромонахам, кивая в мою сторону, о первой серьезной исповеди. А затем, чтобы не случилось обиды, сказал:

— А иначе нельзя было. Если бы я не дожал тогда тебя, отпустил бы, ты б никогда не исправился. Так что и тебе наука...

Но почаще приезжать к о. Савватию как-то не удавалось по ряду объективных причин, хотя главной причиной была гордыня. С каждым прожитым

годом один и тот же вопрос мучил меня: откуда мог знать простой сельский священник о том грехе, случившемся только один раз?

Прошло четыре года. Я учился в институте, и както весной пришлось поехать в качестве ша́фера, т. е. дружка жениха, на венчание, так как настоящий ша́фер заболел. Куда ехали я не знал, да и не интересовался. Приехали в село, зашли во двор храма — оказался тот самый храм Александра Невского в с.Александровка. Батюшка ничуть не изменился и все какие-то, как казалось, знаки внимания мне уделял: то пошутит в мой адрес, то спросит что-то, то похвалит.

Наконец Таинство закончилось и все пошли в дом при храме, где было невероятное количество народа: в трапезной обедали человек 10–15 женщин и детей, в комнате, сопряженной с келлией батюшки, людей было не меньше, — мужчин и подростков с юношами, игравших в шахматы на вылет и читающих старинные книги. В келью к батюшке все по очереди заходили, кто на 5–10 минут, кто на час... И неизменно о. Савватий выходил к нам в комнату, провожая гостя, наблюдал за игрой, со знанием дела давая советы, как ходить, заглядывал в книги, которые читались.

Наконец, неожиданно для меня, произнес:

— Ну, Саша, пойдем-ка побеседуем немножко в мою келью — ты, я смотрю, у нас философ. — Робости я не испытывал: освоился уже и, самое главное, желал разговора, жаждал реванша за ту исповедь четырехлетней давности и, подкрепленный кое-какими философскими знаниями, смело переступил порог келлии. Это была обычная небольшая комната с окном, вся увешанная иконами, с большим, добротным самодельным диванчиком-лежаком

и этажеркой-столиком с книгами, журналами, газетами и письмами. Через десять минут беседы я был полностью разбит в нашей философской дуэли и, что самое интересное, я не чувствовал огорчения, а, наоборот, радость, необычайный душевный подъем. Я не потерял какие-то знания, не почувствовал горечи от их абсолютной несостоятельности, а приобрел уверенность в том, что и они отнюдь не ложные — только применимы не в том направлении. Приятно удивляло то, что батюшка не отрицал понятия материи, материального мира, законов физики, умел слушать и не перебивал, лишь вставляя короткие, но точные замечания, и сам подводил мои логические выводы в нужном направлении... И все это так дружелюбно, улыбаясь, как равный с равным, что чувствовалось: не простой это деревенский священник — ну просто профессор да и только. А в глазах читалось: «Ну что, сынок, понял, что против рожна не попрешь?» Знание — сила, надо знать только, куда ее приложить... Еще более удивлял кругозор о. Савватия, его потрясающая эрудиция, но не изобилующая терминами, а, наоборот, выражающая тот или иной закон или факт простыми русскими словами, и так все просто, так все доступно.

Беседовали мы около двух часов, хотя казалось, что не прошло и несколько минут. Спора не получилось, разбит я был сразу и бесповоротно и так же бесповоротно был наставлен в образе жизни, в образе мышления, в духовной жизни. Душа ликовала: все стало на свои места, все стало ясно, свет стал виден и самое главное — осязаем. Радости не было предела — хотелось обнять этого мудрого батюшку, как-то поблагодарить, что-то сделать для него.

В этот же день о. Савватий подарил мне икону святого благоверного великого князя Александра

Невского, и уезжал я из Александровки с таким чувством, будто недавнишним женихом был именно я. Казалось, что я обрел отца, давно потерянного, изрядно забытого, но желанного и любимого, и самое главное, что отец всегда ждет меня и любит.

Следующая встреча с о. Савватием была уже не спонтанная, — я приехал, как и приглашал батюшка, с ночевкой — под воскресенье. В алтаре вместо седых старичков были подростки и юноши, и каждый был чем-то занят: чистили кадило, подсвечники, помогали править службу со знанием дела: включали и выключали свет, открывали и закрывали царские врата, подавали кадило, зажигали свечи, читали служебные книги и т. д. Я старался не мешать и, стоя в углу алтаря за южными дверями, незаметно наблюдал за их действиями, но батюшка это заметил:

— Вот-вот, Саша, смотри, запоминай и учись — будешь мне помогать со временем...

После вечерней службы вся орава бросилась мыть полы, встряхивать половики, ковровые дорожки, чистить лампады перед завтрашней воскресной службой. Казалось, что со всеми я давным-давно знаком, что это мой второй родной дом и меня здесь знают, а если и забыли, то ждали...

На ночлег о. Савватий определил меня в той самой комнате, смежной с келлией, где была библиотека и играли в шахматы. Поражали книги: большинство из них отпечатаны в XIX веке, но в новых переплетах. Это были книги по церковной истории, истории России, труды протоиерея и магистра Г. Дьяченко, серия «Жизнь замечательных людей», собрание сочинений Ф. М. Достоевского, книги В. Соловьева, Костомарова. Самой интересной мне показалась книга Г. Дьяченко «В мире таинственного», которую я начал читать,

устроившись на ночлег. В келье у батюшки приглушенно горел свет, пробивавшийся через занавеску застекленной двери, и периодически доносился шелест перелистываемых страниц книги. Около одиннадцати часов батюшка вышел из келлии и подошел ко мне, рукою упреждая мое вставание с дивана:

— Лежи, лежи, Сашуля.. Что читаешь? О, тайны всегда притягательны... Ну читай, читай. Приятно видеть, когда молодые стремятся что-то узнать, изведать, стремятся к знаниям. Пока молодой — только и время читать, потом читать времени уже не будет. Я тоже очень любил читать, особенно историческую литературу... Любишь историю? Кто на Руси был первым князем? — А первым царем? А? Ну ладно, пойдем чай пить, а то поздно будет.

После чая с вареньем и бубликами мы далеко за полночь еще беседовали, и казалось, о. Савватий не замечал течения времени, не уставал и с интересом слушал рассказы о моей жизни в семье, студенческих буднях, шутил, смеялся, тут же вспоминал аналогичные эпизоды и из своей семинаристской и академической жизни.

В пять утра уже включен верхний свет.

— Поспи еще с часок, Саша, потом в алтарь придешь, — видя мою готовность вставать, ласково произнес батюшка, выходя из келлии.

Каким тоном батюшка всегда произносил эти слова! Сколько раз это было произнесено!? Сколько в этих словах было тепла, заботы, нежности!

Много раз мне приходилось ночевать у батюшки и в келье, и рядом с кельей, и всегда дорогой батюшка тихонько, чтобы не разбудить, вставал, тихонько, чтоб не скрипнуть петлями дверей, выходил и, если видел, что и я пытаюсь встать, всегда жалел — укладывал еще поспать хотя бы часок...

После литургии и молебна батюшка всегда подолгу принимал в келье. В основном это были люди прихода и клира. Но мне всегда казалось, что о. Савватий какой-то «молодежный» священник — полная пономарка и алтарь юношей и подростков, всегда полный дом от только что начавшего ходить малыша до только что обвенчавшегося молодого мужа. Всегда дом был наполнен радостным гамом, шумом, который, впрочем, никогда не раздражал батюшку, а наоборот — он жил им. Лишь в келье тишина теплила неугасимую лампадку перед образом Спаса Нерукотворного.

Никто из близких к батюшке людей не торопился, не уезжал без благословения и всегда был награждаем за терпение продолжительной беседой наедине. Всем батюшка обязательно что-то дарил — никто из кельи не выходил с пустыми руками: кто с иконой, кто с книгой или журналом, кто с открыткой. Часто батюшка еще «в нагрузку» давал конфеты, бублики или еще что-нибудь в дорогу, «а то когда еще до дому доедешь?» Всех всегда батюшка благословлял покушать, и никто не преступал благословения.

Я же, наоборот, избегал обедов, считая, что не объедать сюда приезжаю... Батюшка же, провидя это, часто в конце беседы просил принести в келью покушать на двоих.

Из всего периода служения о.Зосимы в Александровке больше всего помнятся службы в зимнее время. В пономарке всегда тепло, даже жарко, благоухает ладан. Во время поста старались не зажигать лишний раз свет — все при свечах, таинственно и торжественно. Особенно удивляло количество постовых записок. Все записки были написаны батюшкиной рукой на перфокартах, разрезанных пополам вдоль. Их было так много, что те, кто не был занят

пономарским послушанием, человека три-четыре, читали до конца службы.

В пономарке всегда кто-то оставался ночевать, в основном кто-то из приезжих донецких ребят. Местной молодежи было немного, но сельских парней из соседских поселков и сел приезжало достаточно.

В храме, в пономарке и притворе, в доме и во дворе все было добротно и качественно выполнено — будь то икона или аналой, лампада или подсвечник. Казалось, что каждая мелочь батюшкой тщательно продумана. Постоянно из Донецка приезжал иконописец А. (впоследствии схимонах Алипий) и привозил эскизы, наброски, уже написанные иконы и т. д. Столяры, плотники, каменщики всегда неспешно и незаметно трудились и благоукрашали храм, двор и прилегающую территорию. У батюшки не было мелочей: в каждое дело он вникал глубоко и во всем был специалист.

Прихожанами Александро-Невского храма в Александровке в основном были жители Донецка и Макеевки. Количество их с каждым годом росло так, что в воскресную службу храм уже не мог вместить всех богомольцев. Особенно много было детей, которых так сильно любил дорогой батюшка и которым он уделял больше всех времени и внимания. Никогда о. Савватий не повышал на них голос, не ругал за шалости, тем более не гневался за проделки или баловство. Лишь однажды я был свидетелем наказания двух пономаренков — старшего и младшего по возрасту — за то, что один, не выдержав пощипывание другого во время службы при открытых царских вратах, прополз за батюшкой, стоявшим у престола, на другую сторону алтаря. Батюшка заметил, но и ухом не повел. А после окончания

вечерней службы спокойно назначил им поклоны. По тысяче каждому...

Однажды вечером, приехав в храм и открыв дверь пономарки, я оторопел от увиденного: при свете лампад два разгоряченных тела — одно большое и толстое, другое маленькое и худенькое — обливаясь потом, в одном нижнем белье, метают земные поклоны.

Вскоре заглянул батюшка:

— Вы живые тут еще? Смотрите, пол мне не проломите, а то в храме слышно, как вы бахаете, — улыбался батюшка, — я даже исповедовать перестал, думаю: пойду проверю, что вы тут вытворяете. Ну? Сколько сделали? Ладно, хватит уже, достаточно... Все поняли? Вы же не передо мной провинились — перед Богом! Это всегда помните.

Батюшка давно уже исповедовал с вечера — слишком большой поток людей. В центре храма низкий аналой с ковриком и рядом батюшка на стульчике. Исповедающийся стоит на коленях, склоня голову, батюшка сидит согнувшись, тоже склоня голову и едва заметно кивая. В полумраке храма благоговейно застыла тишина, лишь изредка нарушаемая то полушепотом кающегося, то всхлипами, то звонким разрыванием батюшкой бумажки с написанными грехами. А в притворе храма тихо и терпеливо, сосредоточенно в своих мыслях стоит очередь на исповедь. И долго еще будут изливаться людские грехи и покаянные слезы на старенькое Евангелие и резной крест в середине храма, где терпеливый и кроткий монах выслушивает горечь и боль, стон и плач, отпускает, вяжет грехи, негромко, но торжественно произнося слова разрешительной молитвы с особенным, свойственным только ему ударением на глаголы, и, отдав разорванную бумагу с грехами, непременно в левую

руку, с миром благословляет на сон умягченную душу прихожанина.

В такие вечера перед службой батюшка почти не спал. Приходил из храма в 22–23 часа, а то и в полночь. Полчаса – час беседовал за чаем, потом в комнате с насельниками, устроившимися на ночлег, и уходил в келью, где долго еще горел свет... И никогда не жаловался ни на усталость, ни на боль физическую, не роптал на нехватку времени, всегда был бодр и весел. Всем своим видом о. Савватий показывал нам, что так и должно быть, что эта колоссальная физическая и духовная нагрузка в продолжение всего дня и ночи — это не безысходность обстоятельств, а естественная норма.

Самыми яркими воспоминаниями того времени являются, конечно, ночные службы на Рождество, Крещение и особенно Светлое Христово Воскресение. В канун Пасхи, в ночь с пятницы на субботу, также служилась литургия, где причащались все прихожане, которые были причастниками в Великий Четверток, и сама ночная служба в Пасху была еще более дорога всем молящимся вторую ночь кряду. Всех желающих храм не мог вместить — стояли близ открытых дверей храма во дворе. В алтаре, пономарке и на клиросе не протолкнешься. Батюшка в такие службы не ходил — летал. Без суеты отдавал приказания, заранее определял каждому послушание на время службы, с каждым, благословляя перед службой, успевал в алтаре коротко побеседовать и пошутить. Лицо его в такие службы светилось в предвкушении великой тайны — Таинства Евхаристии, и свет его удивительных глаз передавался всему православному люду, разделяющему радостную духовную трапезу здесь, в храме.

Власти как могли сдерживали поток богомольцев в такие праздники, но люди, несмотря на милицейские кордоны, из года в год приезжали еще в большем количестве на праздник к священнику-монаху в небольшой храм Александра Невского в пригородное село.

Особенное внимание в такие дни о. Савватий уделял вопросам дисциплины и порядка. Поделившись на группы из 2–3 человек, мы периодически обходили весь двор храма, выявляя случайных курильщиков и подвыпивших, вежливо, но твердо выводя их за ограду. Через 2–3 года этих действий уже не требовалось — все знали это правило и не нарушали.

Не только в Донецке и Макеевке знали и почитали о. Савватия. Фотографии патриархов, митрополитов, архимандритов, игуменов, схимников украшали комнаты дома, келлию и пономарку: патриарха Алексия I (Симанского), патриарха Пимена, митрополита Никодима и многих других, что свидетельствовало о личном знакомстве с ними батюшки. Особенно много было фотографий о. Иоанна Кронштадтского, тогда еще не прославленного в лике святых.

Мне неоднократно доводилось утверждаться в факте известности батюшки во многих уголках родины. Однажды приехал я к батюшке за советом — лететь или нет в апреле 1984 года в г. Новосибирск на научно-техническую студенческую конференцию.

— Бог благословит, — были первые слова о. Савватия, — обязательно слетай и заодно поклончик передашь отцам... Если не сможешь проехать в епархию, то хоть позвонишь. Вот тебе адрес, телефон и деньги — купишь свечек, поставишь в храме.

Командировка в Новосибирск сразу для меня окрасилась в иной цвет, обрела иной смысл.

С радостью я исполнил благословение батюшки, несмотря на достаточно назойливую опеку со стороны профессора и товарища-аспиранта.

В конце 1984 — начале 1985 года в моей жизни произошло событие, которое невидимо для всех связало, точнее сказать, сроднило мою душу с дорогим батюшкой.

На занятиях по научному коммунизму я имел неосторожность подвергнуть резкой критике компартию и тех, кто вступает в нее преследуя корыстные карьерные побуждения. Результат не замедлил сказаться — сначала отстранение от занятий, затем бесконечные комсомольские собрания и, наконец, допрос в КГБ. Угроза исключения из института на последнем курсе отодвинулась на второй план, — реально «светили» статьи УК с тяжелыми словами «измена», «клевета», «подстрекательство» и т. д. со всеми вытекающими печальными последствиями.

— Как же ты мог сказать такое вслух, открыто? — Батюшка, покачивая головой, в задумчивости перебирал нервной рукой четки. — Ты разве не понимаешь, что бросил вызов системе? Как же я тебя не предупредил? Есть вещи, о которых умный человек смолчит. А ведь это все от гордыни... Было бы смирение — хватило бы ума... Ну, будем молиться. Будем молиться.

О КГБ с отцом Савватием мы говорили ранее, но вскользь: как-то в беседе о честности и «чистых руках» я сказал, что у нас в стране только там, наверное, честные люди работают.

— Что ты? Страшная... страшная организация. Ты о ГУЛАГе слыхал? О патриархе Тихоне не читал? Какими изощренными методами его пытали... У меня тоже не сложились с ними отношения...

Батюшка не упрекал, не потакал, но всем своим видом, этим уверенно-утверждающим «будем молиться» вдохнул в мою понурую душу убежденность, что все возможно у Бога.

— Ну, диссидент, друг Солженицына, готовься завтра к исповеди и причастию. А я-то думаю — что его на Рождество не было — уж не женился ли? А оно вон что... — уже улыбается, уже, как всегда, шутит дорогой батюшка. — Не вешать нос! Не унывать! Держать хвост пистолетом!

Чудо состоялось. Чудо у Престола Божия, чудо непрестанного делания молитвы совершилось, и не пришлось выдумывать стратегию и тактику поведения — Господь управил, да так, что диплом я благополучно получил в том же году.

— Впредь тебе наука. Смотри в оба, держи нос по ветру, — наставлял потом батюшка, — из всех своих ошибок делай выводы и благодари Бога, что все так управил. За все благодари Бога... и помалкивай.

Это было первое реально ощутимое чудо у Бога, чудо молитвенной помощи будущего схимника, которое положило начало пониманию разницы между физической и духовной жизнью, осмыслению, что молитва одного человека (неважно, монаха или священника) за другого имеет право на ходатайство пред Господом, а в мирском понимании — силу.

***

Летом 1985 года я приехал брать благословение на последние вольные каникулы перед началом самостоятельной трудовой жизни, а батюшка вдруг предлагает разделить с ним радости и тяготы паломничества:

— Поедем в Питер, Москву, на Валаам, на Соловки? Больше всего люблю я русский Север! В другой раз я уже вряд ли смогу там побывать ...

Тысячи раз я впоследствии сожалел об отказе быть спутником батюшки, прикрывшись тогда какими-то весомыми, как мне казалось, причинами.

Но этим же летом Промыслом Божиим довелось встретиться с о. Савватием в Москве. В столице мы были всей семьей. Мама на вечернем богослужении в Благовещенском соборе, возглавляемом патриархом Пименом, неожиданно увидела в конце службы батюшку, выходящего из алтаря, он постепенно прикладывался к иконам, направляясь к выходу.

— Какими судьбами? — батюшка, казалось, не удивился. — Бог благословит. — Завтра, Нина, привези сюда младшего, чтобы в его цепкую детскую память врезалась патриаршая служба — такого патриарха, может, больше и не будет, я буду в храме иконы Божией Матери «Утоли моя печали» — пусть старший приезжает.

Немало усилий и времени пришлось потратить мне, чтобы отыскать в незнакомом городе этот храм. Приятно удивляло то, что в небольшом райончике, где я вел поиски, было три храма, так или иначе связанных с этой чудотворной иконой. Наконец, обойдя все храмы, я стоял у иконостаса, пытаясь в открывающиеся вратницы увидеть своего донецкого духовного наставника.

— Ну, нашел кого искал, княже? Все храмы обошел или еще остались? — неожиданно сзади выросла огромная фигура батюшки после окончания литургии. — Что, никогда не видел меня в таком виде?

Батюшка был в темно-коричневом костюмчике, в светлой рубашке, а в руках болоньевый плащ

и видавший виды портфель. В таком виде можно было принять батюшку за доктора или профессора-археолога. Остаток дня мы провели в разъездах по городу, навещая священников, монахинь, живших в миру, схимниц и т. д. И везде появлению о. Савватия были рады, везде его знали и помнили.

Через день мы с братом провожали батюшку на железнодорожный вокзал в Донецк, перетаскивая из такси в поезд немалый багаж, главным образом состоящий из книг. Поездка по русскому Северу, по святым местам Русской Голгофы окончилась — начиналась для батюшки своя — донецкая голгофа. Во-первых, обострилась болезнь ног, диагноз которой врачи однозначно не могли установить — все было в разной степени поражено — и кости, и сосуды, и кожа. Во-вторых, воспользовавшись отсутствием батюшки, спецслужбы провели определенную работу на месте, возбудив некоторых «активистов» к травле о. Савватия при помощи клеветы, шантажа, доносов. И хотя так же, как и прежде, правились службы, отправлялись требы, приезжало огромное количество народа, спокойствие было нарушено. Этот период для батюшки был тяжелым. Но никому о. Савватий ничего не рассказывал, а тем более не жаловался. Всегда повторял: «Дело монашеское — молиться».

В начале августа я приехал в Александровку за благословением на трудовую деятельность, «на свои хлеба», как говорил батюшка, перед отъездом в соседнюю область по распределению.

— Будешь ко мне приезжать, если меня переведут? — неожиданно в разговоре спросил батюшка. — Как там твой город называется? Стаханов?! — Кадиевка — прежнее название. Какое красивое слово! Так будешь из своей Кадиевки приезжать?

Я пытался привести какие-то аргументы в пользу невозможности перевода, ссылаясь на авторитет, на приход, на здоровье, а батюшка только посмеивался...

— Переведут... переведут. Так что — не скоро мы с тобой увидимся — ты в Кадиевке, а я... — и махнул рукой, улыбаясь.

Так и вышло. Это была последняя наша встреча в том запомнившемся 1985 году.

Весть о переводе о. Савватия куда-то в Великоновоселовский район тем не менее была неожиданной, нелогичной, тем более что на дворе бушевала горбачевская перестройка, «плюрализм мнений, плюрализм мышления». «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» — все, что приходило в голову.

После Рождества Христова наконец удалось мне «выцарапать» несколько дней и отправиться на поиски духовника. Долго урчал «Икарус» по заледенелой дороге на юго-восток от Донецка, мелькали обильно заснеженные поля с деревьями, мирно струился дым с паром из труб добротных домов обрусевших потомков греческих переселенцев, пока не дыхнуло в лицо крепким морозом село с красивым и удивительным названием Константинополь. В 3–4 километрах от Константинополя и находилось село Андреевка, над которым, возвышаясь, парил белым парусом храм Рождества Пресвятой Богородицы. Преодолевая пешком эти километры, я невольно задумался о том, как неудобно теперь добираться до Андреевки от трассы. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Вблизи храм оказался еще больших размеров, белоснежный, типовой постройки начала XX века, он являлся не только центром тогдашней духовной жизни села, но и сейчас территориальным центром

Андреевки, находясь недалеко от перекрестка двух основных дорог. Возле храма, ютясь к ограде, пыхтела дымом хатынка, тем самым свидетельствуя о теплящейся жизни прихода.

Алтарь и пономарка с первых секунд ошарашили, оглушили холодом еще большим, чем на улице. Кроме батюшки в алтаре никого не было.

— У, кто к нам в Сибирь пожаловал! Ничего себе не отморозил, Сашуля? А то невеста после венчания скажет, что жениха ей отмороженного подсунули! — Батюшка был еще в подризнике после литургии и в валенках. — Вот хорошо, что тебя Господь послал, — мне поможешь, а то я всех своих помощников отпустил из-за холода.

После панихиды и уборки в алтаре, во время которой батюшка что-то, как всегда, записывал то на узких плотных листах, то в своем ярком помяннике, наконец пошли в «хоромы». В избушке, где хлопотали знакомые еще по Александровке бабульки, было тепло и по-домашнему уютно. Передняя комната с угольной плитой служила трапезной и гостиной, а вторая комната — кельей батюшки: те же образа, те же лампадки, книги... тот же кот Бродяга.

— Так вот и живем... Село большое — да молиться никто не хочет. Порой даже кадило подать некому. Но... слава Богу за все!.. Слава Богу за все! Потихонечку налаживается жизнь на приходе... Пойдут, пойдут люди, — расшевелим с вашей помощью и этот улей.

В этот раз мне представилась возможность спокойно и долго общаться с батюшкой, ибо на завтра служба не планировалась, да и никто не мешал. Спать довелось на раскладушке, которая никак не помещалась ни в келье батюшки, ни в гостиной, — пришлось поставить в проеме двери между комнатами — голова у батюшки, ноги у бабушек...

Следующая встреча с о. Савватием в разгар тревожных чернобыльских дней первых чисел мая 1986 года была значительно короче. Батюшки не было — вызвали в Донецк, а в домике все по-походному — готовились к переезду. Приехал взволнованный, а в глазах — грусть какая-то.

— Ну вот, Сашуля, переезжаем мы с Бродягой опять... Куда-то в Макеевку. Не место красит человека... А по мне все равно где служить — лишь бы служить Богу. Монашеское дело — Богу служить, где бы ни оказался. Господь Бог везде. И везде Один и Тот же — и в Андреевке, и в Донецке, и в Макеевке.

На этот раз батюшка торопился по делам к благочинному, заставил сесть за обеденный стол, а сам уехал. Приехал спокойный и, казалось, как всегда веселый, но в паузах разговора — задумчивый.

Впервые я убедился в благотворности священнического благословения и ценности практического совета батюшки, обладавшего феноменальной памятью и обширнейшей эрудицией во всех отраслях человеческой деятельности. На вопрос, как лечить гайморит, о. Савватий ответил будто ждал этого: — Не прокалывать ни в коем случае. Разве что при угрозе жизни. Самый лучший метод — море и солнце, жара. Берешь пригоршню теплой морской воды у берега и втягиваешь в нос, чем чаще — тем лучше, хоть целый день. Недельки две хватит, да больше у моря и не выдержишь... Так вот советуют старые врачи. Бери отпуск и дуй на море, только настоящее чтобы... Черное. Азовское не годится, пресное. Есть у тебя такая возможность? Да не затягивай: любая болезнь требует своевременного лечения. Ты езжай лечиться, а мы будем молиться... Да лечись по-серьезному — тяни ноздрями так, чтобы вода и из ушей, и из глаз выливалась.

Благословил батюшка на море. Благословить-то благословил, а как осуществить практически? Отпуска еще не заработал, родственников, друзей или знакомых на море нет, путевку уже не достать, ехать дикарем — денег не хватит...

Приехал на свою шахту в Кадиевские края — вдруг получаю трудовой отпуск и отпускные деньги... Звонит затем институтский друг: «Поехали в отпуск на Кавказ, полазаем по горам, а потом на пару недель в Туапсе, к родственникам». — «Поехали!»

После моря на многие-многие годы забыл я о посетившей болезни, а батюшкин совет всем рассказываю...

Возвратился из отпуска, а батюшка, говорят, служит уже где-то то ли под Торезом, то ли под Снежным, и опять в Андреевке, только теперь в поселке.

Андреевка без особого труда нашлась на окраине Снежного в низине, обрамленной по краям зеленью акаций и фруктовых садов. Храм Покрова Пресвятой Богородицы высился в центре яблоневого сада, огражденного покрашенным известкой забором из дикого камня. И ни домика, ни сарайчика, никакой жилой постройки рядом... Где искать батюшку? Вырулил на ближайшую улицу — все равно спросить не у кого — все, по-видимому, заняты работой. Огляделся вокруг: в одном месте только люди видны — суетятся около строящегося двухэтажного дома из белого кирпича. Подъехал и сразу увидел родных знакомых бабулек, хлопочущих по хозяйству во дворе, а из дома раздавался бодрый голос батюшки, дающего распоряжения рабочим. Как же я сразу не догадался — ведь там, где батюшка, там неизменно начинается стройка!

Отец Савватий обрадовался встрече больше, чем я.

— Нашел-таки меня?! Долго блукал? Да загорелто как! Да на лимузине! — окидывая взглядом

родительские «Жигули». — Ты случайно в строительстве не соображаешь? А то у нас спор со строителями возник — решил вот достроить второй этаж, да пристроечку, да подвальное помещение под жилье приспособить, а они говорят, что так не делается, из одноэтажного дома трехэтажный не строится. Почему не строится? Тут фундамент и больше этажей понесет... Смотри какой... Как думаешь?

Ночевал на той же раскладушке в свежеоштукатуренной комнатке на втором этаже по соседству с батюшкиной кельей, дверей нигде еще не было и всю ночь, казалось, батюшка все шуршит страницами.

После литургии возил батюшку к какому-то начальнику, потом трапезничали и долго беседовали уже возле машины, куда отец Савватий вышел провожать, а бабушки-послушницы загружали багажник всяким провиантом.

— Молчи. Ты в общежитии живешь. Дают — бери, бьют — беги. Так, все. Ты что благословению перечишь? Смотри, — грозит мне пальцем, — больше 90 скорость не развивать! Ты понял? В следующий раз приедешь — спрошу.

Никогда впоследствии за все годы не забывал дорогой и заботливый батюшка справиться о скорости. И каждый раз, превышая эти заветные 90, я будто слышу его упреждающий голос.

Троицын день. Сеновал в храме и алтаре, ветки и цветы на иконах. Торжественно и чинно плывет литургия но все как-то не так, непривычно. Ощущение временного, неустоявшегося. И хор поет не так, и лица пономарей не те — не знакомые, и батюшка чем-то раздражен и поэтому порывист.

— Не последний это мой приход — скоро опять переведут, — машет кистью батюшка в келье после

службы. — Людей жалко... Хоть бы крестилку и дом успеть достроить.

Перевод на новое место тем не менее все знавшие батюшку встретили с облегчением и как само собой разумеющееся. Ощущение было такое, что батюшку перевели на новое место окончательно и бесповоротно. Даже ходил по городу среди прихожан слух, что сам владыка якобы пообещал, что больше о. Савватия не тронут. Сотни дончан воспрянули духом, что наконец-то и любимый и любящий наставник, духовный отец обретет покой и будет иметь более-менее постоянное место молитвы.

Первая литургия в храме Василия Великого с. Никольское пришлась на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1986 года.

***

Автобус разрезал лучами фар морозный мартовский вечер: вез меня в неведомое село Никольское. На конечной остановке сквозь мглу удалось рассмотреть вдали что-то вроде высокой колокольни и купола храма. Чем ближе подходил, тем теснее становилось от объятий приближающегося страха: окраина села, рядом ни одного жилого дома, ни одного огонька в окне и... громадой рвется к звездному небу огромный заброшенный храм... Что-то вроде заборчика-оградки с зияющими дырами растасканных пролетов, пара дощатых кривых сарайчиков, где нашли приют стаи ворон, и нараспашку темный, но величественный даже ночью храм.

Странно... «Почему храм раскрыт? Почему нигде нет света?» — сверлили голову вопросы, пока обходил храм вокруг. Вдруг поймал себя на мысли, что шел по нетронутому целику снега, и ужаснул-

ся — здесь никого нет! Одна мысль приходила в голову — батюшку арестовали, а храм разграбили... Долго стоял я в оцепенении, подмораживаясь, сняв шапку и изредка крестясь на темные купола храма на фоне звездного неба. А дальше что? Куда увезли батюшку? Как посмели? Наконец решился заглянуть в храм. Едва ступил, как от неожиданности отпрянул — чуть ли не в лицо взлетели то ли голуби, то ли вороны. Что-то здесь не так... Что-то не то. Судя по снегу в притворе храма, ворот здесь нет уже давно. Значит, здесь не служат и не служили... по крайне мере недавно. Значит, батюшка не здесь. Может, есть в селе другой храм?

Решил вернуться к автобусной остановке и оттуда начать поиски неведомого храма и едва отошел от старой опустевшей церкви — откуда ни возьмись старичок идет: мимо не мимо, но ко мне как будто. Здоровается на мое приветствие ласково, «мил человек» называет... Да, говорит, есть у нас в селе действующий храм, там сейчас монах служит. Да нам по пути, говорит, пойдем, доведу как раз до церкви.

Вернулись на дорогу и место, где вышел из автобуса, чуть в гору, и вдруг за деревьями, совсем рядом, забелел стенами храм. Подвел меня старичок к маленькому домику, указал рукой и свернул за угол, держа дальше свой путь. Из окошечка в самом верху стены, какие бывают в сараях с тыльной стороны, теплился тусклый свет. Слава Богу, нашел! Хотел поблагодарить своего провожатого, метнулся за угол — как не было его... За сарайчиком пустырь — видать далеко, дороги нет никакой, даже следов нет. Чудеса!

Стучу в дверь сначала тихонько, а сердце еще громче колотит в груди. Тишина. Стучу сильнее,

уже почти неистово и, слава Богу, слышу знакомый голос бабы Шуры, — глуховата она, вот и не открывала так долго. Узнала меня сразу, видно по голосу, — видела-то она тоже неважно.

— Есть, есть твой батюшка, куды ж ему деться! Щас, щас скажу. — Пошкрябала в другую комнатку.

— О, кто к нам в нашу деревеньку пожаловал, — выросла в проеме двери фигура о. Савватия в стареньком темно-синем линялом подрясничке. Батюшка занес было руку для благословения и остановился:

— Ну, можно тебя благословлять? Ничего не натворил-то? Ну, если нет, то Бог благословит! Не заблукал? Тоже мне геолог, на Никольский храм попал... Бог даст, еще откроем, отремонтируем и тот храм.

В домике, который, по-видимому, раньше служил сарайчиком, было тепло и уютно прежде всего из-за множества знакомых старинных икон, весело мерцающих лампадок.

— Ну, рассказывай, не женился еще в своей Кадиевке? А невеста есть? Кто? А-а, — машет рукой, — твоя невеста еще в куклы играет... Пытаюсь возражать батюшке, что мне уже 22 года стукнуло и этого не может быть, а он все равно:

— Твоя невеста с портфельчиком в школу ходит и еще в куклы играет...

Что тут поделаешь?! В куклы так в куклы...

Раскладушка в этот раз была занята — спал в келье у батюшки на полу на толстой перине.

Наутро рассмотрел храм и окрестности и особенно то место за углам домишки, где расстался с вечерним проводником-старичком: никаких следов, да и идти-то некуда — дома в стороне и дороги здесь нет...

Кирпичный побеленный храм оказался довольно большим снаружи, с колокольней, правда

требующим ремонта. Вверху на южной стороне храма из кирпича выложен год постройки — 1912-й. Весь храм был издали как бы в прожилках темных по белому — паутина трещин пронизывала всю площадь, особенно сопряжение с колокольней, которая, казалось, хочет отделиться от здания храма.

Отопления в храме нет, в ветхом полу огромные щели, старенькая поблекшая роспись и жуткий холод...

— Ну как тебе наша деревенька? А? — Батюшка, как всегда весел и вопрошает за обедом. — Теперь-то меня уж никуда не переведут... Дай Бог здесь и помереть... так что тут мое последнее пристанище будет... Мне так кажется... А? Что молчишь. Далеко от города? А служить Господу нужно везде: на всяком месте и во всякое время... Некому служить? Людей нет? А мы не для людей, не для прихожан служим — мы Господу служим и Ему одному поклоняемся! Будет служба, будет молитва — и люди сами придут, приведет Господь! А когда-то приходская жизнь здесь была. Одного храма мало было. Раньше был один храм — Никольский — на той стороне, ты его ночью-то и видел. И в один из престольных праздников обиделся люд из этой половины села: то ли места за столом не совсем почетные достались, то ли хоругви не дали нести им на крестном ходе — давно это было. И решили обиженные свой храм построить. И построили, в честь Василия Великого. С тех пор эта часть села — Васильевка, а та — Никольское. Все бы так обижались! Ха-ха... Церквей бы было!.. Ну, ничего, ничего. Слава Богу за все! После Пасхи, с Божией помощью, перестелем полы в храме, построим котельную и проведем отопление, сломаем эту хатынку — будем строить новую, с крестилкой, с кухней. Но самое

главное — провести отопление в храм, чтобы люди могли молиться, а не думать, как согреться, во что одеться. Правильно я говорю? Так или нет? Так! Да еще бы колодец выкопать...

До сих пор в моей памяти осталось подтверждение слов батюшки: горы кирпича и досок за северной стеной храма, толстенные сосны лесов в храме и снаружи и постоянная работа во дворе, в основном женщин, а в храме — служба, непрестанная молитва. Среди прихожан даже утвердились в памяти и на устах такие слова: «Где батюшка — там и стройка».

К осени 1987 года на месте «хатынки» стоял добротный кирпичный дом с просторной крестилкой, котельная с кухней; храм отапливался и расписывался. Вокруг храма также все преобразилось: церковный двор был обнесен кирпично-металлической оградой с коваными воротами, за которой разбиты многочисленные цветники и клумбы, а между ними зрели помидоры.

Молодежь, рассеянная было, пока батюшку гоняли по приходам за эти годы, вновь заполняла храм в воскресные и праздничные дни, а пономарка и алтарь ничем не отличались от того славного ностальгического времени в Александровке: те же три поколения, тот же ребячий гомок и суета, те же благообразные седобородые старички. Вдыхая привычный алтарный воздух, эту атмосферу спокойной молитвенной жизни, чувствовал: все возвращается... Все вернулось! По воскресным дням десятки машин, мотоциклов и велосипедов брали храм в кольцо и лишь к вечеру разъезжались постепенно — без благословения на обратную дорогу редко кто уезжал. С каждым батюшка обязательно беседовал, обязательно что-то дарил, обычно

книгу или журнал; затем благословлял на дорогу, наказывая зайти в трапезную покушать. И всегда справлялся прежде всего о том, как предстоит добираться домой, сразу же стараясь пристроить к кому-то по пути в машину. Чудесным образом всегда удавалось с кем-то уезжать, даже в том случае, когда никого из знакомых на церковном дворе уже не было.

В те годы об отце Савватии сложилось мнение как о священнике молодежном: молодых ребят полно, и беседует с ними батюшка подолгу с каждым после службы, да еще подарочек, денежек на дорогу и конфеты даст. Мне и, уверен, каждому из юношей всегда казалось, что батюшка любит его больше всех. Отца Савватия интересовало в моей жизни буквально все: каким спортом занимался и занимаюсь, какие песни пою, на чем играю, с кем вожу дружбу и к кому имею неприязнь, какие книги читал и читаю, как руковожу людьми на производстве и насколько далеко зашли отношения с невестой и самое главное — каковы отношения с родителями. И все эти вопросы гармонично и незаметно укладывались в невидимые ячейки непринужденной беседы в келье, или за трапезным столом, или в крестильне, где батюшка любил беседовать и которая затем многие годы служила приемной. Дорогой батюшка умел быть и любящим родным отцом, и сердечным другом. Самым замечательным было то, что батюшка никогда не навязывал своего мнения, никогда не насиловал волю собеседника, не давил своим духовным взором и колоссальным интеллектом: всегда разговаривал понятным языком, как равный с равным.

Батюшка весьма ценил личный опыт каждого человека и никогда не поучал категоричным

тоном: чтобы иметь опыт духовного роста, необходимо лично соприкоснуться и с гранями падения. Духовный наставник, слушая о моих жизненных приключениях, а их было немало, всем своим видом как бы говорил: ну-ну, подергайся еще немного — сам поймешь, когда шишек набьешь, лишь предупреждая об опасностях крайностей. Никогда не говорил: не надо этого делать или бросай это увлечение. Гений его мысли и интуиция предоставляли пасомому истину на вырост. Занимаешься восточным единоборством — только на уровне физических тренировок и навыков, играешь в ансамбле — чтобы не было богохульства и пошлости, занялся бизнесом — чтобы предмет деятельности ладил с законом и не приносил горя в другие семьи (как, например, продажа водки и сигарет). Неоднократно о. Савватий повторял мне об осторожности, о разумной мере при возможной самообороне, и, как оказалось впоследствии, не напрасно...

Особенно много времени батюшка уделял вопросу семьи, семейных отношений, выстраивая беседу не в виде наставления, а в шутливую форму будущих семейных ситуаций и сцен на грани, пожалуй, юродства и с таким знанием дела, что невольно думалось: откуда монах все это может знать? О каком бы предмете ни велся разговор или спор, который я сам и провоцировал, батюшка обнаруживал глубокое знание до мельчайших тонкостей.

— И ты не переставай все время учиться — не думай, что время учебы прошло. Любить знания! Не смешивай понятия «любознательности» и «любопытства». Это совсем разные вещи. Я сам все время учусь... «Век живи — век учись» — не зря сказано. Учась на опыте других, можно избежать многих и многих ошибок в жизни. Да, скажи, батюшка, легко

говорить! Я пока не пощупаю руками, пока дров не наломаю... тогда только пойму... Да?

Анализируя годы духовного наставничества старца, нельзя не выделить того, что батюшка учил самостоятельно принимать решение, брать ответственность перед Богом и людьми на себя, руководствуясь духовным рассуждением, опытом и интуицией и не перекладывая этого на другие плечи.

Бывало, приедешь к батюшке с каким-то конкретным вопросом, как поступить? «А ты как хочешь?» — спросит. Внимательно, не перебивая выслушает и всесторонне изучит все аспекты и варианты... и переведет разговор на другую тему! Как будто и не было проблемы! А при расставании, благословляя на обратную дорогу, вдруг заводит разговор о том вопросе, из-за которого собственно и приехал. Высвечивая неожиданные ракурсы дела, о которых и не догадывался, батюшка незаметно и осторожно подводил к такому решению, которое выгодно и приятно мне самому принять. Выходило так, что я здесь же, в присутствии духовника, сам принимал решение и брал благословение на дальнейшие действия! То есть батюшка оставался в тени — ты, дескать, сам решил своим умом эту задачу, сам принял решение, а я лишь направил в нужное русло и уже потом благословил. Конечно, такое благословение было приятно и легко исполнять, ничуть не сомневаясь и не колеблясь в правильности выбранного пути. Старец никогда не понукал, искусственно не принуждал к тому или иному действу, справедливо полагая: всему свое время. Любил инициативу, особенно духовную, так загораясь, так радуясь, что, казалось, только и ждал этого от тебя каждый день, каждую минуту.

Часто батюшка разрешал мои вопросы в алтаре то ли до литургии, облачаясь в священные одежды

после входных молитв, то ли после причащения, отдыхая в кресле. Всегда ловил себя на мысли: как он помнит мою проблему? Когда о ней думал? Да и вообще, почему он обо мне думает, кто я такой? И главное — всегда неожиданно. Нередко казалось — батюшку только что осенило, просветило, как нужно правильно поступить.

Особый интерес у меня вызывало отношение батюшки к физической культуре и спорту. О. Савватий видел в человеке прежде всего образ и подобие Божие и часто повторял, что человек должен быть развитым гармонично и всесторонне и если здоров дух, то и тело будет здорово. Батюшка всегда выделял юношей спортивного телосложения не для похвалы оных, а для примера другим. Всегда в пример ставил гимнастов, как наиболее гармонично развитых спортсменов.

В келье у батюшки всегда лежала стопка свежих газет и писем, среди которых непременно были «Известия», «Литературная газета» и «Советский спорт». Однажды, в очередной раз приехав и зайдя в келью, я застал батюшку за чтением « Советского спорта»:

— А... вот посмотри — какой настоящий спортсмен! Каков красавец! Я прямо не налюбуюсь. Димочка Белозерчев. Чемпион! А какое русское лицо! Я за него молюсь. Эх, только бы не загордился, не покатился бы в пропасть. Какое тяжкое ярмо знаменитости... Сколько уже упало... — и подает мне газету с фотографиями гимнаста. А через несколько месяцев с сожалением показывает мне газету с коротким сообщением о том, что юный гимнаст попал в тяжелейшую автоаварию:

— Не удержался Дима: и машина, и девчата гурьбой, и выпил, наверное, за рулем... Что ж, будем молиться Господу о выздоровлении.

Этот случай меня не просто удивил, а в какой-то мере потряс. Чтобы батюшка молился о неизвестном человеке, пусть даже знаменитом!?

Еще большее удивление вызвало сказанное им однажды:

— Поищи-ка вон в стопке на полу газету, я тебе специально ставил заметочку о твоих «Быдлз»: оказывается, они наркоманили, — так добродушно-удивленно, так безобидно и непринужденно, как бы вскользь и невзначай произнес батюшка, но с явной заботой и памятованием о моем увлечении, что я после этого критически пересмотрел творчество и образ жизни квартета.

— Ну, ты еще играешь на балалайке своей в ансамбле? Смотри, а то окрутит тебя какая-нибудь певичка — вот тогда по-другому запоешь.

Я пытаюсь парировать, что сие невозможно и вообще, может быть, суждено мне быть монахом.

— Ха, с тебя такой монах, как с меня акушер-гинеколог! Так-то. Вон Илюша все о женитьбе мыслит. Куда там ему жениться! Это удел сильных, с его-то немощью что он с бабой делать будет? Поживут годдва, намаются, и что? Развод? То-то. А он не верит. Дурачок! Ты там еще не собираешься жениться? А то повенчаю тебя. Что? Не против? Да твоя невеста еще в песочнице с лопаткой и с куклами играет.

Что ж, я к такому ответу привык. А сказанное в адрес Илюши в точности сбылось. И не с одной женщиной.

***

Любимой темой для размышления у батюшки была тема смерти. Нередко вслух размышлял о ней батюшка, что никак не укладывалось в моей

голове — мрачные вроде бы мысли у такого жизнелюбивого и бесконечно оптимистичного человека.

— А ты не боишься покойников? — озадачил как-то отец, приехав с отпевания. — Что их бояться. Бояться нужно живых. А что может бездушное бездыханное тело, труп? Только смердеть по грехам в жизни земной. Мне однажды пришлось «оживлять» покойника, слухи ходили потом, что я покойника воскресил. А он и не умирал-то. Приехал как-то на погребение, захожу в комнату — все как положено: «покойница»-бабулька в гробу лежит, начинаю на столике все готовить к отпеванию, а вот чувствую, что что-то здесь не так. Даже ехал отпевать впервые в жизни, наверное, с неохотой. Прикоснулся к руке умершей — вроде чуть теплая, но не застывшая, как обычно у покойников. А ну-ка, говорю, принесите мне зеркальце маленькое. Все засуетились, зачем, говорят. Вон зеркало! Вы что же, говорю, живого человека хотите закопать? Поднес зеркало ко рту и к ноздрям — а оно и запотело! Жива бабулька! Вынимайте ее из гроба, вызывайте врача, да гроб и венки спрячьте, а то удар хватит человека, когда все это увидит... И по сей день живет. Священник должен быть внимательным и наблюдательным! В морг ведь только в городах возят, а в деревнях — обмыли, нарядили, и на погост. Вот как бывает... Так что мотай на ус!

—???

— Кто знает, может быть и тебе эта наука пригодится.

Снова батюшка летом 1987 года говорит и размышляет о смерти. О своей смерти. Как только начинается летняя жара — сразу обостряется болезнь ног с неопределенным диагнозом — температура за 40°, порой до 42°; смотреть на ноги страшно: распухшие, как колодки, и от ступней до колен воспаление с открытыми язвами.

— Вот умру я, что будешь делать? — говорит батюшка страшные слова, но таким тоном, будто сам в это не верит. — Смотри, веру православную не оскверняй грехом. Самое главное, в блуд не впади, — это прямая дорога в погибель, в тьму кромешную, в ад. Не попирай заповеди Божии. Оступиться легко — соблазны на каждом шагу подстерегают — подняться трудно... Упадешь — будешь всю жизнь ползать в грязи и не заметишь, как кончина подойдет. Самое страшное в земной жизни человека — это смерть без покаяния, внезапная, наглая смерть. Вот чего бояться надо! И просить Господа о безболезненной и мирной христианской кончине. Самая моя любимая картинка с детства: стоит монах у гроба, а за ним смерть с косой и надпись: «Человече, оглянись — что стоит за тобой?»

А как хорошо умереть на Пасху! Отслужить пасхальную заутреню с литургией, причаститься, похристосоваться со всеми, а заодно и проститься, и тихо, мирно отойти ко Господу. Или на Светлой Седмице. Да куда мне, грешному! Господь сподобил бы умереть на Успение! Святейший Патриарх Тихон кончины сподобился на Благовещение...

Остановить батюшку в подобных рассуждениях было трудно. Казалось бы, такие тяжелые мысли в критические моменты болезни тяготят душу, усугубляют болезнь, но о. Савватий в эти минуты оживал, ободрялся, видя смущение окружающих:

— Витя будет плакать: батюшка, на кого Вы нас оставляете, мы же крышу не успели перекрыть... А Сашка: батюшка, Вы же меня не повенчали, как же мне теперь?! Что мне теперь делать?

Как характерна подобная ситуация! Только батюшка умирал, говорил о смерти, отдавал распоряжения,

касающиеся погребения, и через миг — уже шутит, смеется и подтрунивает над нами.

Еще с Александровки неизменно рядом с батюшкой были три брата с семьями, три помощника, двое из которых жили в Донецке, а третий в селе, рядом с городом. Глядя на их преданность, бескорыстие, я как-то спросил у батюшки, не являются ли они ему родственниками.

— Я был бы рад, если бы они были моими родственниками! Нет у меня никого уже... Один брат двоюродный, и тот где-то затерялся. Нет с ним никакого сообщения. Вот вы мои братья, вот мои сестры, что ухаживаете за мною, возите, кормите из ложечки, да обстирываете, да лечите, да молитесь за меня грешного, да плачете со мною, когда я плачу, смеетесь, когда я смеюсь.

Болезнь болезнью, а службы батюшка не оставлял. Поболеет, бывало, среди недели, а в субботу вечером на всенощной уже на ногах — как ни в чем не бывало. Особенностью субботней службы вечером была лития, на которой батюшка поминает по памяти святых. И поминает он их ровно 45 минут. Такой объем не вместил бы, наверное, тогдашний компьютер. В торжественно-праздничные дни по вдохновенью о. Савватий поминает святых больше часа, иногда — 1 час 30 минут. Другой особенностью всенощного бдения была неизменная короткая проповедь-слово в конце полиелея, в основном касающаяся праздника или святого. Делом старец подтверждал свои слова, что молиться — это тяжкий труд, и ноги его — тому видимое свидетельство. Русь Святая ногами молится!

Как-то осенью приезжаю к батюшке, а он с порога в лоб:

Рождественская лития в Никольском

— Ты, артист, еще не женился? — да так строго: — Хватит тебе валандаться. Будешь жениться или нет? Невеста есть?

— Есть, батюшка, — та, которая, в песочнице в куклы играет...

— Ну и пусть играет, а ты ее научишь борщ варить. Умеешь борщ варить? Или ты хочешь взять опытную, что прошла «Крым и Рым», да еще с ребенком, а то и с двумя? Рассказывай, что за невеста, какого роду-племени. — Через пару месяцев батюшка опять не забыл поинтересоваться, встречаюсь ли я с той девушкой, и впервые ничего не говорит ни о куклах, ни о песочнице... Это было так неожиданно и многозначительно! Неспроста все это!

Еще через пару месяцев, Великим постом 1988 года, о. Савватий огорчил наповал:

— После Пасхи я тебя венчаю.

—??? — только и сумел я что-то промычать и закашлялся.

— Ты еще встречаешься с той девочкой? Жениться не передумал? Вот и слава Богу! Да смотри, на радостях не натвори глупостей, а то привезешь с пузом... Как венцы над вами держать-то? Все — решено. Сразу после Пасхи, в пятницу, на «Живоносный Источник», я вас после литургии венчаю. Готовься. В пятницу венчаю, а в субботу будете расписываться в ЗАГСе или где там у вас... в госсовете и два дня повеселитесь. Да смотри, чтоб тихонечко, скромненько. Без выпивки сможете? Ха-ха-ха... Скажи, батюшка, да какая свадьба без горилки?! Да без дряни?! Еще раз говорю — скромненько, тихонечко. Выпили по чуточку, поздравили молодых, покушали, поплясали — да по домам своими ножками. Где жить будешь? Пойдешь заведовать чужим хозяйством? Не-а? Не хочешь? Поживете в общежитии, а там видно будет... ты в очереди на квартиру стоишь? Вот и стой... Господь управит. Машинку бы тебе...

Вот и закончилась моя песочница. Одно сверлило голову: батюшка ведь ни разу не видел мою невесту-то! Почему он решил венчать нас? И почему так срочно?

В Великую Субботу после ночной литургии за завтраком слушаю батюшкины «инструкции» — когда приехать на венчание, как быть одетым, кого с собой привезти и т. д. Замечательно то, что от о. Савватия не ускользают, казалось бы, мелочи.

— Свидетели должны быть верующие: дружкой возьми О., дочь И. И., а дружка мы тебе здесь найдем, на месте. Да чтоб все было тихонечко, скромненько. Язык попридержи: узнают, что я кого-то венчал, — начнут копать, кого и т. д. — у тебя могут

быть неприятности... Ты из комсомолии еще не вышел? Вот так-то. А родители в партии? Оба? То-то и оно... Никаких свадебных платьев — простенько, почти обыденно.

Подробности венчания вспомнить затруднительно — все как в тумане, главным образом от волнения, которое наступило сразу после Пасхи. Одно помнится хорошо: сияющее лицо батюшки, эта снисходительная и... торжественная улыбка, акцентированное громкое чтение молитв. Как жалко, что в то время недоступны были ни видеосъемка, ни цветное фото. Фотографировать батюшка не разрешал, поэтому даже не спросили благословения, но украдкой все-таки снимали...

Несколько бабушек смотрели и молились, то всплескивая от умиления руками, как крыльями, то закрывая себе рот от удивления. Теперь они схимницы в монастыре и видят венчание довольно часто... Долго батюшка наставлял перед амвоном после венчания, да так долго, что все вышли из храма, разуверившись нас дождаться. Что врезалось в память:

— Ты — глава семьи, как Христос — глава Церкви. С тебя Господь спросит — каким ты был вожаком, куда привел семью, как управлял, как воспитывал, как жалел, как наказывал. Ты всегда должен принимать решение, брать ответственность на себя, но посоветовавшись с супругою. Совет да любовь — вот правило семейной жизни. Всегда помни — ты добытчик всех благ для семьи, а ее дело — Богу молиться, горшки мыть да деток нянчить. Взялся за гуж — не говори, что не дюж. Взявшийся за плуг не оглядывается назад.

Везде и всегда вы должны быть вместе. Куда голова — туда и шея. Куда муж — туда и ты за ним.

Одного его никуда не отпускай. Вы теперь — единое целое, один организм. Без причины не ревнуй. Слушайся мужа — он постарше тебя и, стало быть, опытнее, мудрее, сдержаннее. Но не давай волю: доверяй, но проверяй... Все в ваших руках: здоровье, квартира или дом, дети, кошт, который наживете, друзья, связи... но это все от Бога дается. Господь — податель всех благ для человека. Будете праведно жить — все будет вам. Будете Господа просить — все подастся вам... в этой жизни. Будете жить хоть мало-мальски духовной жизнью — и в этой жизни Господь не обделит попечением Своим, и в будущей.

Отец Савватий так вдохновенно наставлял нас, весь сияющий в полумраке амвона, будто преобразившийся парил в воздухе, помолодев лет на двадцать, и казалось, что не мы венчаемся славою и честью, а сам батюшка венчается. С любовью.

В уютном доме с просторной «крестилкой» благословлял батюшка нас на дорогу. Кольца обручальные не снимайте: надел священник — уже на всю жизнь.

— Приезжайте почаще, не забывайте старика. Ох и забрался ты далеко... Это сколько километров будет? Двести десять километров? Ох-х-хо! Тогда поезжайте по-светлому, не задерживайтесь там в Донецке: привезли родителей — и вперед, на свой Луганск. Вина на свадьбу хватит у тебя? Хе-хе... Ничего, Господь управит... Какое первое чудо сотворил Господь? — Претворение воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской. — А что апостол говорит? А? Не знаешь? — Но не упивайтесь вином — в нем же есть блуд. — Вот подашь в конце свадьбы лучшее вино — и никто не упьется. — Ну, поедете? Бог благословит! Ангела Хранителя! Да, вот примите

от меня в подарок копеечку. Копеечкой оказалось 1000 руб.

По священническому благословению благополучно с Божией помощью добрались, и последующие два дня ЗАГСовой и свадебной суеты промелькнули как одно мгновение, спокойно, чинно и без каких-либо злоключений. Правда, был один интересный момент: выпивка на второй день невероятным образом закончилась. В магазине не купить — «сухой» закон горбачевский, да еще воскресный день, суррогат самодельный достать — дело негожее. Сели вчетвером мы с ша́ферами — и в город, в магазин: выручайте. А в магазине — только коньяк. Выручили! Так и закончили свадьбу с лучшим вином.

***

Благодать Божия, преподающаяся через священническое благословение, не иссякает. Сотни и сотни раз приходилось это испытывать на себе, не переставая удивляться... Казалось, что тут такого особенного в простых словах «Бог благословит!» и целовании руки священника, осеняющего крестом? Великая сила! Тайна непознанная! Глубина неисследованная!

Через три месяца после венчания невероятным образом довелось получать ключи от квартиры в лучшем доме, да еще двухкомнатной, что для семьи из двух человек было не положено. Чудеса...

«Бога благодари» — вспоминались слова батюшки. Но как? Надо, думаю, сперва батюшку поблагодарить, а как Бога благодарить, он знает.

— Ну вот и у тебя теперь есть свой дом — своя крепость. Видишь, как Господь все управил? Теперь

ты ни от кого не зависишь, а это большое дело, чтобы на заре совместной жизни научиться жить самостоятельно. Никто тебе не указ — только Бог. Ну, дитя еще не родил? А? Заделал? Скажи: батюшка, дурное дело не хитрое! А можешь двойню? О, скоро Сашка приезжает — в обеих руках по младенцу, щеки надул от важности, — шутил, как всегда, о. Савватий в очередную встречу. — Свадьбу сыграл? А драка была? Нет? Ну какая же свадьба без драки? Или вы комсомольскую свадьбу сыграли — без водки и вина? — приходите, люди добрые — гости дорогие, уже выпившие, — мы вас чаем угостим!

В который раз округляю глаза, делая глупым выражение лица... Дело в том, что комсомольская организация города, руководимая партией, настойчиво предлагала сыграть безалкогольную образцово-показательную свадьбу с прессой и кинокамерой за весомое вознаграждение — ключи от квартиры. Но то ли энтузиазма в моих глазах не было, то ли побоялись обмана, не случилось.

— Ну крыша у тебя есть — обязательно освяти квартиру-то! Далеко храм от вас? Обязательно пригласи священника: кто знает, кто жил в квартире до вас, чем занимались — чтобы благодать Божия пребывала на вас и вашем жилище. Чтобы ребенка с женой из роддома в освященную квартиру привез. Сына ждешь? Живот до носа достает у жены? Если достает, то мальчик родится — так старые люди говорят.

После венчания отношения с о. Савватием стали постепенно становиться более официальными в силу изменения статуса — я теперь уже не юноша, а муж, за которым жена.

Вся ответственность за семью грузом лежала и призывала к сдержанности, к уравновешенности.

После литургии я либо занимал очередь на прием к батюшке, либо терпеливо ожидал, когда о. Савватий позовет к себе. После беседы, всегда весьма продолжительной, батюшка обязательно посылал за супругой и наставлял нас обоих. Затем неизменно дарил книгу либо икону и благословлял на дорогу домой с приказом обязательно пойти покушать. А как же идти обедать, если и времени нет и объедать не хочется. И сколько раз было проверено-перепроверено! Благословение священника всегда нужно выполнять. Без проверок и экспериментов.

После рождения сына-первенца сразу приехал в Никольское.

— Ух, Сашка приехал, радостный какой — никак сына родил? Ну, рассказывай. Какого числа? — о. Савватий уже листает церковный календарь. — Как будем называть? Антон? Какой еще Антон? Чехов? Антоний! То Чехов был Антон. Это сокращенное, светское имя, а вот Антоний — другое дело: Антоний Великий, Антоний Печерский. Ну слава Богу! Все благополучно? Пеленки, распашонки, бумажки-какашки... Ха-ха — вот теперь поймешь, что такое отцом быть да на руках носить-нянчить. Так-так... А там второго... И пошло-поехало... А? — смеется батюшка, веселится. А у меня в голове один вопрос — когда крестить.

— Подожди крестить... Крестят обычно на сороковой день. Но ты видишь зима какая. Что ж мы дитя морозить будем? Пусть потеплеет — там и покрестим. По весне уж и покрестим, Бог даст.

— Достаточно будет одного крестного, — наставляет батюшка. — Возьми кого-то из своих близких: брата двоюродного, троюродного, а крестной нам не надо. Мы и без бабы справимся... А то будет потом

«кума меня с ума свела...» Для крещения мальчика достаточно одного крестного, а для девочки — одной крестной. Так в старые времена и было. Это сейчас понавыдумывали — кум, кума. Да и вообще, слово это нехорошее...

Крестил о. Савватий сына в начале лета. Перед Таинством вынес золотой крестик:

— Вот крестик, чтоб не окислялся, не раздражал кожу, а цепочку как-нибудь сами потом купите... после совершеннолетия. А пока на ниточке простенькой, лучше серебряной, наденете, и будет младенец всегда с крестом. Да смотрите не снимайте, когда купать будете, или в больницу детскую на прививку, или еще зачем поедете. Что на кресте написано?

— Иисус Назорей Царь Иудейский...

— А на обратной стороне? — Спаси и сохрани! — Крест и спасает, и сохраняет! Только к телу — он ведь нательный — он должен прилегать. Не на футболке или рубахе, как украшение, а к телу.

После крещения, благословляя на дорогу, дает батюшка и денег:

— На вот, купишь от меня в подарок сыну что-нибудь. Только не пустую вещь, не безделицу, а что-то полезное.

По приезде сразу купили небольшой ковер к детской кроватке. Уже четвертый ребенок в нашей семье смотрит засыпая на батюшкин коврик-подарок. Море житейское все дальше и дальше отгоняло нашу утлую семейную лодочку от пристани, где молитвами монаха по кирпичику закладывался будущий монастырь. Редко теперь приходилось мне бывать у о. Савватия.

Второго ребенка, дочь, крестили на 40-й день, как раз на Казанскую, в ноябре. Опять батюшка вынес из келлии золотой крестик, а после креще-

ния собственноручно подписался на свидетельстве о крещении, к нашему удивлению и восторгу. Батюшка нас торопит: да в Донецке не задерживайтесь — быстренько покушайте, и в путь, на свой Луганск.

А нам так не хочется уезжать... Сумерки с небольшим туманом застали нас уже под Донецком. Погостили в Донецке сколько было возможно с грудным младенцем и поехали. Уже на окраине города поняли, почему нас батюшка торопил: из-за плотного тумана даже с городским освещением ехать было почти невозможно. За Ясиноватским постом ГАИ решили вернуться назад, но не смогли увидеть место на дороге для разворота. Так потихоньку и доехали в свои стахановские края уже за полночь. Часто мы вспоминаем эту дорогу и то, что с этого случая мы поняли, что любое слово о. Савватия наполнено скрытым или прикрытым смыслом, даже сказанное невзначай, как бы ненароком, каждое слово имеет смысл и значение...

— Тебе бы свою машину иметь. Сели и всем семейством бы приезжали причаститься — там же тебе комсомолия и коммуняки не дадут — сразу донесут... — Ты ж смотри, если машинка попадется — не торопись отказываться.

Думаю: какая машина на шахте. Люди в партию вступают, чтобы льготу в очереди на машину иметь, а я из комсомола со скандалом вышел... О денежных сбережениях и вообще говорить нечего.. Через некоторое время вдруг приходит уведомление дедушке супруги на автомобиль по ветеранской очереди.

— Скоро ты приехал — как не уезжал! Ты не на машине? — удивляется батюшка моему неожиданно быстрому появлению. — А я думал, ты машину купил

и приехал меня покатать по делам: по деревеньке да в город.

Сгораю от стыда: приехал-то только из-за машинного дела, посоветоваться вроде бы, а по сути получилось — денег просить. Хотя мыслей о деньгах не было и в помине — просто вспомнил сразу недавние слова о. Савватия «чтоб не отказывался». И почему он вдруг так сказал?

— Ладно, молись. Дома потом поговорим.

— Нельзя упускать такой случай... Кто знает, может, эта машина тебя и твою семью кормить еще будет? Не отказывайся — говори, что будешь брать, а деньги найдутся, — советовал уставший батюшка, лежа на своем диванчике в келье. — Сколько денег надо? Тысяч десять?

Пытаюсь отказываться от этой затеи или купить машину для самого батюшки или для церкви...

— Я монах, мне ничего не нужно. Слава Богу — я монах и этим больше всего счастлив! Как же, я давал монашеский обет нестяжательства и куплю себе машину? Ответ на Страшном Суде мне давать! У монаха не должно быть ничего своего, никакой собственности, ничего, что связывало бы его с миром. Все не мое Божие!

— Ты вот что: как только понадобятся деньги — дай знать заранее, чтобы мы могли приготовить, дня за 2–3, а потом приезжай. Деньги надо тратить — скоро все прахом пойдут... Есть у нас деньги, с избытком хватит крышу перекрыть, да все равно мы их и за год не освоим... Что не успеем потратить, пропадут. Все тебе ясно?

Все ясно, что ничего не ясно... Как деньги советские, чуть ли не самые дорогие во всем мире, в советском государстве и в невоенное время развито́го социализма могут пропасть.

Через пару недель срочно приехал к батюшке за деньгами, и пролежали эти деньги до момента покупки из-за чиновничьей волокиты почти год. Наконец дождались они своего часа в конце февраля 1991 года, а через две-три недели наша страна в оцепенении узнала, что означает иностранное слово «инфляция». Да, такие вот дела... Ну не чудеса ли? Все думалось: как священник мог знать и предвидеть такое?

Весной 1991 года приехал к батюшке на машине.

— Слава Богу, теперь ты с колесами... Какого цвета? Красного? Хорошо... Да смотри, благословляю ездить самое большее 90 километров чтоб скорость была. Ты понял? Это и не медленно, и в непредвиденной ситуации среагировать успеешь. Не лихачить! — батюшка был как-то в этот раз особенно бодр и, казалось, совершенно здоров. — Скажи, батюшка, какой же русский не любит быстрой езды? Да? А то недавно случилось — подвозили меня одни люди на иностранной машине... Смотрю в окно, что-то сильно быстро мы едем, как кажется. Гляну на спидометр — 70 километров. Ничего не понимаю! Спрашиваю, что мы так быстро едем, а спидометр у вас выходит, что неисправен. А они смеются... Оказалось, спидометр показывал не километры в час, а мили. Так что смотри — 90 километров, а не миль, в час.

— Как же я теперь долг вам отдавать буду? С этими событиями денежными...

— А-а, забудь! Отдавать не обязательно. Я тебе не под отдачу давал, а чтоб машину купил, да мог причащаться и семью к причастию привозить, да чтоб в помощь была. Дальше еще хуже — кормила... Шахты вечно не будут...

— Да на мой век хватит...

— Не знаю, не знаю.. Бог его знает, что будет. Все в руках Божиих. А насчет долга и не думай — сейчас я тебе помог, а завтра — ты мне. Может, будешь еще на старости меня из ложечки кормить... Будешь кормить? — смеется батюшка, похлопывая меня по плечу и обнимая. — Да смотри, помалкивай, никому не говори. Понял? Ни одной живой душе!

Летом 1991 года разрослась в церковном дворе большая стройка: рядом с домом о. Савватия возводился такой же двухэтажный, но бóльших размеров дом под трапезную и рукодельные службы и комнаты. В храме также установили леса из толстенных и высоких сосен. Только алтаря эти стройки и ремонты не касались.

Множество людей приехали из разных уголков не только Донбасса, но и России помогать строить... монастырь. Да, именно это слово, это безмолвное понятие о строительстве монастыря лежало на челе каждого человека. Люди, в основном женщины, наши русские бабы, трудились истово, будто возводили некий редут для ограждения атак противника, крепость для невидимой брани. Трудились и молились: не пропускали ни литургий, ни полиелея, ни молебнов.

Тем августом, будучи в отпуске, на пару недель приехал помочь батюшке и я. В служебном плане батюшке стало легче: на Никольскую сторону, где храм святителя Николая, прислали священника, который в будние дни помогал о. Савватию в службах и требах. Это был высокий и худой, с длинными-предлинными прямыми русыми волосами отец Константин. Внешний облик молодого батюшки был подчеркнуто аскетичен и суров. Проповеди отца Константина были резкими, в основном обличительного плана, красноречивые и изобилующие

цитатами из святого Евангелия. С прихожанами и паломниками был неизменно строг, на исповеди спуску никому не давал, — многих людей не допускал к причастию как не выполнивших из-за работы на стройке правила.

Впервые я увидел и познакомился с ним весной: батюшка благословил металлическую эмалированную иконочку в машину и попросил отца Константина освятить колесницу. А летом узнал его поближе и подружился. К моему удивлению, отец Константин оказался не монахом, как многим казалось, а семейным священником, жившим в небольшом типовом колхозном домике неподалеку от своего храма с матушкой и трехлетним сынишкой. К тому же обнаружились и общие знакомые в Донецке по моим настоящим мирским увлечениям и прошлым отца Константина, касающимся музыки и спорта. Отец Константин очень хорошо ориентировался в различных направлениях религиозной мысли, был грамотным и эрудированным во всех отношениях священником. Но, к моему легкому сожалению, молодой батюшка часто спорил с отцом Савватием. Споры начинались с практической стороны дела, а заканчивались теорией и цитатами из святых отцов. Порой казалось, что батюшка недолюбливает отца Константина, укоряет его гордыней, подтрунивает над ним. Часто, очень часто батюшка, бывало, говаривал, глядя на распущенные красивые волосы отца Константина:

— Эх, придет время, и вместо волос твоих будет зеркальная лысина... как колено будет твоя голова.

Или:

— Обскублят скоро твои патлы, батюшка, будешь ты, как Никита Сергеевич...

Многие тогда недоумевали: на что это батюшка намекает — то ли в монахи его постригут, то ли

заболеет отец Константин и волосы выпадут, то ли в тюрьму попадет и постригут его, то ли в солдаты заберут? Отец Константин, казалось, после этих слов даже обижался на батюшку и спорил уже из-за принципа пуще прежнего.

Мою дружбу с отцом Константином отец Савватий все время контролировал: одно благословлял, в другом, что было чаще, отказывал. Порой казалось, что батюшка ограждает меня от этой дружбы.

Смысл этих слов многие с огромным удивлением поняли позже: спустя несколько месяцев отец Константин неожиданно самовольно покинул Никольское и семью и некоторое время о нем ничего не было слышно. Однажды на площади города в одном бьющем в свой бубен-барабан кришнаите узнали бывшего отца Константина... совершенно бритоголового. Отец Савватий этому не был удивлен, лишь часто с сожалением и вздохом повторял:

— Детюшечку жалко, — такой ангелочек. Да и попадью, — что она теперь делать будет? Пропасть, конечно, не дадим. Ох, как их жалко. — О бывшем отце Константине не говорил прямо, но все понимали, о ком идет речь.

— Когда человек чересчур рьяно и резко врывается в духовную жизнь из моря воинственного безбожия или из секты и пытается наверстать упущенные годы — это плохо. Меня это всегда настораживает. Проходит время, и человек ломается, как машина, которой дали чрезмерную нагрузку, или как лошадь, которую загнали. Я всегда говорю: лучше недомолиться, чем перемолиться. Духовная жизнь — это медленный переход от силы в силу, постепенное совершенствование от ступеньки к ступеньке по восходящей, и обязательно под руководством духовника. И то к этому не все способны,

даже среди священников. Каждый — по призванию: один — молитвенник, другой — постник, третий — проповедник, а четвертый — требник, ремесленник, временщик. Так-то... А когда с места в карьер — я всегда смотрю на него и думаю: ну-ну, посмотрим, что из тебя выйдет, что получится? Тем более без благословения. Вот если потихонечку, помалу карабкаться по лестнице, постепенно, срывается, падает, но ползет — тут толк будет. Надо лишь чуть-чуть помочь, поддержать вовремя, подставить плечо.

В конце лета заканчивали со строительством двухэтажного красавца-дома и приводили в порядок храм снаружи. Однажды, рассматривая второй этаж дома, я с удивлением увидел две небольшие комнаты под самой кровлей на смыкании со стеной, что-то наподобие ниш-чуланчиков, и спросил батюшку, есть ли проект на постройку дома и кто за этим следит?

— А какой проект? — пожал плечами о. Савватий. — Нет никакого проекта. Как скажу — так и делают.

— Это же невозможно... Так не должно быть! Так же не делается... должен быть проект, где все рассчитано.

— Да какой там расчет — пришел, показал, как мне нужно, и все дела, а строители сами разберутся, что возможно, что нет. Да и не первая это стройка у меня... Ты сам видишь — куда ни пошлют служить, сразу приходится строиться. Куда от этого денешься — другого выхода нет. Так что я уже больше строитель, чем монах и священник.

Август в тот год выдался сухой и жаркий, и у батюшки, как обычно в такую погоду, болезнь ног обострилась. На ноги страшно было смотреть: сильнейшие отеки часто с открывающимися ранами.

Однажды я сделал по просьбе батюшки массаж вечером, после чего обнаружилось ослабление боли и частоту процедуры увеличили до 2–3 раз в день. Однажды утром во время такого массажа батюшке доложили, что приехал профессор из Москвы, и тут же в келью постучался пожилой седовласый мужчина в очках, со старинным докторским саквояжем. Батюшка было хотел меня отправить, но профессор попросил продолжать и, сев у ног о. Савватия, внимательно наблюдал до конца массажа, попутно спросив, где я обучался этому делу. Закончив осмотр, профессор вышел в библиотеку, комнату смежную с кельей, и попросил меня больше этого не делать, так как происходит ускорение воспалительного процесса.

— Но, профессор, — неожиданно грянул из кельи батюшка, — мне же легче после массажа!

— Это временное явление, но в целом это только усугубляет и без того тяжелое положение. Еще раз повторяю: нужно ехать в Москву. Нужно оперировать.

— Вы же знаете, доктор, никуда я не поеду... На кого я все это оставлю? У меня ж стройка — вы ж видите.

— Вижу... но ехать нужно, — тон профессора был ровным и безапелляционным.

— А без операции не обойтись? А, доктор? Вы же профессор! А? Какие-нибудь пилюли, примочки, растирки...?

— Ну поймите же наконец, отец Савватий, нужны превентивные меры в стационаре, в Москве, может развиться гангрена и процесс будет уже необратимым.

Профессор уехал. Массаж продолжился.

В это лето стараниями батюшкиных радиолюбителей в алтаре храма установили усилитель

с микрофонами, а в доме батюшки, кухне, трапезной, некоторых службах — динамики, и в главные моменты служб все работающие со всех уголков подворья дружно стекались в храм для молитвы, помазания освященным елеем или чтобы услышать слово проповеди. Особенностью полиелейной службы вечером было то, что батюшка всегда обращался с коротким словом к народу, обычно по сущности праздника.

— Ну, дорогая моя паства, посмотрим, какие мы с вами молитвеннички... Пошлет ли пророк Илья нам дождичек или нет? Как молимся Богу — так и получаем. А дождь нам ох как нужен... — улыбаясь заканчивает короткое слово батюшка на вечерней службе в канун праздника Ильи пророка. И вдруг через 10–15 минут среди ясного неба стремительно нахмурились и собрались тучи и тихо-тихо без порывов ветра пошел рясный дождь. Люди, застигнутые дождем по пути из храма на послушания, не прятались, а, наоборот, воздевали руки к небу, подставляя смеющиеся лица нежданному чудо-дождю, благодаря Бога и пророка Божия. Ребятишки носились с криком вокруг храма, и никто из взрослых их не останавливал. Весь храм невольно устремил взор на боковую дверь, где с навеса над входом непрерывно струилась живительная и долгожданная влага.

В последующие годы мне часто доводилось бывать на службе у батюшки именно в этот праздник, и всегда вечером либо утром, во время литургии, шел дождь. Причем это стало настолько привычным, что удивлялись разве только приезжие.

Август насыщен многими праздниками, но особенно торжественны праздники великомученика и целителя Пантелеимона, Преображения Господня и Успения Божией Матери.

С левой стороны храма на отдельном почти вертикальном аналое стояла огромная, едва ли не в рост человека, икона святого Пантелеимона с частичкой мощей мученика. Особое почитание и отношение прихожан было к этой иконе и даже ревность и споры за место, кто и где стоит во время службы возле нее.

А с какой любовью батюшка всегда говорил о празднике Преображения Господня на проповеди! Как легко отец Савватий мог связать небесное и земное, возвышенное и обыденное, удивительное и повседневное. С такой нежностью к простым, казалось бы, яблокам, которые превращались в Спасовы светоносные святые яблочки, мог сказать только он...

Однажды, в один из августовских дней, припоздались к литургии двое юношей, которые были уже достаточно своими в многодетной батюшкиной семье. Подходят они под благословение к отцу Савватию, а он им:

— Ну что, соколы, налопались груш, пока добирались до храма? А? Что молчите? А груши-то в Никольском сладкие — мед! Мед, да и только!

Парни смущенно переглянулись.

— Ну, что шеи втянули? Спаса-то еще не было.

— Простите, батюшка.

— Ну ладно-ладно. Груши-то уже можно, после Ильи-пророка. Яблоки-то не ели? Ну смотрите!

Строгость батюшкина была такая откровенно напускная, что все окружающие начали давиться смехом, кроме ребят, которые еще больше засмущались.

Но смущение друзей переросло в удивление, и не только их: через некоторое время в пономарке они поведали о том, что о грушах своих они никому не говорили, никто их не мог видеть, с собой они тоже их не приносили...

— Откуда мог батюшка знать, что мы ели груши, да еще в Никольском, ведь мы пешком прошли и Ольгинку, и Владимировку, и Никольское?

Успение Божией Матери у батюшки особое. Любил и почитал этот праздник батюшка так же, как и Светлое Христово Воскресение — Пасху. Всегда говорил: Успение Божией Матери — летняя Пасха. В алтаре, над жертвенником, — великолепная икона Успения полностью из жемчуга. Раз в году икона покидала свое обычное место и воцарялась на аналое посередине храма рядом с плащаницей Божией Матери, вышитой искусными монашескими руками.

Каждый год ночью совершалась служба с чином погребения плащаницы Божией Матери, с крестным ходом вокруг храма, погребальным колокольным звоном и ранней литургией. Множество богомольцев стекалось в Никольское на Успение, — в городе-то ночью служили только на Пасху, а здесь особая служба — ночная, когда все люди спят. Батюшка любил ночные службы не только из-за торжественности праздника, но и потому, что в храме нет посторонних людей, случайно заехавших и зашедших из любопытства, нет обычного людского шума, плачущих детей, шарканья ног у свечного ящика и т. д.

Незадолго до моего отъезда из Никольского домой батюшка вызывает:

— Ну что, водитель, прокатишь меня с ветерком? Покатаемся? Съездим в сельсовет сначала, а там видно будет.

В сельсовете батюшка пробыл недолго и вышел оттуда несколько раздраженным и возбужденным.

— Все равно по-моему будет... Не всегда же совдепам быть... Ох уж эти начальнички. Поехали во Владимировку.

В соседней Владимировке едва нащупали в бурьяне с человеческий рост подъезд к старому заброшенному храму. Настоящие джунгли — только с мачете ходить. Начали пробираться к храму — вдруг откуда-то из зарослей вышел навстречу священник в подряснике с едва заметной бородой и густой кучерявой шевелюрой.

— А, отец Александр! Ну что, осмотрел свое хозяйство? То-то. Да... мерзость запустения. Ничего, не унывай. Я в такой же храм вошел... Будем строить. С Божией помощью еще купола засверкают на всю округу, колокола будут трезвонить по всей веси. Не унывай — будем помогать. Кирпич я тебе дам.

От храма остались только стены. Купола не было — небо над головой. Никаких построек вокруг — только древние стены храма и бурьян вокруг. И недавно рукоположенный священник, хватающийся за каждое слово батюшки с надеждой на помощь.

— Не горюй: я же сказал — поможем чем можем.

— Да, еще одна стройка, — в задумчивости произнес батюшка на обратном пути. — Слава Богу за все!

Провожал батюшка по полной программе: загрузили в багажник и картошки, и овощей, и яблок с грушами, и арбузы...

— Приезжай почаще. А то залезешь еще глубже в свою шахту и совсем забудешь. Переезжай с семьей в Донецк! Будете в моем доме жить — я на тебя дом перепишу. Найдем тебе работу — без работы не останешься.

Как я мог так просто въехать в батюшкин дом? Хотя и не первый раз мне предлагает батюшка после венчания... Если так стоит вопрос, то есть множество людей из окружения отца Савватия, достойных такого предложения, не имеющих, возможно,

приличного жилища. Сколько раз впоследствии я жалел, что не прислушался к словам батюшки, скитаясь с семьей по разным углам, вспоминал это предложение...

Залезть в шахту поглубже, по словам батюшки, все равно пришлось, и времени свободного, как и выходных, стало меньше. А машина постепенно становилась не роскошью, а кормилицей, особенно осенью. По-советски убранные колхозные поля повторно убирались близживущими жителями, и благо тем, у кого был транспорт. Запасов хватало до лета. Так что машина обрела совершенно другой статус.

Александра. ДЕСЯТЬ ЛЕТ С БАТЮШКОЙ ЗОСИМОЙ

К Богу я пришла поздно. В 1988 году, в августе месяце, когда мне было 50 лет, приняла крещение, но в храм не ходила, и только в 1991 году я переступила порог храма. Это был кафедральный собор на Ларинке в Донецке. В воскресенье 30 августа 1992 года было тезоименитство епископа Алипия. Во дворе встречали на позднюю литургию владыку. Рядом со мной стояла молодая женщина, разговорились, и от нее я узнала, что в с. Никольском есть прозорливый батюшка о.Савватий и что она бесноватая и о.Савватий сказал, что так угодно Господу — оставаться ей такой. У меня к тому времени возникло много вопросов, как у всех начинающих. Эта женщина была у него и поведала мне о его неизлечимой болезни, что он не вставал, лежал в горячке

без сознания. А тут он, что называется, пролетел по двору Ларинки, высокий, с развевающейся мантией, шел быстро и уверенно. Он мне представился таким высоким и летящим орлом. Увидев его, мое сердце затрепетало, наконец мне Господь послал батюшку, который мне поможет решить мои вопросы.

Собралась и поехала, захожу в храм Свт. Василия Великого (10 сентября 1992 года), служба утренняя закончилась, люди разошлись, я ожидаю батюшку. Подхожу и говорю: «Здравствуйте, батюшка, я из Донецка приехала, хочу с Вами побеседовать». Он строго посмотрел на меня и говорит: «Стой и молись». Осталась в храме: читалась Псалтирь. Я думаю: для меня читают. Стою, молюсь Господу, а сама думаю, как долго меня не зовут, так как времени прошло много. Вдруг заходит монахиня (м.Феофания) и приглашает меня к батюшке. Это была моя первая беседа с ним. Глянул он на меня и говорит: «Ишь, куколка, ну с чем приехала?» Меня больше всего волновал вопрос, крещен ли мой муж. Он ответил: «А может, он тайно был крещен, так как родился в 1937 году, когда начались сталинские репрессии и церкви закрывались». По приезде домой мы надели мужу крестик, и он с ним до сих пор ходит и не снимает. Много других вопросов задавала. Конечно, теперь бы их не задала, а тогда мне все было ново и интересно. Например, как читать Иисусову молитву, на что батюшка с улыбкой ответил: «Ты научись сначала "Отче наш" правильно читать». Потом сказал: «Ты не любишь людей», а меня это удивило. Отвечаю: «Да вроде люблю». Да, понимание о любви, как любил людей батюшка, у меня было слабое. Да и прошло столько лет с тех пор, а любовь приходит не вдруг — сердце-то полно страстей, с которыми придется бороться до конца своих земных лет.

Благословил меня батюшка на прощание иконочкой Божией Матери «Троеручица» и сказал: «И в гроб положишь», что меня озадачило.

В следующий раз батюшка меня сам исповедовал, и было мне по самую макушку разгона (6 ноября 1992 года). «Когда же ты начнешь исправляться? Где исполнение заповедей Господа? Где любовь к ближнему?» Душа моя трепетала от стыда и страха, и после исповеди я пролила много слез, ходила вокруг обители, а слезы все лились и лились. Вот была такая исповедь, вся грязь очищалась с моей души, и такое облегчение было, которого я не испытывала никогда. По приезде в обитель любила участвовать в уборке храма, чистила подсвечники. Как-то мою крыльцо, а батюшка проходил мимо, глянул в мою сторону, похвалил, что чисто помыла, и говорит мне: «Мозги тебе нужно прочистить». Я не поняла, как это делается, но мозги у меня были действительно забиты всем чем угодно, т. к. я работала в отделе информации; коллектив женский и, помимо нужной информации, впитывалась и мирская, не угодная Богу (здесь и гороскопы, и курсы экстрасенсов, чтение Рериха и Блаватской и пр.)

Батюшка все высветил во мне, поставил меня на место, наставил смиряться, никого не учить, так как своего ничего не имеешь: все Божье, а ты кругом лезешь, всех родственников взбудоражила (все провидел и знал обо мне на расстоянии). «Никого не тяни ходить в церковь, Господь сам приведет. Когда же будешь волю Божию выполнять?!» А своеволие все еще не искоренилось во мне. Как батюшка нас учил? «Покайтесь хоть раз, что обещаете Господу от той или иной страсти отказаться! Каетесь в одном и том же постоянно, а исправления нет. Какие же у вас черные души! Если бы вы могли

видеть». А он видел наши души и взывал к нам, чтобы мы исправлялись.

Тогда обитель еще была небольшой, ночевать было негде: обитель Ксении Блаженной там, где старая трапезная была и наверху келлии, всех не вмещала. Спали часто на полу в храме, а утром служба правилась. Выполняли различные послушания и по кухне, и по уборке двора, прополку и др. Батюшка смотрел, как мы трапезничали, и говорил нам: «Не жрите, а вкушайте». Все торопились, места было мало, и все спешили на автобусы рейсовые, а там на электричку. Часто и пешком ходили, а батюшка за нас молился и все видел, что мы делали и что говорили, а потом на проповеди обличал, не называя конкретно, но мы все знали, когда нас касалось, и было стыдно. Мне говорил: «Рот не закрывался всю дорогу, много болтаешь, держи язык за зубами, молись, молчи. А то подумай, что за болтовню пустую накажет Господь болезнью языка». Мне стало страшно, но и сейчас, если есть что-то интересное, духовное, хочется поделиться, рассказать, а уж выслушать другого трудно, перебиваешь, даже батюшку.

И вот в один из приездов в обитель попала на беседу к батюшке, мирно беседовали, и вдруг батюшка полоснул меня кнутиком по голове (лоб) (это я увидела кнутик, сплетенный из кожи), я от неожиданности оторопела. А он говорит: «Ну что, пойдешь жаловаться на меня?» Я говорю, что Вы, батюшка, добавьте еще, заслуживаю... Так вот как мне батюшка мозги чистил! А то мне все раньше казалось, что во мне что-то есть, мешает мне. Часто после помазания елеем болела голова, а батюшка все видел, все знал и помог мне. Царство ему Небесное! Он же меня исцелил! И еще один раз при беседе хлопнул мне

ладошкой своей по лбу. Слава Богу, что мне послан был такой батюшка!

Мы все стремились приезжать в обитель снова и снова. Проповеди батюшки были живые, доходчивые. Всегда спрашивал, все ли понятно, есть ли вопросы. А вопросы были редко, так как в проповеди батюшка отвечал на все наши мысленные вопросы, обличал, научал и подбадривал шуткой. Юмор у него всегда был здоровый и мудрый. Батюшка всегда строго относился к нам, но с добротой и любовью. Следил за чтением, правильным произношением слов, и из алтаря слышался его голос: «Что тарахтишь, а ну, читай хорошо...» А как он любил пение, чтение акафистов, — прославлял всех святых, и акафисты читались, всегда были для каждого святого. Любил чистоту, порядок во всем, и особенно в храме; чтил иконы; храм расписывался несколько лет и становилось все теплее и теплее от присутствия святых и их мощей. А когда пели тропарь Матери Божией Державной, все становились на колени.

Батюшка говорил, что стоять на коленях никогда не грех. Свечи у батюшки в храме всегда догорают до конца, и за этим всегда строго следят. Жалел он нас, считался с нашими достатками, всегда говорил: «Хоть и не подадите за литургию гроши[1], все равно все прочтем», но строг был к тем, кто подавал записки дьякону при каждении храма: «Не смейте подавать на ходу, дьякон с молитвой идет... И много раз не подавайте — раз в алтарь, и довольно... Все наши помыслы обличал. Однажды на соборовании стала далековато, а у батюшки ножки болели, он подошел к ближней, а у меня помысел: «Батюшка меня не замечает, не скажет мне ни слова». А он го-

[1] Гро́ши (*укр.*) — деньги.

ворит: «Вы у меня все одинаковые», А другая в это время подумала: «А ко мне к первой подошел», он ее хлопнул по лбу, обличив ее помысел. Пошел дальше, слышим — других уже обличил: «Ох, тещи, тещи, видно, достается зятьям от вас» — и читает им главу из Евангелия о Петровой теще, когда Господь поднял ее расслабленную и она служила им. «То ли у вас?!» А к следующей подошел, пожурил, что обсуждала о. Савватия, а соборовать к нему пришла. Стыдно стало ей, а оно так и было, так как батюшка видел все. Но всегда говорил: «Какой я "прозорливый"?! Как Господь откроет мне, то и вижу...» Так это же надо заслужить у Господа, дорогой наш батюшка! С больными ножками поклонялся Господу у алтаря, живой, подвижный, порывистый, весь стремление, когда служил, как в полете орел, голос в пении сочный, понятный. Служба с ним живая, весь живешь с ним в единой молитве. Верили, что Господь слышит батюшку, и через него и на нас посылает благодать и очищение. Как он любил читать акафисты Матери Божией, сколько любви, надежды в голосе на Ее милость и заступление. Он был сильным, уверенным, быстрым в движении и в решении всех проблем.

Как он скорбел, когда человек умирал без причащения. При мне пришла жительница села, и батюшка ей сказал: « Неужели не могла позвать причастить мужа, ведь он не один день болел». Когда сам болел и мы ему желали здоровья, он отвечал: «Зачем мне нужно это вонючее здоровье?..» или: «Что вы все о здоровье печетесь, молебны подаете о здравии! В немощи наша сила, о душе пекитесь». А когда он находился в реанимации, мы все отбили по сто поклонов с молитвой к Господу не забирать его. Он вернулся к нам слабый после болезни, а шутить

не переставал, улыбаясь говорил: «Ну, держитесь, бабы!»

Батюшка все знал, что делается в миру, за пределами обители, в государстве, где какие храмы еще не служили после закрытий в годы хрущевские. Скорбел, что мощи великомученицы Варвары находятся во Владимирском соборе в Киеве, а он филаретовский, и нам не благословлял туда заходить.

Батюшка думал о строительстве большого храма в честь Успения Божией Матери, и вот он уже возведен, красавец злотоглавый, и скоро будут там службы, а батюшки нет. Обитель превратилась в монастырь с красавцем-храмом и братскими корпусами. Все, что задумал при жизни, — все обустроилось, с красивыми цветниками вокруг и деревьями, все с любовью ухоженное и цветущее, — богадельня, трапезная и многое другое. Батюшка лично принимал участие в проектировании построек. Работа кипела под его бдительным и всевидящим оком, а вокруг больше женщин. Батюшка говорил: «А где же ваши мужики?!» Но с молитвой батюшки никто не ощущал усталости. И Матушка наша Пресвятая Богородица не оставляла обитель без помощи, и мы все молились, просили не оставлять нас. Спонсоры находились.

Когда приходилось в немощи пребывать, батюшка не оставлял своих духовных чад, слышала его голос в трудные минуты: «Говори "Спаси, погибаю!" пять раз с поклонами, и враг отступит».

В день Ангела батюшки (21 августа 1993 г.), както приехала, он сидел на крылечке своего домика, поздравила его, а он мне говорит: «А у меня день Ангела каждый день». Он уже принял схиму и стал теперь всем известным о. Зосимой.

Не забуду никогда его наставлений, и ох, как тяжело, когда ослушаешься и не выполнишь его мудрые наставления. Как-то собралась на море с внуками, прошу благословения, а он: «Что, и купаться будешь, и загорать?» т. е. в купальнике. Конечно, я загорала и в другие разы, но мне это обходилось болезнями, а если на даче тоже загорала, так чесотка напала, так как он предупреждал: смотрите, клещи могут напасть.

1. Учил меня молчанию, чтобы не рассказывала о себе, о своих бедах, болезнях, о близких. При необходимости — кратко.

2. Не навязываться в учителя. Говорил: «Притворись дурочкой. Дураки первые войдут в рай».

3. Терпи все до гробовой доски.

4. Ублажай мужа всегда.

5. Люби людей, не осуждай.

6.Не мечи бисер свиньям под ноги: спросят — скажи. О вере говори с понимающими. От непонимающих отойди.

7. О современном бизнесе — спекуляция, и где не вложен труд личный — нет и благословения священника на сей труд.

8. Лечение у экстрасенсов — грех. Церковь — лечебница (исповедь и причащение).

9. Детей нарожали — воспитывайте в Законе Божием.

10. Не уставляйтесь в одну точку на иконе, а то уж и видение видится. Приложились к окладу иконы, и довольно с тебя. У Распятия целуй Голгофу, больше и недостойны. К Плащанице Господа — в конце.

11. Во время службы не ходите по храму, к иконам не прикладывайтесь, стойте смиренно и молитесь. Что носитесь, как бесноватые, по храму?

12. О встрече с духовным отцом: молись, иди и молись.

Каждый праздник в Никольском был незабываемым торжеством

13. Не просите в молитве у Господа о мирском, просите об исправлении и очищении души.

14. Даешь обет Богу — выполняй, кайся, но все-таки выполняй, пока живешь на земле.

15. Не оправдывай себя — сам виноват, — исправляйся, других не вини.

16. Неправда, что нет времени на молитву. Молиться можно везде и всегда: едешь в транспорте — молись, едешь мимо школы, детсадика — молитесь о ваших детках, о их вразумлении; мимо больницы — молитесь о болящих; мимо кладбища — помолитесь о упокоении: Царство им Небесное. Нет времени на большую молитву, правило — помолитесь кратко, но со вздохом, от всего сердца. Молитесь о нищих, сирых.

17. Не крестите человека, показавшегося вам подозрительными, и не спешите от него отойти, спешно читать молитву «До воскреснет Бог...» — помолитесь о нем.

18. Батюшка не мог положительно относиться к разводам, особенно венчанных супругов. Винить в разводе надо самих себя.

В последнее время брак молодежи не благословлял, а уезжать в Россию, в монастыри.

В семье все совершать в согласии обеих сторон, одному не вершить свою волю. Раз повенчались, находите лад, несите свой крест до гробовой доски. Только смерть телесная дает свободу оставшемуся после смерти супруга. Молись о половине и терпи, исправляйся, чтобы второму было хорошо с тобой. Бог сочетал — того человек да не разлучит. Храни данный обет верности.

19. Сам немощный (2001 г.), батюшка нас наставлял: «Пока можете, молитесь на коленях, пока они еще гнутся».

20. Просите у Господа терпения, скорби несем от детей наших за грехи свои. Молитесь, да не впадете в напасть.

Наставлял: «Господи, аз есмь Твой, спаси мя грешную», — кричи, и Господь услышит.

21. Не будьте бесчувственными, стремитесь к знаниям — будьте всегда полезны и интересны.

22. Учись мудрости!

23. Читайте постоянно Псалтирь Давида, Евангелия (Новый Завет), Жития святых обязательно, утреннее и вечернее правило и Псалтирь Божией Матери. Современную духовную литературу осторожно — много искажений.

24. А еще батюшка говорил: «Господи, дай мне детскости и простоты, детства в душе».

«Всяк человек ложь, и я тож».

25. Насчет непослушания и послушания.

Как-то батюшка нам о телевизоре сказал, что у кого он в доме — диавол в доме. У нас был телевизор, да испортился: цветочки ставила, может, намок. Стоял да и стоял. Вижу сон: с экрана прямо на меня идут роботы в облике мужчин и прямо на меня (телевизор стоял прямо напротив кровати). Я в ужасе успела перекрестить их, и они все ушли под кровать. Вот страх! Проснулась и решила с ним разделаться. Когда мужа дома не было, сама разобрала, что аж трубка взорвалась, но быстро прошипела, и пошла я его разбирать. Долго провозилась, потом по частям вынесла в мусор. Батюшке потом рассказала, что муж ахнул: где телевизор? А он говорит: «Надо было по согласию это делать! Вот тебе и послушание, и непослушание, а своеволие».

26. Сильно сокрушался батюшка о нас, женщинах, делавших аборты, души свои заливших кровью младенцев. Ведь Господь все предусмотрел и если давал плод и рождение, то и окормление дает. Предупреждал, чтобы не верили в ересь: в Красногоровском храме и в др. давали шитые распашонки по количеству абортов и пр. — он не благословлял.

27. По поводу сквернословия: страшный грех. Ни в одном государстве нет таких слов, как у нас, придуманных диаволом в поругание Бога.

28. По поводу постов говорил: когда же ты будешь поститься? (когда начинала).

Никаких свадеб в пост, и даже готовить не благословлял, не то что самим идти.

29. Вновь приходящим: не спешить к причастию, войти в сущность всего, готовиться дома, записывать грехи на бумаге, конкретно, а не общие.

30. На соборовании — не просто получить помазание маслом, а молиться, просить у Господа в первую

очередь о размягчении наших окаменелых сердец, о милосердии, о всем, что мешает нам, о смирении, кротости, простоте. Не стоять истуканом, а сокрушаться, молиться, просить.

31. Так же и на исповеди, чтобы священник не вытягивал по слову, не унывать и не отчаиваться. Если горько, плохо тебе — молись, кайся, проси помощи у Господа. Радость у тебя — славь Господа: «Слава Тебе, Боже». За все благодари Господа — за все болезни, скорби и за радость.

32. Не бегайте по колдунам, бабкам, экстрасенсам: все по попущению Божию дается. И всегда завершал словами: «Все вам рассказал, все объяснил, вопросы есть?» Все молчат. «Значит, ничего не поняли, раз вопросов нет».

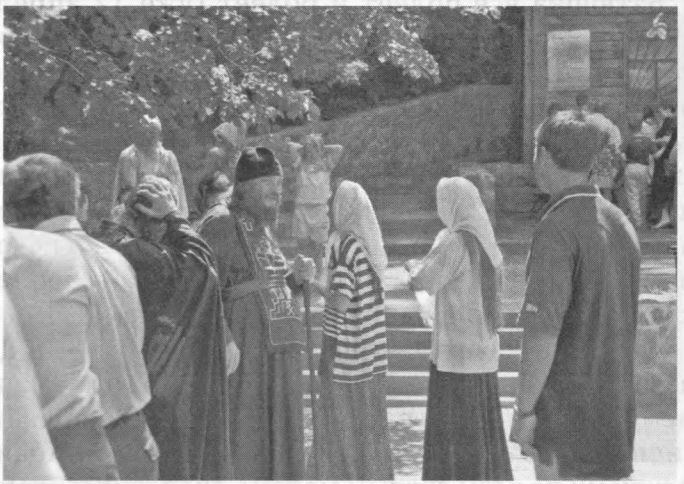
Любил батюшка все праздники, и когда я ему сказала, что чем больше ходишь в храм, тем все больше нравятся Господние праздники, он ответил, что все правильно, приходит понимание и любовь.

Как-то собрались ехать в Задонск, попросила благословения у батюшки Зосимы (6 июня 1995 г.), а он мне говорит: «Ты что, миллионерша? (тогда миллионы были), — поезжай, а мне, — говорит, — все здесь: и Дивеево, и Задонск, никуда ехать не нужно».

Учил нас батюшка правильно налагать крест, широкий, размеренный. При входе в монастырь обязательно поклониться кресту. Есть время — соверши крестный ход вокруг храма с молитвой.

Есть в монастыре колодец, в котором освящается вода по праздникам. Вначале вода была солоноватой, горьковатой. Батюшка привозил святую воду, где ни бывал, и ее вливали в колодец. Сейчас намного вкуснее и приятнее.

Дорогой батюшка держал нас всегда в курсе событий и во всем мире. Вместе с ним мы радовались



У источника свт. Тихона Задонского

и скорбели, особенно когда он болел и температура была выше 40 градусов. Он шутил и говорил: «Хотите знать, что такое ад? Это когда температура за 40 или когда опустить руку в кипящий борщ».

Весь храм оживал, когда батюшка отходил от своих болезней, говорил, что мы его вымаливаем от смерти, а я, говорит, уже не жилец, мертвец перед вами (14 января 1996 г.), вот служба завершилась (с десяти вечера до шести утра), разоблачусь и пойду в келлию отлеживаться и молиться. Не беспокойте меня, приема не могу совершить. Всегда нас называл «возлюбленная паства моя».

Как восторженно батюшка рассказывал о женском Иоанновском монастыре в Санкт-Петербурге. Какие там порядки, какая чистота, все ухожено, монашечки молодые, светлые, с чистыми красивыми лицами, ушли из мира, от суеты мирской и спасаются. А теперь и у нас дивный монастырь!

Батюшка все болеет и болеет (уже 12 апреля 1998 г., Вербное воскресенье). После реанимации температура не оставляет страдальца. Батюшка очень ослаб, а юмор его не покидал, и в этот раз он сказал: «Вымолили меня, ну теперь будете у меня скакать, как блохи». Шутил, говорит: «Дома похлещете вербой мужей своих, чтобы кормильцами были, а мужья жен — чтобы послушными были». А какой нам хлеб освященный всегда давали на вечерней службе: весь пропитанный сладким вином!

Батюшка говорил, что в обители ему всё — и Дивеево, и Задонск, а ведь сподобил его Господь такого немощного и на Афоне, и в Иерусалиме побывать (ноябрь 1999 г). Он видел своими глазами, ходил ножками по всем святым местам, трепетно и неописуемо, и нам обо всем рассказал (все не опишешь). Побывала на беседе, разрешила много вопросов насущных. На прощание батюшка благословил иконочкой из Иерусалима Пресвятая Троица с частичкой Мамврийского дуба. Я обрадовалась, прижала к груди, а он шутит: «Никому не показывай, а то позавидуют». А утром была торжественная литургия и батюшка правил службу вместе с о. Лаврентием, о. Кукшой, о. Саввой. А хор — ангелы пели (все время о таком хоре мечтал наш дорогой батюшка). Как мы всегда говорили: Торжество Православия, и побывали как на небе.

Виделась я с батюшкой и беседовала 2 января 1999 г., в день памяти Иоанна Кронштадтского, которого он очень любил. И в 2001 г., в этот же день. Службы были великолепные, наставления незабываемые, только бы их выполнять.

Здоровье нашего батюшки совсем ухудшилось. Он говорил, что дни его сочтены (5 мая 2001 г.) Было ему видение, и прп. Симеон Верхотурский сказал ему,

В Иерусалиме. 1998 г.

что 3 года его жизни истекают в этот пост, опять реанимация. Храм без него опустел, мы плакали и молились, очень его не хватало. Много людей к нему всегда тянулось послушать гневную силу Божьего слова, юмор его всегда подбодрял наши унылые души, обремененные житейскими нуждами. Утешал меня мудрыми наставлениями и говорил: «Дети уже выросли, учить их поздно, пусть живут, как они находят нужным».

На день Святой Троицы батюшку держали под руки, совсем слабый был, и уже уезжал в коляске, а за ним его дети обители. И так весь уже 2002 год. Батюшка продолжал свой земной подвиг, продолжалась и жизнь монастырская. За Великий пост 2002 года батюшка совершил постриг 50 послушников, хоть плотью и ослабел, а дух в нем тот же, зосимовский, продолжал нас наставлять мудрым своим словом, что «Бога надо любить, а не бояться». «Нечего ездить по престолам».

Говорил о назначении женщин. Спрашивает нас: «А кто есть муж в семье?» Мы отвечали кто что, в основном — хозяин. А Батюшка сказал, что муж — это кормилец, а жена — хранительница домашнего очага — вот кто мы такие, т. е. шея мужа. Куда жена, туда и муж. Все шутил и нас утешал, просил наших молитв. Ему нелегко, но и свое детище — монастырь жаль оставлять — кто будет подхлестывать нас, ленивых. А впереди — наше сиротство без батюшки. Ушел от нас орел, воспарил в небо, туда, где наша Отчизна, и обрел покой навсегда с Богом.

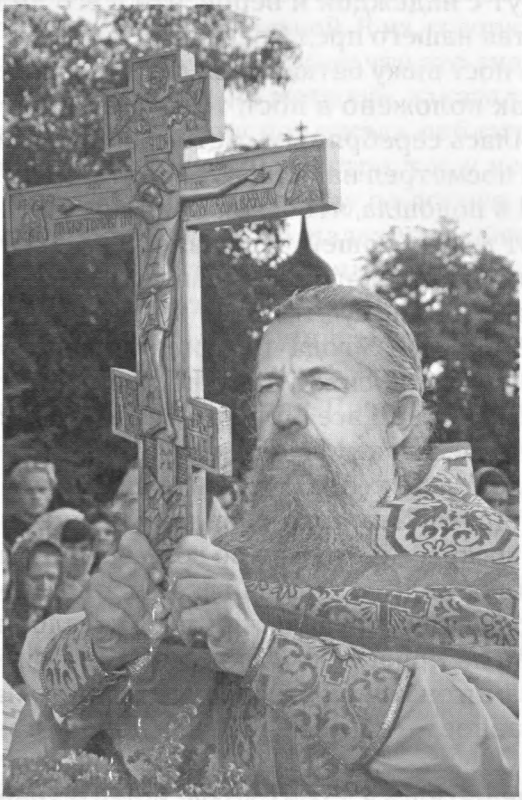
Благодарю Господа бесчисленное множество раз за то, что послал мне такого батюшку.

Настала жизнь без нашего дорогого батюшки. Трудно и по сей день. Одно утешает — есть его могилка, есть монастырь — все как при нем, жизнь продолжается, и надеемся, что он нас не оставляет, и молится о своих чадах пред Престолом Господа.

Батюшка очень просил не забывать дорогу в родной монастырь. Приезжаю реже, как позволяет служба, так как сейчас служу на клиросе в Покровском храме г. Донецка.

Расскажу о своих сновидениях и встречах с батюшкой.

Поехала на встречу 40 дней, 7 октября 2002 года. Чувство было тоскливое: нет дорогого батюшки, больше не услышу его голоса. Побежала к часовенке (5 октября), служили панихиду, слезы лились и лились, люди плакали, а батюшка смотрел как живой с портрета на нас и улыбался. Отец Лаврентий утешил нас всех, что батюшка являлся в алтаре. Рано утром пришла поклониться к батюшке, шел маленький дождик, и в часовенку не позволили войти. Монахиня меня утешила и говорит: «Я все понимаю, но прислонитесь к дверям — они же



Схиархимандрит Алипий (Бондаренко), наместник Свято-Успенского Николо-Васильевского монастыря

благоухают!» Я приложилась, и, о чудо! Слава Божия заблагоухала несказанным, неземным запахом, я приложилась еще — запах исходил тонким ароматом. Вот и прославил Господь Своего угодника! Слава, Тебе, Боже наш, утешил и меня. Потом, в другие годы, запаха не ощущала, а именно в тот день, 6 октября 2002 г.

На годовщину батюшки (29 августа 2004 г.) побывала на могилке. Людей было очень много. Прошло 2 года — люди едут те, которые никогда не видели

батюшку, едут с надеждой и верой, что в его лице обрели ходатая нашего пред Престолом Бога.

В Великий пост вижу батюшку во сне: одежда монашеская, как положено в пост, только вся светилась и искрилась серебряным светом, вокруг темно. Батюшка посмотрел на меня и говорит: «Ты еще не готова», а я подошла, чтобы он меня причастил. Он отошел от меня с чашей и позвал к Причастию протодиакона Ларинского Вячеслава, и он вскоре умер. Бог знает, не мне судить.

В Великий Пост 2005 года посетила могилку батюшки Зосимы, попросила у него прощения и молитв, стало легче, а то все болела — весь год. Все за непослушание, так как еще при жизни батюшка меня благословил по переезду ходить в один храм, а я пошла в другой и много болела, да серьезно. В Прощеное воскресенье нужно по возможности посещать могилки родных, духовных отцов и попросить у них прощения, они ведь живые. Все было так торжественно на Прощеном воскресенье. Батюшка тоже был с нами, он живой и, надеемся, молит о нас грешных. Главное — нам не забывать дорогу в монастырь.

Снится мне батюшка, стоит возле нового храма Успения Божией Матери, идет крестный ход, в руках у него три березки, уже с почками, с корешками, очевидно готовили посадить, и вдруг он их отдает и говорит: отнесите их к мужскому корпусу, и все...

В последнюю поездку 29 августа 2006 года ехала на могилку к батюшке, он мне приснился накануне, т. к. я просила у него помощи и молитв. Он мне говорит: «Приезжай ко мне на могилку». И вот мы подходим к могилке, одет он в монашеской одежде, открывает свою ладонь и протягивает 3 росточка пшеницы, зелененькие, с корешками, и все разных

размеров. «Держи, это тебе». Я обрадовалась, взяла их, и корешки с земелькой. Я их, говорю, посажу. Сон закончился и недоумении, что это значит. Помолилась в этот день на могилке, заказала панихидку на одного батюшку, поплакала, поблагодарила и пошла в с. Васильевку к сестре, т. к. у нее часто останавливаюсь приезжая. Иду по дороге, слышу голос батюшки в уме: «Вера, надежда, любовь». Вот и ответ получила: три росточка пшеницы, все живые, нужно посадить, и так думаю: вера — большой росток, надежда — средний, а любовь — самый меньший, ее еще нужно приобрести, что самое трудное. Бог знает, может, не так. Простите меня грешную.

17 февраля 2007 г.
г. Донецк.

Анна. ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ ЗОСИМЕ

Впервые меня, грешную Анну, Господь сподобил побывать на службе у батюшки Савватия в селе Александровке. Из автобуса вышло много богомольцев, все торопливо шли к храму, и я примкнула к ним, так как ехала впервые и не знала дороги.

В храме стояла у боковых дверей слева, вдруг подходит ко мне женщина лет на 10–15 старше меня и недружелюбно говорит мне, что это ее место. Я уступила и слышу голос батюшки из алтаря, порицающего кого-то, что «это ее место». Дословно я уже не могу передать, но меня прошибли слезы, что батюшка знает, кому говорит, что «это ее место».

Потом эта женщина испросила у меня прощение. Окончилась служба, и батюшка вышел поздравить нас с праздником и сказать нам проповедь. Его слова «поздравляю вас, возлюбленная моя паства...» поразили меня — именно «возлюбленная моя паства», и у меня, грешной, появилось желание быть в числе возлюбленной батюшкиной паствы. Затем батюшка благословлял всех крестом, но он шел в народ и давал каждому целовать крест, не стоял на амвоне, а именно шел к народу. Я, грешная, была и этим очень удивлена. Лик батюшки был радостный, сияющий. Все это на меня произвело такое радостное, светлое впечатление, что я прилепилась к его возлюбленной пастве и уже стала ездить только к батюшке Савватию. На батюшку было гонение, его стали переводить подальше, чтобы мы не ездили к нему. Но кто уже прилепился к его пастве — хоть на край света поедет. И я, грешная, ездила далеко в Андреевку (за Донецком), а затем его перевели в другую Андреевку, что по маршруту автобуса на Красную Поляну. Ездила туда вся его паства.

Особенно нравились торжественные ночные богослужения в рождественскую ночь, на Крещение Господне, в пасхальную ночь. Все службы батюшки были в душе возвышенные, после этих богослужений легкость на душе, радость, успехи на работе и дома, и поныне впечатления незабываемые от его служб, его молитв. После рождественской службы батюшка совершал благодарственный молебен Господу: «Тебе Бога хвалим, Тебе Господа исповедуем...» И после этих ночных богослужений никакой усталости, — радостными, окрыленными ехали мы по своим домам. Батюшка говорил: «А теперь веселыми ногами — домой»... Утром приступали к своим

В праздник Крещения Господня с владыкой Иларионом

рабочим обязанностям и были счастливы под впечатлением этих торжественных служб.

А потом, по милости Божией, нашего всеми любимого батюшку направили в Никольское. Если мне не изменяет память, под праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Это совсем близко от нашего Докучаевска, ранним автобусом мы успевали на службу и по благословению батюшки на послушание.

Жил батюшка в избушке-развалюшке. Тяжело ему было в Никольском. В храме Василия Великого стены были покрыты изморозью, ноги его больные промерзали, но батюшка торжественно совершал каждое богослужение. Его поучения, его наставления и сейчас, много лет спустя, звучат в голове. Особенно женщинам он говорил: «Посмотрите на образ Божией Матери, у Нее только лицо да кисти рук открыты, а вы как одеты в храм заходите? Нет страха Божия».

Когда моя мама была уже очень больна, 89 лет ей было, батюшка сказал, что она еще поживет недельку. Так ровно недельку пожила моя мама, и Господь забрал ее душу в Рождественскую ночь. Отпевал ее батюшка на дому у нас на второй день Рождества. Было много людей, на улице всех батюшка поздравил с Рождеством Христовым. Но разве можно описать все, что было связано с нашим светильником?

А потом нашего батюшку снова хотели перевести на другой приход. Мы составили письмо к патриарху (тайком, чтобы батюшка ничего не знал), подписали это письмо много человек прихожан, и отправили в Москву через человека, который там живет (моя кума Валентина). А ответ из Патриаршей канцелярии пришел на Васильевский храм, а батюшка ничего не знал. Правда, потом все выяснилось, так батюшка говорил: «Нам писаки не нужны». А потом простил нас всех, кто подписывался в послании к патриарху.

А как можно забыть те торжественные службы, посвященные тысячелетию Крещения Руси? После службы, когда батюшка благословлял нас крестом — свою возлюбленную паству — каждому прихожанину вручал юбилейный значок в честь тысячелетия Крещения Руси. Нет, такое не забывается и в памяти остается на всю жизнь.

Летом батюшка начал строить крестилку и домик. И вот однажды во время труда приглашает меня и говорит: «Анна, я заболел». — «Пригласите врача», — говорю. А батюшка в ответ: «Заболел иконой, что у тебя дома, у нас в храме нет такой. Я тебе дам икону Пресвятой Троицы такого же размера, а ты мне Вознесение Господне». Я долго не соглашалась, это мамино благословение. Два года на праздник Вознесения возили икону в храм, а на третий год оставила ее в храме, как батюшка велел. Видно, так нужно Господу. Батюшка сказал, что икона эта в алтаре. А мне Господь послал большую икону Пресвятой Троицы. Слава Богу, но не в обмен, как говорил батюшка, а другим путем.

А когда мой сыночек служил в Афганистане и был в госпитале в Ташкенте, батюшка благословил меня лететь самолетом в Ташкент, в госпиталь к сыну, и освятил для сына иконочку-кулончик Божией Матери — Млекопитательницы. Но чадо мое отказалось принять эту иконочку, хотя я его очень уговаривала, но улетала я из Ташкента огорченной, с душевной скорбью. Вскоре получаю письмо от сына — он пишет, что только я ушла из госпиталя (после нашего прощания), он шел по аллее на территории госпиталя и видит — лежит кулончик-иконочка Казанской Божией Матери. Постоял мой сын в раздумье и забрал иконочку себе.

После госпиталя дали ему десятидневный отпуск и он привез найденную иконочку домой. Я ему сказала: «Юра, ты отрекся от иконочки Божией Матери, а Она дала тебе знать, что будет тебя хранить и в этой страшной войне ничего плохого с тобой не случится, так как ты находишься под покровом Царицы Небесной и твоего Ангела Хранителя — небесного твоего покровителя Георгия Победоносца».

Все эти чудеса явлены по молитвам батюшки Зосимы, по церковным молитвам. Благодарю Господа, Его Пречистую Матерь и всех святых за милости к нам грешным. Много можно описать чудесных явлений по молитвам нашего дорогого пастыря. Но не все чудеса можно открывать. Мне очень дороги воспоминания о батюшке, о всех его прихожанах. Ведь мы были при нем одна духовная семья. Многих от нас забрал Господь, да разве обо всех узнаешь? Многие из батюшкиной паствы приняли монашеский постриг. Да укрепит всех Господь!

Светлая память о нашем дорогом батюшке навсегда осталась в наших сердцах, в душах наших, а в ушах до сих пор звучат его слова: «С праздником вас, моя возлюбленная паства». Вечная память ему! Батюшкиными святыми молитвами да помилует Господь и нас грешных — его возлюбленную паству.

21 ноября 2007 г.
г. Докучаевск

Светлана.
ВОСПОМИНАНИЯ О БАТЮШКЕ

Когда я была маленькой, лет 5–7, просыпаясь по ночам, лежала и плакала. Меня тревожила одна мысль — вот я вырасту, состарюсь, умру и меня больше никогда-никогда не будет. Люди будут рождаться, жить, любоваться красотами природы... а меня уже никогда не будет.

По воле Божией, когда пришло время, Господь послал утешение.

Великие и удивительные люди рождаются редко, и встреча с ними — великая милость Божия. Такую

милость явил Господь мне грешной и моей семье. Знакомство с дорогим нашим батюшкой Зосимой перевернуло всю мою жизнь, направило в нужное русло, дало надежду на спасение.

Первая встреча с батюшкой произошла в 1988 году. В храм с. Никольское меня привело, как я тогда думала, горе-предательство. Пережила его тяжело, но со временем увидела, от чего меня спас Господь! Батюшка так мне и сказал.

«У каждого человека своя дорога к Богу, — сказала мне как-то схимонахиня Феофания, которая посвятила всю свою жизнь на служение Богу и помощь батюшке, тому, чье жизнеописание подтверждают строки:

Пока живу — да шествую горе́,
Пока дышу — да приближаюсь к Богу!

Батюшка ценил каждую минуту. Спал очень мало, молился по ночам за весь мир; за своих многочисленных чад, заботился о каждом и за всех сразу. Даже когда лежал в больнице, сам изможден был, еле живой, вселял веру, дарил надежду, мир и отеческую любовь. Люди тянулись к батюшке. Приходили к нему со своим горем, скорбями, а уходили радостные, окрыленные. Он всех жалел, все ему были нужны, всем интересовался, до всего было дело, все помнил. Батюшка никогда не унижал человека. Да, ругал, ругал как-то бережно, ругал сам грех, но не унижал. Он всех любил, всем помогал, вымаливал, спасал, укреплял, подбадривал. Всех нас насквозь видел, что думаем, что делаем, что было и что будет…

А какие у батюшки были исповеди! Трепет, страх, слезы, самоукорение и чувство присутствия Божия! Стоишь, обливаешься слезами, сознавая мерзость своих грехов, а уходишь с чувством необъяснимой

радости, легкости, прощения, как будто ты чистый лист, младенец.

Очень радостно мне было, когда батюшка называл доцей! Как-то сижу в доме на втором этаже — над крестилкой, а на душе так скверно. А тут заходит батюшка в крестилку, она на первом этаже, и говорит: «Это чья душа там плачет?» Я спускаюсь. «Ну, рассказывай, доця...» От таких слов наворачивались слезы, как батюшка всех чувствовал.

Как батюшка любил и жалел деток! По воскресеньям, после службы, в крестилке собиралась вся ребятня, от мала до велика. Батюшка всех ласково приветствовал, просил прочесть молитвы «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» или Символ веры, радостно шутил и всем щедро раздавал конфеты...

Когда я работала в детском саду, он тогда находился за собором, то оставалась ночевать у мамы. Мама и другие матушки проживали в батюшкином доме на втором этаже (над крестилкой). Батюшка и мой брат с ребятами жили на первом этаже.

Однажды был тихий, теплый вечерок. Отслужили вечерню, и все занялись своими послушаниями. Я, выходя на улицу, увидела, что к крыльцу приполз ежик. Обрадовалась и позвала брата, сказав: «Смотрите, ежик приполз!» Я не знала, что в крестилке сидел батюшка... Надо было видеть, с какой детской радостью батюшка выбежал на крыльцо и воскликнул: «Где ежик?»

Как-то батюшка Зосима сидел в крестилке и с глубокой печалью, глядя на родителей с маленькими детьми, сказал: «Сначала нарожают, радуются, на руках носят, а потом не знают, куда этих детей деть... Если бы вы знали, что их ждет, вы бы их не рожали!

Февраль 2001 г.

Батюшка, родненький, не оставьте нас и наших деток вашими молитвами. Простите нам наше неразумие и маловерие!

Батюшка говорил: «Бабы каются — девки замуж собираются». Очень почитал девство и чистоту.

Когда мы с моим будущим мужем приехали к батюшке за благословением венчаться, пошли сначала в храм св. Василия Великого. Время было перед вечерней. Храм был еще пуст, мы стояли недалеко от распятия.

Зашел батюшка Зосима и стал в центре храма молиться, затем поворачивается и говорит: «Что,

венчаться приехали? Ох, бабы каются, а девки замуж собираются! Ну, хорошо, зайдите ко мне после службы...»

Батюшка рассказывал о семейной жизни, о подводных камнях в ней, шутил, а потом благословил...

Очень жалею, что была так беспечна, имея такой светильник, святой кладезь с живой водой... Мои вопросы были обычные, житейские. Почему в будущее не смотрела, не спрашивала о детях, о их будущем, о воле Божией над ними? Батюшка не раз говорил, что скоро его не станет, что он скоро уйдет от нас, почему ему никто не верит? Я просто и в мыслях не допускала этого, думала, что Господь его исцелит и он будет еще долго с нами! Простите нас, дорогой наш батюшка Зосима!

Когда я стала ездить к батюшке, то увидела большую икону Богородицы с неугасимой лампадой. Мне она так понравилась, и я об этом сказала батюшке, что хотела бы дома иметь большую икону с горящей лампадочкой! На что он мне ответил: «Будь сама, как лампада!»

Батюшка поднимается по лестнице в ризницу и говорит: «Бабы, я иду к вам, ну будет вам сейчас, жаль, что посох забыл, а то бы вы получили». Поднялся, два рабочих стола с Плащаницей и ризой благословил. Заговорил с Ларисой (мон. Софией). Залюбовался старинной ризой из Успенского собора Московского Кремля, в этот момент находившейся на реставрации, и сказал: «Помоги Вам Господи! Богатая золотая риза, здесь вся Русь умершая, какие ризы шились, какие подвижники в них служили, какие молитвы возносились! Когда-то мечтал иметь хорошую ризу — теперь их полный шкаф, хотелось иметь хорошую икону — теперь их много. Слава Богу, Господь все посылает — и ризы, и иконы,

и чаши серебряные, старинные, а ведь раньше была простая медная, и царские врата. Помню, на первом приходе вышел служить, взялся за врата, а они и упали, шашель (жучок. — *Примеч. ред*) их поточила... Но все это земное, и это нужно будет оставить. Не одевайте меня в богатое, оденете меня в самое старенькое, когда пойду домой. И рукодельниц Господь посылает, золотошвеек. А какой раньше бедный был храм... Вот и побывал в вашей святой, рабочей келье».

Батюшка обратил внимание на стену, сказал, что она черная и ее хорошо было бы покрасить и повесить на ней вид какого-то скита. Уходя, спускаясь по лестнице, он говорил о своей болезни, постельном режиме, что ему совсем нельзя вставать...

Был такой случай. Однажды, взяв у батюшки благословение, я с одной женщиной поехала в Россию. Сумок у нас было много, большие и тяжелые. Когда мы приехали на вокзал, нам нужно перейти на другую сторону путей. А чтобы это сделать, нужно подняться по мосту, что с нашим багажом не по силам. А если идти через пути, то нужно спрыгнуть с них и подняться на высоту около одного метра, что тоже нелегко и опасно, но все-же чуть легче, чем подниматься на мост... Посмотрели в обе стороны — поездов не было и слышно. Моя спутница спрыгнула, и я ей начала быстро подавать сумки, затем спрыгнула сама и стала подавать их уже наверх. Вдруг показались поезда с обеих сторон. Едва я взобралась наверх — составы встретились! Только Господь и батюшкины молитвы спасли меня!

Вообще очень много случаев в жизни, когда была явная опасность и даже смерть дышала в затылок, когда кажется тупик, отчаяние... но только призовешь имя батюшки — и сразу чувствуешь помощь.

Батюшка так когда-то и сказал моей маме: «Только Зосима на бочок, а тут — батюшка, помоги!»

Батюшка мало отдыхал, а из еды любил вчерашний борщ. И кушал так, что после него тарелочка оставалась такой чистой, как-будто из нее никто не ел. Еще он был нестяжательным, презирал тряпки, говорил, что мы служим «маммоне». Но когда видел, как кто-то носит тапочки, стаптывая задники, ругался и говорил: «Если тебе малы тапочки, выстирай и отдай тому, кому по размеру подойдут, но не переводи вещь!» Сам батюшка ходил в латаном-перелатаном подряснике и в такой же старенькой шубке.

Батюшка всегда помогал нам добрым советом, мудрым наставлением, помогал и материально. Домик, в котором выросли наши дети, батюшка Зосима заботливо благословил одному благочестивому христианину Петру Алексеевичу — пожертвовать нам во славу Божию.

Отдельно надо сказать о дедушке Петре. Долгие годы он помогал батюшке в алтаре, жертвовал виноград в храм для святого причастия. На праздник Крещения вливал святую крещенскую воду в колодец, стоящий на его улице. Вода эта славилась приятным вкусом. Люди с благодарностью набирали освященную воду. По милости Божией дедушка Петр умер на второй день Крещения Господня. Царство ему Небесное.

Как-то мой муж был у батюшки и на столике увидел красивую свечу. Она была круглая, высотой примерно 10 см, голубого цвета, а на ней изображен город Иерусалим. Про себя он отметил красоту и необычайность этой свечи. Через какое-то время мама привозит эту свечку и говорит: «Батюшка благословил ее вам». До сих пор она стоит у нас в шкафу со святыми книгами и иконами.

Однажды батюшка разговаривал с одним шахтером и сказал: «Бедные мои шахтерики, вы работаете в самом аду, за это Господь простит вам многие грехи. Не простит же матерных слов. Эти ругательные слова — проклятие на свою мать!

По словам батюшки, мама его, схимонахиня Мариамна, читала за батюшку по одной кафизме из Псалтыри Божией Матери каждый день...

Зима была очень снежная. Мужа послали в командировку в Закарпатье — разгребать завалы после затопления. Я осталась дома с двумя маленькими детьми. Старшей было около трех лет, а младшей — месяцев пять. Телефонов не было.

В своем доме тяжело оставаться на несколько недель одной. Надо и печку растопить, и воды принести-вынести. А ночная метель замела все вокруг. Но самая главная беда — печка, почему-то она не хотела гореть, ветра на улице не было, соответственно тяги нет, весь дым идет в дом... Я двери открыла, холод заходит, а печка не горит. Добилась только того, что в доме стало еще холодней.

Начала сильно болеть голова. Укутав девочек в одеяло, я присела в бессилии на диван и откинулась на спинку. Непроизвольно подняв голову, увидела приличный слой дыма под потолком и тут только вспомнила, что забыла открыть задвижку на трубе.

Очень сильно стучало в висках. Собрав остаток сил, я все пооткрывала и стала выгонять дым полотенцем. Но, наверное, в дымоходе образовалась пробка или он был забит сажей — печка греть нас не собиралась...

Голова болела уже до того, что мне уже ничего не хотелось, только спать. Я к иконам — плачу: Господи, Матерь Божия, батюшка, помогите!

Легла с девочками, укутала их и себя, лежу и думаю — наверное, пришло наше время... Слава Богу, девочки мои не плакали, а тихо спали... Не знаю, сколько прошло времени, но очнулась я от стука в окно. Представляете, батюшка послал моего брата! Приехал он на грузовой «Газели», как только проехал по таким сугробам, трасса заметена?! Не было сил даже радоваться. Собрав вещи, коляску, брат отвез меня к отцу на квартиру в соседний поселок...

На улице было удивительно красиво. Укрытые снегом деревья спали зимним сном. А снежинки тихо падали, кружась, как в танце. Любуясь этой красотой, я долго стояла на улице — не могла надышаться чистым воздухом. А по щекам текли горячие слезы благодарности Богу, Матери Божией и дорогому батюшке Зосиме.

У нас в серванте стояли два маленьких голубых бокальчика. Их никто и никогда не использовал, т. к. они были очень малы, грамм по 30. Когда приехал батюшка освящать дом, увидев эти бокальчики, сказал: «Доставай, хоть раз в жизни их используем!» В них налили святое масло и всех помазывали.

Еще было такое чудо. Когда мы стали ходить в храм, из услышанных житий святых очень тронули сердце жития святых Алексия, человека Божия, святых Сорока мучеников Севастийских, святой Марии Египетской и многих других. А когда я вышла замуж, то так Господь дал, что муж у меня Алексий, а день рождения у него на день Сорока мучеников.

А когда родилась первая дочка, у меня спросили — как я хочу назвать? Но поскольку православные называют своих детей так, какому святому праздник по церковному календарю в день рождения, я ответила, что хотелось бы Машенькой, а там как Бог даст.

Христос Воскресе!
Пасха 2000 г.

Вот звонят мне в роддом и говорят, что батюшка благословляет назвать Марией в честь святой Марии Египетской. По батюшкиному благословению мою доцю крестили на Пасху, и в этот же день был праздник святой Марии Египетской.

Наставления батюшки Зосимы:

— Чтите среду и особо пятницу. Кто будет поститься и почитать эти дни, того Господь будет миловать от многих бед и болезней.

— Стойте крепко в делах веры. Держитесь Москвы и Московского Патриарха.

— Не только нужно молиться, но и трудиться с Иисусовой молитвой.

— Когда бьют часы — перекрестись и поблагодари Господа за Его милость. Еще Господь дает нам время для покаяния, еще на час мы ближе к вечности.

— Берегите хлеб и воду, и в трудные дни голода Господь чудным образом будет питать своих бережливых чад.

— Молитва и труд все грехи перетрут.

— Господь слышит каждый наш вздох...

— Книги читать поутру с четверть часа до работы, а потом целый день жуй что читала, как овца жвачку.

— Надо быть ко всем почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна.

— Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех.

— Смех изгоняет страх Божий.

Инокиня Евсевия. ВОСПОМИНАНИЯ О БАТЮШКЕ ЗОСИМЕ

Однажды во время службы отец Зосима позвал к себе отца Лазаря и говорит ему: «Иди работай». Отец Лазарь начинает ему жалобным голосом говорить: «Да я уже старый, и рад бы копать или косить, сил уж нет». Батюшка строго в ответ: «Сказал — иди». Пошел отец Лазарь, опираясь на посох и на палочку, в богадельню, понять ничего не может. Пришел, сидит в келлии. Стук в дверь. Заходят Леонид со своей женой Валентиной и просят отца Лазаря дать им наставления. Старец поговорил с ними, а когда прощались, Леонид пожертвовал отцу Лазарю деньги. Это был его первый «заработок». Когда отец Лазарь принес деньги отцу Зосиме, тот заулыбался и говорит: «Я ж тебе говорю — иди деньги зарабатывай, а ты сидишь, как пень».

Как-то во время литургии отец Зосима говорит отцу Лазарю: «Иди, встречай, твоя ухажерка приехала». Отец Лазарь сначала ничего не понял, а когда вышел во двор после службы, встретился с женщиной, приехавшей из Снежного, и вспомнил событие двадцатилетней давности, о котором отцу Зосиме никто не рассказывал. В то время сильно заболела жена отца Лазаря Анна. К ним в дом стала приходить соседка помогать по хозяйству. Трудится соседка не покладая рук, все только дивятся ее доброте. Вдруг она спрашивает у отца Лазаря: «Иван, если Анна помрет, ты на мне женишься?» Отец Лазарь отвечает: «Нет. Я пойду в монастырь». После этого разговора соседка перестала приходить, а Трубицыны дали ей прозвище «ухажерка».

В начале Успенского поста вышел отец Лазарь из алтаря со слезами на глазах. Спрашиваю: «Батюшка, что такое?» Он мне отвечает: «Отец Зосима сказал мне, что через две недели умрет. Я стал его просить не оставлять нас, лучше я умру, но батюшка ответил: «Не знаешь, чего просишь, мне пора домой».

В конце поста предсказание батюшки сбылось, хотя сразу я не поверила отцу Лазарю.

Часто вспоминаю, как батюшка радовался, когда мы пошили первые стихари. Он очень ценил наш труд, бережно ко всему относился. Дьякона рассказывали, что когда батюшка увидел новые стихари, он рассмотрел все швы, остался доволен. Затем пригласил нас к себе, благословил иконочками, сказал, что очень рад, что теперь свои сестры будут обшивать братию, не нужно тратить монастырскую копеечку.

Когда о. Савва был благочинным, его батюшка частенько воспитывал кулаком. Поначалу я о. Савву

жалела, но глядя, как он спокойно все переносит, мне захотелось самой попасть батюшке под руку. Однажды иду в ризницу, а в это время батюшка стоял на крыльце. Я остановилась за лавочкой подождать, пока о. Зосима сойдет с крыльца, чтобы не мешать ему. Тут батюшка поворачивается ко мне и говорит: «А ты чего благословение не берешь?» Я ничего не подозревая подхожу к нему, складываю руки, склоняю голову, и в это время он как даст мне по голове. И после удара у меня было такое состояние легкости, радости, ликования. Несмотря на силу удара, боли я не почувствовала. Подымаю глаза, смотрю — батюшка хитро улыбается, Олег с Владиком смеются, бабы замерли, а у меня одна мысль: «Везет же этому о. Савве, — каждый день в благодати купается!»

О ЧУДЕСНОЙ ПОМОЩИ ПО МОЛИТВАМ БАТЮШКИ ЗОСИМЫ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ И ПО ПРЕСТАВЛЕНИИ

КОРМИШИНА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА (ДОНЕЦКАЯ ОБЛ., г. МАРИУПОЛЬ):

Благодарю Господа Иисуса Христа за то, что Он по молитвам нашего батюшки Зосимы спас моих родственников от гибели во время чеченской войны 1996 года.

Я с детьми выехала из Грозного перед войной 1996 года, а мои сестры с семьями остались под бомбежками в г. Грозном. Я очень переживала, не спала

ночами, молилась. Решила пойти к батюшке Зосиме узнать о судьбе моих трех сестер с семьями.

Я очень переживала, волновалась. Рассказала все батюшке Зосиме. Он спросил: «Как вы молитесь?» Я ему ответила, что читаю все подряд, что попадет под руку: Святое Писание, акафисты Пресвятой Богородице и Псалтирь. Я у батюшки спросила, что читаю за них как за живых, а может, их уже нет в живых. Он закрыл глаза и долго так сидел с закрытыми глазами. Я думала, что он заснул, хотела уходить, но он с закрытыми глазами остановил меня и сказал: «Я вам не все сказал». Батюшка Зосима открыл глаза и говорит: «Что сейчас творится в Грозном! Сколько гибнет людей русских и чеченцев ради наживы кучки "новых русских"». Я очень волновалась, что он мне скажет о моих родственниках. Наконец он мне сказал, что все мои родственники живы и даже квартиры, в которых они живут, целы. Я от радости упала батюшке Зосиме в ноги и стала целовать ему руки со слезами радости и благодарности. Потом встала и пошла к двери спиной, все благодарила и кланялась. Батюшка Зосима смеясь говорил: «Повернитесь да идите нормально». Дошла я до двери и опомнилась. «Батюшка Зосима, а иконочкой меня не благословили!» Он сказал: «Слава Богу! Отошло». Это потому, что я от радости как будто помешалась. Батюшка сказал: «Что же вы мне не написали имена своих родственников? Я за них буду молиться». И вот чудо! Закончилась война, и все мои родственники остались живы и здоровы и все их квартиры остались неразбитые.

Благодарю батюшку Зосиму за его горячие молитвы и вовек буду молиться за него. Когда вспоминаю и рассказываю, как батюшка молился за нас, всегда волнуюсь и плачу.

ЛЮБОВЬ (г. МАКЕЕВКА):

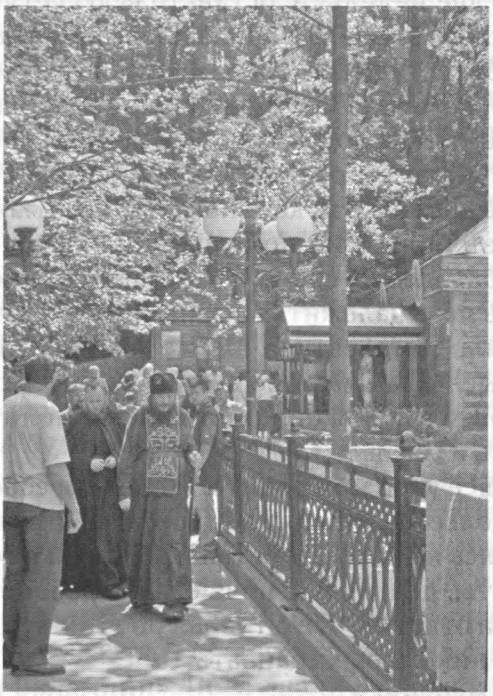
Приезжаю к батюшке Зосиме за благословением на работу выйти (ребенку исполнилось 1,5 года). Получила благословение, подхожу к двери, и вдруг меня батюшка останавливает и говорит:

— Люба, а как там твой свекор?

Я стою и думаю, что это батюшка о нем вспомнил? Он же в церковь не ходил, два раза привозил в Никольское внуков крестить, и то почему-то боялся батюшку. Говорил, что батюшка его пронизывал своим взглядом насквозь. Батюшка говорит:

— Передай мои слова. Пусть покается в своей прошлой коммунистической жизни и причастится, чтобы нам можно было молиться за него. Он находится на предсмертном одре.

А мы целый месяц свекра не видели, находились в селе у моих родителей. Еду в машине и думаю, наверное, за это время он заболел и сейчас увижу его умирающим. Приезжаю, подхожу к дому, а он стоит веселый, козочку пасет. Я передала слова батюшки, на что он ответил: «А что это батюшка про меня вспомнил? Я если поеду в церковь, то только к нему». Свекор попросил литературу у меня, чтобы подготовиться. Читал, но в церковь так и не хотел ехать с нами. Время шло, он заболел, попал в больницу. Я говорила, что нужно обязательно причаститься, а он отвечал, что сам хочет на своей машине поехать. Об этом я сказала батюшке, а он сказал: «Пусть сюда уже не едет, так как не доедет. Пригласи домой батюшку или повези в свою церковь, по месту». Когда я передала эти слова свекру, он ответил: «А зачем домой приглашать батюшку, что я, помираю?» После разъяснений о загробной жизни мы договорились с ним через день ехать в церковь. Утром звоню, а он передумал и говорит: «Повези сначала



У источника свт. Тихона Задонского

бабушку, она уже старенькая, ей раньше помирать. А уж потом, после нее, и я поеду». Через 5 минут звонит свекровь и плачет: «Папа умер. Вышел во двор, упал, и все». На третий день поехали в Никольское отслужить панихиду. Заходим, а батюшка говорит: «Так и умер без покаяния. В какую он тьму попал, какой скрежет зубов сейчас слышит. И только вы сможете вымолить его». Свекрови сказал, чтобы в церковь ходила, молилась, пирожки пекла и раздавала. «Его так вымолишь и сама спасешься».

Слушала проповедь батюшки Зосимы об Успенском посте, в которой он говорил: «Успенский пост,

он всего лишь две недельки, оставьте всю суету». А я решила поклеить обои. Заварила клей, принесла в ванную, чтобы остудить. Ребенок двух лет находился в другой комнате. Поставила на пол и только отвернулась, чтобы воды налить, как мой ребенок сел в горячий клестер. Ожоги были сильные. В больницу я не поехала, так как знала, что есть мазь от ожогов. Мазь привезли, но пузыри как груши остались. Я побоялась их срезать в домашних условиях. Пришлось мазь наложить на раны и на пузыри. Целую ночь была температура. Мы не спали. Была только одна мысль, как нам обо всем случившемся передать батюшке, чтобы он помог своими молитвами. Молились и сами.

А на следующее утро мои родители поехали собороваться в Никольское. Заходят во двор, а навстречу им идет, опираясь на палочку, батюшка Зосима и говорит: «Что ж ты, дед, целую ночь спал, а ребенок мучился?» Папа ответил, что он узнал об этом поздно, я не хотела никого расстраивать.

— Ну что вы, мученики.

Папа отвечает: «Да не мы мученики, а Афанасий».

Батюшка направил родителей ко мне, и пока они доехали, по батюшкиным молитвам произошло чудо. Моя знакомая, которая уже знала о случившемся, утром привезла ко мне одну женщину, которая готовит мазь от ожогов. Эта женщина обрезала пузыри, наложила повязки с мазью и сказала ребенку, чтобы вставал и ходил. В это время подъехали родители. Афанасий поднялся, взял палку в руки и сказал: «Папа, мама, молитесь. Я как батюшка Зосима: у него ножки болят и у меня». У нас появились слезы на глазах, мы не могли поверить, что такое может говорить двухлетний ребенок. А через пять дней мы уже благодарили батюшку за его молитвенную

помощь. Батюшка слышал нас на большом расстоянии, когда мы просили о помощи.

В 1995 году родился у нас племянник, но из роддома мы его не дождались, так как перевели в детское отделение с диагнозом: гипоксически-травматическое поражение ЦНС, везикулопустулез, адипонекроз правого локтевого сустава. Когда я узнала об этом, предложила поехать к батюшке за благословением. Зашли к батюшке Зосиме, а он спрашивает у деверя: «Ну, а как ты хочешь сыночка своего назвать?» Витя отвечает: «Да мы посмотрели в календарь, там в этот день есть имя Андрей» А батюшка достал свой календарь, смотрит и говорит: «А будет он Евлампием». Витя отвечает: «Батюшка, да кто его так назовет?» — «Да ты же и назовешь! Андрей будет дули воробьям крутить, а Евлампия забирайте сегодня из больницы, он будет здоров. Ангел Хранитель за него молится, и я буду молиться». А мне сказал: «На семейном совете расскажешь, что я сказал, и прочитаешь житие святых Евлампия и Евлампии». Послушали батюшку. Евлампий жив и здоров.

ВИКТОР УЛЬЯНЕНКО:

Это случилось в 1997 году. Я, как и многие молодые люди, не посещал храм. Выпивал, дебоширил, курил. Уже год как не работал и вляпался в одну плохую историю. Мне грозил срок. В это время моя мама (верующая) сказала мне ехать до батюшки, как раз ехала тетя Валя, которая у батюшки была послушницей в трапезе. И мы поехали. Добирались с Бердянска очень долго, весь световой день. Потом я и тетя Валя попали на часть вечерней службы. И потом я остался на время в обители, чтобы

попасть к батюшке на беседу. Я точно не помню день беседы. Было в декабре. Я зашел к батюшке, и он сказал: «Садись», — и начал рассказывать про мою скверную жизнь и про моего отца. Я рыдал, как младенец, но после беседы я стал смотреть на жизнь по-другому. Я пробыл в обители две недели, и моя жизнь переменилась. Я бросил пить, курить. Приехав в Бердянск, я был не узнаваем друзьями. Они говорили, что я свихнулся, но я знал, что по молитвам батюшки я был очень здоров. И вот Господь сподобил меня и мою жену приехать к батюшке опять. Правда, только приклониться к могилке. Я уже шесть лет не пью. Приехав домой в 1998 году, я выбросил два телевизора. Батюшку моя жена не видела живым, но она очень благодарна ему за мое спасение.

Спасибо тебе, батюшка Зосима. Мы тебя любим и не забываем.

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ КИСЕЛЕВ (г. РУБЕЖНОЕ ЛУГАНСКОЙ ОБЛ.):

Многим батюшка, в том числе и мне, во время проповеди или в другое время отвечал на мысли, зная, что было с человеком, что с ним и окружающими его людьми в настоящее время, говорил, как в будущем поступать, что ожидает человека, в том числе за неповиновение воле Божией.

ОЛЬГА КАЛАУС (г. МАКЕЕВКА):

Много раз меня звали к о. Савватию прихожане из нашей церкви, я все отнекивалась. А потом как меня кто-то позвал, я взяла адрес и поехала. Как услышала его голос и проповеди, то до сих пор езжу туда.

Однажды ушел из дома внук, я приезжаю к о. Савватию со слезами, он мне говорит: «Живой, живой придет». Пришел, немного побыл дома и обратно ушел. Я опять к батюшке. Он выслушал меня и говорит: «Да чтоб его белые братья не забрали, то нам с тобой будет горе». Потом поговорил со мной и спрашивает у меня: «А ты гробик себе приготовила?» Я ему говорю, что нет. А он: «Ну и чего же ты? Был бы готовый. Вдруг чего — а он у тебя есть». Я подумала: мы старенькие с дедушкой, а оно не то — погиб мой внук. Ему было 14 лет.

ЗОЯ (ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛ., г. ГУСЬ ХРУСТАЛЬНЫЙ):

С батюшкой Зосимой я виделась всего один раз, за год до его перехода в вечную жизнь, в день апостола Иоанна Богослова. Он в это время находился на стационарном лечении в Донецке, но приехал на литургию, правда в самом ее конце, и сказал великолепную проповедь. Во время проповеди он, казалось, весь сиял, был радостным. Говоря об апостоле и евангелисте Иоанне Богослове, и нас призывал любить друг друга.

Он говорил с трудом. Его мучила одышка, но лицо излучало радость. Он ликовал. И с улыбкой сказал: «Я как колобок. Только колобок от дедушки да от бабушки ушел, а я еще и от врачей ушел. Мне каждые три часа нужно сдавать анализы. Я отпросился, чтобы поздравить вас с престольным праздником, но на трапезу я не могу остаться. Мне надо вовремя сдать анализ». И он пошел к выходу, благословив сразу всех. Но мне этого показалось мало, и я решила подойти к нему, взять благословение.

И вдруг батюшка закричал, глядя чуть выше меня: «А ты что здесь делаешь?» Нечего здесь тебе

делать!» И своими деревянными четками ударил меня по больному месту. У меня в заднетеменной области чуть слева была опухоль размером с горошину, и мне было больно расчесывать волосы и мыть голову. А иногда, неловко повернувшись в постели, я тоже ощущала боль. Приехав из обители, я ожидала, что пройдет мигрень, но приступы повторялись много раз. А опухоль перестала болеть, и я о ней просто забыла. А когда через год вспомнила, не могла найти и места, где она была.

Слава Богу, что Он нам дает таких людей, как старец Зосима!

ЕВГЕНИЯ (г. ДОНЕЦК):

Хочу вам поведать об исцелении моей двоюродной сестры Раисы, которая болела раком. Когда умер батюшка Зосима, я пришла к ней и сообщила ей об этом. Она уже была дома. Из больницы ее выписали домой умирать с диагнозом: «рак правостороннего лицевого лимфоузла». Ей сделали облучение, но пришлось прекратить сеанс облучения, так как ее состояние ухудшилось. Когда родственники разговаривали с врачом, то он сказал: «Забирайте ее домой, у нее рак, и ей уже лучше не будет». В общем, забрали мы ее домой умирать. Когда я ей предложила поехать к батюшке Зосиме на похороны, она охотно согласилась. Ехала она туда впервые и с надеждой на исцеление. Я ей много рассказывала о батюшке, так как я его знала давно, еще только он поселился в Никольском и меня Господь сподобил с ним встретиться. Приехали мы с ней в Никольское. Людей было очень много. Мы стояли возле храма. Было очень жарко. Смотрю на Раису, а у нее слезы. Я говорю: «Что, тебе очень плохо?»

«Нет, — говорит, — мне так жалко батюшку, хоть я его и не знала, а всегда в молитвах его поминала, молилась за болящего схиархимандрита Зосиму». Да и не удивительно, что она за него молилась, ведь я сколько про него рассказывала, и она очень верила и надеялась на его помощь. Возле храма стояла коляска инвалидная. Я говорю: «Раечка, прислонись к коляске, на ней батюшку возили, — обязательно исцелишься». Она с благоговением прислонилась к коляске, поцеловала ее краешек, прочитала молитву. Когда прикладывались ко гробу, то она сама почувствовала исцеление, когда приложилась к теплым рукам батюшки. После этого пошли на поминальную трапезу, и в дороге мы потерялись, ведь было очень много людей. Когда я ее нашла, она уже обедала, и что самое удивительное, она нормально глотала пищу, а до этого она грубую пищу не могла проглотить и постоянно пила воду. Она постоянно ходила с бутылочкой воды, так как слюнные железы у нее не вырабатывали слюну.

Когда я увидела, что она поела борщ, второе, третье (сливы, арбуз), у меня так возрадовалось сердце за нее, что она все это покушала и ничто не препятствовало ей глотать. Ведь ей перед этим сделали операцию и она не могла грубое жевать и глотать. Ей я об этом ничего не сказала, только мы с сыном моим Василием переглянулись и порадовались за нее. Домой она возвратилась радостной и возбужденной. Очень благодарила Господа и меня, что я ее повезла к батюшке Зосиме.

Прошло время. Ей сделали анализы и сказали, что анализы хорошие, рака нет. Она мне и говорит: «Может, у меня и не было этого рака?» Я говорю: «Раечка, разве ты забыла, как врач тебе целую неделю ничего про ответ не говорил, который прислали

из Харькова, что у тебя рак. И разве облучали бы тебя, не будь у тебя этой коварной болезни?»

Когда я купила в г. Донецке газету о батюшке и отдала ей, то ее сам батюшка вразумил. Теперь она постоянно молится за нашего батюшку Зосиму, очень часто передает на свечи, на панихиды, ежедневно читает акафист Божией Матери «Всецарице». Вначале смотрела каждый день телевизор, а сейчас, слава Богу, не смотрит. Все по молитвам нашего дорогого отца Зосимы.

Вчера ночью ночевала у нее, так она мне говорит: «Женя, я хотела включить телевизор, посмотреть кино, потом глянула на портрет батюшки, и перехотелось». Слава Богу за все!

Царствие Небесное нашему батюшке Зосиме!

НАТАЛЬЯ КЛОЧКО:

В августе 2003 года у меня заболела дочь (1,5 года). Пошли мокнущие раны по всему телу, которые быстро разрастались. Пошли в больницу, сказали, что это стрептодермия. Прописали как лечить. Мы с мужем все делали как положено. Но ничего не получалось. Раны продолжали расти, страшно было смотреть. А врачи говорят: «Лечите, лечите...» Так уже месяц прошел, а они не сохнут и не заживают.

Тогда мы поехали к нашему любимому батюшке, который во многом причастен к рождению моей дочери.

Я долго не могла забеременеть. 14 лет было бесплодие. Прошла сложную операцию. Врачи сказали: «Вы стерильны, детей не будет». Это была страшная боль в душе — не иметь детей. Но батюшка сказал: «Молись и больше стой». Прошло время, и я забеременела, хоть физиологически, даже сама понимаю, это было невозможно, т. к. сама медик.

Вот и сейчас — пришли, помолились батюшке, и он вылечил мою дочь. Сразу же на следующий день проснулись, а все раны зажили.

Слава Богу за все! Спасибо тебе, наш дорогой батюшка!

ЛЮДМИЛА (г. МАРИУПОЛЬ):

Это случилось в Великий пост 2003 года. Я молилась в Мариупольском соборе (читали канон прп. Андрея Критского), делали много поклонов. В конце службы я упала, меня парализовало. Меня отвезли домой.

Ночью молилась. Утром не могла подняться. Приехал причастил меня о. Николай, стало немного легче, но ногами не ходила. Написала письмо в монастырь, чтобы приехал священник и меня пособоровал. После соборования я стала ходить. Посещала собор, уже сама ходила ножками, но очень слабо, иногда падала.

После этого, по наставлению о. Николая, я приехала к батюшке Зосиме.

Четыре часа стояла под стенкой в очереди к костоправу схимонахине Пантелеимоне. Она приняла меня. Сказала, что надежда на Господа. Я пришла к батюшке в часовенку, слезно помолилась, и пришла мысль сделать поклон к Голгофе. Делаю поклон и поднялась! После трех поклонов и простой детской сердечной молитвы исцелилась, стала ходить с палочкой.

ЕЛЕНА (г. ДОНЕЦК):

При жизни батюшку Зосиму я не видела. Но уже после его смерти, в феврале 2004 года, мне в руки случайно попала книга о батюшке и его жизни

«Любовь превыше всего». В это время я очень сильно заболела. В тот вечер поднялась очень высокая температура, от головной боли не могла двигаться, горло болело, внутри все горит, слабость во всем теле и всю ломило.

Но в тот вечер я решила во что бы то ни стало прочитать книгу о старце, который уже притянул меня к себе чем-то: так он смотрел на меня с обложки книги! При таком плохом состоянии я голову положила на спинку дивана и стала читать. Жизнь его меня поразила. Но остановилась на середине жизнеописания — мне стало совсем плохо, и я хотела отложить чтение. Однако в голове была неотвязная мысль: дочитаю до конца и буду здорова. Собрав последние силы, я все-таки дочитала. И тут впервые со мной стало твориться странное, чего еще я никогда на испытывала. Головная боль мгновенно прошла, насморк прошел почти, и мне стало легче дышать, горло болеть прекратило и во всем теле появилась легкость. В этот самый момент я почувствовала, как по всему телу проходит тепло, мне стало так отрадно на душе. С дивана меня подняла какая-то невидимая сила. Тут я ясно поняла, батюшка меня исцелил. Я чувствовала, что он совсем рядом. У меня из глаз потекли невольные слезы, прямо ручьем, а от радости хотелось прыгать. И после, и до сегодняшнего дня я чувствую его помощь, что батюшка Зосима со мной. Он стал для меня как отец родной. Этот случай меня теперь всегда спасает от находящего по временам маловерия.

Еще один случай был недавно. Перед поездкой в Никольское, куда меня благословил владыка Иларион заниматься иконописью, я попала под машину. Была сломана нога. Но помощью Божией и предстательством батюшки Зосимы все сложилось так

хорошо: меня доставили сразу в больницу, предоставлены были все условия. Операция прошла очень успешно (мне ставили аппарат Илизарова). Во время наркоза я очнулась, но была еще почти без сознания. Приоткрыв глаза, я увидела, что батюшка подошел ко мне с левой стороны, весь такой ласковый. Ничего сказать при таком состоянии я не могла, а только, помню, улыбнулась. Мне стало так хорошо, батюшка рядом... Все время пребывания в больнице чувствовала, что о. Зосима не оставляет и что он живой, вместе с нами всеми. И сейчас, милостью Божией, я в Никольском занимаюсь иконописью. Очень счастлива, что рядом с батюшкой. А в часовенку захожу, как к нему домой, всегда так тянет к нему. Спасибо тебе, батюшка родной.

ТАТЬЯНА МИРОНЕНКО
(ДОНЕЦКАЯ ОБЛ., г. ДЗЕРЖИНСК):

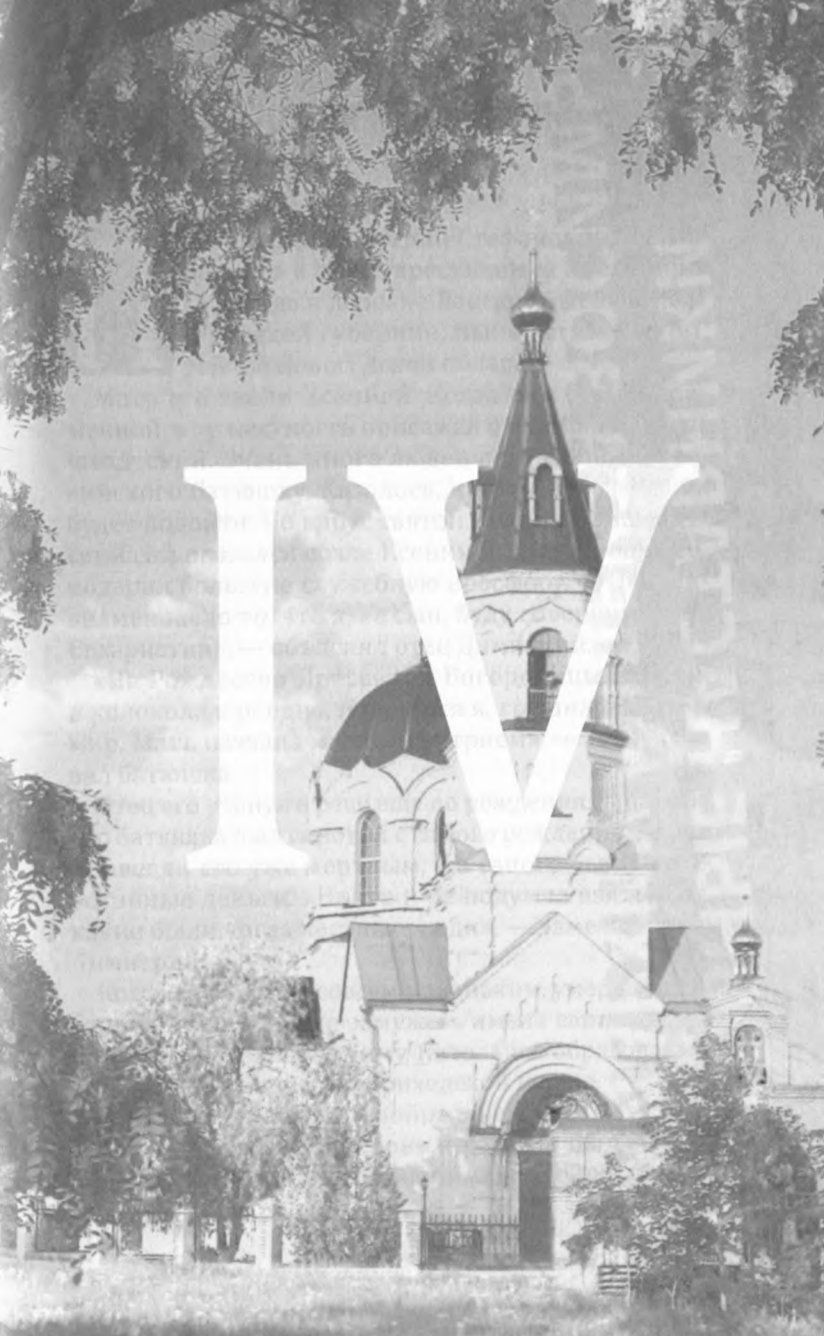
Благодарю Господа, что он послал великого молитвенника за род человеческий — схиархимандрита Зосиму. Еще при жизни по его молитвам происходили чудеса и сейчас, по переходе в жизнь вечную, он не оставляет всех с верою молящихся у его могилки.

Мне выпала честь не раз общаться с этим человеком. Хочу рассказать об одном из больших событий, которое произошло в моей жизни по его молитвам, когда он был еще жив.

Я, много лет живя с мужем, не имела детей, так как болела по-женски. Постоянно лечилась разными способами, но безрезультатно. Однажды, попав к отцу Зосиме, я рассказала ему свою беду и попросила его молитв. Сказала, что очень хочу ребенка иметь, да, видно, за грехи Господь не дает. На это

батюшка ответил, что нужно почаще причащаться, что Господь — врач наших душ и телес. Да покаяться за аборт, который сделала в свое время. И, может, Господь и пошлет зачатие. Я решила больше не лечиться у врачей, а сделать как он благословил. Каково же было мое удивление, когда примерно через месяц я узнала, что беременна. Произошло чудо. Потом родилась девочка. И когда мы приехали крестить ее к отцу Зосиме, он сказал: «Ну, что, кого Господь нам послал?» «Девочку», — ответила я. И благословил назвать ее Натальей.

Господь слышал его молитвы и тогда, и сейчас. Нужно только нам уметь верить, любить и прощать. Нужно только нам научиться слышать друг друга, возможно и без слов. Слышать в этой жизни — временной, и в той — вечной. И пусть Господь Всесильный упокоит душу своего верного и преданного усопшего раба отца Зосимы, а в свое время прославит его как угодника Божия.


IV

ДУХОВНЫЕ НАСТАВНИКИ СХИАРХИМАНДРИТА ЗОСИМЫ

ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ ПЕСКОВ

Протоиерей Димитрий Стефанович Песков родился в семье крестьянина 8 сентября 1905 года в деревне Ванское бывшей Новгородской губернии, ныне Устюженском районе Вологодской области.

Мать его звали Ксенией. Когда она была беременной, в ту местность приезжал отец Иоанн Кронштадтский. Очень много людей встречали всероссийского батюшку. Казалось, к нему невозможно будет подойти. Но вдруг святой Иоанн Кронштадтский сам оказался возле Ксении и, благословив ее, подарил большую служебную просфору. «Это предзнаменовало то, что я, ее сын, буду совершителем Евхаристии», — объяснял отец Димитрий.

«На Рождество Пресвятой Богородицы забили в колокола к обедне, и родился я, грешный, в этот мир. Мать назвала меня Димитрием», — рассказывал батюшка.

Отец его утонул в реке еще до рождения сына, так что батюшка был сиротой с самого рождения. Люди привезли его уже мертвым, а в сапоге были заработанные деньги. «Никто и не подумал взять. Вот какие были тогда честные люди», — замечал отец Димитрий.

Когда он был еще совсем маленьким, умерла мать. Старшая сестра была замужем, имела своих детей и забрала маленького Диму. Начальное образование он получил в церковно-приходской школе.

В 1914 году началась война с немцами. Мужчин забрали в армию. Свекровь и раньше была недовольна, а теперь прямо говорила, что ей не нужен

лишний рот. Сестра вынуждена была, из-за постоянных ворчаний, избавиться от брата. Она привела его в Свято-Николаевский Моденский монастырь. Обитель стояла на правом крутом и песчаном берегу Мологи в окружении сосновых боров. Многие насельники монастыря были родом из их деревни Ванское. Договорилась, чтобы его взяли на воспитание. Монах завел в келью: «Будешь здесь жить». А монах был не простой, а отставной генерал, который овдовел и ушел в монастырь. Дима очень любил сестру, называл ее мамой, как и ее дети. Первое время часто плакал: «Где моя мама, хочу к маме». В обители к мальчику-сироте отнеслись очень хорошо, его жалели. Так что вскоре он привык к своей новой жизни и с тех пор рос и воспитывался в монастыре. Было ему тогда 9 лет. Занимался Дима в основном чтением и пением на клиросе, пыль вытирал с икон.

Уже перед кончиной батюшка рассказывал: «Я воспитывался в монастыре. Всему нас обучали. Проходили послушание на клиросе, на кухне. Были у нас кожевенный цех, кузня, мельница, земля, пруды, где разводили рыбу, разные мастерские.

Когда я неправильно читал какое-либо слово на клиросе, старенький уставщик поправлял: «Если будешь неправильно читать, я тебя вот так, вот так», — и едва касался епитрахилью щеки».

Так и жил Дима вместе с генералом. Благодаря занятиям по различным школьным предметам с племянницей генерала Александрой Павловной Кедровой, а также наличию большой библиотеки, которую Дима почти всю прочитал, в монастыре он получил неплохое образование.

В ноябре 1929 года Николо-Моденский монастырь был закрыт «для церковного богослужения». Но, возможно, кто-то из прежней братии оставался

там и продолжал служить. Оставался там до конца 1930 года и послушник Дмитрий Песков.

«Пришла советская власть, подошли 70 подвод, забрали всё, что было. Закрыли монастырь. Пошли монахи кто куда. Молодые пошли на заводы устраиваться, кто поехал к родственникам. Самые старые сидели на берегу и со слезами пели: «На реках Вавилонских...» — рассказывал отец Димитрий.

Куда идти старым немощным монахам, не могущим ничего делать, дряхлым телом? Многие умерли. А судьба других ему была неизвестна.

«Когда монастырь разоряли, убегать пришлось ночью, без паспорта. Через лес шел. К физическому труду непривычен был. На речке работа была — бревна багром из воды вытаскивать. А у меня не было такой сноровки. Господь послал парня, который мне помогал: и за себя и за меня доставал бревна».

По документам, после закрытия монастыря в 1930 году Дмитрий Песков поступил на бумажную фабрику имени Ленина в г. Ленинграде «Дубровка», где работал до 1935 года в качестве чернорабочего.

В послужном списке отца Димитрия за 1931–1934 гг. значится также: «псаломщик Свято-Георгиевской церкви с. Понизовье Костромской области».

В 1935 году, в ноябре месяце, он переехал в Донбасс, в г. Лисичанск Ворошиловградской области. Там устроился на стекольный завод, где и работал с 1935 по 1942 год в качестве чернорабочего.

Одна из духовных чад отца Димитрия вспоминает его рассказ: «Когда убегал из монастыря, многие попали на стекольный завод. Там принимали без паспортов, так как работа была вредная. Много было священников, монахов. Там тоже следили, и приходилось Пасху встречать в туалете. Об этом батюшка не мог вспоминать без слез. Они включали какие-то

машины, для шумового прикрытия, и пели пасхальную службу в туалете».

В 1936 году Дмитрий Песков был повенчан с девицей Верой Филипповной, урожденной Марченко. У них была одна дочка, которую назвали Надеждой.

В 1942 году ввиду остановки завода во время военных действий, Дмитрий перешел на работу псаломщиком в церковь Архангела Михаила в селе Ново-Краснянка Ворошиловградской области, где служил до 8 марта 1943 года.

В марте 1943 года он был мобилизован в ряды Красной Армии, где и находился по 25 сентября 1944 года.

Батюшка рассказывал: «Забрали меня на фронт. Направили в штрафной батальон. В штрафные батальоны направляли преступников, священнослужителей, монахов, чтоб их не расстреливать: «Тратить на вас ещё пули», — говорило командование, отправляли на передовую без оружия. Во время боя все погибали.

Сидим в окопе, идет сильнейшая стрельба. Нам говорят: «Идите». Я оградил себя не спеша крестным знамением, взывая к Богу со словами: «Огради меня, Господи, силою Честнаго и Животворящего Креста и сохрани меня от всякаго зла». Встал и пошел. Люди как снопы падают справа и слева, а я иду. Остался жив. Вот видите, какая сила в крестном знамении».

В боях Дмитрий был ранен и по болезни он получил увольнение.

После прибытия с фронта в 1944 году, 11 ноября, Дмитрий Песков был рукоположен в сан диакона архиепископом Никоном Донецким и Ворошиловградским и 15 ноября им же был рукоположен в сан иерея.

Рассказывает монахиня Феврония:[1] «Когда его комиссовали с войны по причине очень больного желудка (у него была язва), он пришел к владыке Никону. А у владыки как раз умерла мама. Дмитрий приехал на прием в день ее смерти и принял участие в общей молитве над ее гробом, читал над ней Псалтырь, пел. Владыка зайдет, посмотрит, выйдет, опять зайдет. А потом вышел и сказал: «Мне о тебе Господь открыл. Побудь здесь, я тебя буду рукополагать».

Владыка рукоположил его на следующий день в дьякона и через три дня во священника. Дал небольшой храм в Луганске.

Пришел отец Димитрий туда в военной гимнастерке, в галифе. А там ни одного человека нет. Владыку все очень любили и ходили именно к нему на службу. И в храме отца Димитрия не было ни единого человека.

«А я как начну служить, как начну петь: пою, кричу, служу. И так этому рад, такой довольный». С монастыря службу знал хорошо. Служит, служит — обернется — бабка стоит и не уходит. То идут, заглянут только и бегут к владыченьке на службу. Служит, служит каждый день с утра до вечера — еще одна бабка, и не уходит, до конца стоит. Так и «наслужил» полный храм народу.

Рассказывает дочь отца Димитрия, Надежда Дмитриевна Пескова:

«Времена тогда очень тяжелые были. Постоянно вызывали в КГБ и агитировали, склоняли к тому, чтобы доносили друг на друга. Многие священники не выдерживали и в заштат уходили, потому что предать для них было хуже смерти. Уходили

[1] Ныне покойная схимонахиня Ермогена.

в заштат и жили потом в нищете. Я помню, у нас за рекой священник был. Мизерную пенсию получал, в страшной нищете жил, и папа помогал ему... Однажды и моего папу вызвал какой-то начальник из КГБ: "Отец Димитрий, я за вами давно наблюдаю. И я вижу, что вы очень порядочный человек. Мой вам совет: как можно быстрее уезжайте. Я вас предупредил, но взамен вы должны меня повенчать". После этого разговора папа всю ночь молился и думал: "Или заберут меня, или действительно он хочет венчаться". Под каким-то предлогом взял у старосты ключи от храма. Они договорились о встрече с начальником на четыре часа утра. Свет не включали, только свечи зажгли. И отец Димитрий их повенчал. После венчания тот человек ему повторил: "Уезжайте". А уехать тогда было не так просто. Пошел папа к владыке Никону и все ему откровенно рассказал. Однако владыка тоже не мог его просто так перевести, но он был очень мудрый человек и придумал такой способ. Был праздник какой-то, служил владыка, а при нем много священства, среди них — и отец Димитрий. И владыка назначал папу проповедовать после Евангелия. А папа очень красноречивый был. Вышел он, сказал проповедь такую, что весь храм плакал. Возвращается в алтарь, а владыка при всех: "Что, отец Димитрий, два архиерея в одном городе не могут служить". Сделал вид, что считает отца Димитрия своим конкурентом и из зависти переводит его в другой город»[1].

Монахиня Феврония так передает слова владыки Никона: «Вызывает его владыка: "Два медведя в одной берлоге не могут быть. Я тебя убираю. А то ты

[1] Пастырь в годы безбожия//Живой родник (Православный собеседник). № 9 (41), Донецк, 2006. С. 10.

у меня всех перехватишь". И перевел его в Донецк. В храме было несколько священников, которые его притесняли. Пошлют его соборовать или причащать. А там бедные — он с них денег не берет. Приходит, с него денежку спрашивают. "А я с нее денег не взял, потому что она бедная, ей нечего дать". А они наказывали его за это. Там ему было не очень-то хорошо.

Потом его перевели в Авдеевку. Там он был уже постоянно.

В 1947 году отец Димитрий на «отлично» окончил пастырско-богословские краткосрочные курсы. Их устроил владыка Никон, чтобы хоть немного повысить образовательный уровень духовенства. Отцу Димитрию очень помогла его монастырская школа — те знания и умения, которые он вынес с детства.

В 1959 году Святейшим Патриархом Алексием отец Димитрий был награжден саном протоиерея. К этому времени среди верующих людей Донбасса он уже был известен как священник ревностный, обладающий особыми благодатными дарами утешения и прозорливости.

Инокиня Олимпиада вспоминает, что познакомилась с отцом Димитрием в 1956 году, когда поехала к нему как прозорливому священнику.

С 1960 года началось служение отца Димитрия в качестве настоятеля Свято-Николаевской церкви г. Авдеевки Донецкой области. В это время из разных уголков Донбасса потянулись к пастырю жаждущие духовного окормления словесные овцы. Это были люди всех возрастов и сословий. Всех принимал добрый пастырь с любовью, сердечным расположением. За каждого молился и чувствовал глубокую ответственность перед Богом.

В 1979 году Святейший Патриарх Пимен наградил отца Димитрия митрой, в 1983 году — правом

служения литургии с открытыми царскими вратами до Херувимской песни.

Указом митрополита Одесского и Херсонского Сергия, управляющего Ворошиловградско-Донецкой епархией, от 19 февраля 1985 года он был назначен духовником Донецкого округа.

В декабре 1985 года отец Димитрий подал прошение о выделении ему священника в помощь в связи с болезнью и нуждой длительного лечения.

Резолюция митрополита Сергия гласила: «30 января 1986 года. Благословляю освободить от служения прот. Д. Пескова и уволить за штат с представлением к пенсии. Он неоднократно сам заявлял о желании уйти за штат. За его многолетнее примерное пастырское служение выражается ему наша архипастырская благодарность. Послушание духовника Донецкого благочинического округа за ним остается... М. Сергий».

В последние годы своей жизни отец Димитрий служил и исповедовал на Ларинке, в кафедральном соборе г. Донецка.

Эти годы были его настоящей голгофой, потому что именно тогда ему пришлось претерпеть особенно много разных притеснений, наветов и клеветы от завистников и недоброжелателей. Но «сила Божия в немощи совершается». И немощный старец силою Христовой победил лукавого духа лестчего, взойдя безропотно на свою голгофу. Он до конца дней сохранил мирность духа и любовь ко всем. В эти последние годы его часто видели плачущим. Он плакал о своей пастве, о тех, кого вручил ему Бог, за кого он будет давать перед Ним ответ.

Старец мирно отошел ко Господу в 1990 году на 85 году жизни.

Воспоминания духовных чад об отце Димитрии Пескове

АЛЕКСЕЙ:

«В начале 70-х годов Людмила Михайловна Маевская (сестра матери), работавшая массажисткой в Шлаколечебнице, принимала участие в лечении о. Дмитрия. У него в то время было обострение артрита. Поскольку тетушка была очень верующей, а в силу обстоятельств (инвалид 1 гр.) храм посещать не могла. Единственная церковь в то время была на Ларинке, где было очень многолюдно. Эта встреча была как чудо Божие. С тех пор не только она, но и вся большая семья обрели духовного наставника. Была еще одна причина, по которой мы имели возможность бывать в Авдеевке, где о. Дмитрий в то время жил. У него были серьезные проблемы со зрением, несколько внутриглазных кровоизлияний на фоне диабета, и моя мать, врач-окулист Галина Михайловна Маевская, постоянно его наблюдала. Эти поездки (а я часто ее сопровождал) были очень приятны и назидательны благодаря беседам с о. Дмитрием в теплой домашней обстановке. Разумеется, были встречи в храме во время богослужения и после него. В храм мы ездили довольно часто — всей семьей с отцом Матвеевым Андреем Григорьевичем и братом Андреем. Возможность поехать в храм, где было маловероятно встретить случайных знакомых или сослуживцев (которые вполне могли "стукануть" куда следует) и спокойно, не оглядываясь, помолиться, в те времена была редкой удачей. Тем более, когда службу вел такой замечательный человек, каким был о. Дмитрий. Его службы были наполнены истинным горением,

способным поколебать неверие многих. К сожалению, это, как и многое в жизни, понимаешь слишком поздно, хотя слава Богу, что вообще понимаешь. К тому же мне тогда было 20±5 лет и среда вокруг была довольно нетерпимая к религии. Естественно, сейчас мне кажется, что если бы вернулось то время, то с нынешним моим багажом я бы там дневал и ночевал. Но Господь нам дает столько, чтобы нам было где приложить свои силы побороться с искушениями и постараться выполнять Его заповеди.

Во всяком случае я не перестаю про себя повторять: слава Тебе, Господи, что мне довелось встретить о. Дмитрия, который очень сильно помог мне не свернуть с дороги к храму.

Ко времени нашей встречи о. Дмитрий был далеко не молодой человек, имевший, как и многие в таком возрасте, проблемы со здоровьем. Но в отличие от многих, использующих эти свои проблемы для потакания своим слабостям, лености, унынию и т. д., о. Дмитрий силой своего духа непрерывно боролся со своими немощами и побеждал их.

Ему было очень тяжело стоять во время служб, особенно длительных, но редкие из стоящих в храме прихожан это чувствовали. В последние годы зрение ухудшилось настолько, что, по его собственным словам, он читал святые тексты больше по памяти, которая никогда его не подводила. Однако духовное зрение позволяло ему видеть гораздо дальше и глубже, чем нам — смотрящим и не видящим.

Вопрос об истинности и нелицемерности веры в Бога для него был определяющим. Исповедь он всегда начинал вопросом: "Веруешь ли ты в Бога?", понимая, что ничего важнее этого вопроса не существует. Можно сколь угодно исполнять форму служения, но содержанием наполняет его вера в Бога.

О его духовном зрении помнят очень многие, его знавшие, — я не буду повторяться. Возвращаясь к его самоотверженному служению — ему были категорически противопоказаны физические нагрузки из-за угрозы кровоизлияния в сетчатку и полной потери зрения. Несмотря на это, о. Дмитрий ездил по жаре на грузовиках или другом случайном транспорте на требы. Безропотно! Настоящий воин Христов! Со слов Нины — свечницы в храме Св. Агапита Печерского, акафисты, заказанные в его храме, вычитывал, вставая в 3 часа ночи.

Как-то перед важным экзаменом, находясь в несколько нервозном состоянии, я затеял разговор о том, что мы молимся Господу, а результат неизвестен. То ли нас слышит, то ли нет. На это о. Дмитрий прочитал строку из "Отче наш": "Господи, да будет воля Твоя!" После чего объяснил, что иногда мы сами не знаем, чего просим, а Господа надо славить за все. И вся его жизнь была воплощением строки "Господи, да будет воля Твоя!"

Был еще один эпизод, связанный с вопросом о Промысле Божием. Я задал о. Дмитрию вопрос: почему страдают младенцы, которые и нагрешить не успели и вразумления не воспримут. Он рассказал то ли историю, то ли притчу, как Ангел, будучи в одном доме, забрал жизнь младенца. На вопрос "почему, за что?" было отвечено, что этот младенец, повзрослев, принес бы много горя в этот мир и Господь, забрав одну жизнь, сохранил множество. Теперь я понимаю, что человек с его двузначной (да-нет) ограниченной логикой не в состоянии постичь Промысла Божия и взамен ему дана вера в Господа и Его благость.

Году в 1974–75-м в разговоре о традициях русской православной веры о. Дмитрий достал солидный фолиант, явно изданный очень давно. Найдя нужную

страницу, он показал храм Христа Спасителя в Москве, взорванный большевиками, прочитал текст — описание и историю создания храма. В его голосе были и восторг от величия этого храма, и теплота, когда он говорил о всенародности этого строительства (сбор средств, общий народный подъем), и страшная горечь от варварского, богоборческого разрушения этой святыни. Надо ли говорить о произведенном на меня впечатлении! Это был не единственный разговор о методах борьбы государства с Церковью. Кое-что я уже знал и из других источников и имел собственный опыт общения с комсомольскими атеистическими патрулями. Видел и заколоченный храм Спаса на Крови, и какую-то атеистическую главконтору в Казанском соборе в Ленинграде, но разрушение такого храма поразило меня чрезвычайно. Мы тогда находились в тине коммунистической идеологии, и мозги нам промывали весьма основательно. Во всяком случае сведения подобного рода были совершенно недоступны, и когда они все-таки доходили, это сильно изменяло взгляд на новейшую нашу историю. До сих пор славлю Господа, что о. Дмитрий вовремя открыл глаза и сориентировал, что́ есть истинное, а что́ ложное в этом мире.

По благословению о. Дмитрия одна из его прихожанок смогла добраться до Святой Земли и принять постриг в Горненском монастыре вблизи Иерусалима. Мы приехали к о. Дмитрию, когда он получил весточку от м. Февронии — письмо, несколько фотографий и ладан. Он с восторгом нюхал этот ладан, рассказывал об истории Иерусалима и других святынь Палестины. Казалось, что он готов лететь туда на крыльях. К сожалению, в те времена это было невозможно, но думаю, это было одним из самых сильных его желаний.

**НОВОСЕЛЬЦЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА,
РЕГЕНТ-ПСАЛОМЩИК СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОГО ХРАМА
г. АВДЕЕВКИ:**

«То время (десять лет), что я провела возле батюшки, это были самые лучшие и незабываемые годы в моей жизни.

Проповеди батюшки незабываемые. Я слушала с открытым ртом, пока замечание не сделали. Так рассказывал, как будто мы там все находимся. Он говорил с амвона: "Если б у меня были руки подлиннее, я бы вас всех обнял". Часто повторял: "Добрый пастырь положит душу за овцы своя. Если нужно будет, я ее отдам". И он всю жизнь, здоровье отдавал нам. Он жил нами. Люди после службы побежали на автобус, скрываются в "яме". Он выйдет на крыльцо и вслед их крестит, благословляет и так от души молится. Слов я не помню. Чтоб с нами было все благополучно.

Службы у батюшки были долгие. Люди говорили: по-монастырски служит. С утра читали утренние молитвы, полунощницу, в 8 часов — часы. Далее батюшка выходил на исповедь. И мы читали 3 канона, акафист Иисусу Сладчайшему, канон ко причащению, молитвы ко причащению. А иногда батюшка подойдет и скажет: "Ирина Николаевна, читайте акафист Матери Божией и какому-нибудь святому".

Мне так стыдно было, что он меня, такую молодую, наравне с бабушками-хористами величает по имени-отчеству. Он был уважителен ко всем. Всех называл по отчеству. Настолько был любвеобилен, никогда никому не сказал обидного слова, ни намека, никогда не повысил голоса. Я никогда не слышала.

...Одно время меня сильно мучили головные боли. Сказала батюшке. Он говорит: "Иди в больницу, врачи тоже от Бога". Пошла. Невропатолог мне говорит:

"Нужно больше развлекаться, вести интенсивную жизнь, ездить на турбазы, любить и т. д.".

Батюшка спрашивает: "Ну что?" Я ему пересказала. Он ухмыльнулся:

— Сейчас не врачи, а грачи. Помолимся Иоанну Предтече. Он помощник и врач при головных болезнях.

Прочитали с Анной Васильевной акафист. Как пришли боли, так и ушли.

Многим батюшка помогал советом, предрекал, исцелял недуги. Просил никому не говорить. Но люди все равно по секрету друг другу рассказывали. Слава шла по людям.

Стою я рядом с батюшкой, закончилось соборование. Подходит женщина и говорит батюшке: "Помолитесь за меня, я очень болею, приехала из Донецка". Батюшка: "А в Донецке разве нет священников, что вы аж сюда приехали?!"

— А вас все хвалят, посоветовали к вам приехать.

— А хвалят только дураков.

И пошел от нее.

Другая женщина пришла за советом, говорит: "Батюшка, мне сказали, что вы прозорливый, я хотела бы у вас спросить, как мне поступить..." Батюшка: "Да нет, я не прозóрливый, а прожóрливый".

В 70-е годы была среди верующих паника, как в наши дни против ИНН. Так тогда была — против паспортов, профсоюзных билетов. Якобы в паспорте есть водные знаки со словами об отречении от Бога. Сильно все переживали. Под воздействием этой паники люди выбрасывали документы, сжигали. Я похвальные грамоты спалила, а что делать с паспортом и профсоюзным билетом?

Выбрала момент, прорвалась к батюшке (народу всегда у него во дворе было много с разными вопро-

сами, советами). Задала ему этот вопрос. Он говорит: "Что такое паспорт — это документ, удостоверяющий личность. Профсоюзный билет — по нему оплачивается бюллетень, выдают путевки на лечение. И все. Какой дракон там спрятан!? Возьмем деньги, там тоже есть изображение Ульянова, как на документах, но мы их не выбрасываем. Божие Богу, кесарево кесарю.

Есть научный фанатизм, но в наше время присутствует религиозный фанатизм. А это большой грех".

Часто на проповедях о. Димитрий говорил: "Спешите делать добро. Время бежит быстро. Никто не знает, когда его Господь позовет. Ничего не возьмете с собой, все останется. Только дела пойдут с вами.

Прекратите верить в суеверия, а имейте крепкую веру. Мне жалуются, то им насыпали, подбросили, кошка дорогу перешла. Если поп встретился — нужно вслед ему плюнуть, чтоб неудачи не было, и т. д. Нужно иметь, мои дорогие, веру в силу крестного знамения. И ничто не должно вас страшить. Оградим себя крестным знамением, на вас уже находится духовная броня, и идите с Богом. Если вам повстречается сам диавол, он вам ничего не сможет сделать.

Насыпали вам под дверь (мне тоже такое делали), перекрестись с молитвой, на лопатку, и в печь.

Мне в просфоры иголки вкладывали, а я перекрестил с молитвой, иголки в печь, а просфоры съел.

Трижды меня земле предавали. Ну, и что. Я жив и перед вами сейчас стою. Запомните, выше Бога никого нет. Что мне может сделать человек, когда со мною Бог. „С нами Бог, разумейте, языци, и покаряйтеся, яко с нами Бог!!!"

Дорогие мои, вы мне говорите: некогда молиться. А вы утром встали, пока одеваетесь, читайте „Отче наш". Пищу готовите, читайте „Иисусову молитву".

Идете на ферму — „Да воскреснет Бог", псалмы 50-й, 90-й. До́ите корову — „Богородице, Дево, радуйся" и т. д.".

Многому нас учил батюшка. После чтения Евангелия расскажет, о чем читалось в Евангелии. Перед причастием — о причащении. Перед тем как дать крест — о жизни святого, почитаемого в этот день (тогда книг о жизни святых не было и нам так дороги были сведения о них). И в конце ответы на житейские вопросы.

Батюшка говорил: "Мои дорогие, слушайте, внимайте, никто вам столько рассказывать не будет".

У меня иногда столько возникнет вопросов, как же их задать батюшке, то к нему на прием в выходные дни не попадешь, может только к ночи. Но его надо же щадить. А он на проповеди во время службы или в конце начинает говорить и отвечает на мои вопросы. И так постоянно.

Батюшка всех помнил по имени. Одна женщина пришла к нему, рассказала про свое горе, про сына. Всего раз у него была. Прошло время. Приходит на исповедь, а батюшка говорит: "Марфа, ну как твой сын?" Она после службы восхищалась: "Ну надо же, батюшка всех и все помнит".

О. Димитрий службы служил по памяти, молитвы, ектении наизусть все читал, т. к. плохо видел.

Читает кто на клиросе и делает ошибки, казалось бы, батюшка занят своим делом, не слышит. А он из алтаря поправляет. Ревностно относился к проведению службы. Мне казалось, как батюшка служит, никто так не служил. Все было чинно, четко. Все пелось, все читалось, ничего не опускалось.

Много денег батюшка жертвовал на монастыри (в то время их было мало). Я недоумевала, в монастырях этих он не был, а его там знают.

Батюшка говорил: «Ходите чаще в храм, пока есть такая возможность. Пока поют "Символ веры", "Херувимскую песнь". Если их петь не будут, благодати в храме нет. Будет время, загонять вас будут в храмы палкой, а в них заходить будет нельзя». Я думала: неужели такое может быть? Когда в храм мы ходили, это было преступлением. А тут даже загонять будут.

У батюшки был диабет, язва двенадцатиперстной кишки, осколки в костях ног (ходил круглый год в валенках), оставшиеся от войны. Они ему не давали покоя. Он говорил: "Не шумите в храме, я всю ночь не спал, такая боль, как зубная, и постоянная".

За пять лет до ухода батюшки за штат было ему очень плохо. После службы так говорил, как будто последний раз. Просит прощения, прощается с нами. Мы сначала не поняли, а потом начали все (кто в храме находился) плакать. Прихожане просили Господа, чтоб батюшка еще пожил. Я плакала, а в душе вопила к Господу: "Господи, оставь его нам еще послужить. Что я буду делать без него? Ведь я погибну духовно и физически. Я еще не окрепла в вере. Это крах для нас всех".

Дома, на работе постоянно взывала к небу: "Сжалься, Господи, пусть он поживет немного". Батюшка ожил. Вид у него стал бодренький. Мы все возрадовались. Ух, пронесло!

Потом, когда прошло пять лет, батюшка снова занемог. Стал просить прощения по-особому, начал собираться в тот мир. И в конце сказал: "Отпускайте меня, я уже не в силах".

Я поняла в буквальном смысле и говорю: "Ну, не задерживайте батюшку, быстрей подходите к кресту".

А потом на работе сижу и думаю, почему он так сказал. Т. е. своими молитвами и мольбами, мы удерживаем его».

ИРИНА НИКОЛАЕВНА (92 ГОДА):

«Таких батюшек нет и, наверное, не будет. Настолько был любвеобильный. Многое хотелось бы рассказать. Но памяти нет и говорить мне тяжело. Если б лет пять назад вы пришли.

Батюшка никого никогда не обидел ни словом, ни делом. Он настолько следил за своей речью, чтоб человека даже намеком не обидеть.

Однажды я прихожу в сторожку, а батюшка говорит: "Я не начинаю службу из-за вас. Не имею права сделать возглас, не попросив у вас прощения. Я все обдумал и решил, что был неправ в недавнем нашем разговоре. Поэтому сижу и жду вас, чтобы попросить прощения и начинать службу"».

НИНА ВАСИЛЬЕВНА ТОЛСТАЯ:

«О. Димитрий был большой молитвенник. На работе у меня должна быть ревизия. Было много пробелов, не по моей вине. Мне грозило много неприятностей. Долго рассказывать. Я прибежала к батюшке, все ему рассказала. Он говорит, сейчас помолимся Верховному Судье. Помолился. Все прошло благополучно.

Батюшка — это наша опора была, защита. Чуть что, бежим до батюшки. Нагружаем его своими проблемами, невзгодами. А он терпеливо все нес, вымаливал нас. Всего, конечно, не припомню.

Нам если хорошо стало, то сразу забываем. Одно хочу сказать, любили мы своего пастыря как никого.

Память о нем незабываема. Много людям помогал. Царствие ему Небесное со всеми святыми».

НИНА ВАСИЛЬЕВНА ИГНАТОВА:

«Батюшка был прозорливый. Моя мама пошла с женщиной в лесопосадку за водой. Говорят, в том месте очень вкусная вода. Идем дорогой обратно мимо церкви и думаем: "Вот бы нам водичку эту освятить". Зашли в храм приложиться к иконам. Выходит из алтаря о. Димитрий, говорит: "Вот и посвятим вам сейчас водичку". Мы оторопели.

Захотелось моей дочери воды попить. Батюшка сказал монахине Порфирии подать воды. Матушка была в алтаре (только ей батюшка разрешал заходить в алтарь), вышла и подала маленькой девочке кружку. У меня появилась мысль: "Как это женщина нарушает закон". Многого я ведь не знала. А батюшка: "А ты не думай плохо. И пейте воду".

В 1989 году, в январе, моя мама умерла. Дочка уже выросла. Надо ей сдавать экзамены. Плохие сны ей снятся, что за батюшкой должна и мать пойти. Знакомая женщина говорит: "Давайте поедем к о. Димитрию". Приехали. Начали разговаривать. В заключение батюшка говорит: "Ты не переживай, я немного прозорливый (в шутку). Мама твоя еще лет 30 проживет". Благословил сдать экзамены. Экзамены сдала на 5. А я еще живу».

ВЕРА ЛАВРЕНТЬЕВНА:

«Отцу Димитрию я очень благодарна. Он много сделал для моей семьи советами, молитвами. В любое время к нему приедешь, он всегда рад, окажет тебе внимание, выслушает. Хотя сам очень больной,

немощный. Не жалуется. Только если спросишь, как самочувствие».

ОЛЬГА СТЕПАНОВНА:

«Однажды дочка моя на работе сделала аварию. Последствия непредсказуемые. Я к батюшке со слезами: что делать? «Будем молиться». Акафист читали, долго батюшка молился. Все обошлось нормально.

Всегда находила у о.Димитрия утешение. Все проблемы семейные он решал и помогал нам. Батюшку вспоминаю каждый день, ему жалуюсь, рассказываю, как прежде. Светлая ему память. Нет слов таких, чтобы его охарактеризовать. Это действительно был последователь о. И. Кронштадтского, как он предрекал его матери Ксении. И проповеди пламенные произносил с амвона. И такой же щедрый был. Одну бабушку исповедовал, спросил, как у нее материальное положение. И тайком сунул ей 10 рублей (в советское время это были немалые деньги).

Анатолий, многодетный, рассказывал: «Приду до батюшки со своими проблемами. Он выслушает, посоветует, наложит целую сумку продуктов (что с панихиды ему давали), выпустит через потайной ход, чтоб никто не видел, вдогонку: "Никому не говори". А иногда и денег даст. "Неси все это детям".

Мне внучка Ксения, когда была маленькой, говорила: «Дедушке столько вкуснятины дадут, несут в дом. Я прихожу — ничего нет. Куда оно девается?»

Щедрый был о. Димитрий. Всех жалел, за всех переживал, кому нужно было — помогал чем мог. Чужая боль была его болью».

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА:

«Незадолго до смерти о.Димитрия пошла на Ларинку в собор. Батюшка тогда был за штатом, исповедовал священников в соборе. После службы выходит, взял меня под руку, провел до калитки. По дороге говорит: "Последний раз я веду тебя под руку, и последний раз ты меня видишь". Я не придала словам значения. Потом сообщили печальную новость.

Дома давал указания. Дрова, которые лежали во дворе: "Уберите или накройте чем-нибудь, скоро у нас будет много людей". Спустя несколько дней пророчества его сбылись. Много людей прибыло, чтоб проститься с дорогим батюшкой.

После похорон приехали к нему домой, спрашиваем у матушки Веры: "Не снится батюшка?" — "Да, почти каждый день. Перед смертью патриарха Пимена вижу сон" — прибежал о. Димитрий: "Дай мне самый красивый цветок, какой у тебя есть. Меня благословили встречать очень важного гостя". Я ему дала и проснулась. Наутро сообщили, что умер Патриарх всея Руси Пимен».

КЛЫКОВА ПЕЛАГЕЯ ИГНАТЬЕВНА:

«Батюшка приезжал к нам в больницу, где я работала массажистом, и домой я к нему приходила делать массаж.

Батюшка нам был как отец. Со всеми проблемами бегу к нему. Помог нам деньгами, дал 50 рублей на холодильник (в это время это были большие деньги).

Однажды внучка проглотила фольгу с конфет, которая попала в бронхи. Ей грозила смерть. Прибежала, плачу: "Батюшка, умирает внучка". — "Пусть умирает, будем молиться". Врачи говорят: "Мы сделали все, что

могли. А дальше не знаем". Батюшке передала слова врачей, а он: "Не плачь, еще замуж ее выдашь".

Когда я писала эти строки, к нам зашла внучка, сияющая, прекрасная девушка, вымоленная о.Димитрием».

Далее Пелагея Игнатьевна рассказывает: «Дочке ее молодой человек предложил замуж выйти. Я сказала батюшке, а он: "Зять-то будущий — не крещенный. Будем молиться". И точно не крещенный. Через год он крестился.

Потом дала ему записку с именами родителей зятя, только прочитал имена и говорит: "Они не крещенные". И точно.

Маленькая внучка (4 годика) увидела фотографию батюшки и говорит: "Это наш дедушка (батюшка)?" — "Да!" — "Какой он красивый!! Весь светится!"

Перед смертью говорит мне: "Игнатьевна, я скоро вас брошу".

Кто бы до батюшки ни пришел, он обязательно его выслушает и накормит. Сам голодный, а человека накормит и уже вечером, еле живой, скажет: "Надежда (жена), накорми меня, пожалуйста". И если провожает кого, то обязательно до самой калитки, а потом сам идет домой.

Александра Павловна мне рассказывала со слов батюшки. "Пригласили причастить старого человека. Прихожу к ним. А он сам вышел навстречу. Я подумал — мог бы и сам придти и причаститься. Когда я все совершил, этот человек лег и скончался. Так я пал на колени и со слезами просил прощения"».

БОЛОБЧЕНКО ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ (г. ДОНЕЦК):

«Пришел я к батюшке в 1966 году и был с ним по 1985 год. Привел меня к о.Димитрию Иван Терен-

тьевич, который работал со мной на Путиловском заводе и был пономарем в Авдеевке. Мне трудно было вступать в беседу с батюшкой, я только взирал, наблюдал за ним. Во мне было такое борение. Полностью менялась вся жизнь. Меня он переродил, родил к новой жизни, снял с меня всю тяжесть жизненных ситуаций.

А как совершал батюшка литургию!! Я забывал, где находился. Сила батюшкиного духа меня возродила. Где бы я ни был, везде со мной батюшка, слышу его голос.

Батюшка любил петь. Говорит: "Если вам тяжело, Владимир Григорьевич, садитесь за пианино, играйте и пойте".

Батюшке я сослуживал в алтаре, полностью отдавался, "выползал" из храма. А как он мне радовался! Я как собачка был предан ему, везде его сопровождал, по пятам ходил.

Батюшка говорил: "Вы еще дома, а я уже знаю, с чем вы придете". Про меня говорил, когда на меня нападали: "Он блаженный, вы его не трогайте".

О. Николаю Голембиевскому (покойному теперь) говорил: "Нужно гореть, но не коптить", когда тот нехорошо себя вел, имел пристрастие сильное к спиртному.

Батюшка хоть и плохо видел, но все знал и предупреждал и видел того, кого мы не видели. Однажды говорит: "У меня глазки маленькие, но я все вижу". А вдали (потом, когда мы разглядели) стоял представитель исполкома.

Следили за батюшкой и в дом ломились, который при церкви. Рядом жила Пелагея Лазаревна, ночью она ходила вокруг дома, охраняла батюшку.

О. Александр Шокало, секретарь епархии, раньше говорил: "Он единственный у нас остался

молитвенник, держитесь его". И в конце он его предал. Поступил с ним нехорошо.

О. Зосима часто приходил к о.Димитрию. Мама его пекла просфоры, когда он учился в семинарии. Каждый год на каникулы он приезжал домой. Батюшка служил у престола, а он стоял рядом в алтаре, не высовывался, т. к. следили за всеми и спрашивали: "Кто этот молодой человек?"...

В 1989 году, когда началось возрождение Православия, о.Димитрий сказал: "Это на короткое время". В 1990 году его не стало».

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА КОТЯШ (г. ДОНЕЦК):

«Если хочу от батюшки что-нибудь скрыть, обязательно он меня обличит. Куда ни поеду и хочу скрыть от батюшки, всегда скажет, где была.

На работе неурядица, какие-то неполадки, молчу, ничего не говорю. А батюшка расскажет, что на работе было. Все знал и подсказывал, как лучше поступить.

Раба Божия Анна пришла до батюшки и говорит, что сын с будущей невесткой решили пожениться. А невестка не нравится, вижу, что жизни не будет. Батюшка: "Анна, не волнуйся. Они сами разберутся. Давай помолимся". Прихожу домой, а будущая невестка говорит: "Я передумала. Свадьбы не будет".

Собираюсь я в отпуск, у батюшки беру благословение, а он: "Любовь Ивановна, береги кошелек". И точно. Стою среди людей и чувствую, в карман полезли. Я быстро спохватилась и осталась с кошельком.

Прибежала: "Батюшка! Племяннику 2,5 месяца от рождения, заболел, сейчас в морге. Что делать? Он же не крещенный". — "Ну, привози". Привезла до батюшки, чтоб его крестить, без признаков

жизни. Занесли в крестилку. Младенец задышал. Начал батюшка крестить. Малыш открыл глаза и за батюшкой следил, что тот делает. В конце батюшка сказал: "Ну, Любовь Ивановна, еще на свадьбе гулять будешь. Службу отслужит и женится". Вырос, пошел в армию. После армии поступил в летное училище. Я ему говорю: "Не закончишь летное, батюшка не говорил". И точно. Начались летные учения, а у него проблемы с дыханием. И отчислили.

Я регистрировала в церкви детей при крещении. Батюшка крестил и говорил, кто кем будет (ученым, летчиком, шахтером и т. д.) при помазании. Я мамам говорила, но они не обращали внимания. Про кого я знала, то пророчество сбывалось.

Двум прихожанкам батюшка сказал день кончины. Харитоновне — "на Благовещение умрешь". Ольге Федоровне — "на пасхальной седмице на 85-м году жизни". Все сбылось.

К о.Димитрию пришла Ольга Ивановна (ныне монахиня Олимпиада). Ранее ходила к баптистам. Потом пришла к матушкам огород сажать за плату. Матушки молятся, а она отворачивается. Когда узнали, что она посещает баптистов, направили к батюшке. Пришла и начала танцевать. Так ее в кадушку с водой. После батюшкиных молитв стала к нему ходить. Заболела, признали рак матки. Батюшка: "Ты каждое воскресенье причащайся. Ты еще меня переживешь!" Батюшка молился, и она исцелилась. Врачи назначали уколы, она от них отказалась. Говорит: "Я хочу помучиться". Врачи говорят ей: "Вы не знаете, какие это боли. А туда дальше люди не выдерживают. Бывает одного укола недостаточно, чтоб уменьшить боль". — "Не буду, не хочу. Я полагаюсь на Божию волю". Раздала все свое имущество (жила

она с подселением). И буду умирать». Врач: "Любовь Ивановна, вы на нее как-то подействуйте, ведь она живет у вас пока". Никуда я ее не водила. Ничего она не принимала. Батюшка исцелил.

Потом спустя время Ольга Ивановна попадает в аварию, шла в церковь. Я ее привезла в больницу. Врачи установили — 4-я стадия, операции не подлежит. Взяли анализы, а у нее раковые данные. Спрашивают: "А как она живет?" "Да так и живет", — я им отвечаю. Заключение: на ноги не станет. Отец Димитрий говорит: "Ничего, ты исцелишься".

Возили Ольгу Ивановну в церковь, она усердно молилась, о.Димитрий молился. Ольга Ивановна в результате стала ходить. Когда я привела ее в больницу, врачи настолько удивились, их изумлению не было границ. Проверили анализы. Они такие же остались. Спрашивали, чем лечилась. Она: "Молилась!" Они на колени: "Ольга Ивановна, помолись и за нас!!"

Ольга Ивановна долго жила у меня. Сколько мы анализы ни сдавали, они были такие же. Врачи пожимают плечами, говорят: "Это чудо! Чтоб с такими анализами жил человек, такого в практике еще не было". И постоянно задают вопрос: "А как она живет?" По-моему, у нее и сейчас такие же анализы. Я давно ее водила в больницу. Сейчас она живет при храме Св. Архистратига Михаила в Авдеевке, ослепла, память уже ослабла. Приняла монашеский постриг с именем Олимпиада».

НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА (ДОЧЬ ОТЦА ДИМИТРИЯ):

«Папа никогда не навязывал свое мнение. Говорил всегда тихо, спокойно: "А я бы так поступил..." И всегда получалось так, как он говорил. Батюшка

находился в тени, никогда не высовывался. Если к моему отцу деньги попадали, то тут же уходили. Сколько он их раздал!!!

О. Зосиме предлагали возглавить епархию. Батюшка не благословлял: "Ты дальше архимандрита не ходи, иначе много дров наломаешь", — зная его твердый и настойчивый характер.

Папа всегда держал спокойствие, но однажды одна женщина его так достала, что он не выдержал: "Да, пошла бы ты к Савватию, он тебе все расскажет". В тот период служения в Александровке о.Савватий мог хорошо накричать, а если заслужишь — так и стукнуть.

В последние дни жизни я спросила у папы: "Папенька, когда вы умрете, как мне вас поминать, как скажете, так я исполню".

Батюшка: "Ты не сможешь меня поминать так, как люди будут меня поминать".

Люди спрашивают: "Батюшка, нужно обязательно зажигать лампаду свечой?"

— Хоть лучиной, лишь бы с верой вы это делали».

МАКАРТЫЧЕВА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА (г. ДОНЕЦК):

«У моего отца зрение упало. На грани слепоты. Сказали, срочно делать операцию. Прибежала до батюшки: что делать?

— Пусть идет на операцию.

Когда отцу делали операцию на глазах, батюшка говорит: "Пошли в церковь, помолимся". Молились усердно и снова просили святителя Николая. Операция прошла благополучно. Отец очень хорошо видел потом.

После смерти моего отца я потеряла сон, т. к. отец каждую ночь снился и я была в страхе. Терпения

не хватало, я снова обратилась к о.Димитрию: "Батюшка, родной, помоги, я уже не могу".

Батюшка вышел после службы:

— Иди, больше он тебе не приснится.

С этого дня он больше мне не снился.

Батюшка никогда никого не отпустит не напоив чаем, не утешив человека. Ко всем относился с отцовской любовью, невзирая ни на ранги, ни на положение в обществе.

Отцу Геннадию (ныне покойному) говорит: "Хоть на костылях, но приходи ко мне на похороны". О. Геннадий в недоумении, что это он такое говорит, вроде бы я при здравии.

Умирает батюшка, о.Геннадий ломает ногу. С палочкой приходит на похороны».

АНАСТАСИЯ ЗАЛЕВСКАЯ:

«Я, раба Божия Анастасия, хочу написать об о.Димитрии, о его святых словах, вразумлениях.

Я узнала его по благословению схиархимандрита Серафима (Тяпочкина), который жил в Белгородской области, село Ракитное. Поехала к о.Серафиму с сыном, т. к. был болен. Батюшка нас принял, конечно, но сказал: обратитесь к отцу Димитрию, у вас там есть свой старец. Мы стали спрашивать, где же этот о.Димитрий. Нам объяснили, что в Авдеевке. Ехать нужно автобусом до Мельницы, а там найдете. Поехали мы с другой по Христу сестрицей, тоже Анастасией. Подходим к храму Архангела Михаила, выходит к нам о.Димитрий и спрашивает:

— Откуда вы?

Мы: — Из Донецка.

— А чего вы ко мне?

Анастасия отвечает: "Нас благословил о.Серафим".

Батюшка говорит: "Знаю его. Я так не знаю, но по духу знаю его".

Мы рассказали о сыне. Он сразу предложил отслужить молебен Николаю Угоднику.

Это первый раз мы побывали у него в 1972 году и потом мы ездили, пока он не отошел ко Господу. Это был необыкновенный священник, прозорливый. Однажды приехала ко мне моя сестра Пелагея из Саратова (сейчас она уже покойная) и говорит мне: "Нет ли у тебя знакомого старца?"

Я ей говорю — есть, но он живет где железнодорожный вокзал. Едем к нему. Вот она дорогой рассказывает свою жизнь.

Заходим в его келью, поздоровались, а он сразу Пелагею спрашивает: "Ну что, Пелагея (называет ее имя, хотя первый раз ее видит), тебе Анастасия не рассказывала, а как она живет?"

Одним словом, он знал, о чем мы говорили дорогой.

А еще приходилось с батюшкой беседовать по семейным ситуациям.

Как-то говорю: "Муж выступает на меня, что иду в церковь".

— Что, он не верит?

А я говорю: "Да вроде верит, но непонятно".

Батюшка говорит: "А ведь он знает молитвы Символ веры и „Отче наш"". Я даже не знала, а потом в разговоре пришлось, муж говорит: "Я знаю „Верую"... и „Отче наш"".

Ну, думаю, батюшка все видел и знал, Господь дал ему этот дар.

Много событий было, пока он был жив. Я жила его молитвами, а сейчас остались только воспоминания (что он говорил, то все исполняется).

Ушел наш батюшка. Принимал он всех днем и ночью, откуда бы ни приехали, никогда не отказал

ни в чем, был очень ласковый. Всегда встретит и проводит своими святыми молитвами.

Как-то приехала в храм, как раз был праздник Почаевской иконы Божией Матери. Я стою впереди, недалеко от алтаря, и думаю, как бы поехать в Почаев. Батюшка выходит из алтаря и говорит: "Пора, пора тебе, Анастасия, съездить в Почаев".

Что вы думаете? Я мечтала, а он прочитал мои мысли и в этом году он меня благословил, и поехала, как раз попала на Преображение Господне.

Грехи мои обличал все, все видел и все знал.

В Почаевской лавре стою возле алтаря, где опускают икону Успения Божией Матери, там стоял монах и спросил: "А как ваш светлейший батюшка?" Он видел, что я прехала по благословению нашего батюшки, и в духе видел его».

ВОСПОМИНАНИЯ МАТУШКИ МАРИИ (СУПРУГИ о. ГЕННАДИЯ ТИМКОВА, НЫНЕ ПОКОЙНОГО):

«Первая встреча с о.Димитрием состоялась на Ларинке, где служил мой муж, отца Димитрия тогда поставили духовником.

О. Геннадий утром говорит мне: "Сегодня приедет отец Димитрий, чтоб обязательно взяла благословение, и Леночку подведи обязательно, ей же в школу идти".

Вот на Ларинке стоят люди, и я вместе с ними, ждем батюшку Димитрия. Подъехала машина, остановилась недалеко от меня. Бабушки ринулись вперед, чтоб попасть к батюшке под благословение. Я с дочкой поодаль стала, дала возможность бабушкам первым получить благословение.

О. Димитрий вышел из машины и ласково говорит: "Сестрички! А ну-ка расступитесь. Матушка, идите сюда, я Леночку в школу благословлю. Будешь учиться хорошо", — и поцеловал ее в головку. Действительно, дочка училась хорошо.

Но ведь он впервые нас видел!! Пришли домой, я все рассказала о.Геннадию. Он говорит: "Я же тебе говорил, он прозорливый!"

У о.Геннадия был день Ангела. Я накрыла стол для всех тогда служащих на Ларинке священников, в общем был узкий круг присутствующих. Сделала салат из кальмаров, который всем нравился. Когда попробовала, а кальмары переваренные, вкус никакой. Что делать? Решила не выбрасывать, а поставила на край стола, чтоб никто не попробовал, кроме нас, близких. Сама переживаю.

О. Димитрий говорит: "Матушка, а что это у вас за салат, который стоит самый последний?"

Я ему: "Батюшка, это неудавшийся салат, поэтому я его не предлагаю".

— Ну, дайте попробовать. Попробовав: "Какой чудный салат!" Потом решили все попробовать. Тарелка оказалась пустой.

Батюшка так все расхваливал, благодарил. Поднял мне настроение.

Батюшка Димитрий говорил священникам: "Читайте по книге, не дерзайте наизусть, чтобы не возгордиться. Ибо так может лукавый запутать и ввести в соблазн". Хотя сам читал Евангелие и молитвы наизусть из-за слепоты.

Он был прекрасным пастырем и проповедником.

Отцу Геннадию он как-то ласково сказал: "Ты, батюшка, когда я умру, приходи ко мне на похороны, хоть на костылях, но приходи".

28 января состоялся разговор, 1 февраля батюшка ломает ногу выше колена, а 3 февраля умирает о.Димитрий. Действительно, он прибыл на похороны на костылях. Оставив костыли и опираясь на мое плечо, подходил прощаться с дорогим наставником.

После смерти о.Димитрия отец Геннадий чаще общался с о.Зосимой. Советовался с ним, видел в нем ту же прозорливость.

Во время разговора как-то отец Зосима говорит о.Геннадию: "Извини, но я не смогу быть на твоих похоронах (в то время о.Геннадий сильно болел), но мы с тобой обязательно встретимся у Престола Божия, так дней через 20, 30... 50. А сын твой, когда подрастет, будет за нас молиться у престола... Он еще и владыкой станет".

29 августа о.Геннадий, ввиду болезни еле передвигавшийся, прибыл на похороны о.Зосимы, а в ноябре этого же года его самого не стало.

О. Геннадий говорил моей подруге (ныне покойной Тамаре Семеновне Лыковой): "Придет время, отца Димитрия канонизируют, он будет местночтимым святым"».

КИЛЬГАНКИНА НАТАЛИЯ (НЫНЕ СХИМОНАХИНЯ АМВРОСИЯ НИКОЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ):

«Возле отца Димитрия я находилась много лет. Я ему обязана жизнью. Он для меня столько сделал!! Я ведь сирота. Он мне помогал деньгами, одеждой, продуктами. Никогда не отпустит, чтоб не накормить и что-то дать.

Одним словом, это был Божий слуга. А какие проповеди и наставления!!

Возле него находиться — одно блаженство. Сколько любви у него было к людям. У него не было

плохих и хороших. Учил любви нелицемерной. Призывал к деланию добрых дел.

"Не так, как некоторые, — говорил батюшка, — прости меня, но чтоб ты сдохла"».

ЕФРЕМОВ ПАВЕЛ (Г. МАКЕЕВКА):

«У покойной мамы Анастасии духовным отцом был батюшка Серафим (Тяпочкин) из с. Ракитное Белгородской области.

В начале 80-х годов ввиду слабого здоровья батюшки попасть к нему на прием становилось все труднее. Однажды батюшка сказал: "Поезжайте в Авдеевку, там служит о.Димитрий, я его не видел, но духом друг друга знаем, благословляю". С тех пор вся наша большая семья в любое время дня и ночи ехала к батюшке Димитрию за помощью и советом. Батюшка обладал даром прозорливости. В 1984 году в беседе о будущем он мне сказал, что очень скоро большая наша страна распадется и будем жить материально беднее, но духовно богаче.

В квартире у меня в те годы профорг с работы увидела иконы. И на предприятии началась травля. И вот я еду к батюшке с мыслью: может, мне поставить иконы в шкафчике, чтобы закрывались?

Батюшка встретил нас очень тепло, угостил чаем с медом и пряниками. И вот сидим за столом, беседуем, а батюшка еще ничего о иконах не слышал и говорит: "А иконы, Павлуша, в шкаф ставить не надо". У меня — мороз по коже.

Молитва батюшки была очень сильная. У моей сестры Любови в Запорожье родилась дочь, и мама решила ей на первых порах помочь. Собралась и поехала, а там ее парализовало. После того как мы ее привезли домой, приехал к нам батюшка.

Поисповедовал и причастил. А через месяц мама была уже на ногах.

В 1986 году я ехал с мамой из больницы от брата, и на перекрестке в нас влетает пьяный водитель на "Москвиче", который оказался работником ГАИ, и разбивает наш "Запорожец". Маму в тяжелом состоянии отправляем в больницу.

Все говорили, что в такой ситуации обязательно обвинят меня, т. к. работники ГАИ всегда правы. Я поехал к батюшке, все рассказал, и по его молитвам меня признали правым и машину отремонтировали.

Когда я тяжело заболел желудком, врачи ничем не могли помочь, а батюшка помолился и говорит маме: "Анастасия, а врач-то его — вот" — и показывает на святой угол.

От батюшки мы всегда уходили с радостью на душе, окрыленные его участием, добрым словом и молитвой о нас грешных. В памяти батюшка остался добрым пастырем, мудрым наставником и любящим отцом».

КОСТЕНКО ВАЛЕНТИНА КОНСТАНТИНОВНА:

«Я отца Димитрия знаю, когда он еще служил на Трудовских. В том районе одни шахты, прихожане, следовательно, шахтеры. Время было трудное, денег мало платили. С отцовским терпением батюшка всех выслушивал, входил в положение каждого. Всех жалел, помогал чем мог. Были люди плохие, но он находил к ним подход, и эти люди перерождались. Еще как!

Была Люба, такая языкатая. С ней невозможно было найти общий язык. После бесед с батюшкой эта женщина стала другим человеком, да еще другом семьи».

ХОДОРЧЕНКО НИНА НИКОЛАЕВНА:

«В 1978 году, работая в торговле (начальником КРУ была на тот момент), попадаем мы под суд. По делу проходил 101 человек. Мне грозило 15 лет лишения свободы. Можете представить мое состояние (тогда была молодая — 30 лет). По доносу или по зависти началось громкое дело.

Что делать? Не могу доказать свою невиновность. Знакомая Серафима привозит меня к о.Димитрию. Батюшка: "Нина! Ничего не бойся, в тюрьме сидеть не будешь. Нужно молиться Николаю Угоднику".

Очень часто я к нему ездила. Как выпустят из КПЗ (а меня то сажают, то выпускают), я сразу к батюшке. А добираться было долго и далеко. Ведь живу на Объединенном, это час езды до центра и час до Авдеевки (2 часа в один конец).

Мы с ним долго молились. Он со слезами читал акафисты от начала до конца (а я их заказывала по 5–6). Следующий раз приезжаю, заказываю молебен с чтением акафистов, и снова пять или шесть.

С левой стороны в храме все время стояла одна монахиня (имя ее не помню), однажды она не выдержала и говорит: "Ну что ты мучишь нашего батюшку". Батюшка стоял всегда в валеночках, смиренно со слезами взывал к Богу о моем спасении. Как я ему благодарна!! Только благодаря ему я осталась на свободе. Три раза суд выносил приговор. Сколько пережито! Сколько выстрадала. Первый раз суд объявил мне 15 лет тюрьмы. Потом приостановили, пошли на пересуждение. Второй раз — 8 лет. И третий раз — я иду как свидетель. Батюшка снова повторяет: "Нина, ты в тюрьме никогда не будешь".

Пока шел суд, от меня уходит муж. Я решила повеситься.

Написала завещание. Дала распоряжение о похоронах. Купила бархат на гроб. Все было готово, осталось осуществить задуманное. Приехала к батюшке, все ему рассказала. После беседы во мне все переродилось. Я больше к этой мысли не возвращалась.

Затем спрашиваю у батюшки: "Он (муж) ко мне вернется?" Ничего не говорил, а только с улыбочкой: "Нина, все будет хорошо!" Теперь я понимаю, что правду он не хотел говорить, чтоб не омрачить меня, а неправду сказать не мог.

Спустя время умирает мой отец. Я любила по гадалкам ездить. После беседы с батюшкой — на машину, и поехала к гадалке. Всех гадалок области объездила. Сколько денег отвезла! Две новые машины проездила.

Батюшка: "Нина! Не езди по гадалкам". Да куда там. Характер-то какой был! Батюшка скорбел, наставлял. Ни разу не поругал, даже голоса не повысил.

Не знаю как, но все это исчезло, как будто в землю все ушло.

Однажды батюшка говорит: "Нина, дай обет, что ты что-то полезное сделаешь".

— Какой?

— А пообещай, что ты поедешь в три святых места (Почаев, Печоры Псковские, Сергиев Посад). Молись за него (мужа) Богу, он не виноват.

Уговорила мужа, садимся в машину и едем в Почаев. Дали обещание, что мы повенчаемся. Приехали. Подошла к старцу на исповедь, а он мне: "А я тебя исповедовать не буду, потому что ты не венчанная".

— Вы меня поисповедуйте, и мы с ним повенчаемся.

— А где он? В машине сидит?

— Да.

— Иди за ним.

А сам развернулся и ушел. Пошла я за мужем. Он надевает новую рубашку. Заходим в храм. Муж

зашел и вышел. Не выдержал святости. Я это так поняла, что мы с ним вместе не будем.

Проходит 15 лет. У меня из головы не выходит батюшкина фраза: "Нина, все будет хорошо". А сама думаю, как дальше жить. Батюшки нет, посоветоваться не с кем. Мысленно обращаюсь к батюшке как скажешь, так и будет. Беру попавшуюся книгу "Дорога к старцу" и читаю. Попадается в книге такой эпизод, который соответствует полностью моему случаю.

Женщина в такой ситуации пришла к своему старцу и просит совета. Он говорит ей: "А теперь пойди к своему мужу и скажи — возвращайся ко мне".

Та женщина пришла к мужу в кабинет (он, как и мой муж, занимает высокую должность), посмотрела, и у нее возник вопрос: "Зачем он сейчас мне нужен?" Прошло время, мы стали духовно совсем разными людьми».

КАК ПЫТАЛИСЬ ЗАКРЫТЬ ПОЧАЕВСКУЮ ЛАВРУ (1959–1966)[1]

Сначала решили брать измором и бюрократическими мытарствами, вызывали то в один кабинет, то в другой, то в милицию, то в местное КГБ. На одного человека набрасывалось несколько человек, чаще всего сильно выпивших, с криком, матом, оскорблениями, угрозами, а иногда и с кулаками: мол, время вашего мракобесия кончилось, монастыря уже,

[1] Объятия Отча. Очерки по истории Почаевской лавры. — Свято-Успенская Почаевская лавра. 2000. С. 167–172.

считайте, нет, уходите, пока не посадили. Чуть кто опоздал (все вызовы, как правило, по утрам, во время богослужений), как уже раздается топот сапог по коридору, милиция врывается в келью, опечатывает, вешает замок или устраивает засаду прямо в келье. К игумену Иосифу, семидесятилетнему старцу, прожившему в лавре более сорока лет и после всех угроз так и не пожелавшему из нее уйти, ворвались однажды 16 человек в милицейской форме и штатском, схватили за руки и за ноги и потащили. Отец Иосиф закричал, что из лавры никуда не уйдет, так ему зажали горло, так что он не мог ни кричать, ни дышать. У ворот лавры стояла уже «скорая помощь», о. Иосифа бросили внутрь и отвезли в психиатрическую больницу в город Буданов. Там его насильно постригли, побрили и стали вводить психотропные средства, от которых распухло все тело, особенно ноги, так что он уже был не в состоянии ходить, и это продолжалось почти полгода. Отпустили о. Иосифа лишь по ходатайству родственников и после протестов верующих, но, отпустив, пригрозили, чтобы в лавре он больше не появлялся, иначе из больницы ему не выйти. Это называлось тогда в официальных отчетах «проведением разъяснительной работы в индивидуальном порядке», вняв которой насельники покидали лавру как бы добровольно.

Может быть, лавра переживала и худшие времена в своей истории, но никогда давление на нее не было столь упорным, циничным, систематическим. Цинизм его объясняется тем, что оно было с правовой точки зрения беззаконным. Дело в том, что в советской Конституции существовала знаменитая 124 статья, гарантировавшая свободу совести, свободу слова, свободу собраний. Однако в советском Уголовном

кодексе существовала другая статья, обещавшая три года лагерей каждому, кто станет распространять заведомо ложные измышления о советском общественном и политическом строе, т. е., скажем, утверждать, что Конституция не исполняется. В советской же практике существовала система прописок, полным хозяином которой была милиция или КГБ, так что любой гражданин, живший у себя дома или в монастыре, но прописки не имеющий или ее лишенный, тотчас становился злостным нарушителем паспортного режима, и в этом качестве к нему могли быть применены меры административного или уголовного воздействия. Вот между этими тремя углами или точками: где-то висящей в безвоздушном пространстве и безжизненной Конституцией («Конституция написана для коммунистов, а вы все — лишенцы», — как сказал один милицейский чин выгоняемому монаху), уголовной статьей и пропиской осуществлялась стратегия гонений в те дни.

«Жаль, не даны нам такие права, — вторили милиции работники КГБ, — как в первые годы революции, мы бы с вами и разговаривать не стали, под линеечку всех бы из пулемета перестреляли».

Конституция гонению с пулеметом все же мешала. Но издевательствам с пропиской, волокитой, угрозами и Уголовным кодексом — нисколько. Лишали прописки — монахи не уходили. Увозили насильно — как правило, все возвращались. Брали подписки о выезде из лавры — они не действовали. Тогда заводили административные и уголовные дела и стали давать по году лагерей за нарушение паспортного режима. А жалобы в высшие инстанции могли приравнять к «заведомой клевете».

Таким образом пересудили монахов: игумена Вячеслава (Пассамана), прожившего в лавре 40 лет,

иеромонаха Амвросия (Довганя), иеромонахов Сергия (Соломку), Валериана (Поповича), Дионисия (Комонюка), Владимира (Солдатова), иеродиаконов Антония (Корыстелева), Аппелия (Станкевича), Андрея (Щура), Гавриила (Углицких), монаха Нестора (Онука), Даниила (Клюткина), Григория (Унука) и др.

Помимо судов, был и другой вид репрессий: медицинское обследование. Особенно любили обследовать психическое здоровье иноков, коль скоро вера в Бога считалась пережитком прошлого, и уж если ею «болеют» молодые, стало быть, с психикой у них не все в порядке. Некоторых из монахов прямо из лавры отправляли в соседнюю психиатрическую больницу, ту, что находилась за ее стенами, один из них — Голованов — умер от этого лечения в возрасте 35 лет. Молодые монахи и послушники, не прошедшие службу в армии и получившие ранее на медкомиссии «белый билет» (у одного из них был перебит позвоночник, а другой был почти совершенно слеп), переквалифицировались новой медицинской комиссией и посылались в т. н. стройбат, откуда, впрочем, их скоро отпускали, но в лавру вернуться они уже не могли. Был там и такой сюжет: от имени одного бывшего послушника лавры Иосифа Байдука стали писать атеистические статьи с клеветой на лавру, а когда Иосиф вздумал протестовать, его арестовали, а затем направили в Винницкую психбольницу.

Вот это вместе и по отдельности: издевательства, лишение прописки, медицинские комиссии (помимо психиатрии очень любили органы проверять также на дизентерию и для того насильно забирали в больницы), побои и, наконец, суды и сроки — все это было лишь половиной дела. Другая часть

единого, кем-то, вероятно, заранее разработанного плана по закрытию лавры, и даже, пожалуй, более обширная и беспощадная, но куда менее известная, касалась рядовых верующих, богомольцев, защитников монастыря.

После того как милиция и КГБ высадили свой «десант» прямо в алтарь Успенского собора (о чем рассказывается в письме архимандрита Самуила), люди, выгнанные милицией из монастырского двора, увидев монахов, которых выволакивали из храма и келлий, попытались броситься к ним на защиту. У Святых ворот стоял наряд милиции, который никого не пропускал, тогда люди, обойдя лавру, попытались войти в нее со стороны хозяйственного двора. Но и там ворота были заперты, однако можно было видеть несколько грузовиков, приготовленных, очевидно, для вывоза братии. Толпа стала стучать в ворота, но тут подкатила пожарная машина и на людей обрушились потоки грязной воды. Наконец с помощью скамейки ворота были сломаны, защитники лавры ворвались во двор, но смогли увидеть лишь последнего монаха, которого заталкивали в грузовик. Здесь их ждала милиция, многие после этого были избиты так, что их сразу пришлось отправить в больницу.

С богомольцами было расправляться легче уже потому, что у них не было жилья. Строжайше было запрещено проводить ночь в монастыре, исключения, и то лишь начиная с 70-х годов, делались лишь для богослужений. Еще в 1985 году старенький иеромонах целыми ночами то служил полунощницу, то читал акафисты в храме прп. Антония и Феодосия, где повсюду спали люди, так, чтобы на случай прихода милиции всегда можно было сказать, что идет служба. В 60-е годы милиция обыскивала

квартиры, где останавливались богомольцы, врывалась в дома. За такими домами была установлена слежка, за приют, оказанный богомольцам, можно было поплатиться и штрафами, и увольнением с работы.

Натиск, а лучше сказать, погром лавры, происшедший летом 1963 года, повторился еще раз в ноябре-декабре 1964 года (т. е. уже после снятия Хрущева) и продолжался, хотя и со слабеющей интенсивностью, до самого тысячелетнего юбилея Крещения Руси.

В 1961 году в Почаевской лавре было 140 монахов, через несколько лет их осталось только 35. И все же монастырь выстоял. В эпоху, когда храмы закрывались сотнями (были периоды, когда по стране было закрыто 150 церквей ежедневно), когда душили монастыри, когда не постеснялись превратить в музей даже великую Киево-Печерскую лавру, колыбель древнерусского христианства, Почаев со всеми потерями, муками, избиениями, бесчестиями, даже убийствами, сумел выдержать многолетнюю осаду, хотя и находился вдалеке от всяких центров, в украинской «глубинке», иностранцами посещался мало и, должно быть, уже мысленно расталкивался и ставился на дележ любителями превращать храмы в зернохранилища, кинотеатры или колонии для малолетних преступников. В чем же дело? Вопрос этот, вероятно, не раз возникнет перед будущими историками, которые будут изучать историю Русской Церкви в нашем уходящем веке. Как мог тогда уцелеть Почаев?

Мы не можем оценить силы молитв или заступничества Матери Божией; это входит в тайну Промысла, которую людям знать до конца не дано. Но говоря о человеческой стороне дела, следует прежде

всего помянуть мужество и смиренную стойкость монахов, не уступавших, не принимавших покорно наглости творящегося над ними насилия. Почти все, кого выгоняли или с побоями выволакивали из лавры, в конце концов возвращались. Был арестован даже наместник лавры архимандрит Севастиан и долгое время провел под домашним арестом во Львове. И все же лавра стояла. «Наши старички говорили: надо держаться, — рассказывал архимандрит Аппелий (Станкевич), имевший три судимости за то, что не хотел уходить из лавры. — И мы держались. Хотя тогда никто и не думал, что лавра останется».

Лавра осталась, еще раз защищенная от враждебных сил покровом Матери Божией и верой живущих в ней молитвенников. Хотя, надо сказать, не было уже того сатанинского натиска на Церковь, что пришелся на первые четверть века после Октябрьского переворота. Гонители действовали скорее по инструкции, по бумажке, по телефонному распоряжению, чем по «вдохновению» и личной злобе, хотя всячески и распаляли себя. Если после революции налетчики на Церковь, как правило, хватали через край и делали больше того, что им приказывали, то в 60-е годы делали уже меньше и без души. «Я не от себя, мне приказано», — можно было слышать от рядовых милиционеров, а те высокие чиновники в Москве, куда насельники лавры изредка добирались с жалобами, старались, как правило со лживой, трусливой официальностью, отправить их в другой кабинет. Были, конечно, «энтузиасты» гонений, садисты и насильники по природе, но были и те, в ком тайно подавала свой голос совесть, и их-то, наверное, было большинство.

Конечно, и для монахов не прошло это время даром. Много было душевных потерь и физических мук, немало было потом и преждевременных смертей, не говоря уже об украденных часах молитвы. Один старый архимандрит, фронтовик с боевыми орденами, прошедший войну от Луцка до Берлина, сказал: «Я прошел всю войну, был под обстрелом много раз, был под бомбами, всякое видел, со смертью встречался сколько раз, но здесь, я вам скажу точно, здесь было хуже. На сердце хуже было».

В 1965 году на празднование обретения честных мощей преподобного Иова лавру посетил митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен. Он подарил обители список с Владимирской иконы Богоматери, покровительницы Москвы. Этот дар был знаком или вестью о том, что Матерь Божия, явленная в Своих чудотворных иконах и простирающая Свой покров над Церковью, сбережет и Почаевскую лавру, поможет ей выстоять, как помогла три века назад во время «агарянского нашествия»...

АРХИЕПИСКОП ЕРМОГЕН (ГОЛУБЕВ)[1]

Высокопреосвященный архиепископ Ермоген (в миру Алексей Степанович Голубев) родился 3 марта 1896 года в Киеве в семье профессора Киевской духовной академии и Киевского университета, доктора церковной истории С. Т. Голубева. Призванный служить Богу и Его Святой Церкви, Алексий Голубев с юных лет развивал свои богатые дарования.

[1] *Регельсон Л. Л.* http://www.apocalyptism.ru/Hermogen-Tumen.htm.

В 1915 году он с серебряной медалью окончил гимназию и поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1919 году со степенью магистра богословия. После окончания академии молодой богослов решил всецело посвятить всю свою жизнь Богу и поэтому не замедлил принять монашеские обеты.

25 августа (7 сентября) 1919 года в Даниловом монастыре Москвы монах Ермоген был рукоположен во иеродиакона и вскоре был переведен в качестве миссионера в Киево-Печерскую лавру. В 1921 году, в праздник Успения Божией Матери, иеродьякон Ермоген Святейшим Патриархом Тихоном был рукоположен в сан иеромонаха, а в 1923 году был удостоен сана архимандрита. В этом же году архимандрит Ермоген был привлечен к уголовной ответственности и был выслан на два года из Киева[1]. В 1926 году архимандрит Ермоген, по возвращении в обитель, был избран братией настоятелем лавры. Количество братии Киево-Печерской лавры в то время было более шестисот человек[2].

Время правления архимандрита Ермогена монастырем было тяжелое. Все лаврские храмы были заняты обновленцами, поэтому богослужения приходилось совершать в Ольгинской церкви города Киева.

В 1931 году будущий архипастырь был арестован и судим за контрреволюционную деятельность (за «создание подпольной организации, ставившей целью свержение советской власти»)[3]. Вероятно, срок заключения архимандрита Ермогена длился до 1945 года, ибо никаких сведений о его деятельности в этот период нет.

---

[1] ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 72. (В документе причина ареста не указана).

[2] *Архиепископ Иоанн (Снычев).* Русские Православные иерархи периода с 1966 по 1975 г. (вкл.). Машинопись. Куйбышев. 1976. Ч. 1. С. 138 (Библиотека МДА).

[3] ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.

С марта 1945 года о. Ермоген проходил пастырское служение на приходах Астраханской епархии, одно время был настоятелем кафедрального собора и благочинным астраханских церквей. С сентября 1948 года по январь 1953 года архимандрит Ермоген был настоятелем Покровского собора в Самарканде.

С начала 50-х годов о. Ермоген приложил немало трудов по реставрации и постройке в епархии новых храмов. Так, например, его стараниями был построен кафедральный собор в городе Ташкенте[1]. 1 марта 1953 года в патриаршем Богоявленском соборе в Москве Святейшим Патриархом Алексием, митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем и архиепископом Можайским Макарием архимандрит Ермоген был рукоположен во епископа на Ташкентскую кафедру. При наречении во епископа архимандрит Ермоген говорил: «В глубоком смирении склоняю свою главу пред державною волею Божиею и вашим избранием и прошу Его помощи, прошу Его милости и ваших святых молитв... Я рад, что могу свидетельствовать не только перед Вами, но и пред Всею Церковью, что мое прошлое — в Боге. Для Господа я еще в дни своей юности отказался от многого... Ему я отдал свое сердце, для Него работала моя мысль. Ему служила моя воля. И если я как человек согрешал, то никогда от Него, своего Господа, не отступал, всегда был верен Святой Его Церкви...»[2]

После епископской хиротонии владыка Ермоген усугубил усилия по строительству храмов. С этого времени государственная власть, и ранее

[1] *Данилушкин М. Б., Никольская Т. К. и др.* История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Том 1: 1917–1970. СПб. Воскресение. 1997. С. 408.

[2] Цит. по: *Архимандрит Афанасий (Кудюк).* Высокопреосвященный архиепископ Ермоген (Голубев)//ЖМП. 1978. № 11. С. 21.

смотревшая на деятельность этого подвижника Церкви с большим опасением, начинает сначала скрыто, а затем и явно преследовать его. В отчете в Москву ташкентский уполномоченный сообщал, что епископ Ермоген, получив отказы на строительство храмов, под видом ремонта фактически сумел построить несколько новых и развернул широкую благотворительную деятельность[1]. Помимо управления своей обширной епархией, владыка Ермоген до 1958 года окормлял и соседнюю Алма-Атинскую епархию.

В 1958 году владыка был возведен в сан архиепископа. Во время хрущевских гонений на Церковь архиепископ Ермоген проявил достаточно мужества и усердия в деле защиты своей паствы. Благодаря этому безбожным властям не удалось закрыть ни одного храма в его епархии[2]. Архиепископ Ермоген, «являясь одним из реакционных приверженцев РПЦ, принимает активные меры к укреплению материальной базы Церкви и распространению религиозных воззрений на сознание советских людей», — так охарактеризовал владыку Совет по делам РПЦ при Совмине СССР. В 1959 году уполномоченный по делам религии Узбекской ССР писал: «Наблюдение за деятельностью... архиепископа Ермогена убедило меня в том, что он весьма враждебно настроен к советской действительности. Не довольствуясь ролью, которая определена советским государством Церкви, Ермоген в своей деятельности грубо попирал социалистическую законность. Будучи приверженцем врага советского строя — бывшего патриарха Тихона, этот прожженный церковник

[1] *Данилушкин М. Б., Никольская Т. К. и др.* Указ. соч. С. 467.

[2] Там же. С. 953.

стремится крестом и рублем укрепить устои РПЦ...» Такие «похвалы» богоборцев надо было все-таки заслужить. Что же так тревожило власти? Прежде всего необходимо вспомнить, что конец 50-х — время возобновления гонений на Церковь, закрытия храмов, преследования активных проповедников Православия. А здесь, в Ташкенте, этом «образцово-показательном» символе социалистической Азии, вдруг возводится огромный, вмещающий до 4000 молящихся Успенский кафедральный собор. Само собой разумеется, что разрешение на такое строительство получить от властей было невозможно. Тогда Владыка идет на хитрость. Он берет разрешение на реставрацию старой церкви, находящейся в приспособленном здании, и тут же начинает стремительное строительство собора. Храм возводился вокруг старой церкви, и до конца строительства здесь шли ежедневные службы. Власти опомнились, начались запросы, выяснения, согласования. Пока громоздкая бюрократическая машина со скрипом двинулась и строительство запретили, было уже поздно — храм стоял. Так же стремительно был построен и храм в Самарканде. Прекрасно знающий светские законы и принципы работы советской бюрократии, владыка Ермоген нередко ставил местные власти в тупик.

Кроме вышеназванных храмов, под руководством архиепископа Ермогена были построены новый собор в Ашхабаде, большая каменная крещальня в г. Фрунзе (современный Бишкек), отреставрированы и восстановлены храмы Самарканда, Красноводска, Мары. В результате бескомпромиссной позиции правящего архиерея влияние и авторитет РПЦ в Средней Азии значительно укрепились. «Подобная деятельность Ермогена не могла не привести

к укреплению в республике позиций Церкви и духовенства, чего нельзя было допускать в современных условиях», — констатирует узбекский уполномоченный. Начинается последовательная травля, усиливается неприкрытое давление на руководство Церкви. В результате в 1960 году архиепископ Ермоген снят со Среднеазиатской кафедры и отправлен «в отпуск»... «Отпуск» затянулся на 1,5 года, и владыке пришлось писать лично Хрущеву, чтобы Совет перестал противиться его назначению на новую кафедру»[1]. Этот «отпуск» владыка отбывал сначала в Белорусском Жировицком, а затем Одесском монастырях. Закончился он только в 1962 году, когда Святейший Патриарх Алексий I (Симанский), который по всей видимости симпатизировал и покровительствовал гонимому подвижнику (о чем говорят и доклады уполномоченных), возводит его на Омскую кафедру.

В 1961 году, когда подготавливалась к принятию новая радикальная реформа приходского управления, архиепископ Ермоген высказал свое несогласие с ее проектом, и поэтому, как епископ, от которого можно было ожидать возражений и критических выступлений, не был приглашен на Архиерейский Собор 18 июля 1961 года. Несмотря на это, владыка Ермоген все равно прибыл в Троице-Сергиеву лавру, но на заседания собора допущен не был.

13 июня 1962 года Высокопреосвященный архиепископ Ермоген был назначен управляющим Омско-Тюменской епархией[2]. По вступлении в должность и ознакомлении с делами в епархии архиепископ Ермоген посетил уполномоченного

[1] *Данилушкин М. Б., Никольская Т. К. и др.* Указ. соч. С. 474.

[2] Определения Священного Синода//ЖМП. 1962. № 7. С. 36.

Совета. В личной беседе с ним владыка сообщил, что в вверенной ему епархии много беспорядков, но он приложит все силы, чтобы в рамках законодательства о культах упорядочить все дела. Также архипастырь выразил свое несогласие с существующей практикой контроля за деятельностью духовенства и Церкви в целом. Особое его возмущение вызывало то, что священнослужителям во всех вопросах приходилось зависеть от уполномоченного. (Доходило до того, что без разрешения уполномоченного заштатный клирик не имел права надеть в храме облачения, не говоря уже о совершении им богослужения. — *Примеч. авт.*). Владыка Ермоген заявил, что он не за дух закона о религиозных культах (т. е. не за содержание, которое можно толковать по-разному), а за букву (т. е. за прямой смысл толкования, толковать как написано) и что нужно добиться, чтобы декрет В. И. Ленина выполнялся неукоснительно[1]. Нужно отметить, что архиепископ Ермоген специально изучил сочинения классиков марксизма-ленинизма по вопросу религии и постоянно ссылался на них, тем самым показывая, как противоречит окружающая действительность их содержанию.

Владыка сообщил уполномоченному, что он написал на имя Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева обстоятельную докладную записку, в которой сообщил все положения советского законодательства, с которыми был не согласен[2].

Вот как описывал эту беседу и свои первые впечатления об архипастыре уполномоченный Совета Бутюгов И. в отчете в Москву: «... Из текста своей

[1] ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 69.

[2] Там же. Л. 56.

докладной записки он цитировал места, явно односторонне освещающие вопрос отделения Церкви от государства. В конечном итоге он договорился до того, что надо очень серьезно посмотреть, кто проводит партийную линию в вопросе контроля деятельности Русской Православной Церкви и нет ли тут вредительства. На протяжении всей беседы он подтасовывал те положения, которые были выгодны в деле укрепления позиций Русской Православной Церкви. Привел он также цитату из статьи в журнале «Коммунист» № 5 за 1962 г. Философские заветы В. И. Ленина.

Из бесед с архиепископом я пришел к выводу, что он один из иерархов, который ведет наступательную политику, он теоретически подготовлен, это «опытный волк», который знает, на какую педаль нажать в любом вопросе укрепления позиций Православной Церкви, он далек от безоговорочного выполнения установленных положений о культах, он явно реакционен»[1].

Первые два месяца после прибытия в епархию владыка Ермоген находился в поездках. За это время он посетил некоторые приходы епархии и Москву[2].

В конце июля 1963 года в епархии была закрыта еще одна церковь — в селе Чуртан Викуловского района Тюменской области. Причиной закрытия храма послужило решение верующих закрыть храм. По этому же решению все ценности храма были переданы государству. (Конечно, сейчас уже трудно установить истинную причину закрытия храма. Амбициозные статьи прессы тех лет вполне могли скрывать под благовидными выражениями

[1] ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 57.

[2] Там же. Л. 71.

примененные на деле насильственные методы, которые предпринимались атеистами для достижения желаемой цели. — *Примеч. авт.*)[1]. По решению Викуловского райисполкома здание Покровского храма было передано под чайную[2]. Также в 1962–1963 годах в епархии были закрыты храмы в селе Пятково Упоровского района[3] и в селе Слобода-Бешкиль[4].

Архиепископ Ермоген, видя беззаконие и произвол властей, допущенные в деле закрытия храмов, попытался путем сбора подписей жителей вышеуказанных сел организовать подачу протеста в центральные вышестоящие инстанции и добиться открытия церквей. Для достижения этой цели владыка уполномочил некоторых прихожан закрытых храмов обойти жителей. Вот как были описаны действия архипастыря и тех верующих в тюменской прессе: «... Гермоген и его приспешники, преследуя корыстные цели наживы, разработали «операцию» по сбору списков. Чтобы создать видимость массового ходатайства об открытии церкви, гонцам епархии был дан наказ собирать «списки» по всему району, не указывая местожительство граждан, — будто люди проживают в Чуртане и являются прихожанами этой церкви. Организаторы операции знали, что местным властям известно действительное положение

[1] *Давыдов В.* Почему закрыли церковь в Чуртане//Тюменский комсомолец. 5 авг. 1962 г. С. 4.

[2] Черные дни русского Православия: (Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917–1965 г.)/Сост. А. В. Чернышов. Тюмень. 1992. С. 173.

[3] Там же. С. 71.

[4] *Сапожников А.* Смолкли колокола в селе Бешкиль.../Тюменская правда. № 268. 15 ноября 1963 г. С. 2.

дел в Чуртане. Было решено ввести в заблуждение центральные органы, представив туда фальшивые списки и жалобы, и, таким образом, незаконно открыть церковь. Подобная же идеологическая диверсия, по наущению архиепископа Ермогена, была предпринята и в Ялуторовском районе — по открытию церкви в селе Слобода-Бешкиль... Но и эта операция провалилась. Зачинщики похода, сеятели темноты и невежества, фальсификаторы заявлений-жалоб разоблачены и привлекаются к уголовной ответственности»[1].

В октябре 1962 года архиепископ Ермоген предпринял вторую поездку в Москву[2]. Целью поездки было посещение председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Куроедова В. А. При июльской с ним встрече в Москве владыка высказал намерение направить в форме письма на имя председателя Совета ряд мыслей и соображений в связи с проводимой в то время научно-атеистической пропагандой. К осени архипастырь завершил этот труд, в котором ярко описал грубые ошибки и перегибы атеистов[3]. Это письмо владыка лично отвез В. А. Куроедову.

11 мая 1963 года «в ознаменование 50-летия служения Святейшего Патриарха Святой Православной Церкви в епископском сане и в память совместного церковного служения» архиепископ Ермоген указом Святейшего Патриарха Алексия, наряду с другими епископами Русской Церкви, был награжден правом ношения креста на клобуке[4].

---

[1] *Покровский А.* Шипят беззубые рты//Тюменская правда. № 195. 20 авг. 1963. С. 3.

[2] ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 71.

[3] Письмо находится: ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 10–36.

[4] Награждения архиереев Русской Православной Церкви//ЖМП. 1963. № 6. С. 10.

29 мая 1963 года последовало Синодальное распоряжение, по которому архиепископ Омский Ермоген переводился в Калужскую и Боровскую епархию[1].

В то время Калужская епархия представляла собой безрадостную картину: после очередной волны гонений на Церковь здесь сохранилось только 28 храмов; 12 районов области не имели храмов вообще. С приходом владыки Ермогена богослужебным и духовным центром епархии фактически становится Никольский храм, где и настоятель отец Яков Володин и староста Чеботарева оказались с новым архиепископом очень близкими по духу и убеждениям. Вскоре архиерейские богослужения в «Николе» перестали быть редкостью, совершались они с глубоким благоговением, сопровождались проникновенными поучениями и потому привлекали массы народа. Совет по делам РПЦ начинает проводить «нейтрализацию» непокорного архиерея. Применяется и прямой нажим на самого владыку, заключавшийся в постоянных вызовах «для бесед», «указаний на недопустимость...», строгих предупреждениях и т. д. Одновременно идут попытки его изоляции — через удаление от него верных ему священнослужителей и мирян, через попытки компрометации самого владыки в глазах верующих. Организуются «жалобы прихожан» на правящего архиерея и близких ему «неблагонадежных» священнослужителей. «Следует также указать, что архиепископ Ермоген расходует деньги епархии для благотворительных целей, что делать воспрещается», — строчит донос уполномоченный.

Владыка отвечает поддержкой бедных приходов, уменьшением в два раза «добровольно-при-

[1] Определения Священного Синода//ЖМП. 1963. № 7. С. 9.

нудительного» взноса в Фонд мира, оживлением и укреплением приходской жизни, ремонтом обветшавших храмов, привлечением в епархию молодых активных священнослужителей, имеющих духовное образование, для проживания которых в двух частных калужских домах была организована своего рода подпольная гостиница. Кроме того, он начинает отправлять за штат священнослужителей, скомпрометировавших себя небескорыстными «заигрываниями» с советской властью. Когда уполномоченный на очередной «беседе» указал на недопустимость таких увольнений, владыка Ермоген с иронией заметил, что, конечно, в интересах антирелигиозной пропаганды такой поп является весьма полезной фигурой, но его, как православного архиерея, такие горе-священники совсем не удовлетворяют.

В противовес подобной принципиальности непокорного «церковника» власти начинают лихорадочно создавать комиссии «по контролю за соблюдением законодательства о культах» для «изучения контингента лиц, посещающих церкви, пресечения незаконного крещения детей, выявления активных членов общин» и т. д. В июле 1963 года Калужский облисполком принимает решение «Об ограничении деятельности церковников», а с 1964 года начинается позорная борьба с церковным звоном. Вдруг оказывается, что церковный звон «отрицательно сказывается на психике», «нарушает педагогический процесс», «нарушает быт граждан», «мешает труду молящихся» и т. д. По всей области разворачивается массовое чтение пропагандистских антирелигиозных лекций (в 1965 году их было проведено 2768, в среднем по 7 лекций в день), создаются школы научного

атеизма. Но все эти огромные затраты не приносили результата.

В 1965 году уполномоченный Калужской области бьет тревогу: «Усиливается влияние православия на население. Практически во всех церквах имело место увеличение доходности и обрядности, что в свою очередь свидетельствовало о большей посещаемости храмов верующими». В Козельском районе открыто крестилось 60% детей и в Малоярославецком — до 87%, причем ежегодно крещений становилось все больше. Резко возросло количество верующих.

Летом 1965 года архиепископ Ермоген составил проект петиции на имя Патриарха, в которой выразил свое несогласие с решениями Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 18 июля 1961 года, касающимися реформы приходского управления. Владыка Ермоген предложил внести в устав некоторые поправки, в частности ввести настоятелей в состав приходского совета в качестве председателей. Архипастырь считал, что настоятель храма не должен оставаться посторонним наблюдателем, а быть активным участником как в духовной, так и в хозяйственной жизни своего прихода.

Такое предложение архиепископа Ермогена поддержали некоторые архиереи (одним из них был бывший Омский архипастырь архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий). — *Примеч. авт.*), но путь к изменению принятого на Соборе положения был закрыт[1].

Результатом этой смелой попытки было увольнение архиепископа Калужского Ермогена на покой (25 ноября 1965 г.). Ему было определено жить

[1] *Епископ Григорий (Граббе).* Русская Церковь перед лицом господствующего зла. — Джорданвилль. 1991. С. 95.

на покое в числе братии Жировицкого монастыря с правом служения в нем и находиться в ведении епископа Минского и Белорусского[1]. Но архиепископ Ермоген, неутомимый борец за церковную правду, на этом не успокоился и продолжал письменно обращаться к патриарху, в Синод, а также и к другим архиереям со своими предложениями по разным церковным вопросам.

В декабре 1967 года владыка составил и направил патриарху документ, озаглавленный «К 50-летию восстановления патриаршества. Историко-каноническая и юридическая справка», в котором подверг резкой критике строй высшего церковного управления, установленный Поместным Собором 1945 года, предлагая вернуться к той схеме высшего управления, которая была разработана на Соборе 1917–1918 годов[2]. «Горечь и боль за Церковь, попираемую внешними врагами, вольными, а чаще невольными помощниками которых в силу различных причин становились и церковные люди, толкали архиепископа Ермогена на крайне жесткие и, может быть, не вполне справедливые характеристики своих собратий» (Справка владыки Ермогена затрагивала разные стороны церковного управления: избрание патриарха, Синода, порядок поставления архиереев, а также и самую больную тему — приходское управление)[3].

Вскоре после этого архиепископ Ермоген был вызван в Синод, который, после длительных бесед

[1] *Архиепископ Иоанн (Снычев).* Указ. соч. С. 140.

[2] *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. Московская Патриархия: Хроника, 1994. С. 266.

[3] *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. Книга 9. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 410.

с архипастырем, своим постановлением от 30 июля 1968 года признал его деятельность «неполезной для Церкви» и осудил ее особым определением[1]. Архиепископ Ермоген был строго предупрежден, что если он будет продолжать вредную для мира церковного деятельность, то к нему будут применены меры прещения[2]. Кроме того, Синод посчитал, что назначение архиепископа Ермогена в данное время на епископскую кафедру является невозможным и неполезным, и благословил ему дальнейшее проживание в Жировицком монастыре[3].

Здесь владыка продолжает жизнь настоящего монаха и молитвенника и вскоре приобретает огромный духовный авторитет у насельников. Предчувствуя близкую кончину, владыка завещает похоронить его в родном Киеве. На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, 7 апреля 1978 года, в день смерти Святейшего Патриарха Тихона, владыка Ермоген предал свою душу Господу, служению Которому он посвятил всю свою жизнь. Даже мертвое его тело вызывало опасение у властей, которые почти две недели не давали разрешения на перевоз его в Киев. Несмотря на столь длительный срок, тело архипастыря, по воспоминаниям очевидцев, не только не подверглось тлению, но и источало благоухание. В настоящее время его прах покоится на Корчеватском кладбище города Киева, среди могил своих родных и близких[4].

---

[1] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. — М.: Пропилеи. 1995. С. 77–78.

[2] *Архиепископ Иоанн (Снычев).* Указ. соч. С. 140.

[3] Там же. С. 140.

[4] *Архимандрит Афанасий (Кудюк).* Указ. соч. С. 21.

АРХИЕПИСКОП ПАВЕЛ (ГОЛЫШЕВ)

Архиепископ Павел — в миру Евгений Павлович Голышев родился 6 (19) сентября 1914 года в городе Екатеринославе (сейчас Днепропетровск) в семье местного помещика — инженера Павла Кирилловича Голышева. В конце 1918 года семья Голышевых эмигрировала за границу: сначала в Турцию, затем во Францию и окончательно поселилась в Бельгии. Евгений с отличием окончил местный колледж. И вот как он сам писал о дальнейшем выборе своего жизненного пути: «Богу было угодно, чтобы еще в детстве я был воспитан в страхе Божьем, в любви, послушании и преданности Православию, и это воспитание определило во мне стремление к богословскому образованию. Мое поступление в Русский Парижский Богословский институт было несомненным произволением Божием о мне». Вспоминая о времени своей учебы в институте, владыка Павел всегда тепло и с любовью отзывался о митрополите Евлогии (Георгиевском), основателе и попечителе этого учебного заведения. Митрополит также полюбил Евгения и часто приглашал его в свои покои для непринужденных бесед. По окончании института Евгений принял монашество с именем Павел и вскоре был рукоположен в иеродиакона, а затем и в иеромонаха. Первые шаги своего пастырского служения иеромонах Павел сделал в Парижском Александро-Невском соборе, а затем по поручению митрополита Евлогия в разных приходах французских городов: в Туре, Тулузе, Нанси, Тулоне и др. Владыка вспоминал: «Бывало, пригласит меня к себе

митрополит Евлогий и скажет: вот там-то проштрафился священник, и приход опустел, поезжай, мой милый, туда, устрой там все как следует, и я, конечно, ехал. Такой разговор с митрополитом Евлогием повторялся, и я опять отправлялся туда, где нужно было кого-то заменить, что-то наладить и устроить. Можно сказать, я был на положении посла и от этой обязанности никогда не устранялся».

Во время Второй мировой войны, когда Франция была оккупирована фашистами, иеромонах Павел служил в церкви города Тулона. Он часто посещал размещавшийся здесь лагерь военнопленных, где очень много было пленных из России. И здесь он беседовал с ними, причащал больных запасными Дарами. Такая его связь с лагерем показалась вредной местным властям, и иеромонах Павел был арестован и доставлен в Париж. К счастью, арест этот длился всего 2 дня, и он был освобожден. В 1946 году скончался благодетель иеромонаха Павла митрополит Евлогий. В том же году скончался его отец.

Митрополит Евлогий перед своей смертью призывал свою эмигрантскую паству к возвращению домой:

«Мать — Святая Церковь Русская зовет нас к возвращению в лоно свое. Уклонимся ли мы от этого материнского призыва? Довольно настрадалась душа наша в изгнании на чужбине. Пора домой. Высшая церковная власть обещает нам спокойное развитие церковной жизни. Хочется облобызать родную русскую землю. Хочется успокоения в лоне родной Матери-Церкви и нам, старикам, чтобы найти последнее упокоение, а молодым и зрелым — чтобы поработать над возрождением Родины, залечить ее зияющие раны. Без страха и сомнения, без

смущения войдем в родную землю: она так хороша, так прекрасна...»[1]

Владыка Павел так рассказывал о посещавших его в то время мыслях: «Мы остались втроем — три брата; двое обзавелись семьями — им было не до меня — одинокого монаха. Мысль, что я должен вернуться на родину и послужить русскому православному народу, владела мною давно, и вот теперь, когда многие из эмигрантов потянулись в родные края, я понял, что наступила и моя очередь увидеть свою Родину, жить и трудиться для верующего народа, и я поехал».

По возвращении на Родину, уже в сане игумена, отец Павел был принят в число братии Троице-Сергиевой лавры, исполняя там послушание казначея. Затем он был назначен преподавателем Одесской духовной семинарии, откуда переведен на ту же должность в Ленинградскую духовную семинарию и Духовную академию. Некоторое время он состоял в должности секретаря учебного комитета Патриархии, затем служил на приходах г. Георгиевска и Кисловодска. Отсюда же он и был призван к епископству.

7 июля 1957 года в Москве, в церкви Петра и Павла, что у Преображенской заставы, состоялась хиротония архимандрита Павла во епископа Пермского и Соликамского. Хиротонию совершали митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), архиепископ Финляндский Павел (Ольмари) и епископ Чкаловский Михаил (Воскресенский).

Назначение епископа Павла в Пермь совпало с началом широкого наступления на религию в СССР. Его первый этап исследователи связывают

[1] *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни: Воспоминания. — М.: 1994. С. 613.

с постановлениями Совета Министров СССР от 16 октября 1958 года «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», или, как его еще называют, «О свечном налоге», и «О монастырях в СССР», имевших целью подорвать материальное положение Православной Церкви и максимально сократить численность ее монастырей.

После временного снижения темпов антирелигиозной кампании гонения на Церковь продолжились с новой силой. На состоявшемся в январе 1959 года XXI съезде КПСС был одобрен семилетний план развития народного хозяйства СССР. Некоторые исследователи предполагают, что после него было также принято секретное постановление ЦК КПСС, предписывавшее «в основном решить судьбу Церкви за годы выполнения семилетнего плана».

В целях ограничения единовластия настоятелей и принижения авторитета духовенства 22 апреля 1959 года Совет по делам Русской Православной Церкви направил своим уполномоченным инструктивное письмо «О введении регистрации членов исполнительных органов и ревизионных комиссий приходских церквей». В подобном письме от 12 июня того же года требовалось прекратить благотворительную деятельность религиозных организаций, принять меры к полному прекращению ходатайств об открытии храмов. 29 августа последовал указ об ограничении совершения треб духовенством в домах верующих.

Новой жесткой мерой в борьбе с Церковью стало постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 года «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Власти окончательно утвердились в желании максимально

быстро уничтожить Церковь и решили вмешаться в ее внутреннюю жизнь. В постановлении отмечалось сосредоточение в руках священнослужителей руководства приходами и использование ими этого обстоятельства для укрепления и распространения религии[1].

Епископ Павел прибыл в Пермь на самолете 9 июля 1957 года. По воспоминаниям очевидцев, встречавших удивило отсутствие у владыки чемоданов. Епископ вышел из самолета с одним портфелем. На вопрос епархиального секретаря протоиерея Михаила Лукканена: «Владыка, где же ваши вещи?» Преосвященный Павел ответил: «Я монах, все мои вещи здесь». В тот же вечер владыка возглавил всенощное бдение в соборе. Личность нового Пермского архиерея-репатрианта, выросшего в эмигрантской среде и имевшего большие связи за рубежом, вызвала у местных властей нескрываемую тревогу. Председатель Совета Г. Г. Карпов в письме от 29 сентября 1958 года дал письменную инструкцию уполномоченному П. С. Горбунову и Пермскому облисполкому относительно взаимоотношений с епископом: «Павел долгое время находился за границей, недавно посвящен во епископа, и некоторые вопросы ему мало знакомы. Ваши рекомендации надо делать умело и осторожно, чтобы они не воспринимались им отрицательно и не нарушали сложившихся взаимоотношений в работе». Такая установка Москвы несомненно связывала руки П. С. Горбунову. Пермские советские чиновники боялись утечки политического негатива за рубеж, и это

[1] *Протоиерей Алексий Марченко.* Пермская епархия в годы хрущевских гонений. Служение епископа Пермского и Соликамского Павла (Голышева) 1957–1960 годы//ЖМП. М., 2006. № 2. С. 54–67.

стало на некоторое время серьезным тормозом в наращивании антирелигиозной работы в области.

Еще в 1948 году, написав в ЖМП восторженную статью о своем пребывании в СССР, тогда еще игумен Павел заключил ее следующим обращением к своей бывшей заграничной пастве:

«Вы меня хорошо знаете. Знаете, что я не люблю кривить душой. Некоторые из вас сами некогда меня предупреждали, чтобы я был поосторожнее в тяжелые дни немецкой оккупации. Вспомните мои с вами разговоры. Я никогда не боялся высказывать то, что я думаю. За это, вы сами знаете, я в свое время и поплатился, когда немцы меня выслали после допроса в «гестапо» во Францию. Поверьте, что если бы хоть немного что-либо мне не нравилось бы у нас, на моей общей с вами Родине, то вы не читали бы в настоящее время этих моих строк, я их не написал бы»[1].

Конечно, властям не хотелось, чтобы владыка Павел резко поменял мнение об СССР и взял свои слова обратно.

Епископ Павел умело воспользовался сложившейся ситуацией. С первых дней пребывания на кафедре ему удалось развернуть активную деятельность по укреплению церковной жизни епархии, о чем свидетельствуют документы уполномоченного за 1958–1959 годы.

Одним из приоритетов работы епископа стала забота о благолепии храмов, благоустройстве церковных зданий. В одном из отчетов в Совет по делам Русской Православной Церкви уполномоченный писал: «Епископ требует ремонта церквей, реставрации живописи, создания в них пышности... При его давлении почти все церкви отремонтированы

[1] *Игумен Павел (Голышев).* За границей и на Родине//ЖМП, 1948. № 11. С. 33.

и ежегодно на них тратятся большие суммы... В соборе и кладбищенской церкви печное отопление заменено паровым. В собор, архиерейский дом и дом секретаря проведены канализация и водопровод».

В том же году в кафедральном соборе кресты на куполах и запрестольные иконы были покрыты сусальным золотом. Во Всехсвятском храме в Кунгуре золотом была покрыта голгофа. Для золочения богослужебных предметов церковные советы скупали золото в ювелирных магазинах. Вслед за собором хотели позолотить кресты на Всехсвятской церкви в Перми. Однако уполномоченный категорически отказал в этом, заявив членам приходского совета, что «эти обычные кресты стоят 150 лет и золотить их незачем».

По указанию епископа вместо позолоты один из крестов отникелировали, а в храме золотом покрыли икону. В поселке Кирова Кировского района Перми епископ Павел организовал нелегальную иконописную мастерскую. В ней работали четыре человека, которые писали иконы для церквей епархии. Материалы приобретались через Третьяковскую галерею, а также в других местах. Мастеров епископ привез из Одессы.

В 1958 году по приглашению владыки Павла в Пермь прибыли реставраторы из Третьяковской галереи, чтобы спасти от гибели иконы Иоанно-Богословского храма в городе Чердыни. «Стараниями» уполномоченного и областного управления культуры московские специалисты не были допущены к реставрации.

В 1943 году в епархии была открыта мастерская по производству церковных свечей при Всехсвятской церкви в Перми. В 1958 году епископ Павел поставил перед Московской Патриархией вопрос о реализации свечей в пяти епархиях. Согласие было

получено, однако уполномоченный категорически протестовал и запретил областной пчелоконторе поставлять воск в епархию. Пришлось сырье для изготовления свечей закупать в Москве.

С выходом в октябре 1958 года постановления правительства «О свечном налоге» материально-финансовая база Русской Православной Церкви была существенно подорвана. За свои свечные мастерские Московская Патриархия теперь должна была платить 540 тысяч рублей в день. Налог на свечи возрос более чем в 70 раз. Особенно тяжело эта акция безбожной власти отразилась на епархиальной и приходской жизни. По свидетельству митрополита Николая (Ярушевича), увеличение налога привело к тому, что епархии и приходы находились в тяжелейшем материальном положении. Некоторые храмы были вынуждены распустить церковные хоры, так как нечем было платить певчим.

Как свидетельствуют документы, 4 ноября 1958 года в Пермском Епархиальном управлении появился начальник городского сектора по налогам и объявил епископу Павлу о доначислении за истекший квартал налога на сумму 409 тысяч рублей. Епископ категорически отказался платить, заявив: «Это незаконно. Где епархии взять такие суммы? Мы будем жаловаться!» Через некоторое время выяснилось, что Святейшему Патриарху Алексию I было категорически отказано в отмене постановления. Налог пришлось заплатить.

Несмотря на все трудности, епископ Павел постоянно требовал от настоятелей пополнения церковной утвари в храмах. Ее запасы создавались в епархии. Из Москвы в Пермь было привезено большое количество икон разных размеров, сосудов, венцов, лампадок. Пермская епархия продолжала

материально поддерживать общецерковные структуры. В 1959 году на содержание Московской Патриархии было перечислено 1 миллион 500 тысяч рублей, на духовные учебные заведения — 365 тысяч рублей, в пенсионный фонд — 25 тысяч рублей. Всего — 1 миллион 890 тысяч рублей.

В Свято-Троицком кафедральном соборе Перми владыка Павел тайно заменил иконостас, вызвав бурю негодования уполномоченного. По этому поводу уполномоченный П. С. Горбунов был вынужден оправдываться перед Советом: «В соборе иконостас был очень приличный, а они с 6 по 12 декабря вместе с настоятелем собора Орестом Бычковским съездили воровским путем от меня в Оренбург и там заказали новый резной и золоченый иконостас».

С назначением епископа Павла в епархии резко улучшилось качество богослужений. Епископ сам за каждым богослужением говорил проповеди и требовал того же от всех священнослужителей. Богослужения в соборе совершались торжественно, с многочисленным клиром. Для обновления облачений в храмах Перми в январе 1958 года на Антиохийском подворье в Москве была закуплена большая партия серебряной и золотой парчи.

Владыка добивался от настоятелей создания при храмах хоровых групп, состоящих из молодежи. Требовал, чтобы пение было стройным и по возможности антифонным. Архипастырь не раз говорил: «Не жалейте денег на певчих. Оплачивайте хорошо, и певчие будут. Не жалуйтесь, что молодых голосов нет, а старые умирают. Если не учить петь молодежь, скоро некому будет петь».

Чтобы укрепить религиозное чувство местных жителей, епископ Павел стремился к возрождению в епархии широкого почитания святителя

Стефана Великопермского, просветителя пермяков. В 1958 году владыка освятил в честь святителя Стефана приставной престол в кафедральном соборе.

В августе того же года в богослужение городских храмов было введено новшество. В соборе по четвергам преосвященный Павел дал указание читать акафист святителю и чудотворцу Николаю, в воскресенье вечером — акафист Божией Матери. Во Всехсвятской кладбищенской церкви было введено чтение в среду акафиста святителю Стефану Великопермскому. Совершение акафиста было организовано следующим образом. В назначенные дни вечером все священнослужители и певчие собирались в храме, выходили на солею. Верующие, которые не знали акафиста, стояли в храме с текстом в руках, который они переписывали друг у друга. Богослужение длилось около часа. Певчие, священники и все молящиеся пели хором. Пение акафистов привлекало народ в храмы, способствовало пробуждению интереса к богослужебному пению. Епископ лично присутствовал на чтении всех акафистов.

Уполномоченный был недоволен этим распоряжением архиерея. С тревогой и раздражением он писал по этому поводу в Совет по делам Русской Православной Церкви, председателю Г. Г. Карпову: «Мне кажется, что пение акафистов не следует практиковать. Оно может принять широкий характер, будет способствовать активизации верующих и разжиганию религиозного фанатизма. Я дважды говорил об этом с Павлом, но он доказывает, что нового в этом ничего нет. В Ленинграде и других епархиях это практикуют давно».

Сложившееся положение требовало от архиерея и духовенства крайнего напряжения сил. Энергичность и жесткость епископа по отношению

к приходскому духовенству, особенно к нерадивым, вызывала неудовольствие среди коренных уральских священников, прослуживших в епархии не один десяток лет. В условиях разворачивающихся гонений на Церковь епископ Павел в своей кадровой политике опирался на молодое поколение священнослужителей. К пожилым и заслуженным предъявлялись те же высокие требования. Теперь все служители, независимо от возраста и стажа службы, должны были ежедневно находиться в храме, прилагать все силы к тому, чтобы ни один верующий не ушел неудовлетворенным. К пастырям и своим духовным чадам епископ постоянно обращался с призывом «идти тернистой дорогой, посещать храм Господень, ревностно относиться к своему служению, невзирая на трудности и болезни. Господь поможет и исцелит от всех недугов». Забота архипастыря проявлялась и в назидании молодых, не имеющих опыта священнослужителей. Не проводя больших собраний, епископ часто вызывал их к себе на индивидуальные беседы.

Анализируя состояние Пермской епархии, уполномоченный невольно отмечал преимущества молодого духовенства: «Молодое духовенство читает церковную литературу, отправляет требы дешевле, а некоторые совсем не берут за обряд, в быту ведут себя скромно, не курят, не пьют, а больше находятся в церкви... Не считаясь с погодными условиями, в дождь и ночью идут исполнять тот или иной обряд на дом к верующим...»

В 1958 году в штате епархии числилось 85 священников и 24 диакона. Молодое духовенство составляло 30 процентов общего состава епархии, в 1959 году — уже 45 процентов. Из них окончили академию 6 человек, семинарию — 17 человек,

учились в 1–3 классе семинарии — 15 человек, заочно обучались в семинариях и академиях — 6 человек.

Епископ Павел постоянно информировал Московскую Патриархию о нехватке священников, малообразованности пермского духовенства. Втайне от уполномоченного преосвященный Павел проводил семинары с малограмотными священнослужителями и кандидатами на посвящение в сан, вызывал их группами по 8–10 человек и устраивал трехдневные занятия по катехизису.

Для подготовки молодежи к поступлению в семинарии епископ Павел приближал к себе молодых людей, определял их на хозяйственные и церковные должности и платил им хорошую зарплату. Когда молодые люди женились и изъявляли желание принять священный сан, владыка жертвовал деньги на свадьбу.

В 1958–1959 годах хиротонии были нередки. За каждого кандидата приходилось биться с уполномоченным, который досадовал: «Павла надо постоянно сдерживать от посвящения молодежи».

В годы управления преосвященного Павла в Пермской епархии стали нормой частые визиты епископа на приходы. П. С. Горбунов с удивлением констатировал: «Павел, несмотря на частые отлучки в Москву, за границу, болезнь, успевает много бывать на приходах, в том числе расположенных в самых дальних районах: Ныробском, Красновишерском, Чердынском и других, где проехать вообще довольно трудно». За два года епископ посетил 29 приходов. Многие из них многократно. В некоторых церквах верующие удивлялись и говорили, что «в их церкви и в старое, дореволюционное время никогда не бывал епископ, а вот сейчас Бог послал святителя».

Местные власти и уполномоченный не стеснялись в средствах, чтобы предотвратить поездки епископа по епархии. Характерный случай приводил сам уполномоченный П. С. Горбунов: «Когда я узнал, что епископ со свитой, на двух машинах хочет ехать в Усть-Гаревую (туда попасть можно только через водохранилище на пароме), я зашел к секретарю райкома КПСС т. Ракланову и рассказал о намерениях Павла. Тот вызвал начальника пристани и сказал ему: "Если к вам обратятся церковники насчет паромной переправы, вы сделайте так, чтоб катер оказался неисправным". А тот отвечает: "У нас паром сегодня не работает. Выходной день. Колхозные машины и то не перевозим". Тов. Ракланов говорит начальнику пристани: "А вы идите и все-таки проверьте". Начальник ушел и через некоторое время звонит Ракланову и говорит: "Моих купили. Паром погрузил машины с попами и ушел до места. Там подождал и обратно привез"».

Во время посещения епископом храмов епархии местные власти следили за ним, ища повод для его дискредитации. После поездки епископа в Кизел секретарь местного горсовета докладывала уполномоченному: «Установлено, что на прием епископа Павла со свитой кизеловской церковью израсходовано около 10 тысяч рублей. На приеме было около 25 человек, прислуживали 5–6 послушников из молодежи. Сам епископ Павел не пьет, поэтому и другие воздерживались».

Немногочисленность доверенных лиц архиерея, довольно замкнутый образ жизни затрудняли наблюдение за его деятельностью и жизнью епархии. Власти испытывали информационный голод. П. С. Горбунов признавался: «В настоящее время узнать, чем занимается епископ, мне и другим

довольно трудно. Он в руководство подобрал всех своих ставленников, привезенных им. Секретарем — его духовный сын Дашевский, помощник секретаря — иеромонах Абрамов, келейником — Иван Скорняков. Собралась такая братия, ничего не узнаешь...».

В течение 1958–1959 годов на приеме у уполномоченного епископ побывал двадцать раз, однако их отношения явно не складывались. Самостоятельность и стремление епископа к единовластию в церковных делах не давали уполномоченному покоя: «Павел совершенно нетерпим... Ни с законодательством, ни с разъяснениями ему — ни с чем не хочет считаться, делает все по-своему... На него много пишут жалоб, обращаются и в Совет, но Патриарх его защищает... На личном приеме у председателя Совета Г. Г. Карпова ему было запрещено на соборе золотить кресты, однако он заставил, и кресты и луковицы позолотили... Этот самодур Павел в соборе правит сам со своим секретарем... Постоянно вбивает служителям, что в храме хозяин во всем настоятель, а исполнительные органы — это исполнители воли настоятеля...»

Несмотря на жалобы П. С. Горбунова, в Совете по делам Русской Православной Церкви не спешили предъявлять ультиматум епископу и сдерживали ретивого уполномоченного. Такая политика Совета была обусловлена частыми поездками епископа Павла за рубеж в составе церковных делегаций. Вместе со Святейшим Патриархом Алексием I в 1957 году епископ Павел ездил в Югославию, где Иосиф Броз Тито лично подарил ему портфель.

Осенью 1959 года здоровье владыки Павла ухудшилось. Уральский климат вызвал обострение туберкулеза. Даже это обстоятельство епископ

использовал в церковных интересах и, требуя от уполномоченного зарегистрировать покупку епархией нового архиерейского дома, объяснял: «У меня две небольшие комнаты. Я задыхаюсь и без этого болею. Мне врачи говорят, что нужно больше находиться на воздухе... Вы знаете и видели, что епархиальное управление стеснено и негде принять посетителей».

Отказ уполномоченного на эту просьбу привел к неожиданным последствиям. В своем письме к Г. Г. Карпову П. С. Горбунов докладывал: «Павел особенно начал настаивать на купле дома после того, как узнал, что поедет в Бельгию... Уехав от меня, он сразу же связался с Патриархией, с кем, я не знаю. Меня по телефону вызвал член Совета В. И. Васильев и говорит: "Что ты там с епископом не ладишь, не разрешаешь купить дом... Пусть покупает. Как хочешь, наладь с ним взаимоотношения... Он нам нужен для более важных дел. Состоялось решение в верхах, в ноябре Павел поедет за границу, в страну, где много нашего советского имущества, и чтоб он там о нас не наболтал, что ты не понимаешь нашей политики". Раз дело приняло такой оборот, я выдал епископу разрешение на куплю дома для его квартиры».

В ноябре 1959 года власти готовились снять с регистрации церковь в селе Лекмортово, поэтому уполномоченный отказал епископу в просьбе направить в этот приход священников на церковные праздники Рождества и Крещения. Епископ ответил жалобой в Совет. Телефонный звонок из Москвы вновь вынудил П. С. Горбунова отменить свое решение и уступить епископу. Благодаря мудрым и решительным действиям владыки в период с 1957 по 1959 год властям не удалось снять с регистрации ни одного храма. По данным на 1 января 1960 года, в Пермской

епархии по-прежнему числилось 63 действующие церкви: в 14 из них богослужение совершалось ежедневно, в 9 церквах — 2–3 раза в неделю, в 36 — по воскресным и праздничным дням.

В 1959 году вышло новое постановление ЦК КПСС, в очередной раз унижавшее верующих и ущемлявшее их свободу совести: «О ликвидации так называемых разных святых источников». В ходе его исполнения власти закрыли на территории Пермской епархии 11 посещаемых верующими святых мест.

До 1959 года единственным уцелевшим местом массового паломничества верующих в Пермской епархии оставался источник в селе Кольцове, посвященный святителю и чудотворцу Николаю. Ежегодно 24 июля, в праздник чтимой чудотворной иконы святителя Николая, сюда стекалось свыше трех тысяч верующих. В документах уполномоченного П. С. Горбунова борьба с кольцовским приходом и его настоятелем протоиереем Григорием Ахидовым занимает особое место. Сведения о церковной жизни села Кольцова собирались уполномоченным двенадцать лет.

В 1958 году уполномоченный отчитывался о своей деятельности: «Зная о празднестве заранее, я 27 июля пригласил к себе бывшего секретаря епископа Бориса Попова и предупредил его, чтоб в Кольцово из духовенства никто не ездил. Однако Попов не только не предупредил, но и сам туда выехал. Я от него потребовал объяснений. Он сказал: "Владыка Павел мне поручил съездить". Я вызвал настоятеля церкви села Кольцово Ахидова и строго предупредил его, что, если еще в последующем будет приглашено такое количество священнослужителей, он немедленно будет снят с регистрации и вновь никогда зарегистрирован не будет. Ахидов о моем внушении передал епископу. Тот

на очередном приеме с гонором говорит: "Вы стращаете иереев, обещаете снять со службы. Они там служили с моего благословения!" Я ему ответил, что у него есть распоряжение, где сказано, что все разъезды преосвященных с большой свитой, а равно и духовенства в сельскую местность во время летне-полевых работ не должны иметь места». На этот раз отец Григорий избежал мести уполномоченного заступничеством архипастыря. Но ненадолго.

Через год, 5 августа 1959 года, воспользовавшись отъездом архиерея, уполномоченный П. С. Горбунов снял протоиерея Григория Ахидова с регистрации.

После устранения отца Григория источник был осквернен и зарыт. Однако верующие продолжали посещать его. В 1960 году источник пытались уничтожить бульдозером, вырубили вокруг деревья, выкорчевали пни, на которых отдыхали паломники.

После разорения кольцовского прихода главной целью уполномоченного стало лишение епископа Павла кафедры. Уполномоченный явно стремился к неограниченной власти в епархии и не собирался мириться с противодействием архиерея. В своих докладах в Совет Горбунов настойчиво требовал смещения неудобного архипастыря: «Я работаю уже с пятым епископом. Четверо из них были иного склада. С ними можно было договориться по любому вопросу. Но с этим вообще невозможно договориться. Он в епархии все перевернул и сделал больше в укреплении Церкви, чем его четыре предшественника за пятнадцать лет... Павел обнаглел, и о нем следует Совету решить... Полезно было бы таких управляющих чаще перемещать, не давать им возможности обрастать активом и сколачивать вокруг себя ядро».

В феврале 1960 года ситуацию изменили крупные перемены, произошедшие в руководстве

Совета по делам Русской Православной Церкви. После ухода с должности председателя лояльного к Церкви Г. Г. Карпова его место занял В. А. Куроедов. В апреле на Всесоюзном совещании уполномоченных В. А. Куроедов предложил перейти к плановому сокращению числа церквей, монастырей, духовных учебных заведений и духовенства, епархий и епархиальных центров. Для осуществления намеченного плана было решено подавить сопротивление ряда иерархов, противодействующих новой религиозной политике власти. Теперь у П. С. Горбунова появился шанс свести счеты со строптивым епископом.

Документы епархии и уполномоченного с мая по сентябрь 1960 года рисуют драматическую картину борьбы епископа Павла с властями за сохранение ее приходов и самих канонических основ церковной жизни.

Чтобы удержать позиции Церкви и укрепить приходы, которым грозила опасность закрытия, епископ сосредоточил свое внимание на формировании их исполнительных органов, стремясь пополнить церковные советы и «двадцатки» наиболее энергичными верующими людьми, того же постоянно требовал от благочинных и настоятелей. В ответ там, где это удавалось, уполномоченный умышленно отменял принятые решения, избранные члены исполнительных органов не регистрировались. Только в первой половине 1960 года уполномоченный полностью или частично снял с регистрации исполнительные органы в восьми церквах.

В ответ на новый натиск властей епископ Павел в пасхальную ночь 1960 года организовал праздничное богослужение под открытым небом, которое совершалось игуменом Серафимом (Барановым) параллельно со службой в кафедральном соборе.

На претензии уполномоченного епископ ответил: «Я лично не нахожу ничего противозаконного. Верующие просили, и я заставил служить. Это мое право и долг».

Несмотря на требования уполномоченного, запрещавшего пышные соборные богослужения, 9 мая, день памяти святителя Стефана Великопермского, просветителя пермяков, в 1960 году праздновался особенно торжественно. Богослужение вместе с епископом совершали 24 священника и 6 диаконов.

Не прекращалась благотворительная деятельность епархии. В 1959 году было роздано разным лицам 654 тысячи 417 рублей, в первой половине 1960 года — свыше 400 тысяч рублей. Большая помощь оказывалась учащимся в семинариях. Приезжавших на каникулы студентов владыка определял на практику на приходы и заставлял настоятелей выплачивать им ежемесячно по 1000–1500 рублей. Лично жертвовал учащимся на приобретение одежды и других вещей большие суммы. В 1960 году на обратную дорогу семинаристам было выдано 47 тысяч рублей.

Оборонительная тактика преосвященного Павла оставалась прежней. Как и при Г. Г. Карпове, он продолжал писать жалобы в Совет по делам Русской Православной Церкви. В письме к В. А. Куроедову от 31 мая 1960 года владыка Павел сообщал о грубых и незаконных действиях уполномоченного: «Необходимость заставляет меня еще раз обратиться к вам, Владимир Алексеевич, за разъяснением некоторых вопросов, касающихся церковной жизни и церковного управления. После неправильного указания о способе пополнения церковных двадцаток, уполномоченный П. С. Горбунов запрещает теперь вообще пополнять двадцатки в церквах, где

они неполные. Он также предупредил меня, что собрания церковных двадцаток должны происходить не с разрешения правящего епископа, как это было до последнего времени, а с разрешения горисполкома или сельсовета.

Уполномоченный снял с регистрации многих членов церковных советов и ревизионных комиссий из личной мести — за то, что они обращались непосредственно в Совет в Москву, когда не получали удовлетворительного ответа в Перми. Уполномоченный Горбунов всячески пытается меня дискредитировать в глазах духовенства, а иногда и настроить против меня, критикует перед членами клира мои действия в деле управления епархией. В то же время позволяет себе постоянно кричать на посетителей в священном сане.

Во время моего недавнего посещения Горбунов мне сказал, что восемнадцать церквей Пермской епархии подлежат лишению регистрации, а одному из священников заявил, что надо вообще ликвидировать Пермскую епархию... Горбунов единолично, не советуясь со мной, решает, нужен ли второй или третий священник к той или иной церкви, какую церковь снять с регистрации, дает указания священникам, когда и как служить в церкви...

Прошу упорядочить отношения П. С. Горбунова с правящим епископом в Пермской области, так как уполномоченный совершенно игнорирует меня как управляющего епархией и продолжает вмешиваться во внутренние дела Церкви».

В ответном письме председателю Совета П. С. Горбунов докладывал: «Когда Павел был у меня на приеме, я с ним просматривал все указания патриарха, где сказано, что приходы, которые не могут самостоятельно существовать, нужно объединять с более

сильными, и назвал те общины, которые намерен снять с регистрации. Павел говорит: "Я сообщил патриарху, что в Пермской епархии нет приходов, которые нужно объединять. Слава Богу, все живут самостоятельно, и посмотрим, как вам удастся снять с регистрации общины. Мне известно, что кое-где пытались снять, но заставили восстановить..." Когда я бываю на приходах, Павел по моим следам посылает приверженцев с целью организации ходатайств против снятия с регистрации церквей. Этот факт установлен через работников КГБ... Этот иезуит вместо того, чтобы требовать от духовенства соблюдения законодательства, сам их нарушает... как советские, так и высшей духовной власти. Совет обязан помочь Павла поставить на место или убрать его. Так дальше не может быть терпимо».

В 1960 году по причине частых отъездов в Москву и длительного лечения в Ялте владыка Павел присутствовал в епархии всего два месяца. За это время он успел посетить семь приходов, некоторые из них по два-три раза. В том году 21–22 мая епископу удалось побывать даже в селе Егва Кудымкарского района, куда пришлось добираться спецрейсом на самолете.

В отсутствие владыки Павла пермские пастыри, в особенности молодая плеяда священнослужителей, его духовных чад и ставленников, продолжали неутомимо трудиться на ниве Божией и доставляли немало хлопот уполномоченному, о чем говорят рабочие записи П. С. Горбунова.

«Священник Борис Бартов церкви в Кунгуре, любимец Павла, разъезжал с требами в далекие населенные пункты, постоянно занимался нелегальной подготовкой юношей к семинарии, разрешал заштатным служителям служить в церкви и ходить

с требами по домам. Мной Бартов не раз вызывался и предупреждался, но Павел Бартова защищал».

«Священники Патласов церкви в селе Троица, Оборин в селе Добрянка, Габов в селе Пыскор, Богдан в селе Ильинское с благословения Павла пытались подчинить себе исполнительные органы и неугодных им лиц и некоторых членов двадцатки заменить новыми. Мной они были вызваны и все их действия были отменены».

«Священник Дмитрий Пределин, настоятель церкви в Кунгуре, пользуясь поддержкой Павла, чтобы лучше привлечь верующих, начал вводить монастырское служение в церкви: каждодневное служение всенощных, полунощниц, акафистов... Привлекал к прислуживанию в алтаре детей... Павел таких служителей всегда поддерживал и внушал, что воля настоятеля храма для всех остальных в храме закон»[1].

В Епархиальном управлении у епископа Павла по-прежнему были надежные помощники. Перед отъездом владыки на лечение уполномоченный затребовал данные из годовых отчетов епархии за 1958–1959 годы. Приехав в епархию, епископ сказал бухгалтеру, чтобы с отчетами не спешили, а за 1958 год вообще не составляли никаких отчетов для П. С. Горбунова. Когда уполномоченный спросил исполняющего обязанности секретаря епархии священника Германа Бирилова, почему до сих пор отчеты не предоставлены, тот ответил: «Владыка в Ялте. Без него давать какие-либо сведения запрещено. Вот приедет преосвященный с курорта и объяснится с вами».

[1] *Протоиерей Алексий Марченко.* Пермская епархия в годы хрущевских гонений. С 54–67.

Уполномоченный от подобных действий епископа Павла и сотрудников Епархиального управления приходил в ярость. В письмах в Совет П. С. Горбунов не стеснялся в выражениях в адрес епископа: «Павел во всех вопросах ведет себя неправильно, постоянно лжет, все факты старается извратить. Беспощаден к местному духовенству, под всякими предлогами гонит его, постоянно занимается перемещением, без всякой необходимости... Павел стремится делать все втайне. О своих выездах никогда не сообщает. В начале мая ездил в Москву — мне не сказал. 6 мая с секретарем уехал на курорт, а в соборе говорили, что уехал по приходам епархии. Павел такой же, как Казанский епископ, надо полагать, ни в чем не отстал. Если он такой умник и в Патриархии его ценят, то пусть они заберут его себе... Павлу — не место управляющим епархии. Его место в келье, в монастыре...»

Развязка ожесточенного противоборства епископа Павла с уполномоченным П. С. Горбуновым наступила осенью 1960 года. Под давлением Совета по делам Русской Православной Церкви Священный Синод 15 сентября 1960 года принял решение о переводе епископа Павла (Голышева) в Астрахань и назначил его епископом Астраханским и Енотаевским. Добившись своего, П. С. Горбунов праздновал победу.

Но подлинная духовная победа несомненно была на стороне епископа и его соратников. По данным Совета по делам Русской Православной Церкви, в 1958–1960 годах, вопреки огромной антицерковной работе, проделанной местной властью, количество верующих не уменьшилось. Это говорит о том, что под духовным и административным руководством епископа Павла (Голышева) Пермская

епархия выстояла в трудные годы хрущевских гонений на Церковь, а ее пастыри и прихожане были едины в защите святого Православия на Пермской земле.

Три года пробыл епископ Павел на Пермской кафедре, а 15 сентября 1960 года он был переведен на кафедру Астраханскую и Енотаевскую. Здесь 25 февраля 1964 года владыка Павел был удостоен сана архиепископа.

В Астрахани архиепископ Павел пользовался большим авторитетом. Астраханцы любили его истовые и частые богослужения, во время которых храм всегда был переполнен молящимися. Они любили и его проповеди, которые он говорил за каждой своей службой, в них он неизменно призывал к миру между людьми и любви к ближнему. Астраханцы ценили его святительские качества и монашеские добродетели: его мистический склад души, аскетизм, незлобие. На любовь к нему верующих владыка сам отвечал глубокой любовью и преданностью, той преданностью, что соединяла его со своей паствой воедино, так что явно в этом единении ощущалось биение одной духовной жизни.

Астраханцы до сих пор вспоминают его с любовью. В их глазах остался его милый облик — высокая худощавая фигура, дышащая какой-то неземной легкостью, так что казалось, владыка сейчас взлетит под порывом ветра. Был он всегда бледен, что во многом объяснялось его болезненностью, его постоянно мучили и приводили в бессилие ужасные головные боли. Иной раз к нему по ночам по 2–3 раза вызывали «скорую помощь». Врачи утоляли боль сильно действующими лекарствами и уезжали, чтобы вскоре опять вернуться. Утром

Владыка Павел с паствой

владыка появлялся в храме на службе измученный, но удивительно собранный, будто готовый к бою. По сути своей вся его жизнь превратилась в постоянную духовную брань, и не только внутреннюю, но и внешнюю «с властями и миродержателями века сего». Причина этой брани скрывалась в самой натуре архиепископа Павла — прямой, открытой, преданной Православию, не идущей ни на какие уступки и компромиссы. Такая жизненная позиция в условиях советской действительности, и особенно в период начавшихся «хрущевских гонений» на Церковь, была по сути своей подобна добровольному пути мученичества. Владыка Павел претерпел очень много различных невзгод от местных астраханских властей. Доморощенных богоборцев сильно тревожила проповедь торжествующего Креста, которую нес владыка астраханцам, и не менее сильно их тревожила любовь верующих к своему архипастырю. Чтобы возбудить в среде верующих недоверие к архиепископу

Павлу, а также ослабить его влияние на паству, местные власти прибегали к самым недостойным приемам. Через местную прессу владыку поливали грязью, приписывали ему лицемерие, ханжество и прочие низменные качества, обвиняли его в присвоении церковных денег. Конечно, власти этим ничего не достигли: верующие слишком хорошо разбирались в том, где правда, и еще теснее стремились к владыке. Сам же владыка сильно переживал все эти грязные нападки. Когда в местной газете появилась клеветническая статья, приписывавшая архиепископу Павлу присвоение 10 000 рублей церковных денег, владыка не выдержал и поехал к редактору газеты. Он пытался добиться напечатания в газете опровержения этой клеветы, но безуспешно. Редактор так и не принял владыку — «был занят». На вопрос, когда он сможет принять, секретарь ответила: «Никогда» — и торопливо захлопнула дверь. Архиепископ Павел пытался обращаться за защитой в центральные газеты, в Комитет по делам религий, в Патриархию, но ничего не добился.

Начало 60-х годов XX столетия было отмечено особым натиском на Церковь. Власти запрещали крестные ходы, колокольный звон на праздники. Особенно местные органы раздражал праздник, посвященный священномученику Иосифу, митрополиту Астраханскому, проводившийся в Астрахани торжественно и при большом стечении народа. Власти требовали от владыки Павла запретить проведение этого праздника, но архиерей мужественно защищал память астраханского угодника. Вместе с владыкой стали заставлять и церковный совет Покровского собора отменить торжества. Вызывали к уполномоченному старосту собора Павла

Рябых и требовали от него отменить праздничный колокольный звон. Члена церковного совета Ольгу Михайловну Чекалину заставляли вынести из храма икону священномученика Иосифа, но она твердо отвечала: «Делайте со мной что хотите, а икону я из храма выносить не буду». Так что, несмотря на все усилия властей, праздник состоялся — был и колокольный перезвон, и торжественное архиерейское богослужение, и праздничный крестный ход вокруг Покровского собора. За это церковную двадцатку собора разогнали. На место Павла Рябых поставили старостой совершенно неверующего человека и в двадцатку набрали по большей части подобных ему людей. На самого владыку также завели уголовное дело о даче взятки должностному лицу, воспользовавшись вот каким случаем. После приезда архиепископа Павла в Астрахань вышло постановление, чтобы все кружки для сбора пожертвований в храмах вскрывались особой комиссией, состоящей из представителей церковной двадцатки и одного представителя от райисполкома. С этим человеком у владыки Павла были хорошие отношения — они давно знали друг друга, и архиерей очень его уважал. Однажды, в день рождения этого человека, владыка решил сделать ему подарок. Взял коробку шоколадных конфет и вложил туда 200 рублей не для каких-либо корыстных целей, а чтобы сделать ему приятное. На дне рождения собралось много высокопоставленных людей, и некоторые из них видели, как хозяин открыл подаренные владыкою конфеты и вложенные в них деньги. По этому случаю и завели дело.

На праздник святых апостолов Петра и Павла владыка служил в Петропавловском храме пос. Свободного. В конце службы он вышел на амвон говорить

проповедь. Владыка чувствовал себя плохо, поэтому стоял опершись на аналой, а рядом стояли иподьяконы. Вдруг неожиданно из толпы выскочили несколько человек (видимо, подосланных) и кинулись на архиерея. Они стали кричать на него и с бранью срывать с него облачение. Люди в храме ужаснулись. Вместо того чтобы броситься на помощь владыке, они в панике устремились из храма на улицу. В то же время иподьяконы Георгий и Владислав вместе с протодьяконом Виктором стали стеной вокруг архиерея, которому стало совсем плохо, и он еле стоял на ногах, судорожно цепляясь руками за аналой. Еле-еле отбились от яростных нападок богохульников. Сразу же после службы владыку Павла увезли из храма на «скорой помощи».

Много всяческих невзгод пережил архиепископ Павел и от нового церковного совета Покровского собора, члены которого не столько управляли приходом, сколько дискредитировали приходскую жизнь постоянными ссорами, враждой, драками. Владыка не мог спокойно смотреть на такие бесчинства и пытался принимать меры к усмирению «разбушевавшейся» двадцатки. Но ее члены всякий раз, пользуясь покровительством местных властей, не давали архиерею ничего сделать.

Владыку Павла постоянно окружала молодежь. Ее влекли к архиерею его незабываемые духовные качества, его доброта и простота, искренняя вера и желание помочь ближнему. Сам владыка очень любил молодежь, он организовал при архиерейском доме нечто вроде воскресных чтений и лично занимался с ребятами. По своей доброте владыка Павел всегда помогал неимущим, нищим, обитавшим у церковной ограды. Помогал он всем — независимо от того, действительно ли человек нуждается или

он прикрывается нуждой для обмана. Рассказывали о таком случае. Однажды владыку остановил один такой «нищий», который не просто просил милостыню, а требовал ее с какой-то дерзкой настойчивостью. Владыка, не обращая на это внимания, подал ему, а на вопрос: «Зачем такому подавать?» отвечал с незатейливой простотой: «Раз просит, значит надо подать». Действительно, простота владыки подчас поражала окружавших его людей, как и то, что в жизни он был совершенно непрактичен и наивен, как ребенок. Но вся эта непрактичность и наивность в делах духовных покрывалась пламенной молитвой и удивительным упованием на помощь Божию, отчего все у владыки спорилось и получалось успешно.

23 июня 1964 года архиепископ Павел решением Священного Синода был назначен на Новосибирскую и Барнаульскую кафедру. Это известие опечалило и самого владыку и, конечно, всех верующих астраханцев. Владыка полюбил свою астраханскую паству и не хотел с нею расставаться. Как только было получено это известие, астраханцы начали толпиться у архиерейского дома. В соборе составили петицию на имя Патриарха об отмене указа, и некоторые прихожане вызвались лично поехать в Москву с ходатайством об оставлении владыки в Астрахани. И сам владыка послал об этом прошение Патриарху. Вслед за прошением, архиепископ Павел вылетел на самолете в Москву и там имел аудиенцию у Святейшего Патриарха Алексия I. Но патриарх не отменил своего решения.

3 июля 1964 года архиепископ Павел совершил в Покровском соборе прощальную литургию, по окончании которой со слезами сказал свое прощальное слово. Всеобщий плач и искренние слезы,

трогательные напутствия, пожелания и разнообразные знаки сердечной любви и признательности — всем этим одарили верующие астраханцы своего архипастыря при расставании.

На протяжении почти девяти лет окормлял Новосибирскую епархию архиепископ Павел. Несмотря на то, что всякая серьезная церковная инициатива в те годы считалась идеологической диверсией, он старался улучшить жизнь приходов, добиться разрешения отремонтировать и переустроить храмы. Он стал обращать в священный сан людей с высшим образованием, что очень не одобрялось коммунистическим руководством области. Среди таких молодых людей около владыки Павла в конце 1967 года оказался и Иван Сокур, будущий схиархимандрит Зосима.

В 1970 году умер Святейший Патриарх Алексий. В Москве началась подготовка к Поместному Собору Русской Православной Церкви. Главным делом Собора было избрание нового патриарха. Собор должен был также принять синодальные постановления 1961 года, навязанные коммунистами и очень ущемляющие интересы Церкви. Одним из главных бескомпромиссных противников принятия на Соборе этих постановлений был архиепископ Павел. Очевидно, что власти очень не хотели видеть его на Соборе, так как боялись его резкого выступления и непредсказуемых последствий этого. И им удалось добиться своего: владыка Павел не присутствовал на Соборе.

Вот что вспоминает по этому поводу архиепископ Василий (Кривошеин):

«Мне пришлось тогда же в Москве услышать любопытную версию о причинах отсутствия на Соборе архиепископа Новосибирского Павла.

Как известно, официальная версия, которая мне была преподнесена митрополитом Никодимом, заключалась в том, что владыка Павел будто бы обварился кипятком. То ли сам обварил себе руки или ноги и поэтому не смог приехать на Собор, то ли его обварили. Он прислал письмо, официально оглашенное на Соборе, что голосует за кандидатуру митрополита Пимена. И вот теперь мы сидели на знаменитой "колокольне" у о. Всеволода Шпиллера в Москве, удалившись ото всех, чтобы побеседовать, и вот что он мне сказал: "Все гораздо хуже и серьезнее с владыкой Павлом. Он сам был у меня и рассказал, как было все на самом деле".

Рассказ архиепископа Павла: "Я должен был садиться в этот день на самолет. Все было готово, билет взят, вещи уложены, когда мне позвонил оперуполномоченный и попросил незамедлительно зайти к нему по срочному делу. Я ответил ему, что очень тороплюсь, так как улетаю на Собор и боюсь, как бы мне не опоздать на самолет. Оперуполномоченный продолжал настаивать, что дело очень важное, неотложное и что это касается именно моей поездки на Собор... Пришлось поехать. Ввели меня к нему в кабинет, он сажает меня в кресло, начинает говорить о всяких пустяках и ничего существенного, ничего серьезного. Так проходит полчаса, я удивлен, смущен, ничего не понимаю, потом опер со мной прощается, и я ухожу в полном недоумении.

Только вернулся домой, опять телефонный звонок, и на этот раз из горсовета. Просят приехать незамедлительно. Опять начинаю возражать, говорю, что окончательно опоздаю на самолет. Но вынужден был подчиниться и поехать! Картина повторяется: сажают в кресло, начинают говорить о ерунде,

не относящейся к делу, после получаса опять отпускают... Спрашиваю себя: а зачем два раза вызывали и ничего не сказали?

По возвращении домой, не успел я уехать в аэропорт, у меня начались сильнейшие ожоги и боли в задних частях тела и на спине, как раз там, где я сидел и соприкасался с креслами. Пришлось вызвать врача, он вызвал еще двух других, из лучших медицинских учреждений города. Они констатировали, что у меня сильнейшие ожоги по всему телу, вызванные химическими веществами, употребляемыми во время войны. Это вещество невидимо простому глазу и действует через одежду[1]. Я попросил составить протокол, врачи его составили и подписали. По моей просьбе дали мне официальную копию. Впоследствии, как мне стало известно, главный врач, выдавший мне эту копию, был уволен со службы. Боли у меня были такие сильные, что несколько дней я не мог двигаться. Конечно, о поездке на Собор не могло быть и речи".

Этот рассказ владыки Павла, переданный мне о. Всеволодом Шпиллером, показался мне маловероятным в своих фантастических подробностях и ненужной сложности. Неужто у чекистов не было более простого и менее "пинкертоновского" способа не пустить владыку Павла на Собор? И зачем весь этот шизофренический детектив? Неужто владыка Павел представлял такую опасность для избрания патриарха Пимена?

Обо всем этом я рассказал через несколько дней А. В. Ведерникову, добавив, что я сомневаюсь в достоверности рассказа. На что он мне ответил, что

[1] Таким же образом в СССР была попытка отравить А. И. Солженицына и профессора литературы Жоржа Нива. — *Примеч. архиеп. Василия.*

"вполне вероятно, это правда, и такие случаи у нас могут быть".

Мои попытки встретиться с архиепископом Павлом во время моего пребывания в Москве в июле 1972 года оказались неудачными. Я послал ему заранее письмо, извещая, что буду на праздник преподобного Сергия в лавре. Но он на мое письмо не ответил и на праздник не приехал.

Вскоре я встретился в Ленинграде, в Духовной академии, с архиепископом Антонием Минским и передал ему рассказ о "креслах". Владыка Антоний решительно высказался против вероятности версии об отравлении.

Если бы власти действительно захотели не допустить владыку Павла на Собор, они могли бы сделать это гораздо проще. Например, вызвать его свидетелем по делу его секретаря, который был под следствием по обвинению в хозяйственных злоупотреблениях. Или придумать какой-нибудь другой административный предлог и просто не разрешить ему поехать в Москву. Не было никакой необходимости сажать его в "кресла". Тем более, что им был известен характер владыки Павла, что он не успокоится, будет кричать на весь свет, что его усадили в кресла и обожгли. Произошел бы громадный скандал, а это властям нежелательно.

Да, Вы рассуждаете логично. Именно зная характер владыки Павла, его бесстрашие, со стороны властей не нужно было этого делать, но с другой стороны — их пугало его выступление на Соборе. И потом, ожоги были! Об этом на Соборе официально говорил сам митрополит Никодим, возразил я.

Я думаю, продолжал архиепископ Антоний, что многое объясняется тем, что архиепископ Павел давно страдает тяжелыми головными болями. Для

лечения он пользуется очень сильными лекарствами. От болей это помогает, но он ими злоупотребляет, и это вредно отражается на организме. Вызывает нарывы на теле, подобные ожогам... Вероятно, так было в данном случае.

"Но почему же все произошло именно накануне отъезда на Собор, где его присутствие было для многих нежелательно? — спросил я. — И почему на Соборе говорили об ожогах кипятком?"

Искренне скажу, что вся эта история с "креслами" и ожогами мне казалась долгое время неясной и, скорее, комичной. Более того, даже маловероятной!»[1]

И в Новосибирске в конце концов местные власти решили избавиться от «неудобного» архиепископа. По происками и требованиям уполномоченного по делам религий города Новосибирска 13 января 1972 г. он был перемещен архиепископом Вологодским и Великоустюжским. С этим решением он не согласился и 11 октября 1972 г. был уволен на покой.

Осенью 1975 года, благодаря личному вмешательству президента Франции Ж. Помпиду, владыка Павел получил выездную визу и покинул СССР. Сначала жил во Франции у своего брата Кирилла Павловича Голышева, а затем в Бельгии, где окормлял приходы, находившиеся под омофором Константинопольского Патриархата.

Управлял русскими приходами во Франции, Голландии и Бельгии, читал лекции в ряде университетов. Скончался владыка Павел 21 января 1979 г.

---

[1] *Архиепископ Василий (Кривошеин).* Поместный Собор Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой лавре и избрание Патриарха Пимена. — СПб., Сатисъ, 2004. С. 164–165.

в городе Брюсселе и похоронен на русском кладбище в Париже.

В памяти верующих всех своих епархий архиепископ Павел (Голышев) навсегда остался постником, трезвенником, молитвенником, аскетом, стойким защитником Церкви.

СХИИГУМЕН ВАЛЕНТИН (СЕМИСАЛ)

В миру схиигумена Валентина звали Семисал Василий Касьянович[1].

Родился он 11 ноября 1884 года в деревне Добреньки Полтавской губернии Константиновского уезда (ныне — село Добреневка Красноградского района Харьковской области).

Известно, что у него были три родные сестры.

Образование получил он в церковно-приходской школе.

С 1905 по 1909 год Василий Семисал проходил действительную военную службу на Кавказе.

Когда Василий был в армии, то писал оттуда своим сестрам, чтобы они замуж не спешили выходить, а подождали его возвращения из армии. Сестры его послушали. И когда он вернулся, то все они ушли в разные монастыри города Киева.

В 1909 году, после увольнения с воинской службы, Василий поступил послушником в Киевский Троицкий монастырь, основанный преподобным старцем архимандритом Ионой, который почил в 1902 году.

[1] Государственный Архив Киевской области (ГАКО), ф. Р-4828, оп. 1, ед. хр.1, 2.

Сестры Василия поступили во Флоровский женский монастырь.

В 1919 году, в самый разгар революционных событий, послушник Василий принял постриг в мантию с именем Варлаам. В 1920 году он был рукоположен в иеродиакона, а еще через два года — в иеромонаха. Оба рукоположения были совершены в Михайловском монастыре города Киева.

В те годы в Ионинском монастыре жили несколько известных схимников и духовников, у которых окормлялись как братия обители, так и многие жители Киева. После закрытия в декабре 1924 г. Киево-Печерской лавры и передачи ее обновленцам в Свято-Троицкий монастырь вернулся один из последних келейников преподобного Ионы, который после смерти отца Ионы в 1902 году переехал в лавру и там в 1915 году принял постриг с именем Дидим, а в 1922 году схиму с именем Дамиан. Он и в 1940–1950-х годах был почитаемым лаврским старцем.

Как и все другие монастыри, Ионинский монастырь вынужден был в 1922 году организовать «церковно-религиозную общину». В дальнейшем до своего закрытия монастырь продолжал существовать под видом общины.

Во время особенно активных действий обновленцев и автокефалистов братия монастыря 28 декабря 1922 года приняла твердое решение «совершать богослужения на церковнославянском языке, подчиняться экзарху Украины митрополиту Михаилу (Ермакову)», назначенному на эту должность Святейшим Патриархом Тихоном.

Весной 1927 года, выдержав очередной натиск обновленцев, не допустили им захватить храм.

После национализации монастырских земельных угодий была организована сельскохозяйственная

артель, состоявшая из мирян, а также монахов, которые были записаны в списки рабочими и чернорабочими. Арендовали как свои, так и другие земли. Постепенно хозяйство наладилось и приносило даже неплохой доход, который полностью шел на нужды общины. До революции Ионинский монастырь был единственной общежительной обителью на территории Киева. Все другие монастыри и лавра общежитием не были.

В 1924 году по хозяйству общины советская власть нанесла еще один мощный удар: у монастыря отобрали весь инвентарь, коров и лошадей.

Приспосабливаясь к все более ужесточавшимся условиям, в 1926 году артель была преобразована в садово-огородническое товарищество. Заново покупали скот и инвентарь. В частности, отец Варлаам покупал в Борисполе лошадь. Все имущество записали в собственность послушников и послушниц. В 1927 году после новой перерегистрации вошли в состав «Плодосбыта».

Осенью 1928 года на межрайонной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке Киевская монастырская артель «Хлібороб» получила диплом 1-й степени «за культурне ведення промислового городництва, парникового господарства та техніку переробки городини».

В 1928 году власти требуют закрыть артель. В сентябре 1929 года отбирают из аренды так называемый хутор Васильчикова, но артель на других землях все равно продолжала существовать.

От осведомителей в НКВД поступает информация, что монастырь «вагонами грузит с/х продукцию в Ленинград, Харьков и другие города, продает в Киеве на Бессарабском рынке».

После этого НКВД принимает решение об аресте руководителей артели. Одного из них, иеромонаха Арефу (Синькова) объявили «в розыск... по СССР». Остальных успели арестовать. Из 5 арестованных — 4 монаха и председатель артели Когтев Григорий, 1878 г. р. (гражданское лицо).

Со всех арестованных взяли подписку о невыезде. Затем они содержались в Киевском ДОПРе.

Иеромонах Варлаам (Семисал) был арестован 14 января 1930 г.

В следственном деле указано, что о. Варлаам был членом Духовного Собора монастыря. Арестован за «нарушение правил регулирования торговли и проводил антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрассудков масс».

С этой формулировкой протокол № 209/539 особого совещания при коллегии ГПУ УССР от 6 ноября 1930 года Когтев Г. А. и монахи Евтихий (Оробей), Илия (Терещенко), Даниил (Васянович), Варлаам (Семисал) осуждены по ст. 54–10 и 135 УК УССР на три года концлагерей каждый[1].

Сколько лет провел в лагерях отец Варлаам, нам точно неизвестно. В 1940-е, 1950-е годы не принято было об этом писать в анкетах. Указывали либо так: «занимался сельхозработами на родине», как это записано в одной из анкет отца Варлаама, либо что-нибудь подобное.

С 1941 года отец Варлаам остается на оккупированной немцами Украине и ведет здесь активную церковную жизнь.

В 1942 году он был награжден саном игумена.

[1] Все эти данные взяты из дела ЦГАООУ/Центральный Государственный архив общественных объединений Украины, ф. 263, оп. 1, ед. хр. 9774, куда из СБУ были переданы уголовные дела на монахов и священников.

В 1943 году игумен Варлаам был некоторое время секретарем Управления Донецкой епархии[1].

С 1944 по 1954 годы он служил в сельских храмах Винничины. В приходском служении ему помогали родные сестры — монахини. В это время отец Варлаам уже был почитаемым духовником, за советом и с просьбами о молитве к которому шли многие люди.

С 1944 по 1947 год он был настоятелем церкви в селе Горышковка Томашпольского района Винницкой области.

В 1947–1954 гг. — приходским священником села Шура-Копиевска Тульчинского района Винницкой области.

В 1954 году игумен Варлаам переезжает в Киев и становится насельником Киево-Печерской лавры, где он несет разные послушания: записчика, смотрителя богадельни. Отец Варлаам принимает в эти годы великую схиму с именем Валентин, становится духовником семинарии, неся это послушание вплоть до ее закрытия в 1960 году. Вскоре после этого была закрыта и лавра.

После закрытия лавры на некоторое время отец Валентин уезжает в Почаев, но вскоре опять возвращается в Киев, где поселяется во Флоровском женском монастыре, в котором он проживал до своей праведной кончины.

Преставился схиигумен Валентин 25 марта 1975 года (по ст. ст.), в день Благовещения Пресвятой Богородицы, и похоронен на Зверинецком кладбище города Киева. Рядом с его могилкой находятся

[1] По всей видимости, Автономной Украинской Православной Церкви, возглавлявшейся митрополитом Алексием (Громадским), поскольку в архивном деле упоминается имя Управляющего Киевской епархией епископа Львовского Пантелеимона (Рудых), относившегося тогда к данной юрисдикции/Архив УСБУ в Донецкой области. Д.№ 29283-пф/.

могилки двух его сестер: схимонахини Ксении и схимонахини Афанасии.

***

Вспоминает монахиня Маргарита (Флоровский монастырь, г. Киев):

«... Я пришла с матушками в 1955 году, поставили на просфорню. Их вообще было четверо: три сестрички и он. Когда он был в армии, то написал сестрам: "Сестрички, не выходите замуж, пока я не приеду". Когда приехал, говорит: "Сестрички, я иду в монастырь, и вы пойдемте со мною". И вот на Зверинецком кладбище, там батюшка похоронен, в одной оградке схимонахиня Афанасия и схимонахиня Ксения — родные сестры его. И еще была монахиня Паисия, но я ее никогда не видела, наверное, она раньше умерла.

Так вот в те годы на просфорне мы вместе трудились, а потом переселили батюшку в Почаев. Он там немного пожил. Ему уже было под 80. Ножечки у него были опухшие, в ранах. Матушки его с игуменьей поговорили, и она разрешила его взять в нашу обитель, так чтобы он из келлии не выходил, потому что тогда Советы дышать не давали. За нами, молодыми, следили тоже... Было такое... Когда скажут, что будут ходить, матушка нам говорила: "Вы закрывайтесь и не пускайте". А они ж стучат. Не на кровати лежишь, а фуфайку кинешь на пол, и вот так подкидывает тебя, трусит всю! Нервы не выдерживают. Нам пошили платьица такие вот, длинненькие цветные. Большие розы на них. Чтобы если попадешься в монастыре, то сказать, что приехала откуда-то...

Батюшка много претерпел в жизни своей. В ссылке был. Матушка Иринархия рассказывала, что

Могилки о.Валентина и его сестер на Зверинецком кладбище г.Киева

когда он был на приходе, приходили батюшку искать. А он был в поле и залез под стог сена. Они подошли и штыком или винтовкой давай тыкать. Батюшка читал святителю Николаю "Правило веры". До того страшно, говорил, что ничего не соображал. Весь дрожит. А они штыком покололи в сено и ушли. До самой смерти батюшка читал в благодарность за спасение акафист святителю Николаю.

Перед смертью батюшка всех своих духовных чад старался поисповедовать. И меня грешную. И я батюшечке от всей души, от всего сердца благодарна за его любовь. "Приди, детка, я тебя поисповедаю", — говорил. У кого сейчас так поисповедаешься, как у батюшки?

Матушка Иринархия, она уже была старенькая, уже пятый год, как она преставилась, говорила: "Смотрите, смотрите, вон батюшка мой стоит, отец Валентин". Потом матушки говорят про причастие,

а она: "Так я ж причащалась, вот был батюшка, меня причастил". Великий был старец отец Валентин.

Батюшка перед смертью говорил, чтобы все его духовные чада поисповедались. Была одна женщина, врач. Она пришла, батюшка поисповедовал. Она уже собиралась уходить, а батюшка говорит: "Евдокия, а что это у тебя сзади младенец висит на спине?"

Она:

— Батюшка, я все исповедовала, что у меня было.

А он говорит:

— Ну, ты иди домой и хорошо-хорошо все-все обдумай.

— Да, батюшка, я все рассказала.

Потом пришла домой, молилась, просила: "Господи, Ангеле Хранителю, напомни мне".

И вспомнила. Она была врач на войне. Уже вечером прибегает к ней в кабинет старший лейтенант, весь дрожит: "Евдокия Васильевна, помогите мне, спасите меня от смерти". — "Что такое? В чем дело?" Медсестра в положении. А был приказ, что таким расстрел. А она ей ничего не делала, а совет дала: "Ты то да то сделай..."

Вот такая прозорливость старца была, что он все видел, что у тебя. Как говорится в Писании, что не только делом, а и сказали слово, посоветовали — уже грех. И батюшка видел! Она потом пришла к нему, рассказала обо всем.

— Вот, деточка, теперь у тебя уже нет младенца. Не висит у тебя младенец»...

Вспоминает монахиня Мариам (Флоровский монастырь, г. Киев):

«Когда я пришла в монастырь, матушка игумения поставила меня поваром. А я ж не умела ничего. Говорю: "Матушка, я все буду делать, но поваром я не умею". Я не варила дома. Варила мама, а я ходила

на работу. Была одна раба Божия, она ходила к отцу Валентину в келлию, а я стеснялась ходить — тогда только пришла. Говорю: "Олечка, ты спроси у батюшки, а то меня матушка ставит варить, а я ничего не знаю, ничего не умею". Боялась я туда идти. Она только зашла, через порог переступает, а он говорит: "Будет варить, будет варить. У нее вкус есть..." Вот так его молитвами и научилась, и варила».

Рассказывает архимандрит Поликарп (Киево-Печерская лавра):

«В 1966 году безбожники начали вскрывать склепы в Ионинском монастыре, в Троицком храме, и там кощунствовали над мощами преподобного старца Ионы. Покойный схиархимандрит Иов, тогда архимандрит Игорь, занялся этим делом, попросил у властей разрешение, чтобы перезахоронить останки старца Ионы, и еще был там похоронен в Ионинском монастыре епископ Виталий, бывший Калужский, который в свое время отпевал прп. Амвросия Оптинского. Власти сказали, что могут дать разрешение только ближайшим родственникам. И отец Валентин написал, что он якобы является племянником прп. Ионы. Ему разрешение дали, перезахоронили, и до 1993 года прп. Иона находился на кладбище. После открытия монастыря мощи перенесли обратно в монастырь, а после прославления поставили для открытого поклонения верующих».

СОДЕРЖАНИЕ

I. Жизнеописание схиархимандрита Зосимы

Детство и юность 7

Послушник 29

Встречи
с архиепископом Ермогеном (Голубевым) 34

Учеба и работа ветеринаром 35

Поступление в Духовную семинарию 39

Новосибирск 42

Учеба 45

Свято-Успенский монастырь в Одессе 68

Приходское служение. Александровка 70

Хотящие жить благочестиво гоними будут.
Андреевка за Новоселовкой 91

Андреевка под Торезом 94

Никольское 96

Монастырь 143

Из монастырской летописи 146

II. Пастырские труды схиархимандрита Зосимы

Предисловие 289
Влияние святого праведного Иоанна Кронштадтского 294
Особенности речи проповедей 298
Проблемы нравственности общества 302
Взаимоотношения с ближними 302
Развращенность нравов 306
Гордыня 313
Уныние 316
Алкоголизм 318
Пристрастие к табакокурению 321
Болезни 323
О телевидении 325
ИНН 327
Суеверие 330
Экстрасенсы 332
Расколы и секты 336
Богатство 353
Рок-музыка 356
Семейные вопросы 358
Воспитание детей 367
Аборт 369
Женский день 372
Духовная жизнь 373
Грех, покаяние и всепрощение Божие 375
О молитве в храме 380
Записки и синодики 385
Поведение во время богослужения 388
Воцерковление ближних 391
О любви к врагам 392
Мир душевный и чистота сердечная 394

Вера без дел мертва 397
Милосердие 398
Духовная борьба 401
Различение помыслов 405
Благодарение Бога 406
Смерть 410
Любовь к святыне и святым 412
Иорданская вода 416
Пост 417
Крестная сила 420
Обеты 423
Монашество 424
Общежительный устав 426
О девстве 428
Трудолюбие 430
Призыв Божий 432
Отречение от мира 433
Постриг 437
Искушения 437
Падения 440
Монахи последних времен 441
О единстве Русской Православной Церкви 442
О грядущем 451
Мазепа 455
Сербия и НАТО 456
Место проповеди слова Божия 457
Посещение кладбищ на Пасху 458

III. Воспоминания духовных чад об отце Зосиме

Протоиерей Александр.
Отец мой духовный 461

Александра.
Десять лет с батюшкой Зосимой 515
Анна.
Воспоминания о старце Зосиме 533
Светлана.
Воспоминания о батюшке 538
Инокиня Евсевия.
Воспоминания о батюшке Зосиме 548
О чудесной помощи по молитвам батюшки Зосимы при его жизни и по преставлении 550

IV. Приложение. Духовные наставники схиархимандрита Зосимы

Протоиерей Димитрий Песков 567
Как пытались закрыть Почаевскую лавру (1959–1966)..... 603
Архиепископ Ермоген (Голубев) 610
Архиепископ Павел (Голышев) 625
Схиигумен Валентин (Семисал) 659

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Иеромонах Тихон (Васильев), иеромонах Зосима (Мельник),
схимонахиня Евфросиния (Бондаренко)

О чем душа скорбит

Жизнеописание, пастырские труды, воспоминания духовных чад схиархимандрита Зосимы (Сокура)

2-е издание

Редактор **Мария Жукова**

Художник **иеромонах Матфей (Самохин)**

Верстальщик **Михаил Родионов**

Корректор **Лариса Иконникова**

Технолог **Михаил Мыскин**

Подписано в печать 14.11.2013. Бумага офсетная.
Формат 84×108/32. Объем 21 п.л. Гарнитура Cambria,
Myriad Pro. Печать офсетная. Тираж 5 000 экз.
Зак. № 1207731

Отпечатано с электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Издательство Сретенского монастыря:
107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Интернет-магазин: **www.sretenie.com**
Книжная торговля Сретенского монастыря:
(495) 628-82-10

Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46

Схиархимандрит
Зосима (Сокур)

О чем душа скорбит

Реалии современности ставят перед верующими много вопросов. И Господь воздвигает пастырей, которые, как маяки, указывают правильный путь в духовной жизни. Одним из таких пастырей и явился замечательный человек, уникальное явление в церковной жизни конца XX – начала XXI века — схиархимандрит Зосима (Сокур; 1944–2002). Данный сборник материалов о нем приурочен к десятой годовщине его кончины.